АНАТОЛИЙ МИТЯЕВ

КНИГА БУДУЩИХ АДМИРАЛОВ

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга о военно-морском искусстве, об истории военно-морского флота с древних времен до сегодняшних дней. В книге семь разделов, основной из них посвящен рассказу об участии Советского Военно-Морского Флота в Великой Отечественной войне, подвигу советских моряков. Содержание книги дополняют схемы и красочное оформление.

- АНАТОЛИЙ МИТЯЕВ
  - ○
  - ○ ГЛАВА ПЕРВАЯ
    - ■
    - ■ ОШИБКА АРИСТОТЕЛЯ
    - ■ САЛАМИНСКОЕ СРАЖЕНИЕ
      - ■ ЭГЕЙСКОЕ МОРЕ
      - ■ ДАРДАНЕЛЛЬСКИЙ ПРОЛИВ
      - ■ СИЛЫ ПЕРСОВ
      - ■ ГРЕКИ ГОТОВЯТСЯ К ВОИНЕ
      - ■ ПЕРВЫЕ БОИ НА МОРЕ
      - ■ БИТВА У ФЕРМОПИЛ
      - ■ РЕШАЮЩЕЕ СРАЖЕНИЕ
      - ■ ПОСЛЕ ПОБЕДЫ
    - ■ КОРАБЛИ И ОРУЖИЕ
      - ■ ТРИЕРА
      - ■ ВОРОН
      - ■ МЕТАТЕЛЬНЫЕ МАШИНЫ НА ПАЛУБАХ
      - ■ БАЛЛИСТА
      - ■ КАТАПУЛЬТА
      - ■ ОБ УКРАШЕНИЯХ КОРАБЛЕЙ
    - ■ ВОИНСКИЙ ПОДВИГ АРХИМЕДА
      - ■ СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ
    - ■ О СПРАВЕДЛИВЫХ И НЕСПРАВЕДЛИВЫХ
  - ○ ГЛАВА ВТОРАЯ
    - ■
    - ■ ЛАДЬИ В РУССКОМ МОРЕ
      - ■ ЧЁРНОЕ МОРЕ
      - ■ ПРОЛИВ БОСФОР
      - ■ МОРЕХОДЫ КИЕВСКОЙ РУСИ
      - ■ ДОГОВОР РУСИ И ВИЗАНТИИ
      - ■ ЛАДЬИ ПРОТИВ ТРИЕР
    - ■ КИЕВСКИЕ И НОВГОРОДСКИЕ СУДА
      - ■ МОРСКАЯ ЛАДЬЯ

- ПАЛУБНАЯ ЛАДЬЯ
- УШКУЙ
- КАРБАС
- РАНЬШИНА
- БОЛЬШАЯ ЛАДЬЯ
- ДРАКАРЫ И ШНЕКАРЫ
- УКРАШЕНИЯ КОРАБЛЕЙ

- ЛАДЬИ В СЕВЕРНОМ СЛАВЯНСКОМ МОРЕ
  - БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ
  - ГОСПОДИН ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД
  - СТРАШНАЯ ОПАСНОСТЬ
  - КНЯЗЬ
  - ЛЕДОВОЕ ПОБОИЩЕ

○ ГЛАВА ТРЕТЬЯ

-
- «УТРЕННЯЯ ЗАРЯ
- КОРАБЛИ И ОРУЖИЕ
  - АРТИЛЛЕРИЯ
  - ПАРУСА
  - КОРАБЛИ
  - ТАКТИКА ПАРУСНЫХ КОРАБЛЕЙ В БОЮ
- Четырнадцатое сражение
  - СЕВЕРНОЕ МОРЕ
- ВОЗВРАЩЕНИЕ К БАЛТИЙСКОМУ МОРЮ
- ПОБЕДА У ГАНГУТА
- ВОЗВРАЩЕНИЕ К ЧЁРНОМУ МОРЮ
- СРАЖЕНИЕ У МЫСА КАЛИАКРИЯ
- «ОРЁЛ» САЛЮТУЕТ
- О КРАСОТЕ КОРАБЛЕЙ

○ ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

-
- ПАРОХОД
- НЕОБЪЯВЛЕННЫЕ ВОЙНЫ
  - ВРАГИ-СОЮЗНИКИ
  - НАВАРИНСКОЕ СРАЖЕНИЕ
- АДМИРАЛ ПАВЕЛ СТЕПАНОВИЧ НАХИМОВ
  -
  - СИНОПСКОЕ СРАЖЕНИЕ
  - ПРЕДВИДЕНИЕ АДМИРАЛА
  - ВОЕВАТЬ НЕЧЕМ
  - ПЕРВЫЕ БОИ У СЕВАСТОПОЛЯ
  - РАССКАЗЫВАЮТ ДОКУМЕНТЫ
- О НАЗВАНИЯХ КОРАБЛЕЙ

○ Part name

- ГЛАВА ПЯТАЯ
  - Part name
  - ФЛОТ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА
  - КОРАБЛИ
  - АРТИЛЛЕРИЯ
  - МЕТАЛЛ
  - УПРАВЛЕНИЕ ОГНЁМ
  - МИННОЕ ОРУЖИЕ
  - НЕПОТОПЛЯЕМОСТЬ КОРАБЛЯ
  - ТАКТИКА БРОНЕНОСНОГО ФЛОТА
  - РАДИО
  - ЛЕДОКОЛЫ
- ВОЙНА, УСКОРИВШАЯ РЕВОЛЮЦИЮ
  - ЖЁЛТОЕ МОРЕ
  - ЯПОНСКОЕ МОРЕ
  - ДЕЛА СТАЛИ ПЛОХИ
  - ГИБЕЛЬ БРОНЕНОСЦА И АДМИРАЛА
  - САМОДЕРЖАВНАЯ ВЛАСТЬ
  - ВОЙНА И РЕВОЛЮЦИЯ
  - 140 ТЫСЯЧ ПРОТИВ 40 ТЫСЯЧ
- ВОССТАНИЕ МОРЯКОВ
  - МОРСКИЕ ПРОЛЕТАРИИ
  - ДАВАЙ ПОМЕЧТАЕМ
- ФЛАГМАН НЕСДАВШИХСЯ
- О НАЗВАНИЯХ КОРАБЛЕЙ

○ ГЛАВА ШЕСТАЯ
- Part name
- ФЛОТ ГОТОВИТСЯ
  -
  - ЛИНКОРЫ
  - ПОДВОДНЫЕ ЛОДКИ
  - САМОЛЁТЫ
- ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА
  -
  - КТО И ЧТО ХОТЕЛ ЗАХВАТИТЬ
  - ХОД БОЛЬШОЙ ВОЙНЫ
  - ЮТЛАНДСКОЕ СРАЖЕНИЕ
  - СТРАШНЫЕ ИТОГИ ВОЙНЫ
- БАЛТИЙСКИЕ МОРЯКИ
  -
  - ОБОРОНА
  - РАССУЖДЕНИЯ О ПОБЕДЕ
  - ЦЕНТРОБАЛТ
- ФЛАГИ КОРАБЛЯ

- ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ РЕВОЛЮЦИИ
  -
  - ИСКУССТВО ВООРУЖЁННОГО ВОССТАНИЯ
  - СИЛЫ СТОРОН И НАПРАВЛЕНИЕ ГЛАВНОГО УДАРА
  - ПЛАН-ПРИКАЗ ЛЕНИНА
  - МОМЕНТ ВНЕЗАПНОСТИ УТЕРЯН
  - ВСЁ РЕШАЕТ БЫСТРОТА
  - «УСТАВ» ВЫСЛАН
  - ПЕРВЫЕ УСПЕХИ
  - ГОРОД ОТРЕЗАН
  - ПЕРЕВЕС В СИЛАХ У БОЛЬШЕВИКОВ
  - ПОКА МИНИСТРЫ ЧИТАЮТ УЛЬТИМАТУМ
  - НАЧАЛО ШТУРМА И ПОБЕДА
  - ВОЕННЫЕ ЗАБОТЫ ЛЕНИНА
- БРЕСТСКИЙ МИР И СУДЬБА ФЛОТА
  -
  - ЛЕДОВЫЙ ПОХОД
  - «ПОГИБАЮ, НО НЕ СДАЮСЬ!»
- ПОМНИ ПЕРВЫХ
- О НАЗВАНИЯХ КОРАБЛЕЙ

○ ГЛАВА СЕДЬМАЯ

-
- ОТ «ВАЙСА» ДО «БАРБАРОССЫ»
- КОРАБЛИ, ОРУЖИЕ И СРЕДСТВА ФЛОТА
  - ЛИНКОРЫ
  - КРЕЙСЕРЫ
  - ЭСМИНЦЫ
  - ПОДВОДНЫЕ ЛОДКИ
  - СТОРОЖЕВИКИ И ОХОТНИКИ
  - ТРАЛЬЩИКИ
  - ТОРПЕДНЫЕ КАТЕРА
  - АВИАНОСЦЫ И САМОЛЁТЫ
  - РАДИОЛОКАЦИЯ
- ПРЕЖДЕ СРАЖАЮТСЯ ЗАВОДЫ
- ПЕРВЫЕ ДНИ СОРОК ПЕРВОГО
- ОБОРОНА ЛЕНИНГРАДА
  -
  - НАШ ФЛОТ И ФЛОТ ВРАГА
  - ГЕОГРАФИЯ И ВОЙНА
  - «СУП С КЛЁЦКАМИ»
  - ШЕСТЬ ГЕРОИЧЕСКИХ ДНЕЙ ЛИБАВЫ

- БОМБАРДИРОВКИ БЕРЛИНА
- ИСПЫТАНИЕ ОГНЁМ И ВОДОЙ
- ТРУДНЕЙШИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА
- НЕПРЕДВИДЕННАЯ ЗАДЕРЖКА
- ОСТРОВ СПАСЕНИЯ
- ЛЕДЯНОЙ КОМБАТ
- ОТВЕТ ГЕНЕРАЛ-АДМИРАЛУ
- ТРУДНЫЙ, ОЧЕНЬ ТРУДНЫЙ СЕНТЯБРЬ
- ОГНЕВОЙ ЩИТ ЛЕНИНГРАДА
- САМОЛЁТЫ ПРОТИВ КОРАБЛЕЙ
- «АЙСШТОСС» – «ЛЕДЯНОЙ УДАР»

- КАК ДОБЫВАЮТ КОРАБЛИ
  -
  - ПОД ОБСТРЕЛОМ С БЕРЕГА
  - НА МИННОМ ПОЛЕ
  - АТАКА САМОЛЁТОВ
  - ЕСТЬ ОДИН!
  - ОТ ПРЕСЛЕДОВАТЕЛЕЙ – НА МИНЫ
  - СИГНАЛЬНАЯ СЕТЬ
  - БРОШЕННОЕ СУДНО
  - НЕ УСПЕЛИ
  - НА ГРАНИ НОВОЙ НЕУДАЧИ
  - УДАР О СКАЛУ
  - УХОД В НОВЫЙ РАЙОН
  - СНОВА ЧЕРЕЗ ТРИ ЗАГРАЖДЕНИЯ
  - ТОРЖЕСТВО НА ПИРСЕ
  - СКОРЫЙ РЕМОНТ
  - ОСЕННИЙ ШТОРМ
  - ТРЕТИЙ!
  - ПОДВОДНЫЙ ПРЕСЛЕДОВАТЕЛЬ
  - ОГОРЧЕНИЯ
  - ПОДАРОК ВЕЛИКОМУ ОКТЯБРЮ
  - ПОМОГЛИ
  - ГВАРДЕЙСКИЙ ФЛАГ
  - ПРОЧУВСТВУЙ СЕРДЦЕМ, БУДУЩИЙ АДМИРАЛ!
  - ВРАГ ВЫНУЖДЕН ОБОРОНЯТЬСЯ НА БАЛТИКЕ
  - «ЁРШ» ИДЁТ В РАЗВЕДКУ
  - НА ВОЛОСОК ОТ ГИБЕЛИ
  - В СЕТЯХ
  - ЭЛЕКТРИЧЕСТВО И СВЕЖИЙ ВОЗДУХ
  - ДОМА
- «ДОРОГА ЖИЗНИ»

- НА ЧЕРНОМОРСКИХ БЕРЕГАХ
  -
  - НАШ ФЛОТ И ФЛОТ ВРАГА
  - УДАРЫ ПО НЕФТЕПРОМЫСЛАМ
- НЕПРЕВЗОЙДЁННОЕ ИСКУССТВО ОДЕССЫ
  - ГОРОД ГОТОВИТСЯ К ОСАДЕ
  - МУЖЕСТВО ОДЕССИТОВ
  - ЛЁТЧИКИ– ИСТРЕБИТЕЛИ
  - ФЛОТ НА ЗАЩИТЕ ОДЕССЫ
  - НЕПРЕДВИДЕННОЕ ОСЛОЖНЕНИЕ
  - ПОБЕДА СТРЕЛКОВ И МОРЯКОВ
  - ДОБЛЕСТЬ ЭСМИНЦЕВ
  - ОДЕССУ ПРИКАЗАНО ОСТАВИТЬ
  - РАДИ ПОМОЩИ СЕВАСТОПОЛЮ
  - ТАЙНА И ДЕЗИНФОРМАЦИЯ
  - ОТСТУПЛЕНИЕ НЕПОБЕЖДЁННЫХ
- ДВОЙНАЯ ЗВЕЗДА НАШЕЙ СЛАВЫ
  -
  - ГЕРОИ ПЕРВЫХ ДНЕЙ ОБОРОНЫ
  - ПЕРВЫЙ ШТУРМ СЕВАСТОПОЛЯ
  - ВТОРОЙ ШТУРМ СЕВАСТОПОЛЯ
- РАЗГРОМ
- ОБ ОТКРЫТИИ ВТОРОГО ФРОНТА
- НАИВНОСТЬ ВЕЛИКОГО ФИЗИКА
- ТРЕТИЙ ШТУРМ СЕВАСТОПОЛЯ
  -
  - НА МОРСКОЙ ДОРОГЕ В ГОРОД
  - ПОСЛЕДНИЕ ДНИ
- ВОЙНА НА СЕВЕРЕ
  -
  - БАРЕНЦЕВО МОРЕ
  - ПОДВОДНЫЕ УДАРЫ СЕВЕРОМОРЦЕВ
  - КРУГЛЫЙ СЧЁТ «КРАСНОГВАРДЕЙЦА»
  - АТАКИ В ФИОРДАХ
  - ТОВАРИЩЕСТВО ПОДВОДНИКОВ
  - «СЧИТАЙТЕ КОММУНИСТОМ!»
- КАК ХОДИЛИ КОНВОИ
- МЕСТЬ ЗА ПЁРЛ-ХАРБОР
- ОСВОБОЖДЕНИЕ
- ЖИЗНЬ АДМИРАЛА
- МАЛАЯ ЗЕМЛЯ И НОВОРОССИЙСК
  -
  - ГЕРОИ МАЛЕНЬКИХ КОРАБЛЕЙ
  - ДЕСАНТ В НОВОРОССИЙСК

- ФАШИСТЫ ТОПЯТ СВОИ КОРАБЛИ
  - НАЧАЛО ГОДА
  - БЕГСТВО ОТ ПЕРЕКОПА
  - ЕЩЁ О ДОБЛЕСТИ КАТЕРОВ
  - СНОВА В СЕВАСТОПОЛЕ
  - КОНЕЦ НА ЧЁРНОМ МОРЕ
- «ВОЙНА ЕСТЬ ПРОДОЛЖЕНИЕ ПОЛИТИКИ…»
- БАЛТИЙЦЫ ВЫХОДЯТ В МОРЕ
  -
  - НАЛЁТ НА КОРАБЛИ У ГОГЛАНДА
  - ТОЧНЫЙ УДАР МАЛОГО ОХОТНИКА
  - НА МОРСКОЙ ДОРОГЕ
  - СОВЕТСКИЕ АРМИИ НА ГЕРМАНСКОЙ ГРАНИЦЕ
  - ОСТРОВА СНОВА НАШИ
- МУЖЕСТВО СЕВЕРОМОРЦЕВ
  -
  - ЧУДЕСНОЕ СПАСЕНИЕ ЛЁТЧИКА
  - ОРДЕН КОМАНДИРУ КАТЕРА
  - ВОЗВРАЩЕНИЕ РУССКОЙ ЗЕМЛИ
- КОНЕЦ – ВСЕМУ ДЕЛУ ВЕНЕЦ
  -
  - ПОДВИГ ПОДВОДНОГО МИННОГО ЗАГРАДИТЕЛЯ
  - ДОБЛЕСТЬ МОРСКИХ ЛЁТЧИКОВ
  - ВЗЯТИЕ КЁНИГСБЕРГА
- МОРСКИЕ ТРОФЕИ
- НА ДРУГОМ КРАЮ ЗЕМЛИ
  - ОХОТСКОЕ МОРЕ
- ПАРНИ, КОТОРЫХ НЕ ИСПУГАЕШЬ
- ФЛОТЫ РАКЕТНО-ЯДЕРНОГО ВЕКА
  -
  - ПОДВОДНЫЕ ЛОДКИ
  - МОРСКАЯ РАКЕТОНОСНАЯ АВИАЦИЯ
  - АВИАНОСЦЫ
  - РАКЕТНЫЕ И АРТИЛЛЕРИЙСКИЕ КОРАБЛИ
  - ПРОТИВОЛОДОЧНЫЕ КОРАБЛИ
  - ДЕСАНТНЫЕ КОРАБЛИ
  - КОРАБЛИ ПРОТИВОМИННОЙ ОБОРОНЫ
- ИМЕНА, ЗОВУЩИЕ НА ПОДВИГ

○ ПРИЛОЖЕНИЯ

- ПОГОНЫ, НАРУКАВНЫЕ ЗНАКИ РАЗЛИЧИЯ И ЭМБЛЕМЫ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ВОЕННО-

    - МОРСКОГО ФЛОТА
    - ФЛАГИ ВОЕННО-МОРСКОГО СВОДА СИГНАЛОВ СССР
    -
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6

АНАТОЛИЙ МИТЯЕВ

КНИГА БУДУЩИХ АДМИРАЛОВ

Все приятели
и неприятели
имеют к нам
уважение
и почтение.

Адмирал Ф. Ф. Ушаков

Издательство ЦК ВЛКС М «Молодая гвардия» благодарит Главное политическое управление Советской Армии и Военно-Морского Флота, Военную академию Генерального штаба Вооружённых Гил СССР имени К. Е. Ворошилова, Институт военной истории Министерства обороны СССР за помощь в работе над этой книгой.

Под редакцией
кандидата исторических наук, капитана 1-го ранга А. В. УСИКОВА

Флаг Военно-Морского Флота.

Флаг Главнокомандующего Военно-Морского Флота.

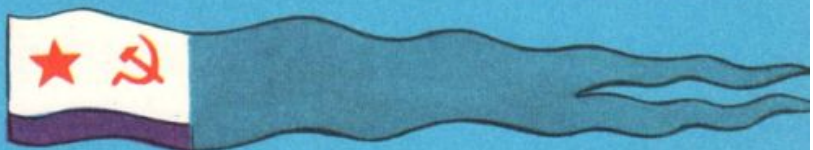
Флаг командующего флотом.

Флаг командующего флотилией, эскадрой.

Флаг командующего соединением.

Гюйс.

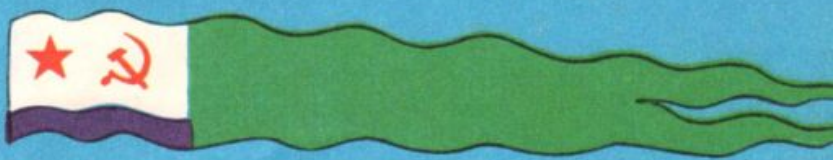
Флаг начальника пограничных войск округа.



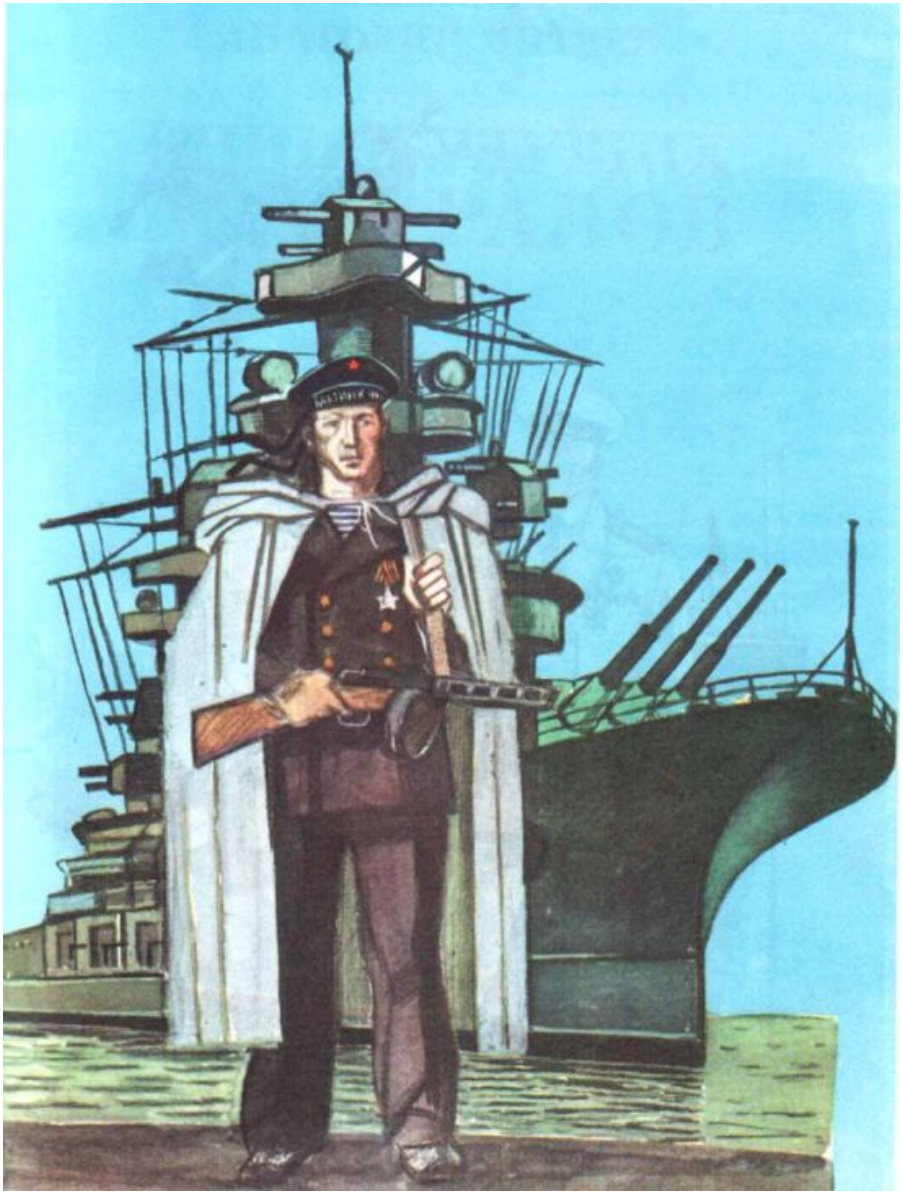
Брейд-вымпел командира дивизиона кораблей.

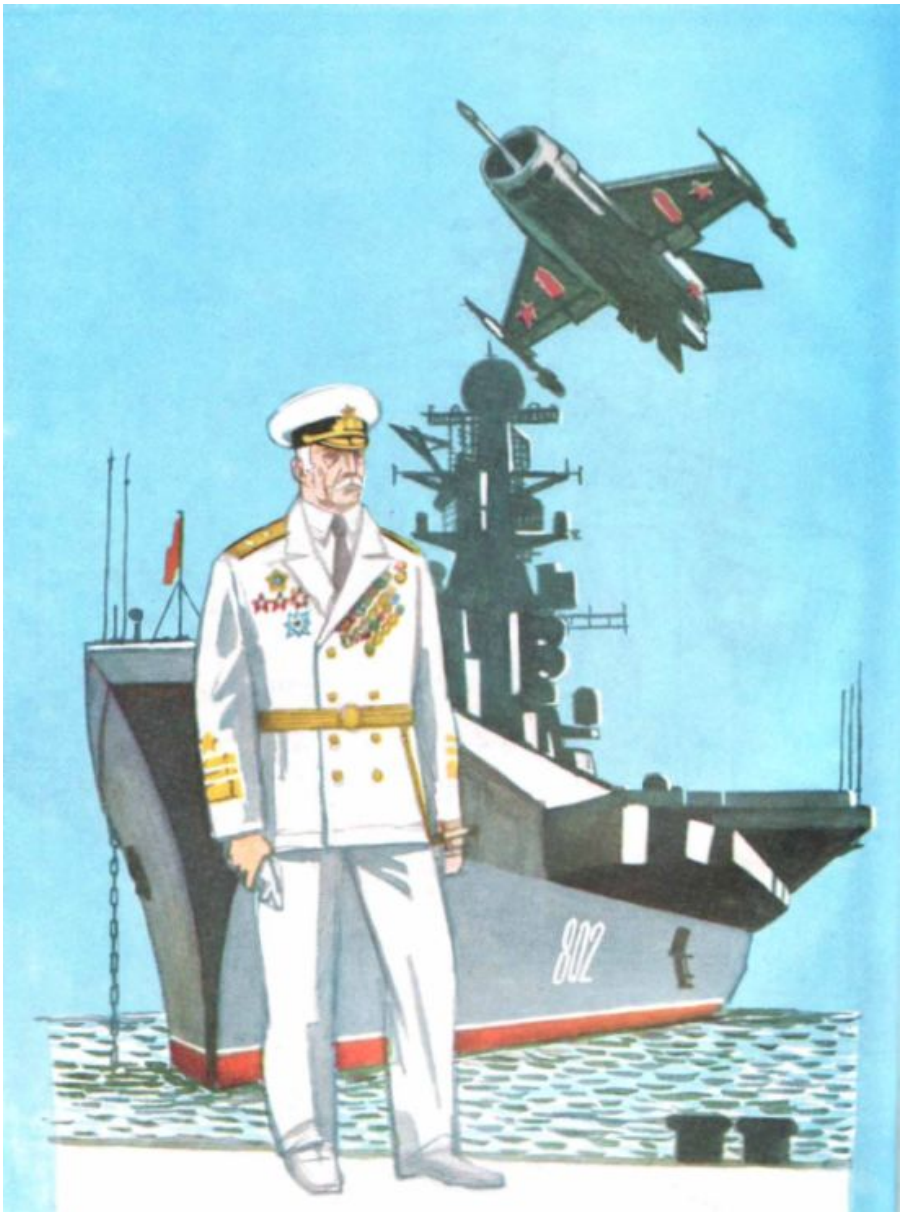
Брейд-вымпел командира соединения кораблей.

Брейд-вымпел старшего на рейде.



Брейд-вымпел командира соединения кораблей пограничных войск.





Всё может родная земля: накормить своим хлебом, напоить из своих родников, удивить своей красотой. Вот только защитить сама себя не может. Поэтому защита родной земли – обязанность тех, кто ест её хлеб, пьёт её воду, любуется её красотой.

Людям даются почётные и уважительные звания. Самое высокое звание из всех – защитник Родины. Память народа веками свято хранит имена отважных воинов – так же, как имена великих учёных, поэтов, мыслителей.

Но правильно ли отделять учёных, поэтов, мыслителей от

воинов? Нет, неправильно. Когда опасность грозит родной земле, люди любой профессии становятся воинами. Воин скрыто живёт в каждом из нас. Но только до грозного часа скрыто.

Когда на Советский Союз напали фашисты, на защиту страны поднялся весь народ. Очереди стояли у военных комиссариатов, подростки прибавляли себе возраст, чтобы стать плечом к плечу со взрослыми защитниками Родины, и каждый хотел одного: чтобы дали ему поскорее винтовку, чтобы поскорее встретиться с врагом. Ты и сам, верно, замечал в себе воина, когда враги начинают грозить Советской стране, разве не хочется тебе дать им отпор?

Фронтовики – кто воевал с фашистами – не сомневаются в тебе, в твоих товарищах. Вы вырастете и будете хорошими воинами. Некоторые из вас станут командирами армии и флота.

Самая тяжёлая беда из всех бед, какие бывают, – война. Мы, ваши отцы и деды, делаем всё, чтобы войны не было. Но, к сожалению, ещё не можем сказать: с войнами покончено. Пока есть империализм, угроза войны будет существовать. И выход для нас один – быть такими сильными, чтобы никто не осмелился напасть на Советский Союз первую страну социализма, чтобы никто не посмел тронуть наших друзей.

Сила Советской Армии и Военно-Морского Флота складывается из множества разных сил. Одна из них – командиры. Ты готовишься стать командиром, и ты должен знать, что тебе мало быть крепким, храбрым. Командиру нужны ещё и другие качества. Какие? О них ты узнаешь из этой книги. А воспитать их и себе тебе помогут суворовские и нахимовские училища, военные училища родов войск, служба в армии и на флоте, военные академии.

Книгу об искусстве войны на море мы с тобой, дорогой читатель, начнём рассказом о подвиге советской подводной лодки С-13. Позже ты встретишься со многими героями разных времён и народов. Заглавные же страницы отдадим нашим морякам-подводникам. И не потому, что они наши, хотя наши, конечно, дороже нам всех иных, а потому, что в истории морских боёв это один из наиболее впечатляющих примеров, когда торпедная атака подводной лодки была столь результативной.

Произошло это в Великую Отечественную войну. В январе 1945 года советские войска подошли к Данцигу – порту гитлеровской Германии на побережье Балтийского моря (теперь польский город Гданьск). На верфях в этом районе было много недостроенных и почти готовых фашистских подводных лодок. Здесь же размещался учебный отряд подводного плавания. Предвидя скорую потерю города, гитлеровцы решили

эвакуировать экипажи и специалистов в Киль, чтобы там пополнить ими флот. 30 января в море вышел «Вильгельм Густлов» – девятипалубный лайнер водоизмещением более 25 тысяч тонн. На нём находилось свыше пяти тысяч гитлеровцев, в том числе около тысячи трёхсот подводников. Они заняли не только каюты, но и залы ресторанов, танцзалы, помещения церкви и зимнего сада, плавательный бассейн, пустой была только личная каюта Гитлера.

Теплоход сопровождали миноносец «Леве» и катер-торпедолов. За пределами бухты лайнер ждали основные корабли охранения. Командир конвоя не сомневался, что его корабли отразят нападение самолётов и подводных лодок, будь они советскими или английскими. Не знал он одного: в бухту уже пробралась наша подводная лодка С-13.

Около 20 часов гидроакустик лодки обнаружил далёкий шум винтов. Пользуясь мглой, стоявшей над бухтой, подлодка всплыла и двинулась на сближение с противником. Командир капитан 3-го ранга Александр Иванович Маринеско с мостика сам вёл наблюдение. Морозный ветер крепчал. Начался шторм. На холоде брызги и потоки воды застывали. Льдом покрылись перископы, ледяным бугром стала рубка. Волны ежеминутно перекатывались через лодку. Лодка шла в позиционном положении. Её палуба всё время находилась под водой. Это было очень опасно. Палуба могла вдруг стать как бы огромным горизонтальным рулём: накренись она вперёд, и лодка на скорости произвольно ушла бы на глубину. Гибель командира и тех, кто стоял с ним на мостике, была бы неизбежна. Чтобы не погибла при этом лодка – вода могла затопить её через рубочный люк, – у люка был дежурный офицер, готовый в любую секунду задраить его.

Вечер сменился ночью. Условия для наблюдения осложнились ещё больше. Но лодка продолжала искать врага. Перед полуночью подводники увидели силуэт огромного судна. Шёл «Вильгельм Густлов».

В 23 часа 8 минут С-13 атаковала противника, произведя четырёхторпедный залп. Одна торпеда не вышла из аппарата, но три попали точно в цель: под фок-мачту, в самую середину морского великана и под грот-мачту. Кренясь, лайнер пошёл ко дну.

К погибающему судну поспешили находившиеся поблизости фашистские корабли: тяжёлый крейсер «Адмирал Хиппер», миноносец «Леве» и миноносец Т-36, тральщик, сторожевой корабль, пароход «Гёттинген», дозорные корабли. Море осветилось прожекторами и ракетами. В воду посыпались глубинные бомбы. Их сбросили около двух с половиной сотен. Но

С-13 целой и невредимой выскользнула из бухты.

Продолжая поиск, С-13 9 февраля с помощью гидроакустических приборов обнаружила шум винтов большого корабля и начала сближение с ним со стороны тёмной части горизонта. В 2 часа 50 минут 10 февраля командир дал двухторпедный залп из кормовых торпедных аппаратов. Обе торпеды попали в цель, и вражеский транспорт «Генерал фон Штойбен», шедший в охранении трёх миноносцев, был отправлен на дно. Ещё три с половиной тысячи отборных фашистов нашли могилу на дне Балтийского моря. Так лодка уничтожила целую дивизию врага! Дивизию по численности, а по боевой ценности сколько? Ведь при торпедировании одного «Вильгельма Густлова» только подводников погибло столько, что ими можно было укомплектовать десятки экипажей подводных лодок, а готовить специалиста подводного плавания дольше и труднее, чем лётчика.

В Германии объявлялся трёхдневный траур после гибели 300-тысячной армии под Сталинградом. Такой же траур объявили и после потопления «Вильгельма Густлова». По приказу Гитлера командир конвоя был расстрелян. Наш Маринеско стал считаться «личным врагом Германии».

Уже после войны, когда прошло достаточно времени, чтобы дать точные оценки событиям, офицер Гейнц Шен, спасшийся с утонувшего лайнера, в книге «Гибель «Вильгельма Густлова» писал: «Это, несомненно, была самая большая катастрофа в истории мореплавания».

Мы тоже до сих пор дивимся воинской удаче экипажа С-13 и её командира. Такую удачу даже вообразить трудно. Говорят, 13 – чёртова дюжина – избранным приносит счастье. Может быть, командир подлодки и есть такой избранный? По-латыни море – марине, и его фамилия Маринеско, значит – Морской…

Просто было бы воевать, если победа зависела бы от цифры, фамилии, дня недели и прочего. А ведь победу даже храбрость не даёт. Победу даёт храбрость, прибавленная к военному искусству… Лодке С-13, когда шла она домой, пришлось вступить в бой с немецкой подводной лодкой. Дело для наших подводников осложнилось тем, что все торпеды были израсходованы. Единственным оружием оставался манёвр. Четыре часа длился неравный поединок. Одну за другой выпускала вражеская лодка торпеды. Александр Иванович Маринеско искусно выводил свой корабль из-под ударов.

Что такое военно-морское искусство? Чтобы получить ответ на этот вопрос, нам с тобой, читатель, нужно совершить морские походы, побывать на флагманских кораблях и с их мостиков

взглянуть на битвы флотов. Нам придётся заглянуть в глубокую древность, побывать в средних веках, разобрать морские сражения второй мировой войны, познакомиться с современным флотом.

Но есть ли нужда забираться в глубокую древность? Тогда и парусов-то толком не знали, а теперь корабли оснащены атомными энергетическими установками, тогда у воинов были лук и копьё, а теперь корабли вооружены ракетами… Не потратим ли мы зря время? Не лучше ли заняться сразу современным флотом? Нет, не лучше. Однажды были сказаны прекрасные слова: «Мы стоим на плечах гигантов». Слова эти надо понимать так, что все наши достижения стали возможны благодаря колоссальной работе, проделанной до нас другими. Наша жизнь – только вершина горы, а вся гора, без которой вершине не на чем было бы держаться, – жизнь прошлая. Мы были бы непростительно высокомерны, мы наделали бы множество ошибок, если бы пренебрегли опытом прежних поколений.

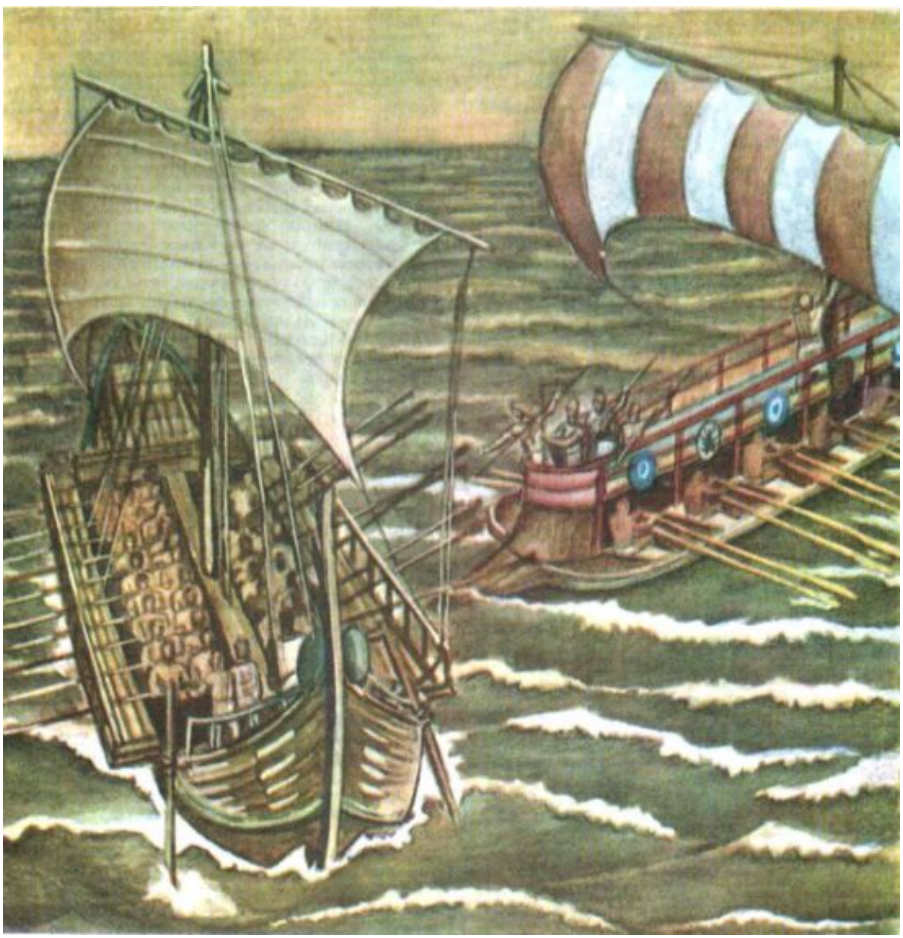
Основатель нашего социалистического государства В. И. Ленин в своих трудах неоднократно подчёркивал, что познание истории позволяет правильно понять настоящее и предвидеть будущее. «…Нельзя научиться решать свои задачи новыми приёмами сегодня, – говорил Ленин, – если нам вчерашний опыт не открыл глаза на неправильность старых приёмов».

…Твоими наставниками, читатель, в знакомстве с морской службой, с военно-морским искусством будут люди, посвятившие себя службе на военном флоте: матросы, старшины, курсанты, мичманы, лейтенанты, капитаны, адмиралы. В знак уважения к ним главы этой книги пусть будут называться так: Матросская, Старшинская, Курсантская, Мичманская, Лейтенантская, Капитанская, Адмиральская.

ГЛАВА ПЕРВАЯ
МАТРОССКАЯ

Нам дороги родители, дороги дети, близкие родственники; но все представления о любви к чему-либо соединены в одном слове – Отчизна. Какой честный человек станет колебаться умереть за неё, если он может принести этим ей пользу?

Цицерон



ОШИБКА АРИСТОТЕЛЯ

Сражение, которое мы разберём первым, произошло две с половиной тысячи лет назад в Эгейском море у острова Саламин. В Саламинском сражении греки разбили огромный флот персов. Но раз уж мы попали в Древнюю Грецию, нельзя не познакомиться с её знаменитым философом Аристотелем. Цель знакомства не праздная. Оно поможет нам понять политическую суть войн. Войны не возникают случайно. И, изучая ход сражений, мы должны также знать, почему, по каким причинам одно государство нападает на другое.

Аристотель не был человеком военным. Ему нравились тихие прогулки по тенистым тропинкам сада, где поют птицы и благоухают цветы… Учёного и звали перипатетиком, в переводе на русский любителем прогулок. Философскую школу, основанную им, тоже до сих пор называют перипатетической. Аристотель не просто прогуливался, в пути он занимался с учениками, размышлял о растениях и животных, планетах и светилах, о воспитании детей и искусствах, о жизни и устройстве человеческого общества. В те времена наука только начинала делиться на отрасли, ещё мало было накоплено знаний, и один человек мог во всех сферах познания быть одинаково авторитетным. «Самая всеобъемлющая голова» – так называл Аристотеля Фридрих Энгельс.

Аристотель первым – а жил он с 384 по 322 год до нашей эры – определил, что Луна и Земля имеют шарообразную форму.

Он решил задачу параллелограмма сил, его сочинение «Метеорология» положило начало науке физической географии.

Точно неизвестно, сколько сочинений написал учёный, считают, что около тысячи. В них он высказал много верных и много неверных мыслей и суждений.

Как уже говорилось, Аристотель не был человеком военным. Однако когда у царя Македонии Филиппа подрос сын, философ был приглашён к нему учителем. Македоняне в то время подчинили себе другие греческие государства, и Филипп думал о новых завоевательных походах, в которых войском будет командовать его Александр.

Уже в те далёкие времена люди знали, что успешно возглавлять вооружённые силы может человек только с выдающимся образованием. Вот Александр и учился у Аристотеля. Будущий полководец постигал грамматику, математику, историю, логику, педагогику, этику, естественные науки, музыку, медицину, литературу. Аристотель учил царского

сына и философии. Эти уроки более всего готовили к завоеваниям стран и народов.

Аристотель.

Была эпоха рабовладельчества. Аристотель своими знаниями служил рабовладельцам, его самого обслуживали рабы. Процветание городов, богатство и благополучие свободных граждан прямо зависели от числа рабов, купленных или захваченных в военном походе. Это казалось таким очевидным, непреложным, что Аристотель учил:

«Охотиться должно как на диких животных, так и на тех людей, которые, будучи от природы предназначены к подчинению, не желают подчиняться. Такого рода война по природе своей справедлива».

Страшные слова, правда? Но ещё страшнее то, что спустя много веков их также пытались утвердить. И было это не в эпоху рабовладения, а в наше время – в 1941 году, во время гитлеровского нашествия. Твои родные, неважно, какой ты национальности, тоже объявлялись людьми, «предназначенными к подчинению». Как «низшая раса» мы должны были отдать свои земли, свои города людям «расы господ» германцам-арийцам, стать их рабами. Но, как ты знаешь, фашисты были разбиты, и этим была опровергнута чудовищная теория фашистов.

Но, может быть, высказывание учёного было справедливо для

своего времени и Александр подтвердил своими делами философские выводы учителя?

За десять лет полководец завоевал огромную территорию – от Дуная на западе до Инда на востоке, от Нила на юге до Амударьи на севере. Однако созданная Александром империя просуществовала совсем недолго. Завоёванные народы, как только нашли в себе силы, сбросили чужеземное иго. Так, ещё в далёкой древности были опровергнуты страшные утверждения Аристотеля.

В высказывании этого философа есть и другие слова, которые мы не имеем права оставить без внимания: «Такого рода **война** по природе своей **справедлива**». Мы к ним ещё вернёмся.

А теперь – в море!

САЛАМИНСКОЕ СРАЖЕНИЕ

ЭГЕЙСКОЕ МОРЕ

Море расположено между Балканским полуостровом, полуостровом Малая Азия и островом Крит. Образовалось после опускания суши Эгеиды. Её остатки – многочисленные гористые острова. На северо-востоке соединяется с Мраморным морем, на юге несколько проливов между островами ведут в Средиземное море. Глубины до 2530 метров (в южной части). У греческого берега течения направлены с севера на юг, у Малой Азии – с юга на север.

На причудливо изрезанных берегах много удобных гаваней, портов: греческие Пирей, Салоники, Волос, турецкий Измир.

Через Эгейское море идут пути из Чёрного моря в Южную Европу, Северную Африку, к странам Ближнего и Среднего Востока, через Суэцкий канал – в Индию и другие страны.

Эгейское море.

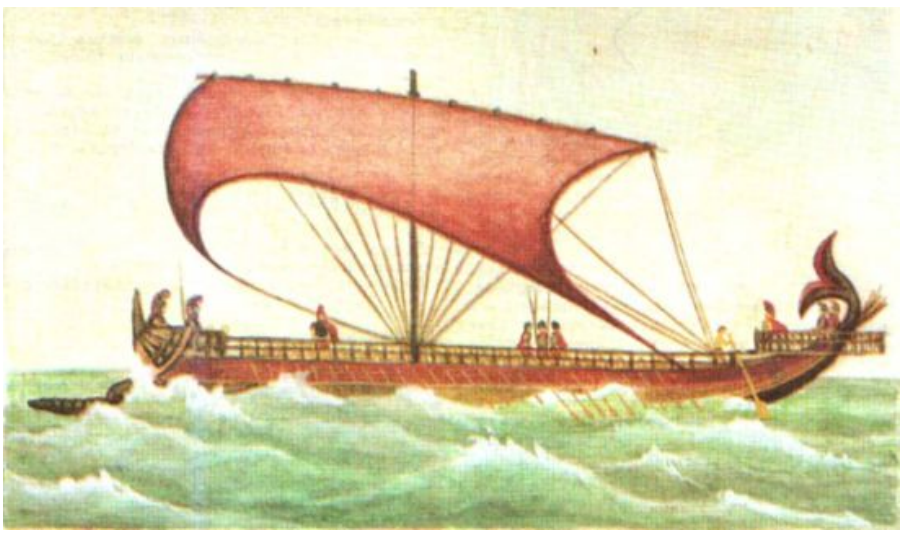
ДАРДАНЕЛЛЬСКИЙ ПРОЛИВ

Пролив между Европой и Малой Азией, соединяющий Мраморное море с Эгейским.

Назван по имени Дардана – мифического родоначальника дарданцев, в далёкой древности обитавших по обе стороны от пролива. Дарданцы были воинственными мореплавателями. Учёные предполагают, что этот народ и есть легендарные троянцы, крепость которых Трою греки смогли взять после десятилетней осады только хитростью: отправили дар городу – деревянного коня, а в нём спрятали своих воинов.

Турки называют пролив Чанаккале-Багазы. Древнегреческое название – Геллеспонт, то есть море Геллы. Дочь фессалийского царя, как рассказывает миф, вместе с братом бежала от злой мачехи в Колхиду. Переправляясь через пролив, Гелла утонула.

Пролив образовался на месте реки и её долины, когда произошло опускание суши. Его длина 120,5 километра, ширина от 1,3 до 18,5 километра, глубина 53-106 метров. В проливе существуют два течения: поверхностное – из Мраморного моря в Эгейское и придонное – из Эгейского в Мраморное.



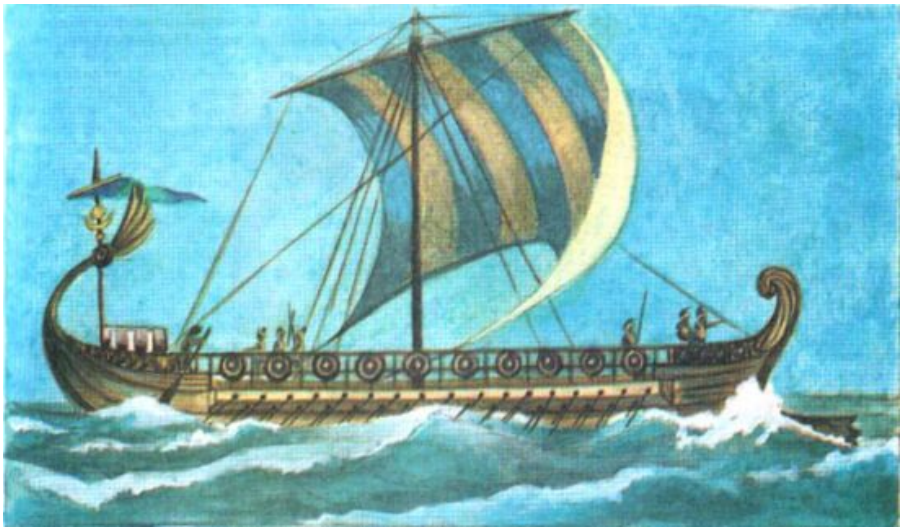
Греческий корабль.

Греческие воины.

СИЛЫ ПЕРСОВ

Саламинское сражение произошло за 150 лет до завоевания Персидского царства Александром Македонским (в 480 году до н. э.). В то время персы были очень сильные. Им подчинялись все государства Малой Азии, Финикия, Палестина, Вавилон, Египет. Но соседние греческие города-государства никак не удавалось завоевать.

В очередной войне с греками персидский царь Ксеркс решил действовать наверняка – напасть одновременно и сухопутными войсками, и флотом. Армию он собрал огромную. Численность её определяли так: отсчитали десять тысяч воинов, приказали прижаться потеснее друг к другу, обвели вокруг чертой и обнесли отмеченный участок стеной; затем в этот загон входили войска, а царские писцы на табличках отмечали очередной десяток тысяч. Древнегреческий историк Геродот пишет, что насчитали 1 миллион 700 тысяч человек. Геролот конечно, преувеличивает, но несколько сот тысяч было наверняка. Войска переправлялись через Геллеспонт по двум мостам, составленным из кораблей, стоявших на якоре, и переправа заняла семь дней и семь ночей. Потом на земле Греции армия, её лошади, верблюды досуха выпивали реки и озёра. Численность флота известна точнее. Геродот пишет, что у персов было 1200 боевых кораблей, современные историки считают, что их была тысяча с небольшим.



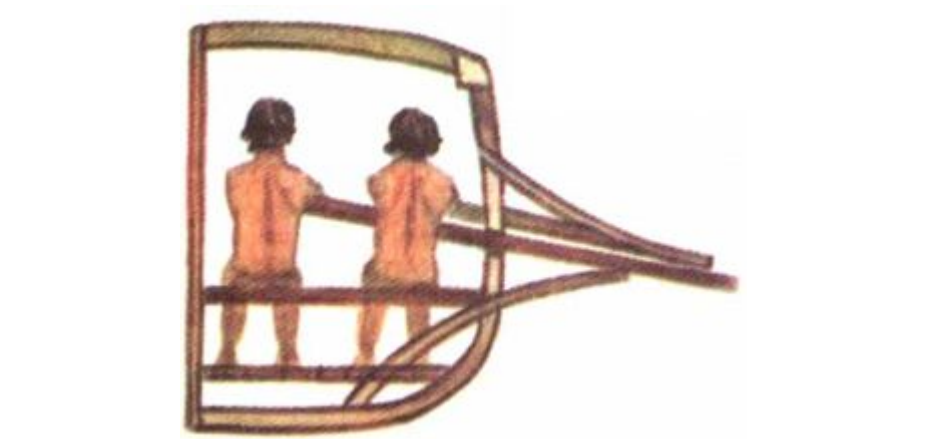
Римский корабль.

Переправа через пролив удалась не сразу. Сильный ветер и волны оборвали канаты, которыми были связаны суда. Мост разрушился. Разгневанный Ксеркс распорядился наказать пролив – дать ему триста ударов бичом и заковать в оковы. Палачи отстегали воду, опустили в неё оковы, а потом отрубили головы начальникам, ведавшим строительством мостов. Со второго раза персы переправились с азиатского берега на европейский. Растекаясь по дорогам, они двинулись с севера на юг, всё опустошая на своём пути.

Вдоль побережья, держа курс на Сарнедонский мыс, шёл флот. Посмотри школьную карту Греции. На северо-востоке страны есть полуостров Акта, его оконечность называется мыс Афон. Однажды у этого мыса в бурю погибло много персидских кораблей. Помня об этом, Ксеркс велел в узкой части полуострова прорыть канал и по нему обойти проклятое место. «Если моё предположение правильно, – пишет Геродот, – то Ксеркс велел копать канал просто из пустого тщеславия. Он желал показать своё могущество и воздвигнуть себе памятник. Хотя корабли легко можно было протащить волоком через перешеек, царь всё же повелел построить канал такой ширины, что по нему одновременно могли плыть две триеры на вёслах».

Персидские воины.

Пройдя канал, корабли направились к острову Эвбея. (Найди его на карте.) У северной оконечности острова, около мыса Артемисий, где был храм богини Артемиды, флот остановился. Эта позиция была очень важная. Совсем недалеко по берегу пролегала единственная дорога, ведущая в глубь страны. У Фермопил дорога сужалась настолько, что по ней могла ехать только одна повозка, там же поперёк дороги была возведена каменная стена. Персы справедливо предполагали, что в этом месте они встретят сопротивление греков. Тогда они со своих кораблей высадили бы в тылу греческих войск десант.



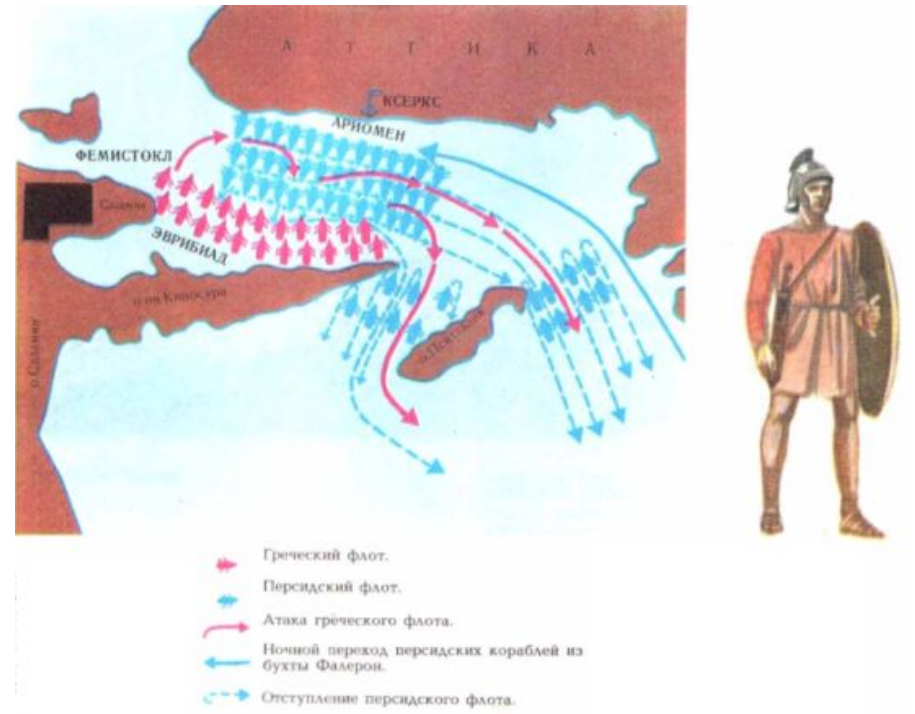
Расположение гребцов на греческой галере.

ГРЕКИ ГОТОВЯТСЯ К ВОИНЕ

Мы всё время говорим о персах. А что делают греки ввиду нависшей опасности?

Греческие города-государства – больше тридцати, – забыв на время внутренние распри, объединились в единый военно-оборонительный союз, во главе которого стали наиболее сильные и влиятельные в Греции города-государства Афины и Спарта. Было два мнения о том, как вести военные действия. Одни считали, что нужно создать сильную сухопутную армию, поскольку у персов она очень большая. Другие, во главе с афинским флотоводцем Фемистоклом, считали, что такую армию греки никогда собрать не смогут. Поэтому они предлагали все средства отдать строительству флота. Если греческий флот разобьёт персов, говорил Фемистокл, сухопутная армия Ксеркса сама уйдёт из Греции, потому что армия, отрезанная от Персии, останется без продовольствия. В трудных спорах победили сторонники Фемистокла.

К началу войны в объединённом флоте греков было 270 кораблей, из них 127 дали Афины.



Саламинское сражение. 480 год до н. э.

270 и свыше тысячи! Какой огромный перевес у персов! Грекам надо поднимать руки и сдаваться… А военное искусство? Оно удесятеряет силы. Ещё прибавляет силу сознание того, что ты защищаешь родную землю.

ПЕРВЫЕ БОИ НА МОРЕ

Как предполагали персы, греки заняли оборону у Фермопил. Возле мыса Артемисий, поблизости от стоянки персидского флота, ещё раньше встали греческие корабли. Персы намеревались высадить десант в тылу защитников Фермопильского прохода, а греки мешали этому. Они так искусно расположили корабли, используя очертания бухты, что закрыли подходы к берегу и лишили персов возможности действовать большим числом судов.

Планы морской войны разработал афинский флотоводец Фемистокл. Но спартанцы потребовали, чтобы наварх-флотоводцем был житель Спарты Эврибиад. Афиняне согласились. Они, по словам Геродота, «знали, что Эллада погибнет, если эллины станут спорить между собой из-за преобладания… Внутренние смуты настолько хуже войны, ведомой единодушно, насколько война хуже мира». Однако Фемистокл не устранился от руководства флотом, всеми правдами и неправдами осуществлял свои замыслы.

Увидев огромный персидский флот, Эврибиад и другие морские начальники решили отходить к Пелопоннесу – южной части Греции. Там была Спарта, там спешно возводились укрепления и стены вокруг городов. В Пелопоннесе сосредоточились и основные сухопутные силы греков. Фемистокл убедил всё же Эврибиада остаться у Артемисия.

Поскольку персы не могли напасть на греков всем флотом, решающего сражения не было. В течение трёх дней произошло несколько боевых столкновений. Группа персидских кораблей напала на три сторожевых корабля греков. Первая триера – трезенская – была в скором времени взята на абордаж и захвачена. Самого красивого греческого воина, имя которого к тому же было Леонт – Лев, персы принесли в жертву своему божеству – убили. Другая триера – эгинская – оказала жестокое сопротивление. Её взяли только тогда, когда все воины на ней были убиты. На этом корабле особенно мужественно сражался один из воинов – Пифей. Из уважения к его храбрости персы решили сохранить ему жизнь, перевязали многочисленные раны и оставили у себя на корабле как почётного пленника.

В других схватках удача была на стороне греков. Им удалось захватить 15 неприятельских кораблей, отставших от основной массы флота.

Тридцать кораблей они захватили у Артемисия в кровопролитном бою, который длился с полудня до ночи. «С наступлением темноты (лето было в разгаре) разразился

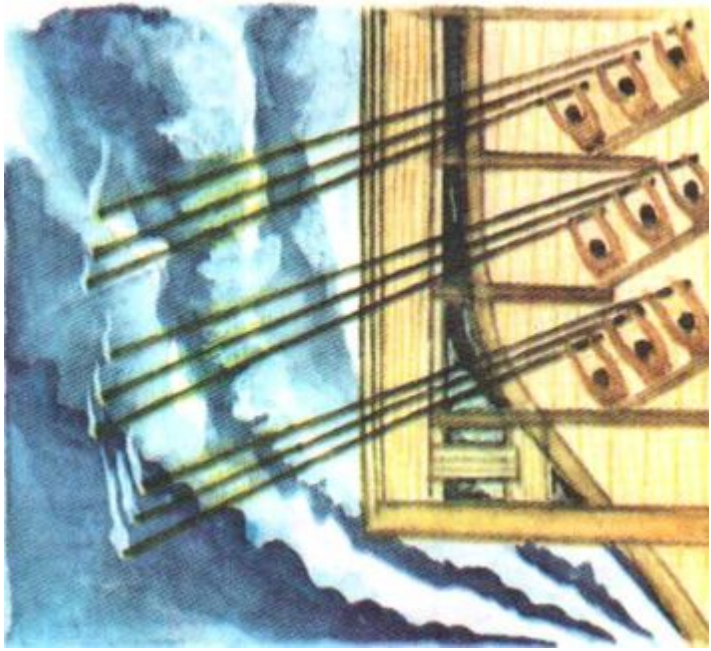
страшный ливень на всю ночь, и с Пелиона гремели сухие раскаты грома. Мёртвые же тела и обломки кораблей [течением] принесло к Афетам и прибило к носам персидских кораблей, и они запутались в лопастях корабельных вёсел».

Первые победы принесли грекам надежду, они убедились, что страшного врага можно бить. В стане же Ксеркса были уныние и досада. Хотя потери по отношению ко всему флоту можно было не принимать в расчёт, персов озадачило такое начало войны.

БИТВА У ФЕРМОПИЛ

Ещё большее впечатление на персов произвела битва в Фермопильском ущелье. Греки на его оборону послали несколько тысяч воинов во главе с царём Спарты Леонидом. Быстроходный корабль поддерживал связь между сухопутным отрядом и флотом, стоявшим у Артемисия.

Сражение у Фермопил проходило в то же время, что и морское. Ксерксу поставили на горе кресло. Сидя в нём, он смотрел, как гибнут его воины, гонимые в атаку бичами, и как доблестно бьются греки. Погиб отряд мидян. За ним погиб отряд киссеев. Утром нового дня Ксеркс бросил против греков «бессмертных» – тех персов, что шли в походе за колесницей царя с поднятыми копьями. Персы сражались храбро, но тоже не избежали гибели. Леонид разделил своё войско на отряды – по вооружению и по народности. Одни отряды сражались, другие в это время отдыхали, а потом сменяли уставших и раненых.



Расположение гребцов на греческой триере.

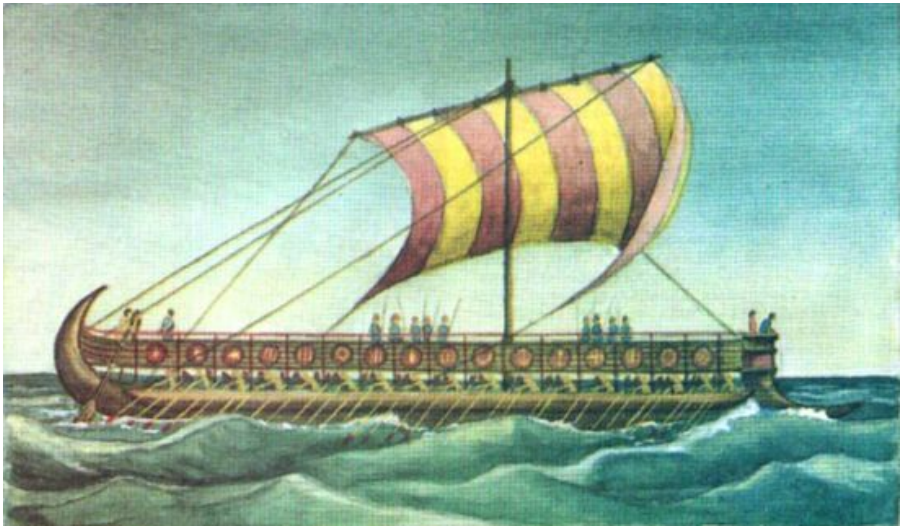
«Во время этих схваток царь, – пишет Геродот, – наблюдал за ходом сражения и в страхе за своё войско трижды вскакивал со своего трона». Может быть, Ксерксу и не было страшно, однако понять его состояние можно: огромное войско остановилось перед горсткой героев.

Нашёлся предатель – из людей, живших в горах и знавших местность. Он провёл персов тропою в тыл грекам. Видя безвыходность положения, Леонид приказал всем уходить в Пелопоннес, а сам с тремя сотнями спартанцев остался прикрыть отход. Персы напали на мужественных бойцов со всех сторон. Спартанцы «защищались мечами, у кого они ещё были, а затем руками и зубами, пока варвары не засыпали их градом стрел…» (Геродот).

Как только известие о гибели защитников Фермопильского прохода получили на флоте, греческие корабли, поскольку их пребывание у Артемисия было теперь бесполезным, отошли к острову Саламин.

Между греческими военачальниками снова начались споры. Большинство предлагало организовать сопротивление персам на узком Коринфском перешейке, которым Пелопоннес соединяется со средней частью страны. Туда же предлагали отвести флот. Фемистокл приходил в отчаяние от мысли, что будет отвергнуто его предложение дать морское сражение у Саламина. Флот персов, гнавшийся за греческим, уже сосредоточивался

поблизости, в Пирее.



Финикийский корабль.

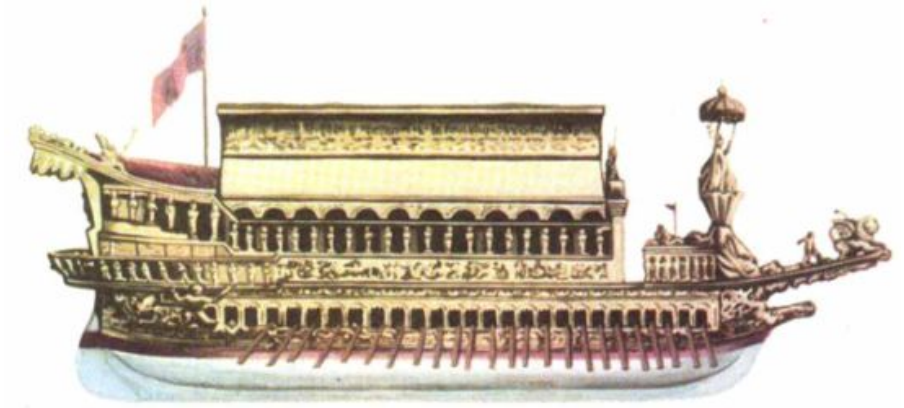
Мудрый флотоводец рассуждал: «В сражениях на суше персов не одолеть, их очень много. Они уже заняли почти всю страну. Афины разрушили и сожгли, сровняли с землёй множество других городов, побили граждан, всё съели, даже озёра выпили. На Коринфском перешейке их не удержать. Ксеркс завалит трупами своих воинов море, и по ним в Пелопоннес войдут живые, Конечно, и флот персов превосходит численность греческих, но это превосходство не такое большое, как в сухопутных силах. Если заставить персов сражаться только частью имеющихся у них кораблей, если повторить Фермопилы на море, то можно вырвать победу. Морскими Фермопилами может стать Саламинский пролив: он узкий, в нём много мелей и подводных камней, персидским кораблям в нём будет тесно, все они одновременно не смогут войти в сражение».

Так думал Фемистокл и страшился, что будет упущен час, который может благополучно решить судьбу Греции. Он, видимо, очень надоел своими советами Эврибиаду. Тот на военном совещании, как наварх, поднял палку, чтобы ударить его. В отчаянии и ярости Фемистокл крикнул Эврибиаду: «Ударь, но выслушай!» И вот бывает так: много раз слышали одно и то же, каждый раз отвергали, и вдруг все поняли, что отвергали напрасно, что лучшего и вернейшего в сложившейся обстановке придумать нельзя. Правда, Фемистокл и припугнул союзников. Женщины, дети, старики из Афин укрылись от врага на Саламине. Фемистокл сказал, что его корабли, если не будет тут

сражения, заберут беженцев и уйдут в Италию. Потерять таким образом половину флота союзники не решились. Было намечено дать сражение в Саламинском проливе, используя его узкости.

Геродот пишет, что и после этого всё ещё шли споры. Фемистокл будто бы послал – под видом перебежчика – преданного слугу в стан Ксеркса сказать, чтобы персы торопились запереть в проливе греческий флот, иначе он уйдёт в Пелопоннес. Так это или не так, но в ночь перед боем персидский флот перешёл из бухты Фалерон в Саламинский пролив и стал занимать позицию у материкового берега – напротив греческого флота.

Приспособление для подъёма парусов.



Византийское судно.

Астролябия.

РЕШАЮЩЕЕ СРАЖЕНИЕ

Посмотрим схему Саламинского сражения. Корабли, стоящие в две линии у Саламина, греческие. Флот греков пополнился новыми судами, и их теперь 380; фланги греческого флота

упираются в прибрежные отмели и прикрыты от ударов. У берега Аттики в три линии стоят корабли персов. Их фланги открыты. Всему персидскому флоту места в проливе не хватило, часть кораблей заняли входы в пролив, чтобы в случае бегства перехватить греческие триеры.

На остров Пситталия персы высадили воинов; они должны убивать греков и спасать своих, которые будут плыть с потопленных кораблей.

Персидским флотом – больше 1000 кораблей командует брат Ксеркса Ариомен. Греческим командует Эврибиад, афинские корабли, стоящие на левом фланге, подчиняются Фемистоклу.

Сентябрьская ночь стоит над Эгейским морем. Роковая ночь для Ксеркса. Выходил ли он тогда на берег? Видел ли, как малы промежутки между его триерами – всего три метра от вёсел одного корабля до вёсел соседнего? Думал ли он о гребцах, силы которых истощаются при ночном перестроении? Ксеркс не понимал, что попал в ловушку. Он и не мог быть осторожным, он привык, что все желания властелина всегда исполняются.

Наступило утро 27 сентября 480 года до н. э. Сражение началось. Ксерксу опять поставили на возвышении кресло: царь всё видит, храбрых он одарит золотом, землями, рабами, высокими и хлебными должностями, а трусов казнит. Не правда ли, странная роль для главнокомандующего? Как легко и приятно было бы занимать важный пост, если бы роль и обязанности руководителя сводились к раздаче наград и взысканий!

Первыми двинулись в атаку афинские корабли. Им противостояли корабли финикийцев. Фемистокл, находившийся на левом фланге своего флота, правильно оценил слабые места боевого построения персов и решительно атаковал. Греческие триеры, развив большую скорость, таранили неприятельские суда, били коваными носами в борт, ломали вёсла. В тесноте финикийские корабли мешали друг другу, скорости у них не было, и тараны не пробивали кораблей Фемистокла.

Следом за левым флангом на персов устремились центр и правый фланг.

Одна из афинских триер протаранила корабль, на котором находился командующий флотом персов Ариомен. Завязался абордажный бой. Персы пытались перейти на палубу греческого корабля. В рукопашной схватке Ариомен был убит.

Правый фланг персов пришёл в расстройство. Многие корабли, спасаясь от таранных ударов, начали пробиваться к выходу из пролива. Видя беду и зная, что Ксеркс следит за ними, начальники второй и третьей линий приказали своим кораблям вступить в бой. Это только увеличило сутолоку и неразбериху в

боевых порядках персов. Греки, ободрённые успехом, действовали хладнокровно, тщательно выбирали цель, точно таранили её, завязывали абордажные схватки.

В разгар сражения отряд греков высадился на Пситталию и перебил там персов.

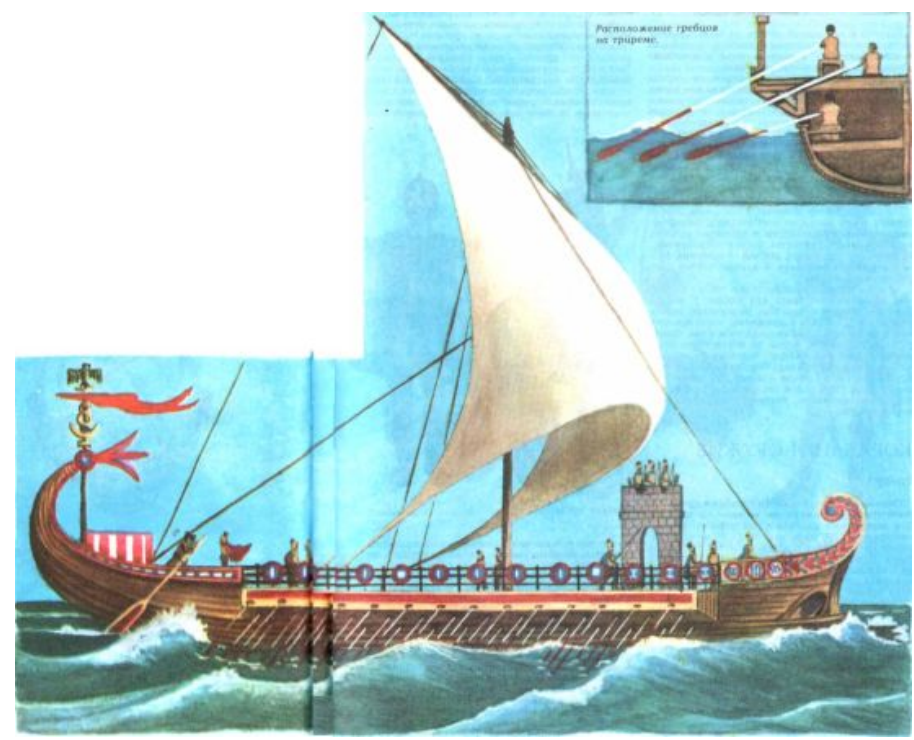
В первой схватке флотов персы захватили эгинский корабль и самому храброму греку Пифею – ты помнишь это! – даровали жизнь. Теперь эта триера была взята в плен, храбрый воин оказался у своих.

Эгиняне сражались не менее отважно, чем афиняне. Когда персидский флот в замешательстве бросился бежать из пролива, эгиняне своими кораблями устроили засаду, и несколько кораблей, убегавших от афинян, попали в руки эгинян.

Двести кораблей потеряли персы у Саламина. Греки только сорок. Так закончилось Саламинское сражение.

Напуганный разгромом флота, Ксеркс решил возвращаться в Персию. Под угрозой оказалось снабжение сухопутной армии. Ободрённые победой греков, начали готовить восстание многие покорённые персами народы.

В азарте греческие флотоводцы намеревались послать свои корабли, чтобы разрушить переправу через Геллеспонт. Но вскоре отказались от своего намерения, рассудив, что по исправным мостам Ксеркс быстрее уберётся из Греции.



Римская трирема.

ПОСЛЕ ПОБЕДЫ

Радости и ликованию греков не было предела. Хотя надо было восстанавливать разрушенные города, приводить в порядок поля и погибших оплакивать, главная беда миновала.

Всевозможные почести получали от народа герои сражений. «…Слава Фемистокла как мужа, безусловно умнейшего из эллинов, прогремела по всей Элладе… Правда, награду за доблесть [венок из оливковых ветвей] они [лакедемоняне-спартанцы] дали Эврибиаду, а самому Фемистоклу – награду за мудрость и проницательность – также оливковый венок. Они подарили ему также колесницу, самую прекрасную в Спарте. Осыпав Фемистокла похвалами, они при отъезде дали ему свиту из 300 отборных спартанцев, называемых «всадниками»…» (Геродот).

Из рассказанного о битве у Саламина можно сделать много выводов: о мужестве и высокомерии, о неосмотрительности и проницательности, о силе военного искусства, о силе патриотизма… И очень важный вывод для нас – значение флота в вооружённых силах. В данном случае флот решил исход войны.

Дошёл до наших дней рассказ о герое сухопутных войск греков. Звали его Софан. У него к панцирю медной цепью был прикреплён железный якорь. Готовясь к сражению наступающего врага, он бросал якорь впереди себя и так приобретал устойчивость, персы не могли сбить его с места копьём. Как видишь, и пехота не обходилась без морских принадлежностей. Правда, есть другой рассказ о Софане – якорь был изображён на его щите. Нас с тобой эта поправка не огорчит, всё равно символом стойкости была избрана морская вещь.

КОРАБЛИ И ОРУЖИЕ

ТРИЕРА

Основным классом боевого корабля в древности была триера. У римлян она называлась трирема. Это деревянный плоскодонный корабль водоизмещением до 250 тонн, длиной до 45 метров, шириной до 6 метров, с осадкой 2,5 метра. На триере было 150 и более вёсел, расположенных в три ряда с каждого борта. Скорость корабля на вёслах доходила до 7-8 узлов[1]. При попутном ветре ставили прямой парус.

Экипаж состоял из 16 матросов, кормчего, 150 гребцов и 50 воинов, вооружённых для абордажного боя луками, копьями, дротиками, мечами и щитами. Командовал кораблём триерарх.

Плавали триеры и сражались у берегов в тихую погоду. Даже при небольшой волне приходилось вёсла нижнего ряда втягивать внутрь корабля, а отверстия – вёсельные порты – закрывать кожаными матами.

Главное оружие триеры – таран завершал форштевень корабля и обычно оковывался медью.

«Нельзя было причинить никакого серьёзного вреда неприятелю на море до тех пор, пока оба сражающихся корабля непосредственно не сходились друг с другом, – писал Фридрих Энгельс. – Таким образом, существовало только два возможных способа морского боя: маневрировать таким образом, чтобы острый, крепкий железный конец носовой части корабля со всей силой нанёс на ходу удар в борт неприятельского корабля и пустил его ко дну; или же сойтись с противником вплотную бортами и взять его таким образом на абордаж».

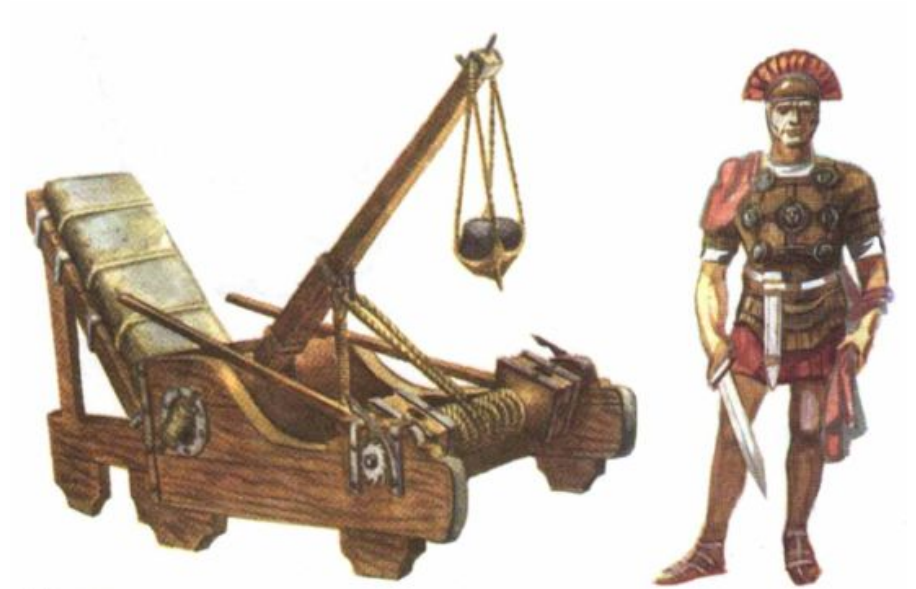
Римские воины.

ВОРОН

Римляне имели очень сильную пехоту. Их воины-легионеры прекрасно владели мечом и копьём. Римские военачальники решили использовать в морских боях преимущества своих воинов в рукопашном бою и стали развивать тактику абордажного боя. Свои корабли, кроме тарана, они оснастили воронами. Клюв ворона – остроконечный тяжёлый слиток металла, туловище – абордажный мостик, причём его длина превосходила длину тарана неприятельского корабля. При сближении с судном противника римляне обрубали верёвку, державшую ворон в поднятом положении, – металлический клюв падал, пробивал палубу корабля противника, застревал в ней, легионеры по мостику бросались на вражеский корабль и решали исход боя рукопашной схваткой.

МЕТАТЕЛЬНЫЕ МАШИНЫ НА ПАЛУБАХ

Римляне первыми догадались ставить на палубах больших кораблей метательные машины – баллисты и катапульты. Морской бой начинался теперь обстрелом неприятеля, потом уже следовали таранный удар и абордаж.



Катапульта.

Удачно применил метательные машины Гай Юлий Цезарь. В 55 году до н. э. он совершил нападение на Британию. Корабли Цезаря вышли из Итиса (теперь Булонь во Франции), пересекли Ла-Манш и намеревались высадить десант. У британцев в те времена флота не было. Их пехота и конница, превосходившие войско Цезаря, двигались по берегу, следя за кораблями. У низкого берега римляне начали высаживаться. Британцы засыпали их стрелами, а затем бросили против десанта конницу и боевые колесницы. Тогда римляне принялись обстреливать неприятеля из катапульт и баллист, установленных на кораблях. Британцы не выдержали обстрела и бежали.

БАЛЛИСТА

Баллиста – это лук очень больших размеров. Выстреливала камни, тяжёлые стрелы, копья, окованные железом брёвна на расстояние до 1000 метров. Машина употреблялась для разрушения укреплений и кораблей. Окованное бревно, выпущенное из баллисты, пробивало четыре ряда частокола по отлогой траектории. Натяжение тетивы баллисты занимало от

пятнадцати минут до часа. Обслуживали машину несколько воинов. Разновидностью баллисты был «скорпион» – машина меньших размеров, видом несколько напоминавшая это насекомое: жёлобообразный ствол орудия – длинное тело скорпиона, лук – его клешни. Тетиву баллист и «скорпионов» делали из конских волос или бычьих кишок, скрученных в толстые жгуты.

КАТАПУЛЬТА

Эта машина бросала камни, горшки и бочки с горючей смесью на расстояние до 400 метров. Несколько воинов с помощью ворота закручивали жгут из бычьих сухожилий, в котором был закреплён рычаг с ложкой на верхнем конце. При выстреле жгут мгновенно раскручивался, с силой поворачивал рычаг, рычаг ударялся о перекладину, и снаряд вылетал из ложки.

Снаряды катапульты летели круто вверх. Эта особенность машин использовалась при защите крепостей от римлян. Римляне ходили на приступ в строю «черепаха» – сомкнутой колонной, прикрываясь, как крышей, плотно сдвинутыми над головами щитами; воины первой шеренги и крайних рядов закрывали колонну щитами спереди и с боков. Для стрел и лёгких копий такой строй был неуязвим. Разрушить его можно было только с помощью катапульт. Камни, падая на «черепаху» сверху, ломали щиты и убивали легионеров. По разрушенной «черепахе» затем стреляли из луков. Сами римляне тоже пользовались катапультами. Они усовершенствовали эту машину, сделали её легче и подвижнее, а называли «онагр», то есть «осёл». Скрип при вращении ворота напоминал крик осла.

ОБ УКРАШЕНИЯХ КОРАБЛЕЙ

Верно, из всех творений рук человеческих самые красивые – это корабли. Их удлинённые благородные формы приятны и для глаз и для сердца. Волны, ветер, течения, то есть среда, в которой живёт корабль, категорически требовали от корабелов изящной работы. Можно сказать, что корабль создан человеком и морем совместно. Плохой корабль море не терпит.

Якоря и носовые украшения кораблей.

Особо тщательно делались боевые корабли. К ним относились как к большим и сильным героям. И не жалели мастерства для украшения кораблей. Головой льва украшали нос корабля древние египтяне. Финикийцы нос корабля делали в виде лошадиной головы, а корму в виде хвоста рыбы. Древние греки на корме боевых судов воздвигали изящный цветок из дерева. У римских трирем над таранами были скульптурные изображения львов, тигров, носорогов.

ВОИНСКИЙ ПОДВИГ АРХИМЕДА

СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ

Средиземное море – море «среди земли», между Европой, Азией и Африкой. Площадь 2,5 миллиона квадратных километров. Глубины достигают более 5000 метров. Большие полуострова и острова разделяют его на несколько морей: Балеарское, Тирренское, Адриатическое, Ионическое, Эгейское и Кипрское. Через Гибралтарский пролив море соединяется с Атлантическим океаном, через Дарданеллы, Мраморное море и Босфор – с Чёрным морем, через Суэцкий канал – с Красным.

Воды Средиземного моря омывают многие страны: Испанию, Францию, Мальту, Италию, Югославию, Албанию, Грецию, Турцию, Кипр, Ливан, Сирию, Израиль, Египет, Ливию, Тунис, Алжир, Марокко.

С древнейших времён и до наших дней Средиземное море является одним из важнейших районов судоходства. Наше знакомство с ним начнём рассказом об обороне морской крепости Сиракузы.

Говоря о минувших войнах – а их за историю человечества было 15 тысяч, – нельзя не сказать ещё об одном древнегреческом учёном-математике и механике, Архимеде. Он, как и Аристотель, превыше всего ценил науку. В ней – в размышлениях, опытах, вычислениях находил истинное счастье. Но математика и механика Архимеда служили и военному делу. Его рычаги, блоки, полиспасты помогали людям поднимать и переносить большие тяжести, а это было важно при строительстве крепостей и защите их с суши и моря. Учёный придумал и построил много военных машин. Было ему семьдесят четыре года, когда он, как военный инженер, возглавил оборону родных Сиракуз.

Шла вторая Пуническая война. Рабовладельцы Рима и рабовладельцы Карфагена оспаривали господство в Средиземном море, на его островах и в прилегающих к нему странах. Жестокие, кровопролитные сражения шли на суше и на море. Сиракузы в то время были независимым городом-государством греков, самым влиятельным на Сицилии. Римляне, благо до острова рукой подать, постоянно вмешивались в дела соседа, навязывали ему свою политику. В 213 году до н. э. Сиракузы восстали против римлян, они стали таким образом как бы союзником Карфагена.

Римские войска под командованием консула Марцеллы

высадились в Сицилии и начали штурм города. Одновременно к городу подошёл неприятельский флот в составе 60 кораблей. Они также приняли участие в штурме. Большие надежды возлагались на осадную башню. Это огромное сооружение с тараном и штурмовыми лестницами стояло на восьми соединённых друг с другом кораблях. Поскольку город был окружён крепкими стенами, уходившими отвесно в море, римляне предполагали подвести таран к стене и разрушить её (По другим сведениям, у римлян были четыре осадные башни, стоявшие на кораблях, соединённых по двое.)

Что было дальше? Послушаем историка Плутарха.

«Итак, римляне напали с двух сторон, и сиракузяне растерялись и притихли от страха, полагая, что им нечем сдержать столь грозную силу. Но тут Архимед пустил в ход свои машины, и в неприятеля, наступающего с суши, понеслись всевозможных размеров стрелы и огромные каменные глыбы, летевшие с невероятным шумом и чудовищной скоростью, – они сокрушали всё и всех на своём пути и приводили в расстройство боевые ряды, – а на вражеские суда вдруг стали опускаться укреплённые на стенах брусья и либо топили их силой толчка, либо, схватив железными руками или клювами вроде журавлиных, вытаскивали носом вверх из воды, а потом кормою вперёд пускали ко дну… Нередко взору открывалось ужасное зрелище: поднятый высоко над морем корабль раскачивался в разные стороны до тех пор, пока все до последнего человека не оказывались сброшенными за борт или разнесёнными в клочья, а опустевшее судно разбивалось о стену или снова падало на воду, когда железные челюсти разжимались.

Машина, которую Марцелл поставил на поплавок из восьми судов, называлась «самбука», потому что очертаниями несколько напоминала этот музыкальный инструмент (типа арфы), не успела она приблизиться к стене, как в неё полетел камень весом в десять талантов (три центнера), затем другой и третий. С огромной силой и оглушительным лязгом они обрушились на машину, разбили её основание, расшатали скрепы и…» Тут текст у Плутарха испорчен, прочитать его не удалось. А следующая сохранившаяся фраза такая: «Марцелл, не видя иного выхода, и сам поспешно отплыл, и сухопутным войскам приказал отступить».

Архимед.

Историки, жившие до Плутарха, писали ещё и о том, что Архимед не только разрушал римские корабли, но и поджигал их невидимым «солнечным огнём». Вероятно, этот-то огонь больше всего испугал Марцелла, заставил «поспешно отплыть».

Не сумев взять Сиракузы штурмом, римляне начали длительную осаду города. После восьмимесячной обороны Сиракузы пали. Марцелл, разъярённый многими потерями и долгими неудачами, отдал богатый, цветущий город на разграбление своим войскам. Начались убийства, насилия, грабежи, повсюду запылали пожары. Архимед уже ничем не мог облегчить участь сограждан. Он знал, что наступили последние часы его жизни. Он не впал в отчаяние, не думал просить у врага пощады. Старик сидел дома на полу, посыпанном песком, и чертил фигуры: на песке их было удобно чертить и стирать. Какая-то новая математическая идея занимала его. Когда в дом ворвался легионер, учёный сказал: «Не трогай моих чертежей!» Это были последние слова Архимеда. Римлянин ударил его мечом и убил. Так погиб великий учёный и патриот.

Легендой считалось упоминание древних историков о том, что часть римских кораблей Архимед сжёг с помощью солнечных лучей. Но вот в 1973 году многие газеты мира поместили сообщение из Афин:

«Согласно преданию Архимед, проделав необходимые расчёты, выстроил воинов греческого войска так искусно, что их

поднятые щиты составили некоторое подобие огромного зеркала, сфокусировавшего солнечные лучи на место скопления кораблей римского флота. Корабли, сделанные из легковоспламеняющегося кедра и просмолённые, запылали, не успев встать на якорь. Многим учёным история Архимеда не давала покоя. И вот недавно один из них, Иоанис Сакас, решил провести эксперимент. В порту Скараманга, недалеко от Афин, по его распоряжению выстроились несколько десятков солдат. Каждый держал лист меди размером 91х50 сантиметров, отполированный до зеркального блеска. На расстоянии около 50 метров от берега поставили трирему, которую сделали специально и пропитали смолой по рецепту древних. По команде Сакаса солдаты несколько раз поднимали щитообразные зеркала – учёный искал нужный угол, чтобы сфокусировать солнечные лучи на корабль. И вдруг корабль задымился, а затем вспыхнул ярким пламенем».

Так спустя 2186 лет был подтверждён факт сожжения кораблей солнечными лучами.

О СПРАВЕДЛИВЫХ И НЕСПРАВЕДЛИВЫХ ВОЙНАХ

Мы условились вернуться к словам Аристотеля о войнах. Напомню, он говорил: «Охотиться должно как на диких животных, так и на тех людей, которые, будучи от природы предназначены к подчинению, не желают подчиняться. Такого рода война по природе своей справедлива».

Мы знаем, мы убеждены, что людей, которые «предназначены к подчинению», нет. Делить людей на прирождённых господ и прирождённых рабов можно только в величайшем заблуждении или, что бывает чаще, по злому умыслу. Буржуазные философы, готовя народ своей страны к захватнической войне, обвиняют другой народ в неполноценности – чтобы, как говорится, было за что бить, чтобы бьющих не мучила совесть. «Бей его, не стесняйся, он и родился, чтобы его били». Совершенно очевидно, такую войну нельзя и назвать справедливой.

Но можно ли вообще рядом со словом «война» ставить слово «справедливая»? Во всех войнах гибли люди, разрушались города, горели деревни, дети оставались сиротами, а старики – без кормильцев. Огромными массами люди покидали родные места, начинались болезни, голод…

И всё же, несмотря на то, что война всегда бедствие, справедливые войны бывают.

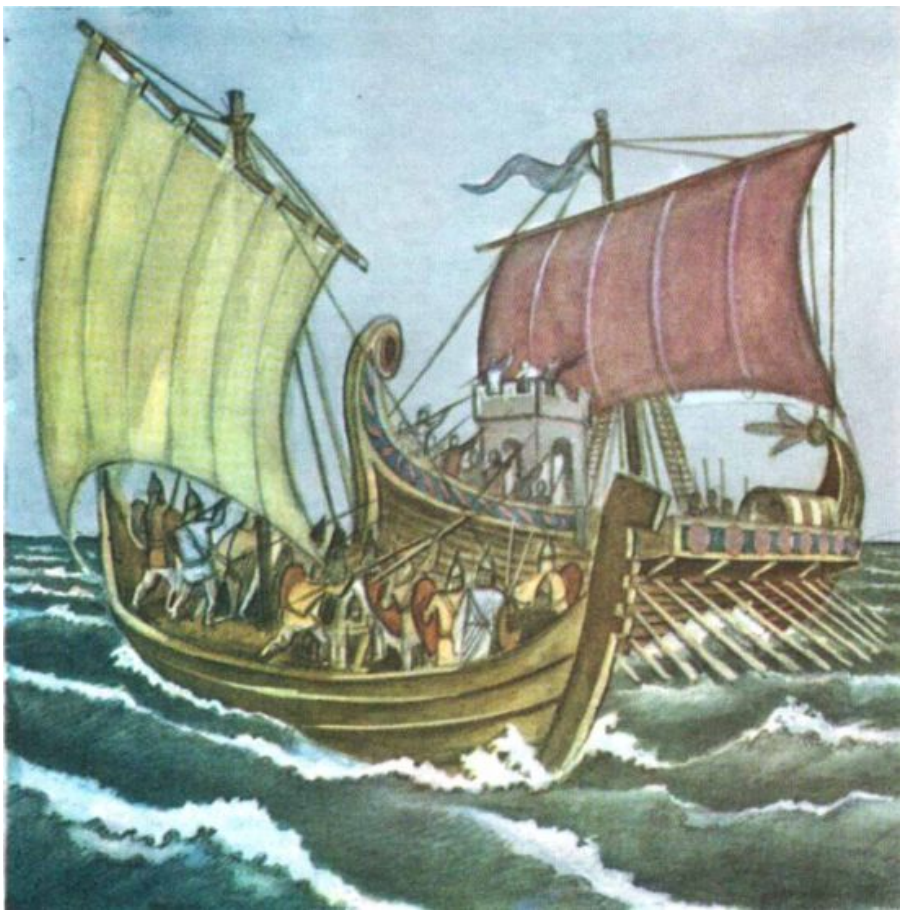
Когда мы с тобой говорили о Саламинском сражении, нам ведь очень хотелось, чтобы победили греки. Они защищали свою родину от нашествия персов, значит, они вели войну справедливую. Войну несправедливую, захватническую вели персы: они хотели присвоить чужие земли, чужое добро, хотели господствовать над другим народом.

Нам предстоит побывать на многих войнах – книга ведь только начинается. Каждый раз мы с тобой будем занимать сторону тех, кто защищается от захватчиков, кто воюет с угнетателями, кто поднялся на борьбу за независимость и свободу.

ГЛАВА ВТОРАЯ СТАРШИНСКАЯ

Русский флот, который считают сравнительно поздним учреждением, основанным Петром Великим, имеет в действительности большие права на древность, чем флот британский. …Тысячу лет назад первейшими моряками своего времени были они – русские.

Ф. Джен, английский историк



ЛАДЬИ В РУССКОМ МОРЕ

ЧЁРНОЕ МОРЕ

Чёрное море[2]*расположено между материковым берегом Европы, Крымским полуостровом, горами Кавказа и северным побережьем Малой Азии. Наибольшая протяжённость – 1148 километров. Наибольшая ширина – 615 километров, наименьшая – 263 километра. Наибольшая глубина – 2211 метров. На северо-востоке Керченским проливом соединяется с Азовским морем, на юго-западе проливом Босфор – с Мраморным. Омывает берега СССР, Румынии, Болгарии и Турции. На Чёрном море всего несколько островов, самый большой Змеиный, площадью 0,17 квадратного километра.*

ПРОЛИВ БОСФОР

Соединяет Чёрное море с Мраморным. Длина около 30 километров. Похож на извилистую реку с обрывистыми берегами. Ширина от 750 метров до 3,7 километра, наименьшая глубина на фарватере 33 метра. В проливе два течения: придонное из Мраморного моря в Чёрное и поверхностное – из Чёрного, уровень которого чуть выше Мраморного. Правила плавания по Босфору необычны, здесь левостороннее движение. Суда, идущие на юг, придерживаются малоазийского берега, используя основную струю попутного течения. Те, что идут на север, придерживаются европейского берега, мысы которого ослабляют силу встречного течения.

В переводе с греческого Босфор – Коровий брод. Как рассказывает миф, бог Зевс полюбил красавицу Ио, а чтобы укрыть от посторонних глаз, превратил её в белоснежную корову. Но жена Зевса Гера догадалась обо всём и в гневе напустила на Ио свирепого овода. Убегая от овода из Европы в Азию, Ио перебралась через пролив.

Теперь мы с тобой, читатель, из Древней Греции и Древнего Рима перенесёмся на тысячу лет вперёд – к восточным славянам. Не очень ли широко шагнули мы? Так ведь можно что-то важное проглядеть. За десять-то веков сколько битв на морях прогремело… Нет, наш широкий шаг оправдан. На протяжении многих столетий ни корабли, ни оружие почти не менялись. Поэтому и способы боя тоже оставались почти неизменными. А

они уже нам известны.

Но в военно-морском искусстве славян, в их корабельном деле было много самобытного, не такого, как в странах Средиземноморья. Новая глава – Старшинская – о мореходах-славянах.

* * *

В далёкие времена Чёрное море называлось понтом Эвксинским, в переводе с греческого – морем Гостеприимным. Греки, чтобы снабжать свою страну пшеницей и вести торговлю, основали на Черноморском побережье много колоний, построили города, оборудовали гавани. Моряки Афин или Спарты после долгого опасного плавания, после бурь и штормов действительно находили у своих соотечественников гостеприимство, радушие, покойный отдых.

Чёрное море.

Позже море называли Русским. Названия не меняются просто так, не даются даром. Должны были возникнуть веские основания для этого.

В том районе, о котором мы говорим, ко времени смены названия произошли огромные перемены. Греции, такой, какой мы видели её при Фемистокле, уже не было. Несколько столетий она числилась провинцией Рима и ещё несколько столетий – провинцией Византии (или Восточно-Римской империи).

И сама Византия уже вступила в пору заката. Внутри империи не утихали восстания рабов. К тому же шло великое переселение народов. В поисках лучших земель или под натиском кочевых орд множество разных племён двигалось в края с тёплым климатом, поближе к приморским городам с их ремёслами и торговлей. На Византию, подобно штормовым валам, накатывались готы, гунны, авары, болгары, славяне-склавины, славяне-анты.

Анты жили между Дунаем и Северным Донцом, их южной границей было Чёрное море. Своё начало анты вели от венедов, упоминавшихся римскими историками ещё в I веке нашей эры. Сами же анты дали начало руссам.

Руссы, предки русских, украинцев и белорусов, унаследовали от антов многие черты характера, а также занятия и промыслы. Поскольку предмет нашего разговора – дела военные, мы коснёмся «наследства», полученного руссами, в его военной части.

Византийский император и писатель Маврикий в конце VI века писал об антах: «…они любят свободу и не склонны ни к рабству, ни к повиновению. Храбры, в особенности в своей земле, выносливы; легко переносят холод и жару, недостаток в одежде и в пище… Юноши их очень искусно владеют оружием». Другой византиец, Лев Диакон, позже говорил уже о руссах: «Сей народ отважен до безумия, храбр, силён».

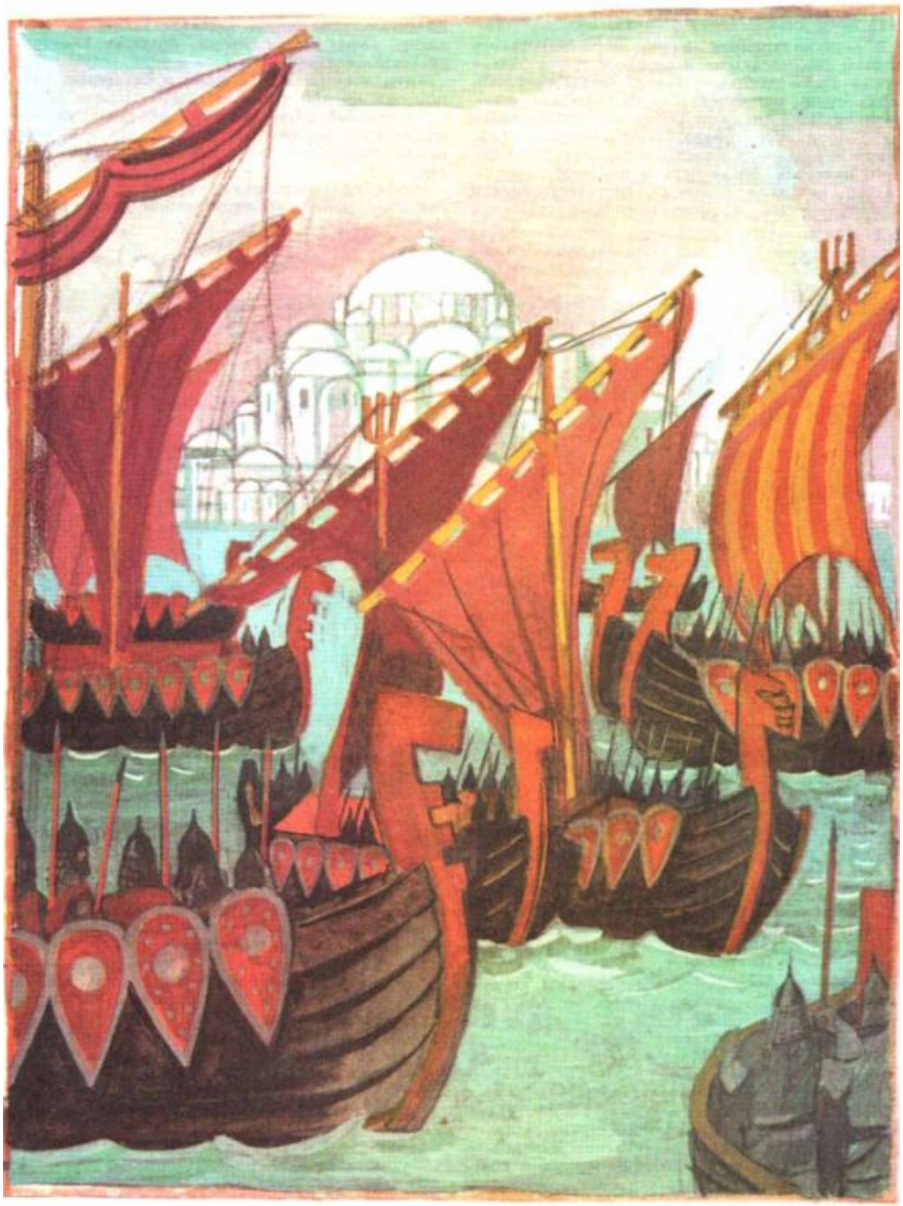
Занимавшиеся хлебопашеством и скотоводством анты не были прирождёнными врагами Византии. Бывало, что могущественная империя просила у них военную помощь и получала её. Имея своих опытных полководцев, императоры поручали высокие посты военачальникам-антам. Анагаст командовал фракийскими войсками империи, Хвалибуд возглавлял все гарнизоны на Дунае. Доброгаст командовал византийской черноморской флотилией.

Должность Доброгаста для нас с тобой, читатель, особенно интересна. Чтобы получить её, к тому же у народа, опытного в мореплавании, чужеплеменнику надо было поистине блестяще знать военно-морское искусство. На самом деле славяне в то далёкое время и суда строили и воевали в море: ходили боевыми походами в Малую Азию, на Крит, на Сицилию – из Чёрного моря в Средиземное.

Руссы торговыми плаваниями, морскими сражениями приумножили унаследованную славу антов-мореходов. Об их доблести заговорили народы Европы и Азии, и в знак признания этой доблести понт Эвксинский стали называть Русским морем.

МОРЕХОДЫ КИЕВСКОЙ РУСИ

С развитием феодальных отношений в IX-X веках в жизни восточных славян произошли большие перемены. Объединившись вокруг Киева, восточнославянские племена образовали Киевское государство. Киевская Русь быстро крепла. Византия же своих соседей хотела видеть не равноправными, а покорными – таков уж нрав всех империй. Пытаясь ослабить соседа, византийцы мешали черноморской торговле руссов, топили их корабли, убивали купцов, подговаривали и провоцировали печенегов на разбой в землях Руси. Естественно, Византия получала отпор. От справедливого возмездия её не спасало широкое море.



Русские ладьи у Константинополя.

Известны девять крупных морских походов киевских дружинников. Самый грандиозный из них – поход князя Олега в 907 году на столицу Византии Константинополь (теперь турецкий город Стамбул).

В Константинополе (или Царьграде, как его звали русские) жили сто тысяч горожан. Множество дворцов и храмов стояло за его крепкими стенами. Особенно богатой была главная улица – с триумфальными колоннами, статуями императоров, с крытыми

галереями. Она вела к храму святой Софии, в самый центр города. Храм был велик и прекрасен, его огромный купол как бы парил в воздухе, высокие стены были украшены мозаиками, росписями, мрамором. Дальше от городского центра размещался ипподром, где состязались колесницы, а также рынки, мастерские ювелиров, ткачей, оружейников. На самых окраинах в узких улочках жила беднота. «Главным центром роскоши и нищеты на всём Востоке и Западе» назвал Константинополь Карл Маркс.

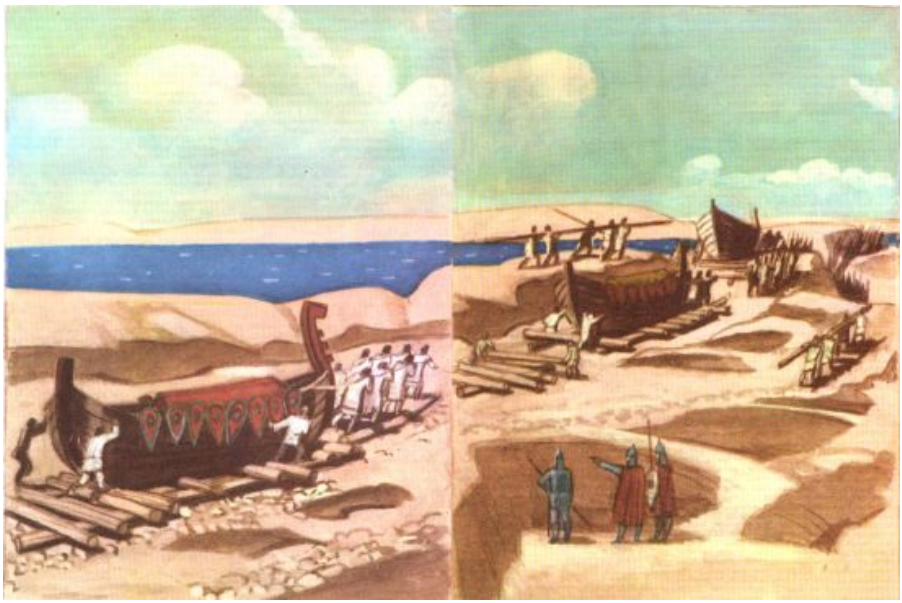
Через город проходила основная торговая дорога из Европы в Иран, Индию и Китай. Расположенный на европейском берегу Босфора у выхода в Мраморное море, Константинополь занимал чрезвычайно выгодное географическое положение. Отмечая эту особенность, Карл Маркс называл город ещё «золотым мостом между Востоком и Западом».

Византийцы хорошо охраняли свою столицу. На дальних подступах стояли сильные гарнизоны. У ворот дежурили сторожевые отряды. Своеобразные ворота были устроены и в бухте Золотой Рог, по которой морские суда подходили к городу. В случае опасности бухту перегораживали мощной железной цепью. Сам же город был обнесён непреодолимой крепостной стеной. Наиболее прочные укрепления имелись на западной стороне Константинополя, где море не защищало города. Впереди был ров, наполненный водой, переброшенные через него несколько деревянных мостов легко уничтожались горожанами в случае опасности, затем шла отвесная насыпь, за ней – наружные стены с 96 четырёхугольными и восьмиугольными башнями; внутри толстых стен имелись проходы и каменные лестницы. Взять такую крепость было невероятно сложно.

Киевский князь Олег, зная силу противника, собрал для похода большое войско. В него входили, как пишет летописец, поляне, древляне, словене, северяне, кривичи, радимичи, дулебы, вятичи, хорваты, а также воины чуди и мери и воины-варяги. «…С сими со всеми поиде Олег на конех и на кораблех, и бе числом кораблей 2000». Зная, что ладья вмещала от 40 до 60 человек, мы можем довольно точно предположить: войско Олега было не меньше 80 тысяч, основную его часть составляли воины-мореходы.

Когда я был школьником, меня смущало, что руссы строили маленькие ладьи, а не триеры, подобные тем, что победили персов в Саламинском сражении. Всё дело в том, что славяне жили в лесных краях и дорогами для общения и торговли им служили реки. Центр Руси Киев находился далеко от моря: по Днепру от Киева до моря 952 километра. Природа будто нарочно осложнила судоходство на главной славянской дороге. В нижнем

течении реки был порожистый участок. У порога Ненасытец приходилось разгружать суда, вытаскивать из воды, ставить на катки и берегом обходить опасное место. Так что большие корабли славянам просто были не нужны. Об этом писал и византийский император Константин Багрянородный: «Славяне не имеют больших кораблей, так как выходят в море из рек, где нельзя пользоваться большими судами».



Нам с тобой приходится удивляться не тому, что руссы не строили больших судов, а тому, что придумали они суда, одинаково годные и для речных плаваний, и для морских.

В летописях нет даты начала Олегова похода. Но известно, что все торговые и военные плавания киевлян начинались в июне. На Днепре и его притоках ещё стояла большая вода, ладьи в это время со всех концов государства шли в Киев. Там формировались караваны, создавалась конная охрана – печенеги, кочевавшие в причерноморских степях, не упустили бы возможности разграбить в дальней дороге товары руссов.

Плавание по Днепру занимало 30-40 дней. Так, месяц с небольшим двигался в Чёрное море и флот Олега. Ближе к устью Днепра на речном острове дружинники по обычаю принесли под вековым дубом жертвы языческим богам. После краткого отдыха ладьи вышли в море и, держась болгарского берега, продолжали путь – ещё семьсот километров – к Константинополю.

Хорошая организация похода, взаимодействие флота с сухопутными войсками, двигавшимися по берегу, позволили

руссам застать византийцев врасплох. Правда, начав бой у стен города с конницей Олега, византийцы успели перегородить бухту Золотой Рог железной цепью. То ли не имели они тогда сильного флота около Константинополя, то ли побоялись вывести его против огромного флота руссов, а может быть, понадеялись на свою цепь, но морского сражения византийцы не дали. Скорее всего они рассчитывали, задержав ладьи в Босфоре, сначала уничтожить сухопутное войско. В этой обстановке руссам пригодилось умение перетаскивать суда волоком. Ладьи были вытащены на берег и поставлены на катки. На ладьях подняли паруса. Ветер дул в сторону города и помогал катить суда. Летописец так говорит об этом: «И повеле Олег воем своим колеса изделати и восставити на колеса корабля, и бывшу покосну [попутному] ветру, вспяша [подняли] парусы с поля, и идяше к граду».

Во многих книгах слова летописца «идяше к граду» истолкованы так: ладьи по суше докатились до города. В других книгах этот факт вовсе не упоминается, историки относятся к нему как к легенде. Попробуем разобраться во всём.

Верно ли, что ладьи докатились по суше до города? Зачем понадобился руссам такой манёвр? Те, кто верит летописцу, пишут, что таким манёвром руссы устрашили византийцев, деморализовали их, подавили волю к сопротивлению. Действительно, бывали случаи, когда войска какими-либо необычными действиями озадачивали противника. Но разве можно было испугать таких опытных воинов, какими были византийцы? Если бы ладьи докатились до стен города, византийцы были бы несказанно обрадованы этим. Они пустили бы в ход свои зажигательные снаряды и сожгли бы Олегов флот. Дружинникам тогда не на чем было бы возвращаться домой. Вот почему многие историки вообще не упоминают этого момента – он противоречит здравому смыслу. Тогда в чём же дело? Вероятнее всего, руссы вытащили ладьи на берег для того, чтобы обойти цепь, перегородившую бухту в том месте, где она крепилась на берегу. Обошли это место и снова спустили ладьи на воду – уже в бухте. Узкая длинная бухта – Золотой Рог, – похожая на реку, в некоторых местах не шире Москвы-реки, огибала всю северо-восточную часть Константинополя. Встав в бухте и имея свободу манёвра, ладьи взяли город в полукольцо. На суше своё полукольцо замкнули конные воины руссов.

Русские воины.

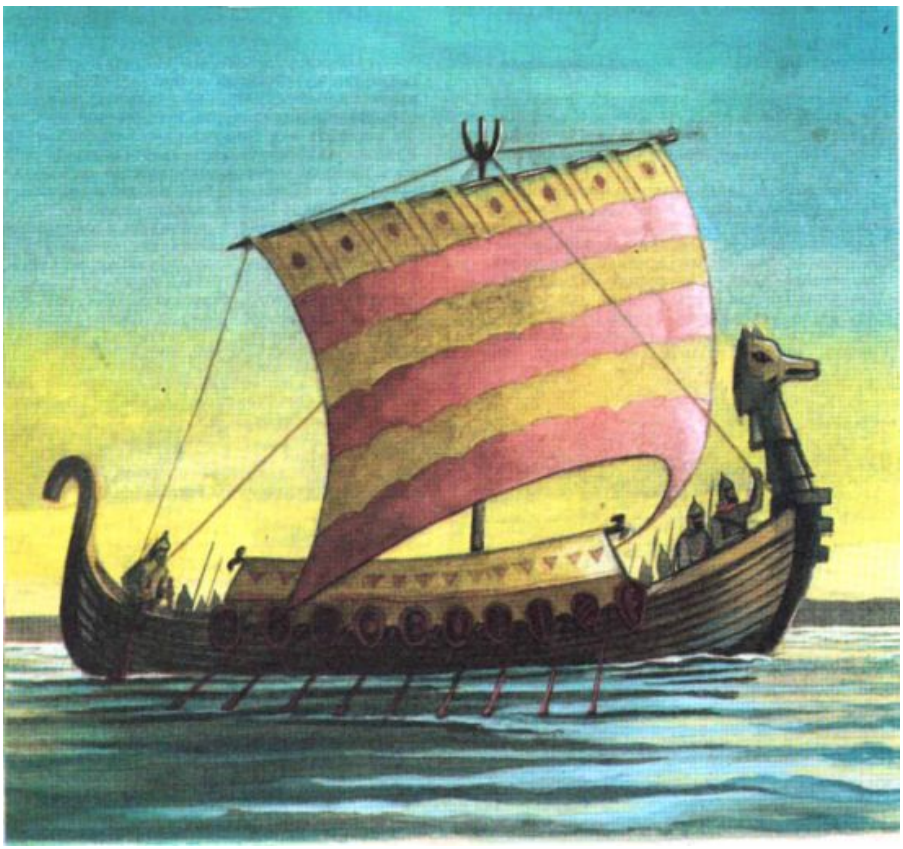
Внезапный приход мощного войска, прорыв ладей в бухту, окружение столицы с суши и с моря действительно потрясли византийцев. Они предложили руссам мир, не начиная сражения. Мир был принят.

ДОГОВОР РУСИ И ВИЗАНТИИ

По договору Киевская Русь получила то, что ей было необходимо: благоприятные условия для торговли и

мореплавания. На товары русских купцов отменялись пошлины. Сами купцы, прибыв в Константинополь, полгода получали мясо, рыбу, овощи, хлеб, вино и в обратную дорогу снабжались всем необходимым: продовольствием, парусами, якорями, верёвками. Есть в договоре любопытная статья: торговые люди Руси должны были входить в город без оружия и не более чем по пятьдесят человек одновременно. И ещё – русским купцам разрешалось мыться в банях. Эта статья кажется курьёзной, смешной. Однако она очень значительна: в общественных банях Константинополя мылись только полноправные граждане; рабам, иностранцам ходить туда не разрешалось. Статья о банях как бы уравнивала руссов в правах с византийцами.

Византия выплатила дружинникам Олега дань – по 12 гривен воину, а также дань Киеву, Чернигову, Ростову, Любечу и другим русским городам. Киевская Русь тоже взяла на себя серьёзные обязательства. Но выгоднее и нужнее договор был Руси. Карл Маркс считал, что договор содержал «позорные для достоинства Восточной Римской империи условия мира».



Русская ладья.

По заключении мира состоялась клятва сторон в верности договору. «Царь же Леон с Олександром мир сотвориста с Олгом, имшеся по дань и роте заходивше [учинив клятву], межи собою, целовавше сами крест, а Олга водише на роту [клятву], и мужи его по русскому закону кляшася оружьем своим, и Перуном, богом своим, и Волосом, и скотьем богом, и утвердиша мир».

Летопись повествует о том, что Олег в знак победы прибил на воротах Царьграда свой щит.

Очень красивый, эффектный финал русско-византийской войны. «И повеси [Олег] щит свой в вратех, показуа победу, и поиде от Царяграда». Как только византийцы согласились на это?

Вернёмся к дани, которую византийцы уплатили победителям. Каждый воин получил по 12 гривен. Воинов было 80 тысяч. 12х80 000 = 960 000 гривен. Теперь разберёмся в гривнах. Эти деньги Древней Руси отливались из серебра. Они были разные. Самая распространённая весила чуть больше 400 граммов, а другая, в виде ромба с обрубленными концами, – чуть больше 160 граммов. Возьмём для наших подсчётов меньшую гривну – мы не знаем, в каких именно гривнах выплачивалась дань. Сколько же серебра получили дружинники? 160х960 000 = 153 600 000 граммов. Или 153 тонны 600 килограммов. Внушительный вес! (А может быть, 400Х960 000 = 384 тонны.) Неприятель, который согласился отдать сотни тонн драгоценного металла, не мог противиться и Олегову щиту на воротах своей столицы.

Коч.

Такой блестящей и бескровной победе руссов можно только позавидовать. Ну а если бы византийский флот вступил в бой с ладьями? Интересно, как действовали бы руссы?

ЛАДЬИ ПРОТИВ ТРИЕР

Сохранились некоторые сведения о морском сражении византийцев и русских, которое произошло в 1043 году. Сын Ярослава Мудрого Владимир предпринял поход на Константинополь, чтобы защитить – в который раз! – права Киевской Руси на свободную торговлю. Сражение началось на виду у города. Император наблюдал за ним с холма, там же был придворный историк Пселл, он-то и описал начало схватки.

Новгородское судно.

400 русских ладей выстроились в одну линию. Против них встали византийские триеры. По знаку императора два корабля вышли из строя и двинулись к флоту Владимира. Тут же две группы ладей тоже отделились от строя и пошли на сближение. Каждая группа окружила своего противника. Византийцы принялись бросать с высоких бортов копья, камни, горшки с горючей смесью. Дружинники, прикрываясь щитами, отстреливались из луков, выбрасывали из ладей огонь и били ручными таранами в днища триер, чтобы потопить неприятельские суда. Видимо, византийские корабли были в большой опасности, потому что император двинул в бой весь флот. Но тут внезапно налетел шторм. Он разметал оба флота. Сражение прервалось.

Больше полутораста ладей штормом выкинуло на берег. Шесть тысяч воинов во главе с воеводой Вышатой стали пробиваться по суше на родину. Недалеко от Варны византийцы разбили этот отряд. Тех, кто остался в живых, увели в Константинополь и там ослепили.

Шторм, прервавший сражение, утих. 14 триер начали преследовать ослабленный русский флот. Как заканчивалось сражение, неизвестно. Известно только, что византийцы потерпели в нём поражение.

Несомненно, что киевские мореходы применяли в бою против

византийских кораблей какие-то хитрости, какие-то приёмы, о которых мы не знаем. И видимо, очень эффективные. Ведь не побоялись они однажды напасть на Константинополь – в отместку за жестокое убийство купцов – всего на двухстах ладьях! И одержали победу.

Патриарх Фотий писал о том походе: «Поход этих варваров схитрен был так, что слух не успел оповестить нас, и мы услышали о них уже тогда, когда увидели их, хотя и разделяли нас столькие страны… судоходные реки и моря». На самом деле, каким образом удавалось киевлянам оставаться незамеченными в длительном плавании?

О военных хитростях дружинников нам остаётся только догадываться. А если мы с тобой, читатель, предположим следующее. Предположим, что приёмы боя запорожских казаков против турецких галер были придуманы ещё во времена Киевской Руси? Правда, четыре века отделяют запорожских казаков от дружинников. Но ведь традиции упорны и живучи. Главное, что позволяет пойти на такое предположение, – это большое сходство древнерусских ладей с чайками – судами запорожских казаков. Разница, по сути, только в том, что на казацких чайках было несколько пушечек – фальконетов. Но приёмы мореплавания от фальконетов не зависели. Как же маленькие чайки воевали с большими галерами? Есть хорошее описание этого у француза Боплана:

«Если казаки встретят на пути [во время плавания к турецким берегам] какие-либо турецкие галеры или другие суда, они преследуют их, атакуют и берут приступом. Вот какой приём они употребляют при этом. Так как их суда возвышаются не более двух с половиною футов над поверхностью воды, то они замечают неприятельский корабль или галеру раньше, чем могут быть замечены сами; заметив неприятельское судно, казаки убирают мачты, справляются о направлении ветра и стараются держаться за солнцем до вечера. Затем, за час до захождения солнца, они начинают быстро идти на вёслах к кораблю или галере, пока не подойдут на расстояние одной мили, чтобы не потерять судна из вида, и так наблюдают за ним почти до полуночи. Тогда по данному сигналу казаки из всех сил налегают на вёсла, чтобы скорее достичь неприятельских кораблей, между тем как половина казаков держится готовой к битве и только ожидает абордажа, чтобы проникнуть на корабль, экипаж которого бывает сильно поражён недоумением, видя себя атакованным 80 или 100 судами, с которых валит на корабль масса вооружённых людей и в один миг овладевает им».

КИЕВСКИЕ И НОВГОРОДСКИЕ СУДА

МОРСКАЯ ЛАДЬЯ

Наиболее распространённым кораблём в Киевском государстве была морская ладья. Её киль делался из ствола дуба, к нему прикреплялись шпангоуты, к шпангоутам пришивались доски. Морская ладья длиной до 25 метров вмещала от 40 до 60 воинов с оружием, имела 20 пар вёсел и мачту с парусом. На морских ладьях осуществлялись дальние перевозки грузов по рекам и морям, а также военные походы.

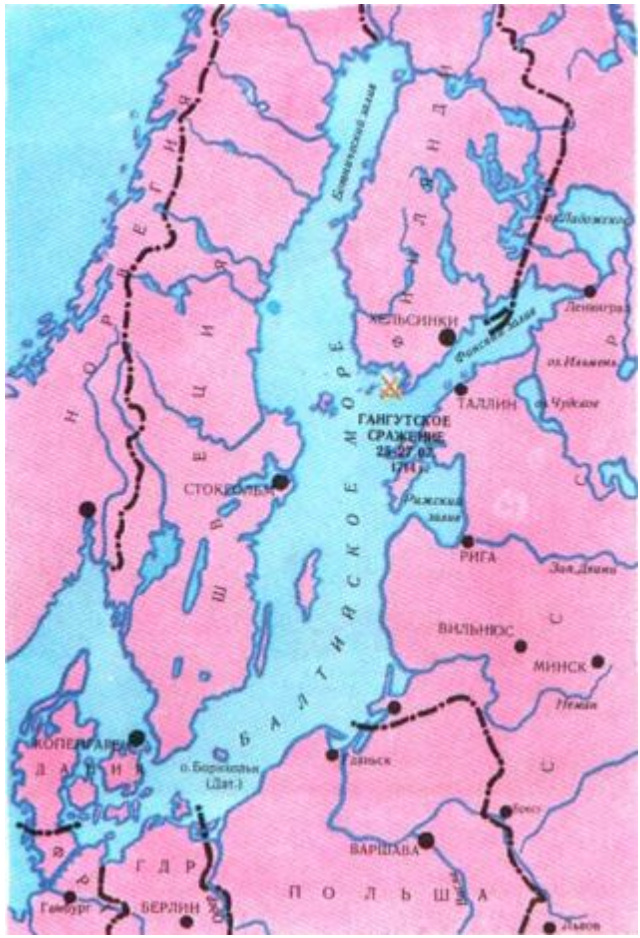
ПАЛУБНАЯ ЛАДЬЯ

В середине XII века киевский князь Изяслав построил палубные ладьи, имеющие сплошную палубу.

Под палубой были укрыты гребцы, а вооружённые воины размещались на палубе. У ладьи было два рулевых весла: на корме и на носу, что обеспечивало в бою хорошую манёвренность и позволяло при необходимости двигаться кормой вперёд.

УШКУЙ

Новгородцы для боевых целей, кроме морской ладьи, использовали парусно-гребные суда меньших размеров – коч, шняка, ушкуй. Ушкуи предназначались для действий на северных реках, озёрах и в шхерах. Как правило, они были палубными, плоскодонными и имели съёмную мачту, вмещали от 35 до 50 человек. Людей, плававших на ушкуях, называли ушкуйниками. Название судна связано со словом «ошкуй» – поморским названием белого медведя. Медведь сильный, ловкий, смелый – эти качества как бы передавались судну и его команде.



Балтийское море.

КАРБАС

На русском Севере широкое применение имело судно типа карбас, длиной до 10 метров, шириной 2-3 метра. Карбас имел до шести пар вёсел и две мачты с парусами. Судно было приспособлено для плавания во льдах: к днищу по обе стороны киля прибивались полозья, чтобы судно можно было вытаскивать из воды и катить по льду.

Карбас.

РАНЬШИНА

Одним из типов поморских судов являлась раньшина, специально приспособленная для ранних весенних выходов в море. Её корпус был яйцевидной формы. При сжатии льдов раньшину невредимой выжимало на лёд.

БОЛЬШАЯ ЛАДЬЯ

Морским грузовым парусным судном поморов была большая ладья. Судно длиной до 25 метров, шириной до 8 метров, грузоподъёмностью более 200 тонн. Укрытое палубой, разделённое переборками на три отсека. В носовом отсеке размещалась команда, стояла печь для варки пищи. В середине – в трюме – лежал груз. У кормы хранились паруса, канаты, запасной якорь, там же была каюта капитана (кормщика). Три мачты с парусами позволяли судну при попутном ветре проходить до 300 километров в сутки.

Чтобы оценить достоинства большой ладьи, достаточно сравнить её с каравеллой «Санта Мария», на которой Колумб в 1492 году совершил плавание к берегам Америки: длина каравеллы около 23 метров, грузоподъёмность около 120 тонн.

ДРАКАРЫ И ШНЕКАРЫ

Так назывались корабли норманнов – ближайших соседей и соперников новгородцев. Корабль-дракон, корабль-змея – так можно перевести эти названия. На носу судов первого типа устанавливалась для устрашения врагов голова дракона, на судах второго типа – изображение змеи. Норманнские корабли имели от 25 до 60 пар вёсел, а также паруса. В 1880 году норвежские археологи нашли почти не повреждённый корабль, хранившийся в земле с X века. Он был длиной около 23 метров, шириной 5 метров, водоизмещением 20 тонн. Тогда же двенадцать норвежских спортсменов на подобном судне совершили плавание из Скандинавии в Америку. Переход длился 28 дней.

Варяжское судно.

УКРАШЕНИЯ КОРАБЛЕЙ

Суровые норманны (они же викинги – дети бухт, варяги) заботились о красоте своих кораблей не меньше, чем одарённые в искусствах греки. Они не только устанавливали на носах судов скульптурные изображения змей, драконов, волков, но покрывали позолотой мачты, на их верхушках укрепляли флюгера и фонари ювелирной работы.

Древнерусские мореходы украшали ладейные носы головами деревянных лошадей. На парусах вышивали солнечный лик языческого бога Ярилы. Когда Олег возвращался из похода на Царьград, на его ладьях были подняты парчовые и шёлковые паруса – дань византийцев.

ЛАДЬИ В СЕВЕРНОМ СЛАВЯНСКОМ МОРЕ

БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ

Балтийское море омывает берега СССР, Польши, ГДР, ФРГ, Дании, Швеции и Финляндии. Средняя глубина 70 метров, наибольшая – 455.

Берега на юге и юго-востоке низменные, песчаные, покрытые лесом. На севере – высокие, скалистые, со множеством бухт, заливов и мелких островов.

В течение всего года преобладают западные ветры. Осенью и зимой часты штормы, которые нагоняют воду в вершины бухт и заливов, вода в это время поднимается до трёх и более метров. Зимой большая часть Рижского, Финского и Ботнического заливов покрывается льдом, центральная часть моря ото льда свободна.

Балтийское море соединяется с Северным морем через проливы Эресунн (Зунд), Большой Бельт, Малый Бельт и приливы Каттегат и Скагеррак.

Море образовалось 13 тысяч лет назад, когда произошло опускание суши в районе датских проливов. Воды океана заполнили огромную впадину, занятую до этого льдом. Около 9 тысяч лет назад суша в районе проливов поднялась, и море стало снова озером. Через 2 – 2,5 тысячи лет проливы восстановились. В наше время происходит поднятие земной коры, на севере Ботнического залива земля поднимается за сто лет на один метр.

На северо-западе границей славянских земель было Балтийское море. Названия этого моря, как и Чёрного, тоже менялись. В начале нашей эры оно называлось Венейским заливом. (Россия по-фински и до сих пор Венейя – земля венедов.) Потом море стало называться Северным славянским морем и ещё Варяжским. Одновременное употребление разных названий одного и того же моря – факт не случайный. Можно сразу предположить, что два народа особо проявили себя в этом районе Европы.

Норманны (или варяги) – предки современных датчан, норвежцев и шведов, – жившие, как и славяне, на берегах Балтики, в VIII – XI веках прославились как отважные мореходы. Их небольшие, но крепкие суда плавали не только в Балтийском и Северном морях. Они ходили в море Средиземное, к берегам Гренландии, а где-то в 1000 году достигли берегов Северной Америки.

Первые плавания варягов были торговые. Но с течением времени купеческие экспедиции северян всё больше приобретали характер пиратских набегов. В середине IX века норманны начали вести самые настоящие завоевательные походы. Им многое удалось: они захватили земли в Англии, Франции, всю Южную Италию, Сицилию, основывая там свои государства. Страны Западной Европы находились в состоянии феодальной раздробленности. Герцоги, князья, графы, бароны ссорились и воевали между собой, поэтому не смогли организовать отпора норманнам. Викинги на своих судах входили в реки и по ним продвигались в глубь территорий. Так, они разграбили и сожгли немецкие города Кёльн, Аахен, Трир, французские Тур, Дижон, Лютецию (теперь Париж).

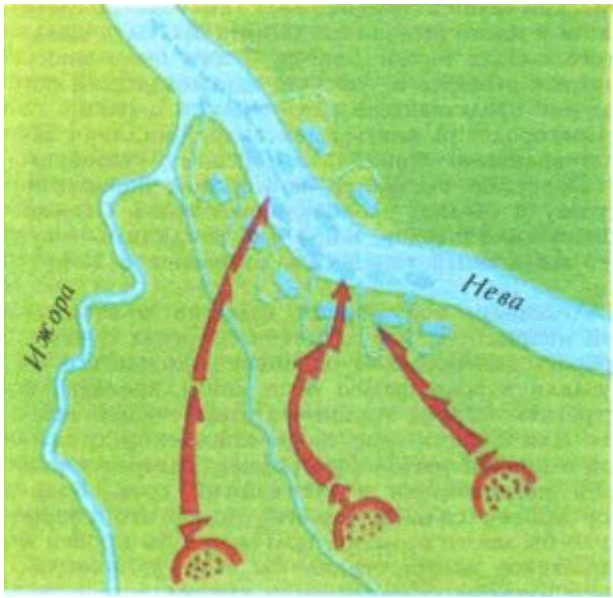
Естественно, что норманны не оставляли без внимания славянские земли. Но русских территорий завоевать не сумели, как и территорий чуди, мери, веси. Древнерусское государство в то время было сильным, состояние феодальной раздробленности, деления на мелкие, враждующие между собой княжества ещё не наступило. Малочисленные варяжские дружины, поступавшие на службу к русским князьям, постепенно смешивались с коренным населением, растворялись в нём.

Опасными для Руси норманны стали тогда, когда образовалось Свейское государство – Швеция. Как византийцы на Чёрном море, так и шведы на Балтийском не могли примириться с тем, что, кроме них, есть народ, который знает мореплавание, умеет строить корабли, сам ведёт торговлю с близкими и далёкими странами. Защитить права и достоинство русских на Балтийском море и его берегах выпала честь Великому Новгороду.

Александр Невский.

ГОСПОДИН ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД

Славяне построили Новгород на берегу полноводного Волхова, недалеко от того места, где река вытекает из Ильмень-озера. Отсюда, если плыть на север, открывался путь – по Волхову (220 километров), Ладожскому озеру (100 километров), реке Неве (75 километров) – в Финский залив и далее в Балтийское море, к странам Северной Европы. Если плыть на юг – через Ильмень-озеро, по реке Ловати, – то, преодолев волоки, можно было попасть в Днепр, Волгу, по ним спуститься в Чёрное и Каспийское моря. Новгородцам принадлежал весь север от Финского залива до Уральского хребта. Новгородцы по Северной Двине, Онеге, Печоре плавали в Северный Ледовитый океан.



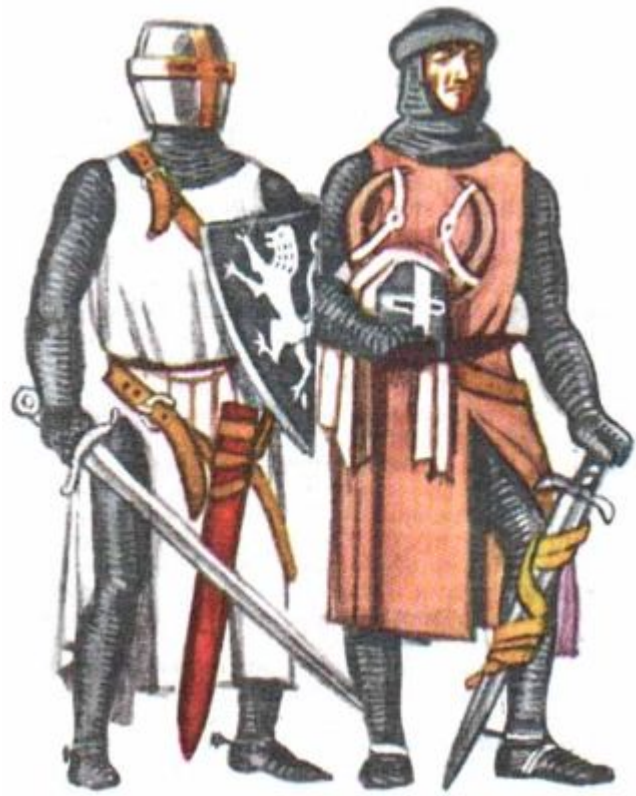
Невская битва. 15 июля 1240 года.

Если к выгодам географического положения прибавить богатства, которые давали Новгороду торговля, ремёсла и дань, собираемая с прибалтийских и северных народов, то станет ясно, каким заманчивым он был для шведов. Приезжая на торги в Новгород, варяжский гость-купец видел здесь всё, что родит земля и делают человеческие руки: шелка, ковры, краски и пряности южных стран, ткани, кружева, оружие, золотые и серебряные украшения стран западных, дорогие меха, моржовую кость, мёд, воск, пеньку и лён самих новгородцев. Всё это, казалось, легко было взять мечом.

Орден Александра Невского.

Нападения шведов на торговые суда новгородцев следовали

одно за другим. В 1164 году шведы пытались взять крепость Ладогу, прикрывавшую дальние подступы к Новгороду. Неприятельские суда подошли к крепости и высадили трёхтысячный десант. Ладожане во главе с посадником Нежатою четыре дня отбивали штурм. Шведы, изнурённые атаками, отошли к реке Вороновке и там были разгромлены подоспевшей новгородской ратью. Противник потерял из 55 судов 43, на оставшихся судах побитые шведы спаслись бегством.



Рыцари.

Новгородские воеводы понимали, что шведов нельзя утихомирить, только изгоняя их из русских земель. Для обеспечения морской торговли на Балтике новгородцы стали готовить большой морской поход на Швецию. В этом походе, по замыслу новгородцев, нужно было нанести удар по важному экономическому и политическому центру страны – городу Сигтуне (теперь на его месте расположен Стокгольм). Для похода был подготовлен многочисленный флот с сильным десантом. Союзниками новгородцев стали карелы.

Летом 1187 года после почти месячного плавания по рекам и

морю новгородцы достигли шведских берегов и осадили Сигтуну. 14 июля город был взят штурмом. Победители в качестве трофея увезли с собой знаменитые сигтунские медные врата и потом установили их в новгородском соборе святой Софии. Урок шведам был дан хороший. Активные действия новгородского флота и десантных войск вынудили шведов в 1201 году заключить мирный договор с русскими.

СТРАШНАЯ ОПАСНОСТЬ

Уроки, даже хорошие, к сожалению, часто забываются. В 1240 году шведы предприняли новый поход, намереваясь на этот раз захватить Новгород. Но прежде чем говорить о походе, нам с тобой, читатель, надо посмотреть на перемены, которые к этому времени произошли на русской земле. Могучая Киевская Русь распалась на множество удельных княжеств. Эти княжества были вроде маленьких государств, часто враждовавших между собой. Новгород ещё раньше, прогнав своего князя, отпал от Киевской Руси. (Господин Великий Новгород – так стала называться новгородская феодальная республика.) А тут ещё пришла страшная беда – полчища татаро-монголов захлестнули русские земли. Не сумев объединить силы для отпора грозному врагу, русские княжества гибли одно за другим. С 1237 года по 1240 год враг разорил Владимир, Москву, Киев, Чернигов и множество других городов. Остались нетронутыми только земли теперешней Белоруссии и земли Великого Новгорода.

Однако сказанное ещё не полностью обрисовывает опасность. Рыцарские войска многих европейских стран – крестоносцы – потерпели поражение в арабских странах, куда они направились «освобождать гроб господень», а на самом деле за сокровищами восточных владык. Привыкнув к разбою и грабежу, вернувшиеся в Европу рыцари не хотели сидеть дома. Папа римский, короли и князья Германии, Швеции и Дании нашли для них новое дело – крестовый поход на язычников Прибалтики и «неправоверных» новгородцев.

Довольно быстро рыцари завоевали Эстонию, значительную часть Латвии и вторглись в Литву. Победители не просто обращали побеждённых в католическую веру, а самым жестоким образом истребляли эстонцев, латышей и литовцев – освобождали земли для своих поселений. «Войско по всем дорогам и деревням, – пишет «Ливонская хроника», – истребило много народу и преследовало бежавших в прилегавшие земли, и взяло в плен женщин и детей. Многие из язычников, бежавшие в леса и на морской лёд, замёрзли и погибли».

Подобная участь готовилась и славянам. Поход шведского флота, о котором говорилось выше, планировался как начало завоевания северо-западной Руси. Следом за шведами намеревались по суше двинуться на Изборск и Псков немецкие рыцари. После взятия шведами Ладоги, а немцами – Изборска и Пскова враги предполагали объединёнными силами напасть на Новгород.

КНЯЗЬ АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ

Неприятельский флот – 100 судов – вошёл в Финский залив в середине лета 1240 года. Во главе флота и многочисленного десанта был зять шведского короля герцог Биргер. С ним было много знатных рыцарей и епископ, вдохновлявший поход как представитель католической церкви.

Новгородский князь Александр Ярославич заблаговременно приказал ижорскому старейшине Пелгусию выставить на морском побережье стражу и следить за появлением врага. Стража обнаружила шведов, когда они входили в Неву. Тут же конный гонец был отправлен в Новгород.

Александр, получивший известие о вторжении неприятеля, мог действовать двумя путями. Собрать новгородское ополчение, дождаться из Суздаля войско своего отца князя Ярослава и встретить такими внушительными силами шведов. Или нанести удар своею княжеской дружиной и конной ратью новгородцев, которая могла быть подготовлена в кратчайший срок. Большое войско сильнее малого. Но на его сборы ушло бы много времени, враг успел бы пройти в Ладожское озеро, осадил бы Ладогу, возможно, и взял бы её. Александр принял второе решение – немедля, пусть и малыми силами, но внезапно, когда его не ждут, ударить по врагу.

После морского перехода шведский флот остановился для отдыха на Неве, в том месте, где в неё впадает река Ижора. Суда подошли к берегу, с них спустили сходни. Для Биргера и рыцарей между рекой и лесом слуги установили шатёр с золотым верхом и палатки. Сойдя с корабля, Биргер первым делом послал Александру вызов: «Если можешь, сопротивляйся. Знай, что я уже пленю твою землю».

А в это время конное войско Александра спешным маршем шло вдоль Волхова к Ладоге. Пополнившись воинами-ладожанами, оно двинулось к месту высадки шведов. Ещё в пути Александр встретился с Пелгусием, старейшина рассказал князю, что шведы чувствуют себя в полной безопасности, их лагерь не

охраняется, сторожевые посты не выставлены. Высокомерный и самонадеянный предводитель шведов и не допускал мысли, что новгородцы рискнут напасть на него.

Скрытые лесом, новгородцы приготовились к атаке на шведский лагерь. Было 15 июля. Три или четыре часа дня. Протрубил рог. Конный отряд Гаврилы Алексича выскочил из леса и ринулся вдоль реки, сбивая сходни, спущенные с кораблей на берег. Это был простой и очень эффективный манёвр. Шведы, находившиеся на кораблях, не могли прийти на помощь тем, кто был на берегу. А с берега не так просто было убежать на корабли. Неприятель оказался разъединённым на две части. Тут же основное войско новгородцев во главе с самим Александром нанесло по шведам главный удар. На берегу завязался жестокий бой.

Александр находился в самой гуще боя. Он командовал как полководец и сражался как воин. Летописец сообщает, что Александр самому Биргеру «возложи печать на лице острым своим копьём». Записи летописец делал после сражения по рассказам князя и других участников битвы. Можно предположить, что именно такими словами и описывал Александр схватку с предводителем шведов: он не стал уточнять, какую рану нанёс Биргеру, просто возложил печать – сделал отметину на долгую память.

Дружинник Гаврила Алексич сражался у самой воды, не пуская неприятеля с берега на корабли и с кораблей на берег. Когда он увидел, что шведы уводят на корабль королевича, то на коне ринулся за ним. Шведы столкнули храбреца вместе с конём со сходней в воду. Дружинник выбрался на берег и оказался поблизости от шведского военачальника Спиридона, сразился с ним, убил его, затем рубился с епископом и тоже убил.

Под прикрытием конных дружинников пеший отряд новгородцев разрушил неприятельские корабли. Отрядом командовал Миша (кроме имени, летописец ничего не сообщает об этом человеке), отряду удалось потопить три корабля.

Дружинник Сава пробился на коне к шатру Биргера и подсёк топором шатёрный столб. Новгородцы, увидев, как падает шатёр, воодушевились ещё больше – это было равносильно захвату вражеского знамени. С новыми силами они продолжали сражение и к вечеру одержали полную победу.

Уцелевшие шведы, прорвавшись на корабли, подняли паруса и поспешно ушли в сторону Финского залива. Новгородцы вслед им пустили два захваченных корабля, нагруженных убитыми врагами.

Сами новгородцы потеряли в этом сражении всего лишь

двадцать воинов.

Очень простой кажется эта битва – застал врага врасплох и разгромил. Но чтобы представить, как это непросто, надо предположить иное развитие событий. Биргер узнал о подходе дружины, расставил засады, заманил русских на выгодную для себя позицию. И превосходящими силами уничтожил войско Александра. Путь на Ладогу, больше того, на Новгород открыт – ведь ядро русских войск уничтожено. Могло так случиться? Могло, если бы не точный, дерзкий расчёт Александра. Простота битвы только кажущаяся. О такой простоте мечтает каждый полководец, но не у каждого это получается.

Обычно к именам князей прибавляли названия городов, в которых они княжили. К имени Александра народ прибавил название реки, на которой была одержана очень важная для русских победа. Александр Невский.

В 1942 году, в разгар войны с немецко-фашистскими захватчиками, Советское правительство учредило военный орден Александра Невского. Его получали командиры за выбор «удачного момента для внезапного, смелого и стремительного нападения на врага и нанесение ему крупного поражения с малыми потерями для своих войск». Эти слова, взятые из статута ордена, раскрывают главное в полководческом даровании Александра.

ЛЕДОВОЕ ПОБОИЩЕ

Немецкие и датские рыцари были потрясены известием о гибели шведского десанта. С жаждой мести они вторглись осенью того же года в русские земли.

Рыцарские войска Европы до Ледового побоища провели много успешных сражений против пехотных войск разных народов. Закованные в доспехи всадники и их сильные лошади подобно тарану раскалывали пеший строй надвое, затем дробили на более мелкие группы и уничтожали их. Бег лошади придавал рыцарскому копью непреодолимую силу. Отдалённо, конечно, но рыцаря можно сравнить с танком.

Характеру рыцарского боя соответствовало и боевое построение. Немецкие рыцари выстраивались клином. Его остриё составляли самые опытные и сильные рыцари, вооружённые тяжёлыми копьями и длинными мечами. Рыцари располагались и по краям – наподобие неподвижной брони, за которой укрывалась их пехота. Сами немцы такой строй называли кабаньей головой, русские же дали ему несколько иное название – свинья.

Несомненно, Александр со своими воеводами продумал

тактику и приёмы боя пехоты против рыцарского войска – у Невского была и конница, но основные силы составляли пешие воины и ополчение.

Когда стало ясно, что немцы примут сражение на льду озера, полководец так расставил свои полки: срединный полк из ополченцев занял позицию у берега, усыпанного валунами. В тылу полка поставили сани обоза – они были укреплением для своих и препятствием для врага. По сторонам расположились полк левой руки и полк правой руки. В них входили лучшие воины из дружин Александра, Андрея и закалённые в боях новгородские бойцы. Вперёд выдвинулись лучники.

В субботу, 5 апреля 1242 года, произошла легендарная битва. Ледовое побоище – первый случай разгрома рыцарей пехотой – одна из самых замечательных битв в средние века.

Лучники густо осыпали стрелами надвигавшуюся свинью. Рыцари и пехота с флангов сблизились к середине и сузили клин. Но всё равно удар бронированного острия был очень сильным. Немцы прорвали строй срединного полка. Однако следующий их манёвр оказался под угрозой: камни на берегу и сани затрудняли движение и без того неповоротливых всадников. Вместо того чтобы стремительно дробить расстроенный порядок пехоты, рыцари бестолково кружили на месте.

В этот момент с флангов ударили отборные дружины.

Впервые противник рыцарей после рассечения его боевого порядка не побежал толпами, обрекая себя на смерть от мечей и копий крестоносцев. Наоборот, ожесточённость битвы нарастала. Конные дружинники под командованием Александра охватили неприятеля с тыла. Захватчики оказались в кольце.

Сбившихся в кучу рыцарей новгородцы стаскивали с лошадей крюками. Засапожными ножами пропарывали животы лошадей, и опять рыцари оказывались на льду. Спешенный крестоносец, закованный в тяжёлый панцирь, не мог противостоять ловким русским воинам. Как писал летописец, «…и была тут страшная сеча для немцев… треск ломающихся копий и звук от ударов мечей, так что и замёрзшее озеро точно тронулось, и не видно было льда, потому что он был покрыт кровью».

Слабый весенний лёд трещал и ломался под тяжестью лошадей и всадников, рыцари тонули в полыньях. Исход сражения был очевиден. Надо было уносить ноги. Части рыцарей удалось прорвать кольцо. Александр приказал преследовать беглецов. «И обратились враги в бегство, и убивали их, гонясь за ними, как по воздуху, и некуда им было убежать; и убивали их на семи верстах по льду до Суболицкого берега, и пало немцев (рыцарей) 500, а чуди бесчисленное множество, а в плен взяли 50

знатных немецких воевод».

Победа была полной. В крупнейшем сражении французских и немецких рыцарей (1214 г.) общие потери убитыми составляли 73 рыцаря. А тут 500 убитых и 50 пленных! Такого не знала история.

Карл Маркс дал высокую оценку этой победе: «1242. Александр Невский выступает против немецких рыцарей, разбивает их на льду Чудского озера, так что прохвосты были окончательно отброшены от русской границы».

Летом в Новгород прибыли послы из ордена и просили у Александра вечного мира. Мир был заключён. Говорят, что тогда-то Александр и произнёс знаменитые слова, ставшие пророческими: «Кто с мечом к нам придёт, от меча и погибнет!»

А было Александру Невскому, когда он прославил себя знаменитыми победами, чуть больше двадцати лет.

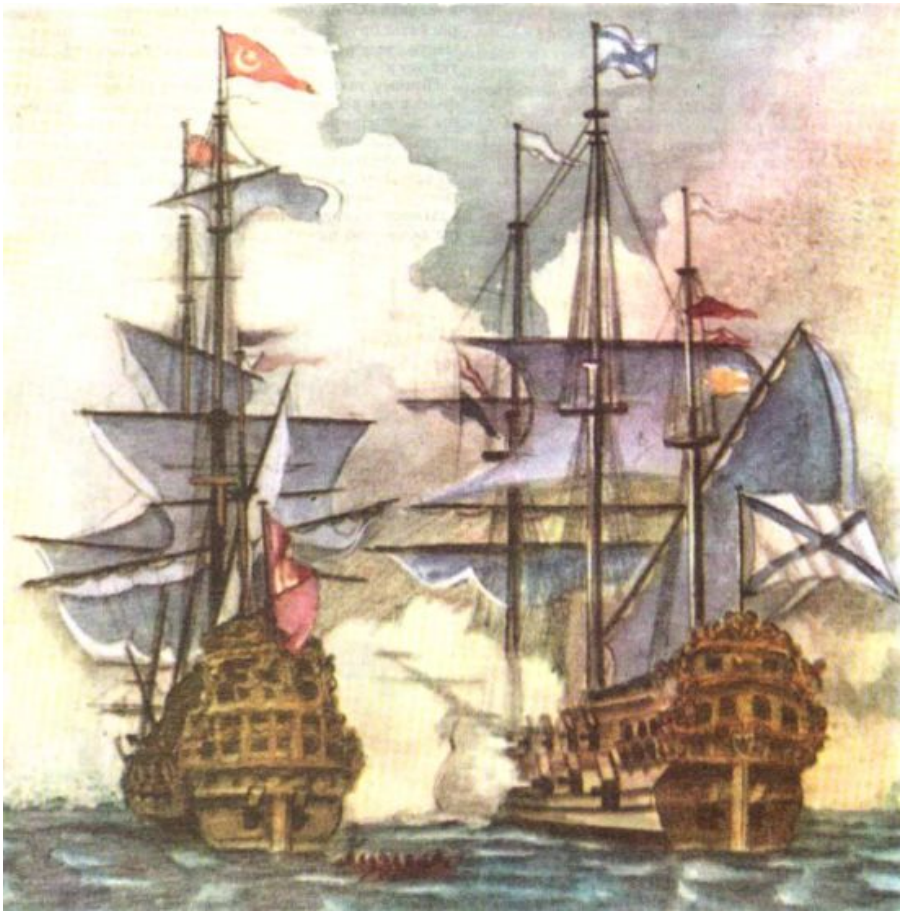
* * *

Мы с тобой, читатель, условились каждый раз занимать в сражениях чью-либо сторону. И в битвах киевлян, и в битвах новгородцев мы были, конечно, на стороне наших предков: они вели войны справедливые, потому что отстаивали своё право на свободное судоходство в Чёрном и Балтийском морях и защищали родную землю от иноземных захватчиков.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ
КУРСАНТСКАЯ

Ни одна великая нация никогда не существовала и не могла существовать в таком отдалённом от моря положении, в каком первоначально находилось государство Петра Великого… Россия не могла оставить устья Невы, этого естественного выхода для продукции Северной России, в руках шведов.

Карл Маркс



«УТРЕННЯЯ ЗАРЯ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭРЫ»

Последние сражения, свидетелями которых мы с тобой были, проходили в звоне мечей о броню, в треске копий, лязге топоров. Под ударами вёсел спешили навстречу друг другу корабли, чтобы тараном развороти борт противнику или сцепиться накрепко для абордажного боя. Но прошло всего три сотни лет, как картины сражений изменились, стали более грозными и впечатляющими. Уже не гребцы, а ветер, упиравший в сложные паруса, гнал корабль по открытому морю вдали от берегов. И хотя свистели ещё стрелы, выпущенные из луков, сигналом к битве, её началом стали громовые раскаты орудий, синий пороховой дым обозначал места, где в жестоких схватках сходились противники.

Почему так случилось? Тысячи лет не менялись флот и его вооружение, а тут вдруг такие перемены за считанные столетия? Чтобы разобраться в этом, нам опять придётся немного помедлить с рассказом о битвах. Всё дело в том, что человечество вступало в новую эпоху общественного развития – в капитализм. Ушло в прошлое рабовладельческое общество, уходило с исторической сцены общество феодальное. Возник новый класс – буржуазия. Энергичные, предприимчивые, изобретательные в способах наживы капиталисты превращали прежние мастерские ремесленников в фабрики и заводы, оснащали их пусть ещё примитивными, но всё же машинами. Машины давали возможность делать больше товаров, чем делали их раньше вручную.

Христофор Колумб.

По десять, двенадцать, четырнадцать часов работали пролетарии, всё прибавляя и прибавляя товары капиталисту. Товары надо было превращать в деньги. Естественно, капиталист хотел продать товары подороже, отвезти туда, где их делать не умели и где был на них самый большой спрос и, следовательно, самая большая цена.

Но как доставить товары в далёкие страны? Как привезти оттуда дешёвое сырьё для фабрик? Только по морю. Железных дорог ведь не было. Так возникла необходимость в больших кораблях, способных совершать длительные плавания в открытом море.

Корабль, полный товаров, – заманчивая добыча. Значит, торговые суда надо было охранять. А это мог сделать военно-морской флот.

К созданию флотов принуждало ещё одно обстоятельство. Ты, верно, помнишь значение Константинополя для торговли Европы со странами Востока? Напомню, Карл Маркс называл этот город «золотым мостом между Востоком и Западом». Но получилось так, что «золотой мост» оказался закрытым. А закрыли его турки,

завоевавшие Византию. Турки не пускали европейских купцов через свои владения ни в Иран, ни в Китай, ни в богатейшую Индию. В Индию европейцы могли теперь попасть только морем. К слову сказать, как плыть в Индию, никто ещё не знал.

Васко да Гама.

В 1492 году на поиски Индии отправился генуэзец Христофор Колумб, служивший у испанцев. Однако попал он совсем в другую страну – пересёк Атлантический океан и оказался у берегов Южной Америки. Достиг желанной Индии через шесть лет португалец Васко да Гама, обогнув Африку. Вскоре испанец Магеллан совершил первое кругосветное плавание. Люди были потрясены рассказами мореплавателей о богатствах открытых ими земель, о лёгкости, с которой их можно было взять. И опять же, чтобы добраться до сказочных богатств, чтобы охранять захваченные земли-колонии от других захватчиков, требовался флот.

Можно сказать, что необходимость в сильном военно-морском флоте и создала его. Причём довольно быстро. Буржуазия не хотела медлить, когда огромные прибыли сами

просились в руки. Потратившись на деревянный корабль с полотняными парусами и бронзовыми пушками, владелец встречал его из дальнего плавания как бы сделанным из чистого золота. В эти годы самыми нужными людьми стали корабельные плотники, пушечные мастера, матросы, капитаны. Испанцы и португальцы, англичане и голландцы, французы и датчане – все связанные с морем народы устремились в океанские просторы.

Фернан Магеллан.

Надо ли говорить о жестокости, с которой наёмники капиталистов завоёвывали колонии и истребляли туземцев? Эти времена, по словам Карла Маркса, вписаны «…в летописи человечества пламенеющим языком меча и огня». «Открытие золотых и серебряных приисков в Америке, – писал Маркс, – искоренение, порабощение и погребение заживо туземного населения в рудниках, первые шаги к завоеванию и разграблению Ост-Индии, превращение Африки в заповедное поле охоты на чернокожих – такова была утренняя заря капиталистической эры производства».

Мы с тобой, читатель, коротко, несколько упрощённо разобрали причины, побудившие создать военно-морской флот.

Но мы ничего ещё не сказали о технических возможностях того времени. Они были довольно благоприятными для совершенствования кораблей и вооружения.

КОРАБЛИ И ОРУЖИЕ

АРТИЛЛЕРИЯ

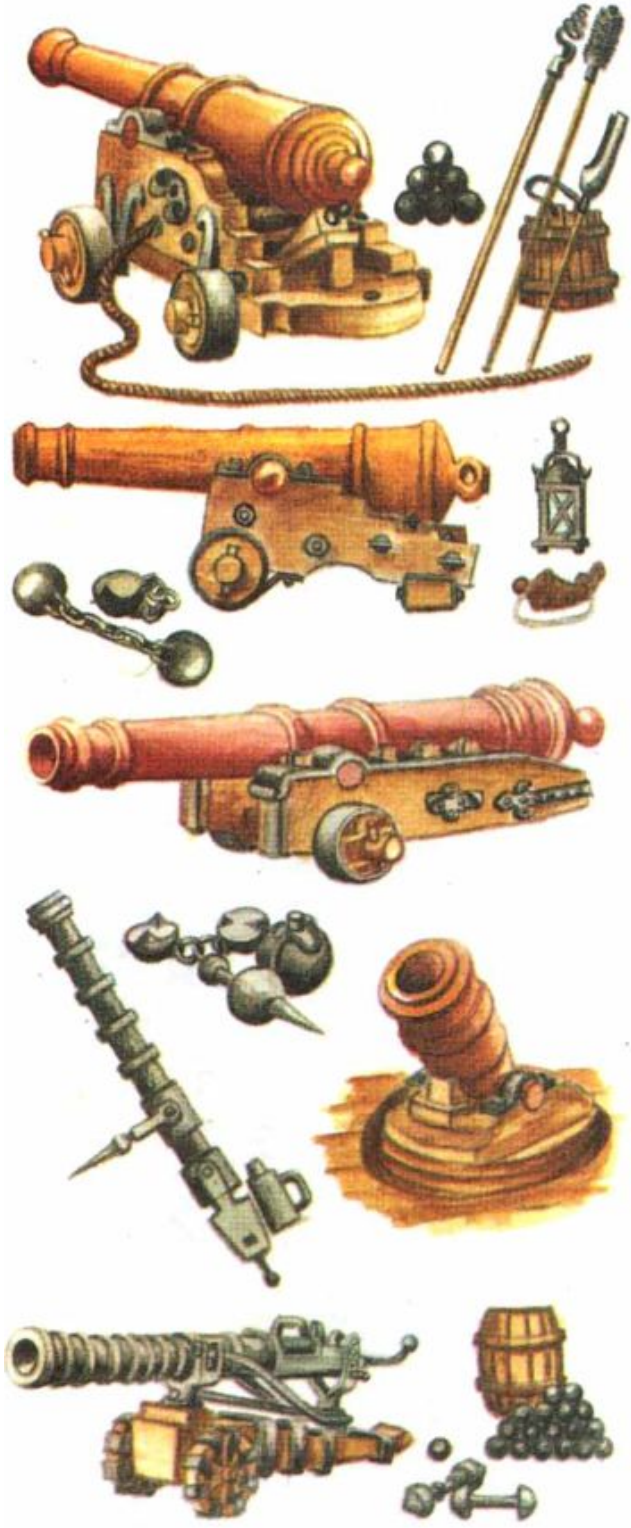
В Европе первые артиллерийские выстрелы услышали жители испанского города Сарагосы. Эту крепость в 1118 году обстреляли завоеватели-арабы. Сами они узнали секрет пороха и пушки от китайцев и индийцев.

Испанцы, испытав на себе действие артиллерии, первыми из европейцев обзавелись собственными орудиями. В 1308 году они взяли Гибралтарскую крепость с помощью нового оружия.

Вскоре состав пороха перестал быть тайной. По всей Европе начали делать пушки. Это произошло в середине XIV века.

Первые орудия были громоздкие, тяжеловесные, неудобные в обращении. Лить стволы ещё не умели, их сваривали из длинных полос железа и для прочности охватывали обручами. В пушку насыпали порох, закладывали пыж, затем каменное ядро, наводили ствол в цель и стреляли, поджигая порох через дырочку раскалённой проволокой.

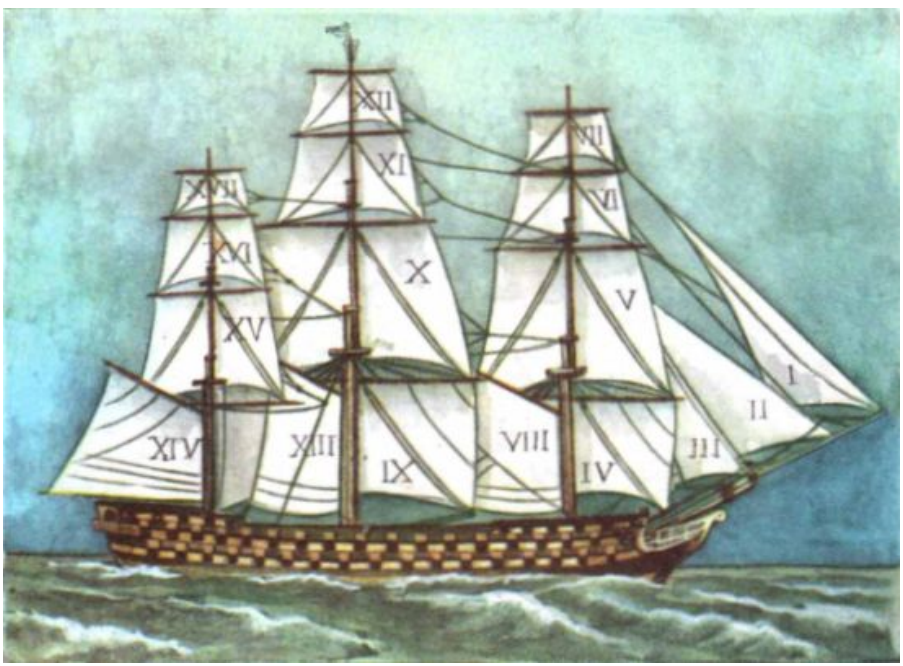
Стреляли такие орудия всего на 50 – 100 метров. В час можно было сделать не больше двух выстрелов. В 1551 году произошёл курьёзный случай: французские корабли увидели большую эскадру испанских галионов. Хитрые французы подняли на своих кораблях флаги испанского императора и просигналили, что везут императорскую родственницу. Испанцы по ритуалу отсалютовали «родственнице» из всех орудий. Поняв оплошность, кинулись заряжать орудия, но второго выстрела не успели произвести – французы были уже рядом, пошли на абордаж и захватили на галионах богатую добычу.



Пушки и мортира.

Артиллерийское производство всё время совершенствовалось. Одна новинка приходила за другой. Научились отливать орудийные стволы – вначале из бронзы, потом из чугуна. Придумали зажигательные снаряды – чугунные ядра, обмазанные смолой и серой. Придумали бомбу. Внутри её помещали порох. У бомбы поджигали фитиль и с горящим фитилём закладывали в орудие. Стрелять надо было без промедления, иначе бомба разрывалась в стволе. Был любопытный снаряд – книпель. Это два ядра, скреплённые между собой цепью или железным штырём. Книпелями разрушали оснастку корабля, рвали паруса, тросы и канаты, сбивали части рангоута.

ПАРУСА



Основные паруса 96-пушечного линейного корабля. Первая половина XIX века.

I – бом-кливер; II – кливер; III – фор-стеньга-стаксель; IV – фок; V – фор-марсель; VI – фор-брамсель; VII – фор-бом-брамсель; VIII – фор-грисель; IX – грот; X – грот-марсель; XI – грот-брамсель; XII– грот-бом-брамсель; XIII – грот-трисель; XIV – бизань (косая); XV – крюйс-марсель; XVI – крюйс-брамсель; XVII – крюйс– бом-брамсель.

Книпель был придуман не зря: нарушить оснастку корабля, превратить паруса в подобие простыней, болтающихся на бельевой верёвке, значило лишить корабль хода. Сдвинуть с места, а тем более перемещать с помощью вёсел корабль водоизмещением в полторы тысячи тонн было невозможно. (Правда, на первых парусных кораблях – галеасах – были ещё вёсла, а на галерах они были основным движителем и в XIX веке.) Посмотри рисунок линейного корабля первой половины XIX века. Он даёт представление о сложности оснастки. Как много парусов на нём! Как расчётливо расположены они! Малейшее дуновение ветра будет поймано ими. О самых быстрых парусниках-клиперах большой знаток флота капитан и писатель Д. Лухманов писал: «Они были так легки на ходу, что даже при таком ветерке, когда человек мог ходить с зажжённой свечкой по палубе, имели до 7 узлов хода».

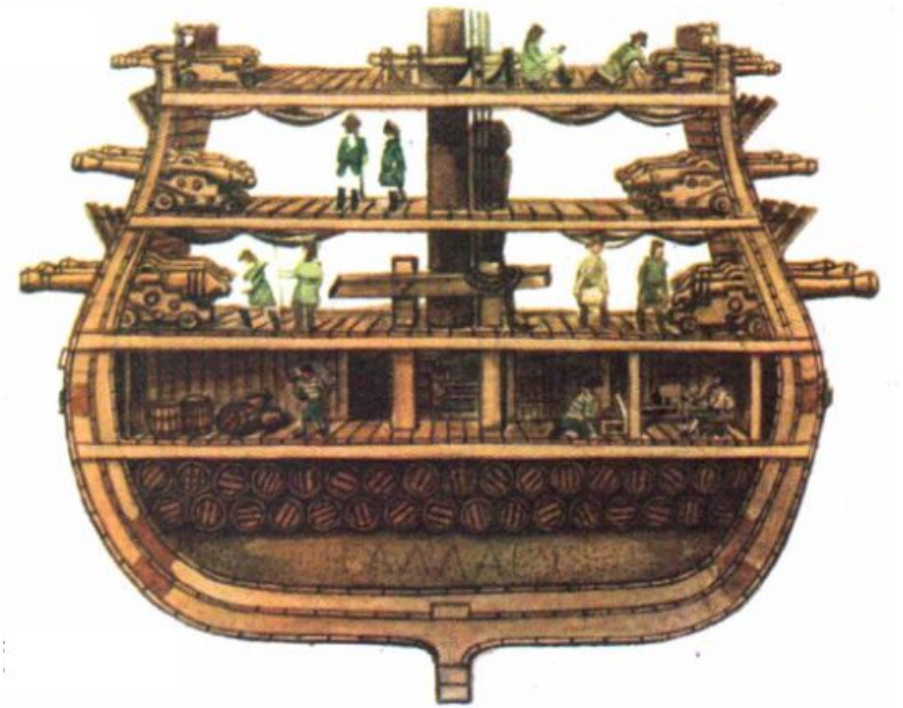
КОРАБЛИ

Поскольку пушки были тяжёлые, а к их весу надо прибавить вес ядер – чугунных, бронзовых или свинцовых, – то судостроители старались делать корабли всё крупнее и крупнее. На большом корабле орудий больше, потому он и сильнее. Появились корабли с командой в тысячу человек, вооружённые сотней пушек. Длина такого корабля была 50, а ширина 15 метров. Триеры древних были плоскодонные. Теперь же корабли строили с килем, это делало их более устойчивыми, или, как говорят моряки, остойчивыми. Корабль глубоко сидел в воде, над водой возвышались крепкие борта. Обводы корабля со временем приобрели стройные, изящные очертания, что улучшило мореходность и манёвренность судов.

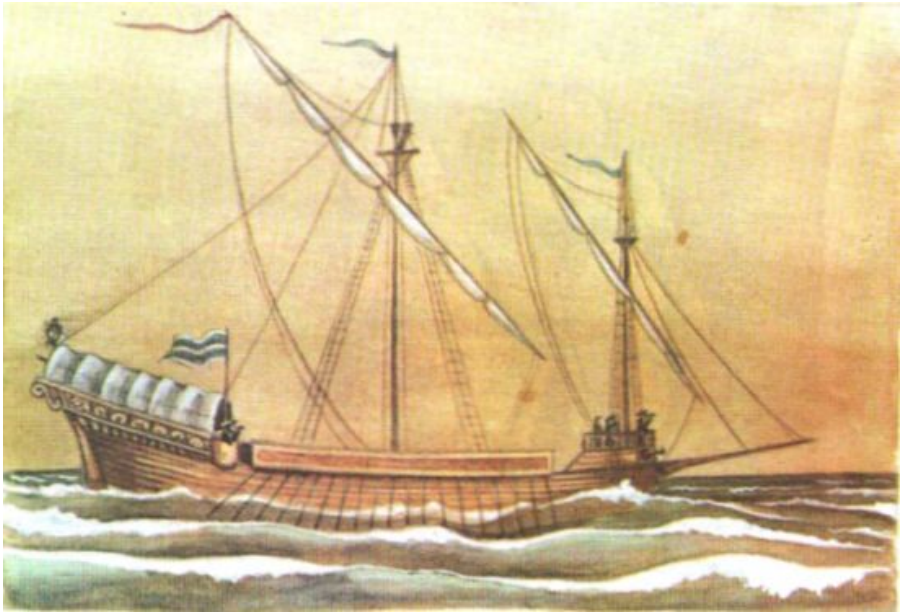
Не простым делом оказалось размещение пушек. Вначале их ставили только на носу и на корме, потом – вдоль бортов. Наконец, стали делать на кораблях не одну палубу, а две или три – как этажи, и на всех этажах-деках устанавливали орудия. Корабельные пушки в три ряда со всех сторон опоясывали корабль.

Каравелла Колумба «Санта-Мария» .

Русский бриг «Меркурий».



Расположение орудий на линейном корабле.



Скампавея (малая галера) времён Петра I.

ТАКТИКА ПАРУСНЫХ КОРАБЛЕЙ В БОЮ

Совершенно очевидно, что более мощный залп корабль мог произвести из бортовых орудий. Это и определило тактику того времени. Корабли выстраивались в линию кильватера – один в киль другому, один за другим. Встав против такой же линии неприятеля, флот начинал артиллерийский бой.

Очень важно было перед боем занять наветренное положение, то есть находиться по отношению к ветру впереди противника. Флот, занявший наветренное положение, диктовал начало и дистанцию боя: ему было легко совершать манёвры, он мог пустить на неприятельскую линию брандеры – парусные суда, наполненные горючим материалом и предварительно подожжённые; брандеры сцеплялись с неприятельскими кораблями, и те тоже загорались. Ветром же сносило на неприятеля пороховой дым, который осложнял стрельбу и другую работу команды. Наконец, тот, кто находился в наветренном положении, мог в нужный момент прорезать неприятельскую линию через разрывы, образовавшиеся в ней, и отбить корабли авангарда или арьергарда.

Своё преимущество было у находящихся под ветром: их повреждённые корабли легко выходили из боя.

В первых морских сражениях часто получалось, что против большого корабля в линии противника оказывался маленький корабль атакующей линии. Маленькому с большим было

сражаться трудно. И случалось, мощный флот проигрывал бой из-за подобного обстоятельства. Тогда в линию стали выстраивать только большие корабли. Их стали называть линейными. Постепенно все корабли разделились на классы по силе артиллерийского вооружения и задачам.

Линейные корабли вели бой в линии. Их водоизмещение 700 – 1800 тонн, 60 – 100 пушек, экипаж 450 – 750 человек.

Фрегаты – средние корабли – тоже вели бой в линии и занимались разведкой. Водоизмещение 100 – 700 тонн, 35 – 50 пушек, экипаж 130 – 250 человек.

Лёгкие крейсеры (корветы, бриги, бригантины) нападали на торговые суда, охраняли свои торговые суда, поддерживали связь на флоте. Водоизмещение 50 – 250 тонн, 6 – 36 пушек, экипаж до 100 человек.

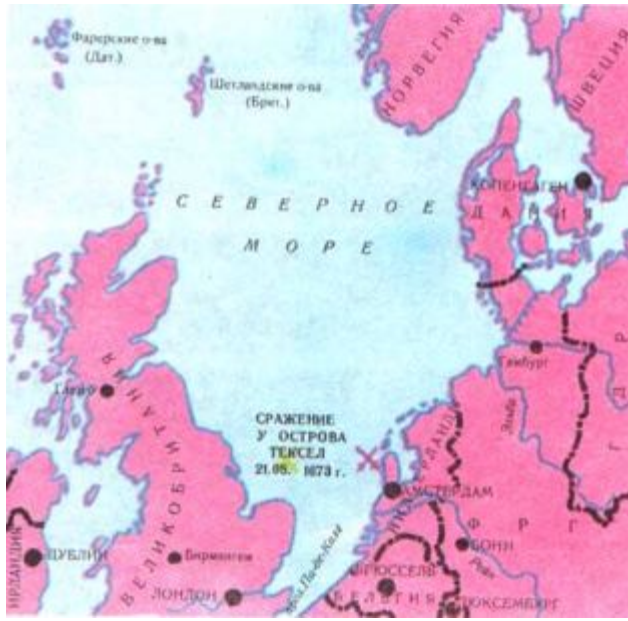
Брандеры – мелкие парусные суда для поджигания неприятельских кораблей.

В бою важное значение приобрели точное выполнение распоряжений флотоводца, слаженные и одновременные перестроения кораблей. Чтобы облегчить управление флотом, его стали делить на три эскадры. Каждая эскадра состояла из трёх дивизий: авангарда, которым командовал вице-адмирал, центра, где находился возглавлявший всю эскадру полный адмирал, и арьергарда, которым командовал контр-адмирал. Отдельными кораблями командовали капитаны.

Командующий флотом, находившийся на наиболее сильном корабле, управлял боем с помощью флажных сигналов и посыльных судов.

Четырнадцатое сражение

СЕВЕРНОЕ МОРЕ



Северное море.

Море расположено между островами Великобритания, Оркнейскими и Шетландскими – на западе, полуостровами Скандинавским и Ютландским – на востоке, на юге оно омывает берег Европы. На севере воды Северного моря сливаются с водами Норвежского моря. Средняя глубина – около 100 метров. Часты туманы. Льды мешают судоходству только в суровые зимы.

Ни в одной другой части Мирового океана нет такого интенсивного судоходства, как в Северном море. На побережье, им омываемом, расположены порты Великобритании, ФРГ, Франции, Бельгии, Голландии, Дании, Норвегии. Из Балтийского моря в Северное, а через него в Азию, Африку, в обе Америки плывут суда СССР, ГДР, Польши, Финляндии и Швеции.

Познакомившись с изменениями на флоте, давай посмотрим морское сражение тех времён. Отправимся в Северное море к берегам Голландии и Англии. Эти две страны в XVIII веке были сильнейшими и богатейшими в Европе. Голландия, например, имела 16 тысяч торговых и рыболовных судов, почти столько,

сколько приходилось на долю всех других европейских народов.

С деловитостью и неутомимостью пауков капиталисты этих стран раскидывали по всему свету колониальные сети, охватывая ими земли в Африке, в Индии, в Америке. Хотя мир был велик, во многих точках земного шара сети англичан перекрещивались с сетями голландцев. Тогда в эти точки спешили корабли соперниц и силой оружия решали, кому там грабить туземцев. Всем известный город Нью-Йорк с самого начала назывался Новым Амстердамом. Смена названия на Новый Йорк свидетельствует, что англичане за тысячи миль от своего старого Йорка одержали победу над голландцами из столь же далёкого старого Амстердама.

О непримиримых и злобных врагах говорят: «пауки в банке». Они дерутся до тех пор, пока одно насекомое не умертвит другое. В таком противоборстве сошлась английская буржуазия с голландской. Кто-то кому-то должен был подчиниться. Такова уж природа капиталистов – драться за богатство, вырывать его у другого, если даже другой может крепко дать сдачи.

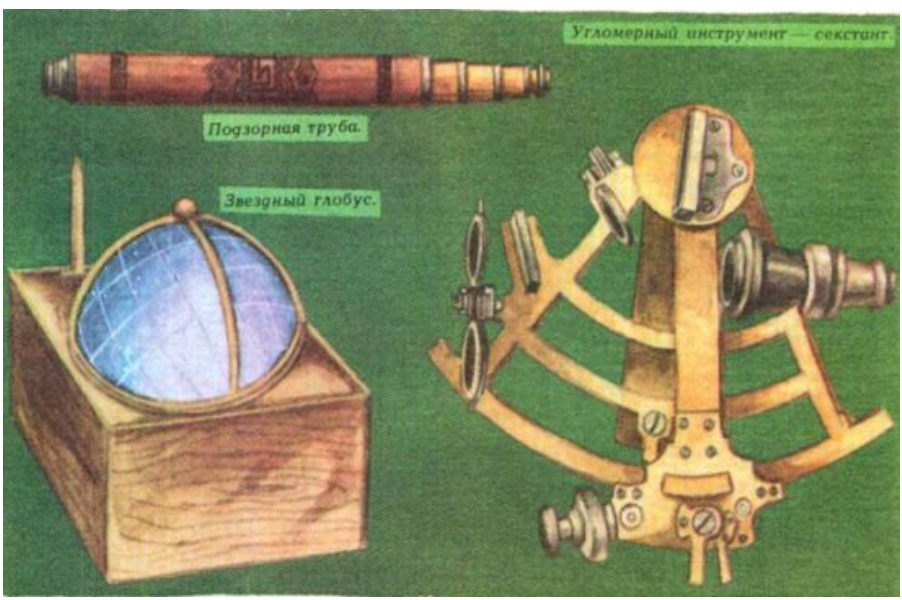
Было у соперников три войны. Они длились с небольшими перерывами 22 года. Из 15 боёв и сражений, в которых побеждала то одна, то другая сторона, мы возьмём предпоследнее.

Посмотри карту того района. Обрати внимание на географическое положение Англии. Откуда бы ни шли голландские корабли – из Индии, Африки, Америки, – они обязательно пройдут около английских берегов. Англичане, используя выгоды географического положения, начали войну против торговых судов голландцев, возвращавшихся из колониальных плаваний. Голландцы ответили тем, что стали собирать суда в караваны и на охрану посылать эскадры боевых кораблей. Тогда Англия решила уничтожить военный флот неприятеля. Одновременно с морской войной Англия – а к ней присоединилась ещё Франция – начала войну и на суше.

Корабль «Предестинация», построенный в 1700 году на Воронежской верфи.

Отделка английского корабля «Ройял Соверен».

Морские узлы.



В конце июля 1673 года англо-французский флот вышел в море, чтобы высадить на побережье Голландии крупный десант и подкрепить им свои сухопутные войска. Командовал флотом – 95 кораблей – адмирал Руперт.

Сухопутная армия голландцев была слабая. Поэтому командующий голландским флотом адмирал Рейтер получил приказ не допустить высадку десанта. Задача Рейтера осложнялась тем, что в это же время ожидался приход большого каравана торговых судов из Индии. Да и кораблей у голландцев было меньше – 70.

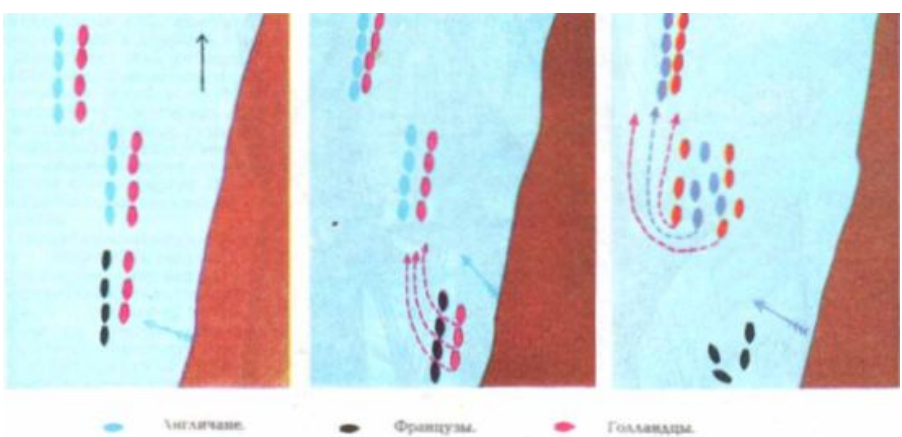
Рейтер понимал: спасти караван он сможет, если, несмотря на меньшие силы своего флота, сам нападёт на противника первым, свяжет его боем – тогда торговым судам с богатыми товарами удастся проскользнуть в свои порты.

95 кораблей и 70 кораблей. Чем возместить разницу в 25 кораблей? Адмирал Рейтер рассчитывал на своих комендоров, которые стреляли лучше английских.

Голландский флот обнаружил неприятеля недалеко от острова Тексел, одного из Западно-Фризских островов. Корабли Рейтера оказались под ветром, ветер дул на них со стороны противника. Такое положение невыгодно для боя. И адмирал весь день и всю ночь маневрировал, дожидаясь благоприятного для себя ветра.

Утром ветер переменился, подул в восточно-юго-восточном направлении. Голландские корабли оказались в наветренном положении и приготовились к бою.

Теперь обратимся к первой схеме боя. Корабли союзников идут тремя кильватерными колоннами: в авангарде 30 французских кораблей; в центре 30 английских кораблей; в арьергарде 35 английских кораблей.



Сражение у острова Тексел. 21 августа 1673 года.

Адмирал Рейтер посчитал, что с авангардом союзников справятся 10 голландских кораблей – французы воевали плохо. А против центра и арьергарда он выделил почти столько же,

сколько было у противника в этих отрядах, – по 30 кораблей.

Пока адмиралы готовятся к схватке, мы посмотрим вооружение их кораблей. В статье Фридриха Энгельса «Флот» есть описание большого английского корабля того времени. Он назывался «Ройял Соверен» – «Королевский властелин». На нижней палубе корабль имел 30 орудий 42-фунтовых и 32-фунтовых; на средней – 30 орудий 18-фунтовых и 9-фунтовых; на верхней палубе 26 лёгких орудий, вероятно, 6– или 3-фунтовых. Кроме того, он имел 20 погонных орудий и 26 орудий на баке и «шканцах». 132 орудия!

Допустим, на других кораблях, встретившихся в бою, артиллерии было вполовину меньше, чем на «Королевском властелине», и то мы получим почти 11 тысяч стволов. Грозное число, не правда ли? Ко времени этого сражения пушки уже стреляли со скоростью до 12 выстрелов в час. Сражение предстояло нешуточное! Что означает «42– фунтовое орудие, 3-фунтовое»? В фунтах тогда выражался калибр орудий, определялся он по весу чугунного ядра. Старинная мера веса фунт равна 400 граммам. Значит, снаряд самой большой пушки «Королевского властелина» весил 16,8 килограмма, а самой маленькой – 1,2 килограмма.

Сражение началось. Голландский авангард контр-адмирала Банкерса атаковал французов, которые излишне удалились от центра. Те, имея численное превосходство, решили частью кораблей повернуть и выйти в наветренное положение. Если бы такое им удалось, то французы поставили бы противника в два огня, голландская линия оказалась бы между двумя линиями французских кораблей. Как это опасно, ты представляешь: на голландцев ядра посыпались бы с обеих сторон. Но когда французы поворачивали, расстояние между их кораблями так увеличилось, что в эти разрывы вошли голландские корабли. Что получилось? Французы могли стрелять в голландцев только из кормовых и носовых орудий, а голландские комендоры били по противнику из бортовых. Это сразу дало преимущество голландцам, ведь бортовых орудий в несколько раз больше, чем кормовых и носовых. Строй французских кораблей был нарушен, корабли получили большие повреждения и стали поспешно выходить из боя. Банкерс не преследовал французов. Он со своими десятью кораблями был очень нужен в центре. На второй схеме пунктирными линиями показано, как авангард идёт на помощь Рейтеру.

Центры и арьергарды тоже вели бой. На английских кораблях было много десантников. Оберегая их от голландских ядер, Руперт всё время держался на предельной артиллерийской

дистанции. Несколько раз он приказывал своим кораблям спускаться под ветер, то есть отходить от наседавших голландцев.

Корабли Банкерса сразу изменили характер боя. Теперь против 30 англичан было 40 голландцев. То, что не удалось французам, удалось Рейтеру и Банкерсу: удачным манёвром они поставили часть английских кораблей в два огня, а часть окружили. (Посмотри третью схему.) Голландские комендоры принялись осыпать неприятеля ядрами и бомбами.

В это же время напряжённый бой вели арьергарды. Ни англичанам, ни голландцам не удалось сохранить строй линии, все корабли перемешались, и капитаны сами выбирали себе противника.

После полудня Руперту удалось вырваться из тисков голландцев. Он повёл потрёпанные корабли на соединение со своим арьергардом. К своему арьергарду последовал и Рейтер.

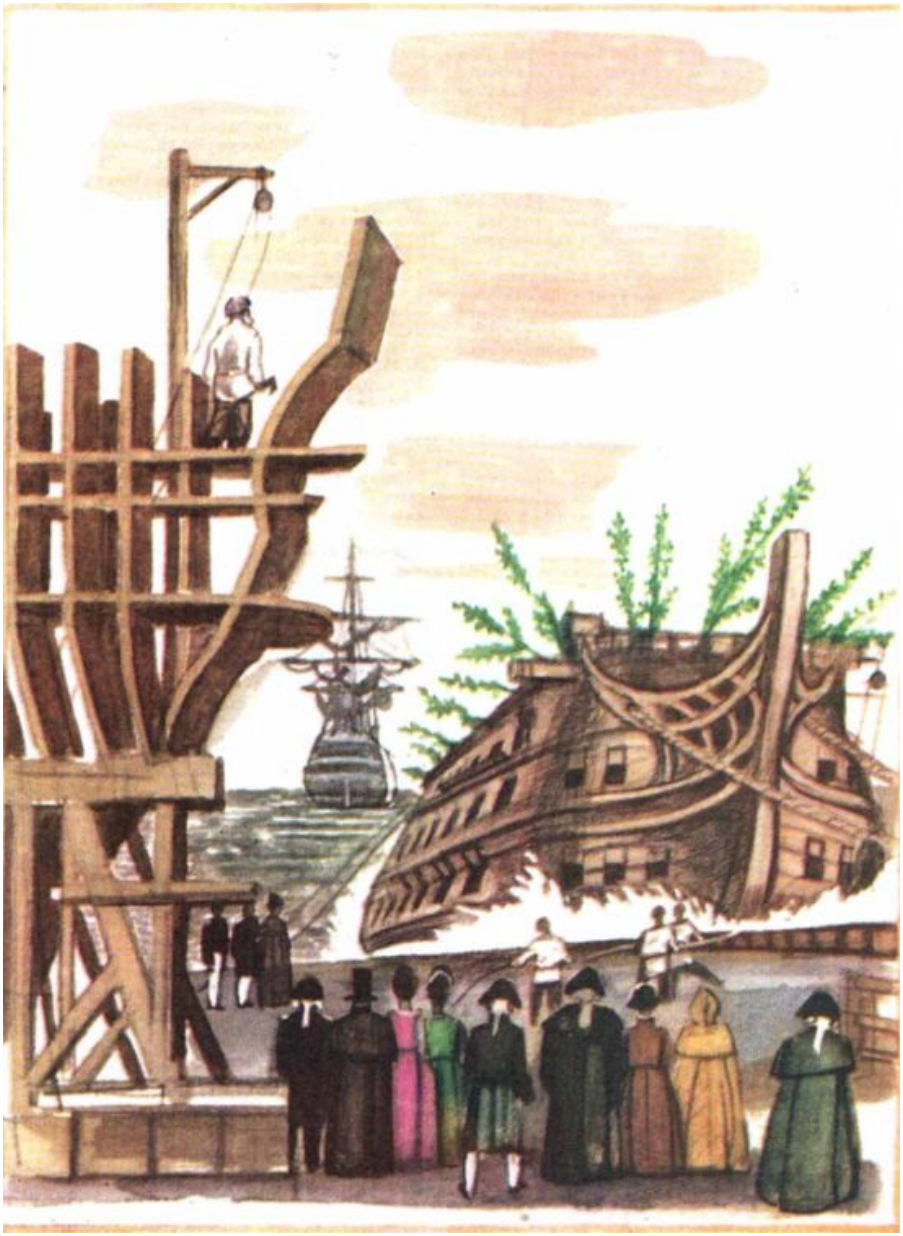
Все английские корабли – 65 – и все голландские – 70 – ещё держались на воде. Бой разгорелся с новой силой. В вечерние часы и решился исход всего сражения. Голландские артиллеристы оправдали надежды своего адмирала. Пошёл ко дну получивший многочисленные пробоины один английский корабль, затем – второй. Семь кораблей горели огромными кострами. На шлюпках, на досках, на обломках мачт английские матросы и десантники старались подальше отплыть от страшного места.

С заходом солнца бой прекратился. Противники ушли к своим базам. Как видим, сражение велось по всем правилам. И эти правила совсем не похожи на правила древних сражений.

Кроме девяти кораблей, англичане потеряли в тот раз убитыми около двух тысяч человек. Они не смогли высадить десант. Торговый караван голландцев беспрепятственно дошёл до своих берегов. У Рейтера все корабли держались на воде, хотя тоже получили много повреждений.

Рейтер добился серьёзной победы. Но общую победу (за счёт других сражений) и в морской и в сухопутной войне одержали англичане. Голландская буржуазия подчинилась буржуазии английской. С той поры и на долгие века Англия стала единоличной «владычицей морей». На всех важных морских дорогах встали английские крепости. По всем морям и океанам как хозяева поплыли английские военные корабли. А колонии Англии были во всех частях света. При населении 46 миллионов человек и территории 300 тысяч квадратных километров она (к 1914 году) владела колониальным населением в 393 миллиона человек и землями площадью 33 миллиона квадратных километров.

ВОЗВРАЩЕНИЕ К БАЛТИЙСКОМУ МОРЮ



Строительство кораблей на Адмиралтейской верфи в Петербурге.

В те годы, когда адмиралы Рейтер и Руперт водили в бой мощные эскадры, в семье русского царя Алексея Михайловича родился мальчик – будущий царь Пётр I и вице-адмирал Пётр Михайлов. Моё и твоё, читатель, отношение к царям вполне определённое – оно укладывается в точную формулу: «Царей надо свергать». Но мы с тобой погрешили бы против истории, против правильного понимания её, если бы отнеслись к Петру I без должного уважения.

Пётр I.

Пётр I, как и другие цари, был деспотом. Никто не считал, сколько крепостных, согнанных царёвым указом на болотистые берега Невы, умерло до того, как встали там город Петербург, крепости, верфи, заводы. Но вот в другом указе написано: «Повелеваю хозяина оружейной фабрики Корнилу Белоглаза бить кнутом и сослать на работу в монастырь, понеже он, подлец, осмелился войску государеву негодные пищали и фузеи продавать. Старшего альдермана [браковщика] Фрола Фунса бить кнутом и сослать в Азов на галеры – пусть не ставит клейма на плохие ружья». Жестокий указ. Но когда представишь солдат, ушедших на войну с негодными ружьями, жестокость покажется оправданной. Следующие строки этого указа показывают Петра твёрдым администратором: «Приказываю ружейной канцелярии из Петербурга переехать в Тулу и денно и нощно блюсти исправность ружей».

Не щадя никого, Пётр не щадил и себя. Во второй год войны со шведами участвовал в абордажном бою при захвате неприятельских кораблей «Гедан» и «Астрильд», вошедших в Неву. Сам водил в контратаку батальон стрелков под Полтавой. А

умер, простудившись на море во время бури, когда спасал команду тонувшего корабля. Личное отношение Петра I к общему делу не могло не вызвать симпатий у других людей. Главное же, что влекло за ним, что помогало преодолевать нечеловеческие трудности, – это то, что Петровы начинания и предприятия нужны были государству и всему народу России.

Россия тогда сильно отставала от развитых стран Европы – в экономике, в торговле, в культуре. Из этой общей отсталости происходила отсталость военная. Причин тому было много, и не последняя, что огромное государство было отрезано от Чёрного и Балтийского морей. Россия не могла возить свои товары в другие государства и вести торговлю. А границы страны постоянно были открыты – на юге для вторжения турок и крымских татар, на северо-западе для шведов, захвативших земли по берегам Финского залива.

Мы знаем: к концу царствования Петра I самым сильным, самым могучим на Балтийском море был русский флот. Он насчитывал 48 линейных кораблей и фрегатов, почти 800 галер и других судов. На кораблях и в морских крепостях несли службу 28 тысяч человек. А как трудно было создать такую мощь!

Корабельное дерево не обработаешь без инструмента. Надо было наладить изготовление пил, топоров, свёрл. Нужны гвозди, скобы, цепи, якоря, нужны пушки и ядра к ним – и это производство пришлось начинать почти на пустом месте. А паруса, а сукно на солдатские и матросские мундиры? Надо было ставить ткацкие фабрики. Неучёный командир не может вести корабль в море, на наёмных иностранцев надежда плохая. Учреждались навигационные школы. Наконец, нужны были уставы и наставления, чтобы организовать вооружённые силы, привести их в порядок, сделать боеспособными. Всё это и многое другое было сделано.

Пётр I особенно любил флот. Он отлично знал искусство кораблестроения и военно-морское искусство. Звание вице-адмирала было ему присвоено не потому, что он был царь, а потому, что заслужил его умелым и мужественным руководством в боях и сражениях. Его военный авторитет был очень высок. В 1716 году против шведов выступила эскадра русских, датских и английских кораблей. Датчанин генерал-адмирал Гульденлев и англичанин адмирал Норис единодушно предложили Петру I возглавить эскадру, хотя его морское звание было меньше, чем у них.

Пётр любил флот. Но, готовясь к войне с турками и шведами за моря, он прежде занялся созданием сухопутной армии.

Почему так? Ведь сухопутной армией моря не отвоюешь.

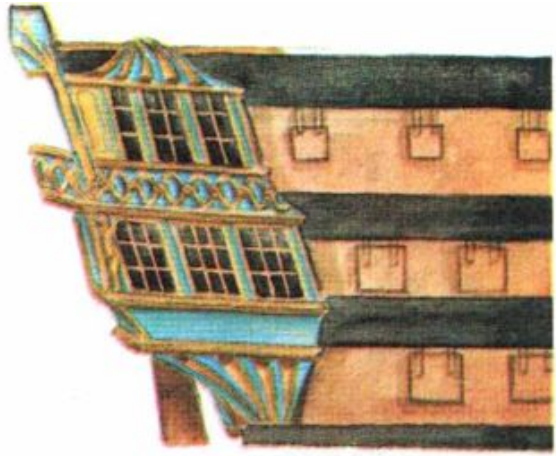
«Если отвоевать море, но не обеспечить удержание берегов, зачем начинать войну?» – так рассуждал Пётр I и был дальновиден и проницателен.

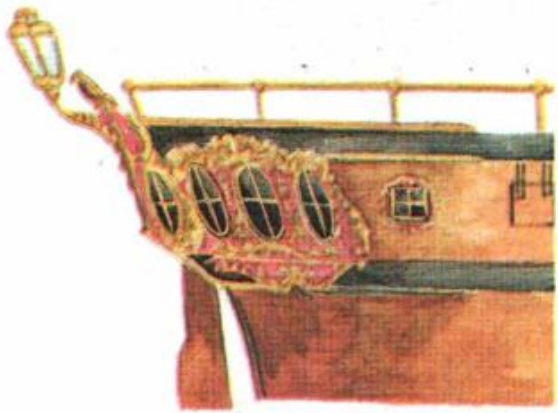
«Основной войной Петра Великого» назвал Карл Маркс Северную войну со шведами. Она началась в 1700 году и кончилась в 1721-м. Швеция в то время была одним из сильнейших государств Европы. 38 линейных кораблей, 45-тысячная армия давали возможность воинственному королю шведов Карлу XII постоянно вмешиваться в дела соседей – Польши, Саксонии, Пруссии, Дании. Финляндия принадлежала шведам, земли прибалтийских народов и русские – вплоть до Ладожского озера – тоже. С таким грозным и опытным противником не побоялся вступить в единоборство Пётр I.

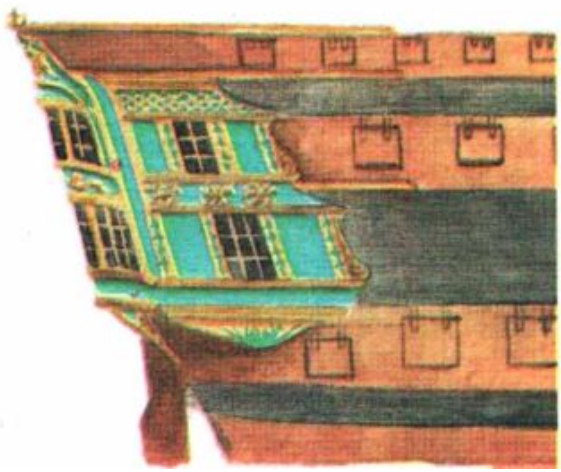
Много сражений и боёв – на суше, на море провели русские и шведы за два десятка лет. Началось всё с поражения русских войск под Нарвой в 1700 году, прошло через великую Полтавскую победу русских в 1709-м и закончилось походом на Стокгольм, когда отряды генерал-адмирала Апраксина остановились в трёх километрах от шведской столицы – Карл XII умер, королева Элеонора, сменившая его, попросила Петра кончить военные действия.

В 1721 году был заключён мирный договор со шведами. Россия возвратила себе устье Невы, Карельский перешеек, Выборг, Кексгольм, приобрела Эстляндию, Лифляндию и Моонзундские острова. Россия прочно утвердилась на берегах Финского и Рижского заливов.

Карл Маркс об итоге войны писал: «Пётр I завладел всем тем, что было абсолютно необходимо для естественного развития его страны». Эти слова определяют характер Северной войны. Со стороны русских она была справедливой, наше сочувствие на стороне наших предков, сумевших одолеть опасного врага.







Убранство кормы русских кораблей.

ПОБЕДА У ГАНГУТА

Разгромом шведской армии под Полтавой закончился первый период Северной войны. Была решена важная задача: уничтожена считавшаяся непобедимой в Европе шведская армия. Россия была согласна заключить мирный договор при условии возвращения ей земель на побережье Балтийского моря, искони принадлежавших нашим предкам. Но король Швеции Карл XII и слушать не хотел об этом. Имея сильный флот, он был уверен в победе над Петром I.

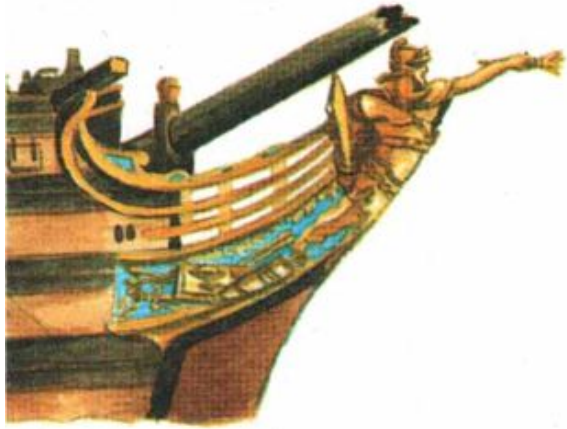
Одним из сражений, прославивших русский флот в борьбе за выход России к берегам Балтики, было Гангутское сражение, которое произошло в 1714 году. Ещё в 1713 году русские сухопутные войска заняли основной опорный пункт шведов в Финляндии – Гельсингфорс (теперь Хельсинки) и затем овладели последней крепостью Финляндии – городом Або. На другой год Пётр решил послать в Або гребной флот с десантом, чтобы оттуда напасть на Аландские острова, занять их, а с островов высадиться на побережье Швеции. Переход гребного флота от Котлина до входа в финские шхеры должен был прикрывать корабельный флот – линейные корабли и фрегаты. Затем кораблям надлежало уйти в Ревель, оттуда препятствовать проникновению шведского флота к Або и в Финский залив.

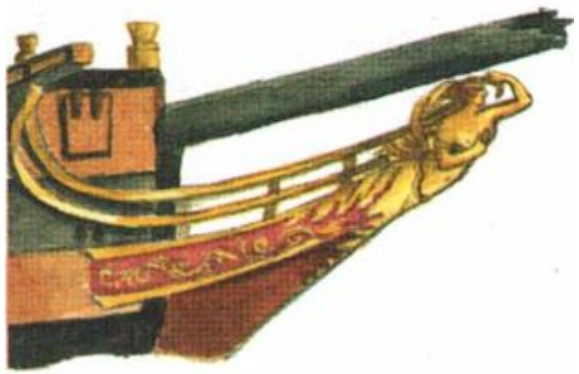
Гребной флот, которым командовал Апраксин, состоял из 99 галер и малых галер – скампавей. На нём было 15 тысяч десантников. В корабельный флот входили 11 линейных кораблей, 4 фрегата и другие парусные суда. Им командовал Пётр I.

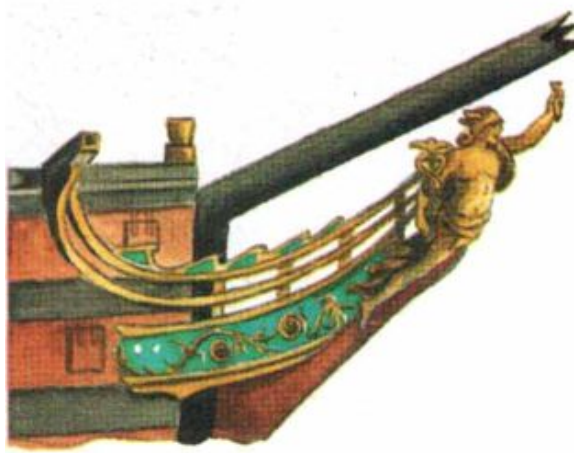
Первая часть плана была исполнена без затруднений. Галеры и скампавеи, идя на вёслах сквозь шхеры – лабиринты скалистых островов и островков у финского берега, были неуязвимы для шведов. Гребных военных судов шведы имели мало, а линейные корабли, фрегаты и крейсеры не могли войти в шхеры из-за глубокой осадки и большой величины. Однако шведы рассчитывали перехватить и уничтожить русские галеры у южной оконечности Гангутского полуострова, где шхер не было, а был глубокий открытый плёс. Там и сосредоточились под командой адмирала Ватранга 17 линейных кораблей, 5 фрегатов и небольшой отряд гребных судов.

Русский гребной флот в конце июня 1714 года подошёл к Гангутскому полуострову и сосредоточился в бухте Тверминне. Разведывательные корабли обнаружили неприятельский флот. Апраксин отправил донесение Петру в Ревель о силах неприятеля

и предложил корабельному флоту или отвлечь на себя противника, или совместно с гребным флотом атаковать его.

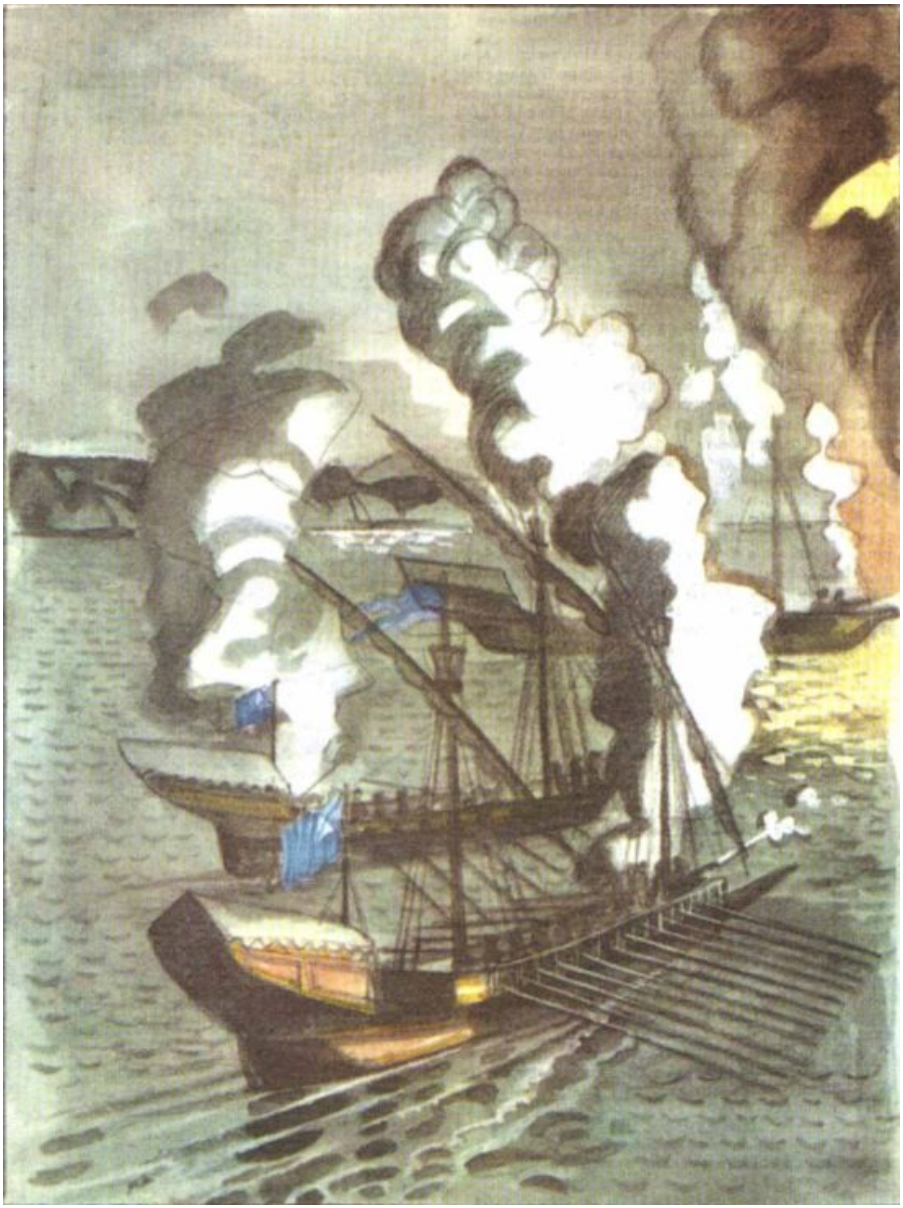


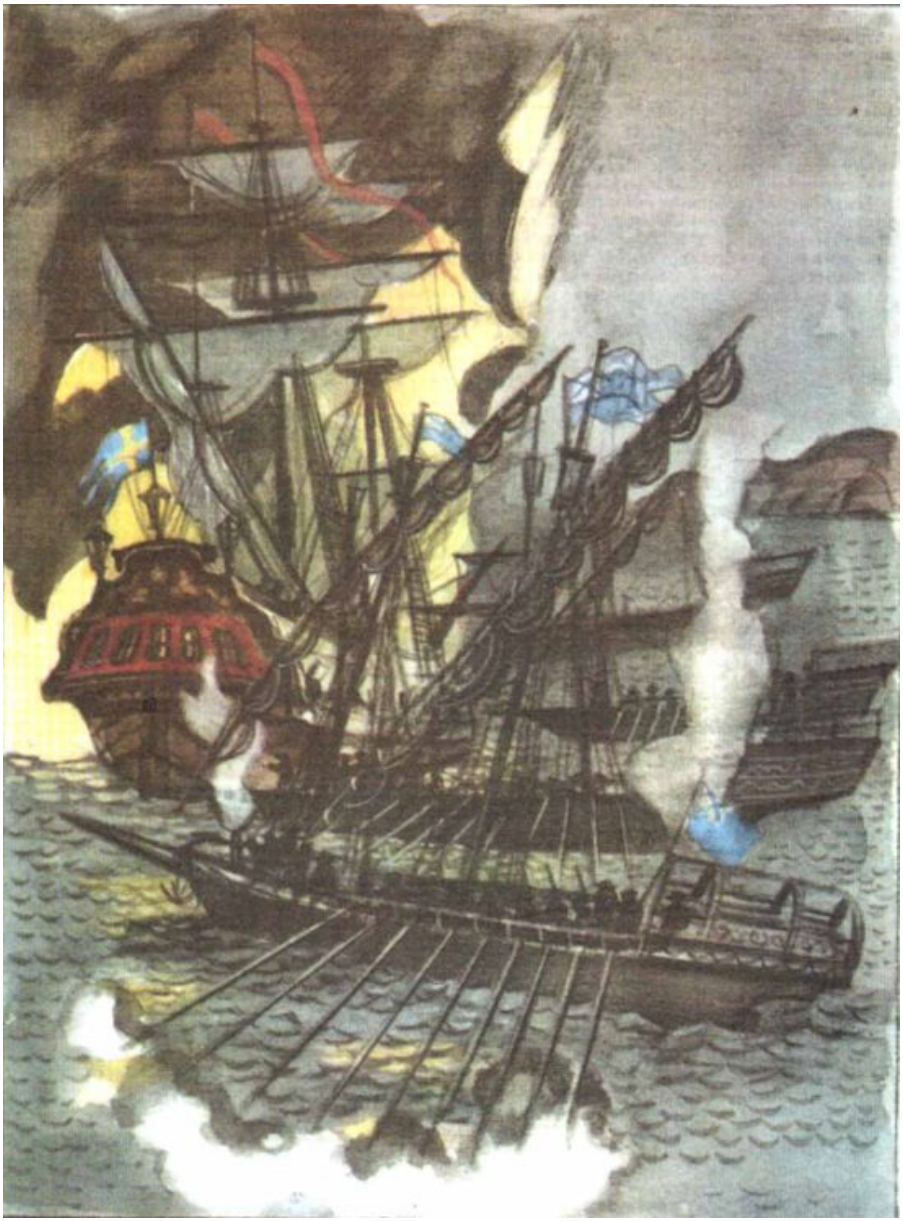




Носовые украшения русских кораблей.

Пётр не захотел вводить в дело свои корабли из-за большого численного превосходства шведов. Он отправился к Гангуту, чтобы разобраться во всём на месте. Царь-адмирал сам провёл разведку неприятельского флота и обследовал весь полуостров. В его северной части оказался перешеек шириной всего два с половиной километра. Пётр приказал строить на перешейке бревенчатый настил, чтобы перетащить по нему корабли через полуостров, – у западного берега полуострова снова начинались шхеры.





Гангутское сражение. Июль 1714 года.

Это была технически осуществимая задача. Поэтому Ватранг, узнав от местных жителей о строительстве переволоки, принял всё за чистую монету и немедленно предпринял ответные действия: направил контр-адмирала Эреншельда с парусно-гребным фрегатом «Элефант», шестью большими галерами и тремя шхерботами на западную сторону полуострова. Одновременно вице-адмирал Лилье направился к бухте Тверминне с 8 линейными кораблями, фрегатом и двумя

бомбардирскими судами. Лилье должен был атаковать русский флот в подходящий момент, скорее всего тогда, когда часть галер была бы переброшена по переволоке на другую сторону полуострова. Ватранг с 7 линейными кораблями и 2 фрегатами остался на месте – сторожить мыс Гангут.

В Северной войне русские войска часто применяли военные хитрости. Без них и побед было бы меньше, и достались бы они тяжелее. В чём теперь состояла хитрость? В том, что Пётр и не думал перетаскивать все галеры на другую сторону. Он намеривался перетащить несколько скампавей, чтобы вызвать у шведов замешательство их неожиданным появлением в тылу. Но шведы предвосхитили развитие событий, сами поторопились разделить флот на части. Это была большая ошибка Ватранга. В самом горячем месте – у мыса Гангут – он ослабил свои силы.

Пётр не мог упустить такой выгодной ситуации. Он знал, что летом в этом районе по утрам бывает безветренная погода, штиль стоит почти до полудня. Было и решено утром прорваться через опасное место под самым носом неприятеля. Вечером 25 июля 20 скампавей авангарда подошли к Гангутскому плёсу. Там уже были 15 скампавей дозора. За ночь гребцы выспались – им предстояла трудная работа.

Наступило утро 26-го. Ветра не было. Грозные корабли Ватранга, подошедшие к берегу так близко, как было только можно, стояли с обвисшими парусами. Скампавеи вышли из шхер и на предельной скорости пошли мористее стоянки шведов (мористее – дальше от берега). Они двигались в кильватерной колонне, одна за другой, вызывая ярость шведского адмирала. Корабли открыли сильный огонь. Но ядра не доставали русских. Тогда шведы начали буксировать корабли с помощью шлюпок. Дело у них продвигалось медленно. Вслед за авангардом и скампавеи дозора, взяв ещё мористее, благополучно миновали 15-километровый плёс и вошли в шхеры на западной стороне Гангутского мыса. Они остановились там для короткого отдыха, а затем заблокировали корабли Эреншельда у переволоки.

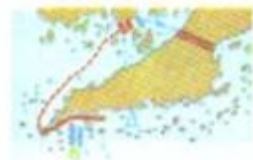
Лилье из-за штиля не смог подойти к Тверминне и вечером вернулся к Ватрангу. Шведы побоялись, что ночью галеры могут атаковать их, поэтому корабли отошли от берега. Они встали двумя линиями на том месте, где прошли скампавеи, и ждали утра.

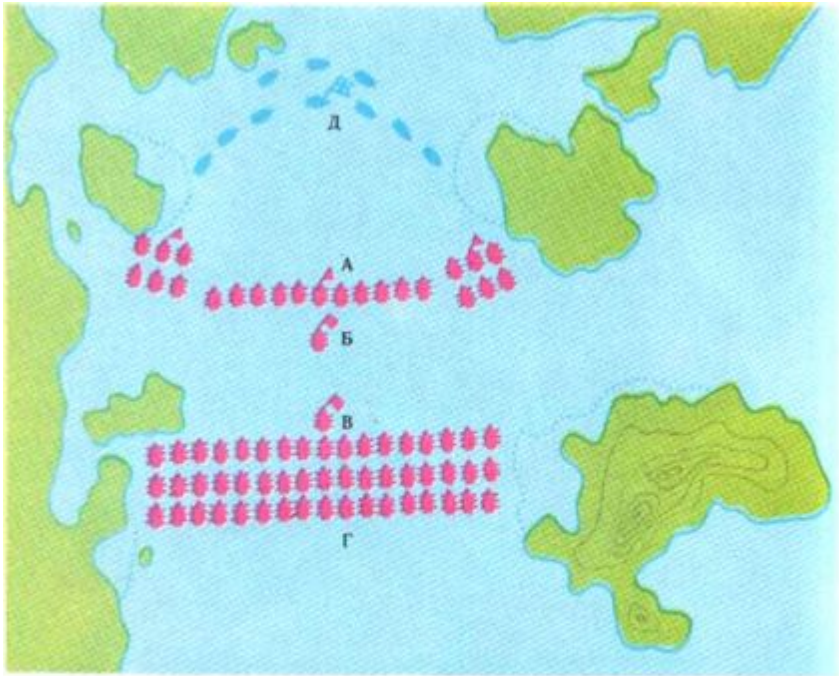
Утро 26 июля.

А — главные силы русского галерного флота.
Б — авангард русского флота, прорывающийся мористее главных сил шведского флота.
В — дозорный отряд русских, идущий на прорыв следом за авангардом.
Г — главные силы шведского флота.
Д — отряд Лилье, возвращающийся к Ватрангу.
Е — отряд Эреншельда у переволоки.

Утро 27 июля.

А — главные силы русского флота.
Б — русский авангард, заблокировавший отряд Эреншельда.
Г и Д — главные силы шведского флота, отряды Ватранга и Лилье.
Е — отряд Эреншельда.





Положение кораблей перед боем у Рилакс-фиорда 27 июля.

А — передовой отряд русских кораблей.
Б — корабль Петра I.
В — корабль Апраксина.
Г — главные силы русского флота.
Д — корабли Эреншельда.

Бой русских галер со шведами.

Пока приближается рассвет 27 июля, посмотри первую схему Гангутского сражения. Ты яснее представишь себе те события.

Посмотрел? Теперь понадобится вторая схема. Утро наступило, сражение, похожее на игру в кошки-мышки, продолжается.

В минувшую ночь галеры Петра и Апраксина – уже главные силы – подтянулись из Тверминне к плёсу. Утром при штиле и тумане они ринулись на прорыв, но уже около самого берега, теперь мористее были шведы. Шведские ядра опять не долетали до галер и скампавей. Шлюпки опять взяли на буксир тяжёлые корабли и тащили их к берегу. Но всё было напрасно, русские обогнули мыс и двинулись туда, где стоял заблокированный отряд Эреншельда. Только одна галера села на мель, и шведы захватили её.

Теперь посмотри третью схему сражения. У Эреншельда, напомню, 18-пушечный фрегат, шесть больших галер и три шхербота – всего 120 орудий. Видишь, как он расположил свои

корабли? Фрегат в центре полукруга кораблей, фланги упираются в прибрежные отмели. Прямо как в сражениях древних флотов.

У русских большое превосходство в силах. Но воспользоваться им невозможно: очень мало пространство, на котором встретились противники (подобное было у персов в Саламинском сражении). Поэтому атаку будут вести 23 скампавеи, на каждой от 3 до 5 небольших пушек, всего 90. Скампавеи стоят в строю фронта с двумя рядами кораблей на флангах. Командовать ими будет Пётр. Его галера – позади строя скампавей. Если понадобится помощь, она придёт из главных сил флота, которым командует Апраксин.

После полудня русские корабли тремя отрядами начали атаку. Впереди каждого отряда на шлюпках шли командиры, стоя со шпагами в руках, – предстоял абордажный бой.

Шведы открыли частый артиллерийский огонь. Так они отбили две атаки. Тогда Пётр приказал атаковать фланговые корабли. Дело пошло лучше. Удалось сблизиться с неприятелем; вдобавок к пушкам десантники на скампавеях повели огонь из ружей. Один за другим начались жестокие абордажные бои. Исход схватки был очевиден. И шведы стали спускать флаги и сдаваться в плен. Дольше всех сопротивлялся флагманский корабль. Его удалось взять на абордаж после того, как на нём вспыхнул пожар. Эреншельд со шпагой в руках пробивался к борту, где его ждала шлюпка. Израненный адмирал уходил в шлюпке со своими матросами. Однако капитан Бакеев и его гренадеры, тоже в шлюпке, догнали беглецов и пленили адмирала.

Беллинсгаузен Ф. Ф.

В «Реляции о случившейся морской баталии между российскою авангардиею и швецкою эскадрою» говорилось: «И хотя неприятель несравненную артиллерию имел пред нашими, однакож по зело жестоком суопротивлении перво галеры одна по одной, а потом и фрегат флаги опустили. Однакож так крепко оборонялись, что ни единое судно без обордирования от наших неотдалось».

После того как десант был доставлен в Або и эта кампания закончилась, корабли победителей вернулись в Петербург. Они вели за собой пленённые суда. Вдоль Невы толпился праздничный народ, приветствовал криками храбрецов. Петропавловская крепость гремела артиллерийскими салютами. На мосту у крепости была сооружена арка. На ней в числе прочих висела картина – двуглавый российский орёл держит в когтях слона. Название шведского фрегата «Элефант» значит «Слон». Под картиной было написано: «Орёл не мух ловит!»

Гангутская победа обеспечила русскому флоту широкое использование выхода в Ботнический залив и Балтийское море и привела к резкому изменению стратегической обстановки на Балтийском театре в пользу России. Она позволила перенести военные действия на территорию Швеции и предрешила

успешное окончание Северной войны в пользу русского оружия.

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ЧЁРНОМУ МОРЮ

Тяжелее и дольше, чем на Балтику, возвращалась Россия к Чёрному морю. На это понадобился почти век – 96 лет.

Как ты знаешь, противником Руси на Чёрном море постоянно была Византия. С XV века на этом поприще её сменила Турция.

Предки турок, одно из племён восточных завоевателей, начали нападения на византийские владения ещё в XIII веке. Византия как государство погибла после захвата Константинополя. Его жители были нещадно вырезаны, город получил новое название – Стамбул – и стал турецкой столицей. Знаменитый храм святой Софии был переделан в мусульманскую мечеть. Что пришлось целиком по вкусу завоевателям, так это мощные стены вокруг города. Не тронули они и цепь, которой византийцы пытались остановить ладьи Олега; потом турецкий султан прикажет протянуть её поперёк бухты, чтобы остановить чайки запорожцев…

Считая собственностью Босфор и Дарданеллы, турки стали считать и всё Чёрное море своим внутренним морем. Оно, по сути, так и было. Султанская империя далеко раздалась вширь, захватив черноморские, эгейские и адриатические берега, всё северное побережье Африки тоже принадлежало туркам.

На Адриатике и в Средиземном море у турецкого флота было много соперников: венецианцы, испанцы, французы, англичане… На Чёрном же море турецкий флот был безраздельным владыкой. Единственным народом, земли которого выходили к морю и который мог противостоять туркам, были русские. Турки понимали это и основные военные усилия в бассейне Чёрного моря направляли против России.

С севера в Чёрное море корабли русских могли спуститься по Дону, Днепру и Дунаю. В устьях этих рек турки построили крепости: Азов, Очаков, Измаил. Там же стояли их эскадры.

Запорожцы на чайках, донские казаки на стругах пробивались тёмными осенними ночами из Дона и Днепра в море, совершали дерзкие набеги на прибрежные турецкие города. Даже на Константинополь ходили на вёслах. И даже Азов захватывали. Но это не меняло положения: черноморские пути оставались закрытыми для торговли и общения русских с другими народами.

Когда Пётр I задался великой целью вернуть выходы к морям, он начал с Чёрного моря (точнее – с Азовского). Флот, построенный на воронежских верфях, спустился по Дону к крепости Азов. В 1696 году крепость, атакованная кораблями и сухопутными войсками, пала. Однако вскоре её пришлось вернуть

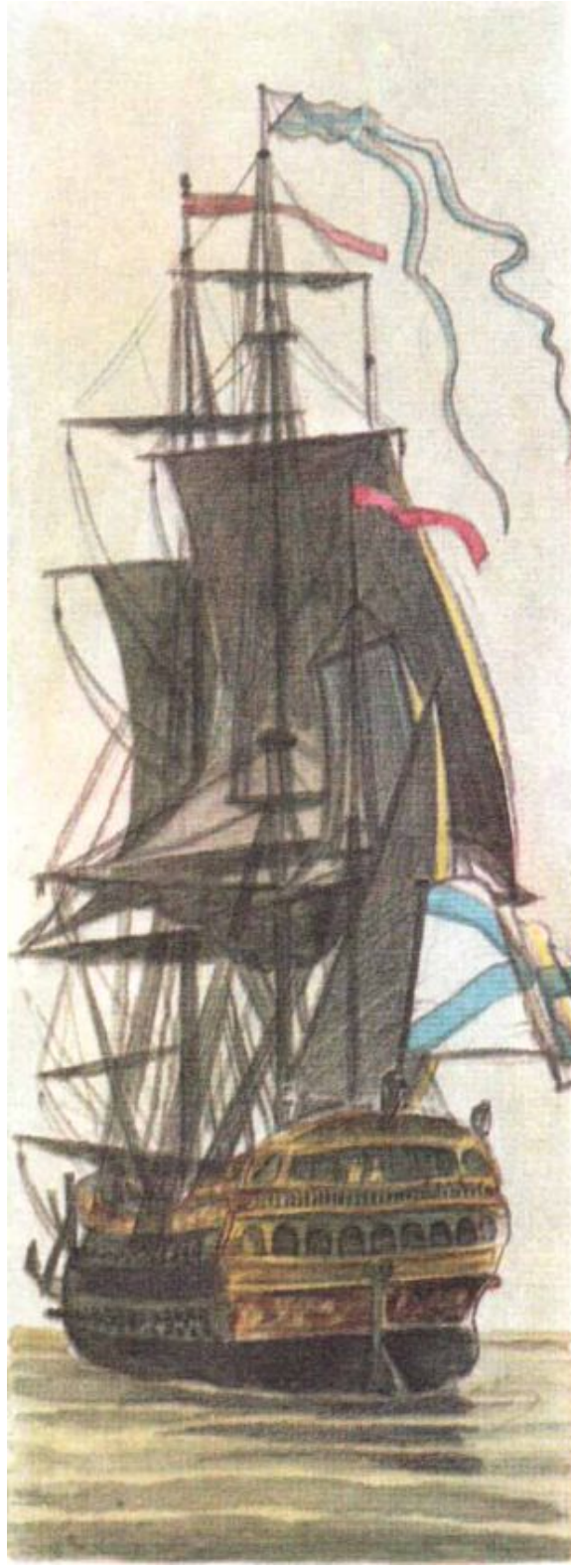
туркам. В те годы более опасными врагами стали шведы. Воевать одновременно с двумя сильными государствами Пётр не мог, для этого не было средств.

Войны с турками, длительные и тяжёлые, на суше и на море, начались уже после смерти Петра.

В каждом новом сражении турки получали всё более ощутимые удары: теряли неприступные крепости, такие, как Измаил, уступали такие важные в военном отношении территории, как Крым, их многотысячные армии исчезали в сражениях с Румянцевым и Суворовым, их эскадры уничтожались кораблями Спиридова и Ушакова. Однако Турция не хотела признавать право России на пользование Чёрным морем. Султаны не были бы такими упрямыми, если бы не «владычица морей» Англия. Она постоянно подталкивала турок к войне с Россией и, даже будучи союзником России, тайно или явно помогала им.

Английские капиталисты поступали так потому, что боялись будущую Россию – обладательницу могучего флота. Перед их глазами был свежий пример Швеции. В Северной войне она получила такой удар, что из великой державы превратилась в государство второстепенное. И англичане уже воевали с Россией – не так, как с Голландией, не сами, а руками турок.

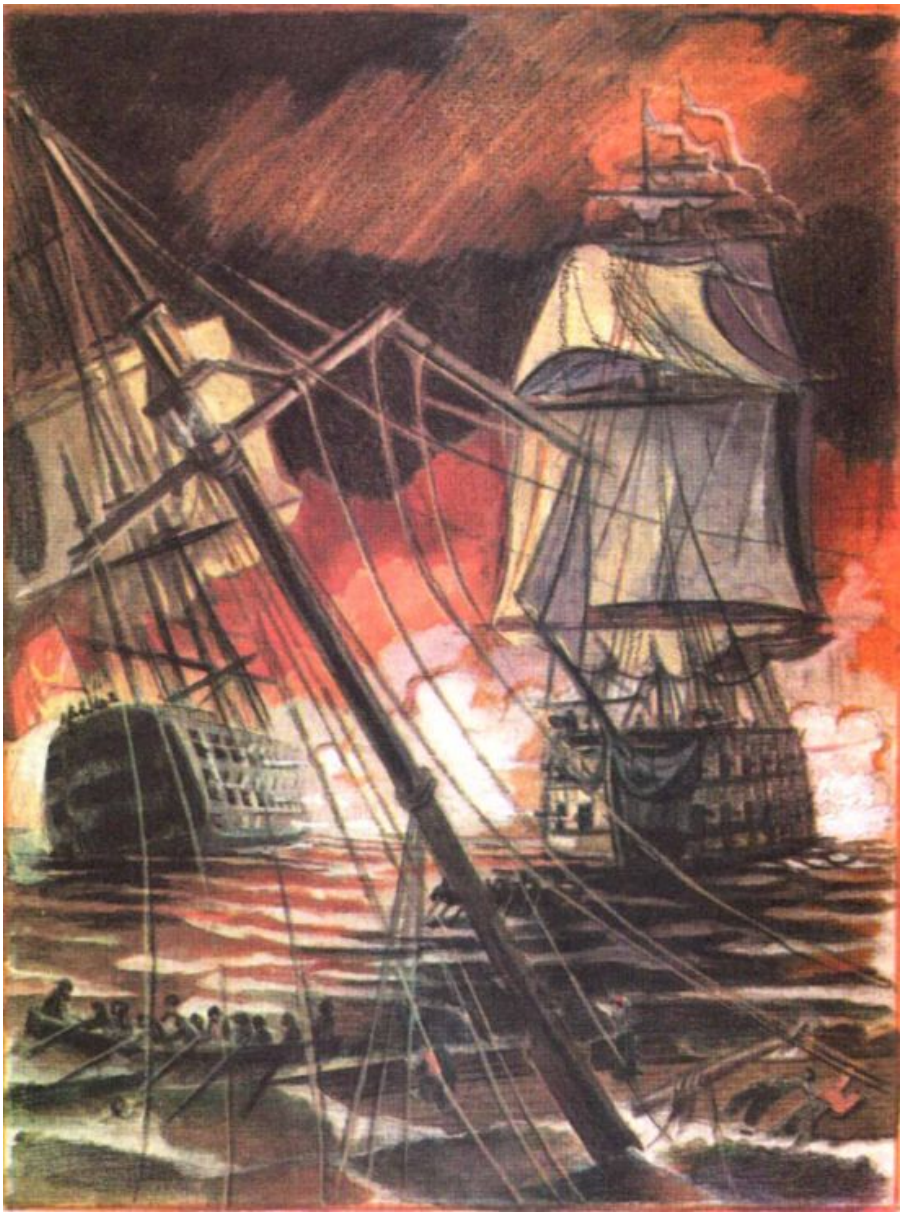
«Орёл» – первый военный корабль русской постройки.



Русский линейный корабль конца XVIII века.

Пётр только ещё начинал строить флот, а бдительный английский посол доносил из Петербурга в Лондон: «Корабельные мастера-англичане пользуются в России большой милостью у царя. Если они останутся на службе в России, …то сделают её хозяином Балтийского моря, …жалованье они получают большое, и выплачивается оно аккуратно… Царь сажает их за свой стол при самых многолюдных собраниях… Предоставляю вам судить, входит ли в интересы Великобритании быть застрельщиком возрастающего могущества [России]. … Давно пора отозвать этих мастеров с царской службы. Здесь, в Петербурге, пять мастеров, …все они британские подданные… Без указа Адмиралтейства они не поедут в Англию; …нужно решение правительства». Английский парламент такое решение принял. Отозвать пятерых мастеров или подтолкнуть к войне Турцию – вещи не равнозначные. Но любое средство хорошо, если оно во вред России.

Турция в конце концов была вынуждена отдать России северные берега Чёрного моря. Это произошло в 1791 году, после большого сражения на море. Мы с тобой, читатель, теперь отправимся к адмиралу Ушакову.



Бой русских с турками.

СРАЖЕНИЕ У МЫСА КАЛИАКРИЯ

Ушаков Ф. Ф.

Из всех русских военачальников прошлого мы особо выделяем генералиссимуса Александра Васильевича Суворова. Он провёл 60 боёв и сражений, во всех одержал победу. Полководец побеждал любого неприятеля: турок, поляков, пруссаков, французов… Побеждал, как он сам говорил, не числом, а умением. Его войско только в двух-трёх случаях численно превосходило противника.

Меньше мы знаем адмирала Фёдора Фёдоровича Ушакова. Между тем прославленный Суворов, восхищённый мастерством Ушакова при взятии средиземноморской крепости Корфу, далеко не ради красного словца воскликнул: «Ура! Русскому флоту!.. Я теперь говорю самому себе: зачем не был я при Корфу хотя мичманом?»

Суворов и Ушаков жили в одно время, участвовали в одних

войнах. Многое в их судьбе было схоже. Оба ни разу не были побеждены, обоих турки из уважительного страха звали пашами: Ушак-паша и Топал-паша (Топал – значит хромой. Суворов чуть прихрамывал). В конце жизни и генералиссимус и адмирал были отстранены от боевых дел, так как не угодничали перед монархами. Генералиссимус и адмирал одинаково верили в солдат и матросов, знали, что русские могут совершить во имя Родины такие подвиги, какие не под силу другим войскам. Разница заключалась лишь в том, что один водил в сражения пехоту и конницу, другой – корабли. Но и тут тоже было сходство, может быть, самое главное, – и Суворов и Ушаков были военачальниками-новаторами, совершенствовали формы боя, в устоявшиеся правила вносили свои поправки.

Русский генерал Драгомиров говорил: «Работают у того, кто сам работает, и на смерть идут у того, кто сам её не сторонится». Суворов только однажды, при штурме Измаила, не был в гуще боя – наблюдал за ходом действий с холма. И Ушаков всегда находился в самом горячем месте сражения. Как раз одно из новшеств, которое он ввёл, и заключалось в том, что флагманский корабль эскадры во главе с самим адмиралом вступал в бой с флагманом неприятеля.

Флагманские корабли были самые сильные, самые лучшие в эскадре. Если удавалось потопить такой корабль, поджечь его, взять на абордаж или заставить выйти из боя, то это сразу давало ощутимый результат. Гибель флагмана пугала, эскадра оставалась без руководителя.

Конечно, и русский флагманский корабль подвергался повышенной опасности. Русской эскадре тоже грозили неприятности в случае его гибели или гибели адмирала-флагмана. Но на войне не победить без риска, без дерзости. Важно только, чтобы они были оправданными, чтобы были основания рисковать и дерзать.

А какие основания имел для этого Ушаков? Первое – он обладал даром мгновенно оценивать обстановку и видеть слабости вражеской позиции. Второе – экипажи его кораблей были обучены им и прекрасно владели парусами и пушками, они могли быстро и точно исполнить манёвр и хладнокровно поразить цель. Третье – Ушаков очень хорошо знал противника, его приёмы боя, его психологию и привычки. Например, Ушакову было известно, что турецкие адмиралы требуют от своих капитанов абсолютно точного исполнения распоряжений, данных на весь бой. Значит, стоило разрушить намеченную пашой схему боя, как неприятельские капитаны не знали, что им делать. Или другое – главным в тактике турецких кораблей считался абордаж,

артиллерия предназначалась в основном для подготовки абордажного боя. Зная это, Ушаков смело вёл корабли на противника и с расстояния в 50-70 метров картечью уничтожал турецких моряков, сгрудившихся у борта для абордажного броска.

Так, Ушаков одержал победы в сражениях у острова Фидониси (36 русских кораблей против 49 турецких), у Керченского пролива (32 корабля против 54), у острова Тендра (5 линейных кораблей и 11 фрегатов против 14 линейных кораблей и 8 фрегатов турок).

Год 1791-й снова принёс Ушакову блистательную победу. У мыса Калиакрия (северо-восточнее Варны) в последний день июля 34 русских корабля разгромили турецкий флот, состоявший из 78 кораблей.

За восемь месяцев до этого сражения войска Суворова взяли штурмом крепость турок Измаил, запиравшую устье Дуная. Крепость пала после девятичасового боя. С суши её атаковали пехотинцы, с Дуная корабли гребной флотилии; в море крейсировала эскадра Ушакова, не давая флоту турок помочь осаждённым.

После падения Измаила между Турцией и Россией начались переговоры о мире. Казалось, турки, потеряв последний оплот на северном побережье Чёрного моря, должны были стать сговорчивее. Но они затягивали подписание мирного договора. Почему? Потому что у них был ещё довольно сильный флот; на помощь своим черноморским кораблям они постоянно перебрасывали корабли средиземноморских эскадр. (Туркам принадлежали территории современного Египта, Алжира, Туниса, Ливии и Сирии.) Если бы султан разуверился в мощи своего флота, договор был бы подписан и окончилась бы война, изнурительная для обеих стран. Тут на долю Фёдора Фёдоровича Ушакова и выпало сказать своё веское слово.

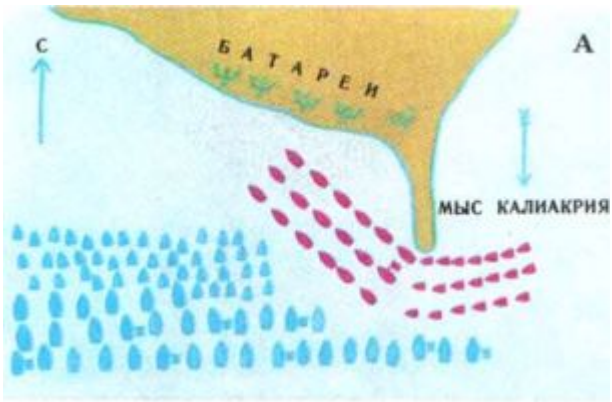
Турецким флотом командовал капудан-паша Гуссейн. На помощь ему султан вызвал эскадру алжирского паши Саида-Али, старого, опытного флотоводца, одержавшего много побед над европейскими адмиралами, прозванного «грозой морей», «львом полумесяца». Саид-Али, уходя из Стамбула, пообещал султану «привести Ушак-пашу с верёвкой на шее». В то время не было телеграфа, но хвастливые слова алжирского адмирала дошли и до адмирала русского.

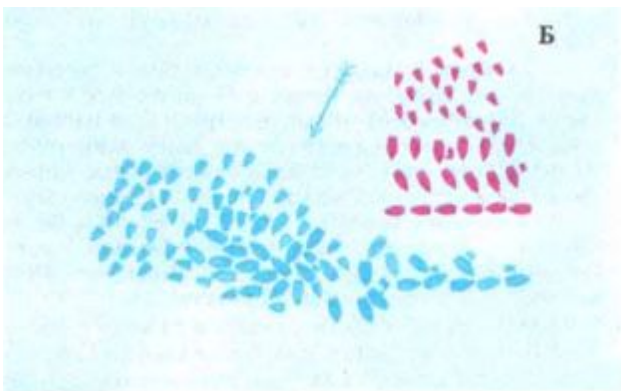
Эскадра Ушакова в поисках неприятеля шла вдоль западных берегов моря. У мыса Калиакрия русские неожиданно обнаружили турецкий флот. Кораблей было очень много: 18 линейных, 17 фрегатов, 43 лёгких. Они стояли у берега под защитой нескольких батарей. Ветер дул со стороны берега, так

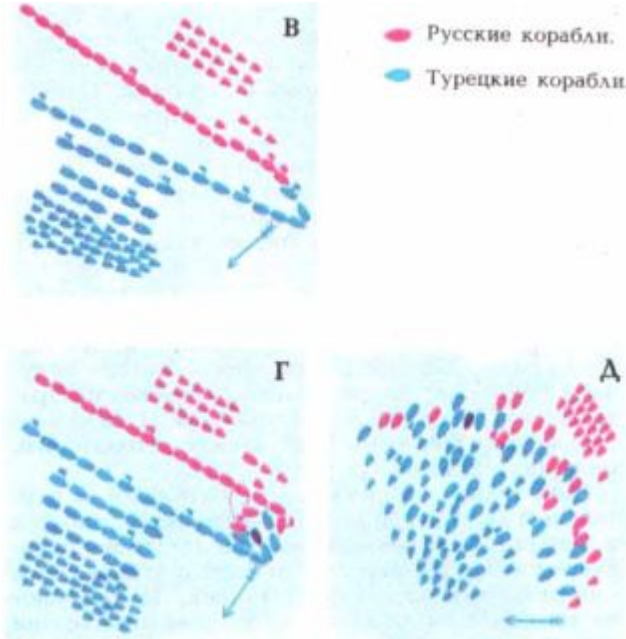
что выгодное, наветренное положение было у турок. Гуссейн и Саид-Али считали свою позицию абсолютно неуязвимой, атаковать их мог разве только безумец. Поэтому часть экипажей была отпущена на берег праздновать религиозный праздник рамазан-байрам.

Эскадра Ушакова состояла из 16 линейных кораблей, 2 фрегатов, 2 бомбардирских судов, брандера и 13 лёгких кораблей.

Что было делать Ушакову? Неприятель наконец-то найден. В случае победы над ним окончится война – с выгодой для России. По ведь турок намного больше… И стоят они по всем правилам морского искусства. Тем-то и славен Ушаков, что он, казалось бы, в неуязвимой позиции умел разглядеть изъян. Ушаков решил немедля, пока неприятель не приготовился к бою, атаковать его.







Сражение у мыса Калиакрия. 31 июля 1791 года.

Наблюдая за атакой, давай, читатель, считать, сколько раз русский адмирал нарушит правила боя. Первое нарушение он уже сделал – меньшими силами нападает на большие. Тут же последовало второе нарушение. Он начал атаку турецких кораблей, находясь в походном порядке. Его эскадра шла трёхкильватерной колонной. (Посмотри схему А.) Полагается выстраиваться одной колонной, чтобы вся огневая мощь кораблей, все пушки одного борга (вспомни Рейтера и Руперта) были направлены на неприятеля. А тут три колонны – две трети пушек закрыты от неприятеля своими же кораблями.

Так-то оно так. Но иначе Ушакову не использовать видную пока ему одному слабость турецкой позиции. Ушаков намеревается занять наветренное положение, чего никак не предполагали оба паши. Эскадра входит в узкое пространство между берегом и неприятельским флотом. Если бы она входила классической колонной – авангард, центр, арьергард, – это заняло бы много времени, идут-то парусники, не торпедные катера мчатся. Турки с береговых батарей и с кораблей расстреляли бы идущие один за другим русские корабли, как медлительных гусей.

Орудия правого борта правой колонны несколькими залпами подавили береговые батареи турок. Эскадра Ушакова заняла наветренное положение.

Гуссейн и Саид-Али были ошеломлены случившимся. Они

приказали поднимать паруса и рубить якорные канаты. Выбирать якоря, ждать, когда с берега прибегут матросы, нет времени. Надо как можно скорее уходить мористее, чтобы в отдалении построить корабли в линию и принять бой. (Схема Б.)

Отходить с подветренной стороны просто. Турки отошли, и вот они уже выстраивают кильватерную колонну. Впереди корабль Саида-Али и корабль второго флагмана – вице-адмирала. Ушаков в это время ликвидирует свою временную слабость – из трёх колонн тоже строит одну. Сам он находится на 80-пушечном корабле «Рождество Христово». Русский флагман, верный своему принципу, уже нацелился на флагманский корабль турок, на корабль Саида-Али. Это третье нарушение правил: командующему всей эскадрой полагается быть в центре.

Схема В показывает нам очень важный период сражения. Большие корабли – и русские, и турецкие – выстроились в линии баталии, как в классическом бою. Ну что ж! Классическое – это не значит плохое. В классическом есть резон. Но чего же тогда достиг Ушаков? У русских наветренное положение перед схваткой, они хозяева боя.

Однако не зря Саида-Али звали «грозой морей». Он своим авангардом пытается, обогнав русские корабли, выйти на ветер. На схеме видно, как передовые турецкие корабли уже повернули на 180 градусов. Ушаков вовремя понял, чего хочет достичь алжирец. Потом он писал об этом моменте в донесении: «… заметил я, что Саид-Али с вице-адмиральским кораблём и другим большим и несколькими фрегатами, будучи передовым, спешил отделиться вперёд, выигрывая ветер, потому для предупреждения его нападения погнался я с кораблём «Рождеством Христовым» за ним, следуя вперёд нашей линии… Построя линию нашего флота в самом близком расстоянии против неприятельской и догнав передовой корабль паши Саид-Али, сигналом приказал всему флоту спуститься к неприятелю на ближнюю дистанцию, а корабль под флагом моим «Рождество Христово», приближаясь к передовому пашинскому кораблю в дистанцию полкабельтова, атаковал его».

Сколько метров в кабельтове? 185,2 метра. Значит, Ушаков подошёл к кораблю Саида-Али на 90 метров. Вероятнее, «Рождество Христово» был ещё ближе к турецкому флагману. По рассказам участников сражения, Саид-Али и Ушаков видели друг друга. Русский адмирал крикнул алжирцу: «Саид, бездельник! Я отучу тебя давать такие обещания!»

Угроза алжирского адмирала пленить Ушакова не была пустой. Как видим, он смело шёл на сближение с русским флагманом, и турки уже приготовили абордажные лестницы,

чтобы перебраться на палубу «Рождества Христова».

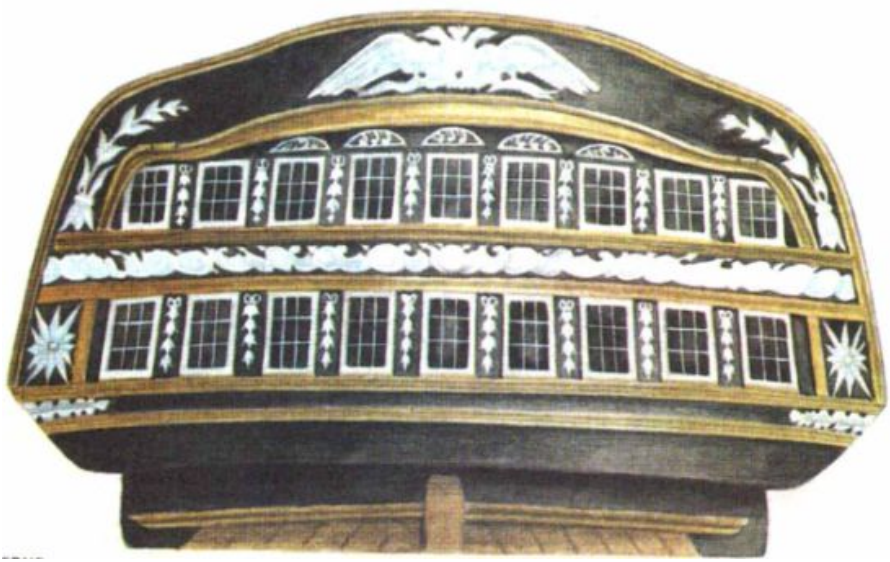
Но тут грянул бортовой залп русских пушек. Ядра перебили турку мачту, реи, разворотили корму. Новые залпы нанесли новые повреждения. И быть бы самому Саиду-Али в плену, но тут два линейных корабля и два фрегата турок, спасая своего адмирала, буквально вклинились между его кораблём и кораблём Ушакова. (Схема Г.)

Ожесточённый бой вели русские со вторым флагманским кораблём неприятеля – вице-адмиральским и с другими кораблями. Те с перебитыми мачтами, с изорванными парусами, с развороченными бортами один за другим выходили из боя. Излюбленный приём Ушакова – удар по флагманским кораблям – привёл противника к потере морального духа. К вечеру, разуверившись в своих пашах, потеряв способность к сопротивлению, турецкие корабли смешались в кучу. Началось паническое бегство. Оно изображено на схеме Д.

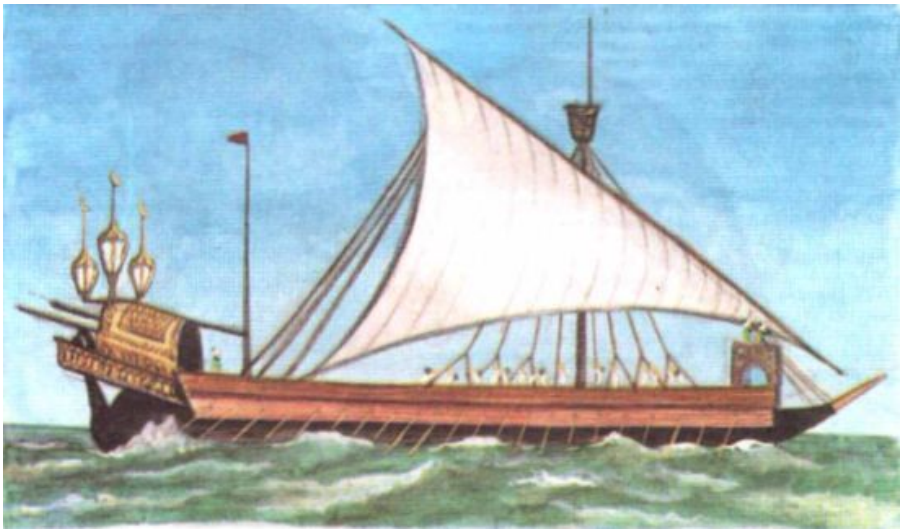
Мы с тобой, читатель, ещё не касались действий малых судов ушаковской эскадры. На схемах В и Г они изображены двумя стайками: одна стайка густая, в другой всего четыре корабля. Четыре (два фрегата и два бомбардирских судна) – это резерв, который Ушаков держит на направлении главного удара, то есть в самом ответственном месте. Решающим был бой флагманов: резерв в нужный момент со свежими силами вступил в дело и помог вывести из строя сильные турецкие корабли.

До Ушакова флотоводцы тактического резерва не выделяли: они не догадывались о его пользе, считая полезнее ввести в бой сразу все корабли. Только позже, изучая победы русского адмирала, стали заимствовать его военное открытие. Мы с тобой уж не будем больше называть нарушениями отступления от правил, которые допустил Ушаков. На самом деле эти нарушения – открытия в военно-морском искусстве.

Корма русского 64-го пушечного корабля «Ингерманланд». 1713 год.



Корма 100-пушечного корабля «Император Пётр I». 1825 год.



Парусно-гребной корабль фуста.

Атака со стороны берега, которой началось сражение у Калиакрии, тоже открытие Ушакова. Спустя семь лет её повторил известный английский адмирал Нельсон – он атаковал сильную французскую эскадру у берегов Египта и одержал победу.

Но мы несколько отвлеклись от сражения, которое завершается у мыса Калиакрия. Итак, что делают малые корабли, изображённые в неизменном положении на схемах В и Г? Их положение меняется только на схеме Д. Это ещё резерв – 17 крейсерских судов. Он предназначен для добивания и преследования одиночных неприятельских кораблей, выходящих из боя, а также для уничтожения шлюпок, которые плывут к берегу. Ушаков о действиях резерва писал в донесении: «И во время посланных от меня крейсеров в погоню за судами… многие неприятельские суда загнаты на берег, затоплены, а некоторые сожжены, бегущего неприятеля люди во множестве побиты и потоплены…»

Суворов говорил: «Противник оттеснён – неудача, противник истреблён, взят в плен – удача». И ещё: «Недорубленный лес опять вырастает…» Сам полководец всегда самым решительным образом преследовал бегущего врага и уничтожал или пленил его. Так же поступал и Ушаков, хотя людям, изнурённым в бою, бывает трудно найти силы для преследования. В этот раз корабли русского адмирала тоже преследовали врага. Но туркам повезло. Сначала их скрыла ночь, затем начался шторм. Ушаков временно приостановил погоню. А когда возобновил, пришло сообщение об окончании военных действий. Эскадра Ушакова, потеряв в сражении 17 человек убитыми и 27 ранеными, вернулась в

Севастополь.

Последней каплей, которая разбила чашу упрямства турецкого султана, было прибытие в Стамбул части кораблей алжирской эскадры (многие корабли потонули в пути из-за повреждений, полученных в бою). Избитый флагманский корабль Саида-Али встал на якорь в Босфоре. На борту было 450 убитых и раненых. Моряки первым свезли на берег израненного адмирала, посадили его в закрытые носилки и понесли во дворец султана. И тут на глазах всего города флагманский корабль начал тонуть. Приход кораблей-калек, разгром эскадры так угнетающе подействовали на стамбульцев, что никто не подал кораблю помощи, и он утонул.

Победа русского флота у Калиакрии развеяла последние надежды Турции, и она пошла на мир.

Русско-турецкая война 1787 – 1791 годов закончилась. 29 декабря 1791 года в Яссах был заключён мирный договор. Россия стала хозяином северных берегов Чёрного моря.

Орден Ушакова.

Медаль Ушакова.

Мы с тобой, читатель, всё время сравнивали Суворова и Ушакова. Их боевую славу равно ценит наш народ и до сих пор. В годы войны с фашистами Советское правительство учредило в признание заслуг перед Отечеством орден Суворова и орден Ушакова. Ими награждаются за выдающиеся победы военачальники армии и флота. Ещё учреждена медаль Ушакова – для награждения за отвагу матросов, старшин и сержантов.

«ОРЁЛ» САЛЮТУЕТ КАЗАЧЬЕМУ АДМИРАЛУ

Отец Петра I, царь Алексей Михайлович, тоже занимался флотскими делами. Правда, у него это было куда скромнее, чем у сына. Он намеревался создать военную флотилию для охраны судов, осуществлявших торговые перевозки по Каспийскому морю – между Россией и Персией.

В 1668 году в селе Дединове, при впадении Москвы-реки в Оку, были построены корабль, яхта и две шлюпки. Весной следующего года они вышли в плавание – по Оке до Волги, по Волге до Астрахани. Корабль был двухпалубный, трёхмачтовый, длиной 25 метров (как ладья), но зато шириной 6,5 метра. Вооружили его 18 6-фунтовыми пушками и 4 3-фунтовыми. Назвали «Орлом».

«Орёл» стал первым русским военным кораблём. Жизнь этого корабля была очень короткой, всего два года. Моё отношение к его гибели двойственное: и жалко, что он погиб, и не жалко.

Разин С. Т.

В ту пору Россию потрясали восстания крестьян. Жизнь

крепостных была так невыносимо тяжела, что люди самого мирного нрава, самых мирных занятий оставляли дома, семьи и становились бесстрашными, дерзкими воинами. Ядром, вокруг которого собирались холопы, были казаки, казачьим атаманом стал Степан Разин. К нему, к единственному заступнику, шли сотни и тысячи, образуя крестьянскую армию.

«За дело, братцы, – писал в своих письмах простому люду Степан Разин, – ныне отомстите тиранам, которые до сих пор держали вас в неволе хуже, чем турки и язычники. Я пришёл дать всем вам свободу и избавление, вы будете моими братьями и детьми, и вам будет так хорошо, как мне, будьте только мужественны».

Эти воззвания Разин станет посылать по России позже, когда возмужает сам и соберёт вокруг себя большую силу, а в годы постройки «Орла» он предводительствовал казачьей флотилией и совершал отчаянные набеги на южные города Каспия, нападал на торговые суда персов. Можно сказать, что военную деятельность Разин начал как адмирал, а потом уже стал генералом крестьянской сухопутной армии. Дербент, Решт, Фарабат, Астрабат и другие богатые прибрежные города стали свидетелями казацкой удали и военного мастерства. У Разина было две тысячи казаков, 40 стругов, вооружённых небольшими пушками. Персы дважды пытались уничтожить разинцев, и оба раза персидские суда бежали.

Шах Аббас и русский царь так обеспокоились, что предприняли против Разина совместные действия. Алексей Михайлович направил к шаху полковника Пальмара, шотландца на русской службе, для руководства строительством персидской военной флотилии. Персы к весне 1669 года построили полсотни судов и подготовили нужное войско. Сражение флотилий произошло около Свиного острова, где была стоянка разинцев (этот остров примерно в 100 километрах к югу от Баку).

Казаки смело начали сражение. А главное – умело. Когда суда персов приблизились к острову, струги бросились в открытое море, как бы убегая от неприятеля. Воодушевлённые таким началом, персы ударили в бубны и барабаны, затрубили в трубы и ринулись в погоню. Командующего персидской флотилией Менеды-хана больше всего беспокоило, как бы какие-нибудь струги не ускользнули от расправы. Поэтому персидский адмирал приказал своим судам соединиться при помощи цепей. Таким подобием невода персы попытались охватить флотилию Разина.

Нельзя не восхититься новым распоряжением Разина, его оценкой возникшего положения: струги, как один, повернули назад и пошли на персов, корабли которых, скованные, как

невольники, потеряли способность свободно маневрировать. Струг Разина приблизился к кораблю Менеды-хана. Разинский пушкарь с первого выстрела всадил ядро в пороховую камеру флагмана. Корабль загорелся и начал тонуть. Потонув, он утащил за собой соседей, прикреплённых к нему цепями. Менеды-хан успел перебраться на другое судно. Но панику уже нельзя было приостановить. Струги подошли вплотную к неприятелю, и начались абордажные бои. Из 50 судов удалось бежать только трём. Победа была одержана казаками поистине блестящая.

Летом флотилия Разина– 1200 казаков на 22 стругах – пошла к устью Волги. Было решено кончить морской поход и вернуться на Дон. Однако случай изменил планы казачьего адмирала. В море встретились два персидских судна, полные товаров. Оба судна, их экипажи, стрелецкая охрана и, конечно, товары были захвачены разницами без особого труда. Оказалось, что персы везли дорогие подарки русскому царю. Поэтому астраханский воевода послал против Разина полсотни гребных судов. Разин решил, что в новом сражении нет смысла, и увёл свою флотилию в море. Царским вельможам не оставалось ничего иного, как предложить мир казакам. Казаки должны были отпустить пленных, вернуть подарки, предназначенные царю, отдать часть пушек, а за это получали беспрепятственную дорогу на Дон и прощение всех прежних грехов. Разин на такие условия согласился.

Струги подошли к Астрахани. На стругах были подняты флаги, борта были застелены персидскими коврами. Казаки салютовали астраханским судам из пушек и пищалей. Прогремел ответный салют, ударил холостыми выстрелами в честь казацкой флотилии и «Орёл». Первый русский корабль салютует казацкому атаману и его товарищам – не правда ли, знаменательное событие?

Астраханские власти и сам воевода вынуждены были с почтением обращаться с казаками. В начале сентября 1669 года после переговоров и двухнедельного отдыха казаки отплыли домой – на Дон.

О том, как ширилось крестьянское восстание, как оно шло, ты знаешь из школьных учебников. Нам с тобой, читатель, надо отметить только следующий эпизод: в 1670 году участники восстания сожгли корабль «Орёл».

Правда, жалко, что сожгли? И не жалко – ведь корабль-то был на стороне царя, сколько вреда могли причинить восставшим его пушки…

О КРАСОТЕ КОРАБЛЕЙ

Мы уже говорили, как в древности моряки и корабелы украшали корабли. Шло время. Корабли менялись, увеличивались их размеры, но средства на украшения отпускались не менее щедро, чем раньше. Первый линейный корабль парусного флота, построенный англичанами в 1610 году, имел водоизмещение 1400 тонн, а украшен он был не менее роскошно, чем норманнский драккар водоизмещением 20 тонн. Стоимость резного дерева, инкрустаций, скульптур на носу и корме составляла одну пятую стоимости всего корабля. Ещё больший корабль – «Ройял Соверен» (о его вооружении мы уже говорили) – англичане украсили, как говорится, с ног до головы. На его носу была скульптура – король Эдуард на коне; конь топтал копытами семь человеческих фигур, олицетворявших поверженных врагов Англии. На балконах кормы стояли позолоченные Нептун, Юпитер, Геракл, Язон. Эскизы всех украшений были сделаны знаменитым художником Ван-Дейком. Считают, что «Ройял Соверен» был самым изукрашенным кораблём за всю историю кораблестроения.

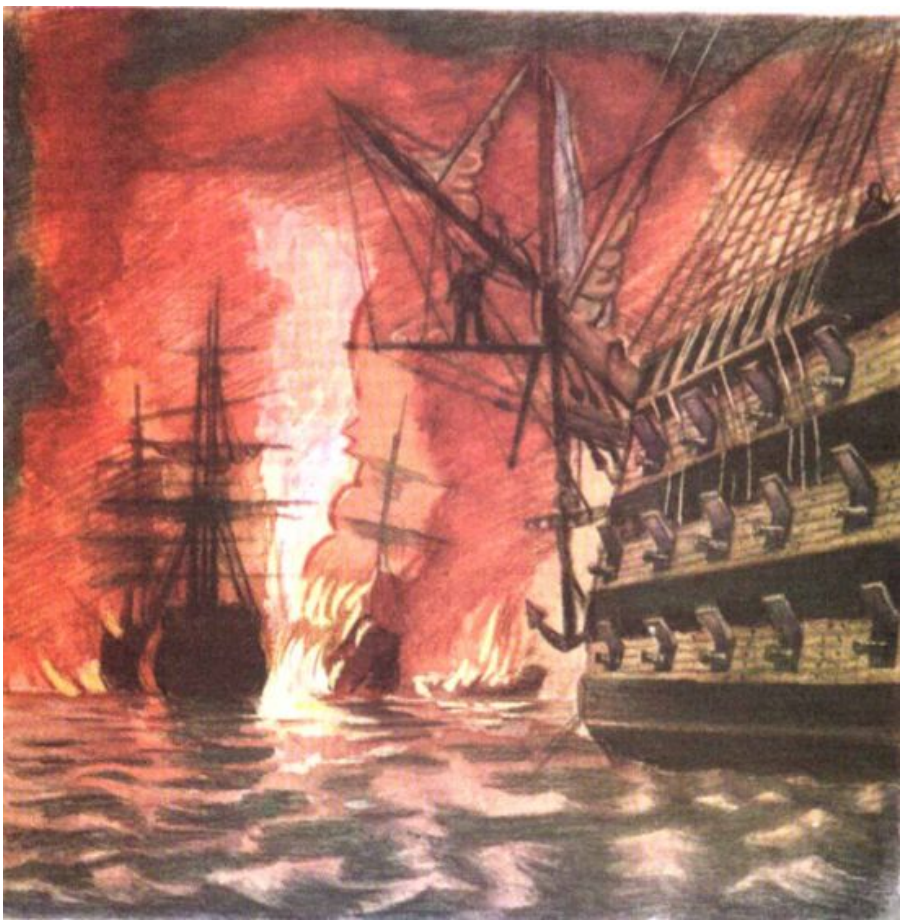
Стоит ли говорить, какой опасности подвергались в сражениях все эти прекрасные творения искусства. Но никто не помышлял укрывать их во время боя, наоборот – корабль входил в сражение во всей красоте, рассчитывая на победу, а не на гибель. К слову сказать, «Ройял Соверен» участвовал во многих схватках, ни разу не был побеждён, и, верно, украшения его как реликвии были бы сохранены в музеях, если бы не случай – в одной из кают упала горящая свеча, начался пожар, корабль сгорел.

С большим искусством была украшена резными фигурами корма первого корабля русского Балтийского флота – «Полтавы». На носу знаменитого русского брига «Меркурий» стоял бюст мифического покровителя торговли Меркурия, нос корвета «Львица» был украшен резной фигурой могучего зверя. В Петербурге была открыта специальная мастерская, где делали скульптуры для военных кораблей. Заказы флота исполняли самые известные скульпторы, в том числе Пётр Клодт, чьи кони и теперь украшают Аничков мост в Ленинграде.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ
МИЧМАНСКАЯ

Матрос есть главный двигатель на военном корабле.

Адмирал П. С. Нахимов



ПАРОХОД И ПАРОХОДОФРЕГАТЫ

В 1804 году в Париж приехал уже известный в Европе изобретатель Фултон. Как часто бывает с изобретателями, у него была прекрасная идея – построить пароход, но денег на это не было. Фултон знал, что Франции для победы над Англией нужен флот, и поэтому, мечтая осуществить своё главное изобретение, предложил французскому императору Наполеону начать строительство пароходов.

Наполеон был человеком проницательного ума, он ценил науку, окружил себя учёными, вёл дружбу с ними. Однако ни он, ни его энергичные министры не заинтересовались пароходом. Обиженный изобретатель уехал в Америку. Там и осуществлялась его страстная мечта. В 1807 году первый пароход – «Клермон» – вышел в воды Гудзона.

Не только французы, но и морские специалисты других стран сначала не оценили военные возможности парохода. Очень уж хорошей мишенью были его водяные колёса. Судно можно было остановить одним метким выстрелом. Колёса же отняли у пушек самую лучшую часть палубы, оставив для них только нос и корму. Малая мощность паровой машины, необходимость держать на судне запас угля – всё это казалось роковыми изъянами. Но пароход не зависел от ветра! И это качество заставляло военных изобретателей думать о пароходе.

На палубе парохода положили рельсы. По ним можно было перемещать орудия с носа на корму и обратно, сосредоточивая их где нужнее. Затем придумали вращающиеся орудийные площадки. Эти новшества уравняли артиллерийскую силу парохода с парусниками.

Парусный корабль имел пушек несравненно больше, но стрелять-то сразу из всех он всё равно не мог, стрелял только одним бортом. А тут ещё широко распространились бомбические орудия – несколько усовершенствованные русские единороги. Их снаряды – разрывные бомбы – не просто проламывали борт, а взрывались внутри корабля. Одно такое орудие по результативности заменило несколько старых. С артиллерией дело уладилось.

Оказалось, что и уголь можно экономить, установив на пароходе паруса. Так возникли военные пароходофрегаты – для разведки, для посыльной службы, для буксировки линейных кораблей.

Впоследствии был изобретён гребной винт. Он-то и произвёл революцию на флоте. Винт находился под водой, паровую машину устанавливали глубоко в трюме – и винт и машина были теперь довольно надёжно защищены от снарядов неприятеля.

Морские державы создавали новые флоты – паровые. Но основными кораблями для ведения боя всё ещё оставались парусные линейные корабли.

Батарейная палуба линейного корабля начала XIX века.

НЕОБЪЯВЛЕННЫЕ ВОЙНЫ

ВРАГИ-СОЮЗНИКИ

Оставим на время корабли. Вернёмся к политике. Северные берега Чёрного моря принадлежат России. Её флот достойно плавает по морям, совершает кругосветные плавания, прославляя себя такими великими открытиями, как открытие Антарктиды. Русские капиталисты набираются сил. Капиталистам Англии и Франции – самым могущественным в мире – приходится тесниться, чтобы высвободить русским место на рынках сбыта. Без участия России уже не решается ни одно мировое событие. В частых ссорах и драках государства Западной Европы стараются получить в союзники Россию.

Мир живёт в капиталистической эпохе, и главный принцип её – любой ценой больше прибыли, больше выгоды. Поэтому союзы непрочные, союзники – вероломные: могут из друзей стать врагами и пойти войной на бывшего союзника.

Особенно коварна Англия. За полтора века с того времени, как Пётр I начал отвоёвывать у турок Азов, и до Крымской войны Англия три раза вступает в союз с Россией, четыре раза открыто становится её противником и семь раз оказывает России косвенное противодействие – не объявляя войны на бумаге, враждует на деле. Тебе, конечно, интересно знать, как идут необъявленные войны. И хотя наш разговор о военно-морском искусстве, но два примера мы рассмотрим.

Россия, Англия и Австрия в 1798 – 1800 годах вели войну против Франции. В этой войне блестящие победы над неприятелем одерживали русские войска и русский флот. Эскадра под командованием Ушакова в Средиземном море взяла у французов крепость Корфу, считавшуюся неприступной. Войска Суворова в Италии разбили французов у Турина, у Нови, на реке Треббии и за четыре месяца освободили весь север страны. Суворов мог после этого повести войска во Францию, на Париж. Полководец не сомневался в победе над Наполеоном. И вот англичане и австрийцы, боявшиеся Наполеона как самой смерти, ещё больше испугались возможной победы русских над французами. Как бы тогда возвысилась Россия! Союзники добились, что суворовские войска из Италии были посланы не во Францию, а в Швейцарию, занятую французами, – на соединение с австрийцами. По заснеженным перевалам, по обледеневшим горным дорогам, в холод и непогоду двигалось русское войско. И

когда оказалось оно в самой глубине гор, выяснилось, что австрийская армия ушла из Швейцарии. Складов продовольствия и боеприпасов, которые обязаны были сделать в горах австрийцы, не было. А карта, подготовленная австрийским штабом, привела войска в тупик. Дорога, имевшая продолжение на карте, на самом деле обрывалась у пропасти. Голодные, замерзающие люди, суворовские чудо-богатыри, каждый день отбивали атаки превосходящих сил французов, наносили им поражения и вышли всё же из ловушки. 13 и 14 сентября 1799 года великий полководец с боями совершил свой знаменитый переход через Сен-Готард и Чёртов мост. Союзники просто-напросто намеревались загубить русскую армию.

Наваринское сражение.

Предательство было совершено и против Ушакова. Английский адмирал Нельсон, чтобы русские не овладели Римом, тайно послал к французам, занимавшим этот город, своих парламентёров и предложил им выгодные условия капитуляции.

В то время императором России был Павел I. Эти случаи и другие подобные рассердили его. Он вышел из союза. Россия прекратила войну с Наполеоном. Больше того, Павел I и Наполеон стали вести переговоры о совместном выступлении против Англии. Переговоры шли так успешно, что Наполеон посвятил Павла в свои планы завоевания Индии. Наполеон считал: если отнять у Англии эту колонию, Англия превратится в бедное второстепенное государство. Из школьной истории ты также знаешь, что Павел I был мастер отдавать на плацу команды.

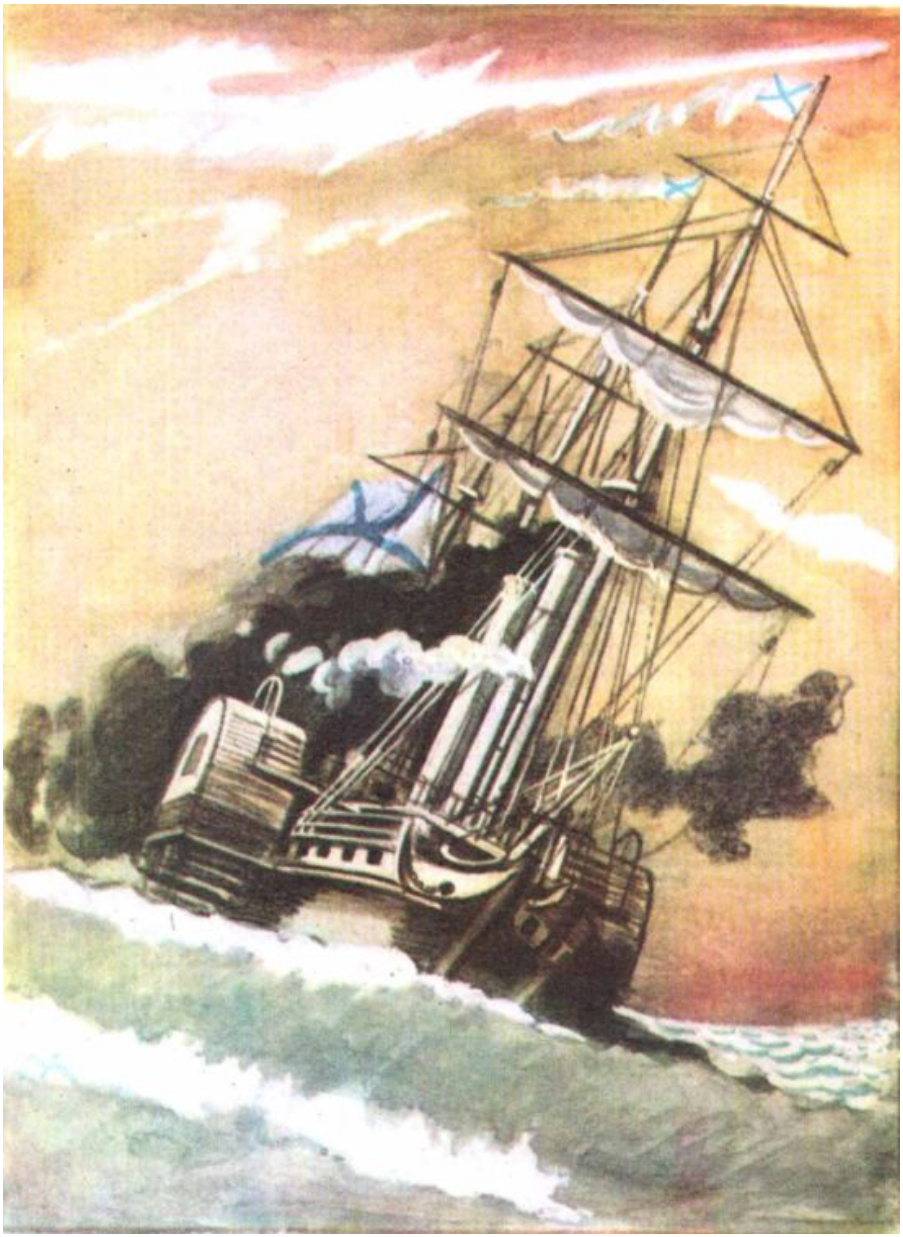
Он и тут остался верен себе. Договора с Францией ещё не было, а русский император 12 января 1801 года отправил атаману Войска Донского генералу Орлову распоряжение: немедленно двинуть казачьи полки к Оренбургу, а оттуда – в Индию, чтобы «поразить неприятеля в его сердце». Двадцать три тысячи казаков с артиллерией без промедления выступили в поход.

Английское правительство было в смятении. Над Англией нависла, пожалуй, самая страшная за всю историю угроза потерять богатейшую колонию. Соединённые силы Франции и России никто не смог бы остановить, даже если бы все остальные государства объединились для противодействия. Но мы знаем, что союза России и Франции не получилось. И через 11 лет Наполеон вторгся в нашу страну со страшной войной.

В ночь с 11 на 12 марта 1801 года в Михайловском замке в Петербурге Павел I был задушен заговорщиками-царедворцами. Когда это известие получил Наполеон, он в ярости воскликнул: «Они промахнулись по мне 3-го нивоза, но попали в меня в Петербурге!» Кого имел в виду Наполеон, говоря «они»? Англичан. Англичане были причастны к неудачному покушению на Наполеона 3-го нивоза, то есть 24 декабря 1800 года. Наполеон ехал в оперу на премьеру оратории Гайдна, когда поблизости от кареты взорвалась «адская машина». Конечно, среди непосредственных исполнителей обоих заговоров не было английских подданных, но как в Париже, так и в Петербурге англичане своё дело делали.

НАВАРИНСКОЕ СРАЖЕНИЕ

Посмотрим ещё один пример вероломства англичан, на этот раз неудавшегося. Нам придётся отправиться на юго-запад Греции, в Наваринскую бухту. Там произошло сражение, после которого во всей Европе вошло в моду сукно «цвета наваринского дыма с пламенем».



Пароходофрегат «Владимир».

Не выдержав гнёта турецкого султана, восстала Греция. Дела повстанцев после первых успехов шли всё хуже и хуже. Турки, усиленные войсками и флотом Египта, залили страну кровью, разрушали города, сжигали сёла, вырубали виноградники и, как в прежние времена, увозили греков в неволю. Во всех европейских странах люди были потрясены зверствами турок, жалели греков и требовали от своих правительств помочь несчастному народу.

Решительнее всех откликнулось на требование общественности русское правительство. Конечно, дело было не только в сочувствии единоверному христианскому народу. Тут сказались и ещё не завершённая борьба с турками за Чёрное море, и желание утвердиться на Балканском полуострове. Но, специально оговоримся, было и бескорыстное желание русских людей помочь мужественным повстанцам, обречённым на гибель. Позже русские войска пойдут на помощь болгарам, будут жестокие бои с турками на Шипке, под Плевеном. Болгария после пяти веков турецкого гнёта обретёт самостоятельность, и для каждого болгарина с той поры до наших дней каждый русский станет любимым братом.

Русское правительство предложило Англии и Франции вмешаться в греко-турецкие дела, послать на помощь грекам союзную эскадру. Оно заявило, что в случае отказа единолично предпримет решительные действия. Франция согласилась. Франции нужно было закрепиться в Египте. Поскольку египетский паша помогал турецкому султану, представлялся удобный момент припугнуть пашу. Согласилась и Англия, хотя она никоим образом не хотела подрывать силу Турции: Турция, как мы знаем, была нужна ей для постоянной борьбы с Россией. Но английское правительство боялось уронить себя в глазах общественного мнения, ещё оно опасалось, что в случае победы повстанцев упустит из-под своего влияния Грецию, занимающую такое важное положение на морских сообщениях. Было у англичан и третье соображение, конкретное – приглядеть за русскими кораблями, как бы они чего не натворили с турками. Ведь союзники по согласованному решению должны были своим присутствием лишь попугать турок, заставить их пойти на некоторые уступки грекам.

Был 1827 год. Эскадра союзных кораблей пошла к Наваринской бухте, где стоял турецко-египетский флот: 3 линейных корабля, 23 фрегата, 42 корвета, 15 бригов, 8 брандеров – всего 91 корабль. Было у неприятеля ещё около 50 транспортных и торговых судов, большинство из которых имели по 10-20 пушек. С обеих сторон вход в бухту охраняли береговые батареи – в Наваринской крепости и на острове Сфактирия. Таким образом, союзникам угрожали 2300 орудий.

Соединённая эскадра состояла из 10 линейных кораблей, 9 фрегатов и 7 меньших судов, всего 26 кораблей с 1300 орудиями.

У русских на 4 линейных кораблях и 4 фрегатах 466 орудий; у англичан на 3 линейных кораблях, 3 фрегатах, 4 шлюпках и катере 472 орудия; у французов на 3 линейных кораблях, 2 фрегатах, бриге и шхуне 362 орудия.

Командование эскадрой было поручено старшему по званию английскому вице-адмиралу Кодрингтону. Французскими кораблями командовал контр-адмирал де Риньи. Русскими – контр-адмирал Логин Петрович Гейден. Его флаг был на линейном корабле «Азов», которым командовал капитан первого ранга Михаил Петрович Лазарев, отважный мореход, незадолго до этого вместе с Фаддеем Фаддеевичем Беллинсгаузеном открывший Антарктиду. Лазарев исполнял и должность флаг-капитана русской эскадры, по нашим понятиям был начальником штаба.

Лазарев М. П.

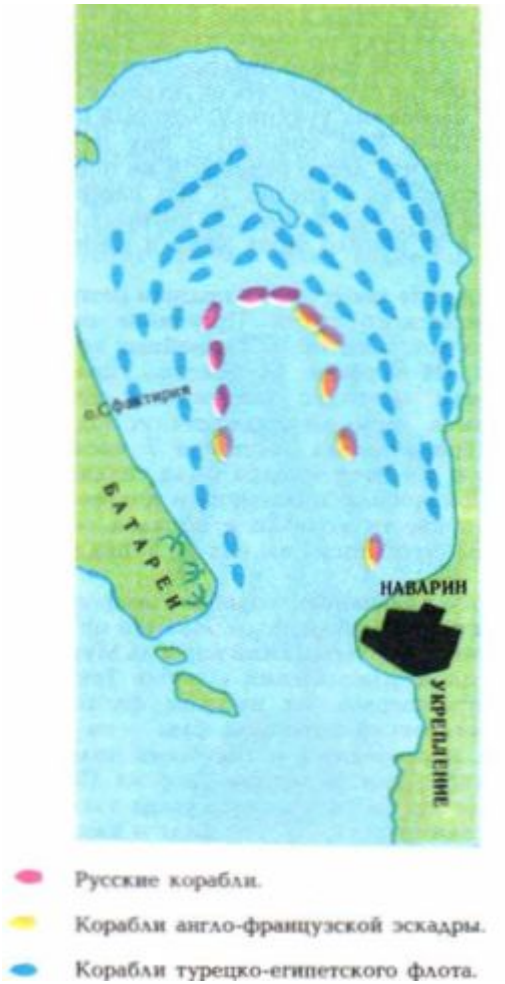
Турки, естественно, были обеспокоены действиями союзников. Их поразило, что Англия, всегдашняя помощница и защитница, вдруг выступает против них вместе с русскими. Однако английский посол успокоил султана, передав ему слова своего премьер-министра: «Существо этого соглашения, являющегося мирным вмешательством, подразумевает дружескую демонстрацию силы». Поэтому командующий турецко-египетским флотом и войском Ибрагим-паша даже не ответил на ультиматум трёх адмиралов, в котором содержалось требование прекратить военные действия против греков.

Гейден и Лазарев настояли, чтобы против турок были предприняты решительные действия. Англичанин и француз не могли не согласиться. Было решено ввести корабли в Наваринскую бухту и поставить их, как в бою, перед кораблями

неприятеля, «дабы грозным присутствием там сил своих удержать кровопролитие мусульман…».

В приказе Кодрингтона о порядке входа эскадры в бухту и постановке там кораблей были такие строки: «Ни из одной пушки не должно быть выпалено с соединённого флота прежде сделанного на то сигнала. Разве только в таком случае, что откроют огонь с турецкого флота, в таком случае те из турецких судов должны быть истреблены немедленно». Как видишь, приказ англичанина бережёт турок. А энергичные слова «должны быть истреблены немедленно»? Они написаны по необходимости, они вроде ширмы, за которой англичане скрывают свои истинные намерения. В конце концов не так важно, если какой-либо турецкий корабль, не выдержав искушения, вдруг откроет огонь и получит ответную порцию ядер. Важно, чтобы турецко-египетский флот остался цел. Не случайно Кодрингтон приказал французским кораблям встать в бухте против египетских кораблей, на которых служили французские офицеры: соотечественники не будут стрелять друг в друга, скорее договорятся о мирном решении дела.

Но вышло всё не как задумывали англичане. Произошло сражение. Один из его участников, лейтенант Павел Степанович Нахимов, будущий знаменитый адмирал, так писал о нём своему другу: «Кровопролитнее и губительнее этого сражения едва ли когда флот имел. Сами англичане признают, что ни при Абукире, ни при Трафальгаре[3] ничего подобного не видали».



Наваринское сражение. 8 октября 1827 года.

Теперь посмотрим схему Наваринского сражения. Обрати внимание на вход в бухту, он очень узок – меньше мили. Батареи с острова Сфактирия и из крепости надёжно держат его под обстрелом. Эти же орудия прикрывают фланги своих кораблей, то есть могут вести огонь и в глубину бухты. Турецко-египетский флот стоит в виде подковы: впереди линейные корабли и фрегаты, за ними две линии корветов и бригов, у самого берега – транспортные суда. Брандеры расположены на флангах. Ибрагим-паша имел, кажется, все основания пренебречь ультиматумом – и не столько из-за дружественного отношения англичан, но из-за неприступности своей позиции. Не только ему, но и на союзной эскадре «вход в Наварин казался многим даже сумасбродством» (П. Нахимов).

И всё же союзная эскадра двумя кильватерными колоннами –

в правой наветренной англичане и французы, в левой подветренной русские – двинулась в бухту. Это было 8 октября в 11 часов. Русские корабли во главе с 74-пушечным «Азовом» уже подходили к узкому проходу, как Кодрингтон приказал Гейдену лечь в дрейф и пропустить французов, которые отстали от своей колонны. Момент был настолько ответственный, что русский адмирал не стал оспаривать приказ, его корабли тут же уменьшили ход. Иначе могла получиться пробка, свалка союзных кораблей, и они стали бы прекрасной мишенью для береговых батарей. Англичане во главе с линейным кораблём «Эйша», а следом французы, ведомые фрегатом «Сирен», вошли в бухту и стали занимать места против неприятельских судов. Ни одного выстрела с турецкой стороны не было. Не стреляли и союзники. Но как только в бухту начали входить русские корабли, на них посыпались снаряды береговых батарей. В историческом журнале русской эскадры об этом моменте сказано: «Трудно угадать, почему адмирал Кодрингтон… не дождавшись левой колонны, пошёл в порт с одной только правою, тогда когда бы ему надлежало вступить туда с обеими. Английский адмирал, сего не соблюдавший, подверг российскую эскадру всему огню неприятельской канонады и поставил предводителя оной в великое затруднение тем, что он во мраке густого дыма, под сильным перекрёстным огнём неприятеля должен был вводить и устраивать оную». Русские моряки тогда ещё не знали, что Кодрингтон просто отдавал их на расстрел туркам, на уничтожение, хотя, как видно из записи в журнале, догадывались о злом умысле.

Несмотря на ожесточённый огонь, русские корабли точно заняли отведённые им места против неприятельских кораблей.

Трудно сказать, как развивались бы события дальше, но, когда русская эскадра входила в бухту, произошёл случай, коренным образом повлиявший на всю обстановку. Для борьбы с брандерами была выделена группа фрегатов во главе с англичанином Феловесом, командиром «Дартмута». Феловес ответственно отнёсся к возложенным на него обязанностям. Он послал шлюпку к начальнику турецких брандеров, чтобы передать требование отвести их подальше от союзных кораблей. Турки начали стрелять по шлюпке из ружей, убили офицера и нескольких гребцов. Защищая шлюпку, начали стрелять из ружей с фрегатов «Дартмут» и «Сирен». Команда одного из брандеров попрыгала в воду. Тогда египетский корвет ударил из пушки по французскому кораблю. Как ты помнишь, этот фрегат был флагманским кораблём французов, на нём находился контр-адмирал де Риньи. «Сирен» в отместку ударил по египтянину

всем бортом. И тут вся бухта загрохотала орудийными выстрелами.

Кодрингтон пытался остановить сражение. Он послал шлюпку с парламентёром к египетскому флагману Мухарем-бею, чтобы передать предложение о взаимном прекращении огня. Но парламентёр был убит, и предложение не дошло по назначению. Больше того, египетский флагманский корабль открыл огонь по кораблю самого английского адмирала. Одновременно по «Эйша» начал стрелять корабль турецкого капитана-бея. На английском корабле были разбиты несколько орудий, рухнула бизань-мачта. Ещё 15-20 минут такого огня – и английский флагман погиб бы.

Спас «Эйша» русский «Азов». Корабль Мухарем-бея оказался повёрнутым кормой к «Азову». Лазарев приказал бить в неё из 14 орудий. Через 20 минут корма была разрушена, начался пожар в помещении, где хранились боеприпасы. Неприятельские моряки принялись тушить пожар, но выстрелы картечью прогнали их, и корабль вскоре взорвался.

Одновременно «Азов» вёл бой ещё с пятью вражескими кораблями. Гейден, находившийся на «Азове», был контужен, однако всё время был вместе с Лазаревым.

О своём командире Лазареве Нахимов писал так: «Я до сих пор не знал цены нашему капитану. Надобно было смотреть на него во время сражения, с каким благоразумием, с каким хладнокровием он везде распоряжался. Но у меня недостанет слов описать все похвальные дела, и я смело уверен, что русский флот не имел подобного капитана».

Лучше Нахимова нам никто не расскажет о том сражении. Продолжим чтение его письма, которое он вскоре после наваринской победы послал своему товарищу, тоже морскому офицеру.

«О, любезный друг! Казалось, весь ад разверзся перед нами! Не было места, куда бы не сыпались книпели, ядра и картечь. И если бы турки не били нас очень много по рангоуту, а били всё в корпус, то я смело уверен, что у нас не осталось бы и половины команды. Надо было драться истинно с особым мужеством, чтобы выдержать весь этот огонь и разбить противников, стоящих вдоль правого нашего борта (в чём нам отдают справедливость наши союзники). Когда же «Гангут», «Иезекииль» и «Александр Невский» заняли свои места, тогда нам сделалось несравненно легче. Вскоре после сего пришёл ещё французский корабль «Бреславль», не нашедший в своей линии места, стал на якорь у нас под кормой и занял линейный корабль, совершенно уже обитый нами [занял – здесь значит выбрал себе противником]. Тогда, повернувшись всем лагом к фрегатам, мы очень скоро их

разбили. Они обрубили канаты, и их потащило к берегу, но вскоре один из них загорелся и был взорван на воздух, другой, будучи в совершенно обитом состоянии, приткнулся к мели и ночью турками сожжён. «Бреславль» также очень скоро заставил замолчать своего обитого противника…

В 6 часов кончилось сражение совершенным истреблением всего турецкого и египетского флотов. В продолжение сражения взорвано на воздух до 15 судов, не включая 7 брандеров. И я не понимаю, как ни одно судно из соединённого флота не сгорело во время сражения. До 6 судов было взято в плен. Остальные, будучи совершенно избиты, все рубили канаты, кидались на берег и там в продолжение ночи и следующего дня себя сжигали.

Ночь была ужаснее самого сражения. В беспрестанном ожидании новых нападений всю ночь стояли по пушкам, беспрерывно видели горящие и взрывающиеся на воздух суда так близко, что, стоявши наверху, чувствуешь довольно сильный жар.

В 12 часов видим большое военное судно, идущее прямо на нас. Окликаем – не подаёт голосу. Мы сейчас догадались, что он идёт с тем, чтобы сцепиться с нами и зажечь себя. Но что делать? Ни одной не имеем целой шлюпки, которую могли послать абордировать его и потом отбуксировать. Он прошёл нас и сцепился с «Гангутом», с которого вскочили на него, изрубили находившихся несколько человек турок, не успевших ещё зажечь оного. Остальная половина ночи была гораздо покойнее…

На нашей эскадре убитых офицеров – 2, лейтенант Куприянов и мичман Жадовский. Тяжело раненных – 2, и оба с нашего корабля. Шеман в голову и немного повреждён правый глаз, однако же поправляется очень хорошо. Бедный Бутенев потерял правую руку по самое плечо. Надо было любоваться, с какой твёрдостью перенёс он операцию и не позволил себе сделать оную ранее, нежели сделают марсовому урядник, который прежде него был ранен. Есть ещё, но о них не стоит писать, потому что легко ранены. Я не понимаю, любезный друг, как я уцелел. Я был наверху, на баке, у меня было 34 человека, из которых шестерых убило и 17 ранило, меня даже и щепкой не тронуло».

Итак, сражение закончилось полным разгромом турецко-египетского флота. Противник потерял больше 60 судов, в их числе 3 линейных корабля, 9 фрегатов, 24 корвета, 14 бригов. Уцелевшие корабли были настолько повреждены, что, как писал Нахимов, «вряд ли когда встанут под парусами». Потери в людях достигали 7 тысяч.

Конечно, и союзная эскадра была сильно повреждена. Понадобились большие и долгие работы, чтобы привести корабли в порядок. «Азов» получил 153 пробоины, из них 7 в подводной

части.

По общему признанию, корабль Лазарева был в сражении самым доблестным. Именно он уничтожил египетский флагманский корабль Мухарем-бея и турецкий флагманский корабль Тахир-паши. «Азову» впервые на русском флоте присвоили георгиевский кормовой флаг – на белом полотнище, перекрещенном голубыми полосами, красный щит с изображением Георгия Победоносца. Тогда же ввели правило: когда такой корабль приходит в ветхость, его флаг и имя передавать новому кораблю.

Нахимов П. С.

Михаил Петрович Лазарев, доблестный капитан, получил звание контр-адмирала и сразу четыре ордена: русский, английский, французский и греческий. Его храбрые помощники, которые тоже впоследствии стали адмиралами, героями Севастопольской обороны, получили свои награды: лейтенант П. Нахимов – орден Георгия 4-й степени, греческий орден Спасителя и чин капитан-лейтенанта, мичман В. Корнилов – орден Анны 4-й степени и чин лейтенанта, гардемарин В. Истомин – Георгиевский крест и чин мичмана.

Описывая прекрасное завершение сражения, мы с тобой, читатель, несколько отвлеклись от темы разговора – двурушничестве Англии. Оно вскоре получило новые подтверждения. Первое: турки обвинили в гибели своего флота только русских и начали против России новую войну. Англичан и французов они в своей беде не обвиняли – не за что. Второе: стала известна приписка, которую английский король сделал на документе о награждении Кодрингтона орденом (не наградить его было нельзя): «Я посылаю ему ленту, хотя он заслуживает верёвки». По прошествии некоторого времени адмирала уволили в отставку.

И главный итог событий, началом которых было Наваринское сражение, – русско-турецкая война 1828 – 1829 годов закончилась очередным поражением Турции. Греция получила независимость.

АДМИРАЛ ПАВЕЛ СТЕПАНОВИЧ НАХИМОВ

Во время Великой Отечественной войны Советское правительство учредило орден двух степеней и медаль Нахимова. Орденом награждались офицеры Военно-Морского Флота «за выдающиеся успехи в разработке, проведении и обеспечении морских операций», а медалью – отличившиеся в боях матросы, старшины и сержанты флота. Именем адмирала названы училища, где подростки начинают готовиться к военно-морской службе. Чем адмирал заслужил такую память?

События привели нас как раз к тем годам, когда флотоводческий талант Павла Степановича Нахимова проявился необычайно ярко и весь был отдан отечеству. О славном адмирале наш рассказ.

Мы с тобой, читатель, уже, кажется, научились определять характер войн. Однако не будем торопиться хвалить самих себя. Было бы просто, если бы войны по своему характеру были все сразу ясны, как стёклышко: эта справедливая, эта несправедливая. Бывает так: вступает государство в войну справедливую, а потом война превращается в несправедливую с его стороны, захватническую. Но бывает наоборот, начала страна войну несправедливую, но события в ходе её так круто изменились, что война – или целиком, или отчасти – приобретает черты и признаки справедливой. Для России такой войной стала Крымская война 1853 – 1856 годов.

Весной 1853 года между Турцией и Россией были разорваны дипломатические отношения, а осенью начались военные действия на Чёрном море и по обе стороны от него – на Кавказе и Дунае, где были границы враждующих стран.

Царь и его правительство отнеслись к очередной войне с турками без тревоги. Царю, его министрам, капиталистам и помещикам казалось, что в итоге войны, разгромив Турцию, можно будет ещё больше укрепить влияние в странах Балканского полуострова и Ближнего Востока. Было у них ещё немаловажное соображение, чтобы новую войну считать благом: в стране не утихали волнения и бунты крепостных крестьян; у всех на памяти было восстание, поднятое против царя офицерами-декабристами. Сильное потрясение, такое, как война (с победоносным концом), должно было, по мнению царя и его окружения, успокоить народ, ненависть к туркам должна была заглушить недовольство царскими порядками. Как видишь, цели войны были далеки от интересов народа. Она несла русским людям новые жестокие законы, новые разорительные налоги, гибель тысяч и тысяч

солдат, матросов. Эти беды в одинаковой мере ждали и народ Турции. Так что началась война несправедливая с обеих сторон.

Сообщения с театра военных действий в первое время приходили радужные. Успех сопутствовал русским. 5 ноября 1853 года произошёл бой паровых кораблей – первый в истории. Русский пароходофрегат «Владимир» под командованием капитан-лейтенанта Григория Ивановича Бутакова артиллерийским огнём повредил колёса турецкого парохода «Перваз-Бахри» («Владыка морей») и затем пленил его. Через несколько дней парусный фрегат «Флора» вёл бой с тремя турецкими пароходами, двум из них нанёс большие повреждения и всю троицу обратил в бегство. А 18 ноября произошло знаменитое Синопское сражение – последнее в истории парусного флота.

Орден Нахимова.

Медаль Нахимова.

СИНОПСКОЕ СРАЖЕНИЕ

Турки сосредоточили в Батуме (этот город тогда принадлежал им) 20 тысяч сухопутных войск и готовились перебросить их морем в район Поти и Сухума, чтобы отрезать от России русскую армию, находившуюся на Кавказе. Если бы десант удался, то армия, лишённая всякого снабжения, погибла бы. Переброску десанта турки намеревались прикрыть боевыми кораблями. На усиление своего флота в районе Батума и направили они из Стамбула эскадру Осман-паши. (Ты, верно, обратил внимание, что написано Батум, а не Батуми, Сухум, а не Сухуми? Географические названия в исторических очерках пишутся такие, какие были приняты в то время. Даты пишутся того стиля, которым пользовались тогда.)

Русский флот на Чёрном море после смерти Михаила Петровича Лазарева возглавляли два адмирала: Владимир Алексеевич Корнилов и Павел Степанович Нахимов. Они предполагали, что турки предпримут именно такие действия. Но где искать эскадру противника? Море велико. К тому же осенью часты штормы, туманы. Было одно средство: крейсировать у турецких берегов, днём и ночью не смыкая глаз, чтобы не пропустить врага. Случилось так, что Нахимову пришлось половину своей эскадры отправить в Севастополь – корабли получили повреждение во время жестокого шторма. И почти тут

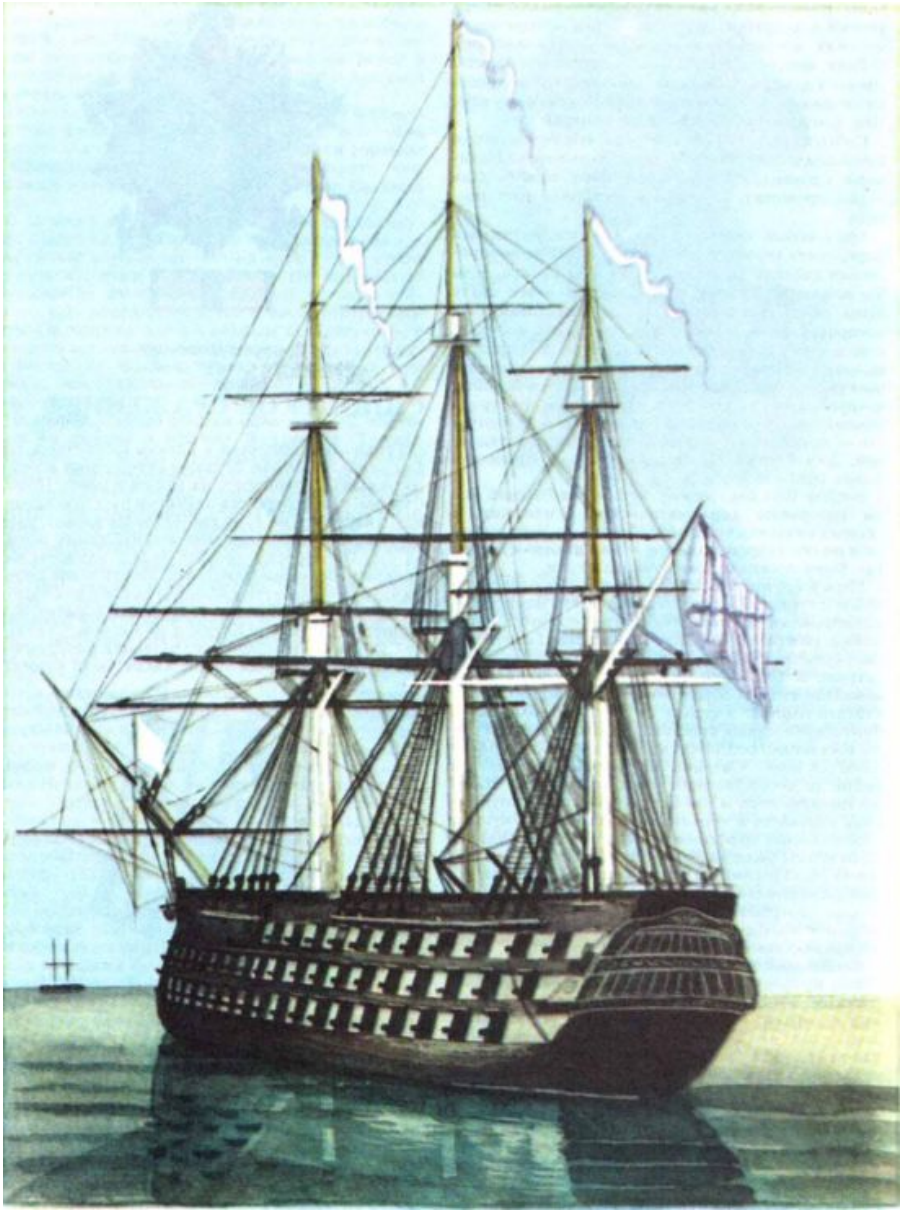
же выяснилось, что турецкие корабли стоят в Синопе, отдыхая перед второй половиной пути. Эти сведения Нахимов получил, опрашивая торговые суда, их подтвердили матросы захваченного турецкого парохода.

Синоп был укреплённой базой турецкого флота. По берегам бухты на возвышенных местах расположились шесть батарей с крупнокалиберными орудиями. Под их защитой стояли 16 кораблей: 7 фрегатов, 2 парохода, 3 корвета, 2 военных транспорта, 2 брига. На кораблях и на берегу у турок было в общей сложности 512 орудий.

Что было делать Нахимову? Напасть с ограниченными силами на неприятельский флот нельзя, только загубишь свои корабли. Но нельзя и упустить неприятеля! В руках маленькой эскадры русских оказалась судьба всего Кавказа. «Я решился, – писал потом Нахимов, – тесно блокировать этот порт». 84-пушечные линейные корабли «Императрица Мария», «Чесма», «Ростислав» встали у входа в бухту, закрыв собой выход из неё. Фрегат «Кагул» занял пост для наблюдения в нескольких милях от бухты, а в Севастополь за помощью со всей возможной быстротой пошло посыльное судно.

Трудно сказать, почему турецкий адмирал не напал на русских, имевших только 252 орудия. Он больше недели смотрел на них со своего фрегата «Ауни-Аллах». Конечно, адмирал понимал, что три грозных стража откроют выход из бухты, только если погибнут…

И вот пришла помощь: три 120-пушечных корабля и фрегат под командованием контр-адмирала Фёдора Михайловича Новосильского. Лил дождь, ветер был сильный и неблагоприятный. Но Нахимов приказал готовиться к сражению. Приказ адмирала заканчивался словами, которые мог сказать только командующий, до конца уверенный в мужестве и мастерстве своих помощников: «…все предварительные наставления при переменившихся обстоятельствах могут затруднить командира, знающего своё дело, и поэтому я предоставляю каждому совершенно независимо действовать по усмотрению своему, но непременно исполнить свой долг».



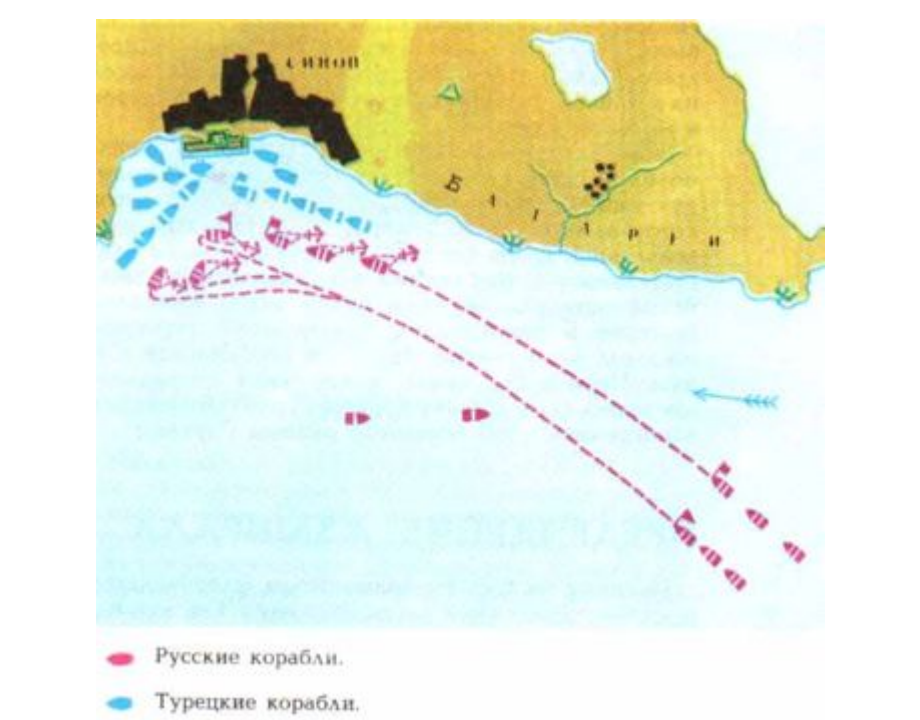
Русский линейный корабль середины XIX века.

Теперь русские имели 8 кораблей: 6 линейных, 2 фрегата. На них 720 орудий, в том числе 76 бомбических, снаряды которых взрываются внутри корабля. Чтобы превосходство в артиллерии ещё увеличить, чтобы огонь был как можно губительнее, адмирал приказал начинать его с дистанции 300 – 600 метров. А во всех западных флотах было принято вести артиллерийский бой на расстоянии одного-двух километров.

Русские корабли, стремясь быстрее сблизиться с

противником, вошли в бухту двумя кильватерными колоннами. Под градом ядер и книпелей они встали против турецких кораблей и сами открыли ошеломляющий огонь.

Флагманский корабль «Императрица Мария», на котором находился Нахимов, сразился с турецким флагманом – фрегатом «Ауни-Аллах». Ты, конечно, помнишь, что решительно атаковать и вывести из дела неприятельский флагман – такое правило ввёл ещё Ушаков. Через полчаса, не выдержав обстрела, «Ауни-Аллах» выбросился на берег. За ним выбросился на берег «Фазли-Аллах». В отдельные моменты на флот врага и его береговые батареи обрушивалось до 200 снарядов в минуту.



Синопское сражение. 18 ноября 1853 года.

Все корабли Нахимова сражались так же доблестно, как флагман. И всё же адмирал особо выделил корабль «Париж» и приказал поднять на мачте «Марии» сигнал с благодарностью. Но сигнальные фалы были перебиты. Адмирал послал шлюпку, и команда «Парижа» узнала о похвале начальника. А командовал доблестным кораблём капитан первого ранга Истомин, если помнишь, он вместе с Нахимовым и Корниловым был в Наваринском сражении на «Азове».

Не прошло и трёх часов, как неприятельская эскадра перестала существовать. Были разбиты и все береговые батареи.

Турецкие корабли горели. Два из них взорвались, засыпав город обломками. В городе начались пожары. Их никто не тушил, т.к как население ушло в окрестные деревни. Спастись удалось только пароходу «Таиф». На нём бежал контр-адмирал Мушавер-паша – такой титул имел в турецком флоте английский советник капитан Адольф Слэд. Потери турок только погибшими составили около 3 тысяч, это из 4500, находившихся в сражении. Было много пленных, в их числе сам вице-адмирал Осман-паша, раненный в ногу, и три командира фрегатов.

Русские потеряли 38 человек убитыми и 235 ранеными. Все корабли были целы, но имели много повреждений. Некоторые пришлось до самого Севастополя буксировать пароходами, которые вскоре подошли к месту сражения. Дело это было трудное из-за сильного ветра и волн. Но эскадра Нахимова благополучно пришла в свою базу. Ей была устроена торжественная встреча – с поздравлениями, наградами и обедами для матросов на площади у Графской пристани, а для офицеров в морском клубе.

Значение победы, одержанной при Синопе, видно из письма, которое послал Нахимову командующий отрядом судов у кавказских берегов контр-адмирал Пётр Вукотич: «С сердечным удовольствием имею честь поздравить в. пр-во с блистательным истреблением неприятельской Синопской эскадры, великой грозы всего Кавказа… Быстрое и решительное истребление турецкой эскадры вами спасло Кавказ, в особенности Сухум, Поти и Редуткале, покорением последнего досталась бы в добычу туркам Гурия, Имеретия и Мингрелия». (Это основные районы Грузии.)

ПРЕДВИДЕНИЕ АДМИРАЛА

Нахимов не был бы знаменитым флотоводцем, если бы только умел вести сражения. Он, как истинный военачальник, мог обозреть взглядом будущее, а это дано не многим. Один из морских офицеров, лейтенант Ухтомский, в дневнике писал: «Во время Синопского дела я был на Сухумской эскадре и в начале декабря 1853 года на шхуне «Смелая» возвратился в Севастополь. Конечно, все мы очень сожалели, что не имели счастья быть в Синопе, и с жадностью ловили все подробности и последствия этого дела… В первый свободный день я отправился к Нахимову по праву знакомого. Он был очень любезен, жалел, что меня не было в Синопском отряде, и невольно увлёкся, рассказывая о Синопе. «Только ужасно то, г. Ухтомский, – сказал адмирал, – что эта победа подвинет против нас войну, ибо англичане увидят, что мы им действительно опасны на море, и, поверьте, они употребят

все усилия, чтобы уничтожить Черноморский флот». По изменившемуся звуку голоса адмирала и по выражению глаз несомненно было то, что Нахимов как бы винил себя в том, что он навлёк или ускорил будущие бедствия войны».

Истомин В. И.

Наша наука рассматривает войну как продолжение политики. Продолжение не мирными средствами, а насильственными. «Ту самую политику, – писал Владимир Ильич Ленин, – которую известная держава, известный класс внутри этой державы вёл в течение долгого времени перед войной, неизбежно и неминуемо этот самый класс продолжает во время войны, переменив только форму действия».

Мы с тобой, читатель, знаем политику Англии того времени, политику её правящего класса капиталистов. Это захват колоний, порабощение народов, безжалостное уничтожение соперников. Знаем также, что английские капиталисты предпочли наносить удары соперникам чужими руками. Так бывает в обычной жизни: идёт здоровенный громила, а рядом с ним держится слабосильный, но занозистый тип; этого-то типа и выпускает громила начинать драку. Смотрит с любопытством, как отвешивают тумаки его сообщнику, но забить не даёт, сам кидается с кулаками. И в этой войне, о которой мы говорим, за спиной Турции стояла Англия. Не только она, ещё Франция и

Сардиния. Весной 1854 года эти государства, увидев, что Турции грозит поражение, объявили России войну. Тут же к границам России подтянула огромную армию Австрия: она держала нейтралитет, но, если бы русские войска с западной границы были переброшены на юг, не замедлила бы захватить большие территории. К отторжению русских земель приготовились Швеция и некоторые другие государства. Вот как просчитался Николай I и его правительство! Думали воевать только с Турцией, а пришлось иметь дело с сильнейшими державами мира.

Следуя своей предвоенной политике, Англия и её союзники поставили себе целью уничтожить Черноморский флот России, отторгнуть от неё Крым, Кавказ, придунайские районы, а также земли на Балтике и на Дальнем Востоке. «Раз уж пришлось самим вступить в войну, – рассуждали английские и французские капиталисты, – надо низвести Россию на морях до самого крайнего положения».

Началась изнурительная, многолетняя война.

Фридрих Энгельс писал о ней: «В течение сорока лет Европа не знала проклятия подобной борьбы; по важности и значительности её участников, равно как и по разнообразию и необъятности их ресурсов, едва ли найдётся что-либо аналогичное во всей истории человечества». Слова Энгельса подтверждают такие цифры. В Отечественной войне 1812 года, воюя с Наполеоном, русская армия израсходовала 36 тысяч пудов пороха, а за время обороны Севастополя – 200 тысяч.

Военные действия шли в местах, удалённых друг от друга на тысячи миль. Союзные эскадры получили задачу нанести удары по русским базам и флотам на всех морях, омывающих Россию: по Кронштадту на Балтике, по Архангельску на Белом море, по Петропавловску-Камчатскому на Тихом океане. Атаки на эти крепости были успешно отбиты. Причём на минах, поставленных у Кронштадта, подорвались четыре паровых корабля неприятеля; это был первый в истории случай успешного применения минного оружия.

Самым тяжёлым театром военных действий стало Чёрное море, точнее – Крымский полуостров (отсюда и название всей войны – Крымская) и даже не весь полуостров, а Севастополь – главная база русского Черноморского флота.

Корабли не могут обойтись без берега, как птицы не могут вечно парить в воздухе. Перелётные птицы, увидев в море судно, без страха устремляются к нему и отдыхают на нём, набираются сил, чтобы продолжать нелёгкий путь. А самому кораблю, чтобы отдохнуть, набраться сил, залечить раны, полученные в боях и штормах, нужен берег. Когда мы будем вести рассказ о Великой

Отечественной войне, мы увидим, что и фашисты главный удар на Чёрном море нацеливали на Севастополь. «Захватив Севастополь, погубим русский флот» – так рассуждали наши противники в войну давнюю и в войну недавнюю.

В течение всего лета 1854 года англо-французское командование готовилось к высадке армии на русское побережье.

2 сентября союзный десант – 62 тысячи английских, французских и турецких солдат – высадился в Евпатории. Его доставили из Варны три сотни транспортных судов. 89 боевых кораблей обеспечивали высадку. Собственно, обеспечивать им ничего не нужно было. Войска выгружались на берег совершенно беспрепятственно. В Крыму в это время не было достаточно сильной русской армии. Главнокомандующий Меншиков был убеждён, что союзники, чтобы не зимовать в окопах, осенью высаживаться не станут, поэтому и не позаботился о сосредоточении своих войск. Не мог помешать высадке и флот. У союзников было вдвое больше военных судов, причём ядро их флота составляли паровые винтовые корабли, не зависевшие от ветра. Вооружены они были нарезными орудиями. Вне всякого сомнения, корабли Нахимова, если бы они вступили в бой, были бы уничтожены. Как мы увидим дальше, именно эскадра Нахимова – её корабли, её моряки – сыграла решающую роль в обороне Севастополя. Без них Севастополь был бы захвачен неприятелем с ходу.

Сенявин Д. Н.

ВОЕВАТЬ НЕЧЕМ

Мы несколько раз говорили: это впервые в истории сделали русские и это, а как дошло до дела – воевать нечем. Почему так получилось? Потому что царская Россия сильно отстала от других держав в промышленном производстве, во всём хозяйстве. Нарезное оружие, к примеру, было изобретено русскими, а раньше вооружили им свои армии англичане и французы, да ещё турок снабдили. Первый военный пароход «Скорый» тоже русские сделали, а к началу Крымской войны на Чёрном море было у русских всего шесть пароходофрегатов. В огромной стране порох делали три завода. Чугуна Россия производила в 10 раз меньше, чем Англия. Потом, когда начнутся у Севастополя ожесточённые артиллерийские дуэли, русские из-за нехватки снарядов смогут на десять выстрелов противника отвечать только одним.

Поставим перед собой такой вопрос: если бы царь и его правительство заранее узнали о размерах опасности, грозящей Севастополю, Крыму, всей России, могли бы они вооружить русскую армию и флот так же хорошо, как был вооружён неприятель? Что-то было бы лучше, конечно. Но коренной разницы не было бы. Для коренного изменения военных дел

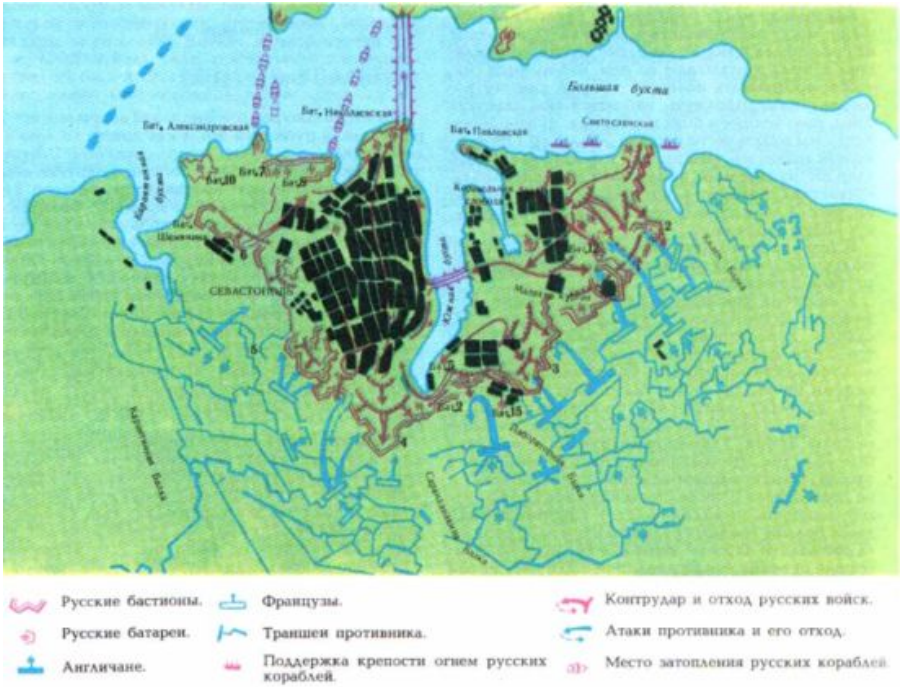
нужно было изменить в корне политическую и социальную основу жизни всего народа. И первое, что нужно было сделать, – это отменить крепостное право – право помещиков иметь в собственности людей, распоряжаться ими как вещами. И на заводах работали люди, находившиеся в собственности капиталистов. Труд что в городе, что в деревне был рабским трудом, следовательно, малопроизводительным. В Англии и Франции давным-давно закончилась эпоха феодализма, в России же господствовали феодальные отношения.

Но разве мог царь по доброй воле изменить существующие порядки? Наоборот, он всячески укреплял их: это ведь были порядки его, а не чьи-нибудь. Он сам был богатейшим помещиком. Каково ему было расстаться со своей собственностью? И разве мог он обидеть свою опору – русских помещиков?

Мы говорили, что флот на Чёрном море возглавляли Корнилов и Нахимов. Правильнее, точнее было бы сказать, что они больше всех делали для флота. А должности их были не такие уж главные – первый был начальником штаба Черноморского флота, второй – начальником 5-й флотской дивизии. Над ними стояло много вельмож, титулы которых были настолько пышные, насколько убогими были их военные способности. Оба адмирала имели ограниченные права, свои приказы и распоряжения обязаны были согласовывать, утверждать; они тратили много сил, чтобы доказать выгодность и необходимость какого-либо дела. Только нечеловеческая энергия, святая преданность отечеству давали им силы воевать с неприятелем и одновременно с вельможным начальством.

ПЕРВЫЕ БОИ У СЕВАСТОПОЛЯ

Неприятельские войска двигались от Евпатории к Севастополю. 8 сентября на реке Альме им преградила путь русская 34-тысячная (вдвое меньшая по численности) армия. Произошло кровопролитное сражение. Потери с обеих сторон были очень большие. Главнокомандующий князь Меншиков приказал своим войскам отступить к Бахчисараю, чтобы прикрыть дорогу на Симферополь. В этом был резон, но Севастополь остался один, город должен был защищаться сам – силами небольшого гарнизона и тем, что мог дать флот.


Большая бухта
Бат. Александровская
Бат. Николаевская
Бат. Павловская
Бат. Шестиорудийная
Бат. Константиновская
Бат. Алексеевская
Бат. Волынская
Бат. Селенгинская
Бат. Забалканская
Бат. Камчатская
Бат. Двенадцати апостолов
Бат. Восьмидесятипушечная
Бат. Семидесятипушечная
Бат. Корниловская
Бат. Малахова кургана
Бат. Редан
Бат. Третьего бастиона
Бат. Четвертого бастиона
Бат. Пятого бастиона
Бат. Шестого бастиона
Бат. Седьмого бастиона
Бат. Восьмого бастиона
Бат. Девятого бастиона
Бат. Десятого бастиона
Бат. Одиннадцатого бастиона
Бат. Двенадцатого бастиона
Бат. Тринадцатого бастиона
Бат. Четырнадцатого бастиона
Бат. Пятнадцатого бастиона
Бат. Шестнадцатого бастиона
Бат. Семнадцатого бастиона
Бат. Восемнадцатого бастиона
Бат. Девятнадцатого бастиона
Бат. Двадцатого бастиона
Бат. Двадцать первого бастиона
Бат. Двадцать второго бастиона
Бат. Двадцать третьего бастиона
Бат. Двадцать четвертого бастиона
Бат. Двадцать пятого бастиона
Бат. Двадцать шестого бастиона
Бат. Двадцать седьмого бастиона
Бат. Двадцать восьмого бастиона
Бат. Двадцать девятого бастиона
Бат. Тридцатого бастиона
Бат. Тридцать первого бастиона
Бат. Тридцать второго бастиона
Бат. Тридцать третьего бастиона
Бат. Тридцать четвертого бастиона
Бат. Тридцать пятого бастиона
Бат. Тридцать шестого бастиона
Бат. Тридцать седьмого бастиона
Бат. Тридцать восьмого бастиона
Бат. Тридцать девятого бастиона
Бат. Сорокового бастиона
Бат. Сорок первого бастиона
Бат. Сорок второго бастиона
Бат. Сорок третьего бастиона
Бат. Сорок четвертого бастиона
Бат. Сорок пятого бастиона
Бат. Сорок шестого бастиона
Бат. Сорок седьмого бастиона
Бат. Сорок восьмого бастиона
Бат. Сорок девятого бастиона
Бат. Пятидесятого бастиона
Бат. Пятьдесят первого бастиона
Бат. Пятьдесят второго бастиона
Бат. Пятьдесят третьего бастиона
Бат. Пятьдесят четвертого бастиона
Бат. Пятьдесят пятого бастиона
Бат. Пятьдесят шестого бастиона
Бат. Пятьдесят седьмого бастиона
Бат. Пятьдесят восьмого бастиона
Бат. Пятьдесят девятого бастиона
Бат. Шестидесятого бастиона
Бат. Шестьдесят первого бастиона
Бат. Шестьдесят второго бастиона
Бат. Шестьдесят третьего бастиона
Бат. Шестьдесят четвертого бастиона
Бат. Шестьдесят пятого бастиона
Бат. Шестьдесят шестого бастиона
Бат. Шестьдесят седьмого бастиона
Бат. Шестьдесят восьмого бастиона
Бат. Шестьдесят девятого бастиона
Бат. Семидесятого бастиона
Бат. Семьдесят первого бастиона
Бат. Семьдесят второго бастиона
Бат. Семьдесят третьего бастиона
Бат. Семьдесят четвертого бастиона
Бат. Семьдесят пятого бастиона
Бат. Семьдесят шестого бастиона
Бат. Семьдесят седьмого бастиона
Бат. Семьдесят восьмого бастиона
Бат. Семьдесят девятого бастиона
Бат. Восьмидесятого бастиона
Бат. Восемьдесят первого бастиона
Бат. Восемьдесят второго бастиона
Бат. Восемьдесят третьего бастиона
Бат. Восемьдесят четвертого бастиона
Бат. Восемьдесят пятого бастиона
Бат. Восемьдесят шестого бастиона
Бат. Восемьдесят седьмого бастиона
Бат. Восемьдесят восьмого бастиона
Бат. Восемьдесят девятого бастиона
Бат. Девяностого бастиона
Бат. Девяносто первого бастиона
Бат. Девяносто второго бастиона
Бат. Девяносто третьего бастиона
Бат. Девяносто четвертого бастиона
Бат. Девяносто пятого бастиона
Бат. Девяносто шестого бастиона
Бат. Девяносто седьмого бастиона
Бат. Девяносто восьмого бастиона
Бат. Девяносто девятого бастиона
Бат. Сотого бастиона
Бат. Сто первого бастиона
Бат. Сто второго бастиона
Бат. Сто третьего бастиона
Бат. Сто четвертого бастиона
Бат. Сто пятого бастиона
Бат. Сто шестого бастиона
Бат. Сто седьмого бастиона
Бат. Сто восьмого бастиона
Бат. Сто девятого бастиона
Бат. Сто десятого бастиона
Бат. Сто одиннадцатого бастиона
Бат. Сто двенадцатого бастиона
Бат. Сто тринадцатого бастиона
Бат. Сто четырнадцатого бастиона
Бат. Сто пятнадцатого бастиона
Бат. Сто шестнадцатого бастиона
Бат. Сто семнадцатого бастиона
Бат. Сто восемнадцатого бастиона
Бат. Сто девятнадцатого бастиона
Бат. Сто двадцатого бастиона
Бат. Сто двадцать первого бастиона
Бат. Сто двадцать второго бастиона
Бат. Сто двадцать третьего бастиона
Бат. Сто двадцать четвертого бастиона
Бат. Сто двадцать пятого бастиона
Бат. Сто двадцать шестого бастиона
Бат. Сто двадцать седьмого бастиона
Бат. Сто двадцать восьмого бастиона
Бат. Сто двадцать девятого бастиона
Бат. Сто тридцатого бастиона
Бат. Сто тридцать первого бастиона
Бат. Сто тридцать второго бастиона
Бат. Сто тридцать третьего бастиона
Бат. Сто тридцать четвертого бастиона
Бат. Сто тридцать пятого бастиона
Бат. Сто тридцать шестого бастиона
Бат. Сто тридцать седьмого бастиона
Бат. Сто тридцать восьмого бастиона
Бат. Сто тридцать девятого бастиона
Бат. Сто сорокового бастиона
Бат. Сто сорок первого бастиона
Бат. Сто сорок второго бастиона
Бат. Сто сорок третьего бастиона
Бат. Сто сорок четвертого бастиона
Бат. Сто сорок пятого бастиона
Бат. Сто сорок шестого бастиона
Бат. Сто сорок седьмого бастиона
Бат. Сто сорок восьмого бастиона
Бат. Сто сорок девятого бастиона
Бат. Сто пятидесятого бастиона
Бат. Сто пятьдесят первого бастиона
Бат. Сто пятьдесят второго бастиона
Бат. Сто пятьдесят третьего бастиона
Бат. Сто пятьдесят четвертого бастиона
Бат. Сто пятьдесят пятого бастиона
Бат. Сто пятьдесят шестого бастиона
Бат. Сто пятьдесят седьмого бастиона
Бат. Сто пятьдесят восьмого бастиона
Бат. Сто пятьдесят девятого бастиона
Бат. Сто шестидесятого бастиона
Бат. Сто шестьдесят первого бастиона
Бат. Сто шестьдесят второго бастиона
Бат. Сто шестьдесят третьего бастиона
Бат. Сто шестьдесят четвертого бастиона
Бат. Сто шестьдесят пятого бастиона
Бат. Сто шестьдесят шестого бастиона
Бат. Сто шестьдесят седьмого бастиона
Бат. Сто шестьдесят восьмого бастиона
Бат. Сто шестьдесят девятого бастиона
Бат. Сто семидесятого бастиона
Бат. Сто семьдесят первого бастиона
Бат. Сто семьдесят второго бастиона
Бат. Сто семьдесят третьего бастиона
Бат. Сто семьдесят четвертого бастиона
Бат. Сто семьдесят пятого бастиона
Бат. Сто семьдесят шестого бастиона
Бат. Сто семьдесят седьмого бастиона
Бат. Сто семьдесят восьмого бастиона
Бат. Сто семьдесят девятого бастиона
Бат. Сто восьмидесятого бастиона
Бат. Сто восемьдесят первого бастиона
Бат. Сто восемьдесят второго бастиона
Бат. Сто восемьдесят третьего бастиона
Бат. Сто восемьдесят четвертого бастиона
Бат. Сто восемьдесят пятого бастиона
Бат. Сто восемьдесят шестого бастиона
Бат. Сто восемьдесят седьмого бастиона
Бат. Сто восемьдесят восьмого бастиона
Бат. Сто восемьдесят девятого бастиона
Бат. Сто девяностого бастиона
Бат. Сто девяносто первого бастиона
Бат. Сто девяносто второго бастиона
Бат. Сто девяносто третьего бастиона
Бат. Сто девяносто четвертого бастиона
Бат. Сто девяносто пятого бастиона
Бат. Сто девяносто шестого бастиона
Бат. Сто девяносто седьмого бастиона
Бат. Сто девяносто восьмого бастиона
Бат. Сто девяносто девятого бастиона
Бат. Двухсотого бастиона
Бат. Двести первого бастиона
Бат. Двести второго бастиона
Бат. Двести третьего бастиона
Бат. Двести четвертого бастиона
Бат. Двести пятого бастиона
Бат. Двести шестого бастиона
Бат. Двести седьмого бастиона
Бат. Двести восьмого бастиона
Бат. Двести девятого бастиона
Бат. Двести десятого бастиона
Бат. Двести одиннадцатого бастиона
Бат. Двести двенадцатого бастиона
Бат. Двести тринадцатого бастиона
Бат. Двести четырнадцатого бастиона
Бат. Двести пятнадцатого бастиона
Бат. Двести шестнадцатого бастиона
Бат. Двести семнадцатого бастиона
Бат. Двести восемнадцатого бастиона
Бат. Двести девятнадцатого бастиона
Бат. Двести двадцатого бастиона
Бат. Двести двадцать первого бастиона
Бат. Двести двадцать второго бастиона
Бат. Двести двадцать третьего бастиона
Бат. Двести двадцать четвертого бастиона
Бат. Двести двадцать пятого бастиона
Бат. Двести двадцать шестого бастиона
Бат. Двести двадцать седьмого бастиона
Бат. Двести двадцать восьмого бастиона
Бат. Двести двадцать девятого бастиона
Бат. Двести тридцатого бастиона
Бат. Двести тридцать первого бастиона
Бат. Двести тридцать второго бастиона
Бат. Двести тридцать третьего бастиона
Бат. Двести тридцать четвертого бастиона
Бат. Двести тридцать пятого бастиона
Бат. Двести тридцать шестого бастиона
Бат. Двести тридцать седьмого бастиона
Бат. Двести тридцать восьмого бастиона
Бат. Двести тридцать девятого бастиона
Бат. Двести сорокового бастиона
Бат. Двести сорок первого бастиона
Бат. Двести сорок второго бастиона
Бат. Двести сорок третьего бастиона
Бат. Двести сорок четвертого бастиона
Бат. Двести сорок пятого бастиона
Бат. Двести сорок шестого бастиона
Бат. Двести сорок седьмого бастиона
Бат. Двести сорок восьмого бастиона
Бат. Двести сорок девятого бастиона
Бат. Двести пятидесятого бастиона
Бат. Двести пятьдесят первого бастиона
Бат. Двести пятьдесят второго бастиона
Бат. Двести пятьдесят третьего бастиона
Бат. Двести пятьдесят четвертого бастиона
Бат. Двести пятьдесят пятого бастиона
Бат. Двести пятьдесят шестого бастиона
Бат. Двести пятьдесят седьмого бастиона
Бат. Двести пятьдесят восьмого бастиона
Бат. Двести пятьдесят девятого бастиона
Бат. Двести шестидесятого бастиона
Бат. Двести шестьдесят первого бастиона
Бат. Двести шестьдесят второго бастиона
Бат. Двести шестьдесят третьего бастиона
Бат. Двести шестьдесят четвертого бастиона
Бат. Двести шестьдесят пятого бастиона
Бат. Двести шестьдесят шестого бастиона
Бат. Двести шестьдесят седьмого бастиона
Бат. Двести шестьдесят восьмого бастиона
Бат. Двести шестьдесят девятого бастиона
Бат. Двести семидесятого бастиона
Бат. Двести семьдесят первого бастиона
Бат. Двести семьдесят второго бастиона
Бат. Двести семьдесят третьего бастиона
Бат. Двести семьдесят четвертого бастиона
Бат. Двести семьдесят пятого бастиона
Бат. Двести семьдесят шестого бастиона
Бат. Двести семьдесят седьмого бастиона
Бат. Двести семьдесят восьмого бастиона
Бат. Двести семьдесят девятого бастиона
Бат. Двести восьмидесятого бастиона
Бат. Двести восемьдесят первого бастиона
Бат. Двести восемьдесят второго бастиона
Бат. Двести восемьдесят третьего бастиона
Бат. Двести восемьдесят четвертого бастиона
Бат. Двести восемьдесят пятого бастиона
Бат. Двести восемьдесят шестого бастиона
Бат. Двести восемьдесят седьмого бастиона
Бат. Двести восемьдесят восьмого бастиона
Бат. Двести восемьдесят девятого бастиона
Бат. Двести девяностого бастиона
Бат. Двести девяносто первого бастиона
Бат. Двести девяносто второго бастиона
Бат. Двести девяносто третьего бастиона
Бат. Двести девяносто четвертого бастиона
Бат. Двести девяносто пятого бастиона
Бат. Двести девяносто шестого бастиона
Бат. Двести девяносто седьмого бастиона
Бат. Двести девяносто восьмого бастиона
Бат. Двести девяносто девятого бастиона
Бат. Трехсотого бастиона
Бат. Триста первого бастиона
Бат. Триста второго бастиона
Бат. Триста третьего бастиона
Бат. Триста четвертого бастиона
Бат. Триста пятого бастиона
Бат. Триста шестого бастиона
Бат. Триста седьмого бастиона
Бат. Триста восьмого бастиона
Бат. Триста девятого бастиона
Бат. Триста десятого бастиона
Бат. Триста одиннадцатого бастиона
Бат. Триста двенадцатого бастиона
Бат. Триста тринадцатого бастиона
Бат. Триста четырнадцатого бастиона
Бат. Триста пятнадцатого бастиона
Бат. Триста шестнадцатого бастиона
Бат. Триста семнадцатого бастиона
Бат. Триста восемнадцатого бастиона
Бат. Триста девятнадцатого бастиона
Бат. Триста двадцатого бастиона
Бат. Триста двадцать первого бастиона
Бат. Триста двадцать второго бастиона
Бат. Триста двадцать третьего бастиона
Бат. Триста двадцать четвертого бастиона
Бат. Триста двадцать пятого бастиона
Бат. Триста двадцать шестого бастиона
Бат. Триста двадцать седьмого бастиона
Бат. Триста двадцать восьмого бастиона
Бат. Триста двадцать девятого бастиона
Бат. Триста тридцатого бастиона
Бат. Триста тридцать первого бастиона
Бат. Триста тридцать второго бастиона
Бат. Триста тридцать третьего бастиона
Бат. Триста тридцать четвертого бастиона
Бат. Триста тридцать пятого бастиона
Бат. Триста тридцать шестого бастиона
Бат. Триста тридцать седьмого бастиона
Бат. Триста тридцать восьмого бастиона
Бат. Триста тридцать девятого бастиона
Бат. Триста сорокового бастиона
Бат. Триста сорок первого бастиона
Бат. Триста сорок второго бастиона
Бат. Триста сорок третьего бастиона
Бат. Триста сорок четвертого бастиона
Бат. Триста сорок пятого бастиона
Бат. Триста сорок шестого бастиона
Бат. Триста сорок седьмого бастиона
Бат. Триста сорок восьмого бастиона
Бат. Триста сорок девятого бастиона
Бат. Триста пятидесятого бастиона
Бат. Триста пятьдесят первого бастиона
Бат. Триста пятьдесят второго бастиона
Бат. Триста пятьдесят третьего бастиона
Бат. Триста пятьдесят четвертого бастиона
Бат. Триста пятьдесят пятого бастиона
Бат. Триста пятьдесят шестого бастиона
Бат. Триста пятьдесят седьмого бастиона
Бат. Триста пятьдесят восьмого бастиона
Бат. Триста пятьдесят девятого бастиона
Бат. Триста шестидесятого бастиона
Бат. Триста шестьдесят первого бастиона
Бат. Триста шестьдесят второго бастиона
Бат. Триста шестьдесят третьего бастиона
Бат. Триста шестьдесят четвертого бастиона
Бат. Триста шестьдесят пятого бастиона
Бат. Триста шестьдесят шестого бастиона
Бат. Триста шестьдесят седьмого бастиона
Бат. Триста шестьдесят восьмого бастиона
Бат. Триста шестьдесят девятого бастиона
Бат. Триста семидесятого бастиона
Бат. Триста семьдесят первого бастиона
Бат. Триста семьдесят второго бастиона
Бат. Триста семьдесят третьего бастиона
Бат. Триста семьдесят четвертого бастиона
Бат. Триста семьдесят пятого бастиона
Бат. Триста семьдесят шестого бастиона
Бат. Триста семьдесят седьмого бастиона
Бат. Триста семьдесят восьмого бастиона
Бат. Триста семьдесят девятого бастиона
Бат. Триста восьмидесятого бастиона
Бат. Триста восемьдесят первого бастиона
Бат. Триста восемьдесят второго бастиона
Бат. Триста восемьдесят третьего бастиона
Бат. Триста восемьдесят четвертого бастиона
Бат. Триста восемьдесят пятого бастиона
Бат. Триста восемьдесят шестого бастиона
Бат. Триста восемьдесят седьмого бастиона
Бат. Триста восемьдесят восьмого бастиона
Бат. Триста восемьдесят девятого бастиона
Бат. Триста девяностого бастиона
Бат. Триста девяносто первого бастиона
Бат. Триста девяносто второго бастиона
Бат. Триста девяносто третьего бастиона
Бат. Триста девяносто четвертого бастиона
Бат. Триста девяносто пятого бастиона
Бат. Триста девяносто шестого бастиона
Бат. Триста девяносто седьмого бастиона
Бат. Триста девяносто восьмого бастиона
Бат. Триста девяносто девятого бастиона
Бат. Четырехсотого бастиона
Бат. Четыреста первого бастиона
Бат. Четыреста второго бастиона
Бат. Четыреста третьего бастиона
Бат. Четыреста четвертого бастиона
Бат. Четыреста пятого бастиона
Бат. Четыреста шестого бастиона
Бат. Четыреста седьмого бастиона
Бат. Четыреста восьмого бастиона
Бат. Четыреста девятого бастиона
Бат. Четыреста десятого бастиона
Бат. Четыреста одиннадцатого бастиона
Бат. Четыреста двенадцатого бастиона
Бат. Четыреста тринадцатого бастиона
Бат. Четыреста четырнадцатого бастиона
Бат. Четыреста пятнадцатого бастиона
Бат. Четыреста шестнадцатого бастиона
Бат. Четыреста семнадцатого бастиона
Бат. Четыреста восемнадцатого бастиона
Бат. Четыреста девятнадцатого бастиона
Бат. Четыреста двадцатого бастиона
Бат. Четыреста двадцать первого бастиона
Бат. Четыреста двадцать второго бастиона
Бат. Четыреста двадцать третьего бастиона
Бат. Четыреста двадцать четвертого бастиона
Бат. Четыреста двадцать пятого бастиона
Бат. Четыреста двадцать шестого бастиона
Бат. Четыреста двадцать седьмого бастиона
Бат. Четыреста двадцать восьмого бастиона
Бат. Четыреста двадцать девятого бастиона
Бат. Четыреста тридцатого бастиона
Бат. Четыреста тридцать первого бастиона
Бат. Четыреста тридцать второго бастиона
Бат. Четыреста тридцать третьего бастиона
Бат. Четыреста тридцать четвертого бастиона
Бат. Четыреста тридцать пятого бастиона
Бат. Четыреста тридцать шестого бастиона
Бат. Четыреста тридцать седьмого бастиона
Бат. Четыреста тридцать восьмого бастиона
Бат. Четыреста тридцать девятого бастиона
Бат. Четыреста сорокового бастиона
Бат. Четыреста сорок первого бастиона
Бат. Четыреста сорок второго бастиона
Бат. Четыреста сорок третьего бастиона
Бат. Четыреста сорок четвертого бастиона
Бат. Четыреста сорок пятого бастиона
Бат. Четыреста сорок шестого бастиона
Бат. Четыреста сорок седьмого бастиона
Бат. Четыреста сорок восьмого бастиона
Бат. Четыреста сорок девятого бастиона
Бат. Четыреста пятидесятого бастиона
Бат. Четыреста пятьдесят первого бастиона
Бат. Четыреста пятьдесят второго бастиона
Бат. Четыреста пятьдесят третьего бастиона
Бат. Четыреста пятьдесят четвертого бастиона
Бат. Четыреста пятьдесят пятого бастиона
Бат. Четыреста пятьдесят шестого бастиона
Бат. Четыреста пятьдесят седьмого бастиона
Бат. Четыреста пятьдесят восьмого бастиона
Бат. Четыреста пятьдесят девятого бастиона
Бат. Четыреста шестидесятого бастиона
Бат. Четыреста шестьдесят первого бастиона
Бат. Четыреста шестьдесят второго бастиона
Бат. Четыреста шестьдесят третьего бастиона
Бат. Четыреста шестьдесят четвертого бастиона
Бат. Четыреста шестьдесят пятого бастиона
Бат. Четыреста шестьдесят шестого бастиона
Бат. Четыреста шестьдесят седьмого бастиона
Бат. Четыреста шестьдесят восьмого бастиона
Бат. Четыреста шестьдесят девятого бастиона
Бат. Четыреста семидесятого бастиона
Бат. Четыреста семьдесят первого бастиона
Бат. Четыреста семьдесят второго бастиона
Бат. Четыреста семьдесят третьего бастиона
Бат. Четыреста семьдесят четвертого бастиона
Бат. Четыреста семьдесят пятого бастиона
Бат. Четыреста семьдесят шестого бастиона
Бат. Четыреста семьдесят седьмого бастиона
Бат. Четыреста семьдесят восьмого бастиона
Бат. Четыреста семьдесят девятого бастиона
Бат. Четыреста восьмидесятого бастиона
Бат. Четыреста восемьдесят первого бастиона
Бат. Четыреста восемьдесят второго бастиона
Бат. Четыреста восемьдесят третьего бастиона
Бат. Четыреста восемьдесят четвертого бастиона
Бат. Четыреста восемьдесят пятого бастиона
Бат. Четыреста восемьдесят шестого бастиона
Бат. Четыреста восемьдесят седьмого бастиона
Бат. Четыреста восемьдесят восьмого бастиона
Бат. Четыреста восемьдесят девятого бастиона
Бат. Четыреста девяностого бастиона
Бат. Четыреста девяносто первого бастиона
Бат. Четыреста девяносто второго бастиона
Бат. Четыреста девяносто третьего бастиона
Бат. Четыреста девяносто четвертого бастиона
Бат. Четыреста девяносто пятого бастиона
Бат. Четыреста девяносто шестого бастиона
Бат. Четыреста девяносто седьмого бастиона
Бат. Четыреста девяносто восьмого бастиона
Бат. Четыреста девяносто девятого бастиона
Бат. Пятисотого бастиона
Бат. Пятьсот первого бастиона
Бат. Пятьсот второго бастиона
Бат. Пятьсот третьего бастиона
Бат. Пятьсот четвертого бастиона
Бат. Пятьсот пятого бастиона
Бат. Пятьсот шестого бастиона
Бат. Пятьсот седьмого бастиона
Бат. Пятьсот восьмого бастиона
Бат. Пятьсот девятого бастиона
Бат. Пятьсот десятого бастиона
Бат. Пятьсот одиннадцатого бастиона
Бат. Пятьсот двенадцатого бастиона
Бат. Пятьсот тринадцатого бастиона
Бат. Пятьсот четырнадцатого бастиона
Бат. Пятьсот пятнадцатого бастиона
Бат. Пятьсот шестнадцатого бастиона
Бат. Пятьсот семнадцатого бастиона
Бат. Пятьсот восемнадцатого бастиона
Бат. Пятьсот девятнадцатого бастиона
Бат. Пятьсот двадцатого бастиона
Бат. Пятьсот двадцать первого бастиона
Бат. Пятьсот двадцать второго бастиона
Бат. Пятьсот двадцать третьего бастиона
Бат. Пятьсот двадцать четвертого бастиона
Бат. Пятьсот двадцать пятого бастиона
Бат. Пятьсот двадцать шестого бастиона
Бат. Пятьсот двадцать седьмого бастиона
Бат. Пятьсот двадцать восьмого бастиона
Бат. Пятьсот двадцать девятого бастиона
Бат. Пятьсот тридцатого бастиона
Бат. Пятьсот тридцать первого бастиона
Бат. Пятьсот тридцать второго бастиона
Бат. Пятьсот тридцать третьего бастиона
Бат. Пятьсот тридцать четвертого бастиона
Бат. Пятьсот тридцать пятого бастиона
Бат. Пятьсот тридцать шестого бастиона
Бат. Пятьсот тридцать седьмого бастиона
Бат. Пятьсот тридцать восьмого бастиона
Бат. Пятьсот тридцать девятого бастиона
Бат. Пятьсот сорокового бастиона
Бат. Пятьсот сорок первого бастиона
Бат. Пятьсот сорок второго бастиона
Бат. Пятьсот сорок третьего бастиона
Бат. Пятьсот сорок четвертого бастиона
Бат. Пятьсот сорок пятого бастиона
Бат. Пятьсот сорок шестого бастиона
Бат. Пятьсот сорок седьмого бастиона
Бат. Пятьсот сорок восьмого бастиона
Бат. Пятьсот сорок девятого бастиона
Бат. Пятьсот пятидесятого бастиона
Бат. Пятьсот пятьдесят первого бастиона
Бат. Пятьсот пятьдесят второго бастиона
Бат. Пятьсот пятьдесят третьего бастиона
Бат. Пятьсот пятьдесят четвертого бастиона
Бат. Пятьсот пятьдесят пятого бастиона
Бат. Пятьсот пятьдесят шестого бастиона
Бат. Пятьсот пятьдесят седьмого бастиона
Бат. Пятьсот пятьдесят восьмого бастиона
Бат. Пятьсот пятьдесят девятого бастиона
Бат. Пятьсот шестидесятого бастиона
Бат. Пятьсот шестьдесят первого бастиона
Бат. Пятьсот шестьдесят второго бастиона
Бат. Пятьсот шестьдесят третьего бастиона
Бат. Пятьсот шестьдесят четвертого бастиона
Бат. Пятьсот шестьдесят пятого бастиона
Бат. Пятьсот шестьдесят шестого бастиона
Бат. Пятьсот шестьдесят седьмого бастиона
Бат. Пятьсот шестьдесят восьмого бастиона
Бат. Пятьсот шестьдесят девятого бастиона
Бат. Пятьсот семидесятого бастиона
Бат. Пятьсот семьдесят первого бастиона
Бат. Пятьсот семьдесят второго бастиона
Бат. Пятьсот семьдесят третьего бастиона
Бат. Пятьсот семьдесят четвертого бастиона
Бат. Пятьсот семьдесят пятого бастиона
Бат. Пятьсот семьдесят шестого бастиона
Бат. Пятьсот семьдесят седьмого бастиона
Бат. Пятьсот семьдесят восьмого бастиона
Бат. Пятьсот семьдесят девятого бастиона
Бат. Пятьсот восьмидесятого бастиона
Бат. Пятьсот восемьдесят первого бастиона
Бат. Пятьсот восемьдесят второго бастиона
Бат. Пятьсот восемьдесят третьего бастиона
Бат. Пятьсот восемьдесят четвертого бастиона
Бат. Пятьсот восемьдесят пятого бастиона
Бат. Пятьсот восемьдесят шестого бастиона
Бат. Пятьсот восемьдесят седьмого бастиона
Бат. Пятьсот восемьдесят восьмого бастиона
Бат. Пятьсот восемьдесят девятого бастиона
Бат. Пятьсот девяностого бастиона
Бат. Пятьсот девяносто первого бастиона
Бат. Пятьсот девяносто второго бастиона
Бат. Пятьсот девяносто третьего бастиона
Бат. Пятьсот девяносто четвертого бастиона
Бат. Пятьсот девяносто пятого бастиона
Бат. Пятьсот девяносто шестого бастиона
Бат. Пятьсот девяносто седьмого бастиона
Бат. Пятьсот девяносто восьмого бастиона
Бат. Пятьсот девяносто девятого бастиона
Бат. Шестисотого бастиона
Бат. Шестьсот первого бастиона
Бат. Шестьсот второго бастиона
Бат. Шестьсот третьего бастиона
Бат. Шестьсот четвертого бастиона
Бат. Шестьсот пятого бастиона
Бат. Шестьсот шестого бастиона
Бат. Шестьсот седьмого бастиона
Бат. Шестьсот восьмого бастиона
Бат. Шестьсот девятого бастиона
Бат. Шестьсот десятого бастиона
Бат. Шестьсот одиннадцатого бастиона
Бат. Шестьсот двенадцатого бастиона
Бат. Шестьсот тринадцатого бастиона
Бат. Шестьсот четырнадцатого бастиона
Бат. Шестьсот пятнадцатого бастиона
Бат. Шестьсот шестнадцатого бастиона
Бат. Шестьсот семнадцатого бастиона
Бат. Шестьсот восемнадцатого бастиона
Бат. Шестьсот девятнадцатого бастиона
Бат. Шестьсот двадцатого бастиона
Бат. Шестьсот двадцать первого бастиона
Бат. Шестьсот двадцать второго бастиона
Бат. Шестьсот двадцать третьего бастиона
Бат. Шестьсот двадцать четвертого бастиона
Бат. Шестьсот двадцать пятого бастиона
Бат. Шестьсот двадцать шестого бастиона
Бат. Шестьсот двадцать седьмого бастиона
Бат. Шестьсот двадцать восьмого бастиона
Бат. Шестьсот двадцать девятого бастиона
Бат. Шестьсот тридцатого бастиона
Бат. Шестьсот тридцать первого бастиона
Бат. Шестьсот тридцать второго бастиона
Бат. Шестьсот тридцать третьего бастиона
Бат. Шестьсот тридцать четвертого бастиона
Бат. Шестьсот тридцать пятого бастиона
Бат. Шестьсот тридцать шестого бастиона
Бат. Шестьсот тридцать седьмого бастиона
Бат. Шестьсот тридцать восьмого бастиона
Бат. Шестьсот тридцать девятого бастиона
Бат. Шестьсот сорокового бастиона
Бат. Шестьсот сорок первого бастиона
Бат. Шестьсот сорок второго бастиона
Бат. Шестьсот сорок третьего бастиона
Бат. Шестьсот сорок четвертого бастиона
Бат. Шестьсот сорок пятого бастиона
Бат. Шестьсот сорок шестого бастиона
Бат. Шестьсот сорок седьмого бастиона
Бат. Шестьсот сорок восьмого бастиона
Бат. Шестьсот сорок девятого бастиона
Бат. Шестьсот пятидесятого бастиона
Бат. Шестьсот пятьдесят первого бастиона
Бат. Шестьсот пятьдесят второго бастиона
Бат. Шестьсот пятьдесят третьего бастиона
Бат. Шестьсот пятьдесят четвертого бастиона
Бат. Шестьсот пятьдесят пятого бастиона
Бат. Шестьсот пятьдесят шестого бастиона
Бат. Шестьсот пятьдесят седьмого бастиона
Бат. Шестьсот пятьдесят восьмого бастиона
Бат. Шестьсот пятьдесят девятого бастиона
Бат. Шестьсот шестидесятого бастиона
Бат. Шестьсот шестьдесят первого бастиона
Бат. Шестьсот шестьдесят второго бастиона
Бат. Шестьсот шестьдесят третьего бастиона
Бат. Шестьсот шестьдесят четвертого бастиона
Бат. Шестьсот шестьдесят пятого бастиона
Бат. Шестьсот шестьдесят шестого бастиона
Бат. Шестьсот шестьдесят седьмого бастиона
Бат. Шестьсот шестьдесят восьмого бастиона
Бат. Шестьсот шестьдесят девятого бастиона
Бат. Шестьсот семидесятого бастиона
Бат. Шестьсот семьдесят первого бастиона
Бат. Шестьсот семьдесят второго бастиона
Бат. Шестьсот семьдесят третьего бастиона
Бат. Шестьсот семьдесят четвертого бастиона
Бат. Шестьсот семьдесят пятого бастиона
Бат. Шестьсот семьдесят шестого бастиона
Бат. Шестьсот семьдесят седьмого бастиона
Бат. Шестьсот семьдесят восьмого бастиона
Бат. Шестьсот семьдесят девятого бастиона
Бат. Шестьсот восьмидесятого бастиона
Бат. Шестьсот восемьдесят первого бастиона
Бат. Шестьсот восемьдесят второго бастиона
Бат. Шестьсот восемьдесят третьего бастиона
Бат. Шестьсот восемьдесят четвертого бастиона
Бат. Шестьсот восемьдесят пятого бастиона
Бат. Шестьсот восемьдесят шестого бастиона
Бат. Шестьсот восемьдесят седьмого бастиона
Бат. Шестьсот восемьдесят восьмого бастиона
Бат. Шестьсот восемьдесят девятого бастиона
Бат. Шестьсот девяностого бастиона
Бат. Шестьсот девяносто первого бастиона
Бат. Шестьсот девяносто второго бастиона
Бат. Шестьсот девяносто третьего бастиона
Бат. Шестьсот девяносто четвертого бастиона
Бат. Шестьсот девяносто пятого бастиона
Бат. Шестьсот девяносто шестого бастиона
Бат. Шестьсот девяносто седьмого бастиона
Бат. Шестьсот девяносто восьмого бастиона
Бат. Шестьсот девяносто девятого бастиона
Бат. Семисотого бастиона
Бат. Семьсот первого бастиона
Бат. Семьсот второго бастиона
Бат. Семьсот третьего бастиона
Бат. Семьсот четвертого бастиона
Бат. Семьсот пятого бастиона
Бат. Семьсот шестого бастиона
Бат. Семьсот седьмого бастиона
Бат. Семьсот восьмого бастиона
Бат. Семьсот девятого бастиона
Бат. Семьсот десятого бастиона
Бат. Семьсот одиннадцатого бастиона
Бат. Семьсот двенадцатого бастиона
Бат. Семьсот тринадцатого бастиона
Бат. Семьсот четырнадцатого бастиона
Бат. Семьсот пятнадцатого бастиона
Бат. Семьсот шестнадцатого бастиона
Бат. Семьсот семнадцатого бастиона
Бат. Семьсот восемнадцатого бастиона
Бат. Семьсот девятнадцатого бастиона
Бат. Семьсот двадцатого бастиона
Бат. Семьсот двадцать первого бастиона
Бат. Семьсот двадцать второго бастиона
Бат. Семьсот двадцать третьего бастиона
Бат. Семьсот двадцать четвертого бастиона
Бат. Семьсот двадцать пятого бастиона
Бат. Семьсот двадцать шестого бастиона
Бат. Семьсот двадцать седьмого бастиона
Бат. Семьсот двадцать восьмого бастиона
Бат. Семьсот двадцать девятого бастиона
Бат. Семьсот тридцатого бастиона
Бат. Семьсот тридцать первого бастиона
Бат. Семьсот тридцать второго бастиона
Бат. Семьсот тридцать третьего бастиона
Бат. Семьсот тридцать четвертого бастиона
Бат. Семьсот тридцать пятого бастиона
Бат. Семьсот тридцать шестого бастиона
Бат. Семьсот тридцать седьмого бастиона
Бат. Семьсот тридцать восьмого бастиона
Бат. Семьсот тридцать девятого бастиона
Бат. Семьсот сорокового бастиона
Бат. Семьсот сорок первого бастиона
Бат. Семьсот сорок второго бастиона
Бат. Семьсот сорок третьего бастиона
Бат. Семьсот сорок четвертого бастиона
Бат. Семьсот сорок пятого бастиона
Бат. Семьсот сорок шестого бастиона
Бат. Семьсот сорок седьмого бастиона
Бат. Семьсот сорок восьмого бастиона
Бат. Семьсот сорок девятого бастиона
Бат. Семьсот пятидесятого бастиона
Бат. Семьсот пятьдесят первого бастиона
Бат. Семьсот пятьдесят второго бастиона
Бат. Семьсот пятьдесят третьего бастиона
Бат. Семьсот пятьдесят четвертого бастиона
Бат. Семьсот пятьдесят пятого бастиона
Бат. Семьсот пятьдесят шестого бастиона
Бат. Семьсот пятьдесят седьмого бастиона
Бат. Семьсот пятьдесят восьмого бастиона
Бат. Семьсот пятьдесят девятого бастиона
Бат. Семьсот шестидесятого бастиона
Бат. Семьсот шестьдесят первого бастиона
Бат. Семьсот шестьдесят второго бастиона
Бат. Семьсот шестьдесят третьего бастиона
Бат. Семьсот шестьдесят четвертого бастиона
Бат. Семьсот шестьдесят пятого бастиона
Бат. Семьсот шестьдесят шестого бастиона
Бат. Семьсот шестьдесят седьмого бастиона
Бат. Семьсот шестьдесят восьмого бастиона
Бат. Семьсот шестьдесят девятого бастиона
Бат. Семьсот семидесятого бастиона
Бат. Семьсот семьдесят первого бастиона
Бат. Семьсот семьдесят второго бастиона
Бат. Семьсот семьдесят третьего бастиона
Бат. Семьсот семьдесят четвертого бастиона
Бат. Семьсот семьдесят пятого бастиона
Бат. Семьсот семьдесят шестого бастиона
Бат. Семьсот семьдесят седьмого бастиона
Бат. Семьсот семьдесят восьмого бастиона
Бат. Семьсот семьдесят девятого бастиона
Бат. Семьсот восьмидесятого бастиона
Бат. Семьсот восемьдесят первого бастиона
Бат. Семьсот восемьдесят второго бастиона
Бат. Семьсот восемьдесят третьего бастиона
Бат. Семьсот восемьдесят четвертого бастиона
Бат. Семьсот восемьдесят пятого бастиона
Бат. Семьсот восемьдесят шестого бастиона
Бат. Семьсот восемьдесят седьмого бастиона
Бат. Семьсот восемьдесят восьмого бастиона
Бат. Семьсот восемьдесят девятого бастиона
Б

артиллерии, начали ожесточённую бомбардировку города с суши и моря. После этого начался штурм укреплений. Защитники Севастополя сражались с невиданным мужеством. Штурм они отбили, при этом уничтожили много неприятельских орудий и повредили несколько кораблей. И опять потери в людях с обеих сторон были очень большие, повторить штурм в ближайшее время противник не мог. Севастопольцы воспользовались передышкой для совершенствования своей обороны.

Умер раненный на Малаховом кургане адмирал Владимир Алексеевич Корнилов. С того тяжёлого дня все заботы о защите Севастополя легли на Павла Степановича Нахимова и его давнего соратника адмирала Владимира Ивановича Истомина.

РАССКАЗЫВАЮТ ДОКУМЕНТЫ

Теперь, дорогой друг, мы будем читать документы. Из них ты увидишь, как развивались события и какое место занимал в них Нахимов. Правда, многие эпизоды борьбы при этом останутся в стороне от нас, но зато ты почувствуешь ветер той эпохи, её дух, её речь. Надо учиться читать документы, самому осмысливать их, самому делать из них выводы. Воспитай в себе интерес к факту. Никакие, даже самые красивые, пересказы никогда не будут ценнее факта.

14 сентября 1854 года. Приказ П. С. Нахимова

«Неприятель подступает к городу, в котором весьма мало гарнизона; я в необходимости нахожусь затопить суда вверенной мне эскадры и оставшиеся на них команды с абордажным оружием присоединить к гарнизону. Я уверен в командирах, офицерах и командах, что каждый из них будет драться как герой: нас соберётся до трёх тысяч; сборный пункт на Театральной площади. О чём по эскадре объявляю».

Из записок неизвестного унтер-офицера

«В Севастополе везде кипела работа; всё бегало, суетилось. Почти все полки были вооружены лопатами, кирками, мотыгами и другими орудиями, необходимыми при постройке укреплений. Рабочие таскали землю в корзинах, в мешках, в полах шинелей, во всём, в чём было можно. Всюду возили и носили брёвна, доски, станки и орудия, снятые с потопленных кораблей. Работали не только солдаты, но даже женщинам была дана работа: они построили батарею…»

20 ноября 1854 года. Из письма артиллерийского офицера Л. Н.

Толстого брату

«Город осаждён с одной стороны, с южной, на которой у нас не было никаких укреплений, когда неприятель подошёл к нему. Теперь у нас на этой стороне более 500 орудий огромного калибра и несколько рядов земляных укреплений, решительно неприступных. Я провёл неделю в крепости и до последнего дня блудил, как в лесу, между этими лабиринтами батарей. Неприятель уже более трёх недель подошёл в одном месте на 80 сажён и не идёт вперёд; при малейшем движении вперёд его засыпают градом снарядов. Дух в войсках выше всякого описания. Во времена древней Греции не было столько геройства. Корнилов, объезжая войска, вместо «здорово, ребята!» говорил: «Нужно умирать, ребята, умрёте?» – и войска отвечали: «Умрём, ваше превосходительство, ура!» И это не был эффект, а на лице каждого видно было, что не шутя, а взаправду, и уже 22 000 исполнили это обещание.

…Бомбардирование 5-го числа останется самым блестящим, славным подвигом не только в русской, но и во всемирной истории. Более 1500 орудий два дня действовали по городу и не только не дали сдаться ему, но и не заставили замолчать и одну двухсотую наших батарей…»

Из дневника участника обороны

«…Мальчики от 10-летнего возраста являются на бастионы, где с необыкновенным самоотвержением под самым сильным неприятельским огнём остаются на батареях, помогая артиллерийской прислуге, поднося заряды и снаряды; так, сын матроса 37-го флотского экипажа Максим Рыбальченко, мальчик 12 лет, во время самого сильного бомбардирования города, в продолжение 5, 6 и 7-го чисел октября, собирал ложившиеся в Аполлонову балку ядра и носил их на бастион Корнилова… В настоящее время Максим Рыбальченко находится на батарее Камчатского люнета и исполняет обязанности нумера, подающего снаряды к орудию. Товарищ Рыбальченки, сын матроса 30-го флотского экипажа, Кузьма Горбаньев [14 лет] с первых дней осады Севастополя явился на бастион № 4 и просил командующего там определить его в число артиллерийской прислуги. 2 апреля Кузьма Горбаньев ранен и после перевязки возвратился к своему месту.

Максим Рыбальченко и Кузьма Горбаньев за храбрость награждены медалями на Георгиевской ленте».

12 октября 1854 года. Из письма капитана второго ранга М. М. Коцебу М. Ф. Рейнеке

«Уважаемый любезный Михаил Францевич!

Па[вел] Степ[анович] третьего дня был на нашей стороне и просил передать вам, что, кроме незначительной царапины от штуцерной пули, пролетевшей мимо его уха, он здоров.

Сам же скажу, что П[авел] С[тепанович] как бы ищет смерти, разъезжая под самым убийственным огнём; недавно матросы без церемонии сняли его с лошади и отнесли в место, более безопасное. Он один теперь ездит по линии, воодушевляя своим присутствием и матрос, и солдат».

Из письма М. Ф. Рейнеке П. С. Нахимову 19 октября 1854 года

«…Вести из Севастополя сильно беспокоят меня – не столько опасным положением города, которое при помощи божьей может поправиться, сколько твоя отчаянная отвага… С твоим именем и при твоих понятиях об обязанностях начальника иначе и быть не может. Но для чего без нужды пускаться в самые опасные места и подвергать себя убийственному огню? К чему искать смерти? Рассуди хладнокровно и увидишь, что эта отвага для главного действующего лица не только бесполезна, но даже и вредна и опасна общему делу: тебя убьют, и дух чинов, имеющих доверие и надежду единственно к тебе, упадёт. Хорошо ещё, если найдётся человек, который не допустит пасть духу войска до отчаяния и сумеет возбудить в них за потерю любимого начальника месть к врагам. Но есть ли такой человек при тебе?..

Ради бога, мой добрый друг, береги себя для общей пользы! Только ты ещё можешь поправить или хоть поддержать дела Севастополя…»

Дорогой читатель! Давай и мы поразмыслим над этим важным письмом, как, верно, какое-то время размышлял над ним сам Нахимов. Может быть, Нахимов действительно «без нужды пускался в самые опасные места»?

Будучи каждый день готовым к смерти, Нахимов вовсе не искал её: врага мёртвые не одолеют, победа только во власти живых. Он думал именно так, и это подтверждает его приказ, в котором он подчёркивает, что победа «при большой потере со своей стороны не есть ещё полное торжество». Дальше он говорит: «…и поэтому-то я считаю долгом напомнить всем начальникам священную обязанность, на них лежащую, а именно: предварительно озаботиться, чтобы при открытии огня с неприятельских батарей не было ни одного лишнего человека не только в открытых местах и без дела, но даже прислуга у орудий и число людей для неразлучных с боем работ было ограничено

крайней необходимостью. Заботливый офицер, пользуясь обстоятельствами, всегда отыщет средство сделать экономию в людях и тем уменьшить число подвергающихся опасности».

Корнилов В. А.

Тогда почему же всё-таки сам Павел Степанович ежедневно на протяжении девяти месяцев (из одиннадцати осады) бывал в самых опасных местах? Почему он, человек высокого роста, не сменил, как другие адмиралы и генералы, свой чёрный сюртук с золотыми эполетами на солдатскую шинель и был виден издали и своим и неприятельским войскам? Ещё раз вспомним слова генерала русской армии, теоретика военного дела Драгомирова: «Работают у того, кто сам работает, и на смерть идут у того, кто сам её не сторонится». Оборона Севастополя – сплошная чреда героизма и самопожертвования. А начало этой чреды было в поведении Корнилова, Нахимова, Истомина. Нахимов пережил своих товарищей адмиралов. Владимир Иванович Истомин был убит ядром на Камчатском люнете в марте 1855 года. И Павел Степанович уже один «не сторонился смерти». Видя это, зная это, не боялись смерти другие.

А как нелегко ему было изо дня в день – долгие месяцы – служить примером неустрашимости. Он ведь был самым обыкновенным человеком, и здоровье его было плохим.

Из воспоминаний врача Х. Я. Гюббенета

«…Он неоднократно говорил мне в искренней беседе, что, пережив двукратное бомбардирование Севастополя, третьего пережить не в состоянии! [Адмирал пережил пять бомбардирований!] В последнее время он страдал различными припадками – болями в желудке, рвотою, головокружением, даже обмороком. Сам он всегда говорил мне откровенно о своём положении, которое тщательно старался скрывать от всех прочих, он уверял, что о лечении теперь и думать нечего; стоит ему прекратить сегодня обычный круг деятельности, чтобы впасть завтра в совершенное изнеможение. «Да, – присовокупил он к этому, – если мы сегодня заключим мир, то я убеждён, что, наверное, завтра же заболею горячкою: если я держусь ещё на ногах, то этим я обязан моей усиленной, тревожной деятельности и постоянному волнению». И в самом деле, деятельность его, не прекращавшаяся до самой последней минуты, возрастая почти до лихорадочного состояния и держа его целых девять месяцев в беспрерывной тревоге, переступала почти границы естественного…»

В самом начале книги мы с тобой, читатель, уже говорили, что одна храбрость не даёт победы над неприятелем. Нужно ещё и искусство воевать.

Формулу победы великолепно точно выразил Александр Васильевич Суворов: «Не надлежит мыслить, что слепая храбрость даёт над неприятелем победу, но единственно смешанное с оною военное искусство».

Мы не чтили бы так Нахимова, если бы он был только примером храбрости. Он был знаток военного искусства и сам творил его. Изучив в ежедневных поездках свою оборону, Павел Степанович делал что было в его силах, чтобы на пути возможного движения неприятеля стояли надёжные заслоны.

В начале 1855 года он был очень озабочен защитой входа в Севастопольскую бухту. Штормовые ветры и волны разрушили преграду из затопленных кораблей, неприятель мог воспользоваться этим и ввести свою эскадру на рейд. Отбить такую атаку было бы невозможно, так как береговые батареи были здесь недостаточно сильны, а на русских кораблях почти не осталось ни орудий, ни людей – всё было свезено на берег. Предположив в своих размышлениях, что союзники прорвутся на рейд, Нахимов увидел и события, которые за этим непременно последовали бы, – штурм города с южного берега бухты. Защитники Севастополя не выдержали бы его, ведь им в спину били бы орудия англо-французской эскадры.

Увидев опасность, Нахимов придумал, как усилить защиту рейда. И это при остром недостатке людей, орудий, пороха, снарядов. Павел Степанович написал обстоятельный доклад главнокомандующему сухопутными и морскими силами Крыма князю Меншикову. В докладе излагалось, как и за счёт чего усилить корабли, оставшиеся незатопленными, где и в каком количестве добавить береговые батареи. Несколько дней спустя Нахимов посылает князю ещё докладную записку. В её конце нескрытое волнение, даже отчаяние: Нахимов боится, что главнокомандующий отвергнет его предложения, и тогда Севастополю гибель.

Из докладной записки П. С. Нахимова А. С. Меншикову

«…Может быть, в. с-ть найдёте в этом изложении односторонний взгляд моряка, но тем не менее я уверен, что вы отдадите справедливость прямодушию, с которым оно писано; конечно, только полное и глубокое убеждение заставило меня возвысить свой голос перед в. с-тью, – не мне решать вопросы столь сложные. Но если вы найдёте хотя немного истины во всём мною сказанном, то для собственного вашего спокойствия позвольте обсудить его в военном совете. Этим средством вы положите конец опасениям тех, кому известно настоящее положение затопленных кораблей, или в противном случае решитесь без душевного беспокойства па меры, указываемые необходимостью.

Чрезвычайные обстоятельства, в которых мы находимся, послужат мне оправданием перед в. с-тью в настоящем моем поступке».

Вот ведь как бывало: умный человек, истинный патриот и честный должен извиняться перед светлейшим начальством за то, что видит страшную опасность, грозящую общему делу, и знает, как эту опасность предотвратить.

Нас с тобой, читатель, должна заинтересовать на первый взгляд странная черта в поведении Меншикова: он всячески притеснял и унижал Нахимова, хотя, если бы доверился ему, поддерживал бы его предложения, сам получил бы большие почести за победы над неприятелем. У нас нет оснований сомневаться, что Меншиков желал – и очень сильно выиграть войну. В чём же тогда дело?

Самодержавная власть царя плодила в огромном количестве сановников, в характере которых карьеризм, лизоблюдство, пресмыкательство перед сильными мира сего сочетались с ненавистью и завистью к людям меньшего звания, но энергичным, дальновидным, одним словом, талантливым. Меншиков был по-

своему умён, однако ум его обслуживал потребности характера. Унизить человека, оскорбить было для него сверхприятным делом. При этом забывалось всё, в том числе и собственная ответственность за порученное. То, как пытался Меншиков унизить Нахимова, может служить классическим примером мести бездарного начальника своему подчинённому за то, что тот талантлив.

В разгар боёв за Севастополь Меншиков написал ходатайство царю о награждении Нахимова орденом Белого орла «за достохвальное служение». «Дать» наложил резолюцию Николай I. По поводу награды морской офицер П. В. Воеводский писал М. Ф. Рейнеке: «Награда Белым орлом, мало сказать, удивила, но оскорбила всех видевших действия Павла Степановича, зато [поэтому] ни один человек не позволил себе поздравить его…»

Этот орден не имел ценности. У него не было даже статута, то есть неизвестно, за что он давался. Военные люди высоко ценили орден Георгия, он имел четыре степени и вручался дворянам за воинские подвиги. Нахимов уже был награждён Георгием 2-й степени, поэтому все ждали, что его наградят орденом 1-й степени. Такой награды Павел Степанович был достоин больше, чем кто-либо другой в Севастополе. Но Меншикову хотелось унизить героя, и он сделал это с помощью награды.

Раз уж речь зашла об орденах того времени, надо сказать, что Нахимов относился к ним с уважением, ведь ни он сам, ни его товарищи не получали их даром. Ты знаешь, в каком страшном сражении получил лейтенант Нахимов Георгия 4-й степени, – припомни Наварин.

Орденами 1-й и 2-й степени награждал царь, а орденами 3-й и 4-й степени – «кавалерственные думы», учреждённые при командующих, царь же только утверждал решение думы. Дума состояла из георгиевских кавалеров и большинством голосов выносила своё решение – наградить или отказать. Павел Степанович Нахимов, как человек кристальной честности, входил в думу георгиевских кавалеров Севастополя.

Из подписанного Нахимовым решения походной думы

«…Подвиг лейтенанта Бирюлёва заключается в следующем:

С первого начала военных действий офицер этот отличается особенным мужеством, особенно же 9 и 20 декабря 1854 года и 1 января 1855 года при трёх вылазках, в которых взято в плен 3 офицера и 53 рядовых и много побито неприятеля. Всегда командовал охотниками и, всегда будучи впереди, первый бросался в неприятельские траншеи; увлекал людей к

неустрашимости и обращал неприятеля в бегство. Сверх сего, ночью с 19 на 20 декабря 1854-го (новый год неприятеля) вызвался с 100 чел. охотников, бросился на высоту против батарей на бульваре, …штыками выбил оттуда французов, разорил их работы и устроил на том самом месте завалы, в которых под его наблюдением наши штуцерные [стрелки] держатся и доселе.

Кавалерственная дума, сообразив таковые подвиги лейтенанта Бирюлёва с статутом военного ордена великомученика и победоносца Георгия, признаёт его, Бирюлёва, достойным награждения орденом Св. Георгия 4-й степени…»

Николай Алексеевич Бирюлёв впоследствии был контр-адмиралом. В вылазке, о которой идёт речь, его спас Игнатий Шевченко, матрос-охотник. Охотниками называли тех, кто по своей воле, по охоте, шёл на выполнение рискованного задания.

Из воспоминаний Б. П. Мансурова

«Лейтенант Бирюлёв сам рассказывал мне некоторые подробности о смерти Шевченки: он всегда сопровождал его вместе с Петром Кошкой в качестве телохранителей, как Кошка при мне выразился.

Бирюлёв уже одолжен был один раз Шевченке за спасение жизни, ибо на одной из предшествующих вылазок сей последний без оружия бросился на целившегося в упор на Бирюлёва французского стрелка и схватил его за горло так удачно, что повалил на месте и сам остался невредим, тогда как выстрел штуцера оторвал Бирюлёву только ножны. В ночь на 20 января, когда Бирюлёв бросился в траншее на неприятельских стрелков, Шевченко увидел, что на его командира направлено в нескольких шагах штуцеров 15, которых сей последний не замечал; в одно мгновение Шевченко локтем и плечом свалил Бирюлёва с ног и в ту же минуту упал, раненный пулей, которая попала ему в грудь и вылетела около крестцовой кости…»

Как видишь, читатель, матрос Шевченко был не менее отважен, чем офицер Бирюлёв. Однако орден матросу не полагался. Орденами награждались только дворяне. Для рядовых и унтер-офицеров был знак ордена Св. Георгия – вначале одной степени, а позже – четырёх. Его называли Георгиевским крестом. После победы Великой Октябрьской социалистической революции были упразднены чины и сословия, а также старые ордена, но не был упразднён Георгиевский крест – награда простых патриотов, таких как Игнатий Шевченко и Пётр Кошка.

Бутаков Г. И.

Георгиевским крестом награждались и целые подразделения. В таком случае на роту выделялось от 5 до 10 крестов. Нахимов предлагал матросам самим назвать храбрейших и достойнейших. Этот маленький штрих в нравственном портрете адмирала для нас с тобой, читатель, очень важен. Другие командиры поступали иначе: рота тянет жребий, и счастливый «нижний чин» получал «георгия». Для большинства офицеров солдаты и матросы были не людьми, а военным имуществом. Уважительное отношение к ним считалось предосудительным, недостойным дворянина. Нахимов же требовал от офицеров ценить матросов, считать их товарищами по оружию.

Из рассказа лейтенанта В. И. Зарудного о разговоре с П. С. Нахимовым

«…Пора нам перестать считать себя пометщиками, – говорил адмирал, – а матросов крепостными людьми. Матрос есть главный двигатель на военном корабле, а мы только пружины, которые на него действуют. Матрос управляет парусами, он же наводит орудие на неприятеля; матрос бросится на абордаж, ежели понадобится; всё сделает матрос, ежели мы, начальники, не будем эгоистами, ежели не будем смотреть на службу как на средство удовлетворения своего честолюбия, а на подчинённых –

как на ступени для собственного возвышения. Вот кого нам нужно возвышать, учить, возбуждать в них смелость, геройство, ежели мы не себялюбцы, а действительные слуги отечества…»

В то время в стране жило как бы два совершенно различных народа, несхожих и по социальному положению, и по жизненным интересам. Одному – богатому меньшинству – было дано всё, у другого – неимущего большинства – всё отнято. Но обездоленные, униженные люди ни за что не хотели отдать чужестранным захватчикам землю, на которой так тяжело жили. Земля была родная. И невечно было жить на ней в мучениях. Этим объясняется героизм Игнатия Шевченко и тысяч ему подобных, этим объясняется и почитание адмирала Нахимова – его деятельность отвечала интересам простого народа.

В феврале 1855 года П. С. Нахимов назначается временным военным губернатором Севастополя, а месяц спустя за отличия в обороне города его производят в адмиралы. Теперь ему стало легче руководить обороной, уже не нужно было убеждать и умолять вышестоящих начальников отдать то или другое распоряжение, он многим распоряжался сам.

По-прежнему круг его дел был необычайно широк. Вот ему встретились матросы – несут обед в медном нелужёном котле. Пища в медной посуде делается ядовитой. Надо приказом запретить пользоваться нелужёной посудой.

Неприятель начал стрельбу по пароходам новыми зажигательными ракетами. Надо сообщить всем командирам способ тушения ракет.

Пароход «Крым» подавил артогнём неприятельскую батарею, Нахимов сам наблюдал за стрельбой. Надо поблагодарить командира и команду.

Ранены храбрые молодые лейтенанты. Адмирал посылает в госпиталь лакомства для них. Изувечены ядрами матросы с кораблей его эскадры, кто без руки, кто без ноги вернутся в свои деревни. Надо передать им с адъютантом деньги. В подобных случаях кошелёк Нахимова открыт для них. У него не было семьи, и почти все деньги, какие он получал, тратились на помощь младшим офицерам и матросам.

Неприятель подвёл траншеи к самым бастионам, подтащил орудия. В ближнем бою главное – упредить противника. Нахимов отдаёт приказ, в котором просит быть особенно бдительными на рассвете, чтобы не пропустить момента, когда вражеские артиллеристы станут снимать щиты с амбразур: в этот момент и надо бить по ним метким огнём из своих пушек.

Жёнам и детям матросов нечего есть в осаждённом городе.

Нахимов добивается у царя разрешения зачислить семьи моряков на военное довольствие.

Нет ядер. Их везут за 900 вёрст из Луганска. Дохнут волы, ломаются в степи телеги, вся дорога усыпана брошенными снарядами. Надо посылать своих офицеров, чтобы ускорить подвоз…

Между тем ряды защитников города всё таяли и таяли. Особенно много погибло моряков. Они отдавали свои жизни, чтобы не был отдан врагу Севастополь. Уже не существовало русского Черноморского флота, но, как выводятся птенцы в крепком гнезде, корабли вывелись бы в надёжной Севастопольской гавани. Надо было отстоять это орлиное гнездо.

Было 28 июня – 300-й день высадки неприятеля в Крыму, 267-й день бомбардирования города. Тогда и случилось, чего так боялись севастопольцы.

Из письма П. И. Лесли родным. 30 июня 1855 года

«Грустно мне писать это письмо, дорогие мои друзья, но что же делать? И вы, вероятно, ещё прежде получения этого письма знали о незаменимой потере, которую испытал наш Черноморский флот. 28-го числа в 6 часов вечера ранен штуцерной пулей Павел Степанович Нахимов, и ранен в голову, так что рана чрезвычайно опасна, но что грустнее для меня – это то, что он ранен на моей батарее. Вот подробности этого несчастья… Осмотревши работы неприятеля с одной стороны, и, так как моя батарея расположена полукругом, он пошёл на другую сторону и, взойдя на барбет, устроенный для полевых орудий, начал осматривать работы, и хотя его предупреждали, чтобы не высовывался слишком, но он, как и постоянно 10 месяцев, не поберёг себя и продолжал осматривать работы, совершенно высунув из-за мешков голову, несколько пуль просвистело мимо, но он не обращал на них внимания и продолжал смотреть; наконец какая-то проклятая ударила его в голову, и удар был так силён, что Павел Степанович моментально упал навзничь без чувств. Все окружавшие его так и охнули, и у всех опустились руки. Я побежал поскорее за носилками и потом уже увидел, как его сносят с моей батареи. Между прочим, кровь из раны струится, я схватил свой носовой платок и перевязал им голову Павла Степановича. Когда его принесли на перевязочный пункт, устроенный на кургане, то там сделала ему настоящую перевязку сестра милосердия, которая живёт у нас на батарее. Откуда Павла Степановича отвезли на Северную сторону в дом, и к этому времени успели собраться доктора… Рана его вот какая: пуля ударила выше правого глаза и вышла позади виска.

Страдание должно быть очень сильно… Вы, конечно, можете себе представить всё наше горе, когда всеми любимый, как отец родной, и уважаемый, как хороший и справедливый начальник, уже не в состоянии распоряжаться нами, а мы без него сироты; он один только у нас и остался, который заботился о нас и поддерживал дух. Матросы жалеют его, как отца родного; они знают его давно и знают, как он о них всегда заботился; всё своё довольствие раздавал им. Курган наш – это проклятое место, где был убит Корнилов, ранен Павел Степанович и убит также Истомин, хоть и не на этом самом кургане, но он был начальником на нём всё время. Итак, мы лишились всех трёх адмиралов, на которых имели огромную надежду… Но и десять адмиралов не сделают того, что делал один Павел Степанович…

Сию секунду прислали нам сказать, что Павел Степанович умер. Мир праху твоему, добрый наш начальник, и вечная память…»

Из походных записок участника обороны Севастополя П. В. Алабина [28 июня – 1 июля 1855 года]

«…Приехав утром на Графскую, я ещё застал прах Нахимова в его скромном домике: он лежал в углу небольшой комнаты; моряки составляли почётный караул; три флага приосенили славный прах, четвёртый, тот, который развевался на корабле «Императрица Мария» в славный Синопский день, прикрывал знаменитого покойника. Этот флаг, изорванный в битвах, изъеденный временем, был почётнейшим покровом Нахимову…»

Из дневника капитан-лейтенанта А. Е. Асланбегова

«…1 июля… В 6 часов, после обеда со всех мест обороны съехались начальствующие лица отдать последний долг… Мы вынесли гроб из квартиры, предшествуемый тремя адмиральскими флагами, и понесли его в церковь между двумя батальонами армейскими и флотскими, составленными от всех бастионов и батарей и судов флота, по ту сторону церкви стояло шесть орудий. По окончании панихиды дозволено было всем матросам батальона проститься с адмиралом. …В 8 часов мы подняли прах Павла Степановича, чтобы отнести его на место упокоения, рядом с Михаилом Петровичем [Лазаревым]. Вся дорога, весь подъём был унизан провожающими; многие ожидали, что неприятель откроет канонаду по площади, но, однако, он вёл себя прилично, даже разнёсся слух во время погребения, что будто английские корабли приспустили флаги, но, оказалось, несправедлив. Гроб опустили, батальоны и артиллерия сделали залпы, и толпы начали расходиться.

И так, Синопский герой, мужественный защитник Севастополя, ученик адмирала Лазарева, третий лейтенант «Азова» в Наварине, окончил своё трудовое поприще…»

Что было в Севастополе после смерти Нахимова? В конце августа противник предпринял шестую ожесточённую бомбардировку города и его обороны. За трое суток англичане и французы выпустили 150 тысяч снарядов. 27 августа они начали штурм русских бастионов. Французская дивизия атаковала Малахов курган, на котором оборонялось менее тысячи русских солдат и матросов. Одновременно начался штурм и других укреплений. Потери с обеих сторон были очень велики. Главнокомандующий Горчаков, сменивший Меншикова, принял решение оставить Южную сторону. По заранее наведённому мосту вечером того же дня русские войска, взорвав свои укрепления, начали отход. Противник не мешал отходу. Чтобы враг не воспользовался Севастопольской гаванью и рейдом, на фарватере были затоплены ещё остававшиеся боевые корабли: 6 линейных кораблей, 9 фрегатов, корветов и бригов и пароходофрегаты. Русские войска закрепились на Северной стороне города. Так закончилась героическая оборона Севастополя, продолжавшаяся 349 дней.

Союзники настолько были обескровлены и измучены в боях у города, что в Крыму больше не предпринимали никаких военных действий.

На Кавказе союзникам был нанесён ряд крупных поражений. Русские войска взяли сильную турецкую крепость Карс, в которой пленили 20 тысяч турок вместе с их командующим английским генералом Вильямсом. Перед русскими войсками открылся путь в глубину Турции. Но тут начались мирные переговоры. Россия и союзные страны – Англия, Франция, Турция, Сардиния – были истощены войной. Обе стороны поняли бессмысленность и бесперспективность дальнейшего кровопролития.

В начале 1856 года был подписан мир. Россия теряла часть Бессарабии, ей запрещалось иметь на Чёрном море военный флот. Но Крым и Севастополь оставались русскими. Героические моряки и солдаты своей стойкостью, мужеством, самопожертвованием сберегли их для России будущей.

В 1870 году Россия отказалась признавать ограничительные статьи договора и начала восстанавливать военный Черноморский флот.

Рассказ о защитниках Севастополя и их славных адмиралах мы закончим тоже документом – словами, сказанными Григорием Ивановичем Бутаковым. Помнишь, он командовал

пароходофрегатом «Владимир» и провёл с удачей первый в истории бой паровых судов? После Крымской войны он был уже контр-адмиралом, заведующим морской частью в городе Николаеве. Вот его слова:

«…Ни Нахимов, ни Корнилов не родились, а сделались Нахимовым и Корниловым, сделались потому, что постоянно посвящали себя всеми силами прежде службе, а потом себе, а не прежде себе, а потом службе; и никакие преграды и никакие огорчения, неизбежные в быту человеческом, не могли отклонить их во всю жизнь от этого пути. Вот весь секрет этих знаменитых вождей наших, завещанный нам в огне и пламени Севастополя…»

О НАЗВАНИЯХ КОРАБЛЕЙ

Спуск на воду корабля всегда большое торжество. Играют оркестры, палят пушки, люди кричат «ура»!», и самый почтенный человек разбивает бутылку праздничного вина шампанского о форштевень. Корабль выходит в жизнь, полную трудов, опасностей и доблести. Пусть он со славой несёт свой флаг и ничем не запятнает своё имя!

Первый построенный русскими мастерами корабль назывался «Орёл». Орёл – гордая, сильная птица. Он был изображён и на российском гербе. Так что лучшего названия для того корабля, пожалуй, и нельзя было придумать.

Первые петровские галеасы назывались «Апостол Павел» и «Апостол Пётр». Лучший линейный корабль Петра I, построенный в начале Северной войны, назывался «Гото Предестинация» – «Божие сему есть предзнаменование». Имена святых и впоследствии часто давали кораблям. Так, в штурме морской крепости французов на острое Корфу участвовали линейные корабли и фрегат: «Св. Павел», «Св. Пётр», «Св. Михаил», «Св Григорий», «Св. Николай», «Св. Макарий», «Св. Магдалина», «Св. Ирина», «Св. Семион и Анна», Св. Захарий и Елизавета», мало того – «Св. Троица», «Казанская Богоматерь», «Богоявление» и даже «Сошествие Святого Духа» – флагманский корабль эскадры.

Корабль «Полтава». Середина XVII1 века.

В сонм «святых» названий изредка врывались поэтичное и звучное «Старый дуб» или игривое, но опасное «Не тронь меня». Оба названия принадлежали линейным кораблям.

После блистательных побед русского оружия пошли такие названия: «Полтава», «Гангут», «Выборг», «Азов», потом – «Чесма», «Наварин», «Синоп»… И рядом с кораблями, носившими имена царей и их родни, поплыли «Генерал-адмирал Апраксин», «Адмирал Спиридов», «Адмирал Лазарев», «Адмирал Нахимов» –

флот и Россия чтили этим память своих выдающихся флотоводцев.

После русско-японской войны один из эсминцев получил название «Капитан I ранга Миклухо-Маклай». Владимир Николаевич Миклухо-Маклай, брат знаменитого путешественника, командовал броненосцем «Адмирал Ушаков». В неравном бою с японскими кораблями экипаж не сдал корабль, а, подобно экипажу «Варяга», затопил его. Командир погиб тогда.

Раз уж мы упомянули «Варяга», то надо сказать, что в его время на флоте была отдана дань героической и былинной русской старине. Были крейсеры «Олег», «Аскольд», «Богатырь», «Баян»… Броненосные лодки «Стрелец», «Единорог», «Вещун», «Колдун», а ещё «Русалка», «Чародейка»…

Первый русский пароходофрегат назывался «Богатырь», первый винтовой фрегат – «Архимед», первый в мире миноносец – «Взрыв» (у него на носу был установлен один торпедный аппарат). Первый в мире подводный минный заградитель назвали «Крабом» – это подводная лодка для постановки мин. Подводные лодки назывались: «Дельфин», «Касатка», «Минога», «Морж», «Скат», «Сом», «Барс», «Пантера»…

Деревянные да и металлические корабли жили недолго, а имена их были красивые, памятные. Поэтому на русском флоте в разное время было несколько «Полтав», «Гангутов», «Севастополей». Ты, верно, заметил, что «Богатырём» называли пароходофрегат и потом – крейсер. В 1770 году в знаменитом Чесменском сражении участвовал парусный линейный корабль «Не тронь меня», а в начале нашего века так же называлась броненосная плавучая батарея.

Но были случаи, когда имя корабля жило непрерывно. Помнишь, в героическом бою при Наварине корабль «Азов» за доблесть получил кормовой георгиевский флаг? Когда он отслужил свой срок, новый корабль получил название «Память Азова», на нём был также поднят георгиевский флаг. Такой же чести удостоился бриг «Меркурий».

Во время русско-турецкой войны 1828 – 1829 годов бриг вблизи Босфора, будучи в разведке, встретился с двумя турецкими линейными кораблями: флагманским 110-пушечным и 74-пушечным. Турки устремились в погоню за 18-пушечным судёнышком. Командир брига капитан-лейтенант Александр Иванович Казарский созвал совет, чтобы решить, как действовать в этом безвыходном положении. По обычаю первое слово дали самому младшему в чине офицеру – подпоручику корпуса флотских штурманов Прокофьеву. Совсем ещё юный моряк ответил: надо драться до последней возможности, затем

сцепиться с кораблём турецкого адмирала и взорваться вместе с ним. Матросы поддержали такое решение офицерского совета. Казарский сам зарядил пистолет и положил его у люка крюйт-камеры, где хранился порох. Оставшийся в живых должен был, когда наступит момент развязки, исполнить общее решение. Но пистолет не понадобился. Бриг сражался так яростно, так умело подставлял под бортовые залпы турок только корму, что турецкие корабли прекратили погоню: на флагманском была разбита адмиральская каюта, повреждён рангоут и такелаж, второй корабль потерял крепление грот-мачты и почти все паруса фок-мачты, Конечно, «Меркурий» был изранен ещё больше: 22 пробоины в корпусе и 300 повреждений в оснастке. Но он вышел из труднейшего боя победителем и благополучно пришёл к своим берегам.

Турецкий штурман так рассказывал об этом случае в письме другу: «Сегодня на рассвете, приближаясь к Босфору, мы встретились с русским бригом. Корабль капудан-паши и наш открыли сильный огонь. Дело неслыханное и невероятное – мы не могли заставить командира брига сдаться. Он дрался, отступая и маневрируя так искусно, что, стыдно сказать, мы прекратили сражение, а он со славой продолжал свой путь. Бриг этот должен был потерять, без сомнения, половину своей команды, потому что один раз он находился всего на расстоянии пистолетного выстрела от нашего корабля. Во время сражения мы поняли, что командир этого брига никогда не сдастся и, если потеряет всякую надежду, взорвёт свой корабль и взлетит на воздух вместе с ним. Если в великих деяниях древних и наших времён отмечены подвиги храбрости, то этот подвиг должен затмить их, а имя героя достойно быть начертанным золотыми письменами на храме славы».

Меркурий – вестник богов у древних римлян. Как видишь, и такие названия давались русским кораблям.

Был бомбардирский корабль «Юпитер» (бог-громовержец). Был фрегат «Аргус», в греческой мифологии Аргус-многоглазый страж, которому богиня Гера поручила следить за красавицей Ио. Поскольку фрегаты несли дозорную службу и вели разведку, такое название надо считать удачным.

Любопытно, что захваченные у неприятеля корабли включались в русский флот с прежними названиями. В 1789 году русский 24-пушечный бриг заставил сдаться в плен шведский 44-пушечный фрегат «Венус». Через год, плавая под русским флагом, «Венус» сражался со шведским 64-пушечным линейным кораблём «Ретвизан» и пленил его. А в 1807 году и «Венус» и «Ретвизан» 6 составе русской эскадры сражались с турками у Дарданелльского

пролива, где была одержана блистательная победа. Через столетие «Ретвизаном» был назван эскадренный броненосец, он принимал участие в русско-японской войне.

Part name

ГЛАВА ПЯТАЯ
ЛЕЙТЕНАНТСКАЯ

Part name

Я знаю, что столб, у которого встану я принять смерть, будет водружён на грани двух различных эпох нашей Родины. Позади за спиной у меня останутся народные страдания и потрясения пережитых лет, впереди я вижу молодую, обновлённую, счастливую Россию…

Из речи лейтенанта П. П. Шмидта на суде

ФЛОТ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Когда шли сражения Крымской войны, в Чёрном море появился корабль, который вёл себя на первый взгляд странно: он всегда оказывался там, где возникали какие-либо важные события, но оставался безучастным к ним. Ни гул орудийной стрельбы, ни стоны раненых, казалось, не доходили до его экипажа. Подобно призраку, отрешённому от земных дел, он вдруг неожиданно поднимал якоря, уходил, скрываясь за горизонтом. И возникал уже в другом отдалённом районе…

Была у голландцев колония в Северной Америке Новый Амстердам. Её у них отняли англичане и назвали Новым Йорком – Нью-Йорком. Эта и соседние колонии восстали против Англии, после долгой войны создали республику Соединённые Штаты Америки. Флаг США и развевался над странным кораблём. Широченный океан да четыре моря отделяли американцев от

Крыма. Но новое капиталистическое государство, которому ста лет ещё не было, уже сочло необходимым иметь свои глаза и уши в напряжённой точке Европы. Пройдёт не так много времени – американцы начнут появляться во всех районах земного шара – уже с «большой дубиной», а это был их первый выход «на люди» – для знакомства с будущими соперниками.

Крымскую войну, конечно, изучали не только американцы. Во всех странах из удач и неудач воевавших сторон делали выводы на будущее. Главный вывод, общий, был таков: необходимы более мощные, дальнобойные, скорострельные орудия и разрушительные снаряды; нужны новые корабли – специально для действий в море и действий у берегов; нужно с почтением отнестись к минам, у них большое будущее.

Дерево на флоте уступило место металлу. Металл нужен был и для железных дорог: без них уже не мыслилась переброска войск, оружия и снаряжения к театрам военных действий. И если в 1870 году все страны мира выплавили 14 миллионов тонн чугуна, то в 1900 году – 41 миллион.

КОРАБЛИ

Паровые машины пришли на смену парусам. От пушечных ядер и бомб корабли надёжно защитились бронёй, так надёжно, что артиллерийские дуэли не давали никакого результата, и, чтобы причинить вред противнику, приходилось броненосцам идти на таран. Возвращение к тактике древних было недолгим, удалось создать более совершенные орудия и снаряды за усилением защиты последовало усиление удара.

Не сразу, но довольно быстро флоты совершенно изменили свой облик. Определились классы кораблей.

Эскадренные броненосцы стали основными боевыми кораблями. Они предназначались для действий в море и заменили линейные корабли парусного флота. Затем шли броненосцы береговой обороны, броненосные и бронепалубные крейсеры, эскадренные миноносцы и миноносцы, канонерские лодки, минные заградители, подводные лодки, тральщики, посыльные, вспомогательные и транспортные суда.

Русские кораблестроители в то время создали много прекрасных кораблей. В 1861 году в России был построен первый стальной броненосный корабль – канонерская лодка «Опыт». До этого корпуса броненосцев делали из дерева и только обшивали броневыми листами. Лодка была небольшой – водоизмещением 270 тонн. Она имела на носу за бронированным укрытием одно орудие и предназначалась для ведения артиллерийской стрельбы

в прибрежных мелководных районах. Итальянское слово «канноне» означает «пушка», отсюда и происходит название типа корабля.

Опыт есть опыт. А в 1869 году был заложен эскадренный броненосец «Пётр Великий» водоизмещением около 10 тысяч тонн. Когда корабль был готов, он стал лучшим броненосцем того времени. Его борта защищал пояс из 356-миллиметровой брони в средней части и 203-миллиметровой на носу и корме. Палуба была покрыта броневыми плитами толщиной 76 миллиметров. В двух броневых башнях стояли по две пушки калибром 305 миллиметров. Они стреляли снарядами весом в 300 килограммов и на расстоянии двух километров пробивали 300-миллиметровую броню. В Синопском сражении – всего двадцать лет назад – невероятно грозными казались такие корабли, как «Императрица Мария». Но 74 пушки «Марии», угоди их ядра одновременно в одну точку, не причинили бы столько вреда, сколько один снаряд «Петра Великого». Броненосец был и прекрасным морским ходоком. Две паровые машины и два винта позволяли развивать скорость более 14 узлов.

Англичане были поражены успехом русских – отсталая Россия обогнала самую сильную промышленную морскую державу! В газетах стали писать, что проект броненосца придумал для русских известный английский кораблестроитель Э. Рид. Рид был честным человеком. Он напечатал в лондонской газете «Тайме» письмо:

«Позвольте мне опровергнуть сообщение, будто я составил проект недавно спущенного в Санкт-Петербурге русского броненосца «Пётр Великий». Этот проект – произведение адмирала Попова, человека, одинаково достойного как в военное, так и в мирное время. …Для нас было бы пагубным самообольщением думать, что прогресс во флотах у других держав исходит лишь из Англии… Русские успели превзойти нас как в отношении боевой силы существующих судов, так и в отношении новых способов постройки. Их «Пётр Великий»… представляет собою судно более сильное, чем всякий из собственных наших броненосцев».

Вскоре англичанам опять пришлось следовать за русскими. На этот раз в создании броненосных крейсеров. Отношения между Россией и Англией оставались обострёнными. Не исключалась новая война. Поскольку жизнеспособность Англии во многом зависела от связей с колониями, русское правительство решило построить корабли, способные нарушить морские сообщения неприятеля, перехватывать его вооружённые торговые суда и громить их конвои. Идея постройки крейсеров,

которые подолгу плавали в океане, имели большую скорость, были защищены бронёй и вооружены мощной артиллерией, принадлежала опять-таки вице-адмиралу Андрею Александровичу Попову.

Первый броненосный крейсер «Генерал-Адмирал», заложенный в 1873 году, имел водоизмещение 4600 тонн, его броневой пояс был толщиной 152 миллиметра. Вооружение состояло из четырёх 203-миллиметровых орудий, стоявших в середине корабля, и двух 152-миллиметровых – на корме и носу. «Генерал-Адмирал» развивал скорость до 15 узлов, он брал тысячу тонн угля да ещё имел паруса, чтобы при попутном ветре экономить топливо. Службу на крейсере несли 482 человека. Последующие корабли этого класса были крупнее, развивали скорость до 19 узлов.

Если ты помнишь, задачи, сходные с задачами броненосных крейсеров, в парусном флоте выполняли фрегаты. Вот что писал о разнице между новыми и старыми кораблями адмирал Степан Осипович Макаров:

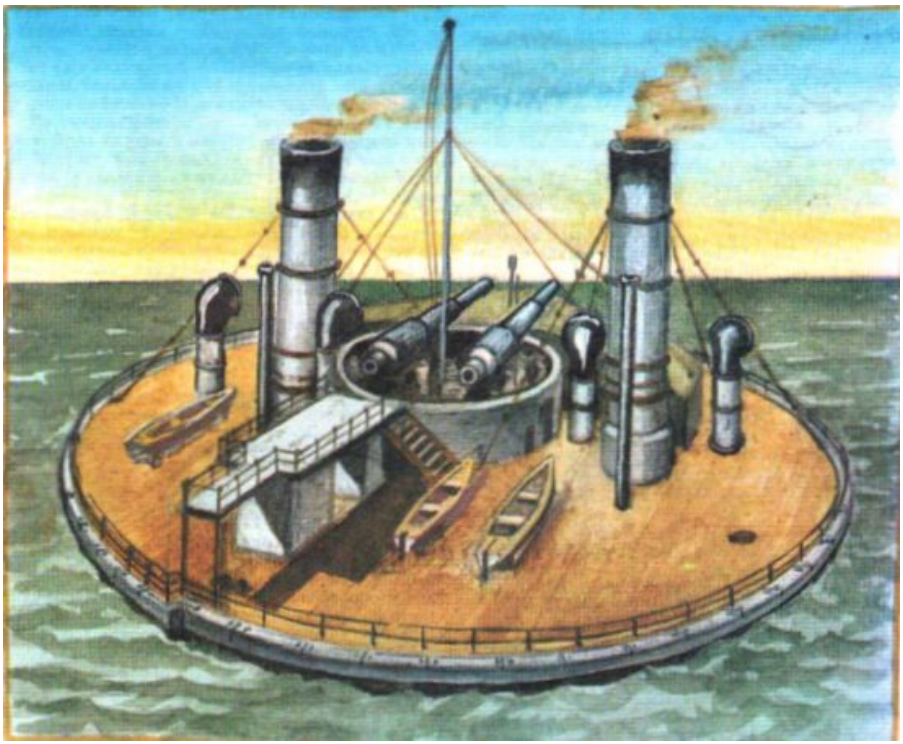
«Машина и котлы на крейсере «Рюрик» занимают по длине 192 фута (около 55 метров) в самой широкой части корабля. Чтобы ясно представить себе, что такое 192 фута такого судна, как «Рюрик», можно сказать, что, если бы вынуть из него всю машину с котлами и угольными ямами и налить туда воды, мог бы разместиться на швартовах весь фрегат прошлого времени со всем его экипажем и со всеми его пушками. Кругом фрегата осталось бы даже достаточно свободного места, чтобы обойти его на шлюпке».

Англичане не могли не понять, чем им грозят корабли, подобные «Генерал-Адмиралу». Они знали, что Россия строит их уже в течение полутора десятков лет. Поэтому и английский флот начал спешно обзаводиться крейсерами.

Русским крейсерам не пришлось действовать против Англии. Зато в войне с японцами они некоторое время держали в страхе торговый флот неприятеля и суда других стран, которые перевозили грузы японцам из Америки, Европы и Австралии. В один из походов, 13 июня 1904 года, крейсеры «Россия», «Громобой» и «Рюрик», выйдя из Владивостока, перерезали самую оживлённую морскую дорогу между Японией и Маньчжурией. Японские суда бросились врассыпную, их было так много, что крейсерам пришлось выбирать цели для атаки. Были потоплены три транспорта. При этом погибли несколько тысяч солдат и утонули 18 осадных орудий, которые предназначались для штурма Порт-Артура.

Всё это происходило в районе, близком к морским базам

неприятеля. 9 японских крейсеров и 8 эскадренных миноносцев были посланы для уничтожения русских кораблей. Но «Россия», «Громобой» и «Рюрик» действовали так дерзко и осмотрительно, что ещё в течение нескольких дней сеяли панику у побережья Японии. 18 июня они захватили большой английский пароход с военным грузом и отправили его во Владивосток.



Круглый броненосец, построенный по проекту адмирала Попова А. А.

Рейды крейсеров повторялись. Судовладельцы и промышленники терпели большие убытки из-за простоя судов в портах и гибели в море. Дело дошло до того, что в Токио они устроили демонстрацию у дома адмирала Камимуры, отвечавшего за охрану морских путей. Одних проклятий на голову Камимуры показалось мало, и они подожгли его дом.

АРТИЛЛЕРИЯ

Мы видим, что корабли обзавелись мощной артиллерией. Как удалось достичь этого? Ведь раньше артиллерийская стрельба по броненосцам не давала никаких результатов, и приходилось прибегать к таранным ударам.

Крейсер «Память Азова». Конец XIX века.

Тут главную роль сыграли винтообразные канавки – нарезы в стволе орудия. Из таких орудий можно было стрелять продолговатыми снарядами, снабжёнными поясками из мягкого металла. Врезаясь в нарезы пояском, снаряд начинал вращаться в орудийном стволе, вращаясь, он летел точно в цель. Попробуй сбить волчок, когда он кружится на полу. Щёлкнул его, а он всё равно вертится. Так и вращающийся снаряд приобрёл

устойчивость на траектории полёта; если бы он не вращался, он бы кувыркался в воздухе. Снаряды гладкоствольных пушек и были шарообразными, чтобы не кувыркаться.

В гладкоствольных орудиях пороховые газы при выстреле прорывались между стенками канала ствола и ядром, из-за этого уменьшалась скорость полёта снаряда и, следовательно, его разрушительная сила. Ведущий поясок ликвидировал этот изъян, он не пропускал пороховые газы, и они сильнее давили на дно снаряда, выталкивали его с большей скоростью. Снаряд летел дальше, сильнее ударял в цель. Мало того, продолговатый снаряд был тяжелее шарообразного, в него вмещалось больше взрывчатых веществ, чем в старую бомбу. Сила удара снаряда нарезной пушки – за счёт скорости и веса – возросла раз в 15 по сравнению со снарядом гладкоствольной пушки такого же калибра.

Вторым врагом брони стали новые пороха. Француз П. Вьель придумал пироксилиновый порох, чуть позже наш знаменитый учёный Дмитрий Иванович Менделеев – пироколлоидный. Оба пороха не давали при выстреле дыма, а самое важное – втрое сильнее толкали снаряд, скорость полёта снаряда увеличилась до 700-800 метров в секунду (ты знаешь, что от скорости зависит и сила удара).

Почти одновременно с нарезами было введено устройство, позволявшее заряжать орудия с казённой части. Это новшество увеличило скорострельность до двух и более выстрелов в минуту. Теперь небольшое число орудий обрушивало на броню град ударов.

МЕТАЛЛ

Газы новых порохов нередко разрывали орудийные стволы. Делать же пушки с очень толстыми, а значит, тяжёлыми стволами было нельзя: они уже и так весили до сотни тонн каждая. Надо учесть, что броня составляла до 40 процентов веса всего корабля. Тяжело было кораблю под грузом металла. Возникла необходимость делать металл прочнее, чтобы пушки и броня были легче.

В годы после Крымской войны прославили русскую науку своими открытиями металлурги. Особенно важными были исследования инженера Дмитрия Константиновича Чернова. Он объяснил процессы, которые происходят в стали при тепловой обработке, и научил металлургов управлять этими процессами – получать металл с нужными качествами.

Заводы, применяя на практике открытия учёных, стали

делать прочные орудия и прочную броню – менее тяжёлыми, чем раньше. Удавалось так отливать стволы и так прокатывать броневые плиты, что слой металла, подвергавшийся действию пороховых газов или ударам снарядов, был очень твёрдый, а слой, лежащий за ним, вязкий, упругий. Вязкий слой не давал раскалываться и трескаться хрупкому твёрдому слою.

Состязание брони и снаряда шло с переменным успехом. На более сильный снаряд броня отвечала повышением прочности. К 1890 году опять создалось положение, когда снаряды не пробивали броневую защиту корабля. Что было делать?

Макаров С. О.

Жил в то время удивительный адмирал, русскому флоту он дал так много, что просто не верится – по силам ли такое одному человеку? Ему, Степану Осиповичу Макарову, и принадлежит слава победителя брони.

Лучшую броневую сталь тогда делала английская фирма «Гарвей». Она продавала её другим странам. Продавала честно: прежде – испытания на полигоне. Разобьёт снаряд плиту – не покупайте, навязывать не будем. Не разобьёт – выкладывайте

денежки. Однажды под Петербургом шли такие испытания. Стреляли из мощных 229-миллиметровых орудий. Снаряды оставляли чуть заметную вмятину в плите, а сами раскалывались.

И тут произошёл случай – одну плиту поставили не той стороной к орудию – мягкой. Снаряды пробили её навылет. Все поняли ошибку, другие плиты ставили внимательнее. Англичане уже рассчитывали на крупный заказ, на большие деньги. Но на полигоне был Макаров. И он один из всех – такой уж был человек – задал себе вопрос: «Почему снаряд, ударив сначала в мягкий слой, так легко пробил потом слой закалённый, твёрдый?» После размышлений адмирал записал в дневнике:

«Так как… деформация снаряда происходит главным образом в первый момент соприкосновения вершины снаряда с весьма закалённым слоем плиты, то есть основания полагать, что если бы поверх закалённого слоя имелся бы хотя небольшой толщины слой из более вязкой массы, то снаряды не будут столь сильно деформироваться, так как головная часть будет работать, уже будучи как бы сжатой в вязком металлическом обруче, который и удержит снаряд от разрушения».

Через некоторое время англичан снова пригласили на полигон. По их броневым плитам теперь стреляли из 152-миллимегрового орудия. Первый снаряд пробил плиту и раскололся на две части. Второй, пробив, остался целым. В боевых условиях он взорвался бы в корпусе корабля.

Весь военный мир охватила сенсация: у русских появился снаряд, пробивающий практически любую броню. Как это ни странно, ни сам адмирал Макаров, ни другие адмиралы и офицеры не сочли нужным – из-за простоты устройства – засекретить изобретение. Такие снаряды вскоре стали делать во многих странах. Что же придумал Макаров? Он надевал на головку снаряда колпачок из мягкой и вязкой стали. При ударе о броню колпачок (или наконечник) как бы прилипал к броне, создавая тот самый «небольшой толщины слой из более вязкой массы». Новые бронебойные снаряды повсюду называли «макаровскими колпачками».

УПРАВЛЕНИЕ ОГНЁМ

Хорошие орудия, хорошие снаряды были важным приобретением корабельной артиллерии. Но морскому артиллеристу редко приходится стрелять при спокойной воде. Волны качают корабль и, следовательно, орудие. Небольшое изменение угла наводки – снаряд, пролетев десяток километров, падает далеко от цели. Многие люди думали, как улучшить

точность стрельбы корабельных пушек. И никому это не удавалось.

В 1877 году началась очередная война России Турцией. Как всегда, в странах Европы с пристрастием следили за её событиями. Скоро умы военных моряков взбудоражило сообщение о победе русского торгового парохода «Веста» над турецким броненосцем «Фетхибуленд». Суда встретились недалеко от Констанцы. Турки намеревались потопить «Весту», так как знали, что пароход в плен не сдастся. «Веста» приняла бой, хотя по числу орудий и по их калибру во много раз уступал броненосцу. Пять часов длилась артиллерийская дуэль. Неприятельские снаряды попадали редко, но причинили пароходу, не защищённому бронёй большие разрушения. Много матросов и офицеров было убито. Однако «Веста» отвечала меткими залпами, и броненосец был так повреждён, что бежал от парохода.

Специалисты понимали, что экипаж парохода и его командир капитан-лейтенант М. М. Баранов проявили редкое мужество в бою, но были отмечены также небывалая для того времени частота, сосредоточенность и меткость огня. «У русских появилось какое-то новшество в артиллерии» – к такому выводу пришли зарубежные наблюдатели.

Пароход на самом деле был оборудован «системой аппаратов автоматической стрельбы» – так назвал её сам изобретатель отставной морской офицер Алексей Павлович Давыдов. С помощью электромеханических приборов, которые учитывали крен корабля и другие величины, орудия одновременно автоматически наводились на цель и стреляли в тот момент, когда наводка была закончена.

Шпионы иностранной фирмы украли из мастерской Давыдова чертежи приборов. Но инженеры фирмы не могли связать их в единое целое. Из многих стран изобретателю посыпались предложения на покупку – за крупные деньги – его системы управления огнём. Давыдов жил в нужде, всё до копейки тратил на изобретательство, но приборы свои за границу не продал. Он знал: это ослабило бы силу родного флота. «Прибор нашего талантливого соотечественника, – писал в своём отзыве артиллерийский комитет Морского ведомства, – обеспечил нашим морским силам важный и могущественный перевес над иностранными флотами».

Давыдов своим изобретением дал начало целой отрасли артиллерийской техники.

МИННОЕ ОРУЖИЕ

Любая пробоина в корпусе корабля – неприятность. Опасная неприятность пробоина в подводной части. Подсчитано, что на глубине в 6 метров через отверстие в квадратный метр в одну секунду вливается 11 тонн воды. Но чем нанести удар в подводную часть корабля? Миной.

Мы говорили, что русские мины в Крымскую войну преградили путь англо-французской эскадре у Кронштадта. Хотя ни один из четырёх кораблей, подорвавшихся па минах, не утонул (оказался мал заряд), новое оружие испугало неприятеля, вскоре все 100 его кораблей ушли из Балтийского моря.

Англичане тогда выловили несколько мин и повезли их с собой. Адмирал Нэпир, который был с эскадрой у Кронштадта, дома, как большой специалист минного дела, взялся объяснять морским офицерам устройство нового оружия. Беседа шла на палубе корабля, там же укрепили на стойке трофейную мину. У адмирала вместо указки была трость. По окончании лекции он прислонил её к мине. И адмиралу, и его слушателям повезло. Когда они ушли от экспоната, ветром качнуло трость, и мина, как бы желая подтвердить, что с ней шутки плохи, взорвалась. Осколками и взрывной волной побило надстройки корабля, газами обожгло матросов.

Мина была похожа на металлическую воронку. Из её широкой части торчали вверх два железных прута. Они держали во взведённом состоянии пружину ударного механизма. Стоило тронуть эти «усы», как мина взрывалась. Устанавливали мину на якоре, укорачивая или удлиняя трос, чтобы мина не выглядывала из воды. Её создателем был действительный член Петербургской академии наук Борис Семёнович Якоби.

Мины совершенствовались, они стали мощнее, их ударные механизмы чутче. Но тридцать лет мины были только оборонительным оружием. Их ставили для защиты своих берегов, подходов к портам. Очень канительно отмеривать трос и ставить мину на якорь. Попробуй заниматься этим во владениях неприятеля! Тут же попадёшь под артиллерийский огонь и взлетишь на воздух от взрыва собственных мин. Но вот лейтенант Николай Николаевич Азаров придумал механизм, который автоматически ставил мину на нужную глубину. Стоило опустить мину в воду, как она была готова к разрушительной работе.

Потребовались специальные корабли для перевозки большого количества мин и постановки их. Русские кораблестроители дали флоту ещё один новый класс кораблей – минные заградители. В 1891 году были спущены на воду два минных заградителя «Буг» и «Дунай» водоизмещением по 1380 тонн. Через несколько лет вошли в состав флота «Амур» и «Енисей» водоизмещением по 2,5

тысячи тонн. Они могли пройти три тысячи миль без захода в порты и брали на борт две сотни мин. Эти корабли предназначались для постановки мин у берегов неприятеля.

Как бы скрытно ни ставились мины, неприятель часто знает о них. Он старается проделать проходы в минных заграждениях, протаскивая тралы, или подрывает их, пуская впереди боевых кораблей менее ценные суда. Чтобы помешать этому, охрану минных заграждений стали поручать береговой артиллерии и артиллерии кораблей. Так возникло новое средство обороны побережья и портов – минно-артиллерийские позиции.

Грозное оружие мина. Но неподвижное. Многое зависит от случая. Заденет её корабль или пройдёт безнаказанно в самой близости. Заставить бы мину двигаться!

Прежде чем была придумана самодвижущаяся мина – торпеда, пользовались шестовыми минами и буксируемыми минами. В первом случае двухпудовая мина прикреплялась к десятиметровому металлическому шесту, сам шест крепился к борту катера, и надо было ударить миной в борт корабля ниже ватерлинии. Во втором случае мина буксировалась на тросе, и надо было так протащить её, чтобы она задела неприятельский корабль. Совершенно очевидно, такими минами могли воевать только отважные и дерзкие люди, презиравшие любую опасность. В русском флоте подобных смельчаков было немало. Им и принадлежит честь первых минных подводных ударов, превращения мины из оружия оборонительного в оружие наступательное.

Во время русско-турецкой войны 1877 – 1878 годов русской сухопутной армии надо было переправиться через Дунай – преодолеть почти километровую полосу воды и затем выходить на высокий обрывистый берег. На Дунае у противника было много речных броненосцев. Чтобы не допустить их к понтонному мосту, русские ниже и выше его устроили в реке заграждения из мин. Но сильное течение срывало мины, целиком на безопасность переправы нельзя было положиться. Тогда решили накануне форсирования реки атаковать стоянку турецких кораблей минными катерами. Лунной ночью четыре паровых судёнышка: «Джигит», «Царевич», «Царевна» и «Ксения», вооружённые шестовыми минами, держась в тени берега, подобрались к турецким кораблям. Для атаки выбрали монитор «Сейфи». «Царевич» ударил его шестовой миной в корму. Однако пробоина получилась неопасная. Тогда ударила «Ксения» – в самую середину корабля; после взрыва «Сейфи» стал тонуть.

«Царевич» взрывом своей же мины наполовину был залит водой. Винт «Ксении» запутался в снастях тонувшего монитора. С

турецких кораблей била артиллерия, стреляли из ружей. И всё же катера остались целы и ушли к себе.

Новое оружие всегда ошеломляет. Боясь повторения минных атак, турецкий отряд поспешил укрыться под защитой береговых батарей. Русская армия благополучно переправилась через Дунай.

Как ты помнишь, России было запрещено иметь Черноморский военный флот. Восстановление флота началось лишь после 1870 года. Поэтому в новой войне многочисленные бронированные корабли турок были хозяевами на море. Англия, получив от Турции остров Кипр, щедро снабдила турок паровыми машинами, орудиями, снарядами, как всегда, советниками. Турецкий броненосный флот начал блокаду русского побережья – с высадками десантов, с жестоким обстрелом прибрежных городов.

Было единственное средство активной борьбы с броненосцами – атаки минными катерами. (Их стали называть миноносками.) Но катера не могли ходить далеко в море, очень уж они малы. Тогда-то и обратил на себя внимание молодой лейтенант Степан Осипович Макаров, будущий знаменитый адмирал. Торговый быстроходный пароход «Великий князь Константин», которым он командовал, стал доставлять катера к месту атаки.

Как действовали катера, ты уже знаешь. Только отвага, только дерзость, только бесстрашие делали их атаки грозными.

Макаровские катера повредили минами несколько крупных кораблей противника. Хотя все они до конца войны вышли из строя, лейтенант не был доволен результатами. Ему хотелось – и он знал, что это возможно, – одним ударом отправлять корабли на дно. Макаров добился, чтобы ему дали четыре торпеды (мины Уайтхеда), купленные перед войной у англичан. Для пуска их под килем одного катера установили трубу – прообраз торпедного аппарата, другой катер должен был пускать торпеду с плотика, привязанного к борту.

14 января 1878 года вошло в историю флота как дата первого успешного торпедного удара. В ту ночь «Великий князь Константин», преодолев сотни миль, подобрался к Багумскому рейду. Катера «Чесма» и «Синоп» помчались к стоянке вражеских судов. Туман, висевший над морем, рассеялся. «Свет луны и блеск снежных гор, – писал потом в донесении Макаров, – прекрасно освещали рейд». С расстояния в 60 метров одновременно обоими катерами были выпущены торпеды. Они ударили в борт сторожевой пароход «Интибах». «Слышен был энергичный взрыв…– доносил Макаров. – Затем слышен был сильный треск от проломившегося судна и глухие вопли и крики отчаяния

многочисленной команды. Пароход лёг на правую сторону и быстро погрузился на дно с большей частью своего экипажа… До того, как скрылись мачты, прошла одна или две минуты».

Катера «Чесма» и «Синоп» по праву считаются родоначальниками торпедных катеров и тактики группового торпедного удара. Важным результатом смелых атак Макарова и его сподвижников стало то, что русские судостроители создали ещё один класс кораблей – класс миноносцев. В отличие от миноносок, которыми вскоре обзавелись все флоты, миноносцы могли плавать в открытом море и там наносить торпедные удары по неприятельским кораблям. У миноносцев была хорошая скорость – чтобы легко догонять врага и самим уходить от погони, они были небольшие – это затрудняло артиллерийскую стрельбу по ним. Первый в мире русский миноносец «Взрыв» имел водоизмещение 160 тонн, на носу у него был один торпедный аппарат, а экипаж состоял из 21 моряка.

В очень короткое время миноносцы стали грозной силой на море. Для борьбы с ними стали строить контрминоносцы – тоже быстроходные корабли, но вооружённые сильной артиллерией.

НЕПОТОПЛЯЕМОСТЬ КОРАБЛЯ

Пока не было мин и торпед, пока подводные пробоины корабль получал от случайных ударов о камни и рифы, не было большой заботы о подводной защите судов. Сложную задачу поставило перед моряками и судостроителями минное оружие – борьбу за непотопляемость корабля. Русские моряки, учёные и в этой отрасли судостроительной техники сказали своё значительное слово. Среди них опять мы должны назвать Макарова. Ему было двадцать лет, он только что получил первый офицерский чин мичмана, когда придумал конструкцию пластыря для заделки пробоин в корпусе корабля. Подобно колпачку, этот пластырь впоследствии на всех флотах тоже называли макаровским.

Однако Макаров не ограничился изобретением пластыря, он предложил улучшить систему водонепроницаемых отсеков и установить на корабле водоотливную и пожарную системы. С их помощью можно было быстро откачивать воду из затопленных отсеков или затоплять отсеки по выбору. Представь, что вода затопила какие-то отсеки и откачать её невозможно. Из-за этого корабль накренился или получил дифферент. Накренились, следовательно, орудийные башни, вести стрельбу невозможно, главное же – корабль может перевернуться. Тут-то насосы и начинают подавать воду в противоположные отсеки, крен, или

дифферент, выравнивается. Корабль, хотя сидит в воде глубже, снова ведёт бой. Идеи Макарова развил и углубил учёный-кораблестроитель Алексей Николаевич Крылов, впоследствии советский академик, Герой Социалистического Труда. Крылов разработал таблицы, по которым любой корабельный инженер мог очень быстро определить отсеки, подлежащие затоплению, корабль, получивший не одну, а несколько пробоин, всё равно держался на воде, оставался в строю.

Мичману Макарову помог осуществить его изобретения командующий броненосной эскадрой Балтийского флота адмирал Григорий Иванович Бутаков. (Ты, конечно, помнишь это имя.) По ходатайству Бутакова Макарову было досрочно присвоено звание лейтенанта, что в мирное время делалось исключительно редко.

Ты, верно, уже отметил для себя пытливость Макарова, его постоянное желание вникать во всё, что окружает моряка, во всё внести улучшение. Можно сказать, такое уж было свойство его характера. Но одного характера мало. Нужно было отлично знать корабль и беды, которые подстерегают его. Всё это знал Степан Осипович. Девяти лет он поступил в Морское училище в Николаевске-на-Амуре, а когда исполнилось двенадцать, совершил первое – пятимесячное – плавание на клипере «Стрелок». В четырнадцать целый год провёл в плавании у берегов Северной Америки – на флагманском корабле Тихоокеанской эскадры, паровом корвете «Богатырь». (Командовал эскадрой адмирал Андрей Александрович Попов. Эта фамилия тебе тоже знакома.) Короче говоря, прежде чем получить звание мичмана, Макаров плавал на одиннадцати кораблях и провёл в море около двух тысяч дней. В первом плавании мичманом – на двухбашенной броненосной лодке «Русалка» – стал свидетелем аварии, которая чуть не погубила лодку. «Русалка» пробила о камень днище и не потонула только потому, что её успели посадить на мель. Этот случай и заставил Макарова задуматься о средствах спасения повреждённого корабля.

Но ведь и другие хотели выручать корабли из беды. Чем-то всё же Макаров отличался от них, если никто не придумал, как это делать, а он придумал. Может быть, всё исходило из его особой любви к кораблям? «Тот, кто видел потопление судов своими глазами, – писал Степан Осипович, – хорошо знает, что гибель корабля не есть простая гибель имущества; её нельзя сравнить ни с пожаром большого города, ни с какою другою материальною потерею. Корабль есть живое существо, и, видя его гибель, вы неизбежно чувствуете, как уходит в вечность этот одушевлённый исполин, послушный воле своего командира.

Корабль безропотно переносит все удары неприятеля, он честно исполняет свой долг и с честью гибнет, но не к чести моряков и строителей служат эти потопления, за которые они ответственны перед своей совестью. Корабль может и должен быть обеспечен от потопления».

ТАКТИКА БРОНЕНОСНОГО ФЛОТА

Итак, корабли перестали зависеть от ветра, они оделись в броню, вооружились мощной артиллерией и торпедами. Теперь разведку вели крейсеры, главный удар в бою наносили эскадренные броненосцы и броненосные крейсеры. Эскадренные миноносцы торпедными атаками добивали корабли, повреждённые артиллерией.

Наиболее капитальный труд по тактике броненосного флота создал всё тот же адмирал С. О. Макаров. В его книге «Рассуждения по вопросам морской тактики» дано определение тактики флота как науки, разработаны тактические приёмы использования артиллерийского, минного и торпедного оружия. Одной из самых важных глав книги является глава об эскадренном бое. В ней Макаров определил состав эскадры, боевые построения, маневрирование и приёмы ведения морского боя. Главным условием победы Макаров считал сосредоточение превосходящих сил против части эскадры противника, а наиболее выгодным манёвром для достижения этой цели – охват головы или хвоста кильватерной колонны. Несмотря на огромное отличие броненосных кораблей от парусных, тактика броненосного флота напоминала линейную тактику флота парусного. Вспомни приёмы адмирала Ушакова. Основным строем нового флота была та же длинная кильватерная колонна. Как и в прежние времена, две колонны кораблей сходились на артиллерийский выстрел, начинались дуэли. Только неизмеримо увеличилась дистанция артиллерийского боя – с 50 – 70 метров в парусном флоте до 2 – 10 километров в броненосном.

Почему же при огромных изменениях в кораблях и оружии тактика флота изменилась очень мало? Дело в том, что оставались прежними, времён парусного флота, средства связи – сигналы и приказы передавались, как и раньше, флагами, выстрелами из пушек, ракетами, прожекторами. Сигнальщик одного корабля должен был видеть своего товарища на другом корабле или слышать его. Стоило кораблю или группе кораблей отойти от эскадры к горизонту, как связь между ними прерывалась. О сложном взаимодействии боевых единиц, о дальней разведке, о неожиданных для противника манёврах

флотоводцы, как люди трезвого ума, и не мечтали. Они знали, что управлять флотом могут только при развёртывании сил и в самом начале боя. Дальше командиры кораблей действовали по собственной инициативе, так как получить приказ командующего не могли. Не было средства передать его.

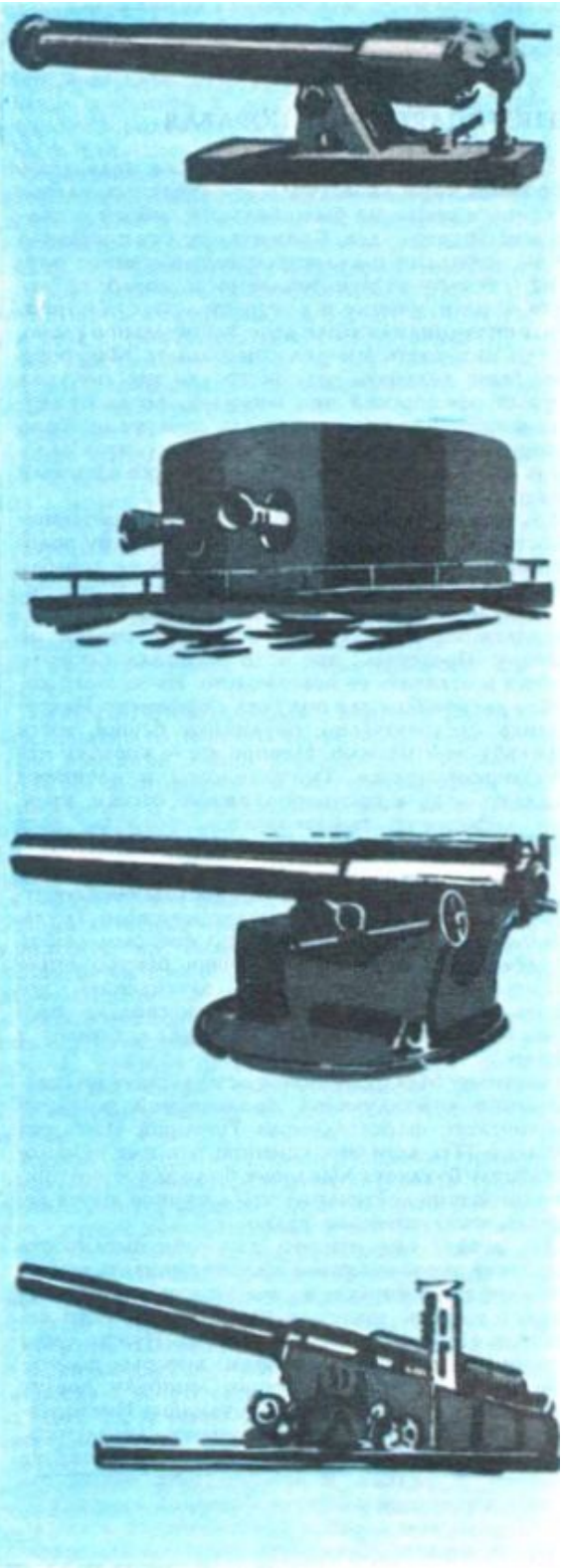
РАДИО

И всё же оно было найдено – надёжное, универсальное, поистине великое средство связи. Преподаватель Кронштадтского военно-морского учебного заведения – Минных офицерских классов – Александр Степанович Попов изобрёл грозоотметчик – первый радиоприёмник. 7 мая 1895 года он продемонстрировал его на заседании учёных в Петербургском университете.

Вскоре на кораблях Балтийского и Черноморского флотов начались опыты по радиосвязи. Первое практическое применение радио произошло тоже на море.

Осенью 1899 года на полном ходу наскочил на подводные камни броненосец береговой обороны «Генерал-Адмирал Апраксин». Это случилось около пустынного острова Гогланд в Финском заливе. Повреждения были так велики, что корабль остался на зиму на месте аварии. Залив покрылся льдом. На беду, «Апраксин» оказался в полосе сильного течения, оно несло льдины на броненосец, и корабль трещал под их напором. Весеннее движение льда уничтожило бы его. Броненосец был совсем новенький. Постройка его обошлась в четыре с половиной миллиона рублей. Надо было всеми средствами спасать корабль. Тогда-то для связи броненосца с берегом и было использовано радио. На станциях работали Александр Степанович Попов и его помощник радиотехник Пётр Николаевич Рыбкин.

В спасении броненосца главное дело сделал ледокол «Ермак», тоже только что построенный. Взломав льды в заливе, он несколько раз доставлял из Кронштадта и Ревеля (теперь Таллин) спасательные партии, материалы, продовольствие, топливо, эвакуировал больных. Затем, когда на огромную пробоину удалось наложить пластырь, с большими предосторожностями довёл корабль до порта.



Морские орудия.

ЛЕДОКОЛЫ

«Ермак» был самым мощным и самым совершенным ледоколом своего времени, таким он оставался и долгие годы. Его трудная работа окончилась только в 1963 году, когда металл ледокола пошёл на переплавку. (В 1974 году «Ермаком» назван мощный дизель-электрический ледокол нашего Арктического флота.)

Честь создания первого в мире ледокола принадлежит судовладельцу Британеву. Он имел пароходы, которые осуществляли перевозки между Кронштадтом и берегом. Как человек предприимчивый, Британев не хотел терпеть убытки из-за простоя своих судов в пору ледостава и весеннего ледохода (зимой в Кронштадт ездили санные обозы). В 1864 году он у своего парохода «Пайлот» переделал носовую часть так, что пароход, словно лыжа, въезжал носом на лёд и ломал его своей тяжестью. Через несколько лет ледоколом заинтересовались немцы. Выдалась суровая зима, и замёрз вход в порт Гамбург. Всего за 300 рублей продал Британев им чертежи. Немцы тоже построили ледокол. Ледокольные суда специальной постройки появились во многих странах. Уместен вопрос: можно ли Британева считать изобретателем ледокола? Ведь его придумка элементарно проста, вот и немцы заплатили за чертежи смехотворно малые деньги… Говорят, всё гениальное просто. До Британева разрабатывался ледокол, который должен был дробить лёд перед собой паровыми молотами и пилить пилами. А малые деньги? Британеву прежде не приходилось торговать чертежами, вот и продешевил.

В России за постройку специального ледокола взялся человек, имя которого упоминалось в этой главе уже несколько раз, Степан Осипович Макаров. К тому времени к его военной славе прибавилась слава учёного: он написал и опубликовал около 100 работ о море и кораблях. Академия наук дважды отмечала его труды высшей премией. Степан Осипович смотрел на будущий ледокол глазами как бы трёх специалистов. Макаров-учёный видел в нём средство исследования Арктики, Макаров-администратор – средство хозяйственных перевозок и сообщений с устьями Оби, Енисея, со всей Сибирью, Макаров-военный – средство проводки военных судов с Балтики на Тихий океан не вокруг Европы, Африки и всей Азии, а кратчайшим и совершенно безопасным в военном отношении путём – вдоль северных берегов России по Ледовитому океану. Была не за горами русско-

японская война, и подготовка к ней тревожила дальновидного адмирала.

Степан Осипович не ошибся в своём детище. Только за первый десяток лет «Ермак» провёл во льдах около тысячи судов. В 1938 году он снял со льдины зимовщиков первой станции «Северный полюс». Расходы же на своё строительство он окупил, когда спас «Генерал-Адмирала Апраксина». «Ермак» стоил в четыре раза дешевле, чем броненосец.

ВОЙНА, УСКОРИВШАЯ РЕВОЛЮЦИЮ

ЖЁЛТОЕ МОРЕ

Море Тихого океана глубоко вдаётся в сушу между берегом Азии и полуостровом Корея. На юге его воды сливаются с водами Восточно-Китайского моря. Глубины небольшие – на северо-западе до 30 метров, на юге самая большая глубина 106 метров. Крупные заливы – Бохайвань, Ляодунский и Западно-Корейский. Высота приливов 3-4 метра, у корейского берега – до 9 метров. С июля по октябрь над морем часто проходят тайфуны. Северо-западная часть с ноября по март покрыта льдом. Основные порты: китайские – Тяньцзинь, Яньтай, Циндао, Инкоу, Далянь (Дальний), Порт-Артур, Вэйхай, корейский Инчхон (Чемульпо).

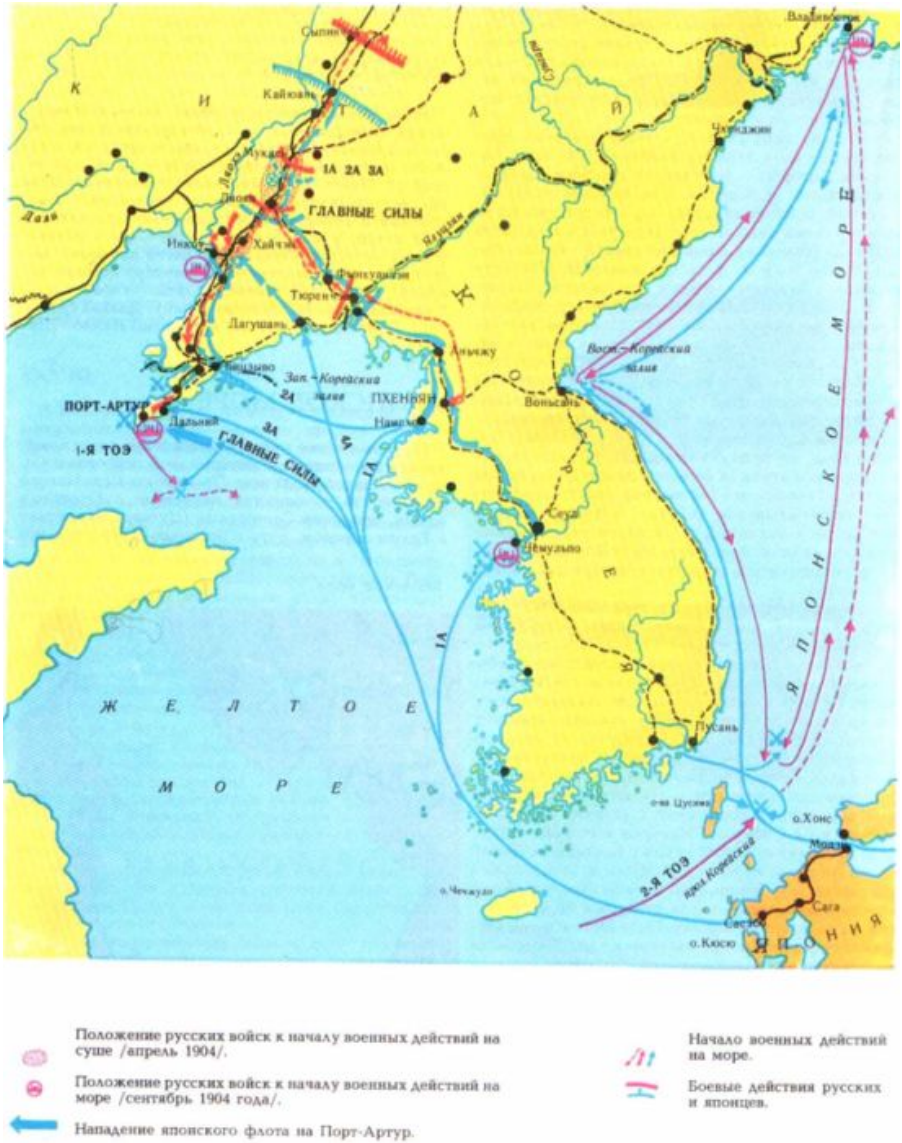
ЯПОНСКОЕ МОРЕ

Японское море.

Полузамкнутое море Тихого океана расположено между Азиатским материком и островами Сахалин, Хоккайдо, Хонсю.

Проливами Невельского и Лаперуза сообщается на севере с Охотским морем, проливом Сангарским (Цугару) на востоке с Тихим океаном, путь в Восточно-Китайское море лежит через Корейский пролив на юге. Средняя глубина свыше 1,5 километра, наибольшая – 4225 метров, в середине моря дно возвышается, глубина там до 285 метров. В северной части моря в ноябре появляется лёд и держится до начала мая. С мая по октябрь над Японским морем проходят тайфуны. Чаще – до двух в месяц – они бывают в юго-восточной и восточной частях моря.

Велико транспортное значение Японского моря. Через него проходят пути, связывающие Советский Союз, Корею и Японию между собой, а также со всеми странами Тихого океана. Советские порты: Владивосток, Находка, Советская Гавань, Ванино, Холмск, Александровск, Невельск, японские: Отару, Ниигата, Цуруга, Майдзуру, корейские: Чхончжин, Хыннам и Вонсан.



Русско-японская война. 1904 -1905 годы.

Броненосные корабли строились не для парадов, оружие создавалось не для устройства фейерверков. Назревала новая схватка империалистических держав. Мы всё время говорили о трёх странах, которые занимали господствующее положение в мире, – об Англии, Франции и России. Теперь могущественных стран стало шесть, к старой троице прибавилась молодая троица – США, Германия и Япония.

Япония, вступившая на путь капиталистического развития позже других стран, к началу XX века превратилась в крупное империалистическое государство. Новый империалистический

хищник мечтал о захвате чужих территорий и о порабощении других народов. Но мир уже был поделён… Единственный способ прибрать к рукам какую-либо территорию и подчинить себе какой-то народ – переделить мир заново. К новому дележу колоний на Дальнем Востоке стремились и другие империалистические государства.

Сначала империалистические соперники открыто не враждовали. Они сообща накинулись на Китай. Огромная страна не имела средств защитить себя. Япония захватила у китайцев остров Тайвань, Россия закрепилась в Северной Маньчжурии, Германия присвоила китайский порт Циндао, Англия – порт Вэйхайвэй, Франция – порт Юнань. Соединённые Штаты Америки к этому времени отняли у испанцев – в непосредственной близости к Китаю – Филиппины; в Китай американцы ещё не проникли, но базу для этого подготовили хорошую.

Легко представить, как завидовали России и Японии, граничащим с Китаем, капиталисты стран, отдалённых от Китая. Они знали, что японские капиталисты хотят прибрать к рукам не только китайские земли, но и другие соседние страны, мечтают о создании огромной восточной империи. Не было секретом и желание царского правительства создать на Дальнем Востоке Желтороссию – прибавку к Российской империи.

Намерения русского императора и императора японского взаимно исключали друг друга. Поэтому запахло войной между Россией и Японией. Это очень обрадовало капиталистов Англии, США, Франции и других стран – соперники истощат в войне друг друга, и можно будет обоих выпихнуть из Китая.

Ко времени, о котором мы говорим, Россия была сильнее Японии. Когда японцы отняли у Китая Квантунский полуостров, русский царь воспротивился этому. И японцы должны были убраться оттуда. Правда, убрались они не даром – русское правительство выплатило им компенсацию в размере 400 миллионов иен (около 400 миллионов рублей серебром). Итак, Россия была сильнее Японии, она могла победить в будущей войне. Этого, естественно, не хотели другие великие державы. И вот немецкие офицеры принялись обучать сухопутную армию японцев, англичане взялись за строительство для японцев броненосного флота. В канун войны правительство Англии прикажет своей Средиземноморской эскадре не выпускать из Чёрного моря русские корабли. А президент США предупредит, что если какая-либо страна будет помогать России, то США немедленно станут на сторону Японии и пойдут «так далеко, как это потребуется в её интересах».

Русский флот на Тихом океане имел две главные базы:

Владивосток и Порт-Артур. Порт-Артур расположен на оконечности Квантунского полуострова. Здесь природа создала гавань, удобную для стоянки кораблей. Узким выходом она соединяется с Жёлтым морем. Флот, находящийся здесь, может держать под контролем важные морские пути. Основная масса русских кораблей и находилась в Порт-Артуре.

Однако, несмотря на эти преимущества, война для России обернулась тяжелейшим поражением. Впервые в истории русский флот был разгромлен и уничтожен. Сама военная кампания представляется цепью нелепостей, которые делало царское правительство. Оно как будто играло с японцами в поддавки – есть такая игра, когда надо не выигрывать шашки, а отдавать их. Денежная компенсация за полуостров – 400 миллионов! – стала теми средствами, на которые японцы смогли начать подготовку к войне. Что значили эти деньги? Строительство эскадренного броненосца и броненосного крейсера обходилось в среднем в 10 миллионов рублей. Значит, японцы получили от своего противника как бы 40 мощных кораблей – огромный флот! К началу войны таких кораблей у русских было всего 11, у японцев – 14.

Между тем руководители русского флота основную ставку делали на то, что русские корабли, если не будут целиком господствовать в Жёлтом и Японском морях, то уж, конечно, не позволят противнику перебрасывать из Японии сухопутные войска для атаки Порт-Артура с суши, то есть русский флот будет сильнее японского.

Из такого ошибочного предположения следовала новая ошибка: Порт-Артур был плохо укреплён со стороны материка. В начале 1900 года, за четыре года до русско-японской войны, заседала комиссия по обороне крепостей, членом которой был и Степан Осипович Макаров. Он, как всегда трезво и резко, обратил внимание комиссии на это упущение. К мнению Макарова не прислушались. Предчувствуя огромную беду, Макаров послал в Главный морской штаб письмо:

«В заседании комиссии по обороне крепостей было доложено, что линия сухопутной обороны Порт-Артура простирается на 22 версты, местность крайне пересечённая, что вызывает потребность в большом числе укреплений. Между тем назначено лишь 200 орудий, что… безусловно, недостаточно, необходимо 447 орудий. …Вся сухопутная оборона состоит из орудий небольших калибров, и нет ни одной пушки на сухопутной обороне, которая могла бы отвечать на огонь больших осадных орудий.

Япония прежде всего займёт Корею, и ввиду близости

корейских портов от Японии и удобств, представляемых вооружением гаваней острова Цусима, нашему флоту, оперирующему в Корейском проливе далеко от своего базиса, будет невозможно помешать высадке японцев в Корею в каком угодно числе.

Заняв Корею, японцы могут двинуться к Квантунскому полуострову и сосредоточить там более сил, чем у нас. Вся война может быть ими сосредоточена на этом пункте. Это будет война из-за обладания Порт-Артуром, к которому они подступят с потребной для сего силой, и мы должны быть готовы к должному отпору с сухого пути.

В случае союза Японии с Англией преобладание на море будет на их стороне, и тогда возможно допустить большую высадку японского десанта в одну из бухт Квантунского полуострова. Это очень облегчит подвоз тяжёлых осадных орудий и позволит повести правильную осаду Порт-Артура с сухого пути…

Падение Порт-Артура будет страшным ударом для нашего положения на Дальнем Востоке. Флот, лишившись своего главного опорного пункта и оставшись лишь при одном Владивостоке, будет крайне стеснён в своих операциях. Чтобы этого не случилось, Порт-Артур должен быть сделан неприступным и снабжён провизией, порохом и углём в таком количестве, чтобы выдержать продолжительную осаду, пока не прибудет подкрепление».

В письме Макарова встречаются слова «сухой путь», «с сухого пути». Знаток военной истории, адмирал сопоставлял состояние дел в Порт-Артуре с положением Севастополя накануне Крымской войны. Севастополь, как ты помнишь, тоже был плохо укреплён «с сухого пути».

Письмо «ходило по инстанциям» – от одного начальника к другому – и затем попало в архив с такой резолюцией управляющего Морским ведомством адмирала Тыртова: «…я не могу не обратить внимания адмирала Макарова на его несколько пессимистический взгляд на оборону Порт-Артура; по-видимому, адмирал нашу эскадру считает нуль, так как полагает, что, несмотря на её присутствие в Жёлтом море, неприятель свободно может подвезти к Порт-Артуру тяжёлые осадные орудия для ведения правильной осады крепости с сухого пути. Для этого нужно уничтожить эскадру нашу».

Резолюция Тыртова была оскорбительной для Макарова, который никогда не был ни паникёром, ни трусом. К слову сказать, Степан Осипович, занимавший в то время должность главного командира Кронштадтского порта, всеми мыслями был

на Дальнем Востоке: его всегда неизбежно тянуло туда, где назревала опасность. Один из его друзей позже вспоминал: «Когда я был у него в гостях после назначения его главным командиром и спросил, доволен ли он, Степан Осипович мне с грустью ответил, что считал бы своим местом Порт-Артур, добавив при этом: «Меня пошлют туда, когда дела наши станут совсем плохи, а наше положение там незавидное».

ДЕЛА СТАЛИ ПЛОХИ

Наступил 1904 год. 24 января Япония разорвала дипломатические отношения с Россией. Японцы торопились начать войну, так как знали, что русские ещё не достроили корабли для Тихоокеанского флота. 26 января Макаров направил новое письмо – «весьма секретное» – управляющему Морским ведомством. Речь в нём шла о совершенно конкретных вещах:

«Из разговоров с людьми, вернувшимися недавно с Дальнего Востока, я понял, что флот предполагают держать не во внутреннем бассейне Порт-Артура, а на наружном рейде… Никакая бдительность не может воспрепятствовать энергичному неприятелю в ночное время обрушиться на флот с большим числом миноносцев и даже паровых катеров. Результат такой атаки будет для нас очень тяжел…»

Посмотри на карте очертания гавани Порт-Артура (Макаров называет её внутренним бассейном). Выход из гавани узок, к тому же мелководен. Там, в Порт-Артуре, это обстоятельство страшило командование: на внутреннем рейде (в гавани) кораблям стоять безопасно, но, во-первых, японцы могут закупорить узкий выход, затопив в нём свои суда, во-вторых, если придётся выходить из бассейна в море, то японский флот, внезапно заняв внешний рейд, может спокойно расстреливать гуськом выходящие русские броненосцы. И командование, вместо того чтобы выслать разведку и иметь хорошую охрану внешнего рейда, поставило на внешнем рейде всю эскадру.

Последнее предсказание Макарова сбылось очень скоро. В ночь с 26 на 27 января японские миноносцы внезапно атаковали русских, стоявших на открытом рейде. Два эскадренных броненосца – «Ретвизан» и «Цесаревич» и крейсер «Паллада» получили пробоины после торпедных ударов.

Наступивший день принёс новую беду: после героического боя русские моряки в корейском порту Чемульпо вынуждены были затопить крейсер «Варяг» и взорвать канонерскую лодку «Кореец». В Чемульпо после этого японцы начали высадку десанта.

Так вот, буквально в первые дни войны дела стали совсем плохи. А вскоре Макарова назначили командующим Тихоокеанским флотом.

Как схожа судьба Степана Осиповича Макарова с судьбой Александра Васильевича Суворова, Михаила Илларионовича Кутузова да и Павла Степановича Нахимова! Пока не грянула беда, командуют именитые бездарности. И до того докомандуются, что «дела станут совсем плохи». Тогда выправлять ошибки призывают талантливых, но опальных, которых до страшного часа держат на второстепенных должностях. А Тихоокеанским флотом до Макарова заправляли адмирал Алексеев, побочный сын Александра II, и адмирал Старк.

С прибытием Макарова в Порт-Артур положение стало быстро выправляться. Подобно Нахимову, он вдохнул энергию в матросов и офицеров. К несчастью, он был командующим флотом чуть больше месяца. 31 марта адмирал погиб. После этого начали сбываться его остальные предсказания.

Японцам удалось заблокировать русский флот в гавани. Тут же последовала высадка десанта на Квантунский полуостров – всего в 40 километрах от Порт-Артура. В начале августа японцы по суше вплотную подошли к Порт-Артуру. На сопках они установили осадные орудия большой мощности и принялись обстреливать не только укрепления и саму крепость, но и корабли, стоявшие во внутреннем бассейне.

Русским флотом теперь командовал контр-адмирал Вильгельм Карлович Витгефт. Нерешительный и неумелый, он упустил время, когда можно было флоту с боем прорваться во Владивосток. Но стоять под огнём орудий в гавани русским уже было нельзя, и Витгефт, понуждаемый к этому из Петербурга, решился на прорыв. «Смерть была, – по его выражению, – и спереди, и сзади».

Прорваться не удалось. После сражения с японцами несколько русских кораблей ушли в иностранные порты и были там интернированы, а большая часть эскадры вернулась в Порт-Артур. К декабрю японцы расстреляли её из орудий «с сухого пути».

20 декабря 1904 года генералы Стессель и Фок сдали Порт-Артур. Сдали, несмотря на то, что можно было ещё сражаться.

Русские, обороняя Порт-Артур, потеряли 27 тысяч человек. Японцы, пытаясь его взять, – 112 тысяч. Командующий японскими войсками генерал Ноги, как самурай, был уязвлён тем, что Порт-Артур он фактически не взял, он понимал, что возможности его защитников не были исчерпаны. Ноги писал тогда генералу Тераучи: «Единственное чувство, которое я в настоящее время

испытываю, – это стыд и страдание, что мне пришлось потратить так много человеческих жизней, боевых припасов и времени на недоконченное предприятие».

Но тем не менее Порт-Артур пал. И это было, говоря словами Макарова, «страшным ударом для нашего положения на Дальнем Востоке». Получилось даже хуже, чем предсказывал проницательный флотоводец, – погибла не только морская крепость, погибла русская эскадра.

Горько сознавать, как много погибло тогда храбрых и преданных – не царю, но Отечеству – моряков. И, может быть, самой трагической была гибель адмирала Макарова и броненосца «Петропавловск», взорвавшегося на японских минах.

ГИБЕЛЬ БРОНЕНОСЦА И АДМИРАЛА

Гибель броненосца «Петропавловск».

Офицер эскадренного броненосца «Полтава» капитан второго ранга Сергей Иванович Лутонин вспоминал:

«…Макаров, который перед этим всегда выходил в море с тралами, в гибельный для нас день 31 марта, введённый в заблуждение, пошёл без предосторожности, он предполагал, что рейд чист. «Петропавловск» стоял в Западном бассейне крайним к выходу, за ним была «Полтава»; потом во второй линии стояли «Победа», «Пересвет»; «Севастополь» был в Восточном бассейне.

Лишь только донёсся до нас шум выстрелов боя «Страшного» и виден был отдалённый столб пламени взрыва, адмирал поднял сигнал: «Флоту поднять пары, выйти в море». Быстро были подняты пары. «Петропавловск» лихо выскочил в проход, за ним вплотную идёт «Полтава», подняв свой огромный шёлковый флаг – дар полтавского дворянства; остальные броненосцы замешкались. Макаров их не ожидал – с двумя броненосцами, «Баяном» и крейсерами он полным ходом пошёл навстречу броненосным японским крейсерам. Расстояние между ними сблизилось до 50 кабельт[овых]. «Петропавловск» открыл огонь, за ним «Полтава». Крейсера дали полный ход и быстро ушли вне досягаемости наших выстрелов. Японский беспроволочный телеграф работает всё время, вот мы разбираем их телеграммы: «саре – остановиться» – затем опять какое-то приказание. Мы преследуем всё дальше и дальше крейсера, мы уже в 25 милях от [Порт-]Артура. На горизонте показываются дымки. Это навстречу идёт нам Того со всем своим броненосным флотом. Погода была пасмурная – серые облака низко неслись над морем, юго-западный ветер разводит волну, вон уже зайчики забегали. Макаров, видя огромное неравенство сил, поворачивает обратно, к нам присоединяются «Победа», «Пересвет», полным ходом мы мчимся к [Порт-]Артуру. Того преследует строем кильватера, его «Миказа» ясно вырисовывался из-под горизонта. «Севастополь» застрял в проходе, виден только его нос. Намерение адмирала для нас ясно – заманить японцев ближе к [Порт-]Артуру аналогично 27 января, но Того не хочет сближения, он остановился в 100 кабельт[овых] и чего-то выжидает. «Петропавловск» разворачивается вправо. Я стою на мостике и наблюдаю всю картину. Вдруг из-под носа «Петропавловска» вылетает облако белого дыма, броненосец вздрогнул, в воздухе пронёсся какой-то глухой гул. «Петропавловск» взорвался!» – кричит сигнальщик. Вслед за первым взрывом раздаётся второй, высоко взлетает в воздух столб жёлтого дыма – это взорвались носовые зарядные погреба. Весь нос «Петропавловска» окутан дымом, мостик скрылся, видна только одна задняя труба. Командир «Полтавы» тотчас же за первым взрывом стопорит машины, даёт полный задний ход. «Полтава» медленно двигается вперёд [по инерции] и останавливается в саженях 50 от кормы «Петропавловска». Раздаётся третий взрыв, чёрное облако закутало гибнущий броненосец, нос «Петропавловска» ушёл в воду, корма высоко поднялась, «Петропавловск» ложится на правый бок, весь руль его вылез наружу, левый винт оголён, медленно рассекает воздух и давит прыгающих в воду людей. На юте черно от них, на глаз там человек 300, кто прыгает в воду,

кто в отчаянии бегает взад и вперёд; вот корма ещё больше легла, и вся эта людская масса сыплется за борт. Вслед за первым взрывом я начинаю спускать шлюпки, проклятые найтовы второпях не отдаются, их рубят топорами; вельбот, паровой катер и гребной на воде, мичмана Пчельников, Ломан, лейтенант Рошаковский спешат спасать гибнущую команду «Петропавловска». С «Полтавы» сброшено всё, что может служить спасением тонущих, летят за борт круги, койки, доски от минных плотиков, пояса. Приливное течение и ветер разносят в разные стороны плавающих людей; кучки разбились, где один, где два, где пять борются с волнами за спасение своей жизни. Тяжело было смотреть, как гибли в воде спасшиеся от взрывов люди; оглушённые, попавшие в 4 градуса тепла воду, бедняги быстро выбивались из сил и погружались на дно; наши три шлюпки спасли 38 человек, остальные 40 человек были спасены «Гайдамаком» и миноносцами; некоторые уже спасённые из воды умирали на шлюпках – сердце останавливалось. Так умерли у нашего борта доктор Волкович и мичман Акимов. В воде плавает какая-то чёрная масса с вице-адмиральскими погонами, наш гребной катер спешит туда. Что это? Адмирал? Нет, адмирала нет, это плавает его тужурка…»

САМОДЕРЖАВНАЯ ВЛАСТЬ

Дорогой друг! Это горестное повествование я перечитывал не однажды. И каждый раз я ловил себя на мысли, что нет у меня злости к японцам, ставившим роковые мины. Злость возникала к самонадеянному Тыртову, к великому князю Алексею Александровичу, который командовал флотом России лишь потому, что был царским братом… Словно этот Тыртов, великий князь и сам царь Николай II вертели винты «Петропавловска», на которые падали с накренившейся палубы матросы… Зададим вопрос: «Хотели ли Тыртов, Алексей Александрович, Алексеев и им подобные проиграть войну?» Ответ только один: «Нет и нет!» Тогда почему же они гак неразумно поступали? Потому что иначе поступать не могли. Они не обладали нужными качествами ни как военные, ни как политики. Самодержавная власть, власть несправедливая, могла опираться только на людей «верноподданных», таких, главное качество которых – послушание вышестоящему на лестнице чинов, а не ум, не талант, не инициатива. Умные, талантливые, инициативные люди неизбежно становились противниками царского строя. Умный и честный человек по своей природе не может быть беспрекословным соучастником неверных, ошибочных дел.

Поэтому и получилось, что во главе государства, на самых важных постах оказались люди с минимальными деловыми способностями. Как видишь, к управлению делами страны не допускались энергичные представители даже богатого класса. Что же говорить о представителях простого народа? Самодержавная власть, страшась перемен, возвела перед выходцами из народа непреодолимую стену на пути к высоким постам. Посуди сам, скольких великих умов недосчиталась, не узнала Россия из-за такого деления людей на сословия!

Макаров многие годы воевал с царскими порядками, воевал, по его выражению, «за право исполнять свои обязанности». При этом адмирал был сторонником существовавшего общественного строя. Жизни иной, иного общественного устройства он не представлял.

Но уже в то время было много людей, которые ясно представляли иную жизнь, иное общественное устройство. Они знали, что путь в «молодую, обновлённую, счастливую Россию» лежит через революцию – через свержение царя, капиталистов и помещиков. Знали они также, что этот путь нелёгкий, что будут принесены на нём великие жертвы, но другого выхода не было, и их ничто не страшило. Особое место среди таких людей занимали моряки.

ВОЙНА И РЕВОЛЮЦИЯ

Мы с тобой, читатель, уже назвали множество имён, запечатлевшихся так или иначе, по-доброму или по-худому, на страницах Истории Человечества. Есть на этих страницах три имени, которые светятся ярче других хороших имён: Маркс, Энгельс, Ленин.

Что сделали для людей Карл Маркс и Фридрих Энгельс? Говоря предельно кратко, открыли законы развития человеческого общества и определили главную силу этого развития – классовую борьбу. Они доказали, что капиталистический строй не вечен, что на смену ему придёт новое общество – коммунистическое. Главным, кто ускорит гибель капитализма и кто поторопит нарождение коммунизма, будет рабочий класс. Чтобы этот класс был ещё сильнее, учили Маркс и Энгельс, во главе должна стать его партия – партия коммунистов.

А что сделал для людей Владимир Ильич Ленин? Он продолжил учение Маркса и Энгельса, исследовал империализм – капитализм в последней стадии и открыл его законы, увидел, что первой может совершить социалистическую революцию Россия,

определил союзника революционных рабочих – беднейшее крестьянство, создал партию коммунистов, после победы революции основал первое в истории Советское социалистическое государство.

Все вместе – Карл Маркс, Фридрих Энгельс, Владимир Ильич Ленин проложили людям путь к счастью.

Полного счастья не может быть, пока есть войны. Наши учители, наши вожди Маркс, Энгельс, Ленин потому и любимы нами беспредельно, что путь, указанный ими, ведёт к полному счастью – к постоянному миру, к такому обществу, в котором нет враждебных классов и войны затевать просто некому.

…Мы оставили Порт-Артур после его падениия, после уничтожения русской эскадры. Но война России с Японией продолжалась. Бушевали кровопролитные сражения на полях и сопках Маньчжурии. Хотя ничего уже нельзя было поправить, на Дальний Восток с Балтики шла – чуть ли не вокруг всего света – 2-я Тихоокеанская русская эскадра, за ней спешила 3-я. Все корабли, какие были на ходу, царь бросал в прорву войны. Пройдя 30 тысяч километров, они будут мало пригодны к сражению, японцы в Цусимском проливе уничтожат и их. Всего русский флот потеряет погибшими или пленёнными 67 кораблей из 115…

В «Матросской» главе пашей книги мы условились определять отношение к войне, о которой идёт рассказ, и занимать сторону тех, кто воюет за правое дело. На чью же сторону мы встанем в русско-японской войне? Обе державы ведут войну несправедливую, и сражения-то проходят на территории третьей страны… Ни на чью? И всё же в такой, с обеих сторон несправедливой войне коммунист не может абсолютно одинаково относиться к противникам. Он должен ответить себе на вопрос: «Победа какой державы будет полезнее трудящимся?»

За ходом русско-японской войны пристально следил Владимир Ильич Ленин. Газета большевиков «Вперёд» опубликовала его статью «Падение Порт-Артура». В ней есть такие слова:

«Война передовой страны с отсталой сыграла и на этот раз, как неоднократно уже в истории, великую революционную роль. И сознательный пролетариат, будучи беспощадным врагом войны, неизбежного и неустранимого спутника всякого классового господства вообще, не может закрывать глаза на эту революционную задачу, выполняемую разгромившей самодержавие японской буржуазией. Пролетариат враждебен всякой буржуазии и всяким проявлениям буржуазного строя, но эта враждебность не избавляет его от обязанности различения

исторически прогрессивных и реакционных представителей буржуазии. Вполне понятно поэтому, что наиболее последовательные и решительные представители революционной международной социал-демократии… выразили без обиняков свои симпатии к Японии, громящей русское самодержавие… Дело русской свободы и борьбы русского (и всемирного) пролетариата за социализм очень сильно зависит от военных поражений самодержавия».

Итак, пусть победят японцы? Да. Русским рабочим и крестьянам победа японцев нужнее победы царя, но ведь нельзя не пожалеть те тысячи и тысячи русских, которые полегли у стен Порт-Артура, в Маньчжурии. Да, нельзя. Мы все до сих пор гордимся моряками, которые на крейсере «Варяг» без тени страха вышли на бой с целой эскадрой неприятеля и не спустили перед ней флага. Тут нет противоречия. А почему нет? Потому что…

«Не русский народ, а русское самодержавие начало эту колониальную войну, превратившуюся в войну старого и нового буржуазного мира. Не русский народ, а самодержавие пришло к позорному поражению…»

Несколько раз Владимир Ильич повторит важнейший вывод из факта падения Порт-Артура:

«Русский народ выиграл от поражения самодержавия. Капитуляция Порт-Артура есть пролог капитуляции царизма. Война далеко ещё не кончена, но всякий шаг в её продолжении расширяет необъятно брожение и возмущение в русском народе, приближает момент новой великой войны, войны народа против самодержавия, войны пролетариата за свободу…»

140 ТЫСЯЧ ПРОТИВ 40 ТЫСЯЧ

Газета «Вперёд» со статьёй «Падение Порт-Артура» вышла 1 января 1905 года. А уже 9-го числа в России начались те основные действия, прологом которых Владимир Ильич Ленин назвал падение дальневосточной морской крепости: началась революция 1905 – 1907 годов.

Чтобы взорвалась граната, прежде должен взорваться детонатор. Детонатором революции стало событие, которое тебе хорошо известно, – расстрел мирной демонстрации в Петербурге. 9 января на улицы города вышло 140 тысяч рабочих. Демонстранты несли царю жалобу на господ; они думали, что чиновники скрывают от царя тяжёлую жизнь рабочих, что, узнав об этом, царь накажет виновных и жизнь наладится. На площади перед Зимним дворцом и в других местах демонстрантов встретили войска, они открыли огонь – больше тысячи

демонстрантов было убито, несколько тысяч ранено. Известие об этом зверстве быстро распространилось по всей России, повсюду начались революционные выступления народа.

Надо сказать, что царь и его правительство могли вообще не допустить этой демонстрации – могли днём раньше взять петицию у организатора демонстрации попа Гапона, ведь целью шествия и было вручение жалобы царю. Но убийство безоружных людей планировалось как мера, способная по всей стране вызвать страх и тем удержать от выступлений против самодержавия даже самых решительных людей. Сила самодержавия была, как ты знаешь, ослаблена победой японцев. В этих условиях царь решил действовать особенно жестоко.

К 9 января в Петербург прибыла кавалерия и пехота из Пскова, Ревеля, Нарвы и других пунктов вместе с полицией собралось свыше 40 тысяч карателей. Гражданские власти Петербурга были отстранены от дел, всем распоряжались военные во главе с генералом князем Васильчиковым. Над князем-генералом стоял ещё великий князь Владимир, дядя Николая II. Город был поделён на секторы, откуда каждые полчаса поступали сведения в главный штаб подавления демонстрации. Против рабочих, их жён и детей готовилось настоящее сражение.

«Военный план дяди царя, Владимира, распоряжавшегося бойней, сводился к тому, чтобы не пустить пригороды, рабочие пригороды, в центр города. Солдат постарались всеми силами уверить, что рабочие хотят разрушить Зимний дворец (при помощи икон, крестов и петиций!) и убить царя. Стратегическая задача сводилась к охране мостов и главных улиц, ведущих к Дворцовой площади. И главными местами «военных действий» были площади у мостов (Троицкого, Сампсониевского, Николаевского, Дворцового), улицы, ведущие от рабочих кварталов к центру (у Нарвской заставы, на Шлиссельбургском тракте, на Невском), и, наконец, Дворцовая площадь, куда всё-таки, несмотря на все скопища войска, несмотря на весь отпор, проникли тысячи и тысячи рабочих. Задача военных действий, разумеется, страшно облегчалась тем, что все прекрасно знали, куда идут рабочие, знали, что существует лишь один сборный пункт и одна цель. Храбрые генералы действовали «с успехом» против неприятеля, который шёл с голыми руками, заранее поведал всем и каждому, куда и зачем он идёт… Это было самое подлое, хладнокровное убийство беззащитных и мирных народных масс. Теперь массы долго будут обдумывать и переживать в воспоминаниях и рассказах всё происшедшее. Единственным и неизбежным выводом этих размышлений, этого претворения «Владимирова урока» в сознании массы будет тот

вывод, что на войне надо действовать по– военному».

Ты, конечно, догадался, что читал сейчас Ленина. Сколько негодования скрыто за внешне спокойными словами! Какая убийственная ирония в начале первой фразы: «Военный план дяди царя… распоряжавшегося бойней…» Как твёрдо заключение – чёткий афоризм, формула победы, отлитая из стали: «На войне надо действовать по-военному».

Итак, 140 тысяч были рассеяны 40 тысячами. Сто сорок тысяч не имели оружия, не были по-военному организованы и обучены. С военной силой успешно бороться может только военная сила. Вот почему у всех революционеров вызвало огромную радость известие о восстании против царя моряков Черноморского флота. Это было началом перехода на сторону революции частей армии, в которой царь до этого видел свою главную опору.

ВОССТАНИЕ МОРЯКОВ

МОРСКИЕ ПРОЛЕТАРИИ

Для расстрела демонстрации в Петербург были вызваны пехота и кавалерия. Но не моряки. Хотя поблизости – в Кронштадте, Ревеле, Гельсингфорсе – их было много. И восстали первыми моряки, а не пехотинцы, не кавалеристы. Случайное это совпадение? Нет, не случайное. Среди угнетённых классов самый организованный класс – рабочие. Среди военных – моряки. Это потому что условия службы на корабле сходны с условиями работы на предприятии.

Как вспоминает Владимир Дмитриевич Бонч– Бруевич, Ленин говорил: «Моряки на кораблях – это рабочие на фабриках и заводах. Они твёрдо спаяны со своим «производством», они живут тут же, на этих своеобразных плавучих заводах, среди них много рабочих; машины их объединяют, сплачивают; они, как пролетарии, чутко понимают друг друга; жизнь у них общая; они сливаются в одну массу, чувствуя общий гнёт царской военщины, и более, чем кто-либо из военных, приспособлены к восприятию нашей пропаганды и агитации». Чтобы была полнейшая ясность в революционности различных родов войск, добавим к этому, что если в матросы брали рабочих (они быстрее овладевали корабельной техникой), то в пехоту брали крестьян – неграмотных, забитых людей, а в кавалерии были казаки из богатых, зажиточных станиц.

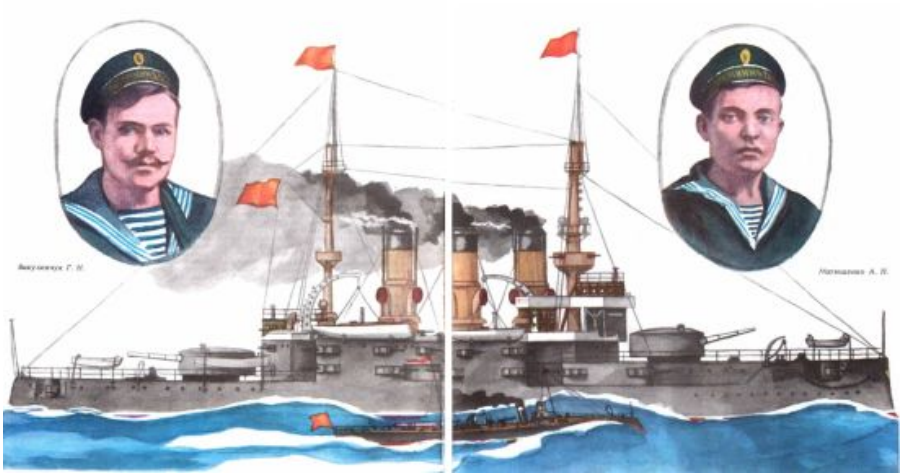
Так вот, восстали военно-морские рабочие завода «Князь Потёмкин Таврический» – самого сильного черноморского броненосца. 14 июня 1905 года на нём был поднят красный флаг.

Многое об этом восстании тебе, читатель, известно. Поэтому обратим внимание на сторону, которая очень важна для всякого военного человека, в том числе для морского офицера, – на чёткость действий, на их продуманность, на организацию дела. Этого-то как раз и не хватало потёмкинцам. Кощунственно упрекать героев в недостатках? А мы и не будем их упрекать: во-первых, они не заслужили ни малейшего упрёка, во-вторых, разбор недостатков, их анализ, их изучение – прямое, честное, пусть и горькое – есть единственный путь к будущему успеху. Коммунист-ленинец никогда не отмахивается от неприятных фактов, не скрывает их, даже если они возникли по его вине, он не приукрашивает истинного положения вещей. Недостатки восстания на броненосце в значительной степени были

характерны для всей первой революции. Ленин, большевики глубоко разобрались в них, и через десять лет новая революция прошла безошибочно, в 1917 году она победила.

Броненосец «Князь Потёмкин Таврический», короче – «Потёмкин», был новейшим мощным кораблём. Он имел четыре 305-миллиметровых орудия, шестнадцать 152-миллиметровых. На нём были ещё пушки меньшего калибра и торпедные аппараты. Команда насчитывала 730 человек.

Агитационную работу на корабле вела партийная подпольная организация матросов-большевиков. Она действовала под руководством Центрального военно-морского исполнительного комитета РСДРП, который возглавлял всех коммунистов Черноморского флота и был связан с партийными организациями приморских городов. Была у него связь также с большевистским центром в Женеве (в то время там находился Ленин). Восстание Черноморского флота комитет наметил сначала на осень, а потом на конец лета. Почему именно на конец лета? Потому что в это время флот должен был выйти в учебное плавание, и корабли были бы снабжены запасом продовольствия, топлива и снарядов. Сохранилось письмо одного из руководителей военно-морского комитета, Александра Ивановича Петрова, матроса учебного корабля «Прут». Из письма виден план восстания. Писал Петров в тюрьме перед казнью, было ему 25 лет.



Броненосец «Князь Потёмкин-Таврический».

«Мы видели, как трудно сделать восстание всеобщим. Вспыхнув в одном месте, оно не скоро переместится в другое. Войска только тогда будут открыто переходить на сторону народа, когда у них явится уверенность во всеобщем восстании. А для этого надо, чтобы восстание охватило широкий район. Где же

такой широкий район, как не у нас на Чёрном море? Кто, как не мы, матросы, начавшие революцию в Севастополе, можем перебросить её сразу на Кавказ, с Кавказа в Одессу, в Николаев? И кто, как не мы, можем… заставить войска принять участие в революции? Что они примут участие, мы в этом не сомневались…»

Но восстание, как ни досадно, началось гораздо раньше, когда и на кораблях, и в городах подготовка к нему только шла. 14 июня броненосец «Потёмкин» опробовал новые орудия в районе Тендровской косы. В этот день команде дали на обед борщ с тухлым мясом. Команда отказалась от обеда. Старший офицер Гиляровский усмотрел в этом бунт, вызвал караул и приказал накрыть брезентом группу из 30 моряков, чтобы затем расстрелять. В этой обстановке руководитель коммунистов броненосца, спокойный, выдержанный матрос Григорий Никитович Вакуленчук призвал матросов к оружию. Он понимал, что начинать восстание в одиночку нельзя. Но и другого выхода не было: потом команда и весь флот не простили бы большевикам расстрела своих товарищей.

Больше того, расстрел испугал бы тех матросов, которые колебались, размышляли ещё, к какой стороне примкнуть, они остались бы и в другое время послушными приказам офицеров – остались бы на стороне царя. Матросы бросились к винтовкам, на корабле началась перестрелка, были убиты командир корабля, старший офицер, ещё несколько офицеров, остальные арестованы. Смертельную рану получил Вакуленчук, в него стрелял Гиляровский. Смерть Вакуленчука была очень серьёзным ударом по восставшим, они буквально с первых минут остались без опытного руководителя.

Для руководства кораблём матросы избрали судовую комиссию во главе с унтер-офицером Афанасием Николаевичем Матюшенко. Он был смелый человек, яростно ненавидевший господ, он первым и открыл стрельбу по офицерам. Но ему недоставало большевистской убеждённости, последовательности в действиях. То он слушал большевиков, то выполнял советы меньшевиков или анархистов… Пройдёт два года, и Матюшенко тайно вернётся из Румынии к анархистам, будет арестован по доносу провокатора и расстрелян в Севастопольской тюрьме. Пока же он жив и руководит восставшим броненосцем.

Первое решение было принято верное – идти в Одессу, там началась общая забастовка рабочих. У Тендровской косы был миноносец № 267. Под угрозой орудий «Потёмкина» его офицеры сложили свои полномочия, а команда подняла красный флаг, приветствуя революцию. Броненосец и миноносец вместе пошли в

Одессу. (Они до самого конца были неразлучны.)

Вечером корабли подошли к Одессе. Красные флаги на их мачтах вызвали огромное воодушевление рабочих. Рабочие чувствовали, что теперь, с приходом грозных кораблей, они не одиноки перед царскими войсками. Утром нового дня матросы перевезли на берег тело Вакуленчука, выставили около палатки почётный караул, и до самого вечера трудовая Одесса прощалась с матросом-большевиком. Тысячи людей прошли около убитого, тут же возникали митинги, произносились речи. 16 июня были похороны. Траурное шествие ещё больше напугало местные власти. Чтобы те не посмели выслать солдат против участников похорон, броненосец произвёл несколько боевых выстрелов по местам, где располагались верные царю войска.

События клонились к тому, что бастующие рабочие вот-вот возьмутся за оружие.

Владимир Ильич Ленин, хотя был в это время в Женеве, знал о восстании броненосца. Он немедля разработал план развития восстания и послал с ним в Одессу М. И. Васильева-Южина в качестве представителя ЦК большевиков. «Постарайтесь, во что бы то ни стало, попасть на броненосец, – инструктировал Владимир Ильич посланца, – убедите матросов действовать решительно и быстро. Добейтесь, чтобы немедленно был сделан десант. В крайнем случае не останавливайтесь перед бомбардировкой правительственных учреждений. Город нужно захватить в наши руки. Затем немедленно вооружите рабочих и самым решительным образом агитируйте среди крестьян. На эту работу бросьте возможно больше наличных сил одесской организации. В прокламациях и устно зовите крестьян захватывать помещичьи земли и соединяться с рабочими для общей борьбы. Союзу рабочих и крестьян в начавшейся борьбе я придаю огромное, исключительное значение.

…Необходимо сделать всё, чтобы захватить в наши руки остальной флот…

Нужно только действовать решительно, смело и быстро. Тогда немедленно посылайте за мной миноносец. Я выеду в Румынию».

ДАВАЙ ПОМЕЧТАЕМ

Давай немного помечтаем. Наши мечтания будут политические. В политике тоже можно и нужно мечтать. Попробуем представить, как могли бы продолжиться события в Одессе.

После похорон Вакуленчука, когда и матросы и рабочие

объединены общей печалью по убитому и общей ненавистью к его убийцам, а следовательно, готовы к общим действиям, в город высаживается десант в несколько сот моряков. Высадку прикрывают мощные орудия корабля. Войска, верные царскому правительству, рассеиваются артиллерийским огнём. Отряды матросов занимают важные пункты в городе: учреждения, телеграф, вокзал и, конечно, склады оружия. Рабочие получают винтовки, гранаты, пулемёты. Власть в городе переходит в руки восставших…

У восстания есть свои правила, свои законы (о них мы будем говорить дальше), одно из правил такое: восставшие должны постоянно добиваться успеха, пусть даже маленького, тогда колеблющиеся – а их большинство – переходят на сторону восставших и тем увеличивают силу восстания. Почему переходят? Такое уж свойство колеблющихся людей – в неясной обстановке примыкать к сильному, а не к слабому. И вот, когда город был бы в руках революции, многие воинские части перешли бы на сторону потёмкинцев. Другие, если бы не перешли, заняли бы нейтралитет – тоже хорошо! Узнав об этом, о том, что у властей нет послушных войск и некому охранять помещичьи имения, крестьяне тоже восстали бы, начали бы захватывать владения помещиков, разбросанные в степях Причерноморья. И, как разливается по округе вода, прорвавшая плотину, восстание хлынуло бы в сторону от Одессы, затопляя весь юг России и всю страну. А Владимир Ильич в это время был бы уже не в Женеве, быстрый миноносец пришёл бы от румынских берегов в Одессу, и Ленин руководил бы восстанием из этого города, в котором оно началось, подобно тому, как это было в 1917 году в Петрограде…

Мы с тобой набрались смелости мечтать о победе первой русской революции. А было ли у нас право мечтать об этом? Не пустые ли мы мечтатели? В этом тоже надо разобраться.

Первое, что дало нам право на дерзкую мечту, – это оценка положения Лениным. Он видел: победить можно, поэтому так стремился в Россию. Если даже не победить во всём и до конца, то одержать хотя бы частную, но мощную победу над царизмом во имя успеха будущего восстания. Что Ленин мог так думать, подтверждается такой его фразой: «Маркс умел оценить и то, что бывают моменты в истории, когда отчаянная борьба **масс** даже за безнадёжное дело **необходима** во имя дальнейшего воспитания этих масс и подготовки их к **следующей** борьбе». Фраза взята из предисловия к русскому переводу писем К. Маркса, которое Ленин написал в 1907 году после поражения революции. Здесь же Владимир Ильич приводит слова Маркса, выделяя их, что обозначает особую важность сказанного: **«Творить мировую**

историю было бы, конечно, очень удобно, если бы борьба предпринималась только под условием непогрешимо-благоприятных шансов».

Непогрешимо-благоприятных шансов на победу в те дни, когда восстал броненосец, не было. Однако обстановка для вооружённого выступления была благоприятной, терпение народа иссякло. Эта обстановка – второе, что дало нам право мечтать. «Весь Юг России волнуется так, как никогда, – писал Владимир Ильич Ленин.– Число жертв гражданской войны в Одессе исчисляется в **6000 человек**… Большая часть войск, по приказу генерал-губернатора, выведена из города, потому что **среди войск обнаружился серьёзный недостаток дисциплины**. В Николаеве и Севастополе произошли волнения в правительственных арсеналах… В пяти уездах Херсонской губернии идут крестьянские восстания…»

В наших мечтах мы как бы забыли о всём Черноморском флоте. Другие броненосцы, крейсеры, эсминцы, миноносцы могли ведь прервать наши мечтания несколькими залпами по «Потёмкину» – на них-то флаги были не красные, а традиционные, андреевские. Нет, скорее всего не могли. Посмотрим, как происходили события на самом деле.

В Одессе цепь неудач броненосца удлинилась ещё на одно звено (первое – это смерть Вакуленчука). В городской организации большевиков тоже не нашлось руководителя восстания. Незадолго перед этим жандармы провели многочисленные аресты коммунистов. Проходили драгоценные часы и дни, когда можно было победить врага, застигнутого врасплох, а «Потёмкин» выжидал и бездействовал. Царские же власти вели себя энергично. Они установили в городе военное положение, усилили гарнизон, арестовали много рабочих. Флоту был отдан приказ захватить мятежный броненосец или потопить его.

17 июня весь флот подошёл к Одессе. Потёмкинцы надеялись, что корабли перейдут на их сторону, и смело двинулись навстречу эскадре. Броненосец и миноносец № 267 прорезали строй эскадры. Хотя орудия повернулись в сторону героев, ни одного выстрела не раздалось над морем. Матросы на кораблях приветствовали восставших. «Георгий Победоносец», тоже броненосный корабль, поднял красный флаг и последовал за «Потёмкиным». Может быть, последовали бы за ним и ещё какие-то корабли, на кораблях шли споры среди матросов: как поступить? Но в это время командующий поднял сигнал «Всем идти в Севастополь». В его положении это было умное решение, и флот ушёл – подальше от дерзкого примера.

Ленин советовал морякам действовать «решительно и быстро». Потёмкинцам надо было убедить команду «Георгия Победоносца» арестовать своих офицеров и офицерских прихвостней, но они этого не сделали. 18 июня «Георгий Победоносец» был нарочно посажен на камни, после этого власти захватили его.

На «Потёмкине» кончались уголь, продовольствие и пресная вода. В Одессе всё это уже нельзя было получить. Броненосец пошёл в румынскую Констанцу. Не желая осложнений с царским правительством, румыны отказали и в угле и в продовольствии. «Потёмкин» двинулся в Феодосию, но и там ему ничего не дали.

В то время, когда «Потёмкин» искал уголь для своих топок, в Одессу приехал Васильев-Южин. Он немного опоздал, броненосца на рейде не было – ещё одно звено в цепи неудач. Куда он ушёл, никто не знал; эсминец «Стремительный», команда которого состояла из офицеров, и другие корабли получили задание настигнуть броненосец и потопить его, поэтому потёмкинцы свой маршрут держали в секрете.

Узнав о восстании «Потёмкина», 19 июня у Тендровской косы восстало учебное судно «Прут» с командой в 280 человек. Руководил им матрос Петров (о нём ты уже знаешь). «Прут» под красным флагом пошёл на соединение с «Потёмкиным» и тоже не застал его у Одессы. (Вскоре власти захватили «Прут», руководители восстания были расстреляны, многие матросы посажены в тюрьму.)

Большевики намечали восстание на флоте на то время, когда корабли будут обеспечены запасом угля, продовольствием и боеприпасами. Насколько это было важно, мы с тобой видим сейчас: «Потёмкин» прекращал борьбу из-за нехватки угля. 23 июня вместе с миноносцем № 267 он снова пошёл в Констанцу. Судовая комиссия, так как корабли скоро остановятся, решила сдать их румынским властям. 25 июня матросы сошли с кораблей на берег. Восстание броненосца, длившееся полторы недели, закончилось.

Полторы недели велик ли срок? Срок не велик, но велики были последствия героического примера. По примеру этому в октябре восстали моряки Кронштадта, в ноябре – Севастополя, затем последовало восстание в балтийской крепости Свеаборг, затем опять в Кронштадте. Восставали крейсеры «Очаков», «Память Азова» и другие корабли. Восстания начались в армейских частях.

«Миновали безвозвратно те времена, когда русская армия… шла усмирять революцию за пределами России. Теперь армия бесповоротно отпала от самодержавия. Она ещё не вся стала

революционной. Политическая сознательность солдат и матросов ещё очень низка. Но важно то, что сознание уже проснулось, что среди солдат началось **своё** движение, что дух свободы проник в казармы везде и повсюду. Казарма в России была сплошь да рядом хуже всякой тюрьмы; нигде так не давили и не угнетали личности, как в казарме; нигде не процветали в такой степени истязания, побои, надругательства над человеком. И эта казарма становится очагом революции». Так писал Владимир Ильич Ленин о всей русской армии. О броненосце «Потёмкин» он писал: «Громадное значение последних одесских событий состоит именно в том, что здесь впервые крупная часть военной силы царизма – целый броненосец, – перешла открыто на сторону революции… «Потёмкин» остался непобеждённой территорией революции, и, какова ни была бы его судьба, перед нами налицо несомненный и знаменательнейший факт: попытка образования **ядра революционной армии**».

Пройдёт не так уж много времени, у рабочих и крестьян будет своя революционная армия.

ФЛАГМАН НЕСДАВШИХСЯ

Морская война не обходится без гибели кораблей. Однако гибель гибели рознь. Иная гибель бывает равной победе. Так погибли крейсер «Варяг» и канонерская лодка «Кореец».

Офицер и матросы крейсера «Варяг» и канонерской лодки «Кореец».

Бой «Варяга» и «Корейца» с японскюй эскадрой.
Руднев В. Ф.

«Варяг» был лёгкий крейсер-разведчик. На нём стояли две паровые машины по 10 тысяч лошадиных сил, и он развивал хорошую скорость. Его вооружением были 12 152-миллиметровых и столько же 75-миллимегровых орудий, 10 пушек меньших калибров, два пулемёта, шесть торпедных аппаратов. Служили на нём 573 моряка во главе с капитаном первого ранга Всеволодом Фёдоровичем Рудневым.

«Варяг» и «Кореец» стояли в корейском нейтральном порту Чемульпо. Там же находились крейсеры англичан, французов, итальянцев и американский военный корабль. По всему было видно, что вот-вот начнётся война Японии с Россией. Русским кораблям надо было бы уйти в Порт-Артур и соединиться с эскадрой. Тем более что выход из бухты был узкий, извилистый, до 40 миль длиной. Однако приказ адмирала Старка предписывал стоять в Чемульпо.

Японцы, по выражению одного из их офицеров, объявление войны считали «совершенно непонятным, глупым европейским обычаем». (С этим нельзя не согласиться, ведь внезапно напавший получает много преимуществ. Война не рыцарский турнир. Все войны после русско-японской начинались без «старомодных объявлений».) И вот по новому обычаю утром 27 января (9 февраля) 1904 года на внешнем рейде Чемульпо остановилась эскадра японского адмирала Уриу: 6 крейсеров, 8 миноносцев и 3 транспорта. Корабли расположились полумесяцем у выхода из

бухты. Вскоре на «Варяг» прибыл командир французского крейсера и уведомил Руднева о начавшейся войне. Руднев вместе с французом отправился на английский крейсер, командир которого Бэйли, как старший по званию, был старшим на рейде. Англичанин передал Рудневу ультиматум японцев: покинуть порт до полудня, в противном случае корабли будут атакованы на стоянке. Англичанин добавил от себя, что если «Варяг» и «Кореец» останутся на месте, то все другие корабли, «сохраняя собственную безопасность, уйдут в море». Руднев попросил Бэйли сопроводить крейсер и канонерку до границы корейских территориальных вод. Бэйли отказался (ты помнишь, Англия очень желала победы японцам). Больше того, англичанин известил Уриу о намерении русских кораблей прорываться в Порт-Артур.

Вернувшись на корабль, Руднев объявил о начале войны, об ультиматуме японцев и о своём решении прорываться с боем в Порт-Артур – в бухте крейсер был более уязвим, чем в море.

«Безусловно, мы идём на прорыв и вступим в бой с эскадрой, как бы она сильна ни была, – говорил Руднев экипажу.– Никаких вопросов о сдаче не может быть – мы не сдадим ни кораблей, ни самих себя и будем сражаться до последней возможности и до последней капли крови. Исполняйте каждый обязанности точно, спокойно, не торопясь, особенно комендоры, помня, что каждый снаряд должен нанести вред неприятелю».

Экипаж ответил командиру троекратным «ура!».

Руднев приказал, чтобы на флаг были поставлены самые отважные моряки; сбитый флаг тут же поднимать, чтобы враг ни на мгновение не подумал, будто флаг спущен перед ним.

В 11.20 «Варяг», а следом «Кореец» под командованием капитана второго ранга Григория Павловича Беляева двинулись в море. Иностранные моряки прекрасно понимали, как тяжело придётся через какие-нибудь четверть часа русским матросам и их командирам. Величие духа русских потрясло всех. Стоявшие у причалов корабли, как в праздник, подняли флаги расцвечивания, на итальянском крейсере оркестр играл гимн России. Сотни людей с затаённым дыханием провожали храбрецов.

Уриу намеревался преподнести русский крейсер в подарок императору. На его крейсере «Нанива» поднялся сигнал: «Предлагаю сдаться без боя». Русские не ответили. И в 11.45 японцы открыли огонь. Комендоры «Варяга» стреляли хорошо. Загорелся и вышел из боя броненосный крейсер противника «Асама», с повреждениями вышел из боя крейсер «Такачихо». На «Варяга» в торпедную атаку ринулись два миноносца. После нескольких встречных залпов один миноносец начал тонуть,

второй поспешил вернуться к эскадре. Вспыхнули пожары ещё на нескольких кораблях врага.

В песне о «Варяге» поётся, что корабль во время боя стал «подобен кромешному аду». Это не поэтическое преувеличение. Если «Варяг» за час боя выпустил 1105 снарядов по нескольким кораблям, то сколько же снарядов выпустили 14 японских кораблей по русскому крейсеру? На «Варяге» начались пожары, хлынула вода в подводные пробоины. Одно за другим выходили из строя орудия. Разнёсся слух, что убит Руднев. Командир был ранен осколком снаряда в голову. В залитом кровью мундире, без фуражки, Руднев вбежал на мостик и крикнул:

– Братцы! Я жив! Целься вернее!..

Несмотря на то, что аварийные команды работали героически – тушили пожары, подвели пластырь на пробоины, – вести бой было уже невозможно: корабль почти потерял управление, из больших орудий годных было только два, из средних – пять, все 47-миллиметровые были подбиты. Руднев принял решение вернуться в порт. Он надеялся исправить крупные повреждения и снова идти на прорыв. Пустив вперёд канонерскую лодку, «Варяг» шёл в Чемульпо, отбиваясь от двух крейсеров-преследователей.

В порту подсчитали потери: 34 убитых, 188 раненых. На «Корейце» потерь не было. Выяснилось, что повреждения скоро не исправить. Иностранные крейсеры готовились уйти из бухты. Оставался один выход – уничтожить корабли.

По обычаю тех времён один командир не мог принять решение об уничтожении корабля. Это мог сделать совет офицеров. Совет офицеров обоих кораблей согласился с предложением Руднева. Сильный взрыв мог повредить другие суда. Поэтому на «Варяге» были открыты кингстоны. Шлюпки с итальянского, французского и английского крейсеров взяли русских моряков (отказали в этой помощи только американцы). Последним с крейсера, поцеловав поручни, сошёл Руднев. А предпоследним был раненый и контуженый матрос Пётр Оленик.

«Варяг» с большим креном на левый бок медленно погружался в воду.

На рейде была взорвана канонерская лодка «Кореец».

Уриу не удалось сделать подарок императору.

Подвигов, подобных подвигу «Варяга» и «Корейца», было несколько в ту войну. «Варяг» стал как бы флагманом целой эскадры, которая предпочла плену гибель в морской пучине.

Третьим кораблём непобеждённой эскадры стал миноносец «Стерегущий», которым командовал лейтенант А. С. Сергеев. 10 марта 1904 года при возвращении в Порт-Артур из разведки он был окружён двумя минными крейсерами и четырьмя

миноносцами противника. «Стерегущий» сражался до последней возможности. Он нанёс серьёзные повреждения двум кораблям, сам же потерял убитыми всех офицеров, почти всех матросов, у него были повреждены орудия, котлы, машина, руль. Японцы готовились взять «Стерегущего» на буксир и увести к себе. Тогда кочегар Осинин уничтожил сигнальные книги и флаги, а матрос Василий Новиков открыл кингстоны. Миноносец утонул. Четверых оставшихся в живых и находившихся в тяжёлом состоянии русских моряков подобрала японская шлюпка.

Ты знаешь, что 28 июля 1904 года русская эскадра пыталась прорваться из осаждённого Порт-Артура во Владивосток. Большая часть кораблей после сражения с японцами была вынуждена вернуться в Порт-Артур. Вырваться удалось только крейсеру «Новик». Он обошёл Японские острова со стороны Тихого океана и уже был у южной оконечности Сахалина, когда встретился с двумя крейсерами противника. В ожесточённом бою «Новик» был сильно повреждён, в это время подошли ещё вражеские корабли. И команда затопила свой крейсер. В память о крейсере в 1913 году название «Новик» получил эскадренный миноносец, который был лучшим эсминцем в мире, по его типу потом ещё долго строили другие эсминцы. А что означает слово «новик»? Новиками в старину называли молодых дворян, впервые записанных на военную службу.

Пятым кораблём, который погиб так же геройски, как «Варяг», был броненосец береговой обороны «Адмирал Ушаков» под командованием капитана первого ранга В. Н. Миклухо-Маклая (о нём мы уже говорили). Шестым – крейсер «Дмитрий Донской», которым командовал капитан первого ранга И. Н. Лебедев. Оба корабля были затоплены командами 15 мая 1905 года во время Цусимского сражения.

Конечно, потопление корабля своей командой – мера самая крайняя. Она, как видишь, применялась, когда все боевые возможности были исчерпаны и кораблю грозило стать кораблём чужого флота.

Непросто было морякам расставаться с родным кораблём. Страшные раны не выжимали из моряков слезинки, а тут люди плакали. Иные же не могли представить свою жизнь без корабля и умирали вместе с ним. Так погиб капитан второго ранга Владимир Алексеевич Степанов, командир минного заградителя «Енисей». Он был не просто командиром, он разработал проект этого корабля и строил его. Когда «Енисей» подорвался на мине и начал тонуть, Степанов остался на мостике.

Вернёмся, читатель, снова к «Варягу», к его экипажу и командиру. Что было с ними дальше, после заслуженных

почестей и наград? Мы знаем: русско-японская война ускорила первую русскую революцию. А бой в Чемульпо, как частица войны, ускорил созревание революционных настроений у его участников. Это было замечено властями, и экипаж «Варяга» не оставили целиком, а распределили по многим кораблям. Несколько моряков попали на броненосец «Потёмкин», они участвовали в восстании корабля, причём матрос с «Варяга» Антон Войцеховский был ближайшим помощником Вакуленчука. Старший штурман «Варяга» Евгений Андреевич Беренс во время Октябрьской революции, когда офицеры демонстративно уходили с кораблей, без раздумий встал на сторону большевиков и в открытом письме призвал офицеров флота быть вместе с народом. В 1919 году он был назначен командующим Морскими Силами Республики. А Руднев? После боя ему был пожалован чин флигель-адъютанта, он стал числиться в свите самого царя Николая II. Однако Руднев не получил корабля. Его назначили командиром строящегося броненосца «Андрей Первозванный» и 14-го флотского экипажа.

Во дворце, где флигель-адъютант Руднев обязан был дежурить, произошёл знаменательный разговор моряка с царём. «Однажды он застал царя одного. Николай, видимо, скучал. И Всеволод Фёдорович, нарушив придворный этикет, в разговоре стал задавать ему вопросы о ходе войны.

Николай махнул рукой.

– Внутри у нас назревает куда более опасное событие – революция. Вот когда к вам, господин Руднев, ворвутся в квартиру матросы 14-го экипажа и повесят вас, вот это и будет революция!

– Матросы? Меня повесят? Нет, ваше величество, я твёрдо убеждён, что со мной этого не случится…»

Сын Руднева, Николай Всеволодович, рассказывает ещё об одном разговоре отца, на этот раз с командующим Петербургским военным округом великим князем Николаем Николаевичем. Было это в октябре 1905 года, после митинга, который провели большевики в 14-м экипаже. Руднев о митинге знал, но никаких наказаний матросам не назначил.

– По-вашему, ничего особенного не случилось, господин флигель-адъютант? А прокламации? А газеты? А митинги? Это же бунт, настоящий бунт!

Руднев молчал.

– Всех этих мерзавцев перестрелять как бешеных собак! – кричал князь.

– Но ведь нельзя же расстрелять всю Россию, – ответил Руднев.

После разговора с князем Рудневу предложили уйти в отставку. Правда, его произвели при этом в контр-адмиралы. А как было не произвести, если о доблести моряка знал весь мир? Даже враги, японцы, наградили его своим высшим орденом «Восходящего солнца».

Всё же царь не мог сдержать ненависти к Рудневу, не мог простить ему сочувствия матросам. В начале 1907 года герою русско-японской войны запретили находиться в Петербурге. В деревне Мышенки под Тулой, в небольшой усадьбе, Руднев доживал свою жизнь. Всеволод Фёдорович умер 7 июля 1913 года.

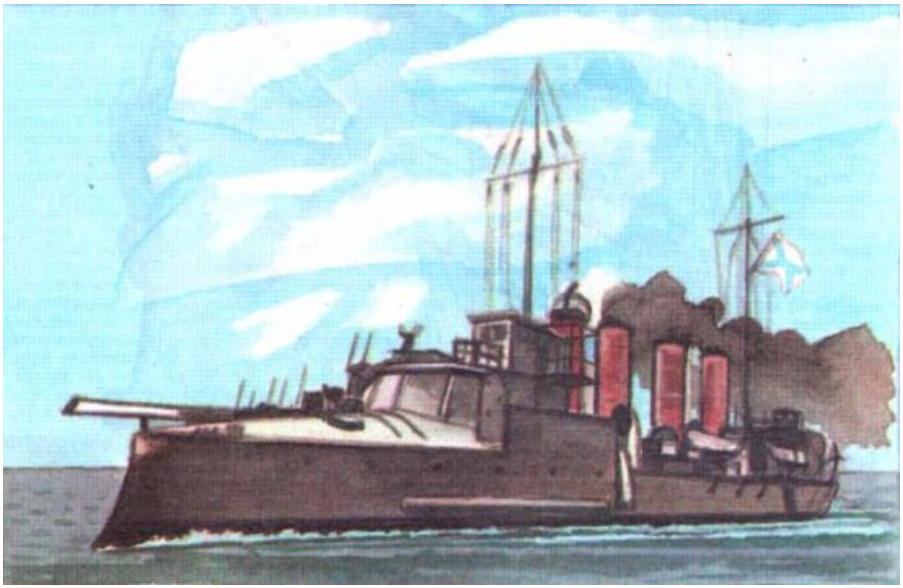
Когда Руднев был отставлен от службы, был отчислен из пажеского корпуса и его старший сын Николай. Он готовился тоже к морской службе, а стал впоследствии агрономом. Конечно, любое дело нужно, плохих профессий не бывает, но жалко, что Николай Всеволодович не стал моряком.

Рудневы вели свой род от матроса Семёна Руднева, который ещё в петровские времена, в 1696 году, отличился в боях под Азовом. С той поры мужчины Рудневы служили на флоте. И вот морская династия оборвалась…

Остаётся сказать ещё о самом «Варяге». Японцы подняли корабль, дали ему своё название – «Сойя». В 1916 году русское правительство выкупило у японцев «Варяг». Над ним снова взвился андреевский флаг, а ещё прибавился кормовой георгиевский, как на «Азове», как на «Меркурии».

В конце того же года крейсер из Владивостока пришёл в Мурманск. Корабль был в плохом состоянии. В марте 1917 года он пошёл в Англию на ремонт. В море радист принял радиограмму о свержении царя. Матросы, несмотря на сопротивление офицеров, заменили андреевский флаг корабля красным флагом.

«Варяг» стоял в Ливерпуле, англичане ремонт откладывали и откладывали. А в декабре объявили корабль собственностью военно-морского флота Великобритании. Правительству Советской Республики они ответили, что крейсер потоплен немецкой подводной лодкой и затонул в Ирландском море. На самом же деле, как выяснилось много лет спустя, «Варяг» у берегов Ирландии налетел на камни. Полузатонувший, он пролежал там до 1925 года – снять с камней его не могли и в море разрезали на металл.



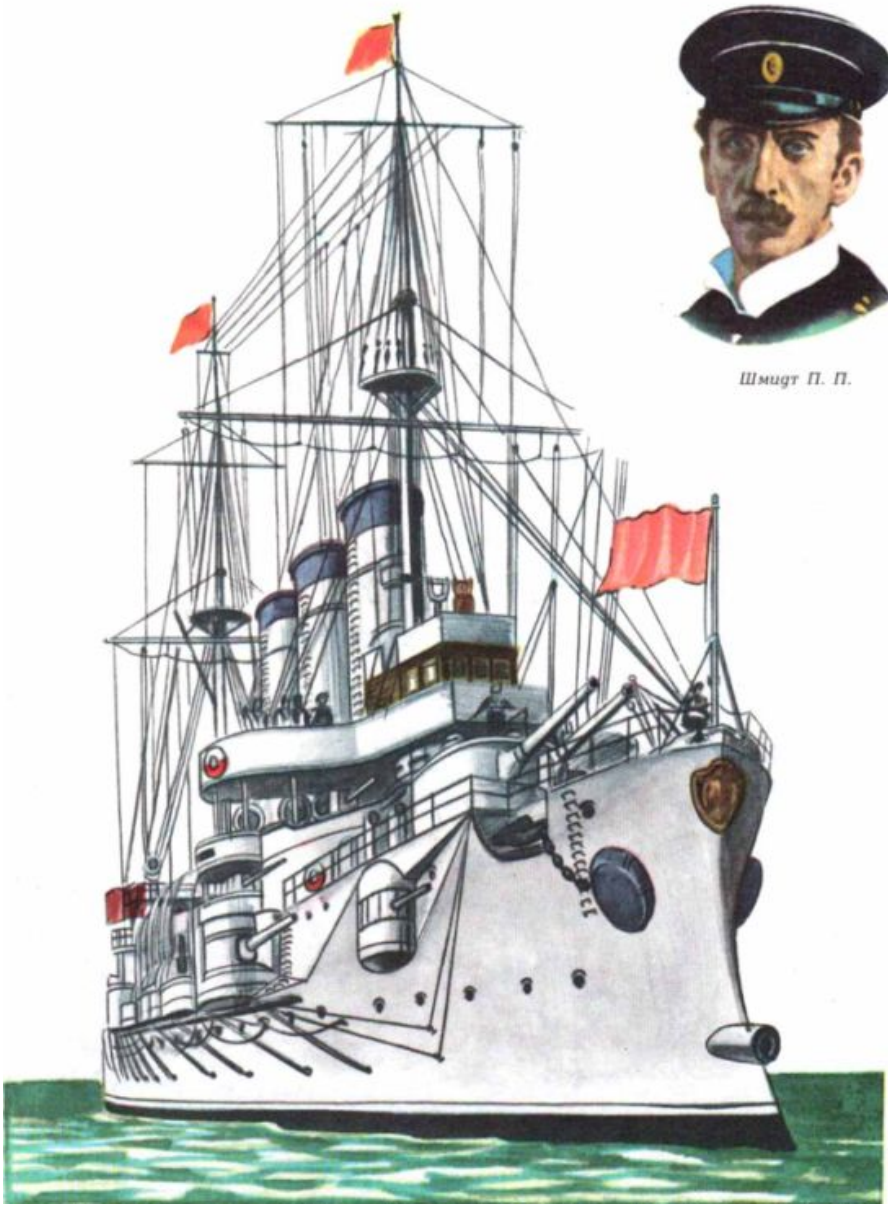
Миноносец «Стерегущий».

О НАЗВАНИЯХ КОРАБЛЕЙ

Наступали новые времена. Смена времён отражалась, как в зеркале, в названиях кораблей, в их судьбах.

Царские власти получили от румын броненосец «Князь Потёмкин Таврический» и переименовали его в «Святой Пантелеймон», будто святой мог служить царю надёжнее, чем светлейший князь. На «Пантелеймоне» была уже другая команда, и офицеров подобрали свирепее, чем были. Но осенью 1905 года во время Севастопольского восстания на «Пантелеймоне» поднялся красный флаг. Ненадолго, но всё же поднялся. В начале 1917 года, после свержения царя, броненосец получил прежнее название – «Потёмкин», а через несколько месяцев был назван «Борец за свободу». В апреле 1919 года броненосец был подорван интервентами в Севастополе.

После гражданской войны его пытались восстановить. Но разрушения оказались велики, вся машинная часть была сильно повреждена, поэтому металл корабля пошёл на переплавку.



Шмидт П. П.

Бронепалубный крейсер «Очаков.

Главной силой Севастопольского восстания был крейсер «Очаков». 13 ноября 1905 года команда крейсера восстала и присоединилась к матросам флотской дивизии. Возглавить восставших матросы предложили лейтенанту Петру Петровичу Шмидту, и он прибыл на крейсер. 15 ноября над крейсером был поднят сигнал: «Командую флотом. Шмидт». Красные флаги уже развевались над минным крейсером «Гридень», миноносцами

«Свирепый», «Заветный», «Зоркий», канонерской лодкой «Уралец» и минным транспортом «Буг». К «Очакову» примкнул броненосец «Пантелеймон».

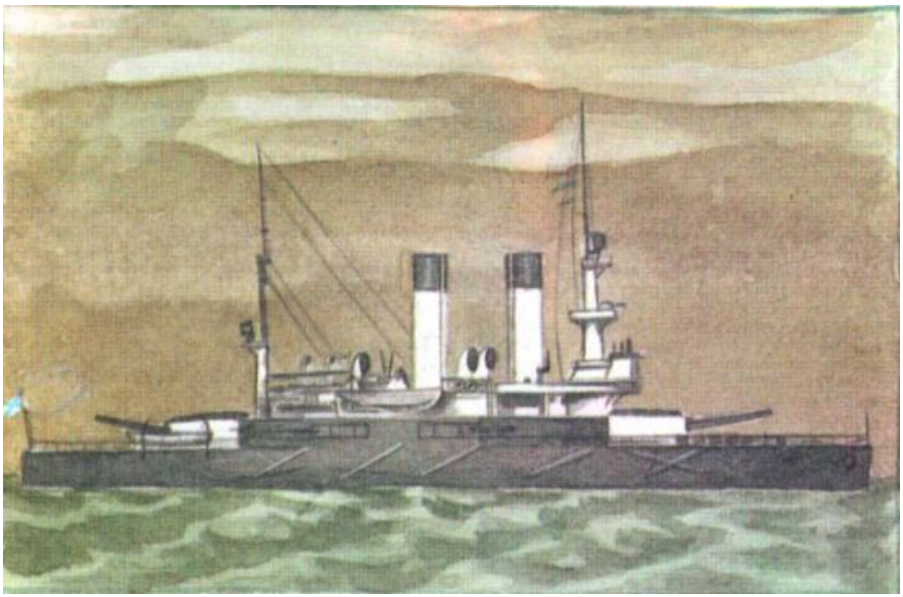
Но, к сожалению, Шмидт не проявил достаточной решимости. Силы контрреволюции были ещё сильны и сумели быстро подтянуть войска. По восставшим кораблям открыли огонь крепостная и полевая артиллерия и орудия броненосцев «Ростислав», «Память Меркурия». «Пантелеймон» спустил красный флаг. Остальные корабли приняли бой. Силы были слишком неравные. Потонул «Свирепый». На «Очакове» начался пожар. После двухчасового боя матросы покинули свои корабли, ставшие мишенями. Кто на шлюпках, кто вплавь добирались к берегу. Их расстреливали из пулемётов. Руководители восстания были арестованы.

Один из них, машинист крейсера Александр Гладков, писал из тюрьмы: «Прощайте, дорогие родители! Смерть мне не страшна, я жизнь свою посвятил для блага народа. Я знаю, за что меня расстреливают! Братец Костя! Передай всем товарищам почтение и скажи, что брат твой погиб в борьбе за свободу, за Севастопольскую революцию… Нас погибают четыре человека: лейтенант Шмидт, Антоненко, Частник и я. Расстреливать нас будут в городе Очакове, на морской батарее. Там будет моя могила…»

Крейсер «Очаков» в наказание был переименован в «Кагул». В 1917 году он получил прежнее название. В 1918 году его захватили интервенты и белогвардейцы и назвали «Генерал Корнилов». Обрати внимание: не адмирал Корнилов, а генерал, который повёл с Дона на молодую Советскую Республику белую армию и был убит. В 1920 году на крейсере бежали из Крыма врангелевцы, они отдали потом корабль интервентам – в уплату за оружие.

Как ты знаешь, особой славой освящены названия «Память Азова» и «Память Меркурия». Броненосец «Память Меркурия» стрелял по восставшим в Севастополе. А вот полуброненосный крейсер «Память Азова» стал первым революционным кораблём на Балтике. В июне 1906 года он поднял красный флаг и пошёл в Ревель (Таллин) на помощь восставшим рабочим. С ним должны были идти минные крейсеры «Абрек» и «Воевода», но офицеры посадили эти корабли на мель. В Ревельском порту корабль сразу же попал под сильный перекрёстный обстрел. Восстание было подавлено. Власти расстреляли 18 матросов во главе с их руководителем Арсением Коптюхом, остальных 270 отправили на каторгу и в арестантские роты. По приказу царя мятежный корабль «разжаловали» в учебное судно и назвали «Двина».

Прежнее название – «Память Азова» – вернулось к кораблю в 1917 году.



Броненосец «Адмирал Ушаков».

Среди многих звучных и славных названий кораблей особо выделяется «Аврора». Древние римляне звали Авророй богиню утренней зари, которая приносила свет богам и людям. Её изображали юной крылатой женщиной. В колеснице, запряжённой светлыми конями, она поднималась из океана к небу. Крейсер «Аврора» орудийным выстрелом тоже известил народы о начале светлой жизни. Конечно, в часы штурма Зимнего дворца никто не думал о красивых аналогиях, так уж получилось, что именно «Авроре» выпало произвести исторический выстрел.

Первая «Аврора» русского флота была 44-пушечным фрегатом из семейства кораблей, носивших имена мифических богинь (в него входили знаменитые «Паллада» и «Диана»). Парусная «Аврора» прославилась многими доблестями в Крымскую войну. В 1853 году она вышла с Балтики на Дальний Восток, чтобы подкрепить русские силы в Петропавловске-на-Камчатке. Огибая Южную Америку у мыса Горн, корабль попал в жестокую бурю. Для ремонта и пополнения запасов «Аврора» подошла к небольшому городку Кальяо. В его гавани оказалась англо-французская эскадра. Союзники любезно встретили русский корабль. Но вскоре они получили приказ из Лондона: найти и уничтожить фрегат «Аврора», фрегат «Паллада», транспорт «Двина», затем следовать на Камчатку и захватить Петропавловск. Командир фрегата капитан-лейтенант Изыльметьев вовремя

узнал об опасности, туманной ночью при полном штиле вывел корабль в море – его буксировали шлюпки. Сделано всё было так тихо и скрытно, что стоявший вблизи дозорный английский корабль не заметил исчезновения почти пленённого противника.

«Аврора» летом 1854 года, на 198-й день плавания, отдала якорь в Авачинской бухте. Вскоре к Петропавловску подошла неприятельская эскадра. Вместе с командами «Авроры» и «Двины» русских было всего 926. Они сражались так храбро, так умело, что разгромили два неприятельских десанта, уничтожив больше 400 солдат противника, и нанесли кораблям такие повреждения, что союзники едва добрались до американского берега. Пушки одного борта «Авроры» были свезены на берег, так что комендоры фрегата били по врагу и с моря и с суши, авроровцы ходили в штыковые атаки против морских пехотинцев. Французский офицер Эдмонд де Айи писал после сражения о командире Петропавловского порта генерале Василии Степановиче Завойко и Иване Николаевиче Изыльметьеве: «Они имеют право ждать, что их имена навсегда будут сохранены в летописях русского флота».

Летом 1857 года, теперь уже обогнув африканский мыс Доброй Надежды, «Аврора» вернулась в Кронштадт.

Кругосветное плавание и доблестная оборона Петропавловска – такое славное наследство вместе с именем получил в 1903 году новый балтийский крейсер. Теперь «Аврора» имела восемь 152-миллиметровых орудий, 24 75-миллиметровых, восемь 37-миллиметровых и три торпедных аппарата. Она развивала скорость до 20 узлов. «Авроре» в составе 2-й Тихоокеанской эскадры пришлось участвовать в Цусимском сражении. Вместе с крейсером «Олег» она прикрывала транспорты. Двум русским выпала доля противостоять девяти японским крейсерам. Как и команды других кораблей, авроровцы бились с храбростью и яростью. Крейсер получил много повреждений, в бортах зияли пробоины, начал гореть боезапас, корабль потерял управление. Под ожесточённым артиллерийским огнём пожар был потушен, руль исправлен. Ночью «Аврора» взяла курс на Манилу, там она была интернирована (в Кронштадт корабль вернулся на следующий год). В бою корабль потерял 104 моряка убитыми и ранеными. Был убит командир крейсера капитан первого ранга Е. Р. Егорьев. На «Авроре» сейчас хранится его портрет: оставшиеся в живых матросы вставили фотографию командира в кусок бортовой брони, прорванной снарядом, и оправили обгоревшими досками палубы.

Началась первая мировая война. «Аврора» вместе с другими кораблями несла дозорную службу в Финском заливе, обеспечивала постановку минных заграждений. В конце 1916 года

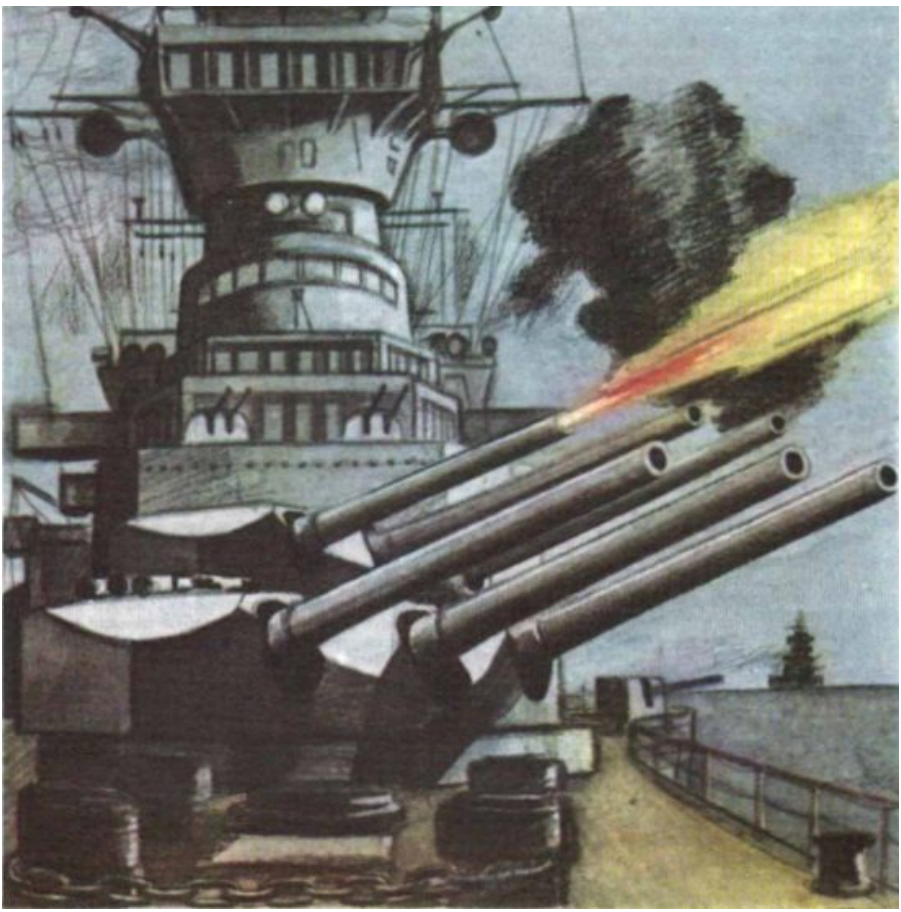
крейсер пришёл в Петроград и стал на ремонт. Красный флаг на «Авроре» был поднят 26 февраля 1917 года – матросы крейсера одними из первых на Балтийском флоте перешли на сторону революции. Близился день, когда «Авроре» было суждено произвести выстрел, известивший мир о победе Великого Октября.

ГЛАВА ШЕСТАЯ
КАПИТАНСКАЯ

Part name

Мы Россию отвоевали – у богатых для бедных, у эксплуататоров для трудящихся.

В. И. Ленин



ФЛОТ ГОТОВИТСЯ К БОЛЬШОЙ ВОЙНЕ

Сейчас, читатель, мы посмотрим, что дали наука и техника флоту после русско-японской войны, в преддверии войны мировой.

ЛИНКОРЫ

Англичане в 1906 году спустили на воду броненосный корабль «Дредноут», по-русски «Неустрашимый». Строить его англичане начали сразу после Цусимского сражения, в котором в качестве наблюдателей участвовали английские адмиралы. Пороки эскадренных броненосцев, их слабые места увидели не только они, однако они первыми создали корабль, для которого старые броненосцы были почти мишенью. За постройку дредноутов – линейных кораблей, линкоров – немедля принялись другие страны.

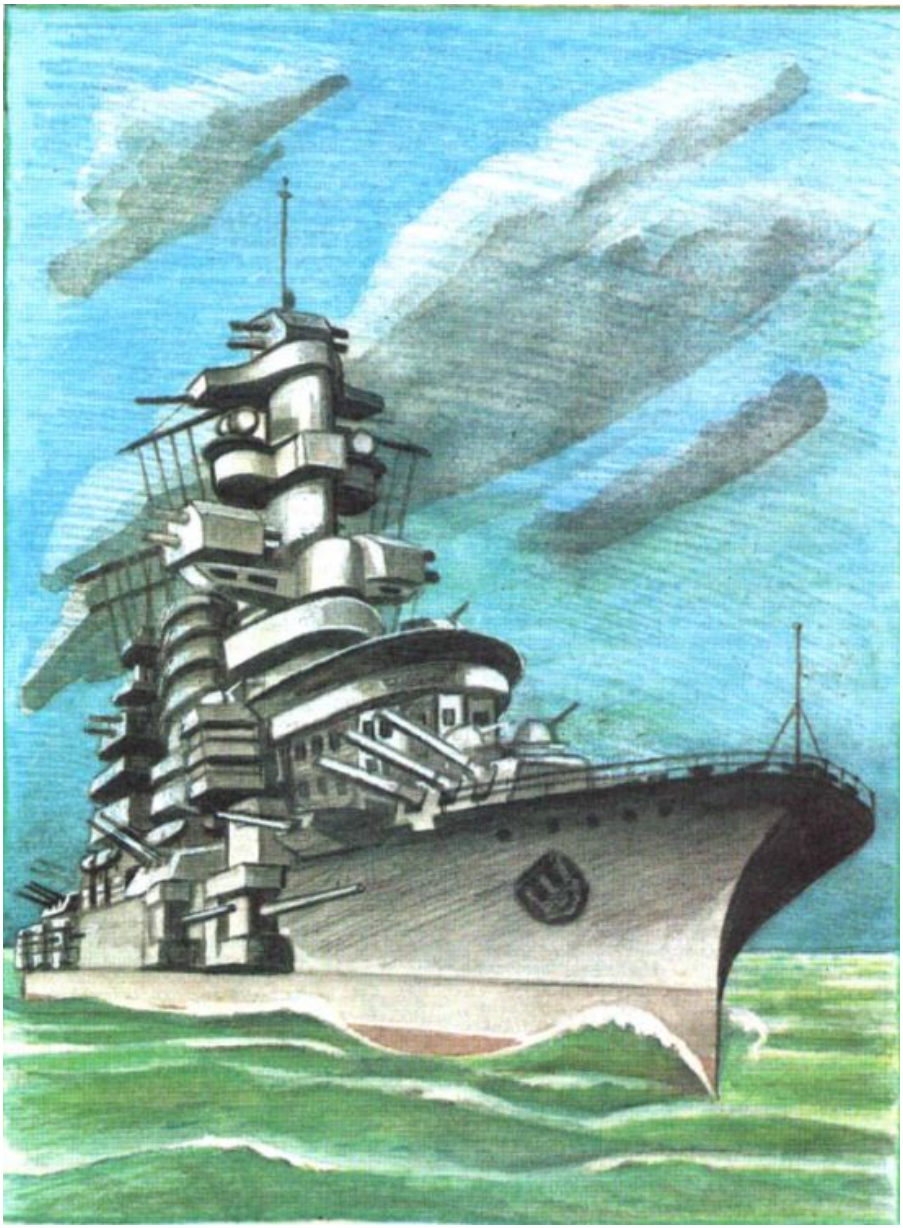
Чем же отличались линкоры от броненосцев? В морских боях русских и японцев выяснилось, что броненосцам нужны только самые мощные орудия – 305-миллиметровые и орудия калибром 75 миллиметров. Орудия среднего калибра – 152 миллиметра – не нужны. Они стреляли ближе, чем пушки главного калибра, и, по сути, не участвовали в бою, а ведь на корабле их было по 10-16 штук! Для броненосца опасны торпедные атаки эсминцев, но эсминцы имеют тонкую броню и атакуют с коротких дистанций, поэтому их можно отгонять огнём 75-миллиметровых орудий. Отказавшись от орудий среднего калибра, англичане получили возможность поставить на «Дредноуте» 10 305-миллиметровых пушек (в пяти двухорудийных башнях) и 24 75-миллиметровые пушки по бортам. На старом броненосце больших орудий было только четыре; выходит, «Дредноут» по силе огня превосходил броненосец в два с половиной раза, один заменял почти три корабля.

Вторым новшеством была мощная броня, прикрывавшая весь корабль, а не только середину, как у старых броненосцев.

Третье новшество – «Дредноут» ходил со скоростью 21 узел, подобно крейсеру. А скорость очень важна в бою. Японцы во многих случаях побеждали русские корабли именно потому, что имели преимущество в скорости и навязывали противнику позицию и дистанцию боя. «Дредноут» был кораблём-гигантом. Он имел водоизмещение почти 18 тысяч тонн. Как же такая

махина могла ходить с быстротой крейсера? Дело в том, что вместо паровых машин на нём стояли турбины – это было ещё одно новшество в кораблестроении.

В России первый линкор «Севастополь» построили в 1914 году, вскоре спустили на воду «Петропавловск», потом «Полтаву» и «Гангут». Эти корабли были сильнее «Дредноута». На «Севастополе» стояло 12 орудий калибром 305 миллиметров и 16 орудий калибром 120 миллиметров. При водоизмещении 23 тысячи тонн линкор развивал скорость свыше 23 узлов. Примерно тогда же англичане построили самый большой линейный корабль «Ворспайт» водоизмещением 30 тысяч тонн.



Линкор «Севастополь».

В парусном флоте первым помощником линейного корабля был фрегат, у эскадренного броненосца – эскадренный крейсер, а первым помощником линкоров стали линейные крейсеры; они имели не такую надёжную броню, но тоже были сильно вооружены и ходили быстро.

ПОДВОДНЫЕ ЛОДКИ

В русско-японскую войну торпеды и мины утвердили свою грозную репутацию. Это оружие совершенствовалось, совершенствовались также корабли, которые носили его. Перед первой мировой войной самым быстроходным кораблём в мире – 36 узлов – был эскадренный миноносец «Новик». На нём впервые были установлены рельсовые дорожки для крепления на них большого запаса мин в походе и быстрого сбрасывания их во время минных постановок и трёхтрубные торпедные аппараты для одновременной, залповой стрельбы торпедами. Кроме минного оружия, «Новик» имел четыре 102-миллиметровых орудия. Крошки по сравнению с линкорами (водоизмещение чуть больше тысячи тонн), эсминцы были опасны в море и принимали участие в больших сражениях.

Однако, как ни хороши эсминцы, они не могут нанести удар скрытно. Это могли делать подводные лодки. На протяжении столетий подводные суда были мечтой изобретателей в разных странах. В России первую подводную лодку построил крестьянин Ефим Никонов. В июне 1720 года её модель испытывали в Петербурге. Она хорошо погружалась, двигалась под водой и всплывала. На испытаниях был сам Пётр I. Мы знаем, что царь-флотоводец пустяка не одобрил бы. Видимо, он рассчитывал на боевое применение крестьянского изобретения, так как приказал лодку строить. Через четыре года лодка была готова. Пётр снова приехал на испытания. Но при спуске разбили днище. Пока ремонтировали, на Неве встал лёд. Испытания отложили до весны. Тут Пётр I умер. И лодка стала не нужна, сгнила в сарае, где её делали, «таясь от чужого глаза».

Много раз пытались строить лодки и позже. Но создать грозное подводное судно было невозможно, пока не изобрели хорошего двигателя внутреннего сгорания. Конечно, труды энтузиастов не пропали даром. Многие их придумки пошли в дело, служат подводникам и в наши дни. Так, перископ был ещё на лодке, построенной в 1834 году русским генералом Александром Андреевичем Шильдером. А первым применил сжатый воздух для вытеснения воды из балластных цистерн Иван Фёдорович Александровский.

В русско-японскую войну подводные лодки были уже довольно ладными кораблями. Хотя ни русским, ни японским подводникам не удалось торпедировать суда, с такой угрозой считались обе стороны. Так, японцы не рискнули атаковать Владивостокский порт надводными кораблями, они знали, что его охраняют три десятка русских подлодок.

Лодки «Сом», «Дельфин», «Касатка» – с двигателями внутреннего сгорания – построил замечательный корабельный

инженер Иван Григорьевич Бубнов. К первой мировой войне он создал подводную лодку «Барс». Лодки этого типа в подводном положении плавали со скоростью почти 10 узлов, в надводном – 18. Они имели 12 торпедных аппаратов.

Истинной гордостью русского флота стал подводный минный заградитель «Краб» – подводная лодка, которая ставила мины, не всплывая на поверхность. Такой корабль у других флотов появился лишь через несколько лет.

До чего же интересные люди изобретатели! А какие разные… Макаров – адмирал, Шильдер – генерал (он был смертельно ранен в Крымскую войну), Никонов – крестьянин, Александровский – художник-фотограф… А подводный заградитель придумал железнодорожный техник Михаил Петрович Налётов.

15 мая 1904 года у Порт-Артура на минах подорвались японские броненосцы «Хацусе» и «Яшима». После этого японцы остерегались русских мин, следили, где их ставят. Если бы было можно ставить мины скрытно, с подводного судна! Охваченный такой идеей, Налётов и его добровольные помощники в осаждённом Порт-Артуре почти построили невиданный корабль. Но крепость была сдана. Пришлось подводный заградитель уничтожить, чтобы секрет не достался японцам. Налётов и после войны думал о своём проекте. В 1908 году, соблюдая секретность, в Николаеве возобновили строительство подводного заградителя «Краб». В 1912-м он был спущен на воду. В 1915-м преподнёс первый сюрприз.

Шла первая мировая война. Противником русского флота на Чёрном море были турецкие и германские корабли. Случилось так, что нужно было перевести из Николаева в Севастополь новый линкор «Императрица Мария». На корабле ещё не стояли орудия, их должны были ставить в Севастополе. Разведка неприятеля узнала об этом. Неприятель решил атаковать беззащитный линкор на переходе. 15 июля группа кораблей во главе с германским крейсером «Бреслау» выходила из Босфора. И тут крейсер подорвался на мине, да так, что семь месяцев простоял в ремонте. Корабли вернулись в Стамбул. Турки и немцы были озадачены случившимся. Ведь мины стояли так близко к берегу, что русский корабль, ставивший их, неминуемо должен был попасть под огонь береговых батарей.

Летом следующего года русские корабли полностью закрыли минами выход из Босфора в Чёрное море. Надводные минные заградители под охраной больших кораблей на виду у турок поставили тысячи мин. Думая, что положение минных полей известно, турецкие суда выбирали, казалось, безопасные фарватеры, но подрывались. Стало очевидным, что в минных

постановках участвовал заградитель-невидимка. Так оно и было.

САМОЛЁТЫ

Время, о котором мы говорим, дало армиям два новых рода войск – бронетанковые войска и авиацию. На земле и в небе появились боевые машины. Свои танки на море уже были – чем не танки бронированные корабли? А самолётам на море предстояло ещё занять подобающее место. Тогда, пожалуй, никто и не представлял, что в недалёком будущем флот без авиации будет как без рук. Ведь первые самолёты были тихоходные, хрупкие, летали совсем недалеко.

За приобщение самолёта к морю взялся молодой инженер, выпускник Киевского политехнического института Дмитрий Павлович Григорович. Он придумал крылатую лодку – гидросамолёт. Лодки Григоровича не нуждались в аэродромах, они взлетали с воды и садились на воду. Так в самолёт вселилась морская душа. Одно было плохо – слабые моторы не пускали летающую лодку в просторы над морем. Она не могда долететь до вражеского берега, тем более вернуться оттуда.

И всё же весной 1915 года несколько летающих лодок появились над турецкими укреплениями в Босфоре. Почти семь сотен километров отделяют южный берег моря от северного. Но туркам не приходилось ломать голову, определяя национальную принадлежность самолётов – те корректировали огонь русских кораблей. Подобно тому как Макаров доставлял на большом пароходе к месту атаки минные катера, корабли доставляли из Севастополя к Босфору гидросамолёты.

Через год произошло событие ещё важнее. Русское командование, чтобы оставить неприятельский флот без топлива, решило нанести удар по Зунгулдаку – портовому городу и центру турецкой угольной промышленности. (Найди Зунгулдак на карте, он на южном берегу моря, восточнее Босфора.) В соединение кораблей, осуществлявших операцию, входили два авиатранспорта с 11 гидросамолётами, линкор «Императрица Мария», крейсер «Кагул» и два эсминца, Прибыв на место, авиатранспорты спустили на воду гидросамолёты. Те взлетели, но не только для разведки и корректировки огня – они сбросили бомбы на порт и шахты, на шахтах возник пожар, в порту был потоплен пароход.

Важность случившегося состояла пока не в разрушениях, которые авиация причинила противнику, а в том, что было положено начало кораблям-авианосцам и их тактике – действиям в бою. Не линкор и крейсер были главной ударной силой

соединения, а самолёты-бомбардировщики с авианосцем. Главная же задача линкора, крейсера и эсминцев заключалась в защите авиатранспортов от кораблей неприятеля.

Дмитрий Павлович Григорович энергично продолжал конструировать новые летающие лодки. Он создал гидросамолёт, вооружённый 37-миллиметровой пушкой, гидросамолёт-истребитель, имевший броню, а также двухмоторный гидросамолёт-торпедоносец. Торпеды, которые были оружием подводных лодок и миноносцев, стали и оружием авиации. Машины Григоровича были настолько хороши, что по русским чертежам их стали делать союзники России, в том числе американцы.

О храбрости и находчивости моряков мы с тобой, читатель, говорили много. Новые моряки – лётчики рождавшейся морской авиации – с самого начала показали себя достойными воинами. В книге «Рассказы о боевых кораблях», которую написал З. Перля, есть интересный эпизод:

«С кораблей русского флота было спущено на воду несколько гидросамолётов; они вылетели в разведку над турецкой территорией. Вскоре вернулись все машины, кроме одной. Решили, что невернувшийся самолёт сбит противником. Поэтому корабли ушли в Севастополь.

Прошло несколько дней. С борта русского миноносца, крейсировавшего у крымского побережья, заметили небольшую шхуну, шедшую курсом на Севастополь. Велика была радость наших моряков, когда выяснилось, что команда шхуны состоит из членов экипажа русского гидросамолёта, считавшегося погибшим.

Оказалось, что гидросамолёт (командиром его был лётчик лейтенант Сергеев, а наблюдателем – унтер-офицер Тур) действительно был обстрелян турками, пули пробили бак с горючим, почти весь бензин вытек, и пришлось садиться на воду под берегом настолько далеко от русских кораблей, что их сигнальщики не заметили этого.

Вскоре турки обнаружили гидросамолёт и поняли, что машина лишена подвижности, а это верная добыча. Чтобы захватить русский гидросамолёт, турецкое командование послало военную шхуну.

Сергеев и Тур отлично знали технику своего оружия и поэтому нашли путь к победе.

Горючего не хватило для продолжения полёта, но остатков его было достаточно, чтобы дать ход гидросамолёту по воде. Турки на шхуне, не ожидавшие сколько-нибудь серьёзного сопротивления, не поверили своим глазам, когда увидели, что русский гидросамолёт пришёл в движение, завертелся его винт;

крылатая лодка, набирая скорость, двинулась им навстречу, в стремительную лобовую атаку. Ещё несколько минут, и уже на короткой дистанции заговорил её пулемёт. Меткие пулемётные очереди навели панику на не ждавшую такой встречи команду шхуны. Турки стали уходить. Но Сергееву и Туру этого было мало. Они стали нагонять вражеский корабль, продолжая осыпать его пулями. Турки не выдержали, спустили шлюпку и удрали к берегу, оставив шхуну русским лётчикам. Сергеев и Тур сняли с гидросамолёта все ценные части, приборы, оружие, затем уничтожили свою машину.

Славные моряки-лётчики на время превратились в матросов, подняли паруса на своём трофейном корабле и успешно довели его до родных берегов».

…Итак, после русско-японской войны на флоте было множество изменений. Но главное, чем обогатился флот, – это линкоры, подводные лодки, авиация.

Бой русского гидросамолёта с турецкой шхуной.

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

Владимир Ильич Ленин называл Японию, Германию и США молодыми хищниками. (В отличие от старых – Англии, Франции.) Клыки у молодых хищников выросли крепкие, но колонии имели свирепых и тоже клыкастых хозяев. Отнять какую-либо землю, какой-либо остров или порт можно было только в драке.

Япония свою долю вырвала – ей стали принадлежать Маньчжурия, Корея, Ляодунский полуостров и южная половина русского острова Сахалин. После этого не прошло и десяти лет, как окреп новый молодой хищник – Германия. Наиболее острые противоречия возникли между Германией и Великобританией, интересы которых сталкивались во многих районах земного шара, особенно в Африке, Восточной Азии и на Ближнем Востоке, куда германский империализм пытался распространить своё влияние.

Вот война России с Японией не переросла в мировую. А война Германии с Англией сразу стала мировой. Почему так?

Русско-японская война шла очень далеко – за тысячи миль от других главных капиталистических стран, на самом краю земли. Воевали хотя и сильные державы, но второстепенные. Их интересы не выходили за рамки Дальнего Востока и сходились в Китае. А тут боевые действия вспыхнули в середине Европы и между самыми могущественными державами, каждая из которых в своей политике вела группу государств. Каждая из групп создала коалицию (временный военно-политический союз) капиталистических государств, интересы которых охватили практически все районы земного шара.

Война мировая, всеобщая была нужна капиталистам ещё и потому, что во всех развитых странах нарастало революционное движение, а в странах отсталых – движение национально-освободительное. Мы с тобой говорили, что поражение в войне несправедливой ускоряет революцию, а победа замедляет её. Естественно, каждый из участников начавшейся мировой войны рассчитывал победить и тем нанести в своей стране удар революционному движению.

КТО И ЧТО ХОТЕЛ ЗАХВАТИТЬ

Посмотрим, какие цели в войне ставил каждый из её основных участников. Сначала возьмём Германию и страны, которые были в союзе с ней.

Германия намеревалась разгромить своего главного соперника – Англию, отнять её колонии. Заодно разбить

Францию, Бельгию, Голландию и отнять их колонии. У России немцы намеревались взять Польшу, Украину и Прибалтику. Ничего себе аппетит!

Австро-Венгрия намеревалась захватить на Балканах Сербию, Герцеговину и Боснию с целью утвердить своё господство в этом районе.

Турция намеревалась приобрести российское Закавказье.

Болгария хотела получить Македонию и часть Сербии.

Теперь возьмём страны Антанты[4] – союз противников германского блока.

Англия намеревалась разбить Германию, низвести её до рядовой державы и тем обезопасить свои колониальные владения на будущее. При этом она рассчитывала взять германские колонии в Африке, а у Турции забрать Месопотамию и Палестину и закрепиться получше в Египте.

Франция хотела вернуть отнятые Германией пограничные области Эльзас и Лотарингию, прихватить Саарскую область, богатую углём, взять часть африканских колоний немцев.

Россия намеревалась приобрести Галицию и отнять у турок Константинополь с проливами Босфор и Дарданеллы.

Япония, пока европейские державы дерутся между собой, хотела продолжить захваты в Китае и взять германские колонии на Дальнем Востоке.

Италия намеревалась захватить территории на Балканском полуострове.

Особые цели были у Соединённых Штатов Америки. Война началась в 1914 году, но США вступили в неё только в 1917-м. До этого американцы произвели огромное количество оружия и выгодно продали его обеим сторонам, чтобы противники вышли из войны изнурёнными и немощными. По расчётам американских миллиардеров, наступило время, когда можно было сделать широкий шаг в мировое господство.

ХОД БОЛЬШОЙ ВОЙНЫ

У капиталистов всё было готово, чтобы начать войну. Не было только одного – подходящего повода. Но вот летом 1914 года сербские террористы в городе Сараеве убили наследника австро-венгерского престола Франца Фердинанда. Австро-Венгрия предъявила Сербии ультиматум, заведомо зная, что выполнить его невозможно. Ну а коли ультиматум не выполнен, в самый раз пустить в дело оружие. 28 июля австрийские войска напали на Сербию. И снежный ком покатился с горы: 1 августа Германия объявила войну России, а 3 августа – Франции и Бельгии. Англия

объявила войну немцам 4 августа. 23 августа против Германии выступила Япония. 29 октября начала воевать Турция… Поскольку первая мировая война длилась четыре года, успели ввязаться в неё и многие другие страны.

Зная карту Европы, ты легко представишь, где развернулись боевые действия. Образовались три, как говорят, сухопутных театра военных действий: Западноевропейский, Восточноевропейский и Азиатско-Турецкий. Боевые действия происходили на Северном, Средиземном, Балтийском и Чёрном морях, начались действия и на океанских коммуникациях в Атлантике.

Интересное дело: никто из участников войны не предполагал, что она будет длиться годы. Все рассчитывали закончить её быстро. Особенно быстро надеялись разгромить противника – сначала Францию, потом Россию – немцы, до «осеннего листопада», за 8-10 недель.

Немцам не удалось в намеченные сроки завоевать Францию. Когда французским и английским войскам приходилось туго, с востока на войска Германии и Австро-Венгрии усиливали давление русские армии. Немцы были вынуждены перебрасывать на восток подкрепления, снимая дивизии с Западного фронта. Ни на Западном, ни на Восточном фронтах сильных ударов у немцев не получалось. Германское командование решило после этого основные усилия сосредоточить на востоке и вывести из войны Россию, а уж после взяться за Францию. Немцы сильно потеснили русских. Но главного замысла – окружить и уничтожить русские армии в Польше – они не осуществили. Армии, хотя и отошли в Прибалтике и в Галиции, сохранили свою силу.

Германский генеральный штаб снова изменил тактику.

Опять немцы как бы вернулись к началу войны – всерьёз взялись за Францию. В феврале 1916 года они предприняли мощное наступление на Верденский укреплённый район, прикрывавший Париж. И опять французам помогли русские, начав наступление на северном крыле своего фронта.

Положение под Верденом всё же оставалось опасным. И летом французы и англичане на своём фронте, а русские на своём почти одновременно большими силами повели наступление, чтобы заставить немцев снять войска из-под Вердена. Русское наступление отлично удалось. Париж был спасён.

ЮТЛАНДСКОЕ СРАЖЕНИЕ

В 1916 году, так богатом военными событиями, произошло и самое крупное морское сражение. В Северном море, недалеко от

Ютландского полуострова, встретились главные силы флотов Англии и Германии. Мысль о нём принадлежала немецкому адмиралу Шееру, хотя всё получилось не так, как он рассчитывал.

С самого начала войны германский флот – его крейсеры, миноносцы и особенно подводные лодки – начал действовать на путях сообщений Англии с колониями. Ты знаешь, как эта страна зависит от всего привозного. Немецкие корабли подходили и к Британским островам, они обстреливали прибрежные города, ставили мины у выходов из баз и портов. Но заметного успеха ни одна сторона такими действиями не добилась. Тогда-то адмирал Шеер и решил выйти со своим флотом в море, остановить его в определённой точке, выслать затем эскадру, чтобы та раздразнила англичан, ложным отступлением заставила бы противника пуститься в погоню и навела его на главные силы немецкого флота. Так Шеер намеревался уничтожить основные морские силы Англии.

Сражение происходило 18 и 19 мая. А за десять дней до этого – заблаговременно – к английским базам Скапа-Флоу, Кромарти и Розайт Шеер послал 11 подводных лодок. Главные силы английского флота стояли в этих базах, и подводные лодки должны были, во-первых, известить своего адмирала о выходе кораблей противника в море и, во-вторых, нанести по ним первый удар.

План Шеера был прост и хорош: может быть, он и осуществился бы, но на войне бывает много «но» – английские разведчики-радисты перехватили приказ Шеера с датой выхода немецкого флота, а подводные лодки проглядели выход флота английского. И получилось так, что уже английский адмирал Джелико как бы отнял у Шеера его план и присвоил. Джелико, зная, что противник выходит в море со всем флотом, тоже вышел, но не с эскадрой, а со всем флотом – более сильным, чем немецкий. У англичан было 28 линкоров-дредноутов, 9 линейных крейсеров, 8 броненосных крейсеров, 26 лёгких крейсеров и 79 эсминцев. У немцев – линкоров-дредноутов 16, старых линкоров (эскадренных броненосцев) 6, линейных крейсеров 5, лёгких крейсеров 11 и эсминцев 61.

Шеер ещё не догадывался, что ему готовится ловушка его собственной конструкции.

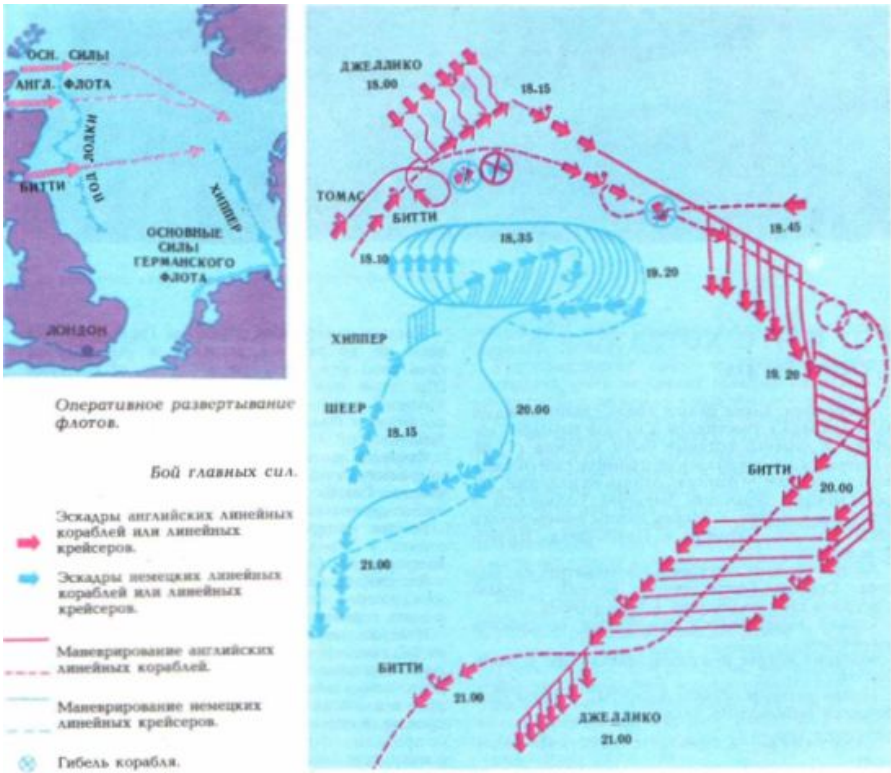
Джелико послал свою приманку – авангардную эскадру адмирала Битти к Ютландскому полуострову, а с главными силами намеревался занять позицию в 70 милях западнее авангарда. Было это 18 мая. На рассвете того же дня вышло в море и авангардное соединение немцев – их приманка – под командованием адмирала Хиппера.

После полудня оба авангарда увидели друг друга. Английская эскадра оказалась гораздо сильнее немецкой. У Битти было 4 мощных линкора, 6 линейных крейсеров да ещё лёгкие крейсеры и эсминцы, а у Хиппера – всего 5 линейных крейсеров, лёгкие крейсеры и эсминцы. Битти решил напасть на противника, хотя, конечно, знал, что где-то поблизости находятся главные силы немцев. Да и как было не атаковать! Превосходство в 4 дредноута (помнишь, какие это грозные корабли!) давало все шансы на победу. Хиппер, увидев, что английская эскадра полным ходом движется к нему, повернул свои корабли назад, чтобы навести неприятеля, как это замышлялось, на свои главные силы.

Англичане шли быстрее. Хипперу пришлось принять бой. И тут начались свои «но» у англичан. Они плохо распределили цели между своими кораблями. По немецкому крейсеру «Дерфлингеру» никто не стрелял, и его артиллеристы спокойно, без помех делали своё дело. К тому же у немцев меньше времени ушло на пристрелку. В результате они за полчаса потопили два линейных крейсера англичан. Эсминцы обеих сторон долго не могли сблизиться с большими кораблями для торпедного удара. Всё же один английский эсминец изловчился и, выпустив три торпеды, потопил немецкий миноносец и повредил линейный крейсер.

Возможно, что Битти всё же воспользовался бы своим превосходством в силах, но на горизонте показался весь флот немцев. Тут уж Битти пришлось повернуть корабли, завлекая неприятеля к своим главным силам.

Шеер всё ещё не знал, что главные силы англичан находятся поблизости. Он только видел, что английская эскадра убегает от него, что его план почти осуществился – надо только настичь беглецов. Немецкий флот, в котором голову кильватерной колонны заняли корабли Хиппера, со всей возможной скоростью пустился за эскадрой Битги.



Ютландское сражение. Май 1916 года.

Теперь нам нужно обратиться к схеме Ютландского сражения. Не правда ли, она просто красива! Это искусство – вычертить точную, ясную и красивую схему. У левого края синими стрелками, похожими на бумажных голубей, обозначено движение немецкого флота – впереди Хиппер, за ним Шеер. Ориентируйся при чтении на время, которое указано в самых напряжённых точках схемы. Флот Германии начал преследование в 18.15, время указано гринвичское.

Ровно в 18 часов главные силы английского флота – их принято называть Гранд-Флит – подошли к району сражения. Шли они шестью параллельными колоннами – по четыре мощных линкора в каждой. По сторонам держались эсминцы, охраняя тяжёлые корабли от подводных лодок. Через 10 минут в ту же точку пришла эскадра Битти. Линкоры этой эскадры, которыми командовал адмирал Томас, присоединились к другим линкорам, а крейсеры заняли место в голове флота (движение крейсеров обозначено пунктиром). Несколько раньше этого момента у англичан случилось новое «но». Штурман флагманского корабля неверно определил положение своего флота. Из-за этого главные силы не успели в нужный момент перестроиться из шести колонн

в одну кильватерную колонну. Если бы перестроение было сделано вовремя, то голова немецкого флота попала под огонь 28 линейных кораблей. Представляешь, залпы какой силы обрушились бы на неприятеля! Вот когда сработала бы ловушка. А так получилось, что правая колонна дредноутов загородила собой неприятельские корабли.

Шеер увидел наконец весь Гранд-Флит. Он принял благоразумное решение мгновенно – приказал уходить своему флоту восвояси. На схеме ты видишь овал с линиями, напоминающими меридианы, – это выход немецких кораблей из сражения. Отряд крейсеров Хиппера повернул раньше (стрелки по диагонали) и на меньшем пространстве, а Шееру с тяжёлыми кораблями пространство потребовалось куда большее. И главные силы флотов, как говорят, вошли в боевое соприкосновение. Чтобы прикрыть поворот флота, немецкие эсминцы при поддержке крейсеров атаковали англичан торпедами, а после поставили дымовую завесу. Артиллерийский бой флотов длился всего 12 минут. Скрытые дымовой завесой и наступавшими сумерками немцы оторвались от англичан. Шеер и Джелико потеряли друг друга.

Английский адмирал не хотел упустить неприятеля – когда ещё будет возможность отомстить за разбой на морских дорогах? Джелико приказал флоту идти на юг, затем на юго-запад, чтобы отрезать немцев от баз и на рассвете возобновить сражение. А Шеер в это время только и думал, как бы скорее укрыться в своих базах под защитой минных заграждений и береговых батарей. Немецкий флот спешил к ним кратчайшим путём – шёл на юго-восток. И получилось так, что две огромные массы кораблей около полуночи чуть не столкнулись друг с другом. Иди Джелико несколько тише или Шеер несколько быстрее – и свалка флотов была бы неизбежной. А так корабли немцев прошли, как говорят, за кормой, то есть позади Гранд-Флита.

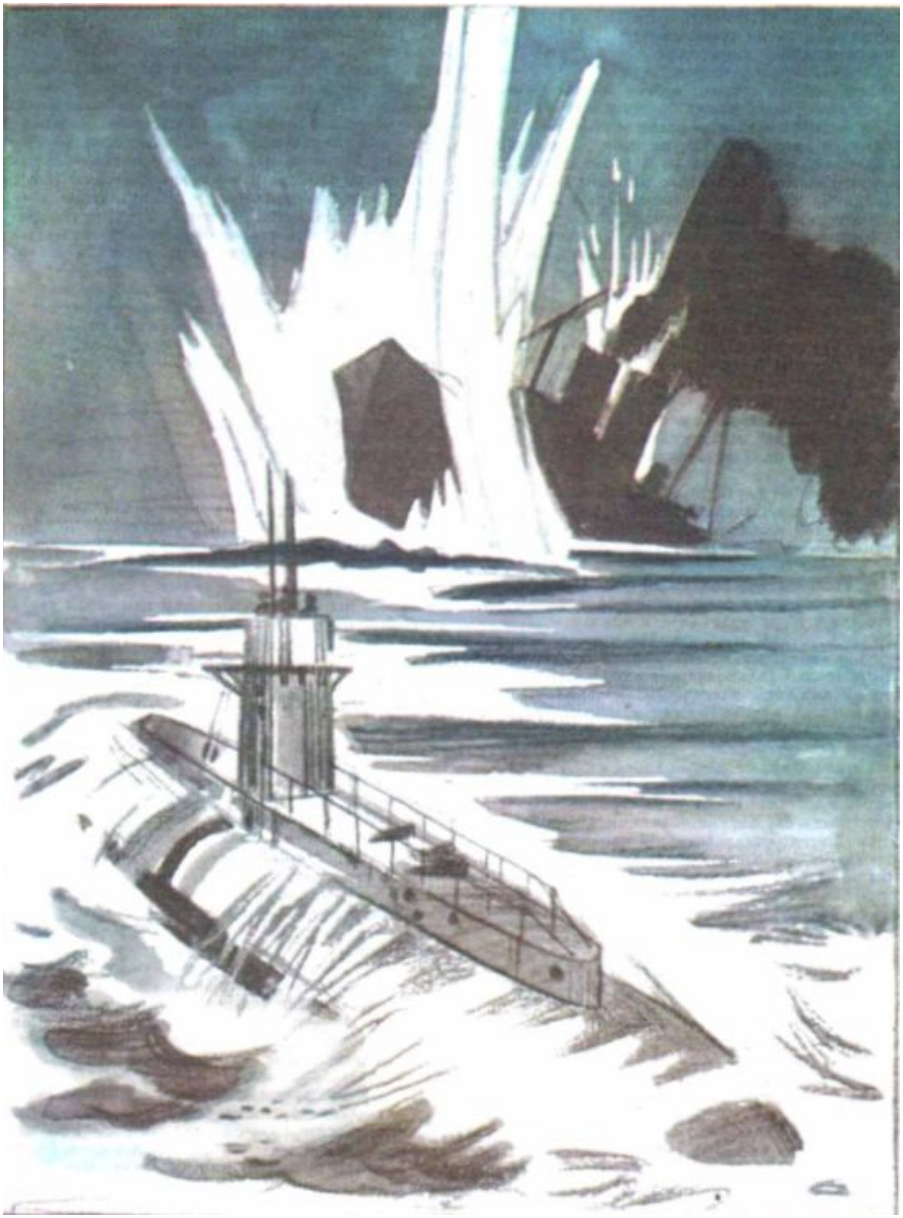
Сзади тяжёлых английских кораблей шли прикрывающие миноносцы. В их-то порядок и врезались немцы. Миноносцы произвели торпедную атаку, потопили лёгкий крейсер немцев, но и немцы потопили 4 английских миноносца. Атака миноносцев нарушила строй немецкого флота. В замешательстве немецкий линкор протаранил и потопил свой же крейсер. Джелико слишком поздно понял, какие события происходят в хвосте его флота, и не успел – второй раз за сражение – воспользоваться благоприятной возможностью.

Утром 19 мая немецкий флот прорвался в свою базу. Ушли в свои базы и англичане. Немцы потеряли линкор, линейный крейсер, 4 лёгких крейсера и 5 эсминцев. Англичане – 3

линейных крейсера, 3 броненосных крейсера и 8 эсминцев.

Историки отмечают «нерешительный характер» Ютландского сражения. Создаётся впечатление, что оба адмирала больше заботились о сохранении своих кораблей, чем о нанесении вреда чужим кораблям. (Особенно Шеер.) Это подтверждается тем, что артиллерийский бой и торпедные атаки противники вели с больших дистанций, на сближение не шли. Страдала, конечно, от этого меткость. Англичане из 4598 выпущенных снарядов попали только сотней, немцы – из 3597 попали 120. Торпедами было потоплено 8 кораблей. Из 74 английских торпед в цель попали 5, а из 109 немецких – только 3.

После Ютландского сражения немецкое командование больше уже не пыталось уничтожить английский флот. Мирясь с его существованием, оно развернуло подводную войну против торгового судоходства. Только за три месяца 46 немецких подводных лодок потопили 1012 торговых судов. Англичане стали собирать свои суда в караваны. На их охрану, проводку отряжались лёгкие крейсеры, эсминцы и тральщики. В местах, где было вероятным нападение лодок, несли дежурство катера-охотники с глубинными бомбами и авиация. Эти меры оказались хорошими. В 1917 – 1918 годах союзники провели в Северном море и в Атлантическом океане почти 25 тысяч судов. Немцам удалось потопить лишь 201.



Подводная лодка торпедирует транспорт.

СТРАШНЫЕ ИТОГИ ВОЙНЫ

И на суше и на море всё яснее вырисовывались признаки поражения Германии и её союзников. Их людские резервы и экономические ресурсы истощились раньше, чем резервы и ресурсы Антанты. Первая мировая война заканчивалась. 29 сентября 1918 года Болгария подписала перемирие с Антантой, 30 октября – Турция, 3 ноября – Австро-Венгрия, 11 ноября

сложили оружие войска Германии.

Наступил мир. Историки заносили на страницы человеческой летописи страшные цифры.

За время войны воюющие страны произвели:

276 миллионов винтовок,

свыше 1 миллиона пулемётов,

152 тысячи орудий,

182 тысячи самолётов,

около 10 тысяч танков,

несколько тысяч кораблей,

более миллиарда снарядов,

47,7 миллиарда патронов.

Почти всё это сгорело в огне войны. Сколько же всё это стоило? Каких богатств лишились люди? Немецкие подводные лодки за годы войны потопили 10 линкоров. Линкор стоил столько же, сколько 400 тысяч лошадей или 500 тысяч тонн пшеницы. А 10 потопленных линкоров – это ведь 4 миллиона потопленных лошадей или 5 миллионов тонн уничтоженного зерна!..

В армиях воюющих стран было 70 миллионов человек. Сколько всякого добра сделали бы эти люди, если бы оставили их у станков или на пашне!

Погибло на войне 10 миллионов человек, и 20 миллионов было ранено.

Историки писали страшные цифры. А географы переделывали карты. Надо было нанести на картах новые границы и даже новые государства. Австро-Венгрии не стало. На её территории возникли три страны: Австрия, Венгрия и Чехословакия. Германия лишилась положения великой державы, а заодно колоний, они достались Англии и Франции. Франция получила также Эльзас и Лотарингию…

Переделки на картах были бы меньшими, если бы не произошло во время войны событие великой исторической важности, оно окрасило одну шестую часть суши на картах в красный цвет – Россия стала советской.

Как Россия стала советской, как победила Великая Октябрьская социалистическая революция и что для этой победы сделали моряки – об этом мы сейчас будем говорить. Но прежде ещё немного о страшных итогах войны. Тогда-то они пугали только дальновидных людей, а большинству не казались страшными. Только немногие видели тогда в этих итогах ядовитое семя, из которого вырастет вторая мировая война.

Германия по мирному договору лишалась не только колоний, ей запрещалось иметь военный флот, но вот сухопутную армию

она могла иметь. Почему в договоре были такие странные условия? Флот грозил бы Англии, Франции, США, а сухопутная армия оставлялась для нападения на Советскую Россию. Капиталисты Антанты понимали, что капиталисты Германии не смирятся с тем, что их побили да ещё и ограбили, отняли «последнее». Вот и была разрешена Германии новая агрессия, но указывалось, на кого следует напасть.

Италия и Япония, воевавшие на стороне Антанты, при дележе плодов победы получили незначительные территории. Через 20 лет, когда Германия начнёт новую мировую войну, и Япония и Италия, помня «несправедливость» Англии и Франции, выступят на стороне германских фашистов и увеличат этим их силу.

Соединённые Штаты Америки вступили в войну против Германии только в 1917 году. Многим тогда казалось, что США вмешались в схватку из-за благородных побуждений – помочь разгромить зачинщика кровопролития. К США относились как к справедливой стране, помня, что там была гражданская война северных штатов с южными, рабовладельческими, а после победы северян негры были освобождены от рабства. Но благородством тут и не пахло. Вот что по этому поводу говорил Владимир Ильич Ленин: «…действительная цель вступления Америки в войну – это подготовка к будущей войне с Японией. Американский народ всё-таки пользуется значительной свободой, и трудно предположить, чтобы он вынес принудительно воинскую повинность, создание армии для каких-либо завоевательных целей, для борьбы с Японией, например. Американцы видят на примере Европы, к чему это приводит. И вот понадобилось американским капиталистам вмешаться в эту войну, чтобы иметь предлог, скрываясь за высокими идеалами борьбы за права малых народностей, создать сильную постоянную армию».

Так ведь получилось и на самом деле. Во вторую мировую войну США и Япония ожесточённо сражались из-за преобладания на Тихом океане и в странах его бассейна.

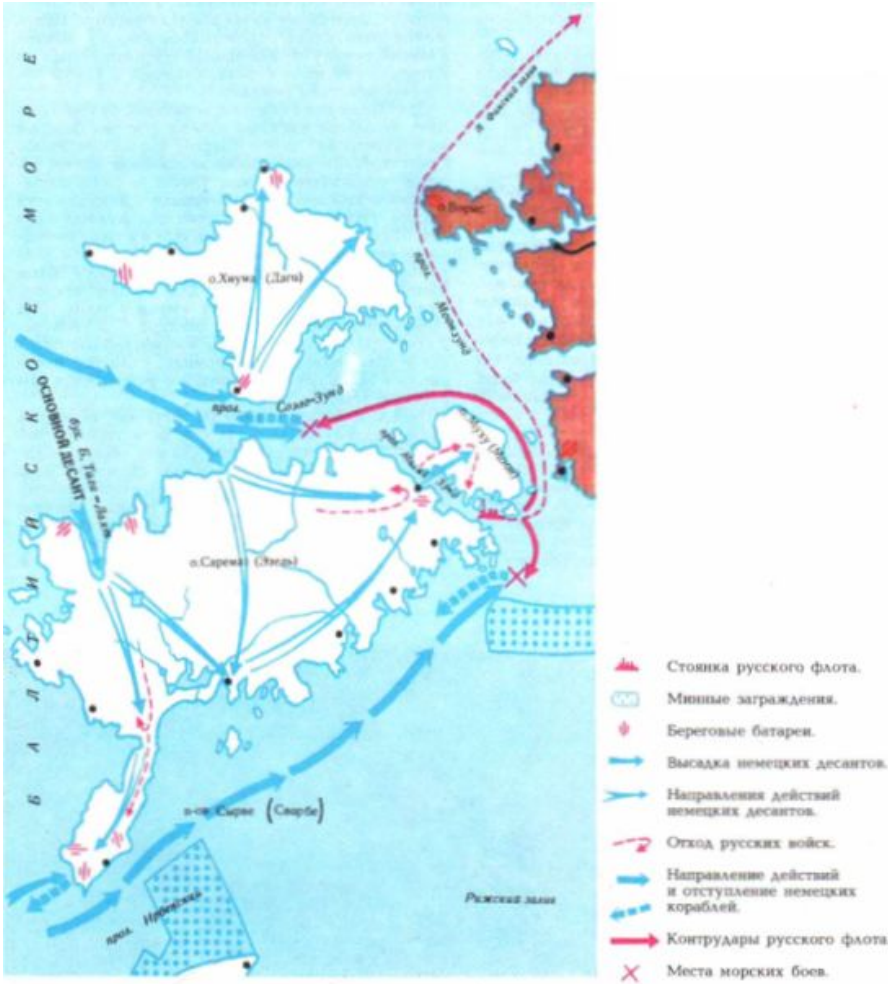
БАЛТИЙСКИЕ МОРЯКИ

О том, как действовал в первую мировую войну Черноморский флот, мы уже говорили. Ему удалось почти полностью закрыть Босфорский пролив. Немецкие крейсеры боялись выходить в море, а коммуникации противника были настолько нарушены, что турки возили каменный уголь в Стамбул не из Зунгулдака, до которого по морю всего сто миль, а из Германии.

На Балтике русский флот действовал тоже хорошо. Он искусно загородил минами входы в свои заливы, мины были поставлены и на коммуникациях противника, так что германские корабли почти всю войну активных действий на Балтийском море не вели.

Но в конце сентября 1917 года немцы предприняли крупную операцию в районе Моонзундских островов. Правительство Германии понимало, что в России вот-вот произойдёт социалистическая революция. Знало оно также, что в случае победы революции Россия выйдет из войны – большевики не делали из своих намерений секрета, наоборот, говорили всему миру, что, придя к власти, тут же покончат с войной. Не нужно быть стратегом, чтобы понять, как выгодна была революция для немцев: восточный фронт сам собой ликвидировался бы. Был немцам полный резон не мешать большевикам выиграть революционные бои. Однако они наметили крупное морское сражение, целью которого было уничтожение кораблей Рижского залива, захват островов и выход немецких войск по суше и морю к Петрограду.

Почему немцы поступали вопреки логике? Они вопреки логике не поступали. Наоборот, действовали очень логично – с классовых позиций капиталистов. Они спасали от падения Временное правительство – правительство русских капиталистов и помещиков. Мы часто говорим о пролетарской солидарности, но есть и капиталистическая солидарность; капиталисты – злейшие враги друг друга, однако в минуту опасности для капитализма объединяются и друг другу помогают. Немецкий флот собирается напасть на Моонзундские острова, туда идут больше 300 кораблей и судов – англичанам и французам самый бы раз ударить по ослабленному немецкому флоту в Северном море. Но линкоры и крейсеры союзников стоят в базах – зачем же мешать немцам в расправе с русской революцией…



Сражение революционного Балтийского флота с немецкими десантами. Осень 1917 года.

ОБОРОНА МООНЗУНДСКИХ ОСТРОВОВ

Моонзундские острова надёжно прикрывают вход в Рижский залив, и для защиты устья Финского залива они тоже важны. Самый крупный остров – Эзель (теперь Сарема), поменьше Даго (Хиума), ещё меньше Моон (Муху) и много совсем маленьких островов и островков.

Острова оборонял 12-тысячный гарнизон, 30 самолётов морской авиации, береговые батареи и флот Рижского залива: 2 старых линкора, 3 крейсера, 33 эсминца и миноносца, 3 канонерские лодки, 5 минных заградителей, 17 тральщиков, 28 сторожевых кораблей и катеров и ещё 3 подводные лодки.

Немцы же подготовили 25 тысяч десантников на 40 транспортах. А флот был такой: 10 новейших линкоров, 1 старый линкор, 9 лёгких крейсеров, 57 эсминцев и 11 миноносцев, 57 охотников за подводными лодками, 95 тральщиков, 6 подводных лодок и около 70 вспомогательных судов. С воздуха кораблям и десанту помогали 94 самолёта и 6 дирижаблей.

Огромную силу собрали немцы. Больше половины той, что была в Ютландском сражении, где решалась участь двух крупнейших флотов мира. А во сколько раз флот немцев превосходит силы русских? И сказать трудно. 11 линкоров и 2 – что тут говорить?

29 сентября рано утром 7 линейных кораблей противника подошли к бухте Тага-Лахт и начали обстрел русских батарей. По числу линкоров было видно, что именно в этом месте на Эзель готовится высадка десанта. Превосходство в артиллерии у немцев было подавляющим. Русские батареи были разбиты. Хотя два линкора подорвались на минах и ушли с повреждениями, а один транспорт потонул, противник начал высадку десанта. Положение защитников осложнилось тем, что командующий сухопутной обороной островов бежал на материк – не из-за страха, конечно, а чтобы облегчить действия немцам.

Одновременно с обстрелом батарей бухты Тага-Лахт немецкие линкоры начали обстрел батарей на полуострове Сворбе (Сырве), что на юге Эзеля. Сразу понятно, какое важное значение имеют батареи, установленные там. Почти по всей ширине Ирбенский пролив заминирован. Для судов есть только узкий проход – прямо под дулами орудий. Но батареи, атакованные ещё и с тыла немецкими десантниками, высадившимися в Тага-Лахте, были потеряны. Путь в Рижский залив в обход минных заграждений был для немцев открыт, 3 октября немецкие корабли вошли в залив, а на следующий день немецкая эскадра – 2 линкора, 2 крейсера, авиатранспорт и множество миноносцев и тральщиков – предприняла попытку прорваться в Моонзундский пролив и уничтожить там русскую эскадру.

Немцы и до этого дважды пытались захватить Моонзундские острова. И оба раза терпели неудачу. Главной помехой был для них линкор «Слава». Кайзер Германии Вильгельм II, чтобы подзадорить немецких моряков, объявил этот корабль своим «личным врагом». Принц Генрих в приказе на вторую операцию писал: «Уничтожению «Славы» придаю моральное значение». Потопить «Славу» пытались линкоры – артогнём, эсминцы и подводные лодки – торпедами, самолёты – бомбами, но русский корабль топил вражеские корабли, разгонял их по морю своими

тяжёлыми снарядами и продолжал мужественную, трудную жизнь. Четыре 305-миллиметровых орудия «Славы» стреляли ближе, чем орудия новых линкоров противника, приходилось «Славе» затоплять отсеки одного борта, корабль тогда накренялся, угол возвышения орудий увеличивался, увеличивалась и их дальнобойность. Но как при этом ухудшалась манёвренность корабля! Чтобы повернуть, приходилось перекачивать воду в отсеки противоположного борта, на это уходило время, время тревожное, когда от горизонта летели в «Славу» снаряды немецких линкоров…

«Славе» выпала честь принять на себя основной удар врага и в третий раз. Это был её последний бой.

Бой «Славы» с немецкой эскадрой.

Вражеские корабли подошли к проливу двумя колоннами: в одной – линкоры и крейсеры, в другой – тральщики. Тяжёлые корабли остановились перед минными заграждениями, а тральщики двинулись проделывать для них проходы. В это же время на русские корабли налетела немецкая авиация. (Найди место сражения на схеме, оно обозначено крестиком.) Ближе к неприятелю – перед минными заграждениями – находились линкор «Гражданин» и крейсер «Баян». Севернее их была «Слава». Пока минные заграждения не разрушены, враг не сможет двинуться дальше, поэтому и батарея с острова Моон и три русских корабля открыли огонь по тральщикам.

Третьим залпом тральщики были накрыты. «Слава» перенесла огонь на линкоры. Её бортовые отсеки снова были затоплены, и снаряды летели далеко. Но тут появились вражеские миноносцы, их нельзя было подпустить на торпедный удар. «Слава» занялась миноносцами. Её орудия ударили так хорошо, что те бросились назад, на юг. За миноносцами отошли и другие корабли противника.

Во время стрельбы по миноносцам вышла из строя носовая башня «Славы». А немецкие корабли, перестроившись в отдалении, опять пошли в атаку. «Гражданин» всеми орудиями, а «Слава» кормовыми нанесли удар по тральщикам. Но те всё же

сделали свою работу. Линкоры неприятеля «Кёниг» и «Кронпринц» на большой скорости приблизились к русским кораблям и открыли огонь. «Кронпринц» попал двумя снарядами в «Гражданина», а «Кёниг» тремя в «Славу». Два снаряда пробили её борт ниже ватерлинии.

«Слава» сразу набрала через огромные пробоины много воды, нос её осел, так что даже канал, прорытый на фарватере специально для «Славы», оказался мелким. Двенадцать лет прожил линкор, а вернее – эскадренный броненосец «Слава», и вот наступили последние часы героического корабля. Выход оставался единственный – затопить «Славу», чтобы, и погибшая, она преграждала путь врагу на север, к Петрограду. Командир корабля Л. В. Антонов и комиссары Центробалта А. И. Тупиков и Н. Н. Зуев приказали готовить линкор к затоплению.

«Гражданин» и «Баян» прошли мимо «Славы» по ещё свободному фарватеру. Наши эскадренные миноносцы сняли с линкора команду и выпустили по кораблю несколько торпед. Корабль горел всю ночь. Всю ночь в нём происходили взрывы. Утром над водой были видны лишь верхушки надстроек.

…Немцы заняли Моонзундские острова. Но дальше они не продвинулись, не рискнули идти в Финский залив. Враг при высадке десанта и в морских боях потерял 12 эсминцев и множество тральщиков. 3 его линкора, крейсер, 13 эсминцев и несколько тральщиков получили повреждения. Попытка прорваться в Финский залив стоила бы – и немцы это поняли – ещё дороже.

Так балтийские моряки начали свою службу революции до того, как революция началась.

РАССУЖДЕНИЯ О ПОБЕДЕ

Вот мы с тобой, дорогой друг, считаем, что русский флот в Моонзундском сражении одержал победу. А какая же это победа? Острова захвачены врагом, Рижский залив тоже, и по линкорам победа у немцев: повреждения на трёх линкорах исправят, а «Слава»-то лежит на дне морском…

Близко к слову «победа» стоит слово «достижение». Часто встречается словосочетание «достигли победы». Соседство этих слов не случайно, победа всегда есть достижение чего-то, какой-то цели. И нам, рассуждая о победе в сражении, надо определить: кто достиг в нём цели, какая сторона? У немцев многие признаки победы налицо, но своей цели они не достигли, они ведь не прошли к Петрограду. У русского флота много признаков поражения, но его цель – не пустить врага к Петрограду –

достигнута, значит, он победитель.

Даже на одной яблоне вызревают разные яблоки. Победа победе тоже рознь. Как определить, хороша ли победа? Это тоже надо знать, это очень и очень важно. Из древности пришло к нам выражение «пиррова победа». Воинственный и в общем-то опытный в ратных делах царь Эпира Пирр сражался с римлянами. Римляне бежали с поля боя. Но Пирр, узнав, что его войско, как и римское, за день потеряло 15 тысяч воинов, воскликнул: «Ещё одна такая победа, и мы погибли». Полководец оказался почти беззащитным перед любым неприятелем. Вскоре Пирр проиграл сражение и сам был убит. Значит, ценность победы, её важность надо определять по тому, как она скажется на последующих событиях – военных ли, мирных ли.

С такой точки зрения посмотрим мы на победу в Моонзундском сражении. Конечно, нельзя говорить, что без неё не было бы социалистической революции – Россия огромна, революционные силы в ней были большие. Но в том развитии событий, которые произошли на деле, победа русского флота над немецким видится нам важной и очень важной – она как ладонь, прикрывшая от ветра огонёк, от которого вся огромная страна вспыхнула революционным пожаром.

Помимо свойства оказывать влияние на последующие события, у победы есть ещё важное свойство – вселять бодрость в войска. А это особенно нужно, если впереди ждут новые, более грозные сражения. Командующий сухопутной обороной островов, генерал, предал своих солдат, бежал. А матросов предали сразу четыре адмирала, тоже бежали перед сражением. Бежало много офицеров. И всё же корабли сражались не только храбро, но и умело. После сражения моряки ещё больше поверили в свои силы, в возможность одержать новую победу – уже в битве за свободу. В старой революционной песне поётся: «Смело, товарищи, в ногу! Духом окрепнем в борьбе!» Дух матросов в боях становился всё крепче и крепче.

Нам с тобой, дорогой читатель, трудно представить то время, оно было невероятно сложным. Сохранить, а тем более укрепить силу духа в сложностях того времени было непросто. Старая жизнь с её порядками, законами, привычками рушилась, а новая только зарождалась. Старую жизнь можно сравнить с огромной и безобразной грудой ржавого железа; большевик-металлург переплавлял её в сверкающую сталь. В те октябрьские дни новой стали ещё не было, и старого железа уже не было – металл был в расплавленном состоянии. Многих это пугало, многие не представляли, какого качества будет слиток. Многие боялись, как бы не разрушилась от небывалого накала сама плавильная печь,

не вытекла бы из неё расплавленная масса… Что тогда будет с людьми, с Россией?

А у печи, если продолжить сравнение, был не один большевик. Вокруг суетилось множество разных лиц, тогда было много разных партий, и каждая норовила сварить металл по своему рецепту. Эсеры, меньшевики, кадеты, монархисты и анархисты – все они наскакивали на металлурга, мешали ему работать, порочили мастера перед народом, обещали рабочим и крестьянам сделать всё лучше, чем делает он.

Сравнения сравнениями, одни они не очень-то ясны. Прибавим к ним конкретный случай. В 1917 году был построен эсминец «Изяслав». Совсем ещё новенький, он участвовал в последних боях около Моонзундских островов – на Кассарском плёсе. Во время боя с вражескими миноносцами одно орудие «Изяслава» вдруг перестало стрелять. Заряжающий стоял в обнимку со снарядом и не двигался. Наводчик выкрикивал энергичные словечки, но матрос их не слышал, он, как говорят, находился в состоянии шока – от испуга. Артиллерийский офицер, подбежавший к орудию, сразу понял, в чём дело, и стукнул заряжающего в ухо. «Лекарство» подействовало мгновенно, матрос пришёл в себя и исправно подавал снаряды.

Случилось так, что эсминец погнул винты. После того как бой закончился, ему надлежало идти на ремонт в базу у Гангута. Идти надо было одному, пересекая широкое устье Финского залива, а там сторожили одиночек и подводные лодки, и крейсеры, и самолёты противника. Весь экипаж был взволнован, однако не опасностью перехода, а другим – назревал самосуд над офицером, ударившим заряжающего. «Царская власть кончилась, а её порядки остаются! – рассуждали матросы.– Офицер был барином, барином и остался». Всё верно. Ведь бежал с «Изяслава» перед сражением командир минной дивизии; очень храбрый и умелый, он знал, что значит оставить все эсминцы на произвол судьбы. За месяц до этого матросы утопили злобного бульдога, которого держал на эсминце старший офицер – сторонник царского строя, люто ненавидевший революцию и матросов; не дожидаясь, когда и его выкинут за борг, он сам убрался с корабля.

Обстановка на эсминце всё больше накалялась. Уже пахло расправой не только над артиллерийским офицером, но и над всеми остальными. И многие из офицеров кляли себя, что не ушли с корабля, когда он готовился к выходу в море, и думали они так: «Нет, никогда матросы не простят нам принадлежности к классу господ, примирение невозможно». А ведь несколько часов назад все были дружны в опасном бою за революцию. Больше всех

страдал в те минуты от неустойчивости бытия молодой мичман Иван Исаков. Это был его первый корабль, первый бой и, могло быть, последний день жизни. У него не было в родне дворян, он поступил в Морской корпус, когда в связи с войной стали зачислять в него не только детей дворян, но и студентов. А разве есть в этом разница для матросов? Офицер!..

Мы с тобой, читатель, к этому эпизоду пришли от разговора о том, что в Моонзундском сражении окреп боевой дух балтийских моряков. Но какая же это крепость духа, когда рядовые хотят вздёрнуть на мачту своих командиров – без суда и следствия? Они даже не думают, что без офицеров просто не смогут вести корабль, тем более воевать на нём… Подожди. Дело это кончилось собранием команды, на котором матрос-большевик спросил матроса-эсера (председателя судового комитета), как бы он «лечил» заряжающего, если бы в ту злосчастную минуту оказался рядом с ним? Это ведь не шуточное дело – оставить орудие без снарядов, когда неприятель ведёт ураганный огонь. И собрание после споров и криков решило: не считать этот случай старорежимным мордобитием. Уже без происшествий «Изяслав» пришёл в базу. Правда, офицер-штурман дезертировал с эсминца при первой возможности. Но мичман Исаков остался, и другие остались, потому что почувствовали: есть на корабле и во всей меняющейся жизни сила, которая справедлива, тверда и дальновидна, – это большевики. Не пройдёт и месяца, как команда «Изяслава» – после Октябрьской революции – будет простым голосованием избирать своих командиров. Старшим офицером, на место того, что травил матросов бульдогом, она изберёт юного мичмана Ивана Степановича Исакова. А ему будет суждено стать одним из знаменитых советских адмиралов.

ЦЕНТРОБАЛТ

На «Изяславе» большевиков было мало, и всё же они вели за собой матросов, а не эсеры, не меньшевики, не анархисты. На старых же кораблях большевистские организации насчитывали сотни матросов, на линкоре «Республика» служило 520 большевиков. Большевистским был и Центробалт, хотя в него входили и представители других партий. А что такое Центробалт? Слово расшифровывается так: Центральный Комитет Балтийского флота. Он был избран моряками после Февральской революции, после того, как свергли царя. Моряки поручили комитету изжить царские порядки на флоте и контролировать действия офицеров. Авторитет Центробалта был так велик, что без его согласия корабли отказывались выполнять распоряжения

Временного правительства. В Моонзундское сражение корабли послал Центробалт. Он же пошлёт корабли и отряды моряков в Петроград для участия в Октябрьском вооружённом восстании.

Дыбенко П. Е.

Замечательного человека избрали матросы председателем комитета – матроса с линкора «Республика» Павла Дыбенко. Дыбенко на этом корабле, когда назывался он «Император Павел I», был в числе руководителей восстания. Флот знал его как очень энергичного человека, хорошего организатора. Даже сама его внешность подкупала людей. Это был красивый человек, крепкого телосложения, с мужественным лицом.

Жизнь Павла Ефимовича Дыбенко вся без остатка была отдана служению партии и народу. Сделав много для победы революции, он потом отстаивал её в боях гражданской войны – в Крыму, на Кавказе, на Волге. Три ордена Красного Знамени – вот как высоко была оценена его военная деятельность. После гражданской войны он окончил академию, командовал войсками Среднеазиатского округа. Написал книги: «Военная доктрина и эволюция армии», «Из недр царского флота к Великому Октябрю», «Мятежники». Даже если так коротко знать жизнь Павла Ефимовича, нельзя не удивиться, как не ошиблись моряки,

выбрав этого человека руководителем революционного флота.

ФЛАГИ КОРАБЛЯ

Историки, подсчитывая трофеи, взятые войсками Суворова, на первое место поставили не 2670 пушек, не 107 судов, а 609 знамён неприятеля.

Готовясь к бою с японской эскадрой, командир «Варяга» приказал стоять у флага самым храбрым матросам. Если флаг был бы сбит, они тут же должны были поднять его: нет флага – значит, корабль сдаётся.

Во все времена флаг или знамя для военного человека были святыней. Высокой доблестью считается захват вражеского знамени и бесчестием – потеря знамени своего. Если потеряно знамя, пусть это случилось в полку, в дивизии, полк, дивизия расформировываются. Но пусть вся дивизия пала в бою, а знамя спасено, и дивизия восстанавливается, снова живёт боевой жизнью.

В годы Великой Отечественной войны произошла прямо-таки ужасная вещь: за потерю знамени пришлось расформировать старейшую дивизию нашей армии, славой с которой могла сравниться разве только что 25-я Чапаевская, – 24-ю Самаро-Ульяновскую Железную дивизию. Когда было совершено покушение на Ленина, эта дивизия отчаянной атакой выбила белогвардейцев из Симбирска. Командир Гай тогда послал телеграмму: «Дорогой Владимир Ильич, взятие Вашего родного города – это ответ на Вашу одну рану, а за вторую – будет Самара». Ленин ответил: «Взятие Симбирска – моего родного города – есть самая целебная, самая лучшая повязка на мои раны. Я чувствую небывалый прилив бодрости и сил. Поздравляю красноармейцев с победой и от имени всех трудящихся благодарю за все их жертвы». Прошло несколько дней, дивизия сдержала обещание – взяла Самару.

Горько было вычёркивать такую дивизию из списков армии! Нужно было мужество, чтобы сделать это. Но иначе нельзя – знамя потеряно…

Как радостно, как счастливо нам с тобой, дорогой друг, узнать, что знамя 24-й не досталось фашистам. Дивизия была снова собрана под своим знаменем, она живёт с ним до сегодняшнего дня. Послушай, как было спасено знамя.

В первых числах августа 1941 года в село Анютино Могилёвской области ворвалась мотопехота фашистов. Трое наших бойцов, отступавших из села, залегли на улице, отстреливались из винтовок, но все трое были убиты. Старый житель села Дмитрий Николаевич Тяпин после боя стал хоронить

красноармейцев. У одного под телогрейкой оказался свёрток, в нём и было знамя дивизии.

Дмитрий Николаевич прекрасно знал, какая будет ему кара, если немцы узнают, что он спрятал знамя. Но он знал также и цену военной святыни. А смелости ему было не занимать – в первую мировую войну молодой солдат получил три Георгиевских креста. Тяпин берёг свой тайник до возвращения армии в Белоруссию. Как только выяснилось, что знамени не касались фашисты, так и собрали под него из других частей бойцов и командиров Самаро-Ульяновской Железной.

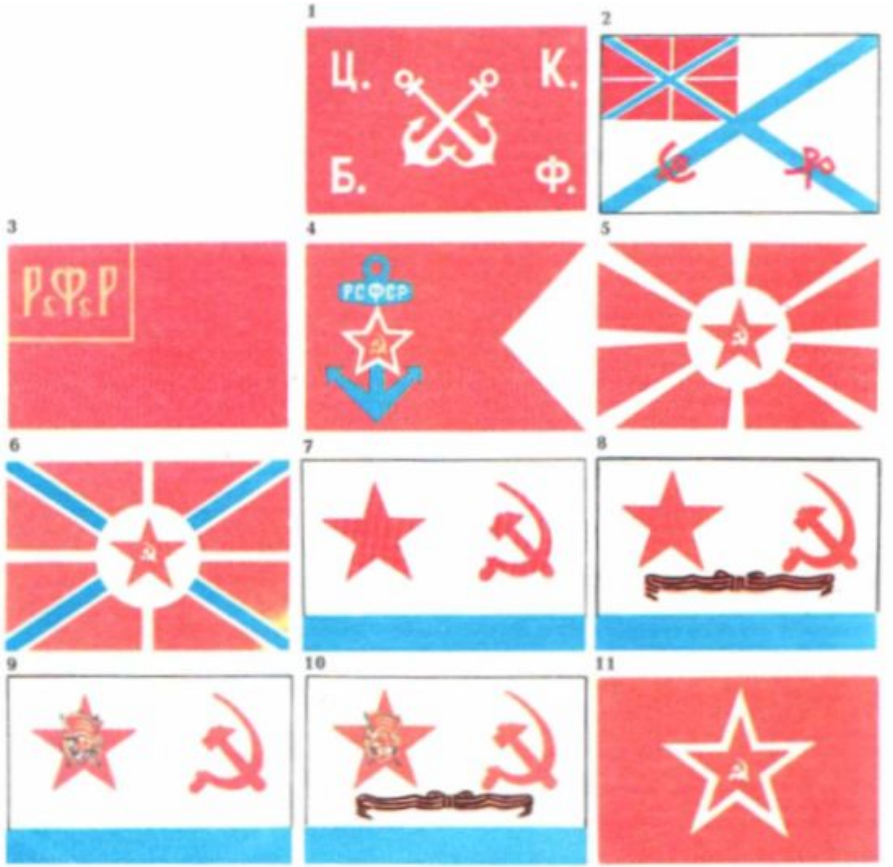
Дмитрия Николаевича наградили за спасение знамени орденом Красного Знамени (обрати внимание, самый первый советский орден называется «Красное Знамя»). Тяпин получил ещё одну награду – самую редкую: был зачислен навечно в списки одного из полков дивизии. Старый колхозник не захотел быть только почётным солдатом, захотел он быть солдатом и самым обыкновенным: попросил, чтобы самароульяновцы взяли его с собой – дивизия гнала фашистов на запад. Тяпина взяли, но всё же не простым солдатом, его назначили знамёнщиком. Вот что удивительно. Тяпину ещё раз пришлось спасать знамя. В конце 1944 года большая группа немцев прорвалась к штабу дивизии. Дмитрий Николаевич, защищая знамя, застрелил из автомата 12 фашистов. Ещё один орден Красного Знамени прибавился на мундире 65-летнего воина. Дмитрий Николаевич прожил долгую жизнь – больше 90 лет. После войны часто бывал в своей дивизии. Там и теперь в одной из рот стоит его кровать. А на вечерней поверке первой выкликается его фамилия.

Но почему так важны военные знамёна и флаги? Как пришло к ним это великое значение?

Представь себе сражение далёких времён. Сошлись два войска. Сшиблись, как две стены, навалились друг на друга. А потом смешались. И вот уже сражение распалось на отдельные бои. Летят стрелы, падают люди и лошади, звенят мечи, ломаются копья: где свои? Где враги? Где решающее место схватки? Всё это узнаёт воин, взглянув поверх голов сражающихся, – над полем боя реет стяг, он созывает к себе воинов. Около стяга самая горячая схватка. В старину вместо «готовиться к бою, строиться» говорили «ставить стяг». Дружинники клялись в верности князю: «Ты – наш князь, где узрим твой стяг, там и мы с тобой!» Подстягой назывался обряд посвящения маленького мальчика в воины. Отец-дружинник клал перед ним обнажённый меч, потом сажал сына на коня и провозил перед товарищами, завещая будущему воину боевого коня, оружие и верность стягу – знамени. Как видишь, в

древности без стяга, без знамени просто-напросто было бы труднее сражаться, потому-то ещё в древности воспитывалось уважение к знамени, почитание его святыней.

В рассказах о флоте, начиная с петровских времён, мы часто упоминали андреевский флаг – белое полотнище с голубым диагональным крестом. Начав строительство кораблей, Пётр I учредил и военно-морской флаг (сохранился рисунок вымпела, который собственноручно сделал Пётр I). А почему флаг назывался андреевским? По библейской легенде Христос посылал в разные страны своих учеников для проповеди христианства. Первым он позвал для этого дела Андрея. Поскольку Андрей был первым, получил он дополнение к имени – Первозванный. Андрею Первозванному достались земли, лежащие по берегам Чёрного моря. Русская церковь по этой причине стала считать его покровителем русской земли. К слову, первый русский орден и самый высокий назывался орденом Андрея Первозванного. Ты помнишь: многие русские корабли тоже назывались именами святых. Гвардейский флаг, вручённый «Азову», был как бы дважды святой – на андреевском полотнище красный щит с изображением Георгия Победоносца. Такая уж была эпоха…



Кончилась та эпоха. Началась новая. Ей потребовались новые флаги. Новый – красный флаг – поднялся на броненосце «Потёмкин» в 1905 году. Но это был не специальный военно-морской флаг. Близким к специальному можно считать, пожалуй, флаг Центробалта. Он был поднят в самом начале 1917 года на пароходе «Виола», где размещался Центробалт (1).

Свои особые флаги поднимают на кораблях командующие флотами, старшие и младшие флагманы – командиры эскадр и соединений. В декабре 1917 года, после Октябрьской революции, должность командующего флотом была упразднена, коллективным командующим стал военный отдел Центробалта. Он взял себе прежний флаг командующего, но добавил на полотнище красные буквы СФ и РР – свободный флот Российской Республики (2).

Официальный советский военно-морской флаг утвердил в 1918 году V Всероссийский съезд Советов (3). А до этого на кораблях были красные флаги без эмблем и надписей.

В 1920 году флаг нашего флота изменился. На нём появились

якорь и ставшая неотъемлемой эмблемой всех флагов пятиконечная звезда с серпом и молотом (4).

В 1922 году в жизни страны произошло очень важное событие – республики объединились в Союз Советских Социалистических Республик – СССР. В связи с этим военно-морской флаг снова изменился красное полотнище, на нём белое солнце с лучами, в середине солнца пятиконечная звезда (5).

Есть ещё морской флаг, который называется гюйс. Он поднимается ежедневно на носу кораблей первого и второго ранга (на линкорах, крейсерах, эсминцах, больших подводных лодках), но только если корабль не в походе, а стоит на якоре. Такой флаг поднимается и в морских крепостях. Гюйс в те годы был такой же, как дореволюционный, но в середине изображалась звезда (6).

В 1935 году был утверждён флаг, который и по сегодняшний день увенчивает советские корабли (7).

Военно-морской флаг СССР присваивается всем кораблям – большим и маленьким. При стоянке на якоре он поднимается на кормовом флагштоке, на ходу – на гафеле, на рее кормовой мачты.

У гвардейских кораблей флаг несколько иной – добавлена гвардейская оранжево-чёрная лента (8).

Корабль, награждённый орденом Красного Знамени, имеет на флаге поверх звезды изображение ордена (9).

Особо отличившийся корабль может быть и гвардейским и Краснознамённым. Оба отличия есть на его флаге (10).

Гюйс стал представлять собой красное полотнище, в середине его в белой кайме звезда с серпом и молотом (11).

Кроме флагов, корабль имеет ещё вымпел – длинный узкий флаг с косицами. Вымпел поднимается на грот-стеньге, когда корабль находится в кампании. Спускается он только при выводе корабля из кампании или во время ремонта.

Если на корабле находится должностное лицо, которому присвоен флаг или брейд-вымпел, то такой флаг или брейд-вымпел поднимается вместо обычного вымпела.

На кораблях первого и второго ранга и в соединениях других кораблей есть ещё знамённые флаги. Это Военно-Морской флаг СССР, прикреплённый к древку. Под ним моряки выходят на парады и демонстрации на берегу. Сам корабль в праздничные дни поднимает вдобавок к другим флагам флаги расцвечивания и Государственный флаг СССР.

В военное время Государственный флаг поднимается на корабле в самые грозные часы – при обнаружении противника и в бою.

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ РЕВОЛЮЦИИ

Дорогой друг! Мы с тобой говорили о многих военачальниках. Они прошли перед нами в пурпурных плащах, в сверкающих шлемах, закованные в латы, в мундирах, украшенных орденами. А теперь у нас разговор о военачальнике, который никогда не носил военной формы, звание его было – почётный красноармеец и почётный моряк. Наш разговор теперь о Владимире Ильиче Ленине.

Ленин был не только гениальным стратегом, о чём всем известно. Он был и блестящим командиром-оператором, то есть таким командиром, который умеет спланировать военную операцию и осуществить её на поле боя. Давай посмотрим, как Владимир Ильич руководил, командовал вооружённым восстанием в Петрограде.

ИСКУССТВО ВООРУЖЁННОГО ВОССТАНИЯ

Александру Васильевичу Суворову принадлежат слова, которые каждый командир обязан помнить как «дважды два – четыре». «Не надлежит мыслить, что слепая храбрость даёт над неприятелем победу, но единственно смешанное с оною военное искусство». Нельзя думать, что и восстание победит лишь благодаря храбрости и героизму его участников. Для достижения победы героизм должен сочетаться с искусством восстания.

Военное и военно-морское искусство ведут развитие с далёких времён. Множество полководцев и флотоводцев обогатили их своими открытиями. Искусство вооружённого восстания гораздо моложе, первыми его теорию и правила начали разрабатывать Карл Маркс и Фридрих Энгельс. Конечно, правила военного искусства и искусства вооружённого восстания схожи – ведь в обоих случаях речь идёт о вооружённой борьбе, так в обоих случаях необходимо:

точно оценить силы врага;

наметить места главных ударов;

создать там перевес в силах;

выбрать для начала действий самый благоприятный момент;

быстро принять правильное решение, если обстановка изменится.

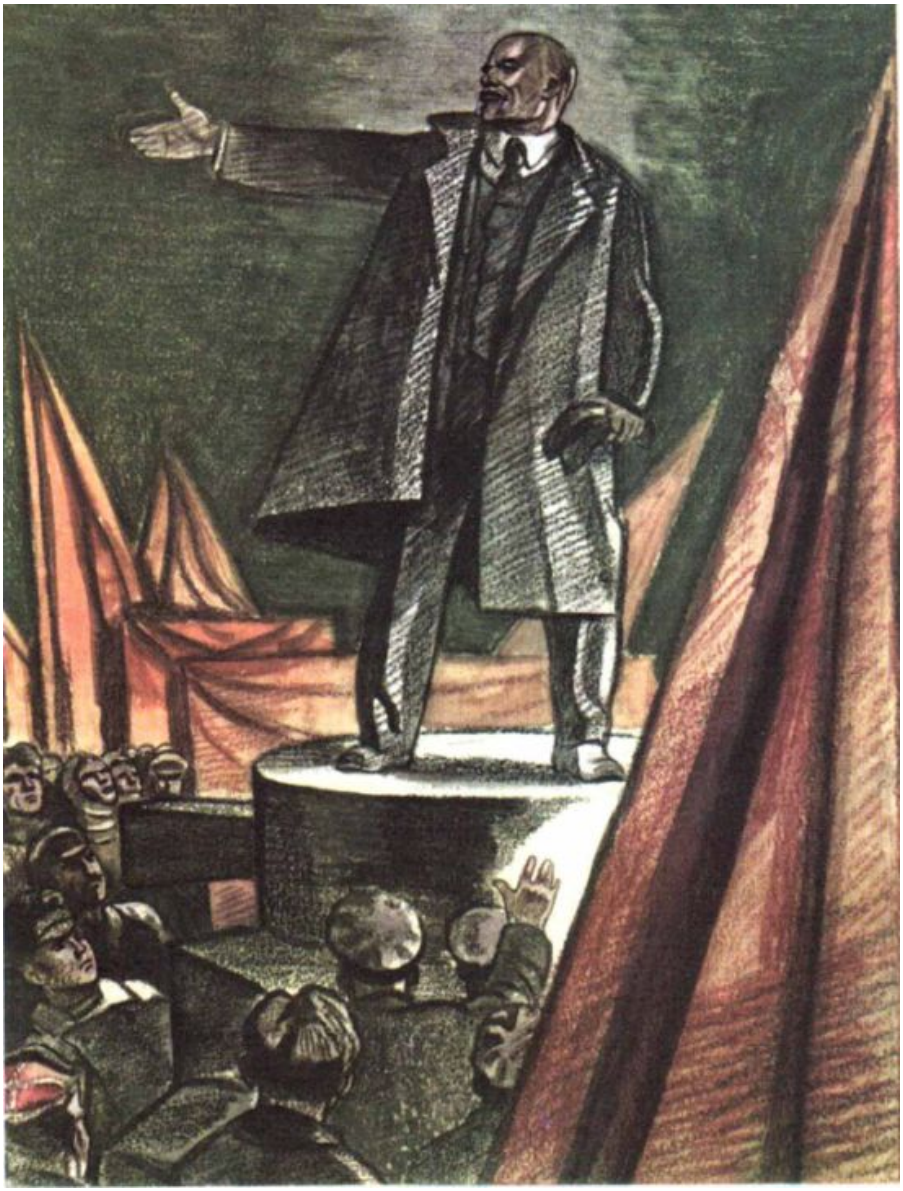
При этом военачальник должен обладать мужеством принять на себя ответственность за исход операции, должен он обладать и личной храбростью.

Но есть в искусстве восстания и особенности. Вот как писал о

них Фридрих Энгельс:

«Восстание… подчинено известным правилам, забвение которых ведёт к гибели партии, оказавшейся виновной в их несоблюдении. Эти правила… ясны и просты… Во-первых, никогда не следует играть с восстанием, если нет решимости идти до конца. Восстание есть уравнение с величинами в высшей степени неопределёнными, ценность которых может изменяться каждый день. Боевые силы, против которых приходится действовать, имеют всецело на своей стороне преимущество организации, дисциплины и традиционного авторитета; если восставшие не могут собрать больших сил против своего противника, то их разобьют и уничтожат. Во-вторых, раз восстание начато, тогда надо действовать с величайшей решительностью и переходить в наступление. Оборона есть смерть всякого вооружённого восстания; при обороне оно гибнет раньше ещё, чем померилось силами с неприятелем. Надо захватить противника врасплох, пока его войска ещё разрознены; надо ежедневно добиваться новых, хотя бы и небольших успехов; надо удерживать моральный перевес, который дало тебе первое успешное движение восстающих; надо привлекать к себе те колеблющиеся элементы, которые всегда идут за более сильными и всегда становятся на более надёжную сторону; надо принудить неприятеля к отступлению, раньше чем он мог собрать свои войска против тебя…»

СИЛЫ СТОРОН И НАПРАВЛЕНИЕ ГЛАВНОГО УДАРА



В октябрьские дни 1917 года подсчитать силы противника и даже свои собственные было невероятно сложно. Посуди сам: всю русскую армию, подчинявшуюся Временному правительству, вроде надо было бы отнести к числу неприятеля. Но огромное множество солдат и матросов было за революцию, за большевиков. Казалось бы, что в сторонники революции можно зачислить всех рабочих и крестьян. Но и тут дело было непростое: кадеты, меньшевики, эсеры вели среди народа свою агитацию, ставили свои цели, и какая-то часть людей верила им, шла за ними, а не за большевиками.

Только Ленин, гениальный вождь трудящихся, смог заметить тот момент, когда силы сторонников революции превзошли силы старого мира. Конечно, нельзя было сосчитать революционных рабочих, солдат, матросов и крестьян, как считают перед войной дивизии, но в этом и не было необходимости. Главное – их было уже больше, и во главе их стояло, что было известно точно, 350 тысяч коммунистов.

Ленин и Центральный Комитет партии наметили для восстания два центра: Петроград и Москву. Наибольшее значение для захвата власти имел Петроград. Он был столицей страны. В нём находилось Временное правительство. Низложение правительства, захват важных государственных учреждений, которые тоже находились в этом городе, сразу поставили бы в тяжёлое положение врагов по всей стране. К этому надо добавить, что петроградские рабочие были за революцию, а их военные отряды – Красная гвардия – вполне боеспособными. Только большевиков в Петрограде было 50 тысяч. Рядом с городом находился революционный Балтийский флот. Поблизости, в Финляндии, которая в то время входила в состав России, и в Ревеле (Таллине) войска тоже поддерживали большевиков. Пройдёт небольшой срок, большевики получат телеграмму и от латышских стрелков: «40 тысяч наших штыков – в распоряжении Питерского Совета…»

Были, как обычно бывает, и в районе Петрограда свои минусы. В городе размещалось много офицерских школ, верных правительству. Недалеко проходила линия фронта – ведь шла первая мировая война, правительство могло снять с позиций верные ему части, бросить их против восставших. Наконец, в революцию могли вмешаться немцы. Хотя они и получили отпор на море, но была к Петрограду и сухопутная дорога… Медлить с восстанием было нельзя. 10 октября (по новому стилю 23-го) Центральный Комитет большевиков принял предложение Владимира Ильича Ленина о вооружённом восстании.

ПЛАН-ПРИКАЗ ЛЕНИНА

Ты сейчас прочтёшь план восстания, разработанный Лениным. Читай не торопясь. Сравни требования и указания Владимира Ильича с правилами военного искусства и с правилами вооружённого восстания, написанными Энгельсом. Обрати внимание на то, как эти правила применяются Лениным к обстановке и условиям, сложившимся в России в октябре 1917 года.

Вот что писал в своём плане Ленин: «…одновременное,

возможно более внезапное и быстрое наступление на Питер, непременно и извне, и изнутри, и из рабочих кварталов, и из Финляндии, и из Ревеля, из Кронштадта, наступление **всего** флота, скопление **гигантского перевеса** сил над 15-20 тысячами (а может и больше) нашей «буржуазной гвардии» (юнкеров) наших «вандейских войск»[5] (часть казаков) и т. д.

Комбинировать наши **три** главные силы: флот, рабочих и войсковые части так, чтобы непременно были заняты и ценой **каких угодно потерь** были удержаны: а) телефон, б) телеграф, в) железнодорожные станции, г) мосты в первую голову.

Выделить **самые решительные** элементы (наших «ударников» и **рабочую молодёжь**, а равно лучших матросов) в небольшие отряды для занятия ими всех важнейших пунктов и **для участия** их везде, во всех важных операциях, например:

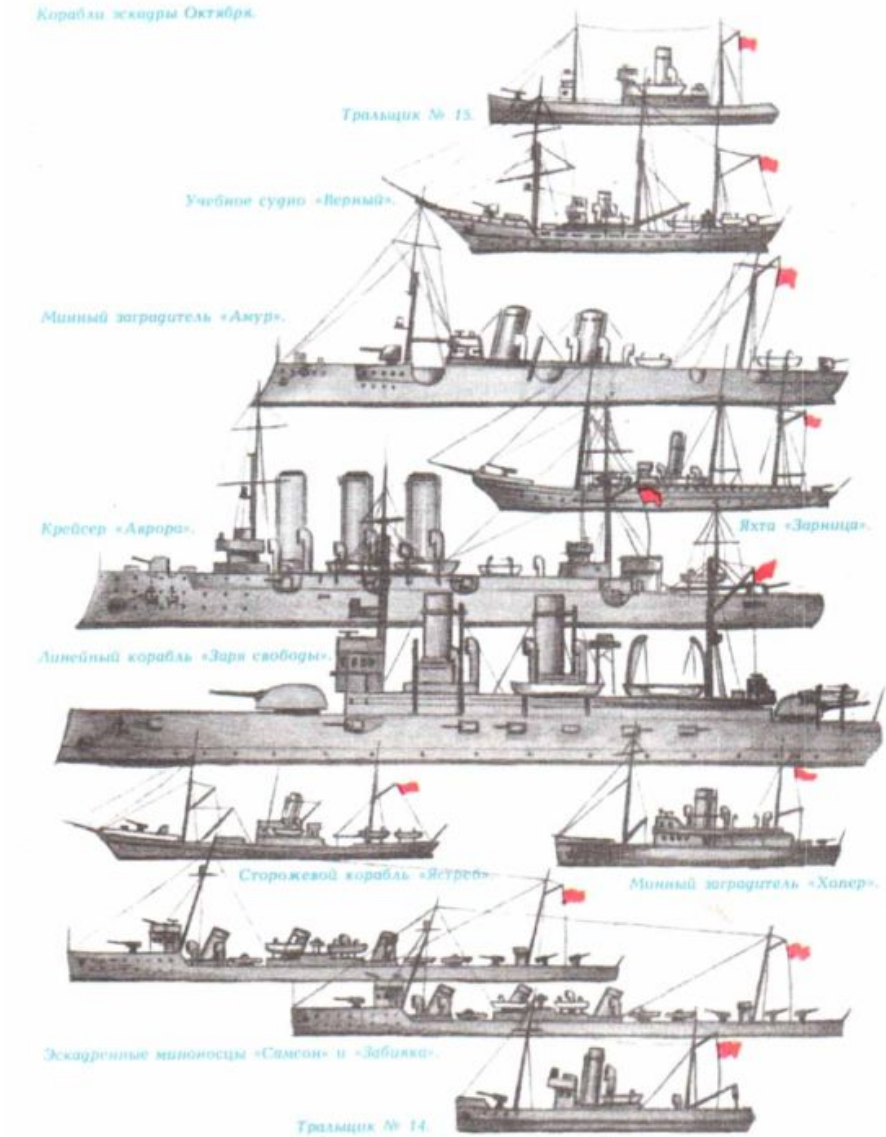
Окружить и отрезать Питер, взять его комбинированной атакой флота, рабочих и войска, – такова задача, **требующая искусства и тройной смелости**.

Составить отряды наилучших рабочих с ружьями и бомбами для наступления и окружения «центров» врага (юнкерские школы, телеграф и телефон и прочее) с лозунгом: **погибнуть всем, но не пропустить неприятеля**…

Успех… революции зависит от двух-трёх дней борьбы».

Как видишь, план Ленина, а говоря военным языком, его приказ к штурму, прост и точен. Город отрезается от всей страны, и внутри его проходит стремительный двух-трёхдневный бой, в результате которого власть переходит к народному правительству, а правительство помещиков и капиталистов свергается.

Чтобы выполнить первую часть приказа, чтобы отрезать город от враждебных сил в стране, предусмотрен захват железнодорожных станций – только по железным дорогам враг может получить подкрепление. Морские пути он не сможет использовать для этого – они уже в руках революционных матросов.



Корабли эскадры Октября

Для исполнения (одновременно с первой частью) второй части приказа – свержения правительства и разгрома его защитников – необходимо «в первую голову» захватить десять мостов внутри города, иначе рабочие отряды с заводских окраин не смогут попасть в правительственную часть Петрограда.

Стоит ли говорить, как важно овладеть центрами связи! Эта задача поручается небольшим, но до конца надёжным отрядам красногвардейской молодёжи и матросов.

Центральный Комитет большевиков принял решение о

восстании. Для непосредственного руководства был создан Военно-революционный комитет – ВРК.

МОМЕНТ ВНЕЗАПНОСТИ УТЕРЯН

Подготовка к восстанию ещё не была закончена, как случилось предательство. Члены ЦК Каменев и Зиновьев, не веря в успех восстания, написали в меньшевистской газете о намерениях большевиков. Они надеялись, что после этого Центральный Комитет будет вынужден отменить восстание.

Временное правительство сразу же приняло свои меры. Оно решило вывести из города части, настроенные революционно, и ввести надёжные войска с фронта. Зимний дворец – резиденция правительства – и все важные учреждения были окружены караулами казаков и юнкеров. Мосты были взяты под охрану и разведены – подняты, как во время прохода под ними судов. Телефонная станция отключила телефоны Смольного, где находились Военно-революционный комитет и члены Центрального Комитета партии. Сам Смольный было приказано захватить, Ленина, членов ЦК ВРК арестовать. Вот как нежданно-негаданно из-за предательства Каменева и Зиновьева осложнилась обстановка. Внезапного удара по врагу не получилось. А ведь внезапность, как мы знаем, – первое условие для победы решившихся на восстание.

ВСЁ РЕШАЕТ БЫСТРОТА

Но и для такой обстановки план Ленина оставался единственно правильным. Только потерю внезапности надо было возместить самыми быстрыми и решительными действиями. Владимир Ильич в те дни по решению ЦК скрывался от шпионов Временного правительства на квартире революционерки Фофановой. Торопя товарищей, он послал им письмо: «Я пишу эти строки вечером 24-го, положение донельзя критическое. Яснее ясного, что теперь, уже поистине, промедление в восстании смерти подобно… История не простит промедления революционерам, которые могли победить сегодня (и наверняка победят сегодня), рискуя потерять много завтра, рискуя потерять всё».

Письмо было отправлено вечером. А ночью Владимир Ильич, нарушив запрет ЦК, пошёл в Смольный. Главнокомандующий революции в такое время должен был находиться в своём штабе, чтобы ежечасно, ежеминутно следить за ходом операции. «Восстание есть уравнение с величинами в высшей степени

неопределёнными, – говорил Энгельс, – ценность которых может изменяться каждый день». В Петроградском вооружённом восстании обстановка менялась буквально каждый час.

Риск для Ленина был очень большой. В городе ещё не свистели пули, но Ленина постоянно искали сотни глаз. Временное правительство, его контрразведка прекрасно понимали, что значит оставить большевиков, революцию, весь трудовой народ без вождя. Но мы не можем упрекнуть Владимира Ильича в неоправданном риске. Это был тот решающий момент, когда полководец выходит в первую цепь бойцов. С Лениным был связной ЦК рабочий – финн Эйно Рахья. Они шли по улицам тёмного, безмолвного города. Парик и щека, подвязанная платком, – будто зуб болит, изменили внешность Владимира Ильича. Но пропуска ни у него, ни у провожатого не было. И когда два конных крикнули: «Стой! Пропуск!», Рахья приготовился до конца выполнить поручение партии – сберечь жизнь Ленину. Однако обошлось без выстрелов. Пока Рахья, прикинувшись непонимающим, спорил с юнкерами, Владимир Ильич ушёл далеко вперёд. Конные решили не связываться с полуночным гулякой и ускакали.

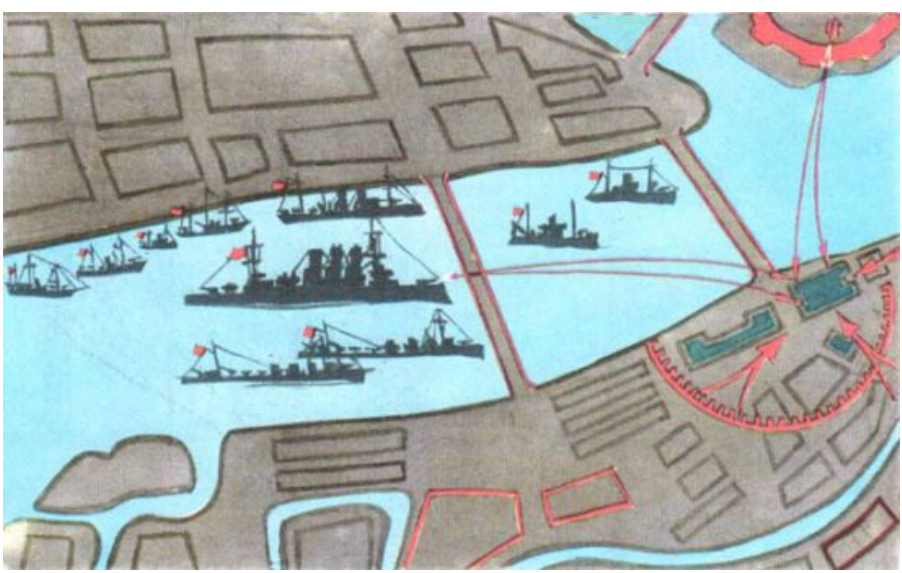
Теперь было уже недалеко до Смольного. Чем ближе подходил к нему Ленин, тем оживлённее становилось на улицах. Грелись у костров караулы солдат и красногвардейцев, шли отряды рабочих, матросов, спешили автомобили, броневики – одни направлялись в Смольный, другие, получив приказ, держали путь в разные части города. На действия Временного правительства большевики ответили своими энергичными действиями. Около 600 комиссаров Военно-революционного комитета уже были в полках и батальонах гарнизона, в арсеналах, на кораблях и предприятиях города, на местах организовывали выполнение исторического приказа.

«УСТАВ» ВЫСЛАН

Мы с тобой, дорогой читатель, оставили Центробалт на пароходе «Виола» в Гельсингфорсе. Перед восстанием красный флаг со скрещёнными якорями и буквами ЦКБФ был перенесён на яхту «Полярная звезда», имевшую хорошую радиостанцию. Центробалт ждал из столицы шифровку. 24 октября в восемь часов вечера радиотелеграфист яхты принял её: «Центробалт. Дыбенко. Высылай устав. Свердлов». Поскольку до этого момента большевики флота – ив Гельсингфорсе, и в Ревеле, и в Кронштадте – проделали огромную работу, разъясняя морякам их обязанности перед революцией, «устав» без промедления был

выслан: в Петроград ушли боевые корабли с пятитысячным десантом, почти пятитысячный отряд моряков отправился по железной дороге.

Как легко писать об этом сейчас, и как было трудно тогда всё это осуществить! Сколько всякого противодействия пришлось преодолеть руководителям восстания! Тут и запреты властей, и отказ офицеров вести корабли, и сомнения простых матросов. Но большевики всё преодолели. Командующий Балтийским флотом контр-адмирал Развозов 25 октября доносил главнокомандующему Северного фронта: «Невзирая на мой протест, непосредственным распоряжением Центробалта в Петроград было послано даже четыре миноносца и отменено ещё ранее отданное мною приказание находившемуся в Петрограде и окончившему ремонт крейсеру «Аврора» присоединиться к флоту. Препятствовать этому я не имел никакой возможности… Прошлой ночью члены Центробалта довели до моего сведения, что ими будут посланы в Петроград крейсер «Олег» и миноносец типа «Новик» для поддержки Совета. Я заявил категорический протест… Несмотря на это, сегодня по радио за подписью судового комитета крейсера «Олег» мой штаб был уведомлен, что во исполнение приказания Центробалта крейсер выходит в Петроград». Это противодействие властей. А сомнения матросов? Послушаем матроса-комендора В. Ф. Купревича с эсминца «Самсон»; славный корабль был в числе тех, что участвовали в восстании, он стоял на Неве рядышком с «Авророй».



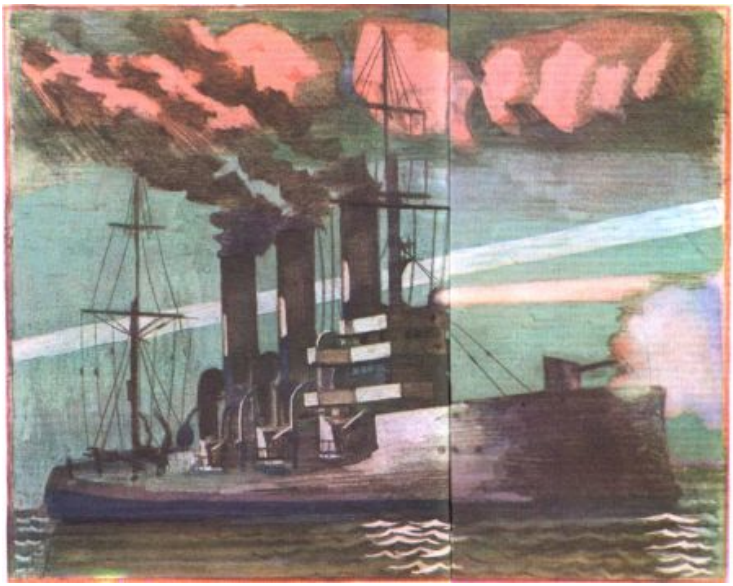
Корабли Балтийского флота вошли в Неву.

«…наш эсминец «Самсон» получил предписание Центробалта срочно выйти в Петроград… На собрании часть личного состава высказалась против такого похода. Мне поручили выступить в защиту немедленного выхода миноносца в Петроград. Затем взял слово член судового комитета Сергей Волков. Он закончил выступление твёрдым заверением: «Приказ революции выполним».

Утром 25 октября «Самсон» вместе с другими миноносцами взял курс на Петроград. Перед отходом на борт миноносца мы приняли десант – 130 человек с других кораблей. Это были матросы преимущественно с линейного корабля «Республика». По пути миноносцы зашли в Кронштадт, где получили стрелковое оружие, боеприпасы и продовольствие… При подходе к Петрограду на «Самсоне» от фока до грота растянули огромное красное полотнище с надписью «Вся власть Советам!».

Их было пятнадцать – целая эскадра – кораблей, которые примут непосредственное участие в восстании и в защите его в первые дни от контрреволюции: линейный корабль «Заря свободы», крейсеры «Аврора» и «Олег», эсминцы «Самсон», «Забияка», «Победитель», «Меткий», «Деятельный», минные заградители «Амур» и «Хопёр», сторожевой корабль «Ястреб», тральщики № 14 и № 15, учебный корабль «Верный», яхта «Зарница», а ещё вспомогательные суда – катера, баржи, буксиры.

Скоро пойдут в Петроград корабли из Гельсингфорса, Ревеля, Кронштадта, поедут поезда с матросами. Много часов пройдёт, пока моряки прибудут в город. А там уже идёт восстание, его начали красногвардейцы и рабочие заводов, солдаты и матросы гарнизона.



Выстрел «Авроры».

ПЕРВЫЕ УСПЕХИ

Первый отпор врага получил в типографии газеты «Рабочий путь» (под таким названием тогда выходила «Правда»). Юнкера захватили типографию, но революционные солдаты выгнали их. Газета вышла с призывом к решительному бою. (Юнкера – воспитанники военных училищ, готовившиеся к офицерскому званию.)

Петропавловская крепость, главная опора правительства, пала без единого выстрела. Весь её гарнизон перешёл на сторону революции, сопротивлялся только комендант, которого посадили под арест в самой крепости. Овладение крепостью было важной победой, она держала под огнём своих орудий близлежащий мост и Зимний дворец с подступами к нему. Рядом находился Арсенал, в котором хранилось 100 тысяч винтовок, – он тоже попал в руки восставших.

Как и гарнизон крепости, на сторону восставших перешёл Кексгольмский полк, охранявший телеграф.

Захват мостов тоже прошёл успешно. Отряды Красной гвардии из десяти захватили девять, свели их и обеспечили путь заводским отрядам к Зимнему. У врага оставался ещё Николаевский мост (теперь он называется мостом лейтенанта Шмидта). Его охрана бежала, когда к нему стал приближаться крейсер «Аврора»…

Этот мост восставшие получили после полуночи. А перед полуночью в Смольный пришёл Владимир Ильич Ленин. При виде

вождя всех охватила радость, вера в скорую победу окрепла. Однако впереди было ещё много дел. На карте Петрограда красные флажки, которыми отмечались захваченные пункты, стояли ещё не так густо, как было намечено в плане. И главное – город ещё не был изолирован от внешних сил. Владимир Ильич Ленин ту ночь провёл перед картой сражения за ключевые позиции города.

Прежде чем перейти к рассказу о следующем дне восстания, поинтересуемся подробностями прихода к мосту «Авроры».

Одним из тех 600 большевиков, которых Военно-революционный комитет послал в воинские части и на корабли, был матрос Александр Викторович Белышев. Ему выпала честь стать комиссаром «Авроры». Крейсер стоял у стенки судостроительного завода, только что окончив ремонт. На кораблях в те дни хозяином были судовые комитеты, избранные командами. Комитету и передал комиссар предписание ВРК привести корабль в боевую готовность. Дело было важное, поэтому в заседании комитета приняла участие вся команда. Командир крейсера попытался было удалить комиссара на берег, но матросы приняли решение: приказ ВРК выполнять, подчиняться не командиру, а комиссару. У причала и на самом корабле усилили караулы, послали на берег патрулей. Буксир привёл из Кронштадта баржу со снарядами. Моряки перегрузили боеприпасы в корабельные погреба. Крейсер был готов служить революции.

Около полуночи из Смольного пришло распоряжение: захватить Николаевский мост и обеспечить по нему движение красногвардейских и солдатских отрядов Васильевского острова. Важен был и сам мост, на котором один вражеский пулемёт мог побить массу народа, важно было и место около него – оттуда орудия крейсера могли бить по укреплениям, возведённым вокруг Зимнего дворца.

Командир отказался вести корабль к мосту, сославшись на то, что реку давно не чистили. Отказались и все другие офицеры. Мели, конечно, опасны для корабля. Старшина рулевых Сергей Захаров сел с товарищами в шлюпку и в кромешной тьме, с крошечным фонариком, промерил фарватер. Даже начертил схему безопасного пути. Но и после этого офицеры не пожелали вести крейсер. Белышев арестовал их в кают-компании, а сам с опытными матросами встал на мостик.

Буксиры стали отводить крейсер от заводской стенки на середину Невы. Ночь была осенняя – тёмная, дождливая. И тут командир не выдержал, попросил разрешения вернуться на мостик вести корабль.

Подойдя к мосту, «Аврора» осветила его прожектором. Одного этого оказалось достаточно, чтобы охрана бежала – с матросами, с крейсером шутки плохи! Корабельные электрики в шлюпке добрались до берега, нашли механизмы, которыми сводился мост, и свели его. Было уже 25 октября, по новому стилю – 7 ноября.

ГОРОД ОТРЕЗАН

25 октября началось новыми успехами восставших. Ещё ночью был занят Главный почтамт. В руках рабочих оказалась и городская электростанция: Зимний отключили от сети, и там погас свет. К концу дня солдаты Кексгольмского полка, красногвардейцы и матросы захватили телефонную станцию – теперь уже Зимний лишился связи, зато в Смольном она работала надёжно.

Главное же – были заняты вокзалы и большие участки железных дорог, ведущих в город. На юго-западе вошёл в Морской канал линкор «Заря свободы», под прицелом его дальнобойных орудий оказалась Балтийская железная дорога, а десант занял станцию Лигово (Урицк); кронштадтские моряки захватили Ораниенбаум (Ломоносов) и Петергоф (Петродворец). Отряд моряков на севере от города взял под контроль большой участок дороги Петроград – Гельсингфорс. Войска неприятеля теперь не могли попасть в город. К тому же, как оказалось, большинство частей, на которые рассчитывало правительство, остались на местах дислокации. Одни заняли нейтралитет, другие выразили сочувствие революции – подтверждалось правило восстания, что колеблющиеся переходят на сторону тех, кто одерживает победу.

Были и части, верные правительству, но их не пустили революционные войска. Так были задержаны Кубанская кавалерийская дивизия, две петергофские школы прапорщиков, артиллерия в Павловске, три полка донских казаков и другие войска.

А силы восстания всё росли. С многотысячным десантом моряков, рабочих и солдат прибыли из Кронштадта и встали на Неве «Амур», «Хопёр», «Зарница», тральщики, транспорты, баржи. Вечером отдали на Неве якоря «Забияка», «Самсон», «Ястреб», «Верный». На берег сошли не только десантники, но и часть экипажей. Отряды моряков подкрепили тех, кто подавлял очаги сопротивления в различных районах города, и тех, кто готовился к штурму Зимнего дворца.

Вечером Временное правительство, непрерывно заседавшее в

Зимнем, убедилось, что помощь извне не успеет. Ещё утром его глава Керенский сумел тайно уехать за помощью в сторону Северного фронта – в автомобиле американского посольства, переодетый в женское платье.

ПЕРЕВЕС В СИЛАХ У БОЛЬШЕВИКОВ

Площади и улицы, прилегавшие к Зимнему дворцу, всё теснее заполнялись революционными отрядами. Тысячи бойцов готовились к решающему штурму. Гигантский перевес в силах, на котором настаивал в плане-приказе Владимир Ильич Ленин, был создан.

Видя бесполезность сопротивления, страшась гнева восставших, ушли от Зимнего казаки и другие отряды. Охранять его, по сути, уже было некому. И только надежда на подход верных правительству войск всё ещё удерживала за баррикадами юнкеров да женский ударный батальон.

ПОКА МИНИСТРЫ ЧИТАЮТ УЛЬТИМАТУМ

Можно задать вопрос: почему Зимний дворец держался почти сутки даже после того, как в Неве встала «Аврора»? Может быть, восставшие просто боялись атаковать его?

Во-первых, брать приступом прочные каменные многоэтажные здания сложно. К примеру, для взятия здания имперской канцелярии в Берлине во время Великой Отечественной войны были выделены две наши дивизии – с танками, самоходками и орудиями. Во-вторых, никто никогда не был таким противником кровопролитий, как большевики. Вот когда будет взят дворец, красногвардейцы отпустят юнкеров на все четыре стороны – под честное слово не играть больше с оружием. Да и сам дворец было жалко. Он стоит сейчас в Ленинграде как новенький. В нём великое собрание редчайших картин – гордость нашего народа. А если бы били по нему орудия «Авроры» и «Самсона»? Военно-революционный комитет справедливо полагал, что у целого-то правительства хватит здравого смысла, чтобы прекратить сопротивление и сдаться. ВРК послал министрам соответствующий ультиматум. Пока министры читают его и спорят, как поступить – сдаться или ещё потянуть? – мы с тобой поговорим о Временном правительстве.

Любопытное совпадение и, конечно, случайное – отец Ленина Илья Николаевич был директором народных училищ Симбирской губернии, а отец Керенского Фёдор Михайлович был директором городской гимназии; Владимир Ульянов после окончания

гимназии получил золотую медаль из его рук. Кто тогда мог думать, что сыновья двух симбирских педагогов окажутся на противоположных остриях политической и военной борьбы в России? Один станет вождём революции, другой – вождём контрреволюции?

Глава буржуазного Временного правительства Керенский сам не был ни помещиком, ни капиталистом. Адвокат по профессии, он занимался политикой и принадлежал к партии эсеров, то есть социалистов-революционеров. Социалист. Революционер. Слова-то какие высокие и чистые! Дело не в словах, дело в деле.

Коммунисты-большевики были партией рабочего класса, его авангардом, передовым отрядом. А эсеры? Они были партией сельской и городской мелкой буржуазии, авангардом, передовым отрядом кулаков, держателей мастерских, лавок и других мелких собственников. Эти мелкие собственники своими врагами считали крупных капиталистов и помещиков, разорявших их, дразнивших недосягаемыми богатствами, поэтому боролись с ними и были заинтересованы в свержении царя, в революции. И получалось, что в некоторых эпизодах борьбы с самодержавием и эсеры и большевики шли рядом, хотя конечная цель партий не могла быть одинаковой. Посуди сам, разве эсеры могли согласиться с таким важнейшим делом большевиков, как ликвидация частной собственности? Были разными и методы борьбы. Большевики всегда осуждали террор, были за массовые выступления трудящихся, ведь на место убитого царя или министра тут же, как на пружине, выскакивал новый царь или министр. А эсеры террор выбрали для себя главным средством. В их партии была «Боевая организация» – специально для убийства политических деятелей и государственных чиновников высокого ранга. Во главе её стоял один из создателей партии, Азеф. Эсеры убили – бомбами, из пистолетов – много царских министров и губернаторов. Большое количество террористов за эти убийства попало в тюрьмы, на каторгу и виселицу. Убийство губернатора – событие, о котором люди долго говорят, долго помнят его. Естественно, что эсеры в этих разговорах окружались ореолом мучеников и борцов за народ. Партия приобретала авторитет, хотя убийства никаких выгод народу не приносили, наоборот, после террористических актов полиция и жандармерия ещё свирепее стояли на страже законов.

Раз уж мы коснулись террора социалистов-революционеров, нельзя не сказать, что в 1918 году они убили видных деятелей нашей партии В. Володарского и М. Урицкого, и в Ленина стреляла эсерка Ф. Каплан…

Бывает же так чудно, Азеф, главарь террористов, как

раскрылось впоследствии, был на службе царской охранки. Он дважды выдавал жандармам свою организацию и несколько раз – отдельные отряды, выдал даже целый эсеровский съезд в Харькове, а своими сообщениями предотвратил убийство министра внутренних дел в 1906 году и убийство царя – в 1907-м. Центральный комитет эсеров приговорил предателя к смерти. Однако Азеф улизнул за границу… В одном из стихотворений Маяковский писал: «ночь чёрная, как душа Азефа».

Мы с тобой, дорогой читатель, несколько увлеклись рассказом о партии эсеров. Министры в Зимнем дворце, верно, десять раз уж прочитали ультиматум, нам пора возвращаться на площадь, где вот-вот начнутся последние события. Но ещё несколько слов о Временном правительстве. В него входило 16 министров, из них только шесть были представителями буржуазии, как миллионер, владелец сахарных заводов, министр иностранных дел Терещенко, остальные же десять были «социалистами» – кадеты, эсеры и меньшевики. Берём в кавычки социалистов, потому что за семь месяцев, прошедших после свержения царя, они «не успели» ни дать землю крестьянам, ни 8-часовой рабочий день рабочим и не кончили войны. Наоборот, были за её продолжение до победного конца. 10 министров-«социалистов» своим присутствием в правительстве маскировали министров-капиталистов, закрывали их от гневных глаз народа. Вот и в толпах людей, окруживших Зимний дворец, нет-нет да и раздавались голоса сомнения: «Братцы! Как же это мы… Там ведь наши товарищи по партии. Я эсер – и там эсеры. Я меньшевик – и там меньшевики. Нехорошо получается. На своих со штыками!» Будь Временное правительство из одних капиталистов и помещиков, разве спорила бы команда на эсминце «Самсон» – идти или не идти в Петроград?..

Но большевики были большевиками не только но названию. За ними шло большинство народа, зная или чувствуя, что правда у большевиков.

НАЧАЛО ШТУРМА И ПОБЕДА

Временное правительство отклонило ультиматум. А до этого было вот что.

«К «Авроре» подошла шлюпка, – рассказывает А. В. Белышев.– Связной Военно-революционного комитета передал распоряжение. В девять часов вечера Временное правительство должно сдаться. В случае его отказа над Петропавловской крепостью появится красный огонь. Это будет сигнал «Авроре» дать условный выстрел, возвещающий начало штурма Зимнего дворца.

Я отправился на бак, там у шестидюймового орудия стояли вахтенные комендоры. Напряжение всё усиливалось. С берега доносилась стрельба. А Петропавловская крепость не давала о себе знать. Уже тридцать пять минут десятого, а красного огня

всё нет… Но вот во мгле за мостом показался огонь. Был 21 час 40 минут. Я отдал команду:

– Носовое, огонь! Пли!

Мелькнула вспышка выстрела, покатился грохот над Невой, над набережными, над площадью Зимнего дворца. Мы прислушались. В ответ на выстрел послышалось громкое «ура!». Это наши пошли на штурм. Я отдал приказ зарядить орудие боевым снарядом: мало ли что…

И вот стало тихо.

– Прожекторы живо!

С улиц, прилегавших к Дворцовой площади, с винтовками, гранатами бросились в атаку матросы, красногвардейцы и солдаты. Ружейный огонь юнкеров, укрывшихся за баррикадами, и пулемётные очереди броневиков несколько раз прижимали к брусчатке атакующих. Но разве можно было остановить восстание! Устрашённые грозным натиском, бежали с броневиков пулемётчики. Почти прекратилась стрельба из-за укрытий. Женский ударный батальон целиком сдался. Только юнкера отступили в здание и забаррикадировали входы. Но и это сопротивление было сломлено».

В начале третьего часа ночи с 25-го на 26-е октября (8 ноября по новому стилю) министры Временного правительства были арестованы.

Матросам и красногвардейцам стоило большого труда довести министров невредимыми до Петропавловской крепости. Толпы людей готовы были разорвать своих врагов в клочки. Каждого министра держали под руки два матроса, а вся процессия была окружена тремя кольцами охраны.

Восстание победило. И как при взрыве детонатора взрывается весь снаряд, так с восстанием Петрограда восстала вся Россия. На земле начиналась новая жизнь – без капиталистов и помещиков.

Теперь, когда ты прочёл, как шло и победило восстание, прочти ещё раз план-приказ Владимира Ильича Ленина. Ты увидишь, что все события происходили в точном соответствии с ним. Предвидя действия восставших и действия врагов, Ленин писал: «Успех… зависит от двух-трёх дней борьбы». Эти сроки тоже были выдержаны.

Удивительно, что восстание, потрясшее весь мир, было самым бескровным. Убитыми обе стороны потеряли всего шесть человек, 50 человек было ранено. Такой победе может позавидовать любой военачальник.

Может быть, из-за таких малых потерь восстание тебе показалось делом довольно простым? Тогда ты порассуждай, предположи какие-либо изменения в обстановке – тебе яснее

станет сложность той борьбы. Представь, к примеру, что Кубанская кавалерийская дивизия, о которой говорилось выше, не была задержана на месте дислокации и прискакала на охрану Зимнего. Да ещё несколько полков донских казаков прибыли, да ещё артиллерия из Павловска… Какое сражение было бы тогда? Но этого не случилось, потому что план Владимира Ильича Ленина был гениальным военным планом, а те, кто исполнял его, – члены Военно-революционного комитета, комиссары, красногвардейцы, матросы, солдаты, были мужественными и храбрыми, были коммунистами.

ВОЕННЫЕ ЗАБОТЫ ЛЕНИНА

Прошло совсем короткое время, и Советской Республике пришлось вести кровопролитную войну. Её навязали рабочим и крестьянам русские и иностранные капиталисты.

Керенский, бежавший в район Северного фронта, возвращался к Петрограду вместе с частями конного корпуса генерала Краснова. Подняли в самом Петрограде мятеж юнкера. Юнкерский мятеж моряки и красногвардейцы подавили быстро, а Краснов 27 октября занял Гатчину, 28-го – Царское Село (Красное Село теперь). Вот как близко враг подошёл к Петрограду…

Основные надежды в эти дни революция возлагала на моряков. И флот послал на защиту города большие силы. В Петроград прибыли из Кронштадта и Гельсингфорса пять тысяч моряков. Линкор и крейсер «Олег» встали в Морском канале, эсминцы «Забияка», «Деятельный», «Меткий» и «Победитель» поднялись по Неве до села Рыбацкого. Корабли обеспечили артиллерийскую поддержку матросам, занявшим позиции в районе Колпина, Пулкова и Царского Села.

С утра 30 октября части генерала Краснова пошли в атаку на Пулково. Его конницу поддерживали огнём полевые орудия и два бронепоезда. Матросы, руководимые Павлом Ефимовичем Дыбенко, красногвардейские и солдатские отряды устояли под разрывами шрапнели, сдержали натиск кавалерии, а затем перешли в контрнаступление. Краснов несколько лет спустя писал о бое под деревней Новые Сузы: «Сотня оренбургских казаков с беззаветной лихостью развернулась в лаву и ринулась на деревню Сузы, занятую моряками. Матросы стойко оставались на местах. Донцы-пулемётчики побежали вперёд, чтобы помочь оренбургской молодёжи пулемётным огнём. Ещё секунда напряжённого внимания. Видно, как под выстрелами едва не в упор падают люди. Командир сотни убит. И сотня, кто верхом, кто соскочив с лошади, побежала назад. Освободившиеся от

всадников лошади, задрав хвосты, метались вдоль фронта и падали, сражённые пулями матросов… Матросы, не сдерживаемые артиллерийским огнём, перешли в наступление. С большим искусством они стали накапливаться на обоих флангах; не только Большое Кузьмино было занято ими, но они выходили уже на Варшавскую железную дорогу, на царскую ветку и приближались к станции Царское Село, выходя мне в тыл».

Некоторые казачьи части, обескураженные большими потерями, удивлённые стойкостью моряков и красногвардейцев, их храбростью, заколебались. Они предложили начать переговоры. В ночь на 1 ноября в Гатчину, где находились основные силы казаков, отправился Дыбенко с одним лишь матросом. И получились там не переговоры, а митинг, который шёл всю ночь до утра. Дыбенко рассказывал, что такое Советская власть. По словам Краснова, он «очаровал в несколько часов не только казаков, но и многих офицеров». Утром казаки приняли резолюцию: бои прекратить, Керенского и Краснова арестовать.

Мятеж был ликвидирован. 2 ноября Военно-революционный комитет огласил первое победное сообщение Советской Республики: «Войска Керенского разбиты. Арестован весь штаб Керенского с генералом Красновым и Войтинским во главе. Керенский, переодевшись в матросскую форму, бежал. Казаки, перейдя на сторону революционных войск, ищут Керенского с тем, чтобы передать его в руки Военно-революционного комитета. Авантюра Керенского считается ликвидированной. Революция торжествует. Честь ареста штаба Керенского принадлежит матросу Дыбенко».

БРЕСТСКИЙ МИР И СУДЬБА ФЛОТА

В ту ночь, когда был взят Зимний дворец, в Петрограде открылся II Всероссийский съезд Советов. Военно-революционный комитет передал ему власть, и съезд избрал новое – Советское – правительство во главе с Владимиром Ильичём Лениным. Правительство тогда же приняло декреты о передаче земли крестьянам, заводов и фабрик – рабочим и Декрет о мире. То, что было вековечной мечтой народа, сбылось в России.

Сбылось. Но сбывшуюся мечту надо было защитить от сильного и коварного врага. Он со всех сторон окружал новую Россию и был в ней самой. Защищать же, по сути, было нечем. Солдаты царской армии устали от многолетней жизни в окопах, от смертей, поражений, от надругательств офицеров. К тому же эсеры агитировали солдат спешить в деревни на делёжку помещичьей земли. Царская армия разваливалась на глазах. Новой армии, социалистической, ещё не было. Было только её ядро – отряды Красной гвардии, революционные матросы и солдаты. В этой обстановке вопрос о выходе из войны приобрёл особую остроту. Советской Республике мир был нужен, как человеку воздух. Нет воздуха – смерть…

Правительство Ленина предложило всем воюющим странам – их правительствам и народам – прекратить боевые действия на фронтах мировой войны, объявить перемирие и начать подготовку к заключению мира.

Как и следовало ожидать, правительства Англии, Франции, США и других стран Антанты отказались от такого предложения. Мир им в это время не был нужен: перед ними уже вырисовывалась победа над Германией, а делать что-либо полезное для Советской России они не собирались, наоборот, уже планировалась интервенция, то есть вторжение иностранных войск в Россию – для восстановления власти русских капиталистов. Другое дело Германия и её союзники. Вот им мир был нужен. Ликвидация огромного Восточного фронта давала много выгод. Они согласились на мирные переговоры.

Тут уместен вопрос: нужно ли было звать к миру страны Антанты? Ведь было ясно, что на прекращение войны они не пойдут.

Мир без аннексий и контрибуций (без отторжения территорий и денежных выплат) предлагался не только и не столько правительствам, как народам воюющих стран. А это имело смысл огромный. Потом, когда начнётся интервенция, будет много иностранных войск, которые откажутся воевать

против России. Так, восстанут на Севастопольском рейде в 1919 году французский броненосец «Франс» и флагман эскадры «Жан Барт» – моряки поднимут красные флаги, выстроятся на палубах, снимут береты и запоют «Интернационал». Не пойдут в бой их соотечественники – три пехотных полка, сапёрный, пулемётный и артиллерийский полки. Откажется воевать на Дальнем Востоке 310-й американский полк. Там же восстанет японская рота, её увезут в море и всю расстреляют… Английский политический и государственный деятель, умный слуга своего класса, Черчилль, враг коммунизма № 1, как он сам о себе говорил, напишет о солдатах, посланных в Россию: «Послушное орудие, действовавшее почти без осечки во всех самых напряжённых схватках воюющих друг с другом наций, теперь неожиданно сломалось в руках тех, кто направил его на новое дело». Советской Республике окажут огромную помощь немецкие рабочие и коммунисты, а также рабочие Австро-Венгрии. И всё потому, что будет перед глазами народов огромная страна, сутью существования которой стал мир. Но вернёмся к переговорам с Германией.

Итак, мир на востоке был нужен Германии, чтобы успешнее воевать на Западном фронте. Ко времени переговоров, к декабрю 1917 года, под оккупацией немецких войск были большие территории бывшей Российской империи. И Германия захотела оставить за собой земли площадью в 150 тысяч квадратных километров. Польшу, Украину и Прибалтийские страны германцы решили превратить в вассальные государства.

Условия, на которых немцы соглашались заключить мир с Советской Россией, были тяжёлыми, оскорбительными. Однако иного выхода у нас не было. Советское правительство дало своей делегации указание подписать такой несправедливый, тяжёлый мир.

Владимир Ильич Ленин говорил тогда, что стране нужно как можно скорее получить мирную передышку короткую ли, долгую, но совершенно необходимую для создания Красной Армии, для приведения в порядок разрушенного хозяйства: невозможно воевать с немцами, когда стоят заводы и фабрики, когда нарушено железнодорожное сообщение. Наступит время, его недолго ждать, говорил Ленин, и немецкие оккупанты будут изгнаны, но сейчас ради спасения Советской Республики надо принять их условия.

Однако Троцкий, возглавлявший советскую делегацию, вопреки указанию Ленина отказался подписать договор с немцами. Немцы были очень довольны этим. Обвинив Советскую Россию в срыве переговоров, они начали наступление по всему

фронту – от Балтийского до Чёрного моря. Тогда же немцы заключили договор с украинскими националистами – кайзеровские войска обязались помочь националистам уничтожить на Украине Советскую власть, националисты за это обязались вывезти в Германию миллион тонн пшеницы, 50 тысяч тонн мяса, 400 миллионов яиц, лён, пеньку, марганцевую руду и другое промышленное сырьё.

Мы ещё ни слова не сказали о флоте. Каким образом его судьба связана с переговорами?

Огромная территория оказалась занятой врагом. И что страшно для флота – занято почти всё побережье Чёрного моря, там свободен от оккупации только один порт – Новороссийск (кавказские порты оккупированы союзниками немцев – турками). На Балтике обстановка несколько лучше. Но скоро и там она неимоверно осложнится. Нет необходимости говорить, как важны для флота базы. Ты это знаешь, вся Крымская война свелась, по сути, к борьбе за Севастополь, а русско-японская – к борьбе за Порт-Артур.

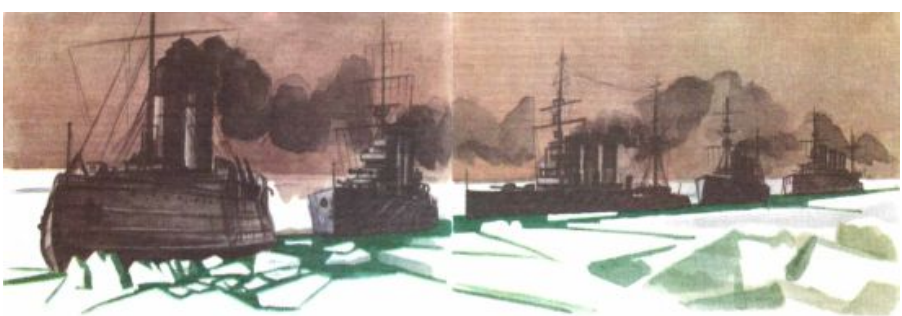
Советское правительство направило на переговоры с немцами в город Брест-Литовск (теперь Брест) новую делегацию. А немцы выставили условия ещё более наглые. К тому, о чём мы уже говорили, они прибавили присоединение к Германии Эстонии и Латвии, не говоря уже о Польше. Они потребовали признать их договор с украинскими националистами и вывести с Украины Красную гвардию. Армию они потребовали полностью демобилизовать, военно-морской флот разоружить. Советская Россия должна была выплатить Германии полтора миллиарда рублей золотом и миллиард товарами. После согласия на такие страшные условия немцы продолжали захватывать нашу территорию. Они вели наступление 30 дивизиями, из них 15 двинулись на Петроград, чтобы захватить его молниеносным ударом. 23 февраля под Нарвой и Псковом произошли ожесточённые бои немцев с полками только что созданной Красной Армии. Немцы были остановлены. После этого Германия согласилась снова сесть за стол переговоров, и договор был подписан. (Именно 23 февраля стало нашим военным праздником – Днём Советской Армии и Военно-Морского Флота.)

Мы говорили, что немецкие рабочие помогли русским рабочим. 9 ноября 1918 года произошла революция в Германии. В Австро-Венгрии тоже произошла. Монархическая власть в обеих странах была свергнута. Уже 13 ноября Советское правительство аннулировало Брестский договор. Началось изгнание оккупантов из Эстонии, Латвии, Литвы, Белоруссии, Украины, из Крыма, из Закавказья.

ЛЕДОВЫЙ ПОХОД

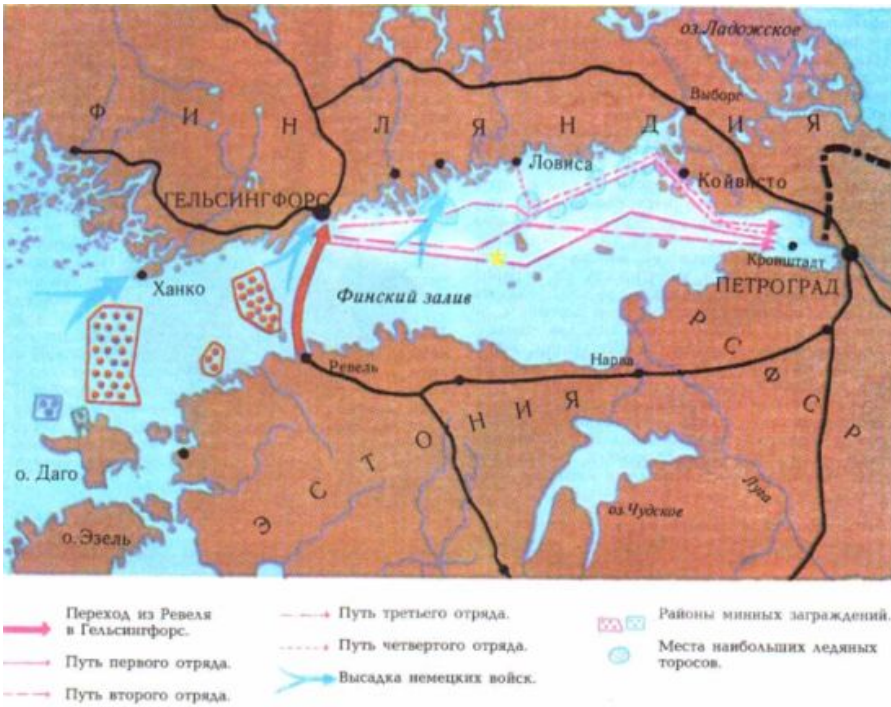
Теперь мы вернёмся в самое начало 1918 года. После срыва переговоров в Бресте немецкие войска, как мы знаем, начали наступление по всему фронту. Особенно энергично они действовали на северном участке, в районе Финского залива. Здесь находились три очень важных пункта: Петроград, Ревель и Гельсингфорс. Значение Петрограда ясно – это столица Советской России. А Ревель и Гельсингфорс? Они были основными базами нашего флота, здесь стояли тогда почти все балтийские корабли. Поскольку Финский залив замёрз, лёд был толщиной до 75 сантиметров, корабли могли быть захвачены немцами.

Немецкие войска быстро продвигались по Эстонии, выходя к побережью. Кораблям, находившимся в Ревеле, был отдан приказ уходить в Гельсингфорс. Надо было бы идти сразу в Кронштадт, но туда путь в три раза длиннее, и лёд в восточной части залива толще. Вот опять помянешь добрым словом адмирала Макарова: «Ермак» 19 февраля вывел из порта первую группу кораблей – 2 подводные лодки, 2 транспорта – и начал пробивать им дорогу через залив.



Советские корабли на переходе во льдах.

В Ревеле оставались 5 крейсеров, 12 подводных лодок, 2 минных заградителя, 10 тральщиков и другие суда. Немцы вовсю старались помешать их уходу. Они вели беспрерывные бои на подступах к городу, подняли в воздух авиацию, чтобы забросать бомбами ледоколы и приостановить работы, связанные с выводом кораблей на рейд. Но наши моряки успели всё сделать. Правда, последние корабли оставили порт, когда немцы уже вошли в город. Было это 25 февраля. Через несколько дней все ревельские корабли и суда – числом 63 – были в Гельсингфорсе. Только подводную лодку «Единорог» постигло несчастье – льдом повредило корпус, и она затонула на переходе.



Ледовый поход Балтийского флота. Февраль – май 1918 года.

Посмотри схему Ледового похода Балтийского флота. Не было бы ошибкой назвать этот поход Ледовым сражением.

Теперь в Гельсингфорсе собрался почти весь Балтийский флот. Финляндия в это время была дружественной нам страной. Она получила из рук Советского правительства самостоятельность, у власти там стояло рабочее правительство. И советский флот вроде бы находился в безопасности. Но в Финляндии началась гражданская война. Бывший царский генерал финский барон Маннергейм получил от немцев помощь войсками и оружием, возглавил финские белогвардейские отряды и выступил против рабочего правительства. Хотя Маннергейму было ещё далеко до победы над финской Красной гвардией, немцы признали белогвардейское правительство. Этот дипломатический ход повернул дело так, что советские корабли с точки зрения немцев находились теперь во враждебном России государстве и по условиям Брестского договора должны были или покинуть иностранные порты, или разоружиться – снять замки с орудий, свезти на берег снаряды, мины, торпеды, распустить команды, оставив на кораблях по десять человек охраны. Если бы мы не выполнили требований немцев, они разорвали бы только что подписанный Брестский мир.

Немецкие адмиралы уже потирали от удовольствия руки: наконец-то они овладеют русскими кораблями – не в морском бою, а поймав их в ледяной западне. Немецкие адмиралы считали, что наш флот уйти в Кронштадт до захвата Гельсингфорса белогвардейцами не сумеет, станет добычей Маннергейма, а равно и немцев.

Уходу кораблей в Кронштадт мешал не только лёд. Многие корабли стояли в ремонте, с разобранными машинами. И ни на одном корабле не было полного экипажа – моряки ушли на защиту Петрограда, на другие фронты. На эсминце «Войсковой» вместо 75 человек было лишь 12, на знакомом нам эскадренном миноносце «Изяславе» – чуть больше 20… Началась в полном смысле слова героическая работа по подготовке кораблей к походу.

Операцией руководил Совкобалт – Совет комиссаров Балтийского флота, созданный вместо Центробалта. Корабли были разделены на три отряда. Ледоколы «Ермак», «Волынец», «Тармо» и портовые ледоколы должны были провести отряды в Кронштадт. 12 марта в сопровождении «Ермака» и «Волынца» вышел первый отряд: линкоры «Севастополь», «Полтава», «Петропавловск» и «Гангут», крейсеры «Богатырь», «Рюрик» и «Адмирал Макаров». Сто восемьдесят миль сплошного льда – вот что встретили моряки на пути. В сутки не проходили 50 миль, шли со скоростью полтора – три узла. 17 марта отряд всё же добрался до родного Кронштадта.

На очереди была проводка второго отряда. Его выход задержался и сильно осложнился. А это были линкоры «Республика», «Андрей Первозванный», крейсеры «Баян», «Олег» и две подводные лодки. Что же произошло?

Белогвардейцы с помощью предателей захватили ледоколы «Тармо» и «Волынец». На острове Лавенсари они установили орудия, «Тармо» вооружили, ледокол встал около острова Гогланд – на самом фарватере, на пути наших кораблей. А раньше к Ганге (теперь Ханко, ты знаешь этот пункт, вспомни первую победу петровского флота) подошла германская эскадра Маурера. 3 апреля на полуостров высадился неприятельский десант. Здесь тоже были наши корабли – четыре подводные лодки и плавбаза. Спасти их от захвата не было никакой возможности, моряки взорвали корабли и плавбазу и по суше прорвались в Гельсингфорс. За ними к Гельсингфорсу устремились немецкие десантники.

Теперь при чтении необходимо обращаться к схеме. Синие стрелы – это вражеские десанты. Нашёл Ганге? Финские белогвардейцы в это время захватили железную дорогу от

Гельсингфорса до Выборга, прервав сообщение с Петроградом. И вот ведь что самое обидное – нельзя советским морякам помочь финской Красной гвардии, нельзя стрелять. Иначе – разрыв Брестского мира. Финские рабочие из последних сил чинят наши корабли в порту, финские красногвардейцы из последних сил сдерживают напор отрядов Маннергейма – лишь бы успели советские корабли уйти на родину. Спасибо им великое!

А «Ермак» всё не возвращался из Кронштадта. Маломощные портовые ледоколы «Город Ревель» и «Силач» повели второй отряд. Иного выхода нет. Иначе пропадут и линкоры и крейсеры. Как вошли во льды, выяснилось, что с проводкой во льдах лучше справляется линкор «Андрей Первозванный». Он встал в голову колонны и начал пробивать дорогу. За ним «Республика», дальше – крейсеры, у них у каждого на буксире подводная лодка. За три дня одолели всего 60 миль, средняя скорость меньше одного узла.

А где же «Ермак»? Он торопился, но попал под огонь батарей с Лавенсари. Моряки обошли остров стороной. И тут по «Ермаку» ударила пушка вражеского теперь «Тармо». А его не обойдёшь стороной, он сам во льдах ходит хорошо. Да и нельзя рисковать ледоколом: «Ермак» теперь единственный сильный ледокол у Советской власти. Пришлось «Ермаку» вернуться в Кронштадт и повести оттуда защиту – крейсер «Рюрик». Нельзя стрелять советскому кораблю, ну а если «Рюрик» всё же громыхнёт из своих орудий по батареям белофиннов? Те не посмели открыть огонь. «Ермак» и «Рюрик» 8 апреля около острова Родшер, где стоит маяк, встретили второй отряд, высвободили его из ледяных тисков. 10 апреля отряд с большим трудом добрался до Кронштадта.

А в Гельсингфорсе оставались ещё 162 корабля. На помощь их командам из Петрограда по железной дороге отправились 500 опытных моряков торгового флота. Им пришлось с боем прорываться через белогвардейские заслоны. И всё же они прорвались в Гельсингфорс. Помогли уже вконец измученным командам дочинить, что было можно, провести погрузку боеприпасов, снаряжения, продовольствия. Топливо погрузили только на часть пути, больше не было. И встали к машинам, к штурвалам – там, где не хватало военных моряков.

Третий отряд был разделён на пять эшелонов. Первый вышел 7 апреля. В тот же день немцы из Ревеля перебросили трёхтысячный десант на ледоколах в Ловизу. Теперь Гельсингфорс на суше со всех сторон окружён врагами. С запада и востока идут к нему немцы, с севера – белофинны. Вот-вот город будет взят. Захваченные ледоколы пошли из Ловизы к Гангуту – пробивать во льду дорогу эскадре Маурера, она тоже стремится к

Гельсингфорсу.

Жемчужин Б. А.

Отправку последних кораблей возглавлял молодой комиссар Борис Жемчужин. Он матрос, редактор флотской газеты «Прибой». В Гельсингфорсе все его знают. К нему пришли люди с известием, что белофинны готовятся напасть на корабли с юга, выйти к ним со стороны моря по льду. На кораблях тревога, принимаются меры на случай такого нападения.

Путь третьего отряда пролегал по опушке финских шхер. Эта дорога длиннее на 70 миль, но так лучше. В отряде небольшие корабли и суда, корпуса у них хрупкие, а в заливе на главном фарватере началась подвижка льдов, ведь весна уже. У берегов же лёд пока стоит.

Последние корабли уходили из Гельсингфорса 12 апреля. В городе слышалась стрельба. На юго-западе в заливе показались многочисленные дымы – приближалась немецкая эскадра. Одним из самых последних отошёл от стенки гавани «Изяслав». У него только одна машина, вторую турбину починить не успели. Но и на одной пойдут моряки. С берега по кораблю ударили из винтовок. Пули звенят по металлу. Артиллеристы бросаются к кормовому орудию. Их сдерживает старпом Иван Исаков. Нельзя стрелять. Десятки кораблей ещё остались в Гельсингфорсе – без топлива, с разобранными машинами, с неисправностями, на

кораблях моряки. Белофинны не пощадят их, если выстрелить в ответ. Да хоть и не стреляли, а многих убили, и первым был убит Борис Жемчужин…

Десять суток шёл третий отряд до порта Бьерке. Топливо кончилось. В Бьерке его тоже не оказалось. Но вот прибыло топливо. «Ермак» пришёл. С ним стало спокойнее, веселее, торосистые льды уже не казались страшными. 19 апреля корабли прибыли в Кронштадт. Через несколько дней пришёл и четвёртый отряд – корабли, стоявшие в порту Котка.

Самыми славными героями Ледового похода были моряки «Ермака». Семь суток они без отдыха и сна обеспечивали проводку кораблей. И в том, что Балтийский флот не пропал, сохранился почти целиком для Советской России, – их немалая заслуга.

…Тягостное зрелище для глаз моряка открывалось в Кронштадте и на Неве. Борт о борт стояли безмолвные корабли, ни дымка – погашены топки, ни свистка боцманской дудки – команды ушли на сухопутный фронт. Плавать негде. По Брестскому миру линия, до которой разрешалось ходить советским кораблям, перечеркнула залив чуть западнее острова Котлин… Ничего! Она ещё вернётся – слава «Гангута», «Севастополя», «Авроры». Не только вернётся, но приумножится!

«ПОГИБАЮ, НО НЕ СДАЮСЬ!»

Почти в те же дни, когда балтийские корабли пришли из Гельсингфорса в Кронштадт, 12 черноморских эсминцев и 8 тральщиков уходили из Севастополя в Новороссийск. Уходили, как и на Балтике, чтобы не захватили их немцы. Оккупанты всё приближались к Севастополю; линкорам «Воля», «Свободная Россия» и пяти миноносцам пришлось выходить из порта под огнём немецких орудий.

Командующий оккупационными войсками генерал Эйхгорн рассвирепел, узнав, что в Севастополе нет кораблей. Он потребовал вернуть флот в Севастополь. В противном случае немцы намеревались двинуться по побережью на восток и занять Новороссийск.

Войск для защиты Новороссийска у нас не было. И не было другого порта, куда флот мог бы перебазироваться. Владимир Ильич Ленин попросил Морской генеральный штаб тщательно изучить обстановку на Чёрном море – не откроются ли какие возможности для спасения кораблей? Увы! Таких возможностей не открылось. И тогда Ленин на докладной записке начальника штаба написал резолюцию: «Ввиду безвыходности положения,

доказанной высшими военными авторитетами, флот уничтожить немедленно».

Как ты знаешь, в те времена даже приказ о выходе в море обсуждался или судовым комитетом, или всей командой. А тут надо было собственными руками пустить боевые корабли на дно. 11 июня на линкоре «Воля» собралось совещание делегатов всех кораблей. Большинство высказалось за потопление флота. Несколько же кораблей, в том числе «Воля», отказались выполнять директиву Совета Народных Комиссаров. Офицеры вместе с украинскими националистами и эсерами уговорили команды вернуться в Севастополь, как того требовали немцы. Матросам казалось, что как-нибудь да удастся уберечь родной корабль и от затопления и от врага. Это были наивные мечты: немцы увозили в Германию всё, что попадалось, – хлеб, скот, металлы, уголь, машины… И конечно же, прибирали к рукам военное имущество. Корабли, не выполнившие революционный приказ, были пленены немцами. (Потом попали к белогвардейцам, на них остатки разбитой армии барона Врангеля в 1920 году бежали из Крыма.)

17 июня линкор «Воля», миноносцы «Дерзкий», «Беспокойный», «Пылкий», «Поспешный», «Жаркий», «Живой» и «Громкий» пошли в немецкий плен. Эсминец «Керчь» поднял сигнал: «Судам, идущим в Севастополь. Позор изменникам России». Так проводили предателей моряки, оставшиеся в Новороссийске.

18 июня – запомни этот день, дорогой читатель, – на внешнем рейде Новороссийска, в Цемесской бухте, с утра встали корабли, готовые к затоплению. Орудия, которые годились для войны на суше, были сняты и погружены на железнодорожные платформы – моряки готовились идти на сухопутный фронт. Над кораблями развевались красные флаги и сигналы: «Погибаю, но не сдаюсь!»

Около трёх часов дня началось это мужественное самоуничтожение. Стоя в молчании на причалах, сняв бескозырки, моряки прощались с родными кораблями. Прогремел взрыв на «Пронзительном», эсминец начал погружаться в море. После взрыва, как по сигналу, остальные эскадренные миноносцы открыли кингстоны и всем отрядом ушли под воду. В отдалении «Керчь» потопила торпедой миноносец «Фидоноси» и пятью торпедами линкор. К вечеру тишина наступила над бухтой. Только верхушки мачт, видневшиеся кое-где из воды, напоминали о трагедии черноморских кораблей.

Эскадренный миноносец «Керчь» выбрал себе другое место гибели. Он пошёл к Туапсе и там открыл кингстоны. А перед тем как потонуть, передал в эфир радио: «Всем. Погиб, уничтожив

часть судов Черноморского флота, которые предпочли гибель позорной сдаче Германии».

Долгое время ничего не было известно о миноносце «Громкий». Историки флота знали только, что из Новороссийска он ушёл, а в Севастополь не пришёл. Оказывается, «Громкий» стал самым первым кораблём, затопившим себя. Он отстал от колонны, шедшей 17 июня в Севастополь, потом нагнал её, снова отстал. Эсминец «Поспешный» хотел взять его на буксир, «Громкий» отказался. Какие-то споры шли на миноносце, какая-то борьба была среди его малочисленной команды. Ясно одно – в той неизвестной борьбе победили сторонники революции: их руки открыли кингстоны. Водолазы нашли «Громкого» уже после Великой Отечественной войны. Миноносец лежал на 50-метровой глубине, нос его был смят – видимо, от удара о дно. В сумраке, окружающем погибшего, медленно проплывали рыбы, словно охраняя трагическую тайну. Верно, мы никогда не узнаем подробностей гибели «Громкого». Почти семь десятков лет прошло с той поры да ещё две войны, а на миноносце не было и половины полагавшегося экипажа, поэтому трудно предположить, что кто– то из тех людей ещё жив.

…Так вот, второй раз за историю нашей Родины не стало Черноморского флота. В Крымскую войну тоже ведь, не имея возможности сражаться с врагом, корабли ушли в морскую пучину – от позора плена и позора предательства.

ПОМНИ ПЕРВЫХ

Ты, дорогой друг, может быть, заметил, что в нашей книге мы отдаём предпочтение рассказу о первых о моряках, сделавших что-то первыми, о кораблях, сконструированных и построенных первыми…

Не каждый раз первое есть совершенное. Второе, десятое, сотое оказывается куда лучше, даже грандиознее. Но начало – это начало, без него не было бы ни сотого, ни тысячного, не было бы продолжения. Поэтому слово «первый» стало как почётное звание, которым отличают заслуги перед обществом.

Кто первым в советском флоте потопил неприятельский корабль?

В начале 1919 года в Балтийское море – на смену немцам – вошёл флот англичан. Задача у него была прежняя – помочь русским белогвардейцам свергнуть Советскую власть. Прежним было и направление главного удара – Петроград. Мины, поставленные в заливе перед островом Котлин, дальнобойные батареи Кронштадта, фортов Красная Горка и Серая Лошадь, орудия линкоров надёжно прикрыли Петроград с моря. Но защита города и близлежащего побережья этим не ограничивалась, советские корабли выходили за минные заграждения и там вели бой с английскими кораблями. Из 107 кораблей противник к концу интервенции потерял потопленными 18, 16 были повреждены.

4 июня эсминцы «Азард» и «Гавриил» вышли на разведку в Копорский залив. Там они обнаружили неприятельский миноносец и подводную лодку. Миноносец тут же начал уходить, а лодка погрузилась под воду. Было ясно, что англичане хотят подальше заманить наши эсминцы и напасть на них большими силами. «Азард» и «Гавриил» не пошли за приманкой, а повернули к себе под защиту дальнобойных орудий линейного корабля «Петропавловск», который стоял за минным заграждением. В это время подводная лодка атаковала оба эсминца – к каждому протянулась пенистая дорожка – след торпеды. Мгновенно изменив курс, эсминцы едва избежали опасности, от «Азарда» торпеда прошла всего в пяти метрах. Англичане же были настолько уверены в точности своих выстрелов, что лодка тут же всплыла, чтобы полюбоваться гибелью кораблей. И оказалась она в результате быстрого манёвра эсминцев прямо по носу «Азарда». Комендоры эсминца ударили по лодке из орудий, первый же снаряд угодил в её рубку. Видимо, в этот момент англичане начали быстрое погружение.

Сильнейший взрыв раздался, когда лодка была уже под водой, из воды на поверхность моря вырвался столб огня и чёрного дыма, вылетели обломки. Сомнений не было – лодка пошла на дно.

Подводная лодка Л-55 была одной из лучших в английском флоте. Её потом подняли наши водолазы, после ремонта лодку включили в состав Балтийского флота. Так что «Азард» не просто первым в советском флоте потопил вражеский корабль, но как бы подарил его своему флоту.

Нельзя удержаться, чтобы не напомнить, что французский фрегат «Азард» был захвачен нашими моряками в абордажном бою в 1806 году в Средиземном море. Фрегату оставили его французское название – была такая традиция. Поскольку фрегат «Азард», будучи уже русским, сражался доблестно, его название спустя 110 лет получил эсминец. В памятном бою эсминцем командовал Н. Н. Несвицкий, а комиссаром на нём был Д. М. Винник.

31 августа тоже памятный день. Тогда первую победу одержали советские подводники на лодке «Пантера». Это была одна из тех лодок, которую моряки сберегли во время Ледового похода. «Пантера» на рассвете вышла из Кронштадта в район Копорского залива. В конце дня, двигаясь под водой на перископной глубине, она обнаружила два эскадренных миноносца англичан. Это были крупные для своего класса корабли новейшей постройки. Эсминцы направились к острову Сескар и встали около него на якорь. Командир лодки А. Н. Бахтин и комиссар В. Г. Иванов приняли решение атаковать неприятеля.

Около двух часов «Пантера» подкрадывалась к врагу со стороны опускавшегося в море солнца, старалась держаться так, чтобы её перископ всё время был в сверкающей солнечной дорожке. Последующие действия лодки описаны в рапорте командира:

«21 час 05 мин. Открыл крышки носовых аппаратов. К этому времени, насколько было возможно, выяснил тип британских истребителей.

21 час 16 мин. Лёг на истребитель. Носовые аппараты – товьсь! Сблизился до 4 – 5 каб.

21 час 19 мин. Правый аппарат – пли!

21 час 19,5 мин. Левый аппарат – пли! Видел в перископ две большие шапки от выстрелов».

Сильный взрыв известил подводников, что атака была успешной. Эсминец «Витгория» окутался дымом, брызгами воды, накренился и пошёл на дно.

Трудно было потопить вражеский корабль. Трудно было уйти

и от преследования врага. Второй эсминец обстрелял «Пантеру» ныряющими снарядами. Тут же прилетели самолёты, подошли ещё миноносцы и катера. Девять кораблей, освещая море прожекторами, рыскали по сторонам, стараясь нащупать советскую лодку. «Пантера» долго не могла всплыть на поверхность. Дышать уже нечем было в лодке, экипаж держался из последних сил. Но лодка пробилась в Кронштадт. Товарищи поздравили «Пантеру» с потоплением эсминца и с рекордом подводного плавания – 28 часов, ни одна лодка так долго не находилась до этого под водой.

Интересно, бой 4 июня и бой 31 августа – как перевёрнутые, зеркальные изображения друг друга. Там были два эсминца и подводная лодка – и тут подводная лодка и два эсминца. Чего не удалось сделать английской подлодке, то сделала наша. И чего не удалось сделать английским эсминцам, то сделали эсминцы советские.

О НАЗВАНИЯХ КОРАБЛЕЙ

Революция и гражданская война дали народу истинных героев. Чтобы жила о них память, чтобы новые бойцы за счастье рабочих и крестьян брали с них пример, их имена присваивались боевым кораблям. Эсминец «Азард» стал называться «Артём» – у большевика-подпольщика Ф. А. Сергеева была такая партийная кличка; «Забияка» был переименован в «Урицкий» – в память о революционере, зверски убитом эсерами. Когда водолазы подняли со дна Цемесской бухты эсминец «Калиакрия», затопившийся, чтобы не попасть немцам, его назвали «Дзержинский».

Давали кораблям названия, в которых запечатлевались наши идеалы и великие события новой истории. Линкор «Гангут» получил название «Октябрьская Революция». Конечно, и старое название было очень почётное. Но у линкора были все основания, чтобы сменить даже такое почётное название. Ещё в 1915 году, на втором году своей жизни, корабль восстал против царя. В октябре 1917 года гангутцы одними из первых на флоте сменили андреевский флаг на красный – перешли на сторону революции. После Ледового похода моряки линкора ушли на сухопутные фронты – опять же защищать революцию.

«Маратом» был назван линкор «Петропавловск». Название поменялось решением моряков и вот по какой причине. Во французском флоте в то время был корабль «Шарлотта Корде», он прославился тем, что несколько раз подавлял восстание во французских колониях. А кто такая Шарлотта Корде? Чем знаменита эта особа, что её имя носил военный корабль? Она злодейски убила кинжалом Жана Поля Марата – пламенного революционера Франции, Друга народа, как называли его парижане. Случилось это в дни Великой французской революции, в 1793 году. Террористка Корде, чтобы проникнуть в дом Марата, прикинулась бедной женщиной, послала ему письмо: «Достаточно того, что я несчастна, чтобы иметь право на вашу благожелательность» – то есть на то, чтобы Марат принял её у себя с какой-то жалобой. «Если капиталисты увековечили имя убийцы, – рассуждали моряки, – то наш долг увековечить имя революционера Марата, причём в корабле более сильном и грозном, чем французский».

На «Марате» в двадцатых годах служил моряк-белорус по фамилии Казей. Из-за нездоровья он оставил флот, вернулся в свою деревню, а когда у него родился сын, назвал его Маратом – уже в честь своего родного корабля. Пионер Марат Казей во время

войны с фашистами был разведчиком в партизанском отряде. Однажды его окружили фашисты, мужественный мальчик, уже раненный, взорвал и себя и врагов гранатой. Марату Казею посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза. Потом его имя дали морскому теплоходу.

Конечно, если бы в первые годы Советской власти строились новые корабли, многие старые корабли остались бы с прежними названиями. Корабли своей постройки у нашей страны появились лишь в начале тридцатых годов. Первыми были спущены на воду подводные лодки «Декабрист», «Народоволец» и «Красногвардеец». В этих названиях были отмечены этапы борьбы за свободу в России.

Началось строительство лидеров, кораблей средних между эсминцами и крейсерами. Они получили название столиц союзных республик, олицетворяя дружбу советских народов и их равноправие: «Москва», «Минск», «Ташкент», «Баку», «Тбилиси», «Харьков» (в то время Харьков был столицей Украины). А первый построенный лидер был назван «Ленинград» – город не столица, но знаменит началом революции.

Продолжалось присвоение кораблям имён людей, отдавших жизнь за Советскую Родину. Так, серия речных мониторов получила имена героев гражданской войны. Был монитор «Железняков». Ты, конечно, слышал старую песню:

В степи под Херсоном высокие травы,
В степи под Херсоном курган,
Лежит под курганом, заросшим бурьяном,
Матрос Железняк – партизан.

Железняков А. Г.

Это песня об Анатолии Григорьевиче Железнякове. К слову сказать, он не был партизаном и похоронен в Москве на Ваганьковском кладбище. Но это уточнение нисколько не нарушает легендарного облика героя.

С 1915 года Железняков служил матросом на балтийском минном заградителе «Нарова». За революционную деятельность был приговорён к 14 годам каторжной тюрьмы. Из тюрьмы матрос бежал в Гельсингфорс. Оттуда в октябре 1917 года с полуторатысячным отрядом моряков приехал в Петроград. Это под его командованием моряки захватили почтамт и телеграф и штурмовали Зимний дворец. Во главе пяти тысяч матросов Железняков из Петрограда был направлен в Москву – на помощь восставшим московским рабочим. В гражданскую войну на Украине отважный командир командовал речной флотилией, полком, бронепоездом. Белогвардейцы и интервенты за голову Железняка давали 400 тысяч рублей… Летом 1919 года Анатолий Григорьевич получил в бою смертельную рану. Родился он в Подмосковье, товарищи отвезли тело героя на родину. Прожил отважный человек всего 24 года…

Монитор «Железняков» прославил себя в Великую Отечественную войну дерзкими боями с фашистами. В 1967 году

этот корабль был поставлен на берегу Днепра как памятник морякам и судостроителям, погибшим в войну.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ
АДМИРАЛЬСКАЯ

…раз дело дошло до войны, то всё должно быть подчинено интересам войны, вся внутренняя жизнь страны должна быть подчинена войне, ни малейшее колебание на этот счёт недопустимо.

В. И. Ленин

ОТ «ВАЙСА» ДО «БАРБАРОССЫ»

Гитлеровские генералы и сам Гитлер любили придумывать названия военным планам и операциям. «Маритой» называлось у них вторжение в Грецию, нападение на Югославию было зашифровано числом 25, «Учением на Везере» («Везерюбунг») нарекли они захват Дании и Норвегии; Везер немецкая река, и план с таким названием должен был скрыть истинные цели предстоящего нападения. План нападения на Польшу, с исполнения которого началась вторая мировая война, назывался «Вайс» – «Белый», на Францию – «Гельб» – «Жёлтый». Значительная группа названий имела символическое значение. Такие названия должны были устрашить противника и вдохновить немецких солдат на подвиги. Неосуществлённая операция вторжения в Англию через Ла-Манш именовалась «Зеелеве» – «Морской лев»: тут и молниеносный десантный прыжок, который надлежит совершить с материка на острова, и противоборство невиданного морского льва с британским гербовым львом.

Самое невероятно страшное, непомерно ужасное для противника и самое вдохновляющее для своей армии название было придумано плану войны против СССР – «Барбаросса».

Фридрих I Барбаросса, германский император, прославился тем, что в XII веке водил в походы крестоносцев. Правда, его войско било не столько иноверцев, сколько христиан в Италии. Захватив, к примеру, Милан, Барбаросса изгнал жителей и приказал разрушить город до основания, а затем провести плугом борозду через город – в знак того, что Милана больше не существует. Самая заурядная жестокость да ещё рыжая борода (отсюда и Барбаросса – Рыжебородый) дали основание немецким шовинистам окружить имя императора легендой. Веками в народе держалось поверье, что Барбаросса, вернувшись после походов на родину, погрузился в гору Кифхойзер. В глубине горы он спит, сидя на каменной лавке, опустив голову на каменный стол, а рыжая борода всё растёт и растёт, стелется по каменному полу. Император ждёт часа, когда немецкий народ будет готов к новым походам во славу нации. Тогда-то он воспрянет от сна, раздвинет гору, выйдет из неё и встанет впереди победоносных полков.

Гитлер и его единомышленники считали: такой час наступил. Первого сентября 1939 года фашистская Германия напала на Польшу. Началась вторая мировая война. К середине 1941 года 12 государств Европы были лишены независимости. Немецко-

фашистские агрессоры захватили Польшу, Данию, Бельгию, Норвегию, Голландию, Люксембург. Потерпела поражение Франция, разгромлена и расчленена Югославия, оккупирована Греция. Война перекинулась в Африку. В истории войн политическая карта Европы не перекраивалась так быстро, как в те неполных два года.

Половина Европы была уже под германской властью. Оставалось сокрушить Советский Союз (а после этого разделаться с Англией и США).

Разработку операции «Вайс» немецкие генералы вели 5 месяцев, захватили Польшу за 35 дней; «Везерюбунг» разрабатывали 4 месяца, оккупировали Данию за сутки, Норвегию – за два месяца; на планирование операции «Гельб» ушло 8 месяцев, захвачена была Франция за 44 дня (вместе с Голландией и Бельгией)… Скоротечность проведённых операций создавала иллюзию непобедимости фашистской армии.

Больше года напряжённого, кропотливого и вдохновенного труда ушло у фашистов на планирование «Барбароссы». В соответствии с расчётами вся европейская часть СССР должна была стать немецкой за полтора-два месяца.

Тебя, читатель, возможно, несколько задело слово «вдохновенного»? Фашисты недостойны такого лестного эпитета. Что делать? В тот год они работали действительно вдохновенно. Наша святая ненависть к фашистам не даёт нам права не видеть сильных сторон врага – организованности, дисциплинированности, боевой выучки его армии, опытности его генералов и адмиралов. Врага надо ненавидеть, но относиться к нему свысока нельзя, это грозит неудачами в борьбе с ним.

Великие полководцы Александр Васильевич Суворов и Георгий Константинович Жуков, которые были к врагу беспощадны, оставили нам завет: не относитесь к неприятелю с пренебрежением. Суворов так и говорил: «Никогда не пренебрегайте вашим противником, но изучайте его войска, его способы действия, изучайте его сильные и слабые стороны». «Я противник того, – говорил Жуков, – чтобы отзываться о враге, унижая его. Это не презрение к врагу, это недооценка его. А в итоге не только недооценка врага, но и недооценка самих себя».

Ничто так не требует объективности, неприкрашенного отношения к фактам, как война. Необозримые жертвы принесла она, было бы святотатством, надругательством над могилами павших умалить силу врага, умолчать о наших неудачах, помня лишь победы. Эти слова, мой друг-читатель, я пишу в общем-то для себя, чтобы мне в рассказе о Великой Отечественной войне избежать одной «тенденции». О ней маршал Жуков в беседе с

писателем Константином Симоновым говорил так:

«Вообще у нас есть неверная тенденция. Читал я тут недавно один роман. Гитлер изображён там в начале войны таким, каким он стал в конце. Как известно, в конце войны, когда всё стало расползаться по швам, он действительно стал совсем другим, действительно выглядел ничтожеством. Но это был враг коварный, хитрый, сильный… И если брать немцев, то, конечно же, они к нему не всегда одинаково и не всегда отрицательно относились. Наоборот. На первых порах восхищались им. Успех следовал за успехом. Авторитет у него был большой, и отношение к нему внутри Германии, в частности со стороны германского военного командования, было разное на разных этапах. А когда мы его изображаем с самого-начала чуть ли не идиотиком – это уменьшает наши собственные заслуги. Дескать, кого разбили? Такого дурака! А между тем нам пришлось иметь дело с тяжёлым, опасным, страшным врагом. Так это и надо изображать…»

Вернёмся снова к Гитлеру – пока ещё уверенному в себе, опьянённому победами фюреру, вождю орды, которая двинулась по земле в танках, бронетранспортёрах, в безукоризненно строгих шеренгах, с оранжево-красными знамёнами, перечёркнутыми свастикой.

Гитлер сначала намеревался назвать план войны против СССР не «Барбароссой», а «Фридом». Имелся в виду ещё один германский завоеватель, Фридрих II. Этот король, получивший к имени добавление «Великий», на самом деле провёл несколько крупных победных сражений с армиями европейских соседей. Но Гитлер, отыскивая для себя опоры в истории, конечно же, читал письмо «Великого Фрица», написанное в 1759 году в последние часы битвы при Кунерсдорфе: «Я несчастлив, что ещё жив. Из армии в 48 тысяч человек у меня не остаётся и 3 тысяч. Когда я говорю это, всё бежит, и у меня уже больше нет власти над этими людьми… У меня больше нет никаких средств, и, сказать по правде, я считаю всё потерянным». Поскольку армию Фридриха II обратили в паническое бегство русские пушкари, стрелявшие из единорогов, и русская пехота, ударившая в штыки, Гитлер не решился дать операции название «Фрид». В трудные моменты борьбы оно навело бы немецких солдат на мысль о грустном итоге затеянного похода.

Но ведь и Барбаросса был с подмоченной репутацией – даже в буквальном смысле этого слова. Он потерпел сокрушительное поражение в битве с ополченцами итальянских городов и едва спасся от плена. Тогда же ему пришлось, чтобы наладить отношения с папой римским, стоять перед ним на коленях и целовать ему ноги – занятие, по понятиям всех времён, в высшей

степени унизительное. Кончина Барбароссы тоже не есть пример доблести: во время крестового похода при переправе он утонул в Чёрном море. Однако лучшего выбора у фашистов не оказалось, план получил название «Барбаросса».

«Рыжебородый» в итоге привёл фашистскую Германию к безоговорочной капитуляции, Гитлера – к самоубийству, его соратников – на виселицу.

Но итог этот был после многих лет напряжённейшей, кровопролитнейшей борьбы. Вторая мировая война унесла из человеческой семьи 50 миллионов жизней, обрекла сотни миллионов людей жить долгие годы впроголодь, в тяжёлом труде, в печали по погибшим. Было разрушено огромное число городов, сожжено огромное число деревень, погибло великое множество ценностей, созданных людьми.

В той войне фашисты ничего не делали без ведома фюрера. Однако первовиновником, главным виновником ужасных человеческих бед был не он, не его генералы и даже не нацистская партия. Гитлер – всего лишь ядовитый зуб смрадной и жирной змеи, название которой – германский империализм, а точнее – мировой империализм.

В 1925 году Гитлер опубликовал книгу «Майн кампф» – «Моя борьба». Германцы объявлялись в ней самым полноценным народом, потомками древних ариев – арийцами. Поскольку «полноценный народ» живёт в стеснённых условиях, он имеет право взять у «неполноценных» землю и оставить в живых столько «неполноценных», сколько нужно для обслуживания «арийцев».

В конце концов, утверждал Гитлер, все народы подчинятся германцам, весь мир будет германским. Первыми, кого должны уничтожить «арийцы», – это коммунисты, славяне и евреи. Почему коммунисты? Потому что идеология коммунистов в корне отличается от идеологии фашистов, коммунисты – самая крепкая сила, которая стоит на их пути. Почему славяне? Много ли возьмёт земли германец, если двинется на запад? Зато на востоке лежат неоглядные просторы. К тому же одним ударом будут решены две задачи – страна с самым большим славянским населением и есть страна коммунистическая. А почему евреи? Гитлер считал, что евреи – экономическими и другими средствами – тоже хотят захватить господство над миром. А раз так, то они враги.

«Майн кампф» в то время мало кто принял всерьёз – настолько невероятными, чудовищно дикими казались намерения, изложенные в ней. Но борьба с коммунизмом, уничтожение Советского Союза никогда не снимались империалистами с повестки дня. Поэтому фашисты, объявившие

себя врагами СССР, получили от германских капиталистов сначала деньги, потом власть. Когда же фашизм окреп и создал сильную армию, уже капиталисты Англии и Франции (при согласии капиталистов США) позволили Гитлеру захватить Австрию, Чехословакию, а чуть позже – Польшу. Гитлер продвигался на восток, к границам СССР – зачем же мешать ему?! Правда, в какие-то моменты правителей Англии и Франции пробирал озноб при мысли, что Гитлер выкинет непредвиденный фокус – например, потребует вернуть Германии отнятые в первую мировую войну колонии. Но страх проходил – военный союз фашистских государств – Германии, Италии и Японии – назывался «Антикоминтерновский пакт», совершенно ясно, против кого он направлен.

Капиталисты рассуждали: завоевав Советский Союз, фашисты насытятся и не тронут капиталистические страны.

Ещё при захвате фашистами Австрии Советское правительство настойчиво призывало миролюбивые страны объединиться для отпора агрессорам. «Завтра может быть уже поздно, – говорилось в нашем заявлении, – но сегодня время для этого не прошло…»

Правительства Англии, Франции, Соединённых Штатов Америки, к кому в первую очередь направлялся призыв, оставили его, как и другие наши предложения, без ответа – им очень хотелось столкнуть в истребительной войне фашистскую Германию с социалистическим Советским Союзом.

А фашистская Германия не думала щадить капиталистов-конкурентов. Ей нужен был весь мир. И ещё Гитлер знал, что для войны против СССР одна Германия не сможет произвести оружие в достаточном количестве, у неё не хватит собственных ресурсов. Для войны против СССР фашистам была нужна промышленность всей Западной Европы. В апреле 1940 года фашисты вопреки ожиданиям капиталистов заняли Данию и Норвегию, в мае – Бельгию и Голландию, затем вторглись во Францию и оккупировали её.

Планы «Вайс», «Везерюбунг», «Гельб» и прочие легко удались фашистам. Солдаты прошли в победных маршах по площадям Парижа, Гааги, Брюсселя и других столиц. Военные заводы Франции, Бельгии, Австрии, Чехословакии начали делать танки и самолёты для немецко-фашистской армии. Нефтяные промыслы Румынии и Венгрии качали для неё горючее. Из рудников Норвегии пошли в Германию железная руда и никель. Со всех концов Западной Европы свозилось в Германию продовольствие. Миллионы рабочих из оккупированных стран были вывезены на заводы и на поля самой Германии – за счёт этого Гитлер

мобилизовал в армию миллионы немцев. Правители Финляндии, Венгрии, Румынии отдали в распоряжение фашистов свои вооружённые силы. Турция заключила с немцами договор о дружбе. Япония держала у дальневосточных границ СССР огромную армию. Такой была обстановка, когда Гитлер отдал приказ осуществить план «Барбаросса».

Рыжебородый предок арийцев не мог не отметить, что фашисты подготовились к войне против СССР мощно. Как полководец (хотя и с подмоченной репутацией), он, конечно же, записал в актив германской армии её двухлетний опыт боевых действий и страсть её солдат к беспощадному уничтожению людей.

Вторая мировая война, подготовленная силами международного империализма, вопреки ожиданиям её зачинщиков началась как вооружённое столкновение внутри лагеря империализма между двумя группами империалистических государств: германо-итало-японской – с одной, и англо-французской – с другой. Ведущим капиталистическим державам не удалось объединить свои усилия в борьбе против СССР. Война началась как империалистическая, захватническая, несправедливая со стороны главных её участников. Но благодаря неуклонно возраставшей активности широких масс трудящихся постепенно стала приобретать антифашистский характер. С вступлением Советского Союза в войну 22 июня 1941 года, с началом Великой Отечественной войны советского народа против фашизма этот процесс завершился. Вторая мировая война приобрела новое политическое содержание.

Советский Союз, принявший на себя основную тяжесть вооружённой борьбы с агрессором, отстаивал социализм, помогал народам, попавшим в фашистское рабство, защищал мировую цивилизацию – и вторая мировая война (для стран антифашистской коалиции) превратилась в войну справедливую, освободительную.

В Советской стране, в её народе, руководимом Коммунистической партией, народы земли видели силу, которая может остановить и уничтожить гитлеровские армии.

О том, как шла Великая Отечественная война, о боевых действиях на побережьях и на морях, разговор впереди. А сейчас, читатель, мы займёмся обычным для начала главы делом – посмотрим, как менялся флот после первой мировой войны, как он готовился ко второй мировой войне и совершенствовался во время её.

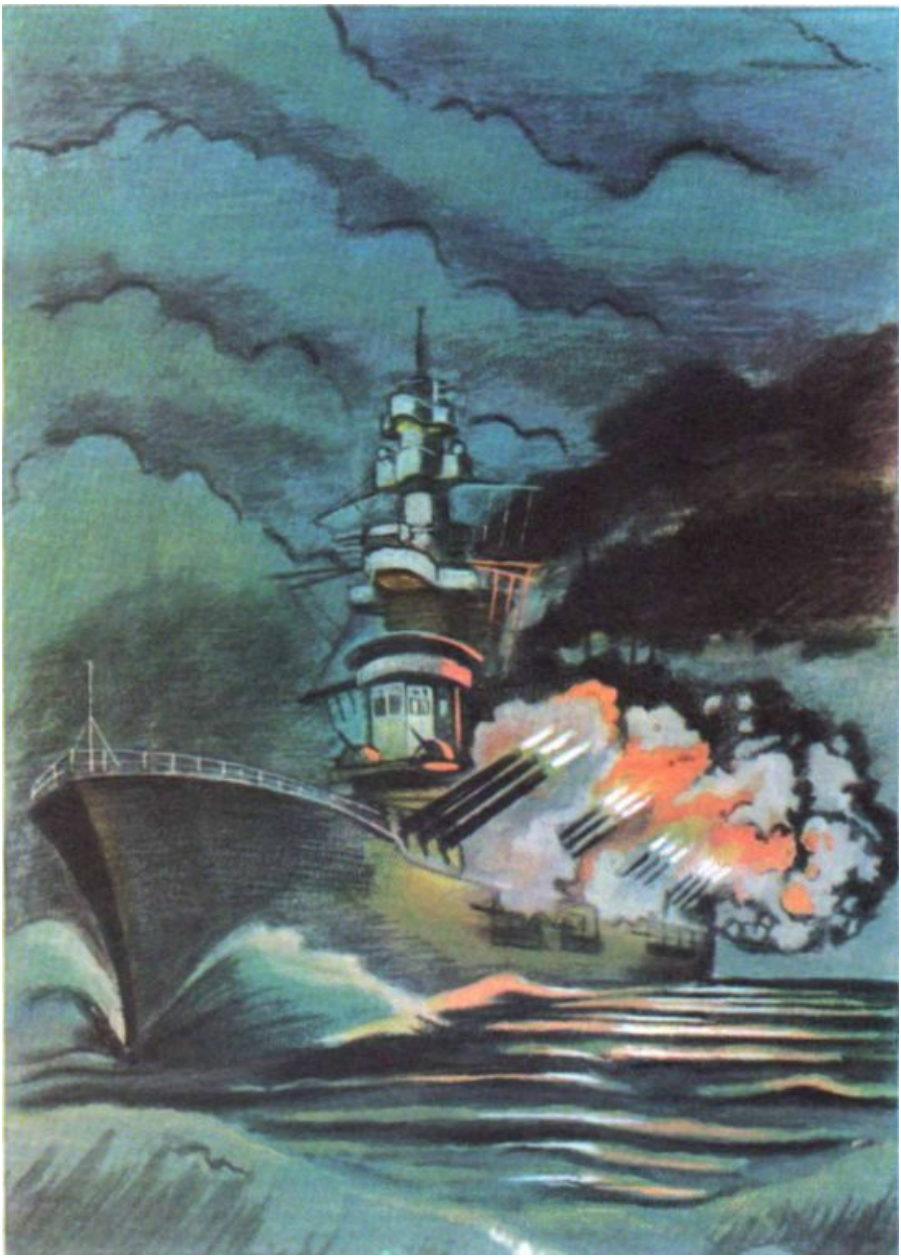
КОРАБЛИ, ОРУЖИЕ И СРЕДСТВА ФЛОТА

ЛИНКОРЫ

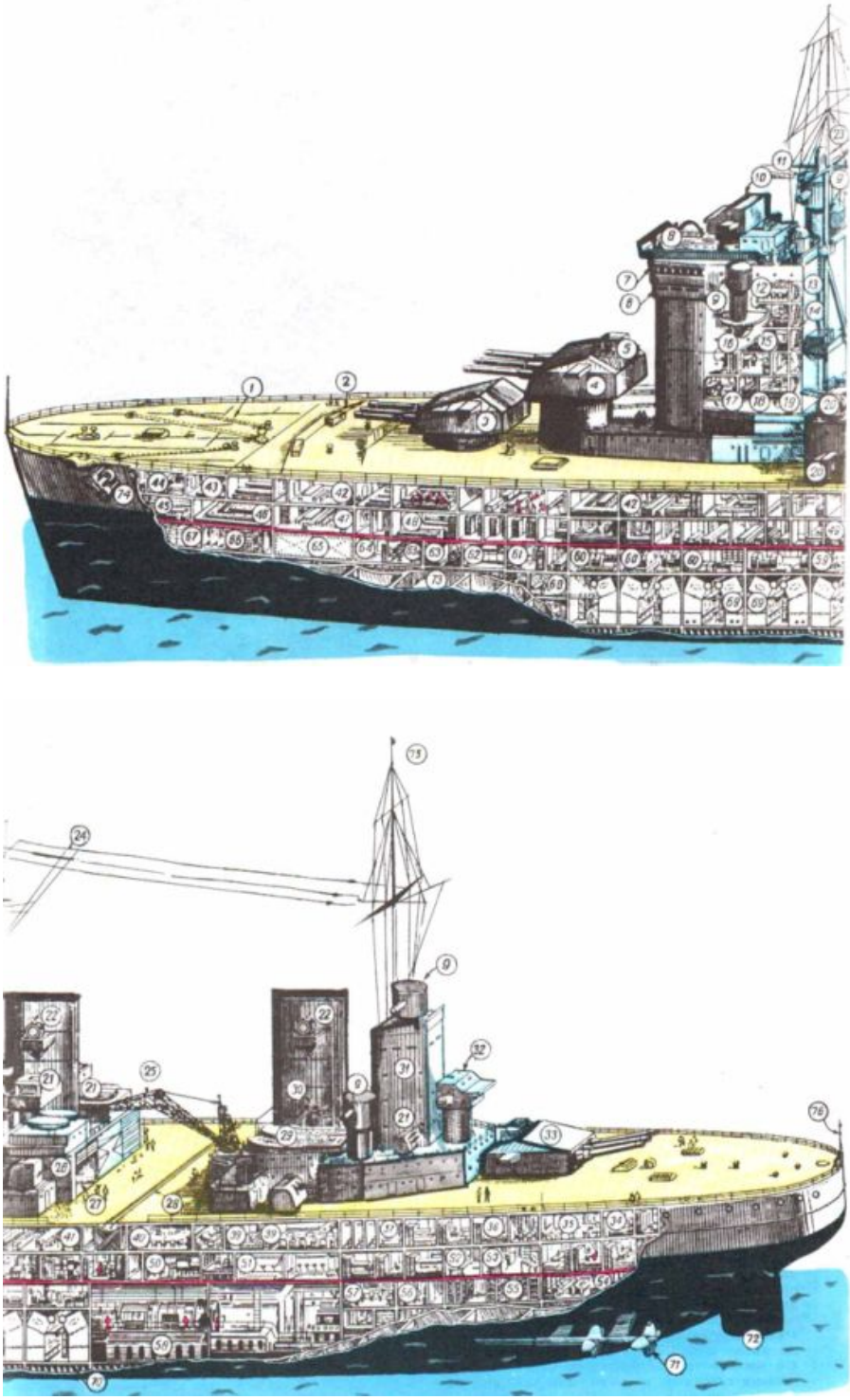
Как и раньше, главная роль в войне на море отводилась линейным кораблям. В них видели силу, способную обеспечить господство на морских театрах.

И вот появились корабли-гиганты – длиной в четверть километра, шириной почти 40 метров, водоизмещением до 65 тысяч тонн, с экипажами до трёх тысяч человек. Эти махины носились по любым волнам со скоростью до 33 узлов. Мощность турбин на таких кораблях доходила до 250 тысяч лошадиных сил – поставь эту установку на берегу, и она даст электричество целому городу с его заводами и фабриками.

Что же входило в обязанности линкоров? Им надлежало наносить мощные артиллерийские удары по кораблям и береговым объектам неприятеля. В морском бою они, как говорят военные моряки, должны были придавать боевую устойчивость соединениям других надводных кораблей. Для выполнения своей задачи линкоры имели мощные орудия калибром от 305 до 406 миллиметров, стрелявших тысячекилограммовыми снарядами на расстоянии в 40 километров. За один залп линкор обрушивал на противника 10 тонн стали, за четверть часа непрерывного огня – 200 тонн.



Линейный корабль ведёт огонь.



Линейный корабль времён второй мировой войны (продольный разрез).

1 – якорная цепь; 2 – волнорез; 3 – передняя трёхорудийная башня артиллерии главного калибра; 4 – верхняя носовая трёхорудийная башня артиллерии главного калибра; 5 – батарея зенитных пушек-автоматов; 6 – помещение рулевого управления; 7 – помещение компасов; 8 – боевая рубка; 9 – стабилизованные посты наводки; 10 – носовой пост управления артиллерийским огнём; 12 – чертёжная; 13 – оперативная каюта; 14 – лестницы (фаны); 15 – помещение работников механического лага, измеряющего скорость корабля; 16 – походная каюта начштаба; 17 – адмиральская каюта; 18 душ; 19 – помещение метеорологов; 20 – 120-миллиметровые зенитные пушки; 21 – батареи зенитных пушек-автоматов; 22 – прожекторы; 23 – место наблюдателя; 24 – антенна; 25 – кран для подъёма самолётов на борт корабля; 26 – орудие противоминной артиллерии калибра 135 миллиметров; 27 – ангар; 28 – катапульта для запуска самолётов; 29 – моторные боты; 30 – вентиляторы котельного отделения; 31 кормовые посты управления; 32 пост управления артогнём; 33 – кормовая трёхорудийная башня артиллерии главного калибра (355 миллиметров); 34 – адмиральские каюты; 35 и 36 – офицерские каюты; 37 – ванные и души; 38 лазарет; 39 – приёмная врача; 40 – кают-компания; 41 офицерская столовая; 42 – помещения команды; 43 – машинное шпилевое отделение; 44 малярная мастерская; 45, 46, 47, 48 – столовые помещения; 49 – ремонтные механические мастерские; 50 – вентиляционная установка; 51 – умывальные; 52, 53 – канцелярия; 54 – хлебопекарня; 55 – продовольственные склады; 56 – гирокомпас; 57 – главная радиорубка; 58 – машинное отделение; 59 и 60 – вспомогательные машины; 61 – карто-хронометрическая каюта; 62 – машина для фильтрации воздуха; 63 – мотор-генератор; 63-а – запасная радиорубка; 64 – нижнее рулевое управление; 65 – цистерна для пресной воды; 66 – главный склад; 67 – мучной склад; 68 – радиопередатчик; 69 – паровые котлы; 70 – цистерны для горючего; 71 – гребные винты; 72 – руль; 73 – противоторпедные переборки; 74 – якорь; 75 – клотик; 76 – флагшток (вертикальный шест) кормового флага.

Совершенствовались линкоры, совершенствовались и средства борьбы с ними – авиация, подводные лодки, минное оружие… В море линейные корабли выходили, как императоры, окружённые многочисленной свитой – их сопровождали сторожевики, тральщики, миноносцы и эсминцы, крейсеры и даже авианосцы.

Но ни многочисленный эскорт, ни собственное грозное оружие не гарантировали линейный корабль от атак неприятеля. В таком случае на пути вражеских снарядов и бомб вставала

броня. Теперь её вес составлял чуть ли не половину веса всего корабля. До 20 тысяч тонн против 10 тысяч на старых линкорах. Бронёй покрывались верхняя, средняя палубы и часто нижняя. Бомба, ударившись о верхнюю палубу, взрывалась, но на пути осколков и взрывной волны оказывалась более прочная броня средней палубы. Бортовую броню теперь ставили не вертикально, а с наклоном к воде, угол встречи снаряда с бронёй уменьшался, снаряд бил по броне вскользь.

От бомб и снарядов линкор защитился. А торпеды и мины? Ведь подводная часть корабля не закрыта бронёй… Кораблестроители поставили на пути взрыва торпеды несколько переборок, которые, разрушаясь, всё ослабляли и ослабляли силу взрыва. Толщина такой защиты (с промежутками между переборками) достигла 8 метров. За ней укрывались котлы, машины, артиллерийские погреба, все жизненные центры корабля.

Корабль разделён на множество отсеков водонепроницаемыми поперечными переборками. Прямо пчелиные соты! Так что потопить линкор очень и очень трудно.

И всё же, несмотря на свою огромную силу и живучесть, морские Гулливеры не оправдали надежд. Урон неприятелю они приносили не такой большой, как должны были по расчётам, а сами гибли.

Одним из первых пошёл на дно морское новейший немецкий линкор «Бисмарк». «Бисмарк» и тяжёлый крейсер «Принц Ойген» в сопровождении трёх эсминцев 18 мая 1941 года вышли из Гдыни на Балтийском море и отправились топить английские торговые суда в Бискайском заливе. Ранним утром 24 мая английские корабли перехватили этот отряд. А днём 27-го числа немцы вынуждены были открыть на линкоре кингстоны и затопить его, так как корабль получил повреждения, исключавшие дальнейшее сопротивление. В корабль попало 8 торпед, сброшенных самолётами и выпущенных эсминцами, и много артиллерийских снарядов. «Принц Ойген» оторвался от преследования и укрылся в Бресте.

Англичане выпустили по немецким кораблям несколько тысяч снарядов и 83 торпеды. У них в том бою было более 100 самолётов и более 50 различных кораблей, в том числе два линкора, линейный крейсер и другие крейсеры да два авианосца. При таком огромнейшем превосходстве в силах англичане за победу над «Бисмарком» заплатили потопленным линейным крейсером «Худ» и большими повреждениями новейшего линкора «Принс ов Уэлс». Любопытная подробность: английские самолёты-торпедоносцы, поднявшиеся с авианосца «Арк-Роял»,

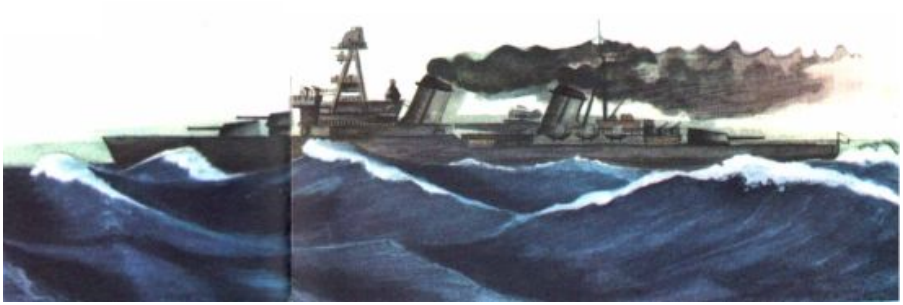
спутали с немецким кораблём свой крейсер «Шеффилд» и выпустили по нему торпеды. Видимо, лётчики не обладали нужным мастерством, так как крейсер, не готовый к такому сюрпризу, сумел уклониться от всех торпед.

КРЕЙСЕРЫ

Крейсеры, как и линкоры, вели артиллерийский бой с кораблями и береговой артиллерией противника. Но вдобавок решали ещё и другие задачи – поддерживали артиллерийским огнём свои сухопутные войска, прикрывали десанты на переходе морем, ставили минные заграждения, вели дальнюю разведку, охраняли конвои транспортных судов, нападали на конвои противника, нарушали его морские коммуникации за тысячи миль от своих баз.

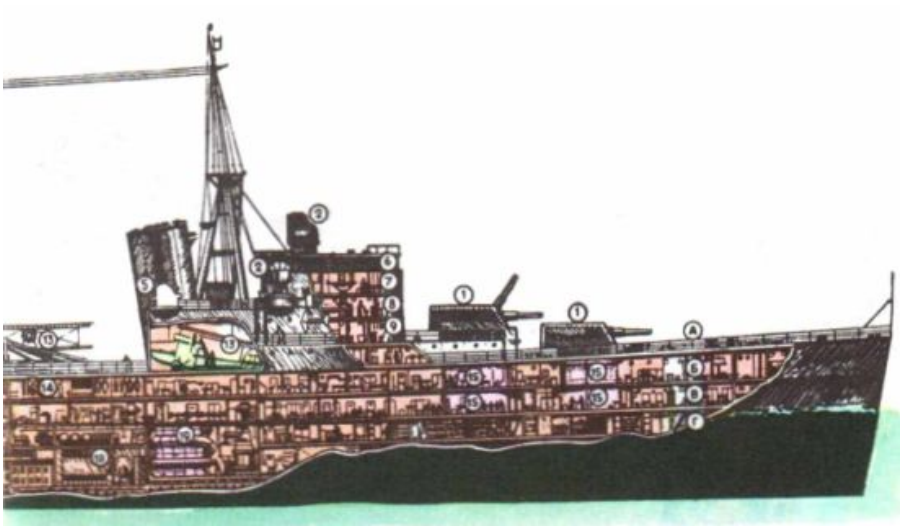
Крейсеры были почти такой же длины, как и линкоры, но уже линкора чуть ли не в два раза. За счёт корпуса такой формы корабли, имея менее мощные машины, развивали скорость до 40 узлов. Скорость позволяла им быстро сближаться с противником и так же быстро выходить из боя, часто ещё до того, как противник успевал нанести ответный удар. На тяжёлых крейсерах было по 6-9 орудий калибром 203-305 миллиметров, на лёгких – 9-12 орудий калибром 127-180 миллиметров. От авиации крейсер защищался зенитными пушками и пулемётами. К тому же орудия противоминной защиты (защиты от миноносцев) стали стрелять и по самолётам. В ближнем бою крейсеры поражали вражеские корабли торпедами – из аппаратов, установленных на палубе по обоим бортам.

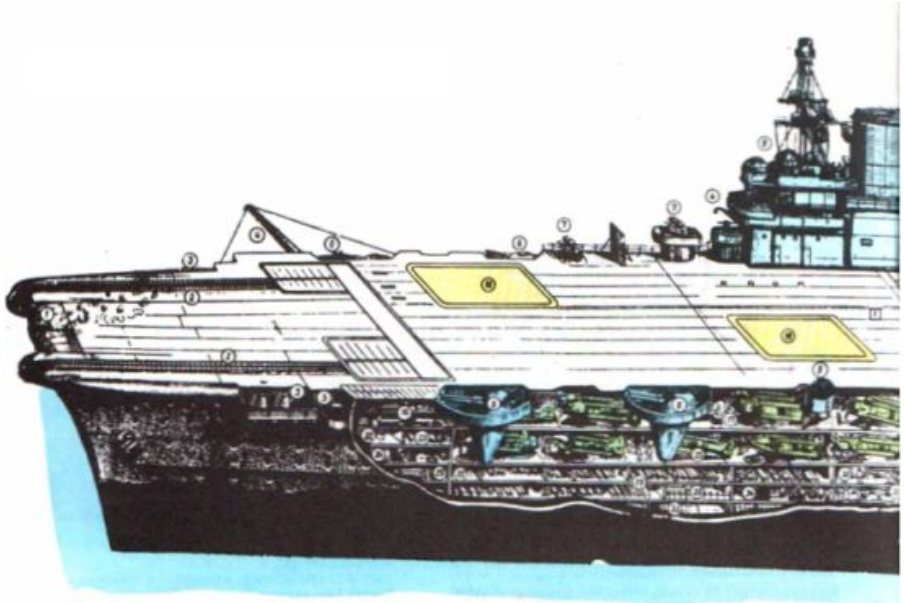
Но вот броневая защита у крейсеров была гораздо слабее, чем у линкоров. Бронировалась только середина корабля. Можно сказать, что в середине крейсера была коробка из брони, за стенками которой размещались машины и другие особо важные центры и посты. Толщина брони не шла в сравнение с линкоровской, там она доходила до 406 миллиметров, здесь – до 140 миллиметров на бортах и 127 миллиметров на палубах.



Крейсер «Киров».

Первым крупным кораблём советской постройки стал на нашем флоте лёгкий крейсер «Киров». Он сошёл со стапелей завода в 1936 году. Это был очень хороший корабль. Потом, во время войны, в блокаду Ленинграда, немецкая авиация устроит за ним яростную охоту, но крейсер с честью выйдет из всех испытаний. Корабль был длиной в 191 метр, шириной 18 метров, водоизмещением около 9 тысяч тонн. В трёх башнях крейсера стояло по три 180-миллиметровых орудия, ещё было 8 орудий калибром 100 миллиметров, 10 орудий калибром 37 миллиметров и 6 зенитных пулемётов. Крейсер мог стрелять торпедами – из двух трёхтрубных аппаратов. Он брал 170 мин. Были у крейсера два своих самолёта.





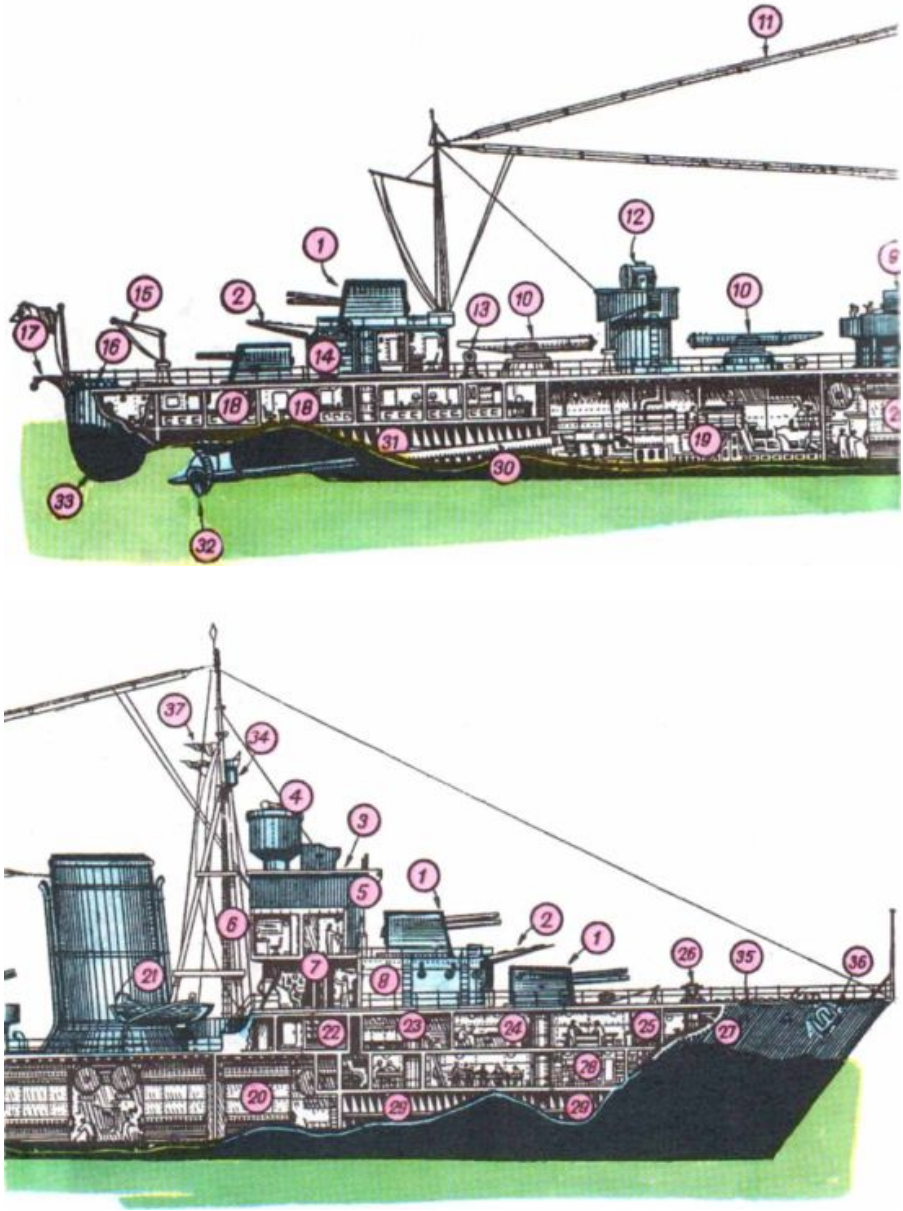
Лёгкий крейсер времён второй мировой войны (продольный разрез).

А – полубак; Б – верхняя палуба; В-палуба: Г нижняя палуба.

1 – носовые трёхорудийные башни главного калибра; 2 – командно-дальномерные посты и посты управления огнём носовые и кормовые; 3 – сигнальные прожекторы; 4 – два левобортовых зенитных орудия калибра 102 миллиметра, такие же орудия на правом борту; 5 – многоствольные зенитные пушки-автоматы: 6 – верхний мостик; 7 – боевая рубка; 8 – штурманская рубка; 9 – рулевая рубка; 10 – каюта командира; 11 – каюты офицеров; 12 – торпедные аппараты; 13 – самолёт на катапульте и ангар с самолётом, такой же ангар – на правом борту; 14 – катапульта, установленная поперёк корабля; 15 – помещения для матросов; 16 – помещения для механизмов управления рулями; 17 – главная радиостанция корабля; 18 – турбины; 19 – котельные.

ЭСМИНЦЫ

Об эсминцах мы с тобой, читатель, говорили, пожалуй, больше, чем о кораблях других классов. Они и достойны такого внимания – великие труженики морской войны, которым любое дело по плечу. В торпедные атаки эсминцы ходили, дозорную службу несли, разведку вели, охраняли эскадры и конвои от самолётов и подводных лодок, от торпедных катеров неприятеля, минные заграждения ставили, поддерживали артиллерийским огнём, искали и уничтожали подводные лодки.



Эскадренный миноносец времён второй мировой войны (продольный разрез).

1 – башенные орудия 120-миллиметрового калибра; 2 – щит; 3 – командный мостик; 4 – дальномер; 5 – штурманская рубка; 6 – каюта командира; 7 – радиорубка; 8 – помещение сигнальщиков; 9 – зенитные орудия; 10 – многотрубные торпедные аппараты; 11 – антенна; 12 – прожектор; 13 – бомбомёт для стрельбы глубинными бомбами; 14 –камбуз; 15 – подъёмный кран; 16 – глубинные бомбы; 17 – кормовой бомбосбрасыватель; 18 –

офицерские каюты; 19 – машинное отделение (турбины); 20 – котельные; 21 – спасательная шлюпка; 22 – погреб боезапаса; 23 – ствол орудийной башни с подъёмниками снарядов; 24 – помещение команды; 25 – столовая команды; 26 – шпиль (машина с вертикальным воротом для подъёма якоря); 27 – машинное отделение шпиля; 28 – хранилища провизии; 29 – носовые цистерны для жидкого топлива; 30, 31 – кормовые цистерны для жидкого топлива; 32 – гребной винт; 33 – руль; 34 – наблюдательный марс («гнездо» для наблюдателя на вершине мачты); 35 – якорная цепь; 36 – якорь; 37 – сигнальные флажки.

Поскольку эсминцы были универсальными кораблями, военные моряки и инженеры настойчиво искали пути совершенствования их, чтобы ходили они ещё быстрее и вооружены были ещё сильнее. В результате таких поисков на всех флотах появились лидеры эсминцев, которые, по расчётам, должны были водить в атаки обычные эсминцы. Первым лидером на нашем флоте стал «Ленинград». Он имел водоизмещение 2690 тонн, ходил со скоростью более 40 узлов и был вооружён пятью 130-миллиметровыми, тремя 76-миллиметровыми, пятью 37-миллиметровыми орудиями и четырьмя зенитными пулемётами. Кроме того, на палубе стояли два четырёхтрубных торпедных аппарата, лидер имел глубинные бомбы и мог взять на борт до 80 мин. Длина «Ленинграда» составляла 139 метров, ширина 14 метров. Узкий и длинный, как нож, стремительный корабль.

Наши лидеры в манёвренности и скорости превосходили иностранные корабли этого класса. У «Ленинграда» было три винта и три турбины мощностью по 22 тысячи лошадиных сил. Получается, что каждую тонну водоизмещения лидера мчали по морю почти 25 лошадиных сил (у крейсеров на тонну водоизмещения приходится лишь 15 лошадиных сил, у линкоров – всего 3-4 лошадиные силы).

Однако лидер хоть и был эсминцем, но очень уж большим, похожим на крейсер. Советским конструкторам в 1934 – 1936 годах удалось создать эсминец, который имел водоизмещение 1860 тонн – на 830 тонн меньше, чем у лидера, но вооружён был почти так же, как лидер: четыре 130-миллиметровых орудия, два 76-миллиметровых, четыре 37-миллиметровых, шесть зенитных пулемётов и два трехтрубных торпедных аппарата, были у него и мины, и глубинные бомбы. Такие корабли стали называться эсминцами типа «Гневный» – по названию первого корабля серии. Но, что интересно, раньше «Гневного» на воду был спущен «Бодрый»: по готовым чертежам к постройке приступили одновременно судостроители на Балтике и на Чёрном море, в

соревновании победили черноморцы.

Семья эсминцев-близнецов имела сходство и в названиях: «Бодрый», «Бойкий», «Безупречный», «Гневный», «Грозный», «Громкий», «Гремящий».

В 1939 году вступил в строй головной эсминец новой серии – «Сторожевой». Он дал начало ещё одной семье советских эскадренных миноносцев, в которой были «Сообразительный», «Смышлёный», «Смелый», «Стерегущий» (последний назван был в честь «Стерегущего», геройски погибшего у Порт-Артура). Внешне эти эсминцы отличались от «Гневного» тем, что имели две трубы, а не одну. Вооружение их было почти такое же, как у старших братьев, но ходили они побыстрее, были прочнее, турбины у новых кораблей располагались так, что их нельзя было вывести из строя попаданием одного снаряда: они стояли одна за другой, а не рядом, как на первых эсминцах.

Советские эскадренные миноносцы были лучше немецких и английских и не хуже американских. У немцев эти корабли расходовали мало топлива на предельной скорости, но много на среднем и тихом ходу, что оказалось существенным изъяном. В 1940 году во время операции по захвату норвежского порта Нарвик восемь новейших немецких эсминцев остались без топлива после большого перехода и, неподвижные, были потоплены английской авиацией. Случались с эсминцами истории ещё курьёзней – из-за просчёта штурманов однажды семь американских эсминцев, шедших в кильватерной колонне, в тумане выскочили один за другим на камни, снять их было некому, и все они погибли, разломанные штормом.

Эскадренный миноносец.

Очень сильными для водоизмещения в 1360 тонн были японские эсминцы типа «Кавасаки». На них стояло по пять 127-миллиметровых орудий и по два четырёхтрубных торпедных аппарата. (Сравни с «Гневным», водоизмещение которого на 530 тонн больше.) Как же японцам удалось разместить столь сильное оружие на таком маленьком корабле? Оказалось, они не делали помещений для экипажа, моряки отдыхали и спали прямо на палубе, постелив циновки, еду варили в полевых кухнях. Не было

на корабле отопления. Всё было сжато, стиснуто сверх предела. Даже в тёплом климате служить на таком корабле было очень тяжело.

ПОДВОДНЫЕ ЛОДКИ

Многое в возможностях подводной лодки – потопить огромный транспорт или сильнейший корабль, провести дальнюю разведку, поставить мины на морской дороге, доставить в отдалённый пункт диверсантов или разведчиков, перевезти особо ценный груз, обстрелять побережье противника или конвойные корабли. Причём выйдет в атаку лодка скрытно и внезапно.

Выдающиеся способности подводных лодок после первой мировой войны ни у кого не вызывали сомнений. Моряки и кораблестроители всех морских держав настойчиво трудились, совершенствуя подводные корабли. Подумать было над чем – тут и скорость, и глубина погружения, и оружие, и приборы навигации, акустики, и средства защиты от надводных кораблей.

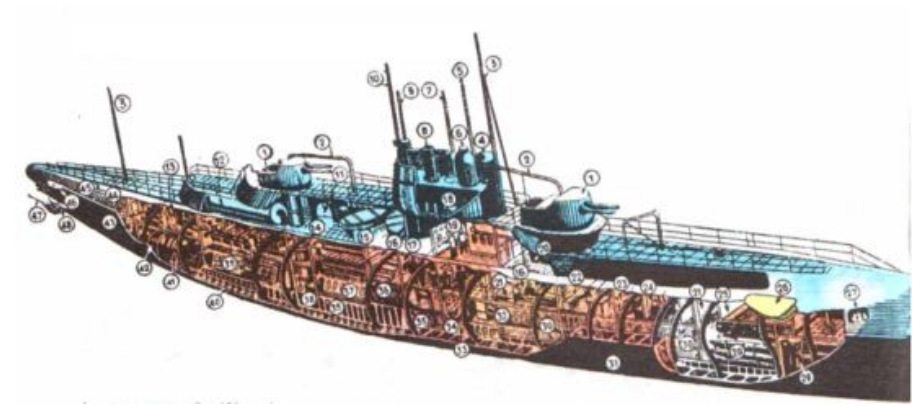
Как в каждом поиске, были чрезмерные увлечения, не оправдавшие себя замыслы. Французы, например, в 1929 году построили огромнейшую лодку «Сюркуф», водоизмещением 3257 – 4368 тонн – опустили под воду чуть ли не крейсер. (Первая цифра обозначает надводное водоизмещение, вторая подводное, запомни это условие.) Японцы и немцы возлагали особые надежды на совсем крохотные лодки, на торпеды, которыми управляет человек. Японская человеко-торпеда управлялась смертником – камикадзе, он не покидал торпеду даже у борта вражеского корабля. Немецкое изобретение состояло из двух торпед, укреплённых одна над другой. В верхней, незаряженной, сидел человек. Направив нижнюю торпеду в цель, он освобождал её от крепления с верхней и на верхней возвращался восвояси – на корабль-матку. Была у немцев подводная лодка водоизмещением около 7 тонн, по бокам у неё крепились две торпеды. Лодка могла пройти 5 миль.

Однако лодки-гиганты и лодки-карлики не очень прижились. Прообразом новых подводных лодок стали лодки, уже хорошо зарекомендовавшие себя. У нас это были подводные лодки типа «Барс». Поскольку новые советские лодки не уступали в качестве лучшим иностранным, а по некоторым показателям превосходили их, мы будем говорить о наших подводных кораблях.

Ты помнишь, конечно, каким ослабленным был наш флот после гражданской войны и интервенции. Корабли сохранились только на Балтике – старые, изношенные. По сути, флот пришлось строить заново. И судостроительные заводы пришлось

восстанавливать – при нехватке станков, металла, квалифицированных инженеров и рабочих. Ко второй мировой войне мы не построили ни одного линкора, лишь модернизировали линейные корабли, доставшиеся от царской России. Лёгких крейсеров типа «Киров» было построено четыре – два для Балтийского моря и два для Чёрного. Не могли мы тогда строить больших кораблей, у молодой Советской страны на это не было ни сил, ни средств. Внимание наших конструкторов поэтому было сосредоточено на разработке проектов лёгких кораблей: подводных лодок, эсминцев, торпедных катеров. Этот план не противоречил стратегии будущей войны: было ясно, что война против СССР будет сухопутной, основные действия развернутся на суше, а флоту придётся действовать на флангах сухопутного фронта, упирающихся в Балтийское и Чёрное моря, – в прибрежных, мелководных районах лёгким кораблям действовать сподручнее.

Первыми лодками советской постройки, как ты помнишь, были «Декабрист», «Народоволец» и «Красногвардеец». Вслед за лодками типа «Д» пошли в море лодки типа «Л» – «Ленинец». От предшественниц они отличались тем, что место кормовых торпедных аппаратов на них заняли устройства для постановки 20 мин заграждения – это были первые советские подводные минные заградители водоизмещением 1100 – 1312 тонн. Со временем удалось в кормовой части лодок «Л» над трубами для сбрасывания мин установить снятые прежде торпедные аппараты. Подводный корабль обрёл прежнюю наступательную силу. Теперь он имел 6 носовых и 2 кормовых торпедных аппарата, одно 100-миллиметровое орудие и одно 45-миллиметровое. Длина таких лодок 81 метр, ширина 6,6 метра.



Большая подводная лодка времён второй мировой войны.

1 – орудия калибра 130 мм (по два орудия в каждой спаренной установке), 2 – переговорные трубы, 3 – телескопические

(выдвижные) радиомачты, 4 – ходовая рубка, 5 – носовой перископ, 6 – боевая рубка, 7 – зенитный перископ, 8 – дальномер, 9 – кормовой перископ, 10 – сигнальная мачта, 11, 12 – глушители шума двигателей, 13 – главная распределительная станция, 14 – подачная труба для подачи боеприпасов к орудийной установке, 15, 16 – столовая, 17 – кормовой пост управления, 18 – надстройки, 19 – верхний пост управления, 20 – холодильник, 21 – ванные, 22 – кают-компания, 23 – каюта командира, 24 – вентиляторы, 25 – дифферентная цистерна, 26 – правый носовой горизонтальный руль, 27 – якорь, 28 – торпедные аппараты, 29 – помещения для запасных торпед, 30 – аккумуляторы, 31 – наружная обшивка, 32 – холодильник, 33 – баллоны со сжатым воздухом, 34 – радиорубка, 35 – цистерны с горючим, 36 – динамо-машины, 37 – вспомогательные дизели, 38 – зарядный погреб, 39 – главные дизели для надводного хода, 40 – балластные и топливные цистерны между внутренним и внешним корпусами, 41 – главные электромоторы для подводного хода, 42 – электромоторы экономичного (замедленного) хода, 43 – провизионный погреб, 44 – кубрик, 45 – румпельное отделение, 46 – ограждение рулей, 47 – кормовой правый горизонтальный руль, 48 – правый винт.

Чуть позже появились подводные лодки типа «Щ» – первая лодка называлась «Щука». Водоизмещение этих лодок 650 – 750 тонн, длина 58 метров, ширина 6 метров, скорость хода 13 – 9,5 узла. Вооружались «щуки» четырьмя носовыми и двумя кормовыми торпедными аппаратами, двумя 45-миллиметровыми орудиями и двумя зенитными пулемётами.

«Щуки» относились к классу средних подводных лодок. Такие лодки действуют в прибрежных районах и внутренних морях. Дальность их плавания – до 5 тысяч миль, автономность плавания – до 25 суток. Что такое автономность? Время, в которое корабль обходится взятыми на борт запасами топлива, продовольствия и воды, то есть действует без захода в базу. Экипажи средних лодок состояли из 40-50 человек.

Чтобы было яснее, как совершенствовались подводные лодки, вкратце познакомимся с устройством подводного корабля. Наивыгоднейшей формой для корпуса подводной лодки является форма сигары или веретена. При такой форме вода оказывает при движении наименьшее сопротивление, и, что ещё важнее, сигарообразный корпус лучшим образом выдерживает страшное давление воды при погружении. На глубине в сто метров на лодку давят десятки тысяч тонн воды. Но ведь лодки, как ты заметил, не похожи на идеальную сигару. Почему так? В надводном положении «сигара» не выдерживает ветра и волн, при малейшей

непогоде начинает крениться. Поэтому стали на «сигару» – прочный корпус – надевать лёгкий мореходный корпус, он-то и придаёт лодке привычные нашему глазу очертания.

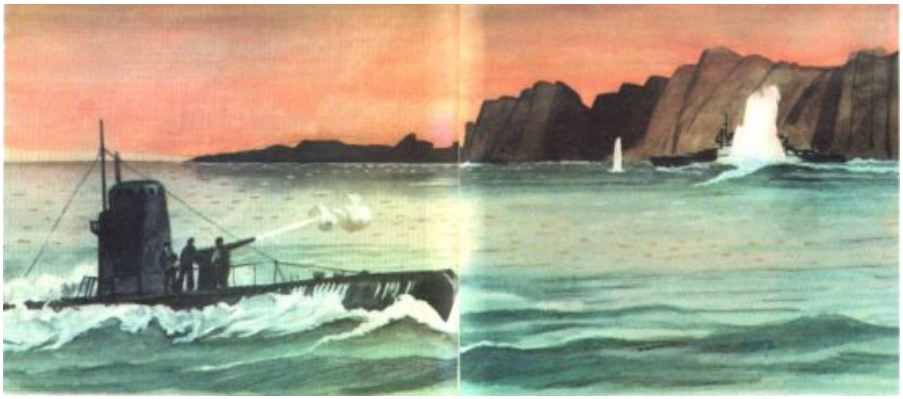
Пространство между корпусами не остаётся бездельным: оно разгорожено на цистерны – в одних хранится топливо, другие – балластные цистерны – при погружении заполняются водой. Чтобы лодка всплыла, воду сжатым воздухом из этих цистерн выдавливают за борт.

В надводном положении лодку движут дизели, в подводном – электромоторы, получающие ток от аккумуляторных батарей, батареи очень большие, их вес составляет десятую часть всего веса лодки.

Двигатели расположены ближе к корме. В середине лодки, под боевой рубкой, находится центральный пост управления. Он заполнен множеством приборов, штурвалов, рукояток. Сюда же опускаются трубы перископов. Из центрального поста командир и его помощники управляют всем, что делает лодка. Сюда собираются сведения о том, как ведёт себя подводный корабль, что происходит в море. Торпедные аппараты размещаются в носовой части корпуса и кормовой – один над другим в несколько ярусов.

Судостроительные заводы у нас были на Балтике и на Чёрном море. Но нужно ведь было снабдить кораблями и Тихоокеанский флот. Перегонять лодку на Тихий океан своим ходом, заставлять её преодолевать штормы и бури на длиннейшем пути – дело неподходящее. А если военное время? К штормам прибавятся более грозные опасности. И вот конструкторы разработали проект такой лодки, которую в разобранном виде можно перевозить на железнодорожных платформах. Началось также строительство лодок, не требовавших разборки при перевозках по железной дороге, – малых. (Первая лодка этого типа так и называлась – «Малютка».) Длиной 45 метров, шириной 3,6 метра, они имели водоизмещение 205 – 260 тонн и были вооружены двумя носовыми торпедными аппаратами, одним 45-миллиметровым орудием и зенитным пулемётом.

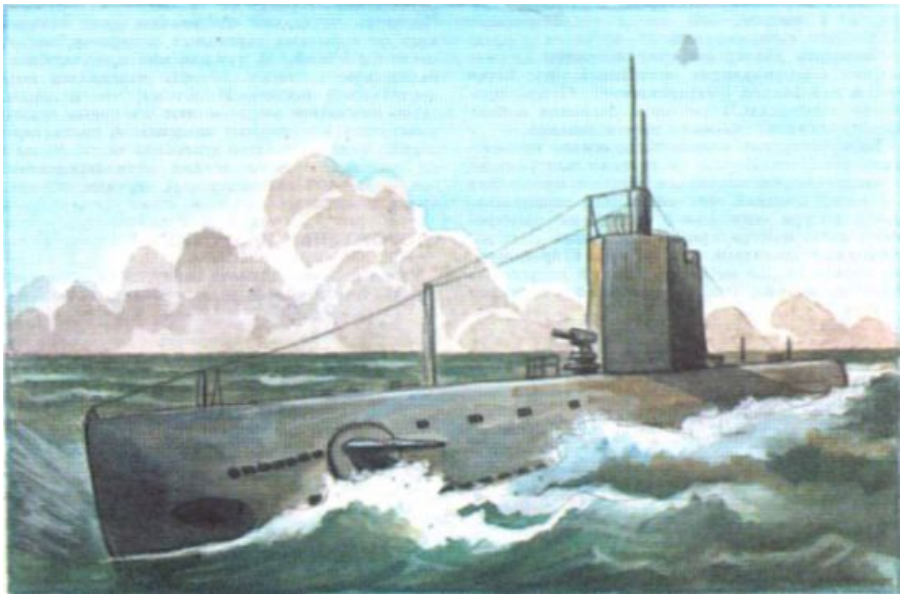
Одновременно с «малютками» началось строительство лодок типа «С» – «Сталинец». Это были средние подводные корабли. От лодок типа «Щ» они отличались большей надводной скоростью – 20 узлов вместо 13, одно из двух 45-миллиметровых орудий было заменено орудием калибром 100 миллиметров, глубина погружения увеличилась до 100 метров против 90 у «Щуки». Главное же было то, что лодки «С» могли действовать на большом удалении от своих баз.



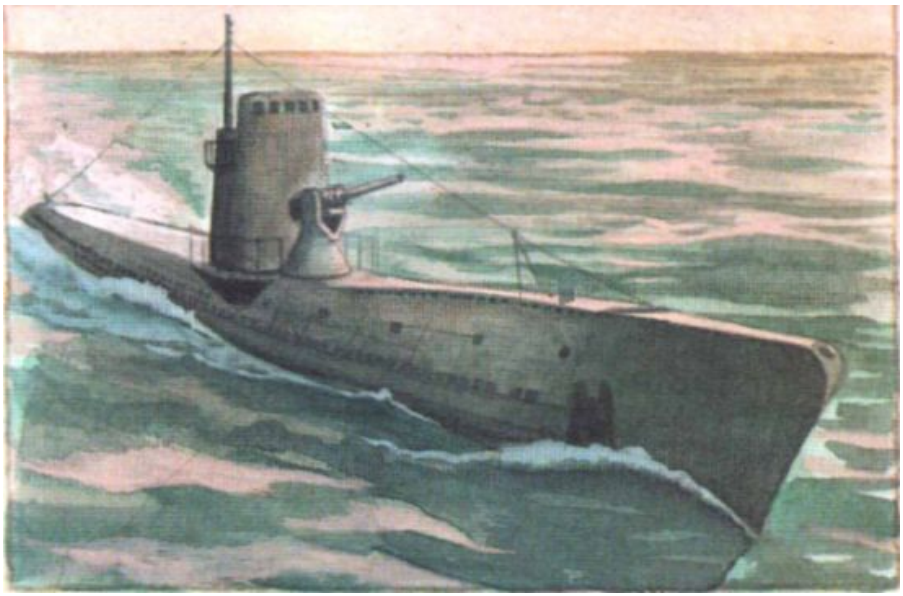
Подводная лодка ведёт артиллерийский огонь по противнику.

Самой совершенной для своего времени стала большая лодка типа «К». Длиной 94 метра, шириной 7 метров, она имела водоизмещение 1720 – 2600 тонн, скорость 22 – 10 узлов и предназначалась для крейсерских операций на океанских коммуникациях противника. Эти лодки так и назывались – «крейсерские». Потом, проверив надёжность кораблей в плавании и бою, подводники стали называть их «катюшами».

На крейсерских лодках было много технических новшеств. Корпус не клепали, как раньше, а сваривали, он получился легче, прочнее, был он теперь гладкий, что уменьшало сопротивление воды при движении. В подводном судостроении нигде ещё не применялись такие сильные дизельные двигатели, как на наших крейсерах; их стояло по два на лодке, каждый мощностью 4200 лошадиных сил. Всегда было проблемой размещение торпедного и минного оружия. Помнишь, на лодках «Л» вначале даже отказались от кормовых торпедных аппаратов, на их месте были мины. А тут для мин приспособили балластную цистерну, которая находилась под центральным постом. И потому, что нашлось такое необычное место минам, на корме лодки уместились 4 торпедных аппарата. А шесть торпедных аппаратов было в носовой части. У лодки имелось оружие и для артиллерийского боя – два 100-миллиметровых орудия и два 45-миллиметровых.



Подводная лодка типа «Д».



Подводная лодка типа «С».

СТОРОЖЕВИКИ И ОХОТНИКИ

Уже в первую мировую войну стало ясно, как беречь транспортные суда и большие надводные корабли от подводных лодок – конвои и эскадры ходили под защитой эсминцев и миноносцев. Выяснилось также, что охрана из таких кораблей излишне роскошна и дорога. Англичане, больше всех страдавшие

от подводного разбоя немцев, начали строить патрульные корабли «Пиботс» водоизмещением в два-три раза меньше эсминцев. Ходили они со скоростью до 22 узлов (это чтобы легко догонять подводные лодки), были вооружены 100-миллиметровым орудием, двумя орудиями меньшего калибра, двумя однотрубными торпедными аппаратами, а ещё у них был стальной бивень, которым при удаче можно было лодку протаранить. За англичанами подобными кораблями обзавелись американцы. Так было положено начало сторожевым кораблям и кораблям – охотникам за подводными лодками.

Когда стали входить в силу самолёты морской авиации, сторожевикам вменили в обязанность охранять конвои и от авиации – вооружили их зенитными автоматическими орудиями, пулемётами.

Сторожевики строили разных размеров – и очень большие, и очень маленькие. Самый крупный сторожевой корабль называют эскортным миноносцем; его водоизмещение около тысячи тонн, скорость до 28 узлов, на борту большой запас глубинных бомб. Самый маленький кораблик – сторожевой катер водоизмещением от 12 до 90 тонн, у него одно-два зенитных орудия, пулемёт и глубинные бомбы. Катера и малые сторожевые корабли действуют в прибрежных районах, а те, что побольше, ходят в открытое море.

На сторожевых кораблях, как видим, есть всякое оружие. А какое же главное? Это глубинные бомбы. В первую мировую войну глубинными бомбами была отправлена на дно почти четверть из всех погибших немецких подводных лодок.

Глубинные бомбы имеют вид цилиндра, вес их до 300 килограммов. Взрываются они на той глубине, на которую будет установлен взрыватель, – глубину он различает по силе давления воды. Поскольку нельзя предугадать, в каких слоях будет идти лодка, взрыватели бомб устанавливают на разную глубину, и бомбы сбрасывают серией, чтобы взрывы перекрыли всю толщу воды.

Сторожевик находится над тем местом, где обнаружена подводная лодка. Из лотков-сбрасывателей, установленных на корме, падают в воду глубинные бомбы. А ещё летят бомбы с обоих бортов – в стороны, метров на двести – из бомбомётов. Страшные взрывы бушуют на море. В небо вздымаются фонтаны воды. И необязательно, чтобы бомба попала в лодку. Смертельно опасен для подводной лодки близкий взрыв.

Россия начала строить свои сторожевики в 1917 году на финских верфях. События того времени помешали войти в строй 12 почти готовым кораблям. У советского флота сторожевые

корабли своей постройки появились в 1930 году. Это были корабли типа «Ураган» водоизмещением 530 тонн, со скоростью хода 24 узла, с двумя 100-миллиметровыми орудиями, четырьмя 37-миллиметровыми зенитными автоматическими пушками, двумя зенитными пулемётами, трёхтрубным торпедным аппаратом и глубинными бомбами. На флоте сторожевые корабли первой серии звали «дивизионом плохой погоды». Для шутки были основания: назывались они «Ураган», «Шторм», «Шквал», «Гроза», «Тайфун»…

ТРАЛЬЩИКИ

Мы говорили о якорных минах, таких, которые с помощью груза-якоря и троса-минрепа устанавливаются на нужной глубине. Перед второй мировой войной наш противник – немецкие фашисты придумали мины более опасные: магнитные и акустические. Они лежали на дне и взрывались, когда над ними проходил корабль, воздействуя на взрывное устройство своим магнитным полем или шумом машин и винтов. С минами всех видов и пришлось бороться тральщикам.

По величине тральщики очень разные. Самые большие – эскадренные – ходят далеко в море с эскадрами, тралят в районах, удалённых от баз; средние – базовые или рейдовые – трудятся у своих баз и портов; самые маленькие – катерные – обезвреживают мины тоже у баз и в прибрежных водах.

Во время своей опасной работы тральщики подвергаются нападению кораблей и самолётов противника. Поэтому для самозащиты вооружаются орудиями, зенитными пушками и пулемётами. На первом советском тральщике, который назывался «Трал», стояло одно 100-миллиметровое орудие, одно 45-миллиметровое и одно 37-миллиметровое. Были у него глубинные, бомбы, мог он брать мины (40 штук) и ставить их. Водоизмещение корабля 450 тонн, скорость 21 узел, длина 62 метра, ширина 7 метров.

Но главное оружие тральщика – это трал, приспособление, с помощью которого обезвреживаются мины. Тралы были придуманы разные. Один из них, контактный буксирующий, представляет собой толстый стальной трос длиной 200 метров. Он прикреплён к лебёдкам двух тральщиков. Тихим ходом идут два корабля и тащат трал, но не по дну, а на такой глубине, чтобы можно было зацепить минрепы якорных мин. Почему тяжёлый стальной трос не опускается на самое дно? Ведь если он опустится, то будет цеплять всё, что есть на дне: камни, неровности, остатки затонувших судов… К тросу по всей его

длине прикреплены тросиками-оттяжками глубины буйки-поплавки. Прикреплены к тросу и оттяжки с тяжёлым грузом, чтобы трал не поднимался выше, чем нужно.

Когда мина затралена, буйки в том месте, где тащится мина, ныряют под воду. Моряки видят это, буксируют мину на мелкое место. Она всплывает, и её расстреливают из орудия или взрывают подрывным патроном.

Есть тралы подсекающие, по всей длине их укреплены стальные ножи-резаки. Резак подсекает минреп, и мина, освобождённая от своего якоря, выныривает на поверхность воды. Бывает, что вместо резаков в особом порядке к тралу прикрепляются подрывные патроны. Минреп пойманной, затраленной мины скользит с краёв трала к его вогнутой середине, натыкается на патрон и несильным взрывом перебивается.

К разновидности трала относится параван, он был придуман ещё в первую мировую войну и, усовершенствованный, применялся на многих классах надводных кораблей во второй мировой войне. Стальные тросы – «усы» – крепятся на форштевне корабля. На конце каждого «уса» по буйку, похожему на самолётик. Задача буйков – на ходу развести «усы» в стороны и поддерживать их на заданной глубине. Вспомни, как летает бумажный змей. В этом примере ты – корабль, нитка – «ус» и сам змей – буёк. Поскольку «усы» паравана отходят в стороны не перпендикулярно форштевню, а под углом, чуть назад, то минреп, подцепленный «усом» мины, скользит к буйку и около него перебивается или резаком, или патроном.

Параваны применяются тогда, когда большие корабли идут за тральщиком (для верности) и особенно когда тральщиков нет.

Способы борьбы с донными минами пришлось искать уже во время войны. Смельчаки водолазы вытаскивали новинки из воды. С огромным риском морские инженеры изучали их устройство. Немцы позаботились, чтобы секреты новых мин оставались нераскрытыми, снабжали мины различными «ловушками». Например, мина взрывалась, если на неё падал дневной свет или менялось давление воды – когда мину из воды вытаскивали.

Как же боролись с магнитными и акустическими минами? Их ведь не зацепишь тралом – они лежат на дне.

Учёные нашли способ «размагничивать» корабли. Стальной корпус корабля, металл его машин и орудий представлял собой магнит со своим силовым полем. Чтобы нейтрализовать это поле, по корпусу корабля укладывали обмотку из проводов, по которой пускали электроток. Возникало новое магнитное поле, но противоположно направленное. Два поля взаимно уничтожали

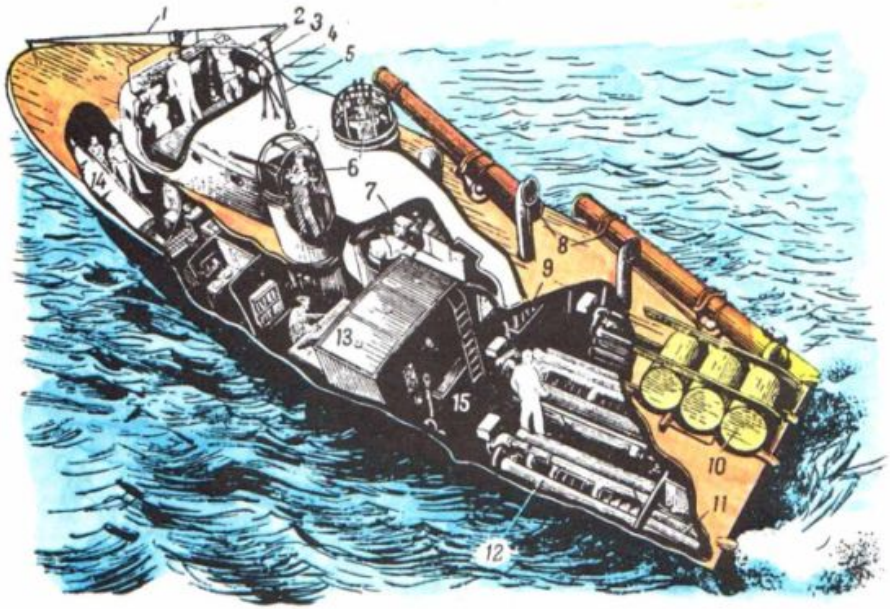
друг друга или ослабляли, и магнитный прибор мины не ощущал никакого влияния, когда над миной проходил «размагниченный» корабль. Вскоре был придуман противомагнитный трал. Упрощённо говоря, тральщик буксировал два электрических кабеля, ток в которые поступал от электрогенератора, установленного на тральщике. Электрическая цепь замыкалась через воду, вокруг цепи образовывалось сильное магнитное поле, которое и воздействовало на взрывное устройство мины.

Оказалось, что можно было приспособить к тралению магнитных мин самолёт. Первыми его сделали сами же немцы. У самолёта под фюзеляжем укреплялось кольцо, в которое вделывалась обмотка из проводов. Электрический ток поступал в неё от генератора, установленного на самолёте. Утюжа море на бреющем полёте таким электромагнитом, самолёт справлялся с уничтожением магнитных мин во много раз быстрее, чем тральщики.

Акустические мины были менее хлопотными. Их понуждал взрываться стук пневматического молотка, вмонтированного в плавучий баллон. Тральщик буксировал баллон на длинном тросе.

ТОРПЕДНЫЕ КАТЕРА

Вся история возникновения и развития торпедных катеров подтверждала их важность и ценность. В ноябре 1928 года первый дивизион катеров советской постройки уже ходил по Балтийскому морю. Это были глиссеры весом около 9 тонн. Вооружённый двумя торпедами кораблик развивал скорость в 52 узла, без торпед – 55 узлов.



Торпедный катер времён второй мировой войны (продольный разрез).

1 – антенна; 2 – верхний мостик; 3 – нижний пост управления; 4 – сигнальный фонарь; 5 – выдвижная мачта; 6 – пулемёты, предназначенные главным образом для стрельбы по воздушному противнику; 7 – радиорубка; 8 – торпедные аппараты, размещённые вдоль бортов катера, для выстрела они отклоняются (растворяются) в сторону на небольшой угол; 9 – противопожарные средства; 10 – глубинные бомбы: 11 – аппаратура для выпуска дымовой завесы; 12 – мощные моторы, похожие на авиационные, они сообщают катеру скорость до 60 узлов; 13 – баки с горючим; 14 – кубрик (помещение команды); 15 – машинное отделение.

Перед войной наши заводы строили много различных катеров, а основным был катер типа Г-5. Длиной 20 и шириной 3,5 метра, он имел водоизмещение 17 тонн, ходил со скоростью от 48 до 56 узлов и был вооружён двумя торпедами, двумя зенитными пулемётами и глубинными бомбами. Катер имел приспособления для постановки дымовой завесы, мог он ставить мины.

Мы с тобой, читатель, говоря о скорости различных кораблей, подсчитывали, сколько лошадиных сил от общей мощности двигателей приходится на тонну водоизмещения корабля. У быстроходного лидера это число 25, а у торпедного катера почти 120 – так сильны его двигатели. Вот и летит катер по морю – его в пенном буруне почти не видно. Носом он нацелен на корабль или

транспорт врага – следовательно, нацелены и торпеды, лежащие в двух аппаратах по бортам. Часто катер выпускает торпеды ещё до того, как артиллеристы и пулемётчики неприятеля сообразят о внезапно возникшей опасности. Торпеды пошли в цель, а катер, развернувшись, прикрывшись густым дымом, уже вышел из боя.

В дни войны на наших катерах начали ставить «катюши». Реактивные установки применялись как для обстрела береговых объектов, так и морских. Современные грозные ракетоносные корабли должны считать наши катера своими предками.

АВИАНОСЦЫ И САМОЛЁТЫ

Истребитель Як-3.

Штурмовик Ил-2.

Истребитель Ла-5.

Пикирующий бомбардировщик Пе-2.

В первую мировую войну главные капиталистические страны производили самолёты уже десятками тысяч. Естественно, что год от года самолёты становились всё лучше: увеличились скорость, дальность и высота полёта, грузоподъёмность, усилилось вооружение. Воздушные машины перед второй мировой войной стали настолько надёжны и грозны, что морская авиация превратилась в один из основных родов военно-морских сил. Она могла выполнять множество самых разных задач. Вот их неполный список:

бороться за господство в воздухе в районе боевых действий и операций флотов, а также на всём военном театре;

защищать свои базы и корабли от ударов вражеской авиации и вражеских кораблей;

наносить удары по неприятельским кораблям, базам и береговым объектам;

охранять свои морские коммуникации и нарушать вражеские;

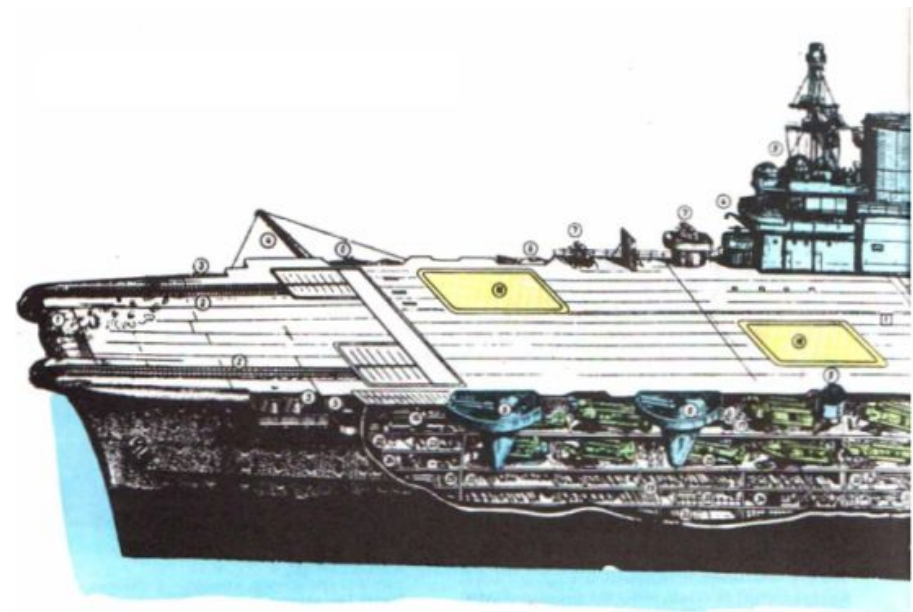
участвовать в бою эскадр надводных кораблей и в действиях подводных лодок; вести разведку;

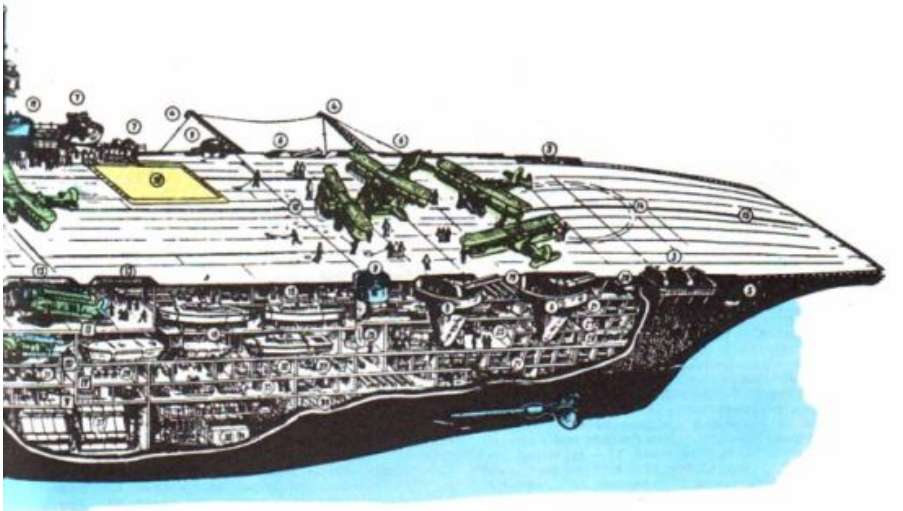
прикрывать высадку морских десантов и обеспечивать их

действия на суше…

Многие из этих задач выполнялись обычными самолётами – истребителями, штурмовиками и бомбардировщиками, которые взлетали с береговых аэродромов и садились на них. В то время дальность полёта истребителя приближалась к 700, среднего бомбардировщика к 1000, а дальнего бомбардировщика к 4000 километрам. Вооружённые пушками и пулемётами бомбардировщики брали от полутора до трёх тысяч килограммов бомб, истребители – несколько сот килограммов. Но были в военно-морских силах самолёты особого, минно-торпедного класса. Снижаясь к самой воде, они ставили мины или атаковали неприятельские корабли и транспорты торпедами. Отправляясь на охоту за вражескими кораблями, самолёт-торпедоносец мог приводниться в заданном районе и ждать там сведений от самолёта-разведчика, а потом уж взлететь и напасть на противника.

Однако все эти самолёты полностью не обеспечивали потребности флота, особенно если флот действовал на большом удалении от своих баз и береговых аэродромов – в открытом море или в океане. Поэтому быстро развивался класс авианосной авиации и её корабли – авианосцы.





Авианосец времён второй мировой войны (продольный разрез)

I – полётная палуба; II – палуба верхнего ангара; III – палуба нижнего ангара; IV – верхняя палуба; V – главная палуба.

1 – струя пара, указывающая направление ветра; 2– катапульты, или ускорители движения самолётов при взлёте; 3 – многоствольные пулемёты; 4 – мачты антенны радиотелеграфа, «заваливаемые» во время полётов; 5 – прожекторы; 6 – спаренные башенные орудия в гнёздах, вынесенных к бортам корабля; 7 – многоствольные зенитные пушки-автоматы; 8 – щит; 9 – боевые рубки и командные посты; 10 – подъёмники для самолётов; 11 – пост управления огнём; 12 – стартовая площадка; 13 – гнёзда, для зенитных пушек-автоматов; 14 – место расположения тормозного устройства для садящихся самолётов; 15 – посадочная площадка; 16 – мастерские; 17 – верхний ангар; 18 – катера; 19 – помещение для собраний; 20 – тренировочная кабина для слепых полётов; 21 – офицерские каюты; 22 – запасные помещения; 23 – столовая младших командиров; 24 – помещение для хранения авиамоторов; 25 – нижний ангар; 26 – огнеупорная переборка; 27 – лазарет; 28 – кают-компания; 29 – столовая для команды; 30 – хлебопекарня; 31 – динамо-машины; 32 – ванные; 33 – умывальники; 34 – дезинфекционная камера; 35 – вспомогательные механизмы; 36 – нефтецистерны; 37 – котельные отделения; 38 –машинные отделения; 39 – кладовые. На палубе – стартующий самолёт и самолёты, подготавливаемые к старту.

Ты, конечно, помнишь, что прародителями авианосцев стали русские транспорты, доставлявшие в начале первой мировой войны к берегам Турции гидросамолёты. Тогда многие страны стали приспосабливать под авиаматки большие торговые суда и

даже старые линкоры. После войны Англия, США, Франция и Япония принялись за постройку специальных кораблей. И лётчики, и моряки, и судостроители долгое время считали, что самолёт не может взлететь с корабельной палубы и, главное, сесть на неё. Это казалось делом невероятным. Первые авианосцы поэтому были ещё не плавучими аэродромами, а лишь плавучими ангарами: с помощью катапульт самолёты выстреливались в воздух, выполнив задание, садились на воду около авиаматки, кранами их поднимали с воды на корабль.

Со временем выяснилось, что и плавучий аэродром можно сделать. Только уж очень дорого он обходится, дороже любого другого корабля. Авианосец «Мидуэй», построенный американцами в 1945 году, стоил около 100 миллионов долларов.

Как и корабли других классов, авианосцы неодинаковые. Есть большие, эскадренные. Скорость их 33 узла, обычная скорость эскадры. Есть конвойные, со скоростью хода 15-20 узлов. Конвойным авианосцам и такой скорости хватает, так как они сопровождают тихоходные транспорты, прикрывают конвой от вражеских самолётов, надводных кораблей и подводных лодок.

Авианосец внешне выделяется тем, что у него огромная, ничем не загромождённая полётная палуба – от 170 до 300 метров длиной и до 34 метров шириной. Только у правого борта возвышается надстройка, где размещены рубка, мачты, трубы и посты управления; надстройка названа очень метко – «остров». Как просторна полётная палуба, так тесно внутри корабля. Он разделён не только на отсеки поперечными переборками, но и на «слои» четырьмя палубами. На второй и третьей палубах стоят самолёты – там ангары и ремонтные мастерские; самолёты размещены компактно, крылья у них, как у жуков, сложены. Ниже расположены склады бомб, торпед, бензина, прочие службы. В самом низу – котлы и машины, обеспечивающие авианосец энергией для движения и массы всевозможных работ.

Авианосцы самые высокие корабли, полётная палуба поднята над водой на 20 метров. Если надёжно забронировать такой борт, корабль потонет от собственной тяжести. Как же корабль, настолько уязвимый, бережётся от врага? Во-первых, в походе и бою его охраняет чуть ли не целая эскадра: сторожевики, тральщики, эсминцы, крейсеры и даже линкоры. Во-вторых, его берегут собственные самолёты. В-третьих, он сам вооружён довольно сильной артиллерией, причём орудия главного калибра универсальные – могут стрелять и по кораблям, и по самолётам. Мы с тобой упоминали английский авианосец «Арк-Роял», самолёты которого по ошибке сбросили торпеды на свой крейсер?

На «Арк-Рояле» было 16 орудий калибром 144 миллиметра, 32 зенитные автоматические установки калибром 40 миллиметров и 32 зенитных пулемёта. 80 стволов способны поставить перед атакующими самолётами плотную завесу огня.

Орудия и пулемёты размещены на авианосце в «гнёздах» по бортам. Эти вместилища на самом деле похожи на гнёзда ласточек, пристроенные к карнизу.

А каким образом разрешился вопрос, считавшийся неразрешимым, – взлёт и посадка на палубу? Лифт поднял самолёт на полётную палубу. В это время авианосец полным ходом идёт против ветра. Самолёт помчался по палубе от кормы к носу корабля, там его колёса попали на ускорительную дорожку – подобие горизонтального эскалатора: скорость самолёта, скорость дорожки, скорость авианосца и встречный ветер – этого оказалось достаточно, чтобы взлететь без риска.

Труднее было садиться на палубу. Но и тут всё уладилось При посадке корабль, как и при взлёте, тоже полным ходом идёт против ветра: скорость самолёта, коснувшегося палубы колёсами, уменьшается от сопротивления ветра и от того, что аэродром «убегает» от самолёта. Главное же – аэрофинишёр на корме. Это стальные тросы, натянутые поперёк палубы. Их концы уходят под палубу к тормозным устройствам. Самолёты авианосца имеют крюки в хвостовой части фюзеляжа – гаки. При посадке они цепляются гаками за трос. В действии стальной трос подобен резиновому – когда самолёт зацепился за его середину, он удлиняется, как бы растягивается и задерживает бег самолёта. Без авиафинишёра самолёт пробегает по палубе 100-120 метров, с ним – всего 30-40 метров.

Сто и тридцать – велика ли разница! Велика. Счёт времени в бою идёт на минуты и секунды. Чем скорее взлетят с авианосца самолёты, чем скорее, израсходовав боезапас и горючее, сядут, чем скорее снова взмоют в небо, тем вероятнее победа.

Самолёты на авианосце не одного типа – на нём истребители, бомбардировщики, торпедоносцы; и даже бомбардировщики не одинаковые – пикирующие и тяжёлые. Что делают истребители, к примеру, в бою с линкором? Сражаются с неприятельскими истребителями, чтобы обеспечить атаку своих тяжёлых самолётов. За истребителями взлетают пикировщики, они подавляют зенитную артиллерию вражеского корабля, отвлекают её огонь на себя. Тут уж идут на цель тяжёлые самолёты – сбрасывают большие бомбы и торпеды.

Много бед способен причинить вражескому флоту авианосец со своими самолётами. Ну а сам он отчего может погибнуть? Во вторую мировую войну американский авианосец «Йорктаун»

перевернулся и затонул после того, как на протяжении двух суток в него попали три бомбы японских бомбардировщиков, две торпеды с самолётов-торпедоносцев и две торпеды, выпущенные подводной лодкой. Подводная лодка добивала авианосец, основные повреждения ему нанесли самолёты, взлетавшие с японских авианосцев.

РАДИОЛОКАЦИЯ

Перед первой мировой войной флоты получили от учёных радиосвязь. А перед второй мировой войной учёные дали флотам радиолокацию – способ определять с помощью радиоволн местоположение различных объектов на суше, на море и в воздухе.

Отражение радиоволн обнаружил ещё Александр Степанович Попов. Во время опытов по радиосвязи случайно между кораблями «Европа» и «Африка» прошёл крейсер «Лейтенант Ильин». Приборы на «Европе» и «Африке» отметили нарушение радиосигналов. Попов обдумывал случившееся. В отчёте об опытах он высказал мысль, что электромагнитные излучения можно будет использовать для обнаружения маяков в тумане и в бурную погоду.

В 1935 году в Англии, в США и в нашей стране уже ставились опыты по обнаружению радиолучом движущихся целей. Англичанину Р. Уотсону-Уатту удалось в 1938 году сделать первую радиолокационную аппаратуру. Секретные радиолокационные станции были установлены по побережью Британских островов – для обнаружения самолётов. Почти одновременно англичане применили радиолокаторы для поиска кораблей в море. Мы с тобой говорили о потоплении линкора «Бисмарк». Английская разведка обнаружила отряд немецких кораблей в дневное время. А наступившей ночью за движением отряда следили два крейсера, находившиеся от противника в полуста километрах, – следили с помощью радиолокаторов.

Ни ночная темнота, ни туманы, ни тучи, ни дымовая завеса не могут укрыть цель от глаза радиолокатора. Радиоволны, посылаемые передатчиком с помощью вращающейся антенны, отразятся от корабля или самолёта, будут приняты приёмником, и приборы точно укажут не только направление на цель, но и её размеры, дальность и скорость.

Начавшаяся война заставила учёных и изобретателей во всех странах заняться радиолокацией самым серьёзным образом. Новые находки не заставили себя ждать. Радиолокаторы внедрялись во все войска, с их помощью безошибочно отличали

свой самолёт, свой корабль от чужих, они наводили точно в цель орудия. Лётчик, к примеру, мог сколько угодно нажимать на гашетку – пушка самолёта не стреляла до тех пор, пока не была наведена как надо в неприятельскую машину. В конце концов крохотный радиолокационный приёмопередатчик ухитрились размещать во взрывателях бомб и снарядов. В отличие от ударных и дистанционных взрывателей радиолокационный взрыватель вызывал взрыв снаряда, даже летевшего не в цель, а рядом, в самый оптимальный, благоприятный момент.

ПРЕЖДЕ СРАЖАЮТСЯ ЗАВОДЫ

Формула победы многозначна. Одним из её элементов является храбрость. Но храбрость без умения воевать мало что значит. Суворов говорил: «Не надлежит мыслить, что слепая храбрость даёт над неприятелем победу, но единственно смешанное с оною военное искусство». Теперь же для победы и этого оказалось мало. В формулу прибавилось третье слагаемое – оружие. Суворов обошёлся двумя слагаемыми потому, что в его время дело решалось оружием простым – штыком, саблей, которые во всех армиях были одинаковые. Другое дело пулемёты, орудия, танки, самолёты; у разных армий они разные, и количество их неодинаковое.

Быть храбрым, быть умелым в собственных возможностях воина. Но вот качество оружия никак от воина не зависит, тут он целиком во власти других людей: рабочих, инженеров, конструкторов, учёных, организаторов производства. Количество же оружия находится в большой зависимости от количества рудников, шахт, заводов, фабрик, электростанций. Если брать большое сражение, войну в целом, то, прежде чем они начнутся и кончатся, раньше, ещё в мирное время, их начнут и кончат промышленности противоборствующих стран.

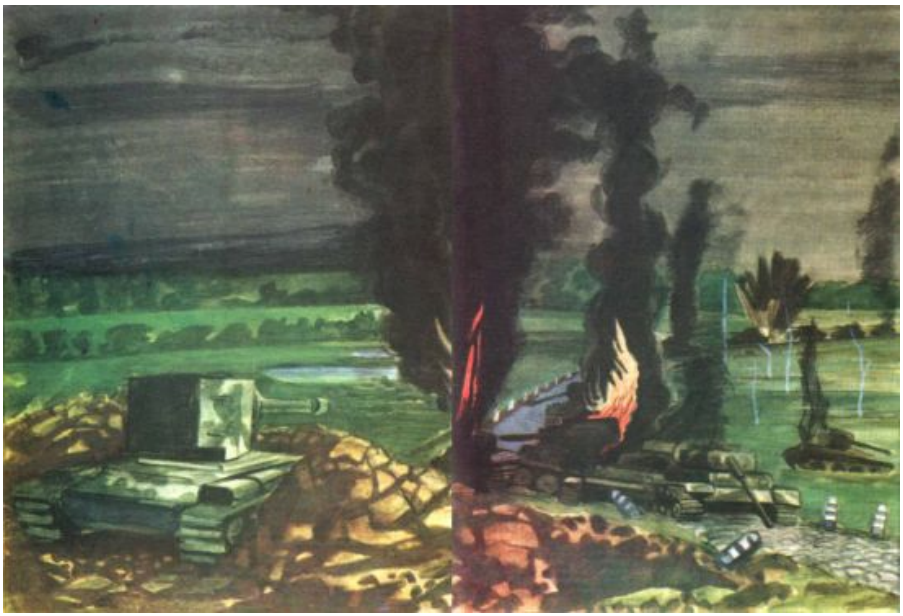
Для подтверждения этой истины возьмём один невероятный факт. Факт – и невероятный? Как такое может быть? И разве позволительно исключительный случай брать для иллюстрации широкого явления? Но послушай…

Дело было в самом начале войны, 19 августа 1941 года, недалеко от Гатчины. Дорога на Гатчину, следовательно, на Ленинград, оказалась неприкрытой. А немцы вели наступление на этом участке мощными соединениями танков. Наше командование, пока подходили резервы, могло послать навстречу фашистам лишь пять танков КВ. Два танка ушли из Гатчины на лужскую дорогу, два – на приморскую и один – № 864 – на кингисеппскую. (Ты представляешь этот район, мы уже были там вместе с матросами Дыбенко.)

Командир танка Колобанов, командир орудия Усов, механик-водитель Никифоров, пулемётчик Родников и заряжающий Кисельников для засады выбрали холм, поросший ольхой. Перед холмом была развилка дорог, причём шоссе проходило в узком дефиле: по обе стороны дороги были торфяные болота. Танк зарыли в землю почти по башню и стали ждать врага.

Ночь прошла спокойно, а на рассвете пролетел самолёт-разведчик, который поддерживал связь с наступавшим

противником. Вскоре на дороге показались мотоциклисты, они часто останавливались, обстреливали из пулемётов придорожные кусты. Танкисты пропустили боевое охранение, хотя было искушение несколькими выстрелами уничтожить этих фашистов. В облаке пыли появились наконец и танки. Их насчитали 43. Решение на бой наши танкисты приняли ещё в те часы, когда рыли своему танку укрытие. В точном соответствии с решением и прошёл бой, хотя танкисты не предполагали, что врага будет так много.



Бой тяжёлого танка КВ с немецкими танками.

Немецкие машины втянулись в дефиле. Первым же снарядом Усов подбил головной танк. Ещё два снаряда – вспыхнул танк, двигавшийся вторым. Следующие снаряды подожгли задний танк. Пылая, он остановился, загородил дорогу к отступлению. Колонна немецких машин стала похожа на ошалевшее стадо. Танки, стараясь уйти от губительных выстрелов, натыкались друг на друга, сцеплялись гусеницами, сползали с дороги в болото и застревали. То в голове колонны, то в хвосте в горевших танках взрывались боеприпасы. Паника у немцев усиливалась. Решив, что огонь ведут противотанковые пушки, замаскированные в стогах на лугу, фашисты били по этим стогам, подожгли их, и вся местность затянулась густым дымом. Наконец немецкие танкисты поняли, откуда идёт стрельба, и сосредоточили весь огонь на нашем танке. Командир орудия, главный герой этого беспримерного боя, Андрей Михайлович Усов потом рассказывал:

«Вражеские снаряды хоть и не пробивали броню, но производили такой жуткий грохот, что казалось, будто по голове бьют кувалдой. Окалина брони, образовавшаяся от ударов снарядов, впивалась в лицо, в руки. Очередным снарядом заклинило башню. Командир приказал покинуть укрытие, чтобы маневрировать корпусом. Никифоров взялся за рычаги, и танк выполз наверх. Стало видно, как фашисты на перекрёстке устанавливают две противотанковые пушки. Я выстрелил, снаряд попал прямо под колёса первой. Вторая успела выстрелить и сбила командирский перископ. Уничтожил и её…»

За полчаса наши танкисты подбили 22 немецких танка! Снаряды кончились. КВ получил по радио приказ выйти из боя. В это время четыре КВ, посланные на другие дороги, уже подходили к месту побоища. Вместе они уничтожили ещё 20 танков. Только одной немецкой машине из 43 удалось бежать.

Танки КВ нанесли немцам такие потери, что враг вынужден был надолго отложить здесь наступление.

Попробуем в формулу победы – храбрость, военное искусство, оружие – подставить значения, которые дал нам этот фантастический бой. Смелость и мужество танкистов очевидны. Умелый выбор прекрасного места для засады – тоже. А качество оружия? После боя на броне своей машины танкисты насчитали 135 попаданий! Но броня выдержала удары вражеских снарядов. В то же время броня немецких танков оказалась слабой для мощной пушки советского тяжёлого танка КВ. Как же тут не сказать великое спасибо тем, кто придумал и сделал такую машину!

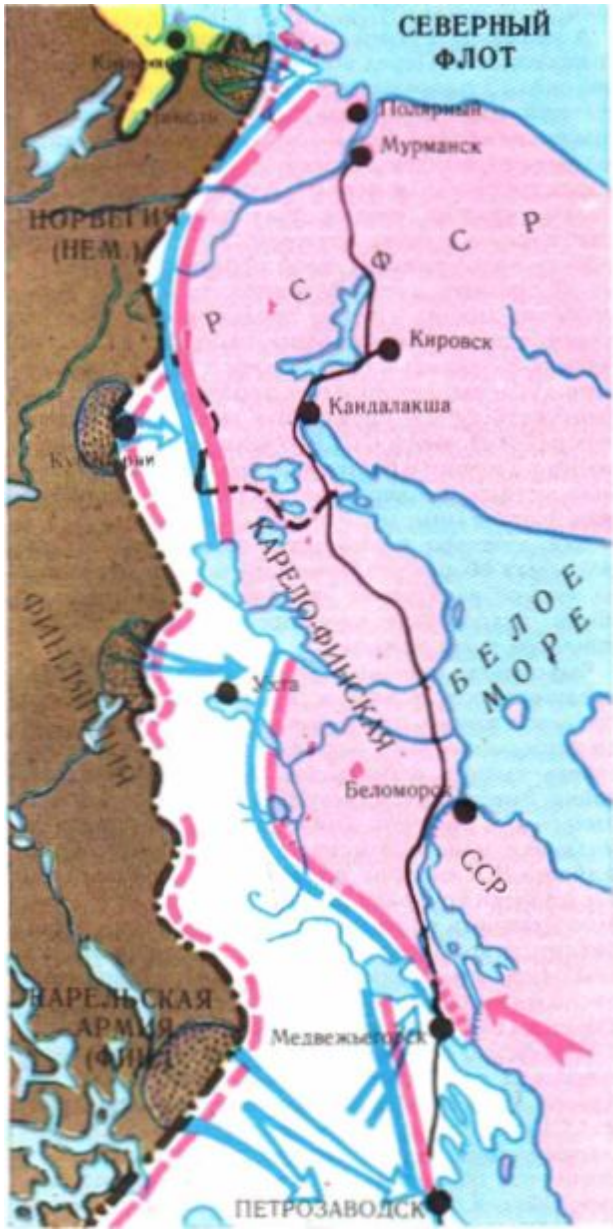
Общий ход военных действий в первый период войны. Июнь 1941 года - ноябрь 1942 года.

Коммунистическая партия, Советское правительство, начиная с первых пятилеток, с великой настойчивостью проводили индустриализацию страны, видя в развитой промышленности корень наших успехов вообще и корень нашей победы над врагами в частности. Сейчас, когда окружают нас со всех сторон всевозможнейшие машины, очень нелегко представить, как мало у нас было машин в начале 30-х годов. За трактором бегали толпы – посмотреть на диво. У тебя, верно, подобное

любопытство возникло бы, если бы представилась возможность поглядеть на «летающую тарелку». Ещё в 1928 году основным оружием нашей пехоты была винтовка. Я говорю «ещё», потому что этот теперь далёкий год отделяло от войны всего лишь 12 лет. Какую же невероятную работу выполнили наши люди, если к 1938 году советские войска были вооружены первоклассной боевой техникой! Прекрасные самолёты позволили в те годы стать Красной Армии родоначальницей воздушных десантов, а танки – родоначальницей танковых и механизированных соединений.

Но вот какая закавыка – запасённое оружие быстро теряет свою силу, так как всё время создаются новые, более мощные образцы. Коммунистическая партия, Советское правительство предвидели неизбежность войны с фашистами. Они готовили страну к этой схватке, и в 1939 году началось второе техническое перевооружение нашей армии.

Качество нового, уже придуманного и испытанного на полигонах советского оружия было прекрасное. О силе и возможностях тяжёлых танков КВ мы говорили. Средний танк Т-34 будет признан всеми и нашими союзниками, и нашими врагами – лучшим танком второй мировой войны. Ни у одной армии, кроме нашей, не будет целиком бронированных самолётов-штурмовиков, грозных «катюш».



Карельский фронт.

О нашей 76-миллиметровой пушке ЗИС-3 консультант Гитлера по артиллерии профессор Вольф скажет: «Самая гениальная конструкция в истории ствольной артиллерии». Что было в возможностях таких орудий, видно из действия пушки № 4785: за два года она уничтожила 33 танка, 21 самоходное орудие, 74 автомашины, 14 орудий, 17 миномётов, 77 пулемётов, более 7 сотен неприятеля, прошла свыше 6 тысяч километров и

выпустила около 4 тысяч снарядов.

Дело заключалось в том, чтобы до схватки с фашистами дать армии тысячи и тысячи таких машин.

А кто даст? Тут мы снова возвращаемся к промышленности. Перед войной у нас вошло в действие около 3 тысяч новых заводов, фабрик, электростанций, шахт, рудников и других предприятий, в том числе оборонных. В дополнение к оборонным заводам на выпуск оружия были переведены машиностроительные заводы. Лучшее сырьё и материалы, лучшие станки получали предприятия, снабжавшие армию оружием. И если ежегодно выпуск всей промышленной продукции возрастал на 13 процентов, то оборонной на 39! Что было особенно важно – новые предприятия строились в восточных районах страны: на Урале, в Средней Азии, в Забайкалье. Создавались там же предприятия-дублёры, которые при необходимости могли выпускать ту же продукцию, что «двойники» в европейской части СССР. Увеличивалась добыча нефти в Татарии и Башкирии; волжские нефтепромыслы тоже дублировали, подстраховывали старые нефтепромыслы Азербайджана.

Для лучшего руководства выпуском оружия Наркомат оборонной промышленности разделили на четыре наркомата: авиационной промышленности, судостроительной промышленности, боеприпасов и вооружения.

Было тогда начало третьей пятилетки. В две предшествующие наш народ работал так много, так напряжённо, отказывая себе в хорошей одежде, в предметах быта, что казалось, нужно было бы теперь сделать передышку. Но вот-вот начнётся война. Вместо шестидневной рабочей недели и семичасового рабочего дня правительство ввело семидневку и восьмичасовой рабочий день. Строжайшим наказаниям подвергались бракоделы и нарушители трудовой дисциплины. Тогда же, чтобы обеспечить промышленность хорошими работниками, открылось множество ремесленных и железнодорожных училищ. В год они выпускали около миллиона рабочих разных специальностей… Так наша промышленность готовилась к войне.

Гитлер, его окружение, его генералы прекрасно понимали, что момент перевооружения Красной Армии – самое подходящее время для нападения на СССР. И они, конечно же, воспользовались им, считая, что высокое качество немецких танков и самолётов обеспечит молниеносный захват всей европейской части страны. Они считали, что наша новая боевая техника просто не поспеет к битве.

Однако молниеносной войны у фашистов не получилось, мы поставили врага перед необходимостью вести войну длительную.

И мы смогли в ужасно тяжёлых условиях делать столько оружия, что через год-полтора после начала войны наша армия не уступала по качеству и количеству танков, орудий, самолётов немецкой армии.

Сталинградская битва, круто повернувшая ход войны, была выиграна нами именно в те месяцы, в которые, по расчётам мирного времени, мы должны были достичь необходимой промышленной силы. В выпуске оружия в конце 1942 года мы достигли нужной силы, даже потеряв множество предприятий на оккупированной территории. В Сталинградском контрнаступлении против 675 немецких танков и штурмовых орудий было 894 советских танка и самоходных орудия новой постройки. После этой битвы до самой Победы советская промышленность всё увеличивала выпуск вооружения, обогнав и оставив далеко позади промышленность Германии.

Что греха таить, мы – и я, и ты, и кто вокруг нас – не даём себе труда представить с полной ясностью, как работали люди во время войны в тылу. Знаем в деталях, что и как делали разведчики, танкисты, лётчики, моряки. Но не знаем с такой же подробностью, что и как делали токарь, шахтёр, машинист паровоза, колхозница в поле… А сделали они невероятно, невообразимо много. Ты попробуй представить только один из моментов той героической работы – с июля по ноябрь 1941 года с запада страны на восток было эвакуировано более 1,5 тысячи крупных, в основном оборонных, предприятий. Проходило несколько месяцев, и заводы, переселённые на новое место, уже давали фронту танки, самолёты, снаряды, патроны…

В январе 1943 года Геббельс скажет: «Кажется каким-то чудом, что из обширных степей России появлялись всё новые массы людей и техники, как будто какой-то великий волшебник лепил из уральской глины большевистских людей и технику в любом количестве».

Не было никакого «волшебника» у нас. Было ядро опытных рабочих – знатоков своей профессии, и были ещё женщины и подростки, заменившие у станков мужей и отцов, ушедших на фронт. Они-то и сотворили чудо.

За годы войны, несмотря на оккупацию огромной территории, несмотря на гибель множества людей, несмотря на то, что сердца живых были переполнены горем, тыл дал фронту:

12 миллионов винтовок и карабинов;

более 6 миллионов автоматов;

почти 1,5 миллиона ручных и станковых пулемётов;

более 482 тысяч орудий всех видов и калибров;

свыше 102 тысяч танков и самоходных орудий;

свыше 112 тысяч боевых самолётов.

Флот во время войны получил 2 лёгких крейсера, 19 эсминцев, 38 тральщиков, 54 подводные лодки, около 900 боевых катеров.

За войну советские бойцы израсходовали 427 миллионов снарядов и мин, 17 миллиардов патронов.

Войска получили 40 миллионов тонн продовольствия, 38 миллионов шинелей, по 70 миллионов гимнастёрок и брюк, 64 миллиона пар кожаной обуви.

Не было никакого «волшебника» у нас, тем более «великого». Чудо сотворили советские рабочие и колхозники. Но почему они смогли его сотворить? Почему и бойцы на фронте тоже сотворили чудо – разгромили гитлеровскую армию, которой в Европе никто не мог даже сколько-нибудь серьёзно противодействовать? Вооружённые тылом, накормленные, обутые, одетые им, советские воины за годы войны уничтожили у врага на фронте:

77 тысяч самолётов;

167 тысяч орудий;

48 тысяч танков;

1300 боевых кораблей и судов.

Чтобы ответить на вопрос о чуде, чтобы назвать источник силы и мужества советского народа, мы должны обратиться к Коммунистической партии, к единству партии и народа.

Мы часто говорим: «Народ и партия едины». Что это значило в годы войны? Возьмём Польшу, возьмём Францию. Немцы захватили эти большие страны в «один присест». А разве поляки или французы были трусами? Разве хотелось им попасть под иго фашистов? Разве польский рабочий, французский рабочий не согласились бы не отходить от станков, чтобы дать своим солдатам оружие? И поляки и французы были храбрые люди, они ненавидели фашистов. Но не были эти народы едины со своими правительствами и правящими партиями. Простые французы, увидев на экране кинотеатра нацистов, закипали гневом, а правительство в это время искало союза с Гитлером. И как результат – национальная трагедия… У нас же и народ и партия одинаково любят Родину, одинаково берегут её от врагов. Враг нашей партии – он и враг нашего народа. Партия и народ одинаково не жалели себя, чтобы остановить захватчиков, изгнать их с нашей земли, уничтожить. У партии и народа были единые желания, единые цели. Это и есть единство партии и народа.

Кажется, партия и народ совсем одинаковы. Нет. Партия смотрит зорче, чем народ. Она – капитан, который ведёт корабль в открытом море. Она – учёный, который сквозь завесу времени провидит будущее. Она – впереди идущий; если народу грозит

беда, партия встречает её первой – так, только в начале войны ушло на фронт больше миллиона коммунистов… У нашей партии есть ещё свойство – сплачивать вокруг себя народ: как собираются люди вокруг сильного и доброго человека, так народ собирается вокруг Коммунистической партии. Партия не просто собирает вокруг себя народ. Кусочки железа, сгрудившиеся у магнита, сами притягивают к себе новые частицы. Так народ, сплочённый вокруг партии коммунистов, перенимает её качества – становится зорче, мудрее, мужественнее, жизнеспособнее. И это тоже есть единство партии и народа. Единство, которое всё побеждает.

ПЕРВЫЕ ДНИ СОРОК ПЕРВОГО

На рассвете 22 июня 1941 года фашистская Германия внезапно, вероломно нарушив договор о ненападении, обрушила на Советский Союз удар огромной силы, начав наступление от Балтики до Чёрного моря. Наши Вооружённые Силы, не успев закончить всех оборонительных мероприятий, оказались в крайне невыгодном положении. Несмотря на героическое сопротивление советских войск, противник уже в первый день повсюду продвинулся вперёд. На некоторых направлениях немецко-фашистские войска углубились на нашу территорию до полусотни километров. Большой урон причинила нам вражеская авиация. Она бомбила железнодорожные узлы, артиллерийские и танковые парки, штабы, а также крупные города и военно-морские базы: Мурманск, Каунас, Минск, Киев, Севастополь… Бомбами были разрушены 66 аэродромов, в воздушных боях и на земле мы потеряли больше тысячи самолётов. Так тяжело для нас началась война.

Наши воины сражались с мужеством изумительным. Взять хотя бы воздушные тараны лётчиков. За всю войну, за 1418 дней, было совершено более 600 таранов – в среднем по одному в 2-3 дня. А в первый день войны их было 14! В 4 часа 25 минут утра лётчик старший лейтенант Иван Иванович Иванов таранил фашистский бомбардировщик в районе Грановка-Велицк, а в те же минуты сбил тараном самолёт врага в районе Замбрув младший лейтенант Дмитрий Васильевич Кокорев. Первый и сам погиб, второй благополучно посадил свою машину. 22 июня наши лётчики сбили две сотни вражеских самолётов.

Не страшась смерти, сражались до последней возможности взводы, погранзаставы, батальоны, полки, дивизии. 23 июня фашисты были выбиты из города Перемышля, и город несколько суток оставался нашим. Пять дней 41-я стрелковая дивизия отражала натиск пяти немецких дивизий у Равы-Русской. В тех боях 1-я артиллерийская противотанковая бригада уничтожила 42 немецких танка. А Брестская крепость? Её гарнизон, оставшись за сотни километров в тылу у немцев, сражался до последнего патрона и бойца; приковал к себе на несколько недель 20 тысяч немецких солдат с тяжёлыми орудиями и бомбардировщиками… Так проявился на деле ещё один фактор, не учтённый фашистами при подготовке войны против СССР, фактор, который в отличие от фактора внезапного нападения действовал не временно, а постоянно на протяжении всей войны, – массовый героизм советских солдат и командиров.

Участники первых боёв с фашистами к ноябрю 1941 года вывели из строя 750 тысяч захватчиков. Но суть их тяжелейшего ратного труда не только в этой впечатляющей цифре – они дали возможность подготовить к новым сражениям резервы и оборону на новых рубежах.

Люди гибли на войне до последнего её дня. И всё же те, кто воевал в 41-м, вынесли гораздо большую тяжесть, чем воевавшие позже. Прерви на минуту чтение, дорогой товарищ. Подумай о сильных, красивых людях, погибших в первые дни войны. Вечная им слава! Вечная память!..

Всё дальше на восток продвигались вражеские армии. Фашистские генералы ликовали – сбываются их планы. Но они не могли не отметить уже в первые дни, что война на востоке отличается от войн на западе, что молниеносной победы не получится.

Огромная наша страна поднялась на борьбу с врагом. У империалистов за всю историю не было армии сильнее той, что бросил против нас Гитлер. Но никогда за все века не было и у трудящихся такой гигантской силы, как советский народ. С безграничной верой в своего вождя – Коммунистическую партию – советские люди на фронте и в тылу энергично и воодушевлённо исполняли свои новые, военные обязанности. В те труднейшие дни не было ни малейшего сомнения в нашей Победе. И каждый советский человек знал, что если не мы, то никто не остановит фашистов – мы должны совершить подвиг и ради себя, и во имя всего человечества.

С обращением к советскому народу выступил по радио Генеральный секретарь ЦК ВКП(б), Председатель Государственного Комитета Обороны Иосиф Виссарионович Сталин.

Сталин И. В.

«Целью этой всенародной Отечественной войны против фашистских угнетателей, – говорил И. В. Сталин, – является не только ликвидация опасности, нависшей над нашей страной, но и помощь всем народам Европы, стонущим под игом германского фашизма. В этой освободительной войне мы не будем одинокими. В этой великой войне мы будем иметь верных союзников в лице народов Европы и Америки…»

Гитлер и его дипломаты надеялись, что Советский Союз, подвергшийся нападению, останется в изоляции от других стран мира. Это было ещё одним просчётом фашистов. На деле получилось другое. Героическое сопротивление советского народа звало другие народы к борьбе с фашистами. Правительства двух главнейших капиталистических государств – Англии и США, – тревожась за судьбу своих стран, высказались за помощь Советскому Союзу, за объединение всех антифашистских сил в одной коалиции. В обращении к английскому народу премьер-министр Великобритании У. Черчилль 22 июня заявил: «Никто не был более упорным противником коммунизма, чем я, в течение последних 25 лет. Я не возьму назад ни единого из сказанных мною слов, но сейчас всё это отступает на второй план перед лицом разворачивающихся событий. Опасность, угрожающая России, – это опасность, угрожающая нам и

Соединённым Штатам точно так же, как дело каждого русского, сражающегося за свой очаг и свой дом, – это дело свободных людей и свободных народов во всех частях земного шара».

Президент США Ф. Рузвельт сказал от имени своего правительства: «…мы собираемся предоставить России всю ту помощь, какую мы сможем».

Правда, в те же дни американский сенатор Г. Трумэн, ставший в конце войны президентом США, не стыдился говорить и такое: «Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если выигрывать будет Россия, то нам следует помогать Германии, и, таким образом, пусть они убивают как можно больше…»

Но простые люди на всех континентах искренне желали победы советскому оружию. …Затаив дыхание мир следил за схваткой СССР и Германии. А сообщения с фронта шли тревожные…

Наступление немецко-фашистских войск развивалось в соответствии с планом «Барбаросса» по трём стратегическим направлениям. Группа армий «Север» наступала из Восточной Пруссии через Прибалтийские республики на Псков, Ленинград. Группа армий «Центр» – из района восточнее Варшавы на Минск, Смоленск, Москву. Группа армий «Юг» – из района Люблина на Житомир, Киев. Главный удар был нацелен на Москву. С падением столицы, считали фашисты, советский народ будет деморализован, потеряет способность к сопротивлению, и останется только подавить отдельные очаги сопротивления.

Почему, придавая такое значение захвату Москвы, противник не двинулся на неё всеми силами? Зачем ему нужно одновременно наступать на Ленинград и Киев? План «Барбаросса» предусматривал удар трезубцем, а не штыком потому, что на северо-западе и на юго-западе нашей страны стояли сильные группировки советских войск; клин немецких армий, нацеленных на Москву, подвергся бы нашим ударам во фланги и тыл. Были и другие причины для удара трезубцем; одна из них – сразу включить в боевые действия войска Румынии и Финляндии.

…Именно с аэродромов Румынии и Финляндии поднялись на рассвете 22 июня эскадрильи немецких самолётов, взявших курс на наши военно-морские базы – Севастополь, Таллин, Кронштадт, Мурманск. Одни самолёты бомбили корабли, причалы, портовые сооружения, жилые кварталы городов, другие сбрасывали мины у выходов из баз и на фарватерах.

Весь азарт, всю силу вложили фашисты в первый удар по советскому флоту. Однако результаты этого удара были

ничтожные. Наш флот на всех морях заблаговременно был приведён в боевую готовность. Огонь зенитчиков с берега и кораблей, противодействие истребителей разрушали атаки вражеской авиации. В первый день войны на Чёрном море мы потеряли только портовый буксир, подорвавшийся на мине. Краснознамённый Балтийский и Северный флоты вообще потерь не имели.

Летние дни длинные, летние ночи короткие. Это было выгодно фашистам. Их самолёты, танки, орудия действовали почти без перерыва круглые сутки. Вражеские армии продолжали движение в глубь нашей страны. Наши войска, не имея ни часа для передышки, отходили. Положение на сухопутном фронте становилось всё сложнее. Это не замедлило сказаться на положении флотов. Военно-морские базы – Таллин на Балтике, Одесса на Чёрном море, Полярный на Севере – оказались под угрозой захвата с суши. Захват Таллина сулил немцам и скорый захват Ленинграда, последнего опорного пункта Краснознамённого Балтийского флота. Гитлеровцы рассчитывали войти в Ленинград в конце июля.

План «Барбаросса» (в его морской части) гласил: «следует… избегать крупных морских сражений». Немецко-фашистское командование берегло свои корабли для действий против Англии. Оно считало, что с нашими флотами справятся сухопутные войска, захватив в скором времени все базы и порты. Фашистские адмиралы предполагали, что советские корабли, лишившись последних баз на Балтике, будут прорываться в Англию или нейтральную Швецию. Для их перехвата были выделены сильные эскадры. Конечно же, немцы имели в виду, что наш флот будет оказывать помощь сухопутным войскам в обороне морских баз, прибрежных городов и побережья. В этих случаях против советских кораблей должна была действовать авиация. Враги возлагали большие надежды на новые неконтактные мины, надеялись закупорить минами все выходы из баз, портов.

Начиная с первого часа Великой Отечественной войны в борьбу с фашистами вступили и советские моряки. На кораблях в море, в самолётах морской авиации в воздухе, в морской пехоте на суше – всюду они воевали мужественно, храбро, неисчислимыми подвигами возвеличивали военно-морской флаг.

ОБОРОНА ЛЕНИНГРАДА

Очерк о военных действиях на Балтийском море и его берегах назван «Оборона Ленинграда». Точное ли это название? Ведь здесь было много других впечатляющих событий: бои за Либаву, за Таллин, за Моонзундские острова, героическая стойкость защитников полуострова Ханко… И всё же – «Оборона Ленинграда», так как в каждой точке армия и флот в конечном итоге защищали этот город.

Почему было важно не отдать врагу именно Ленинград? Первое, что ясно сразу, – соображения политические: фашисты в городе Владимира Ильича Ленина, в городе революции. На веки вечные остался бы такой горестный факт в истории человечества, он был бы постоянным укором многим поколениям советских людей. Гитлеровцы тоже думали об этом, во всех документах они уже именовали Ленинград Петербургом, хотя другим городам, переименованным в годы Советской власти, старых названий не возвращали. Предполагалось, что взятие Ленинграда укрепит гитлеровскую коалицию, заставит правительства некоторых стран, которые всё ещё колебались, вступить в войну против СССР.

Ленинград нельзя было отдавать врагу и по ряду стратегических соображений. С потерей Ленинграда мы потеряли бы мощный Балтийский флот. Конечно, он не достался бы немецким адмиралам, моряки взорвали бы или затопили корабли, уничтожили бы другие объекты флота. Но Балтийское море стало бы в безраздельной собственности немцев. Они без всяких препятствий снабжали бы по морю всем необходимым свои войска в Прибалтике и войска Финляндии, они спокойно возили бы железную руду из Швеции для своих заводов, делавших танки и самолёты, снаряды и бомбы.

Однако потеря мощного флота – это ещё не всё. Как писал в своей книге Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, потеря Ленинграда и соединение в этом районе германских и финских войск грозили разрывом стратегического фронта. Нам пришлось бы для защиты Москвы с севера создавать новый фронт. На это ушли бы все резервы, которые готовились для обороны Москвы.

Прервалось бы железнодорожное сообщение страны с Мурманском. Северный флот после этого оказался бы в тяжелейшим положении.

И ещё – то, ради чего в конечном итоге Гитлер бросал всё новые и новые дивизии на Ленинград: у немцев освободилась бы группа армий «Север». Освободилась бы и была брошена на

Москву. План «Барбаросса» предусматривал удар по нашей стране трезубцем – группами армий «Север», «Центр» и «Юг». Потеряй мы Ленинград, вместе со средним остриём трезубца – «Центром» на Москву устремилось бы и верхнее – «Север».

Трудно было нашим войскам осенью 1941 года остановить фашистов у столицы, неимоверное напряжение потребовалось, чтобы зимой отбросить врага от Москвы. Но по Москве тогда било лишь среднее остриё трезубца «Барбароссы». Верхнее у самой своей груди намертво схватил Ленинград – не давая врагу ни вырвать его, ни вонзить глубже… Вот какая роль оказалась у Ленинграда в войне!

Великую Отечественную войну историки делят на три периода. Первый – с июня 1941 года по ноябрь 1942 года. Второй – с ноября 1942 года по декабрь 1943 года. Третий – с декабря 1943 года по май 1945 года. Мы же рассмотрим события на морях и побережьях в других временных рамках – так будет проще разобраться во множестве боёв и сражений. Для чтения главы «Адмиральская» вооружись картами всех периодов Великой Отечественной войны.

НАШ ФЛОТ И ФЛОТ ВРАГА

Краснознамённый Балтийский флот был самым сильным из всех советских флотов. К началу Великой Отечественной войны он имел в своём составе 2 линкора – «Октябрьская революция» и «Марат», 2 крейсера – «Киров» и «Максим Горький», 2 лидера – «Ленинград» и «Минск», 19 эсминцев, 65 подводных лодок, 6 надводных минных заградителей, 7 сторожевых кораблей, 33 тральщика, 1 канонерскую лодку, 33 сторожевых катера и малых охотника за подводными лодками, 48 торпедных катеров, учебные и вспомогательные суда и 656 самолётов. Командовал флотом вице-адмирал Владимир Филиппович Трибуц.

Флот Германии к началу войны с нами был таким: 5 линкоров, в том числе новые «Тирпиц», «Шарнгорст» и «Гнейзенау», 4 тяжёлых крейсера, 4 лёгких крейсера, 43 эсминца и миноносца, 10 надводных минных заградителей, 26 сторожевых кораблей, 85 тральщиков, 28 торпедных катеров, 161 подводная лодка. Из этого состава германское командование для действий против нашего флота на Балтике выделяло около 100 кораблей, в их числе 5 подводных лодок, 10 минзагов, торпедные катера, сторожевые корабли и тральщики.

В своё распоряжение немцы получили на Балтике флот Финляндии: 2 броненосца береговой обороны, 12 минных заградителей, 25 тральщиков, 4 канонерские лодки, 5 подводных

лодок и много катеров.

У противника больше кораблей, чем у нас. Но если учесть, что германский флот, особенно подводные лодки, воевал и на других морских театрах, то наш КБФ был грозной силой. Один из гитлеровских морских стратегов, Ассман, напишет впоследствии о немецком плане войны на Балтийском море: «В этом очень осторожном плане чувствовалось уважение к русскому флоту». Чувствовались не простое «уважение», но и боязнь. Так, для защиты своих коммуникаций и побережья от советских кораблей немцы поставили тысячи мин между Мемелем (Клайпедой) и шведским островом Эланд. Минами они прикрыли подходы к портам Пиллау (Балтийск) и Кольберг (теперь польский Колобжег).

ГЕОГРАФИЯ И ВОЙНА

Нельзя в полной мере оценить деятельность моряков Краснознамённого Балтийского флота, не представив, на каком сложном морском театре им пришлось воевать.

Финляндия ещё до начала войны отдала немцам свои прибрежные аэродромы, радиостанции, порты, морские базы, в том числе Хельсинки с крепостью Свеаборг. Ширина Финского залива всего 40-60 миль. Значит, морская дорога от Ленинграда до главной военно-морской базы КБФ Таллина, до Риги, до передовой военно-морской базы Либавы с самого начала войны оказалась под угрозой ударов авиации, атак торпедных катеров и обстрела береговой артиллерией. По сути, с самого первого часа войны враг уже был в тылу нашего флота.

Ещё одно очень важное преимущество – тоже из рук географии – получили немецкие адмиралы. Германия омывается Северным и Балтийским морями. В Северном море её флот мог действовать против англичан, в Балтийском – против нас. При этом флот имел возможность целиком сосредоточиться в одном из этих морей и вести там военные действия, не опасаясь удара с тыла. Так, немцы могли бросить все свои мощные корабли против нашего КБФ, обороняя от англичан узкие проливы между морями и Кильский канал береговыми батареями, минами, подводными лодками и авиацией. Такую стратегическую схему ещё перед первой мировой войной разработал гросс-адмирал Тирпиц: загороди ться от англичан в проливах, сосредоточить весь флот против русского флота, уничтожить его, затем выйти в Северное море и броситься на англичан. Очень интересная схема, не правда ли? А основой для неё послужили географические выгоды.

С первых дней войны и почти до её конца наше морское

командование ждало прихода большого немецкого флота к советским берегам и готово было оказать ему достойную встречу. Однако гросс-адмирал Редер, возглавлявший высшее морское командование Германии, не воспользовался схемой своего предшественника гросс-адмирала Тирпица. Если бы в Финский залив вошли мощные корабли немцев – линкоры и крейсеры, нашим большим кораблям, береговым батареям пришлось бы переключиться на борьбу с ними. А так корабельная и береговая артиллерия большой мощности использовалась против немецких сухопутных войск, наступавших в Прибалтике. Неприятель действовал вблизи наших берегов только малыми кораблями. Тут можно подумать, что наши адмиралы допустили ошибку – мол, готовились, ждали, а большой флот фашистов так и не пришёл. Он не пришёл именно потому, что его ждали! Если бы не ждали, непременно пришёл бы. Враг приходит туда, где его не ждут.

«СУП С КЛЁЦКАМИ»

Финский залив моряки называли «супом с клёцками» – очень много мин стояло в нём. Десятки тысяч! Почему «повезло» так этому заливу? Первое – он мелкий: 10-15 метров, самое глубокое место – 75. Значит, в нём можно ставить по всей площади самые разные мины: якорные, донные, антенные… Второе – постановками мин в устье залива немцы загораживали свои коммуникации от нападения наших кораблей, а мы – от нападения кораблей немецких – защищали минами свои коммуникации. Получилось, что обе воюющие стороны ставили мины почти в одном и том же месте. Опасные «клёцки» добавлялись в залив чуть ли не всю войну.

Во время минных постановок произошёл единственный за всю войну артиллерийский бой больших советских и немецких кораблей.

Из Моонзунда в Ирбенский пролив вышел отряд, которым командовал капитан первого ранга Б. В. Хорошихин. С минами были эсминец «Энгельс», сторожевые корабли «Снег» и «Туча», а прикрывали их эсминцы «Сердитый» и «Сильный» (на последнем тоже были мины).

После полудня отряд обнаружил фашистские корабли-транспортёры в охранении вспомогательного крейсера и двух миноносцев. Неприятельский конвой направлялся к Рижскому заливу.

«Сердитый» и «Сильный» 28-узловым ходом помчались к противнику. Немцы увидели их, с дистанции 120 кабельтовых открыли огонь. Советские моряки ответили с дистанции 108

кабельтовых. Артиллеристы «Сердитого», которыми командовал капитан-лейтенант Бурчаков, уже пристрелочными снарядами накрыли вражеский миноносец и вскоре потопили его. «Сильный» тоже открыл огонь из носовых орудий. Его снаряды попали в крейсер, на вражеском корабле начался пожар. Но и снаряд крейсера угодил в корму эсминца, а там лежали мины. Мина, пробитая осколком, загорелась. Она могла вот-вот взорваться. «Сильный» получил приказ выйти из боя. Раненый комендор Уложенко, старший матрос Александров, старшина второй статьи Карпов и лейтенант Горовой на руках отнесли горящую мину к борту, сбросили в воду. Пришлось сбросить и остальные мины: в бою они грозили кораблю гибелью. «Сильный» снова пришёл на помощь «Сердитому». Снаряды наших кораблей ещё несколько раз попали в крейсер. Тот закрылся дымовой завесой и ушёл в море. В это время появились советские бомбардировщики. Самолёты сбросили бомбы на остатки конвоя и повредили второй миноносец.

Закончив минные постановки, отряд Хорошихина вернулся в базу.

Это первые дни минной войны в Балтийском море.

ШЕСТЬ ГЕРОИЧЕСКИХ ДНЕЙ ЛИБАВЫ

А что же происходило в эти дни на побережье? На побережье шли тяжелейшие бои с противником, превосходящим нас и численностью и опытом. Фашистов мы превосходили тогда только мужеством и стойкостью. Пример тому – оборона военно-морской базы Либава (теперь город Лиепая).

Немцы планировали овладеть городом вечером второго дня войны. На рассвете 22 июня их тяжёлая артиллерия открыла огонь по пограничным населённым пунктам. Вслед за этим пограничники были атакованы немецкой пехотой. Несмотря на мужественное сопротивление пограничников, немцы заняли Кретингу и Палангу и форсированным маршем двинулись по шоссе от Паланги к Либаве. Остановились враги лишь у реки Барта, что в 17 километрах южнее Либавы. Здесь были части нашей стрелковой дивизии, которой командовал генерал-майор Н. А. Дедаев. Развернулись ожесточённые, кровопролитные бои.

В самой базе боевые действия начались с того, что около 4 часов утра разведчик-наблюдатель зенитной батареи матрос Колотенков обнаружил приближавшиеся с моря самолёты. Это были 12 фашистских бомбардировщиков. Бомбардировщики базу не тронули, а пролетели дальше и сбросили бомбы на аэродром, где стояли истребители. Из-за тумана истребители не могли

подняться в воздух, огонь зениток по этой же причине был неточным; вражеские самолёты без потерь ушли, уничтожив 8 наших машин. Во второй половине дня уцелевшие истребители, поскольку аэродром оказался под угрозой захвата, были переведены на восток, в Ригу. База осталась без авиационного прикрытия.

Генерал-майор Н. А. Дедаев и командир базы капитан первого ранга М. С. Клевенский, люди энергичные и деятельные, начали готовить Либаву к круговой обороне. Войска и жители города принялись рыть траншеи и окопы. Береговая артиллерия изготавливалась к стрельбе по сухопутным целям. Из экипажей ремонтирующихся кораблей, личного состава базы, курсантов училища были сформированы морские отряды. В отряды объединились латышские коммунисты и комсомольцы. Днём 22 июня, быстро закончив ремонт машины, тральщик «Фугас» под охраной торпедных катеров вышел в море и, отражая налёты бомбардировщиков, прикрыл подступы к базе минами.

Приближался вечер 23 июня – срок взятия Либавы. Однако немцы нигде не могли пробить нашу оборону, хотя подошли к городу совсем близко. Тогда они попытались прорваться в город на лодках по Лиепайскому озеру. У берега фашисты попали под сильный огонь отряда моряков. По фашистам ударила береговая батарея. И десант бежал с озера с большими потерями.

Как и подобает мужественным людям, гарнизон базы не только оборонялся, но и сам переходил в контратаки. Так, моряки с эсминца «Ленин», курсанты и стрелки целый день вели наступательный бой у пересечения Гробиньского и Виндавского шоссе. (Виндава теперь называется Вентспилс.)

Противник подтянул к Либаве крупнокалиберную артиллерию. В ночь на 24 июня наши стрелки и морские пехотинцы выдержали ожесточённый обстрел. Тяжёлые орудия били по городу, по кораблям, стоявшим в порту, по складам. Ночь была тревожная, вся в зареве пожаров. А тут ещё прогремели взрывы в порту: моряки взорвали эскадренный миноносец и шесть подводных лодок. Это мужественное решение принял командир эсминца капитан-лейтенант Ю. Афанасьев, как старший по званию среди командиров ремонтировавшихся кораблей; немцы уже подходили к судоремонтному заводу, а корабли не имели хода.

Невозможно выделить из числа защитников Либавы наиболее отличившихся. Одинаково доблестно сражались в окружении и стрелки, и моряки, и пограничники. Примером воинского братства стала совместная стрельба береговой батареи 130-миллиметровых орудий с батареей 122-миллиметровых гаубиц

дивизии. Моряки выделили к гаубицам опытных наводчиков, и две батареи – в каждой по 4 орудия – действовали как одна. Их огневые налёты уничтожали и разгоняли мотопехоту немцев, разрушали артиллерийские и миномётные позиции. Точной стрельбой они уничтожили вражеский бронепоезд.

Северо-восточнее города есть местечко Дурбе. Там на озере базировалась эскадрилья гидропланов – морских ближних разведчиков. Её лётчики вели не только разведку вокруг осаждённой Либавы, но и бомбили врага. Вскоре, однако, и эти самолёты улетали под Ригу – немцы подошли к самому озеру. Теперь в небе над Либавой и её окрестностями кружили только самолёты с крестами на крыльях. Они сыпали бомбы на наши позиции, обстреливали их из пулемётов. А зенитчикам в это время приходилось опускать стволы орудий и отражать атаки врага на земле.

25 июня был убит генерал Дедаев. Число погибших и раненых росло. Боеприпасы подходили к концу. А фронт уже откатился от Либавы; советские войска готовились к обороне на реке Даугава.

Вечером 26 июня гарнизону Либавы был дан приказ отступить к Риге.

Сдерживая врага, войска стали готовиться к выходу из окружения. Утром 27 июня раненые были погружены на автомашины и на судно «Виениба». Береговые батареи, перед тем как быть взорванными, выпустили по неприятелю последние снаряды. Прорывались герои одновременно на двух направлениях – по приморской дороге на север и в направлении на Айзпуте, на восток. На северном направлении сразу наметилась удача. Но, когда машины с ранеными вытянулись в колонну, налетели немецкие штурмовики. Отходившим нечем было защищаться от самолётов, и те методично сбрасывали бомбы и вели стрельбу из пулемётов. Трагично сложилась и судьба прорывавшихся в восточном направлении – между железной дорогой и шоссе (в этом месте населённый пункт Гробиня). Поначалу немцы не оказывали большого сопротивления. Оказалось, заманивали в огневой мешок. С близкого расстояния фашисты открыли губительный огонь из пулемётов, из миномётов. Прямой наводкой били орудия…

Из окружения удалось выйти лишь нескольким отрядам моряков, которыми командовал полковой комиссар П. Поручиков, и отряду курсантов и пограничников, которых возглавил капитан В. Орлов.

Пароход «Виениба» шёл в море под флагом Красного Креста – в сопровождении катеров. Катера защитили бы его от кораблей противника, но напали на пароход не корабли, а самолёты.

Бомбили, стреляли в беззащитное госпитальное судно. И потопили. Добраться до берега удалось лишь 15 морякам. Немцы с бреющего полёта расстреливали людей в воде.)

В самом городе, в разных его концах, после того, как вошли в Либаву фашисты, ещё несколько дней шла стрельба. Моряки, солдаты, латышские коммунисты и комсомольцы, укрывшиеся на чердаках, в подвалах, продолжали героическое сопротивление.

Всего шесть дней держалась Либава. Как мало это… И вместе с тем как много! Вспомни, дорогой друг, о Ленинграде. О значении этого города в войне. Немцам нужно было взять его в конце июля, через 33 дня после начала военных действий. Либава, задержав левый фланг немецких войск на шесть дней, отняла их у «Барбароссы». И не просто шесть дней отняла, а одну шестую времени, отведённого на захват Ленинграда.

БОМБАРДИРОВКИ БЕРЛИНА

В начале войны самолётам КБФ больше пришлось действовать не в морских боях, а в боях на суше. Лётчики флота бомбили танки, мотопехоту, аэродромы, воевали с немецкими самолётами, прикрывали с воздуха своих наземных товарищей.

А с каким мужеством прикрывали! Израсходовав боеприпасы, 16 июля таранил фашиста старший лейтенант Н. Митин, 18 июля- лейтенант В. Михалёв, 19 июля – старший лейтенант М. Багрянцев, 22 июля – старший лейтенант Д. Зосимов, 24 июля – старший лейтенант И. Мартьпценко… Задумайся над рядом этих чисел, читатель. Представь лейтенантов, у которых оставалось единственное оружие – винт самолёта. Представь их лица за прозрачным колпаком истребителя. Представь их глаза, их гневные очи.

Первым в истории авиации таранил бомбардировщиком истребитель младший лейтенант П. Игашев. Сбив фашиста, экипаж ДБ-3 проутюжил своим горящим самолётом колонну вражеских войск на дороге…

Преображенский Е. Н.

Истинную храбрость, великолепное умение летать показали пилоты двух эскадрилий 1-го минно-торпедного полка, которым командовал полковник Е. Н. Преображенский. Они бомбили Берлин. Первые бомбы сбросили в ночь на 8 августа.

Какими чувствами жила Германия в канун той ночи? «Доблестная» армия фюрера взяла Псков, взяла Смоленск: между Киевом и Кременчугом танки изготовились форсировать Днепр; в осаде Одесса. Как же не радоваться! Один за другим перед германцем встают на колени народы. «Хайль Гитлер!» Так ликовали одни. К сожалению, их было большинство – захваченных, словно пыль ветром, диким восторгом убийства и разрушения. Другие рассуждали: «Творится страшное дело. Но нет силы, которая приостановила бы его. А раз так, то и мы вместе со всеми». Третьим было горько чувствовать себя немцами. Коммунисты, антифашисты, они не теряли надежды вернуть своему народу доброе имя, но надежда эта по мере продвижения гитлеровских войск на восток всё уменьшалась.

Нужно было вселить в третьих веру в торжество их правоты. Нужно было предостеречь вторых от опасности соучастия в преступлении. И нужно было показать первым, что война дело не шуточное и когда придёт она туда, где её замыслили, ликующим ныне небо покажется с овчинку.

Чем всё это можно было достичь? Чем-то таким, чего не

могли бы скрыть от читателей немецкие газеты, таким, весть о чём разнеслась бы по всей Германии и по всему свету. Надо было бомбить Берлин.

Налёты на Берлин готовились в строжайшей тайне. Ставка Верховного Главнокомандования возложила личную ответственность за эту операцию на её инициатора – наркома ВМФ адмирала Н. Г. Кузнецова.

Кузнецов Н. Г.

Был единственный аэродром, откуда самолёты ДБ-3 с полутонным грузом бомб могли достать Берлин – на острове Эзель. Причём, чтобы хватило бензина для возвращения, надо было все 1800 километров туда и обратно лететь по прямой, бомбы сбрасывать на город немедля, иначе – посадка на территории, занятой врагом.

Когда стали подбирать экипажи, выяснилось, что сами лётчики тоже думали о таких полётах. Немцы в те дни отдельными бомбардировщиками прорывались к Москве, и наши лётчики считали своим долгом сбросить бомбы на фашистскую столицу.

2 августа бомбардировщики прилетели на островной аэродром. Эсминец «Стерегущий» и тральщик «Фугас» доставили на Эзель бомбы из Таллина. Преодолев минные заграждения,

пришёл конвой с бензином. Самолёты, боеприпасы, горючее укрыли в лесах.

Ночью 6 августа несколько бомбардировщиков слетали на разведку – до самого Берлина. Фашисты опоясали город кольцом зенитных орудий, мощные прожекторы светили на высоту шести километров, густо висели в небе аэростаты с сетями, ещё были ночные истребители с прожекторами.

Разведку удалось проделать исключительно тонко. Немцы не догадались, какие гости побывали в их владениях. Поэтому ночью 8 августа 15 наших дальних бомбардировщиков беспрепятственно прошли зенитную оборону и появились над освещённым Берлином. Город немцы не затемняли. «Зачем же? Англичане налетают крайне редко, а у русских вся авиация уничтожена». Немецкие наблюдатели посчитали наши самолёты за свои, заблудившиеся, и предлагали сесть на аэродром поблизости. Только после того, как в городе взорвались тяжёлые бомбы, открыли огонь зенитные орудия, вспыхнули, зашарили по небу прожекторы. Но наши бомбардировщики – все 15 – на высоте семи километров уже летели домой.

Утром немецкие газеты вышли с сообщением: «Английская авиация бомбардировала Берлин. Имеются убитые и раненые. Сбито шесть английских самолётов». Англичане не замедлили напечатать: «Германское сообщение о бомбардировке Берлина интересно и загадочно, так как 7-8 августа английская авиация над Берлином не летала».

Ты можешь представить, дорогой друг, как потрясло и разъярило Гитлера это написанное в изящном стиле опровержение! И фюрер, и его генералы уже считали, что война выиграна. Начальник Генерального штаба сухопутных войск Германии генерал Гальдер писал в своём дневнике ещё 3 июля: «В целом теперь можно сказать, что задача разгрома главных сил русской армии перед реками Западная Двина и Днепр выполнена… Поэтому не будет преувеличением, если я скажу, что кампания против России была выиграна в течение 14 дней». Тогда же Гитлер говорил: «Я всё время стараюсь поставить себя в положение противника. Практически он уже войну проиграл». И вот на тебе! – на Берлин падают советские бомбы.

Верховное главнокомандование фашистов 12 августа отдало распоряжение: «Совместными усилиями соединений сухопутных войск, авиации и военно-морского флота ликвидировать военно-морские и военно-воздушные базы противника на островах Даго и Эзель. При этом особенно важно уничтожить вражеские аэродромы, с которых осуществляются налёты на Берлин».

Не дожидаясь крупной операции, за уничтожение наших

бомбардировщиков принялись вражеская авиация и диверсанты. Самолёты-разведчики обнаружили аэродром – его ведь не спрячешь, но бомбардировщики были укрыты глубоко в лесу, и немцы только испортили аэродром взрывами бомб, что было не так уж важно. Бойцы истребительного отряда уничтожили в окрестностях аэродрома несколько групп диверсантов, поймали немецкого радиста, сброшенного с парашютом, затем задержали и выходившего к нему на связь шпиона.

А налёты на Берлин следовали один за другим. Теперь уже в условиях ожесточённого противодействия врага. Как только бомбардировщики пересекали береговую черту, зенитки засыпали небо снарядами. Настоящий огненный ад начинался на подходах к городу. Спасительной для лётчиков – они летали с кислородными масками – была большая высота. Прожекторы немцев не доставали до наших самолётов на целый километр. Ни один ДБ-3 не был сбит над Берлином.

Последние бомбы были сброшены на город в ночь на 5 сентября. После этого полёты пришлось прекратить. Немцы часто бомбили островной аэродром, до предела осложнилась доставка бомб и горючего – неделей раньше наши войска оставили Таллин.

ИСПЫТАНИЕ ОГНЁМ И ВОДОЙ

Помнишь, читатель, мы говорили о танке КВ № 864, который 19 августа 1941 года остановил и разгромил армаду вражеских танков? То был эпизод отражения яростного натиска фашистов на Ленинград. Сроки взятия Ленинграда, определённые «Барбароссой», прошли. Это, в свою очередь, могло отодвинуть сроки наступления на Москву, и враг предпринимал все меры, чтобы ворваться в город Ленина.

Для нас было важно в то время сковать вражеские войска на других участках фронта, чтобы немцы не могли перебросить оттуда подкрепления к Ленинграду. И тут мы должны вспомнить храбрость защитников Таллина. Шесть пехотных дивизий, целую армию, приковал к себе в самое опасное для Ленинграда время – в августе 41-го – Таллин. Город был окружён и сражался в окружении 20 дней. Не так, конечно, много. Но если учесть, что всю войну немцы намеревались закончить за 45-60 дней, то эти два десятка – срок внушительный.

К концу месяца силы защитников Таллина истощились. Осложнилась обстановка и под Ленинградом. Для непосредственной обороны Ленинграду нужны были все силы флота. В этих условиях Ставка Верховного Главнокомандования отдала приказ об эвакуации защитников Таллина и переходе

флота в Кронштадт – на помощь Ленинграду.

Таллин был не только столицей Эстонии, но и главной базой КБФ. Почти все корабли Балтийского флота находились здесь. Теперь им предстояло, взять на борт защитников города, прорываться в Кронштадт.

ТРУДНЕЙШИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА

Переход флота из Таллина в Кронштадт был делом очень и очень трудным. С северного берега залива, из финских шхер, неприятель грозил нашим кораблям атаками торпедных катеров и подводных лодок. С южного, который захватили гитлеровцы, – артиллерийским обстрелом. Середину же залива немцы загородили минами, они поставили их больше 3 тысяч. С воздуха ожидались удары фашистской авиации. А наши истребители могли прикрыть корабли лишь восточнее острова Гогланд: береговые аэродромы враг захватил; с аэродромов, расположенных близ Ленинграда, летать очень далеко – не хватало бензина на обратную дорогу. Вот какие сложнейшие обстоятельства нужно было преодолеть Краснознамённому Балтийскому флоту. Фашисты считали, что наш флот в ловушке, что они теперь уничтожат его.

В ряду разнородных задач флота особо сложным считается высадка десантов, но не менее трудной является эвакуация войск с побережья. Войска приходится принимать на корабли и суда, когда враг наседает превосходящими силами. Однако эту трудную задачу решить удалось. Во второй половине дня 27 августа защитники Таллина одновременно по всему периметру обороны контратаковали противника. Солдаты и матросы понимали, что от этой последней контратаки зависит многое. Они бились храбро, яростно, так что отбросили неприятеля на несколько километров. Береговые батареи, корабли – крейсер «Киров», лидеры «Ленинград» и «Минск», восемь эсминцев – повели непрерывную стрельбу по отогнанным фашистам. Под грохот мощных орудий, под покровом наступившей ночи войска выходили к причалам в разных бухтах и грузились на транспорты. Более 20 тысяч человек перешли с берега на суда. Когда отходили последние части, до конца державшие оборону, морская артиллерия поставила между ними и немцами огневую завесу. Немцы не отважились войти в порт вслед за отступавшими. Правда, неприятель обстреливал порт и корабли из орудий и миномётов, но, к счастью, от этого обстрела потерь почти не было.

После завершения посадки специальные команды занялись

уничтожением военного имущества, которое невозможно было взять с собой. Взорвали орудия, башни и погреба береговых батарей, склады, автомашины. Чтобы фашисты подольше не воспользовались гаванями, в них затопили старые суда, паровозы и вагоны. Закрыл собой вход в каботажную гавань повреждённый бомбой минный заградитель «Амур», тот, что вместе с «Авророй» был на Неве при штурме Зимнего дворца.

Жалко топить паровоз. Ещё горше топить корабль, чья история известна всему флоту. Адмирал Ю. А. Пантелеев, который в те дни был начальником штаба КБФ, вспоминает: «В сумерках у морских ворот гавани, дёргаясь на швартовых, громадой высится старый русский боевой корабль, минный заградитель «Амур». Ни огонька на нём. На палубе не видно команды, на мачтах не развеваются флаги, а из двух высоких труб не вьётся дымок. Ветеран Балтийского флота, на чьих минах в первую мировую войну погиб не один вражеский корабль, уже больше не покинет гавань. Он должен выполнить последний свой долг перед Родиной: после нашего ухода затонуть в воротах гавани с тем, чтобы надолго запереть их для врага».

С тяжёлым сердцем покидали моряки Таллинский рейд. Но мужество не покидало людей. Самих моряков, их сильные корабли ждал Ленинград, вокруг которого уже почти сомкнулось кольцо фашистов.

НЕПРЕДВИДЕННАЯ ЗАДЕРЖКА

Эвакуация шла по плану. Почти 200 кораблей и судов были готовы к переходу, который должен был начаться в ночь на 28 августа. Но случилось непредвиденное: накануне вечером ветер стал свежеть и разыгрался шторм. Семибалльный ветер, большие волны были опасны для многих тральщиков, судов и катеров. Ветер начал стихать лишь через 15 часов. Мало того что флоту эти томительные часы пришлось стоять у острова Найсар под обстрелом немецких орудий, это в конце концов было не так опасно, наши корабли не давали особенно разгуляться вражеской артиллерии, эсминцы «Артём» и «Володарский» довольно быстро подавили немецкую батарею; опаснее и страшнее во сто крат было то, что флоту теперь приходилось форсировать минные поля ночью, а не в светлое время. Однако не было иного выхода, как двинуться в путь. Стоять у острова Найсар, отложив выход в море на сутки, было нельзя. С часу на час должна была налететь вражеская авиация.

После полудня 28 августа корабли и конвои взяли курс на восток. Первыми шли главные силы: крейсер «Киров», лидер

«Ленинград», 4 эсминца, 4 подводные лодки, 5 быстроходных тральщиков, 11 торпедных катеров и катеров-охотников.

За главными силами двигался первый конвой: шесть транспортов, ледокол, плавмастерская, учебный корабль, три подводные лодки, а также корабли непосредственного охранения – 2 эсминца, 3 сторожевика, 5 тральщиков, 7 различных катеров и буксир.

Далее следовал отряд прикрытия: лидер «Минск», 2 эсминца, 4 подводные лодки, 5 быстроходных тральщиков, 8 малых охотников и торпедных катеров, 1 сторожевой корабль.

За отрядом прикрытия шли третий и четвёртый конвои: 8 транспортов, танкер, 3 мотобота, 3 шхуны и баржа. В непосредственном охранении конвоев следовали: 4 тральщика, 2 канонерские лодки, 3 сторожевых корабля, 13 катерных тральщиков, 2 магнитных тральщика и 2 малых охотника.

Параллельно этим конвоям, чуть севернее шёл второй конвой: 6 транспортов, 2 сетевых заградителя, гидрографическое судно и шхуна. В их охранении были: канонерская лодка, сторожевой корабль, 4 тральщика, 9 катерных тральщиков и 2 катера – малых охотника.

Замыкал колонну кораблей и транспортов арьергард: 3 эсминца, 3 сторожевых корабля, 2 торпедных катера и 2 малых охотника.

Трибуц В. Ф.

Командующий флотом вице-адмирал В. Ф. Трибуц находился на крейсере «Киров», его первый заместитель начальник штаба флота контр-адмирал Ю. А. Пантелеев – на лидере «Минск» в отряде прикрытия, второй заместитель командующего контр-адмирал Ю. П. Ралль – в арьергарде на эсминце «Калинин».

Отряды кораблей и транспортов вытянулись на целых 15 миль. Поход, равного которому по мужеству в истории флотов нет, начался. О том, как он проходил, послушаем рассказ военного историка капитана первого ранга Василия Ивановича Ачкасова.

«С момента выхода из Таллинского залива до наступления темноты боевые корабли и транспорты подвергались непрерывным атакам с воздуха. Вскоре были обнаружены плавающие мины (якорные мины, которые всплывали, подсекаемые тралами и параванами наших идущих впереди кораблей).

Первые потери начались после 18 часов, когда на мине подорвался и затонул транспорт «Элла». Через 25 минут от попадания нескольких авиационных бомб затонул ледокол «Вальдемарс». В это же время самолёты атаковали транспорт «Вирония». Он потерял управление и был взят на буксир спасательным судном «Сатурн». Командир первого конвоя оставил около «Виронии» транспорт «Алев», а для прикрытия выделил эсминец «Суровый» и катер. Позднее, около 22 часов, «Вирония», «Сатурн» и «Алев» подорвались на минах и затонули. Затем на минных заграждениях погибло ещё два транспорта.

Быстро надвигались сумерки. Силуэты кораблей арьергарда чётко вырисовывались на фоне зарева пожаров, полыхавших в оставленном нами Таллине. Огромные столбы пламени и чёрного дыма, поднимавшиеся к небу то тут, то там, возвещали о гибели транспортов и кораблей. На поверхности моря среди массы обломков плавало много людей. Катера подбирали их и доставляли на борт ближайших кораблей и судов.

С наступлением темноты налёты вражеской авиации прекратились, однако во много крат усилилась опасность подрыва на минах. Всплывшие на поверхность якорные мины трудно было различить среди обломков. Ночь на 29 августа оказалась для флота самой тяжёлой, так как ему пришлось в темноте форсировать минное поле большой глубины и плотности.

Отряды и конвои шли в кильватер друг другу за тралами малочисленных базовых тральщиков, не имевших возможности очистить от мин фарватер необходимой ширины. Выход за

пределы узкой протраленной полосы был чреват гибелью. Но и в этой полосе плавание было небезопасным: корабли не успевали расстреливать мины, подсекаемые тралами тральщиков и параванами боевых кораблей. Катеров, которые могли этим заниматься, не хватало, поэтому на фарватере плавало большое число всплывших мин. Иногда корабли проходили вплотную между двумя минами, и их отталкивали от борта связками коек и другими предметами…

К главной, минной, опасности прибавились и другие: обстрел с мыса Юминданина и атаки торпедных катеров из шхер, которым подверглись крейсер «Киров» и другие корабли. Например, личный состав лидера «Минск» в течение часа отразил артиллерийским огнём две атаки торпедных катеров.

После 20 часов в отряде главных сил подводная лодка С-5, шедшая в кильватер крейсеру «Киров», подорвалась на мине и исчезла под водой. Некоторое время спустя крейсер затралил правым параваном мину, но неожиданно её стало быстро заносить к борту, и только энергичные меры предотвратили подрыв корабля. Ещё не успели на «Кирове» обрубить параван, как подорвался эскадренный миноносец «Гордый», а вслед за ним – эсминец «Яков Свердлов», мгновенно затонувший. На флагманский командный пункт одно за другим поступали донесения об обнаружении мин и о потере тральщиками тралов, перебитых взрывами мин. Вскоре крейсер вновь затралил мину параваном, а через несколько минут огнём главного и зенитного калибров отразил атаку торпедных катеров. Одновременно отряд был обстрелян береговой артиллерией. Крейсер «Киров», открыв ответный огонь, заставил вражескую батарею замолчать. Эсминец «Сметливый» прикрыл корабли дымовой завесой.

Отряд прикрытия находился в таком же положении. В 21 час 40 минут у лидера «Минск» в параване взорвалась мина, и корабль принял 650 тонн воды. Эсминец «Скорый» подошёл к стоявшему без движения лидеру, завёл буксиры и дал ход вперёд, но тут же подорвался на мине и затонул. Шедшие в голове отряда 5 базовых тральщиков, не заметив в темноте гибели сзади идущих кораблей, продолжали движение на восток. Ночью они подошли к главным силам. Вернулся к «Минску» лишь один тральщик, который и произвёл контрольное обследование ближайшего к лидеру района. Поскольку было обнаружено много плавающих мин, контрадмирал Ю. А. Пантелеев приказал отряду прикрытия встать на якорь. Одновременно встали на якорь все транспорты конвоев.

Учитывая, что количество плавающих мин увеличилось и были перебиты все тралы, командующий флотом решил

приостановить до рассвета дальнейшее форсирование минных заграждений и приказал всем стать на якорь, о чём флот был оповещён по радио.

Ночная стоянка на якоре прошла в тревоге. То с одного корабля, то с другого наблюдатели обнаруживали мины, качавшиеся на волнах. Тогда моряки спускались в воду и, плавая, отводили руками мины от бортов. Ощущение постоянной опасности и незавершённости похода держало людей собранными, не давало начаться панике. Сейчас вот, думая о них, представляя их в море, которое в такое короткое время и так страшно поглотило множество кораблей и множество замечательных моряков, удивляешься, как можно было пережить те часы. И не просто пережить – всем, кто закончил поход, пришлось сразу же вступить в новые бои у Ленинграда, где требовалось мужество не меньшее.

Утро 29 августа началось налётами бомбардировщиков. Шли они небольшими группами, но шли беспрерывно. И сыпали, сыпали бомбы. Поначалу фашисты открыли охоту за большими кораблями: за крейсером, за лидерами, эсминцами. Но, поскольку минное поле уже было пройдено, корабли пошли быстрее и уклонялись от падающих бомб. К тому же корабельные зенитчики встречали фашистских лётчиков огнём. Не сумев потопить ни одного корабля, немцы набросились на тихоходные транспорты и вспомогательные суда. Они бомбили их до самой темноты.

ОСТРОВ СПАСЕНИЯ

Ещё 20 августа, предвидя отход из Таллина, командующий флотом приказал капитану второго ранга И. Г. Святову подготовить специальный отряд прикрытия и разместить его на острове Готланд. Это было очень важное решение.

Остров Гогланд находится на половине пути из Таллина в Кронштадт. На нём в то время был небольшой гарнизон наших войск. С их помощью моряки приготовились к спасательным работам. В распоряжение отряда Кронштадт дал 12 тральщиков, 4 сторожевых корабля, 6 торпедных и 8 сторожевых катеров, несколько мотоботов, буксир и спасательное судно.

Наблюдательный пункт моряки устроили на верхушке горы в северной части острова. Оттуда просматривался на далёкое расстояние западный Гогландский плёс. Представим себе, что мы с тобой, читатель, были в тот день на верхушке горы вместе с наблюдателями. Что увидели бы мы оттуда? Вот появились у горизонта сначала чёрточками, потом силуэтами наши корабли. Слышен гул далёкой канонады. Это корабельные зенитки бьют по

вражеским самолётам. То в одном месте, то в другом вырываются к небу клубы чёрного дыма – горят транспорты, подожжённые бомбами. Борются команды транспортов с огнём, заделывают пробоины, откачивают воду, исправляют повреждения в машинах. А немецкие самолёты проносятся на бреющем полёте над местом катастрофы и бьют пулемётами тонущих. Все корабли с Гогланда сейчас там. Они буксируют потерявшие ход транспорты, помогают тушить пожары, снимают людей с тех судов, которые вот-вот погрузятся в залив, и вылавливают из воды обессилевших бойцов. Первые группы спасённых прибывают на Гогланд на катерах. Это люди, подобранные из воды ещё ночью, они с кораблей и транспортов, подорвавшихся на минах. Катера переполнены. Вместо 30 человек на каждом больше сотни – плывут, рискуя перевернуться.

Контр-адмирал И. Г. Святов вспоминает: «Мы организовали приём спасённых людей и направили их в разбитый в лесу лагерь. Теперь скопилось уже несколько тысяч человек, а люди всё прибывали и прибывали. Им надо было срочно оказать медицинскую помощь, накормить и обеспечить обмундированием. Местный лазарет выл переполнен. Пришлось приспособить для приёма раненых все казармы гарнизона и разбить палатки.

В 15 часов с наблюдательного пункта доложили, что пять горящих транспортов подходят к острову с юга. Я помчался на катере туда. Горящие транспорт «Люцерна», плавмастерская «Серп и молот» и ещё три транспорта приткнулись к берегу. Около 5 тысяч человек сошли на берег, лесистый и необитаемый. До бухты надо было идти около 10 километров. Организовали переброску раненых на катерах, остальных отправили пешком».

Помнишь, читатель, остров Пситталию в Саламинском проливе? Как стал похож на него Гогланд…

А война всё бушует на плёсе. С особой страстью фашисты атакуют транспорт «Казахстан». Бомбой разрушен мостик, повреждена машина и рулевое управление. На транспорте пожар. Неуправляемое судно ветер несёт к острову Вайндло (он в 20 милях юго-западнее Гогланда). Героически борются моряки с пожаром. Вокруг горящего транспорта снуют катера, ходят тральщики, стреляют по атакующим бомбардировщикам и подбирают из воды тонущих людей. С утра до самой темноты немцы охотились за «Казахстаном». Он очень большой, на нём одном эвакуируется почти четверть всех защитников Таллина – 5 тысяч человек.

Вечером транспорт приткнулся к острову. Бойцы высадились на берег. Во главе со своими командирами они немедля начали

готовить остров к обороне… Мужество плывших на «Казахстане» было вознаграждено тем, что немцам так и не удалось потопить огромный транспорт, через несколько дней он пришёл в Кронштадт.

В состав первого конвоя входил учебный корабль «Ленинградсовет». Ты знаешь его под другим названием. В дни революции он назывался «Верный» и был вместе с «Авророй» на Неве. Этот старый тихоходный корабль не дался фашистским лётчикам. Пока не кончились снаряды, отбивался от бомбардировщиков двумя слабенькими пушками, а потом защищался единственным оставшимся оружием – манёвром. Корабль то резко уходил вправо, то влево, замирал на ходу или рывком устремлялся вперёд – в зависимости от того, как падали бомбы. Командир старший лейтенант Николай Амелько бессменно стоял на ходовом мостике, хладнокровно следил за бомбардировщиками и, как только вываливались из них бомбы, мгновенно производил расчёт и отдавал команду на уклонение. А фашисты налетали на корабль не раз, не десять, а более ста раз – висели над кораблём с утра до ночи. И вот в такой обстановке «Ленинградсовет» не только сам выжил, но ещё спас из воды сотни людей!

Амелько Н. Н.

В Кронштадте «Ленинградсовет» не ждали, считая погибшим. И вдруг он появился на рейде. Тогда все корабли во главе с крейсером «Киров» просигналили приветствие доблестному бойцу, его экипажу и командиру. За этот поход старший лейтенант был награждён орденом Красного Знамени. Приятно знать, что Николай Николаевич Амелько, ныне адмирал, занимает ответственную должность в Генштабе Вооружённых Сил СССР.

Корабли главных сил флота пришли в Кронштадт днём 29 августа, затем стали подходить другие отряды и конвои.

Спасательный отряд ещё несколько дней помогал на западном Гогландском плёсе судам и людям, терпящим бедствие. На острове оказалось сошедших с горящих транспортов, снятых с тонущих судов и подобранных из воды 12 160 человек. Все они в начале сентября были доставлены в Ленинград.

В таллинском походе погибло 3 новых корабля и 13 старых кораблей и катеров. Из 67 транспортов потоплено 34. И остались в море тысячи людей. Очень тяжёлые потери. Нельзя не печалиться о них.

Печалясь, мы должны и объективно независимо от наших чувств посмотреть на итоги похода. Он таков: фашистам не удалось уничтожить боевое ядро Краснознамённого Балтийского флота. Корабли и большая часть сухопутных войск, эвакуированных из Таллина, прибыли на защиту Ленинграда.

Балтийские моряки перенесут поражения и утраты, они станут сильнее, чем были, станут победителями. Знаешь, чем заплатил фашистский флот только на Балтийском море за гибель наших кораблей? КБФ за войну потопил 624 фашистских транспорта и 581 боевой и вспомогательный корабль врага.

ЛЕДЯНОЙ КОМБАТ

Говорят, человек с твёрдым характером во всех делах и при всех обстоятельствах ровный. Это верно. Но верно также, что чем труднее дело, чем сложнее обстоятельства, тем твёрже такой человек. Пример тому – капитан Александр Стебель, командир береговой батареи № 315.

В 1940 году, когда Прибалтийские республики вошли в состав Советского Союза, на Моонзундских островах началось строительство оборонительных сооружений. Тысячи ленинградских рабочих и тысячи жителей островов были заняты этим делом. Среди военных строителей был инженер с

непривычной фамилией Стебель. Он сооружал батарею на самом кончике полуострова Сырве (Сворбе), почти на том самом месте, где стояли русские орудия в первую мировую войну.

Сырве отходит от острова Сарема (Эзель) тонким восемнадцатикилометровым языком в сторону материка. Между ним и материковым берегом – Ирбенский пролив, через который лежит путь в Рижский залив, во всю южную Прибалтику. Во время войн Ирбенский пролив запирался минами, а сохранность минного заграждения обеспечивала артиллерия, установленная на оконечности Сырве.

Капитан Стебель строил 180-миллиметровую батарею так, чтобы при любых невзгодах она могла держаться долго. Среди болотистого леса чуть возвышались над поверхностью земли только две башни – по два орудия в каждой. Орудия были скорострельные, дальнобойные, их стволы, длинные и толстые, напоминали стволы сосен, росших поодаль. Стрелять так далеко, как батарея № 315, не могли не только эсминцы немцев, но и их крейсеры. От бомб, даже двухтонных, батарея была защищена бронёй и бетоном. При прямом попадании тяжёлой бомбы внутри батареи гудело, как под колоколом, а беды никакой не было: толстый слой земли и бетона укрывал механизмы пушек, приборы управления огнём, а также склады снарядов, продовольствия и личный состав.

Командование флота ценило важность этой позиции. Поэтому окружили её противотанковым рвом, колючей проволокой, минами; на её защите были зенитные и противотанковые орудия. Инженер Стебель после окончания строительства получил назначение командовать батареей. Он умел не только строить, но и прекрасно стрелял, его считали в ряду лучших артиллеристов Краснознамённого Балтийского флота.

На минуту отвлечёмся от батареи № 315, чтобы поговорить о том, что сделали для Ленинграда Моонзундские острова. Если Либава держалась 6 дней, Таллин – 20, то архипелаг оборонялся 49 дней – до 22 октября 1941 года. Суть этих 49 дней состояла в том, что моонзундцы отвлекли на себя от Ленинграда 50 тысяч фашистов, из которых половина была уничтожена. И ещё в том, что враг не мог снабжать войска, наступавшие на Ленинград, выгодным путём – через Рижский залив и город Ригу. Ему пришлось возить танки, подкрепления, боеприпасы, продовольствие по разрушенным железным дорогам, где уже начинались диверсии партизан. Западный историк Ю. Майстер, участник боёв на Моонзунде, пишет о тех днях: «Противодействие авиации, береговой артиллерии, лёгких сил [лёгких кораблей] было столь сильным, что пришлось отказаться на ближайшее

время от проведения конвоев».

Слова Майстера имеют непосредственное отношение к батарее Стебеля. Немцы хорошо знали её. Да и как было не знать? В начале июля они проделали проход в минах Ирбенского пролива и стали пускать одиночные транспорты со слабым прикрытием – проверяли, как будет вести себя батарея № 315. В предыдущие дни самолёты засыпали её бомбами. Была у немцев надежда, что посекли они не только лес вокруг, не только изрыли землю, но и повредили орудия. Капитан Стебель не торопился рассеять иллюзию врага. Транспорты шли в Ригу, можно сказать, под самым носом, а орудия молчали. И Стебель дождался своего. Однажды ранним утром в пролив начали входить два транспорта в охранении миноносца. Артиллеристам не терпелось ударить по ним. Но командир был непреклонен – пусть идут, всё это ещё разведка. В небе показались точки. К полуострову летели «юнкерсы». Капитан насчитал их сорок штук, бросил считать и поспешил на батарею. Так много бомбардировщиков ещё не налетало. Несомненно, что-то исключительное должно было произойти и на море.

Оно произошло: показался очень большой конвой в составе 42 транспортов и кораблей охранения. Впереди вспомогательный крейсер, в конце конвоя два миноносца, по сторонам торпедные катера… Попробуй нарисовать себе картину начавшегося – на батарее рвутся снаряды всех корабельных орудий фашистов, волна за волной налетают на неё бомбардировщики, а батарея тоже бьёт. Непрерывный грохот, вой, дым и огонь на батарее. И на море тоже грохот и огонь. После пристрелочных выстрелов по крейсеру ударили сразу обе башни – крейсер загорелся. Новым залпом ударили по катерам – три катера разлетелись в куски. Бьют обе башни – без остановки. Получил повреждение миноносец. Взорвался один транспорт, пошёл на дно второй – с танками, горит третий… Батарея перенесла огонь на концевой миноносец. И он повреждён. Разбегаются транспорты кто куда. Настоящая паника у немцев. Даже забыли дымом прикрыться… А тут пошли в атаку наши торпедные катера. И вовремя – орудия 315-й раскалились так, что краска начала гореть. Под землю, под бетон сообщают по телефону наблюдатели: торпедные катера потопили три транспорта. Ещё сообщают: над конвоем наши бомбардировщики… Так била фашистов, взаимодействуя с катерами и лётчиками, батарея Стебеля.

Зная, что есть она, увереннее действовали в проливе наши корабли. В особо неудачный для немцев день, 18 июля, эсминец «Стерегущий» уничтожил артиллерийским огнём пять транспортов, ещё два подожжённых им судна выбросились на

берег. «Стерегущему» пришлось отбиваться от четырёх торпедных катеров, два из них он тоже пустил на дно. Тогда же один транспорт подорвался на мине, шесть транспортов потопили наши бомбардировщики.

Судовые и корабельные якоря.

День за днём бежало время, и линия сухопутного фронта отодвигалась всё дальше от Моонзундских островов. Она была

уже в полутысяче километров, когда немцы начали переправлять на острова десанты. Сначала захватили Муху (Моон), с него перешли на Сарему, а затем на Хиума (Даго). В такой же последовательности, ожесточённо сражаясь, отходили под натиском неприятеля наши немногочисленные войска.

Немцы, чтобы замаскировать место высадки основного десанта, предприняли одновременно демонстративные высадки на всех островах. В эти дни опять показала себя батарея № 315. 13 сентября 1941 года она вела бой с флотилией миноносцев, двумя флотилиями торпедных катеров, тремя сторожевыми кораблями и тремя тральщиками, под охраной которых к Сырве шли три транспорта. Повредив несколько кораблей, артиллеристы заставили фашистов уйти в море и отказаться от высадки десанта.

«Высоко ценим ваши действия. Своими успехами вы помогаете Ленинграду». Такую радиограмму получили защитники острова Сарема в тот день от Военного совета фронта.

Как было важно не пустить 13 сентября десант на Сырве, стало особенно ясно в конце месяца. Именно на Сырве отошли со всего острова наши войска. Укрепив самую узкую часть полуострова, советские бойцы держались там до 3 октября. А устойчивость им опять же придавала батарея № 315. Она развернула орудия вдоль полуострова и мощными снарядами ставила неприятелю непроходимый заслон.

27 сентября к Сырве снова подошла неприятельская эскадра: вспомогательный крейсер, эсминец и 5 миноносцев. С моря они начали обстреливать наши части, оборонявшие перешеек. Немцы надеялись, что при такой мощной поддержке их сухопутные войска наконец-то прорвутся в глубь полуострова. И в который уж раз на немецкие корабли посыпались снаряды 315-й. Вдобавок эскадру атаковали наши четыре торпедных катера – последние, что оставались у защитников Сарема. Немцы не выдержали и ушли в море.

…Силы защитников Сырве уже иссякли. Много бойцов было убито, много ранено. Из 137 пулемётов, с которыми начинали бои на перешейке, осталось 11, из 32 орудий – 3. На батарее капитана Стебеля кончились снаряды.

В ночь на 3 октября четыре катера, переполненных ранеными, пользуясь плохой погодой, ушли от Сырве на остров Хиума. Туда же переправилось и командование береговой обороны, чтобы организовать сопротивление немцам на этом острове. (После взятия Сарема наши бойцы оборонялись на Хиума ещё десять дней.) За оставшимися защитниками Сырве должны были прийти с Хиума суда. Но они не пришли. Генерал А. Б. Елисеев,

возглавлявший оборону островов, передал Военному совету флота в Ленинград донесение: «Все наши старания на скудных плавсредствах что-либо вывезти с Сырве на Хиума не увенчались успехом. Ни торпедные катера, ни катера КМ, ни буксиры не могли прорваться. В западной части от Сарема и Хиума противник сосредоточил большое количество боевых кораблей, которыми плюс авиация всё уничтожается. Защитники Сарема 45 раз ходили врукопашную. Последние группочки у маяка Сырве ведут бой. Мы заявляем советскому народу и правительству, что личный состав Сарема отдал всё для защиты Родины».

Последней весточкой с Сырве была радиограмма, переданная в Москву открытым текстом: «Радиовахту закрываю, иду в бой, в последний бой». Московский радист попросил обрисовать положение, на что последовало: «Прощайте, прощайте…» Это было 4 октября 1941 года в 16 часов 10 минут. Однако, как выяснилось после войны, на этом сопротивление ещё не кончилось. Ещё двое суток шёл бой на батарее № 315.

Часть батарейцев во главе с командиром первой башни лейтенантом Шаповаловым ушла на шлюпках через пролив, надеясь пробраться затем к фронту. Часть же с комбатом Стебелем осталась на батарее. Батарея не корабль, но её командир не захотел расставаться с ней, как остаётся на гибнущем корабле моряк, сроднившийся с ним. Мужественные люди заперлись в подземелье и вели стрельбу по врагу учебными болванками. Ворвавшиеся на батарею немцы в ярости принялись резать автогеном орудийный ствол. Им удалось проникнуть под землю, и уже после этой последней схватки бои на Сырве прекратились. Тяжело раненный капитан Стебель и его товарищи попали в плен.

Что было дальше? В 1970 году московскому журналисту Б. Полякову удалось разыскать А. М. Шаповалова. От него и стало известно, как окончилась жизнь комбата Стебеля. Шаповалов с несколькими моряками ночью добрался до берега. Но группа попала в засаду. Гранатами моряки расчистили себе дорогу. Немцы преследовали их, окружили. Когда у наших кончились патроны, спустили овчарок. Лейтенант с товарищами попал в плен. В лагере военнопленных, в эстонском городе Валга, оказался и капитан Стебель.

К капитану немцы относились уважительно. Превозносили его храбрость и артиллерийское мастерство – вели себя по отношению к пленному как рыцари на турнире. Они обещали комбату привезти к нему в гости жену и годовалую дочку Нелю из Винницы. Немецкий генерал говорил лестные слова: «Вы выдающийся артиллерист. Германская армия, если бы вы были в

её рядах, оценила бы вас по достоинству. Мы знаем, что такой человек, как вы, никогда не согласится воевать против своих, поэтому предлагаем вам, командиру батареи красных, командовать дивизионом береговых батарей на Ла-Манше».

За должность командира дивизиона, за встречу с семьёй, за жизнь Стебель должен был заплатить. Заплатить рассказом о том, как откачать воду из затопленной батареи и как обезвредить мины, спрятанные в подземелье. Такая плата называется предательством. Разве мог Стебель стать предателем?

Отношение к капитану изменилось. Его пытали, стараясь добиться нужных сведений. Капитан переносил пытки. И готовил побег из лагеря… Побег не удался…

Фашисты медлили с расправой. Им нужна была батарея № 315. В ход пустили ещё одно средство – клевету; сообщили военнопленным, что Стебель, страшась смерти, наконец-то проявил благоразумие и согласился служить немцам. Комбат, заточённый в карцер, страдал от этого сильнее, чем от пыток. И как же стало светло на его душе, когда удалось передать своим записку: «Товарищи, верьте, что я всегда был честным и остаюсь им. Я до конца с вами».

Всем известно, как погиб попавший в плен генерал Дмитрий Михайлович Карбышев. Эсэсовцы вывели его из барака на мороз и обливали водой из шланга, пока не стал генерал ледяным. А до этого Карбышева, известного всему миру инженера-фортификатора, уговаривал перейти на службу немцам сам фельдмаршал Кейтель, тот самый, что в мае 1945 года подпишет акт о безоговорочной капитуляции Германии. По-всякому убивали фашисты советских военнопленных: кого голодом и непосильной работой, кого удушьем в газовой камере, кого петлёй на виселице – в зависимости от стойкости человека, от урона, который он нанёс врагу. А людям, не принявшим немецкую милость, придумали убийство льдом.

Так убили и капитана Александра Стебеля. Зимой его вывели на лагерный плац и, поливая из шланга, намораживали на живом человеке ледяную скорлупу. Когда шло это долгое, изощрённое убийство, комбат твёрдо стоял на земле, не покачнулся, не упал. Он обледенел стоя. И много дней на плацу возвышался монумент непокорённому советскому человеку – патриоту и коммунисту. Немцы считали, что мученической смертью они устрашат других военнопленных, сделают их безвольными, покорными фашистам, а пленные видели в ледяном капитане пример той же твёрдости и продолжение того же характера, с которыми Александр Стебель командовал батареей № 315, отражая яростные атаки и пуская на дно вражеские корабли.

Мы не знаем, какую музыку любил больше всего Александр Стебель, а генерал Карбышев больше всего любил слушать Первый концерт для фортепьяно с оркестром Чайковского. Когда услышишь эту светлую музыку, мой дорогой друг, помяни генерала и капитана, помяни других героев; их было много – всех званий, начиная от рядового.

ОТВЕТ ГЕНЕРАЛ-АДМИРАЛУ

«Ультиматус» в переводе с латыни значит «доведённый до конца». Фашистский генерал-адмирал Карле, командующий флотом «Север», решил довести до конца захват островов западной части Финского залива с помощью ультиматума.

В руках советских войск оставался очень важный в военном отношении остров Осмуссар. На острове стояли мощные батареи, которые охраняли с юга наши минные заграждения в устье Финского залива (с севера их охраняли батареи полуострова Ханко).

Гарнизон острова был малочисленным – 1008 человек. Но Карле понимал – по боям на Моонзундском архипелаге, – что эта тысяча и восемь будут сражаться до последнего и побьют много фашистов. Поэтому он и прибег к ультиматуму, с помощью которого, как ему казалось, Осмуссар достанется немцам без единого выстрела.

4 ноября в гавань острова с материка на шлюпке пришли три парламентёра. Они вручили грозный совет генерал-адмирала: через 48 часов поднять на колокольне местной церквушки белый флаг, приготовить к сдаче батареи, а личному составу построиться на площадке у церкви. Всё это в обмен на жизнь.

Немцы наблюдали за островом. Ровно через двое суток они увидели над Осмуссаром красный флаг. И в те же минуты по береговым объектам фашистов ударили 180-миллиметровая батарея, 130-миллиметровая батарея и батарея зенитных орудий.

Такого ответа противник никак не ожидал. Полагается, если ультиматум не принят, тут же наказать неблагоразумных. А враг не стрелял, не бомбил остров. Только на пятый день пошло к острову множество мотоботов, шхун и катеров с фашистами. Защитники Осмуссара наблюдали, как подходят фашисты. Когда враги подошли на расстояние 30 кабельтовых, по ним открыли огонь из орудий. Мотоботы рассыпались в стороны и понеслись к своему берегу. На другой день немцы собрали различных судов ещё больше и опять попробовали прорваться к острову. И снова с большими потерями им пришлось убраться от Осмуссара.

Ещё месяц после ультиматума Осмуссар оставался нашим. З

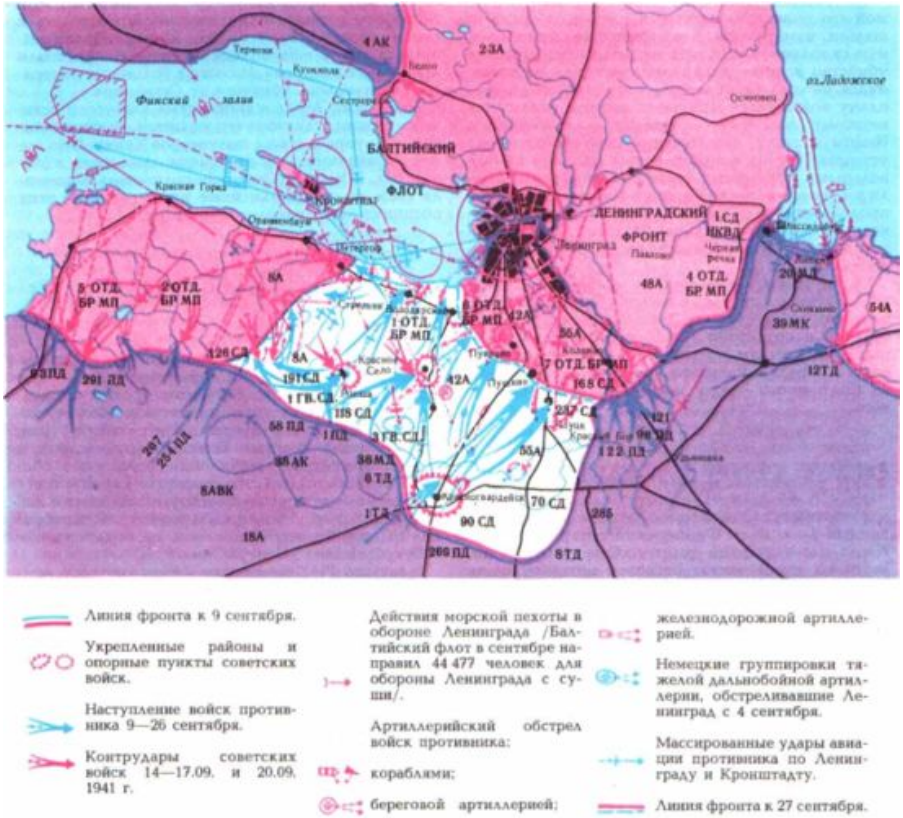
декабря его гарнизон, взорвав батареи, эвакуировался на полуостров Ханко. В то же время заканчивалась эвакуация ханковцев в Ленинград. И Ханко и Осмуссар полностью выполнили свои задачи. Дальнейшее пребывание на этих позициях было нецелесообразным.

ТРУДНЫЙ, ОЧЕНЬ ТРУДНЫЙ СЕНТЯБРЬ

В начале июля 1941 года развернулось Смоленское сражение. Оно было ожесточённым, кровопролитным и длилось два месяца. Советские войска, прикрывая дальние подступы к Москве, нанесли тогда группе армий «Центр» такой урон, что фашисты, впервые за всю вторую мировую войну, прекратили наступление и перешли к обороне. Это обстоятельство заставило Гитлера и его генералов искать успеха в скорейшем взятии Ленинграда. Взяв Ленинград, неприятель перебросил бы освободившиеся войска на подкрепление забуксовавшего «Центра».

8 августа 1941 года после мощной артиллерийской подготовки немецко-фашистские войска перешли в наступление на главную полосу Лужского рубежа. Гитлеровское командование ввело в сражение огромные силы – 400 тысяч солдат с тысячью танков, тысячью самолётов и тремя тысячами орудий. С севера, на Карельском перешейке и в пространстве между Ладожским и Онежским озёрами, наступали финны. В те опасные дни на помощь нашим сухопутным войскам Балтийский флот послал свою морскую пехоту. Восемь дивизий дали фронту сами ленинградцы – в ополчение записалось 300 тысяч человек. И всё же на дальних рубежах не удалось остановить врага. Враг приближался к городу. Что было самое неприятное – 8 сентября фашистам удалось через Мгу прорваться к Шлиссельбургу (теперь Петрокрепость) и занять берег Ладожского озера на протяжении двадцати километров. Ленинград оказался в блокаде. Связь города со страной по суше прервалась.

Рассмотрим карту обороны Ленинграда в 1941 – 1942 годах. Прочти названия населённых пунктов, рек, озёр, проследи направления железных дорог. К слову сказать, одно из основных качеств военачальника – это способность и без карты, перед мысленным взором, представлять местность, на которой идут бои. Запомни условные обозначения. Проследи, куда и когда отходили наши войска, где они остановили фашистов. С помощью циркуля измерь расстояние между линией фронта и Ленинградом.



Героическая оборона Ленинграда в сентябре 1941 г.

Для нашего разговора важен и район на запад от Ленинграда. Между Петергофом (Петродворец) и Урицком немцы вышли к Финскому заливу. Орудия, установленные здесь, обстреливали и Ленинград и Кронштадт.

А вот район Ораниенбаума (Ломоносов) остался нашим, несмотря на ожесточённые попытки фашистов отнять его. Видишь толстые синие стрелы, упёршиеся в него? «Ораниенбаумский пятачок» – так называли эту территорию в дни войны. Название подчёркивает крохотность территории. Но этот плацдарм нависал над флангом фашистов, постоянно грозил ударом во фланг и тыл войскам, окружившим Ленинград. (Впоследствии такой удар и произойдёт.) Нам с тобой важно отметить, что на этом пятачке расположены форты Серая Лошадь и Красная Горка. Непрерывный огонь их мощных орудий, а также огонь кронштадтских фортов помогли остановить здесь врага.

Ещё один момент, на который надо обратить внимание, – это крохотный клочок воды, самый угол Финского залива, который остался в распоряжении советских кораблей. Тесно было на нём флоту, как тесно боксёру под ударами соперника в углу ринга.

ОГНЕВОЙ ЩИТ ЛЕНИНГРАДА

24 сентября 1941 года немецкая эскадра заняла позицию у Аландских островов. Там были линейный крейсер «Адмирал Шеер», крейсеры «Нюрнберг», «Кёльн», шесть эсминцев и другие корабли. Одновременно два лёгких крейсера, два эсминца, сторожевые корабли, катера, подводные лодки пришли в Либаву. Адмирал Редер приготовился пленить наш флот. По расчётам гитлеровского командования наступили дни, когда советские корабли начнут прорыв из Ленинграда в порты нейтральной Швеции.

Сентябрь 1941 года на самом деле был самым опасным месяцем для Ленинграда. Фашисты рвались в город, не считаясь с потерями.

В бою многое зависит от стойкости и умения бойцов. Ещё больше зависит от людей, которые командуют ими. И когда мы говорим о беспримерном мужестве рядовых защитников Ленинграда, мы должны сказать о мудрости военачальников, которые руководили ими. Мужество солдат, сложившись с мудростью военачальников, принесло нам победу.

В сентябрьские дни Ставка Верховного Главнокомандования назначила командующим войсками Ленинградского фронта генерала армии Георгия Константиновича Жукова. Оборону города с моря и с Озёрного направления поручили адмиралу Ивану Степановичу Исакову.

Жуков Г. К.

Все мы знаем, что Жуков стал великим полководцем советского народа, с его именем связаны самые блестящие победы нашего оружия. А Исаков? «Моим заместителем по военно-морским силам Балтийского флота, – пишет Жуков, – был адмирал Иван Степанович Исаков. Глубоко убеждён, что И. С. Исаков был одним из самых сильных и талантливых военачальников Военно-Морского Флота Советского Союза».

Исаков блестяще знал военно-морское дело, служил ему всем существом своим, никогда не шёл на сделку или компромисс с собственной совестью. В числе немногих начиная с тридцатых годов он, не боясь прослыть паникёром, настаивал на строительстве сухопутных укреплений вокруг военно-морских баз. Его знания в этой области пригодились при обороне Ленинграда.

Генерал Жуков и адмирал Исаков главную роль в обороне Ленинграда отвели артиллерии.

Кажется, чего проще, если есть орудия, бить из них врага: заряжай, наводи, стреляй! Нет. Добиться, чтобы артиллерия стреляла так, что на пути врага в нужное время возникал непроходимый огневой щит, было очень трудно. Прежнее командование с такой задачей не справилось, хотя имело те же артиллерийские установки и тех же артиллеристов.

Стрелять надо точно. А на полёт снаряда влияет не только

ветер, но и влажность воздуха – значит, нужна была артиллерийская метеослужба. Надо было создать систему наблюдательно-корректировочных постов, наладить корректировку стрельбы с самолётов, чтобы артиллеристы сразу после выстрела знали, куда упал снаряд и как изменить прицел для накрытия цели.

Надо было сделать так, чтобы все разнородные орудия – полевые, береговые, корабельные, железнодорожные – управлялись из одного центра, чтобы этот центр во главе с опытным начальником, получив заявки с фронта, определял, каким батареям по какой цели стрелять. К примеру, по далёкому скоплению танков надо ударить из орудий линейного корабля, а близкое скопление пехоты уничтожить огнём небольших полевых пушек. Вот на батареи, ведущие огонь по неприятелю, налетели бомбардировщики, под бомбёжкой стрелять трудно, значит, надо цели, порученные им, передать другим батареям. Или вдруг потребовалось сосредоточить огонь всей массы артиллерии на каком-то одном угрожающем участке фронта, где враг вот-вот прорвётся…

Управлять артиллерией из одного центра можно лишь при хорошей связи центра с фронтом и батареями. Значит, надо наладить и связь… Надо было всё организовать в условиях, когда враг атакует самым страшным образом, когда очень трудно не впасть в суету, спешку, растерянность…

Сложнейшее дело – размещение орудий на местности, выбор огневых позиций. Изучили возможности береговых батарей, которые стоят на месте, возможности железнодорожных батарей и бронепоездов, которые передвигаются по рельсам, возможности кораблей, которые могли стрелять из Кронштадта, Ленинграда или с Невы. Обнаружили зоны, не прикрытые огнём этих орудий. Против таких зон поставили полевые батареи, орудия, снятые с кораблей. Так, в районе Дудергофа стояла батарея «А» – 9 орудий с «Авроры», в районе Невской Дубровки – 8 орудий с линкоров «Марат» и «Октябрьская революция».

Сложнейшей артиллерийской машиной управляло множество артиллеристов разных званий. А среди них выделялся «старый морской пушкарь» контр-адмирал Иван Иванович Грен – на флоте принято давать любимым командирам дружеские звания…

И вот фашисты, с какого бы направления ни кидались на город, всюду попадали под губительные удары артиллерии. Тяжёлые снаряды корабельных и береговых орудий производили в их боевых порядках страшные опустошения.

Конечно, не одна артиллерия остановила фашистов у Ленинграда. Враг был остановлен общими усилиями пехотинцев,

моряков, танкистов, лётчиков, ополченцев. И всё же мы выделяем артиллерию – она была огневым щитом города.

…С нечеловеческим напряжением сражались защитники Ленинграда в сентябре. Отбив атаку, думали, что не найдут в себе силы, чтобы отбить новую. Но находили. И отбивали один натиск за другим. И как же дорого было им известие, что немцы, окружившие город, начали в первых числах октября рыть землянки и утеплять блиндажи, то есть начали готовиться к зимовке в обороне, смирившись с тем, что овладеть городом с ходу не удалось. Тогда же ушли от Аландских островов в свои базы немецкие линкоры и крейсеры. Это тоже было знаком нашей победы. Город сдержал самый яростный натиск врага.

САМОЛЁТЫ ПРОТИВ КОРАБЛЕЙ

Осенью 1941 года в Кронштадте и Ленинграде находились: 2 линкора, 2 крейсера, 13 эсминцев, 12 сторожевых кораблей, 42 подводные лодки, 6 надводных заградителей, 9 канонерских лодок, 6 сетевых заградителей, 62 тральщика, больше полутора сотен разных катеров и катерных тральщиков, вспомогательные суда – великое богатство и огромная сила! Фашисты бросили на уничтожение наших кораблей сотни самолётов. Почему? В основном потому, что уж очень большие потери наносила им корабельная артиллерия. Крейсер «Киров», к примеру, лишь за четыре сентябрьских дня уничтожил 4 батареи, 18 тягачей, 2 склада и около тысячи фашистских солдат.

Особенно яростно немцы бомбили корабли, стоявшие в Кронштадте. 21 сентября на Кронштадт налетело 180 бомбардировщиков, на следующий день – около 50, а 23-го числа – 130. В первый день от взрыва бомбы получил тяжёлые повреждения эсминец «Стерегущий», он затонул. Тяжёлая бомба попала в носовую часть линкора «Октябрьская революция» и повредила носовую башню. Во второй день были повреждены эсминцы «Сильный» и «Грозящий».

Одновременно с бомбёжкой фашисты обрушили на корабли лавину артиллерийских снарядов.

Самым тяжёлым оказался третий день налётов. Наши малочисленные истребители отважно сражались в воздухе, умело действовали зенитчики, вместе они сбили 14 самолётов. Но уж очень велико было численное превосходство немецкой авиации. Бомбёжка продолжалась весь день. В небольших гаванях, на узких фарватерах корабли не могли уклоняться от бомб маневрированием. Особенно трудно было большим кораблям. В этот раз затонули лидер «Минск», подводная лодка М-74, буксир

и транспорт. Получил тяжёлые повреждения линейный корабль «Марат». Тяжёлая бомба, сброшенная пикировщиком, попала в погреб, где лежали боевые головки торпед. Произошёл взрыв страшной силы.

После того трагического дня «Марат» уже не плавал. Но три его башни стреляли до января 1944 года, когда фашисты были далеко отброшены от Ленинграда. А лидер «Минск» и другие корабли вскоре были подняты, отремонтированы, они снова служили флоту.

В последующие дни и месяцы на корабли налетали лишь маленькие группы бомбардировщиков. Немцы перебросили авиацию из группы армий «Север» в группу армий «Центр». На сухопутном фронте шла уже Московская битва.

К зиме все большие корабли перевели из Кронштадта в Ленинград. В городе было больше зенитных орудий, поэтому кораблям там было безопаснее.

* * *

Подведём некоторый итог. Либава, Таллин, Моонзундские острова, полуостров Ханко помогли выстоять Ленинграду. Ленинград, выстояв и приковав к себе большие силы фашистов, помогал теперь выстоять Москве.

Он, славный город, не только этим помогал столице. В Ленинграде не переставали работать военные заводы. В ноябре войскам, защищавшим Москву, ленинградцы самолётами отправили больше тысячи орудий и миномётов с боеприпасами к ним. Всего же с начала войны и до конца 1941 года ленинградские рабочие сделали 713 танков, 480 бронемашин, 58 бронепоездов, 125 судов, 3050 полковых и противотанковых пушек, 2600 огнемётов, 10 тысяч миномётов, 40 тысяч снарядов для «катюш», 42 тысячи авиационных бомб, 3 миллиона снарядов и мин.

«АЙСШТОСС» – «ЛЕДЯНОЙ УДАР»

Новое наступление на Ленинград гитлеровское командование наметило на лето 1942 года. Помня, как в осеннем наступлении 1941 года Ленинград загородился от них огневым щитом артиллерии, фашисты решили заблаговременно самым решительным образом разделаться с нашими артиллерийскими кораблями. Вторую операцию по уничтожению кораблей с воздуха они назвали «Айсштосс» – «Ледяной удар».

Лёд в этой операции имел очень важное значение. На корабли замышлялось напасть, пока они стояли, вмёрзнув в лёд Невы.

Фашисты готовились тщательно. Их самолёты-разведчики сфотографировали неподвижные корабли. К уничтожению были намечены линкор «Октябрьская революция», крейсеры «Киров» и «Максим Горький», эскадренные миноносцы «Сильный», «Страшный», «Грозящий», «Свирепый», «Строгий», «Стройный», «Стойкий» и «Славный», лидер «Ленинград», надводные заградители «Марти», «Урал», «Ристна», сетевые заградители «Онега» и «Вятка».

На льду большого озера немцы вычертили в натуральную величину контуры кораблей в том порядке и на том расстоянии друг от друга, как они размещались на Неве. После этого лётчики провели учебные бомбардировки контуров.

Исполнить «Айсштосс» поручалось 1-му воздушному флоту фашистов. Две эскадры пикирующих бомбардировщиков «раскрепили» за кораблями. Третья эскадра должна была бомбить зенитные батареи. Прикрывать бомбардировщики от наших истребителей надлежало целой истребительной эскадре. Бомбы в основном предполагалось брать весом в тонну, полторы и две тонны.

Немцы собирались разбомбить наши корабли до 1 марта. Но в это время в районе Демянска (недалеко от Старой Руссы) попала в окружение их пехотная армия. И авиация была занята помощью этой армии – бомбила наши войска, а своим возила боеприпасы и продовольствие, эвакуировала раненых. «Айсштосс» начался только 4 апреля.

191 самолёт участвовал в первом налёте. Истребители – все, какие были у города, – поднялись на защиту кораблей. Вместе с зенитчиками они сбили тогда 18 машин. К кораблям прорвались лишь небольшие группы пикировщиков.

Налёты и артиллерийский обстрел продолжались до конца апреля. Но закончился «Айсштосс» для фашистов полной неудачей. Они не потопили ни одного боевого корабля, сами потеряли 60 самолётов.

…Три грозы прошумели над Краснознамённым Балтийским флотом: первая в августе, вторая в сентябре 1941 года, третья в апреле 1942-го. Флот выдержал их. Ещё почти два года его могучие дальнобойные орудия сами постоянной грозой нависали над врагом.

КАК ДОБЫВАЮТ КОРАБЛИ ГВАРДЕЙСКОЕ ЗВАНИЕ

Ленинград был в блокаде 900 дней. Всё это время наиважнейшим для города и его защитников было снабжение оружием, боеприпасами и продовольствием. Но ведь и немцам, окружавшим город, все 900 дней тоже нужны были боеприпасы, оружие и продовольствие. От этого зависела боеспособность врага, сила давления на город. Значит, осложняя снабжение фашистских войск, мы ослабляли их натиск на блокированный Ленинград. Поскольку снабжение группы армий «Север» и финских войск в значительной мере осуществлялось по морю, флот получил приказ начать действия на морских коммуникациях неприятеля – топить его транспорты.

Грозный враг транспортов – самолёты. Но у нас всё ещё не хватало бомбардировщиков и истребителей, к тому же наши аэродромы были далеко от коммуникаций противника. Опасны для конвоев артиллерийские корабли. Но посылать их в новый поход по заливу, начинённому минами, значило загубить своими руками. Войну на морских коммуникациях поручили подводным лодкам.

Фашисты, чтобы обезопасить перевозки, поставили ещё одно заграждение в Финском заливе – перегородили его минами от финского полуострова Порккала-Удд до эстонского острова Найссар. Потом, когда захватили Гогланд, создали и в этом районе минную перегородку. На островах они разместили шумопеленгаторные станции, выделили для борьбы с лодками много самолётов и кораблей; противолодочные корабли они взяли из эскадр, действовавших против англичан в Северном и Норвежском морях.

Если учесть все эти преграды и опасности, а ещё то, что наши подводные лодки на стоянке в Ленинграде и на переходе из Ленинграда в Кронштадт обстреливались полевой артиллерией немцев, то станет ясно, какие неимоверные трудности приходилось преодолевать советским подводникам, чтобы выйти на позиции.

Ясно, да не очень ясно. Чтобы было яснее, поговорим о боевых действиях подводной лодки Щ-303. Были и другие знаменитые лодки. Но возьмём эту. Она одна из самых старых подводных лодок нашего флота. Интересна лодка и тем, что ею командовал Иван Васильевич Травкин. Под его командованием она заслужила звание гвардейской. Вторая лодка – К-52 под его

командованием стала Краснознамённой. Сам капитан первого ранга Травкин удостоился звания Героя Советского Союза, был награждён многими орденами. Многими орденами и медалями были награждены все моряки, служившие на этих лодках.

Гитлеровцы очень боялись Травкина. Когда его лодка выходила в море, радиостанции врага посылали в эфир предупреждение: «Внимание! В море Травкин». Несколько раз казалось немцам, что Щ-303 уничтожена. За такие «уничтожения» фашисты получали Железные кресты, но лодка оказывалась живой и продолжала наносить урон врагу. Убедившись, что Железные кресты – слабое средство, чтобы потопить Травкина, немецкое командование пообещало за его голову 50 тысяч марок. Любопытно, историки в Федеративной Республике Германии считают и сейчас, что капитан третьего ранга Травкин вместе с лодкой погиб в 1943 году. Об этом написано в книге «Действия советских подводных лодок на Балтике в 1939 – 1945 годах». Пусть считают. Они небылицы сочиняют о нашем флоте, принижают наши победы, превозносят себя, битых. И тут лучшее опровержение – книга самого И. В. Травкина «Всем смертям назло». Постарайся найти её и прочесть. Она очень интересная и поучительная. А пока на фактах этой книги мы с тобой посмотрим, как воевали Травкин и его товарищи, как потопили 14 транспортов, два сторожевика и повредили миноносец.

Но прежде вот что. Транспорт транспорту рознь, Он может быть огромный, может быть маленький. Поэтому счёт уничтоженных транспортов ведётся не только в единицах, но и в тоннаже водоизмещения. Щ-303 и К-52 занесли в свой список побед 97 тысяч тонн. Много это или мало? Много, конечно. В справочнике армии США написано: «Если подводная лодка потопит два судна, по 6 тысяч тонн каждое, и один танкер в 3 тысячи тонн, то можно считать, что при этом погибло 42 танка, 8 152-миллиметровых гаубиц, 88 87-миллиметровых орудий, 40 40-миллиметровых орудий, 24 автобронемашины, 50 пулемётов крупного калибра, 5210 тонн боеприпасов, 600 винтовок, 428 тонн запасных частей для танков, 2 тысячи тонн разных продуктов и предметов снабжения, 1000 канистр бензина». На досуге посчитай, сколько и чего недополучили наступавшие на Ленинград фашисты после торпедных ударов Травкина. Одних танков, я посчитал, недополучили 280 штук… Но этим ещё не оканчиваются издержки врага. Транспорты идут под охраной миноносцев, сторожевиков, катеров, самолётов. Это ведь расход горючего, износ машин, затраты боеприпасов и занятость большого числа людей… На лодки, которыми командовал Травкин, немцы сбросили около 4 тысяч глубинных бомб, то есть

тысячу тонн взрывчатки… Охота за Травкиным влетела, как говорится, фашистам в копеечку.

ПОД ОБСТРЕЛОМ С БЕРЕГА

Итак, 21 июня 1942 года подводная лодка Щ-303 вышла из Ленинграда в Кронштадт. Вышла ночью, но в эту пору северные ночи светлые, белые, и лодку заметили немецкие наблюдатели из Петергофа. Батареи врага открыли ураганный огонь, снаряды падали около лодки. Катера, сопровождавшие лодку, поставили дымовую завесу, а наши береговые батареи и корабли ударили по артиллерийским позициям противника. Гитлеровцы сразу стихли. Лодка благополучно пришла в Кронштадт.

НА МИННОМ ПОЛЕ

Через несколько дней Щ-303 ушла из Кронштадта к острову Лавенсари (теперь остров Мощный). Отсюда начинался путь во владения врага. Лодка погрузилась под воду и тихо двинулась навстречу опасностям и победам. Вскоре Щ-303 вошла в минные поля.

Травкин И. В.

«Много лет прошло с тех пор, – пишет Травкин, – но и сейчас

отчётливо сохранился в памяти зловещий скрежет минрепов по бортам корабля. Первую мину «почувствовал» командир отделения торпедистов Алексей Иванов. В центральном посту в переговорной трубке прозвучал его взволнованный голос:

– По левому борту трение о корпус!

Вслед за этим и мы в центральном услышали этот звук. Казалось, чья-то огромная рука ощупывала наружную обшивку, скреблась в лазы цистерн главного балласта. Звук то пропадал, то возникал снова, медленно перемещаясь к корме. Смертельная опасность нависла над нами…

Застопорили левый электродвигатель, чтобы стальной трос мины не затянуло в винт. Минута-другая показались нам вечностью. Но вот прошли третья, четвёртая минуты – взрыва не было. Лодка медленно продвигалась вперёд.

Наконец скрежет прекратился. Лица людей повеселели… Это был чрезвычайно важный психологический момент. Когда первая мина ушла за корму, вместе с ней как-то сразу ушёл и страх перед невидимой опасностью. Много раз потом мы слышали скрежет по бортам, стопорили то правый, то левый электродвигатель, но такого леденящего душу ощущения, как в первый раз, пожалуй, уже никто из нас больше не испытывал. Мы преодолели минобоязнь».

АТАКА САМОЛЁТОВ

Гогландское минное заграждение Щ-303 прошла благополучно. От долгого движения под водой разрядилась аккумуляторная батарея. Ночью лодка всплыла и продолжала путь на запад в надводном положении, заряжая аккумуляторы. На зарядку батареи требуется не менее 6 часов, а в белых ночах тёмного времени всего час-три. Лодку обнаружили самолёты. Она ещё не успела погрузиться в воду, как по корпусу полоснули очереди крупнокалиберных пулемётов. Бомбы, сброшенные с самолётов, к счастью, упали в стороне… Той ночью, 11 июля, немцы первый раз сочли Щ-303 потопленной, о чём написали в газетах и передали по радио.

ЕСТЬ ОДИН!

Через несколько дней Травкин опроверг эти сообщения. Ночью, когда лодка шла в надводном положении, подзаряжая батарею, сигнальщик обнаружил большой транспорт в охранении тральщиков и катеров. Преодолев волнение перед первой атакой, командир произвёл расчёты и отдал команду: «Аппараты, пли!»

Первая торпеда прошла мимо, вторая попала. После сильнейшего взрыва транспорт пошёл на дно.

ОТ ПРЕСЛЕДОВАТЕЛЕЙ – НА МИНЫ

Корабли противника ринулись на лодку. Щ-303 ушла под воду. Некоторое время, уклоняясь от глубинных бомб, она двигалась под водой, меняя курсы. Однако делать это с разряженной батареей было опасно, можно было израсходовать все запасы электроэнергии. Пришлось лечь на грунт и затаиться. Но тральщик нащупал лодку. Опять посыпались глубинные бомбы. В этой обстановке командир принял отважное решение – пока не разрядилась батарея, пройти сквозь Порккала-Уддское минное заграждение. Снова минрепы скрежетали по бортам лодки. Но противолодочные корабли остались позади. Фашисты побоялись подорваться на своих минах.

СИГНАЛЬНАЯ СЕТЬ

Второе заграждение, как и первое, миновали благополучно. Правда, лодка зацепила сигнальную сеть и тащила её за собой. При этом буёк сети, как полагалось ему, загорелся и густо дымил. Чтобы освободиться от сети и от предательского буйка, дым которого могли заметить фашисты, лодка всплыла. Комсомолец матрос Крутковский получил приказ снять сеть. Он снял её, зная, что, если вдруг появится немецкий самолёт или катер, лодка тут же уйдёт под воду, и он останется в море. Сколько раз в подобных случаях подводники жертвовали собой ради спасения корабля и товарищей…

БРОШЕННОЕ СУДНО

Форсировав третью полосу минных заграждений в устье залива, Щ-303 пришла в район, где ей надлежало топить вражеские суда. 17 июля на рассвете вахтенный офицер в перископ увидел силуэт большого транспорта. Экипаж приготовился к атаке. Однако, когда подошли на перископной глубине ближе, оказалось, что судно сидит на мели и брошено. Тратить торпеду на такую цель было жалко.

НЕ УСПЕЛИ

Через два дня группа транспортов прошла вблизи лодки, но подводники не успели выйти на боевой курс. Конвой ушёл

невредимым.

НА ГРАНИ НОВОЙ НЕУДАЧИ

20 июля увидели в перископ, что вражеский конвой из 3 транспортов и 6 сторожевиков идёт прямо на лодку; немцы везли из Германии в Финляндию оружие. «Для атаки, – пишет Травкин, – я выбрал самое крупное судно водоизмещением в десять-двенадцать тысяч тонн. Помощник командира и штурман быстро произвели необходимые расчёты.

Атака складывалась очень хорошо. Мы подошли к цели на близкую дистанцию, чтобы выпустить торпеды наверняка. Я опасался лишь одного: выдержит ли корпус «старушки» силу взрыва своих торпед. Но стрелять нужно было без промаха: на палубе транспорта виднелись танки, орудия и много другой техники.

И вдруг, когда до залпа осталась какая-то минута, в окуляре перископа появился один из сторожевых кораблей. Он шёл между нами и транспортом, загораживая его своим корпусом. Если он закроет цель, то атака сорвётся, лодка не успеет развернуться для повторного выхода на необходимый курсовой угол. Что делать? Решение пришло мгновенно – самим повернуть на транспорт, чтобы он раньше пришёл на залповый пеленг и чтобы торпеды успели проскочить перед носом сторожевика.

Наступили решающие секунды.

– Залп!

След торпед шёл точно к цели. Через несколько секунд – очень близкий оглушительный взрыв, затем второй. Я приказал срочно погружаться и в перископ успел увидеть, как тонет неприятельское судно».

УДАР О СКАЛУ

В том месте, где состоялась атака, карта показывала глубину 75 метров. Но едва лодка опустилась на 20, как ударилась носом о скалу. От близких взрывов глубинных бомб погасло освещение, отказало электрическое управление. Вертикальный руль ручного управления чем-то зажало. На помощь рулевому прибежали трое моряков и помогали ему вращать штурвал. Лодка уходила от сторожевиков, экипаж на ходу устранял повреждения. Преследователи потеряли лодку только к ночи. Ночью лодка всплыла. Люди получили возможность вдохнуть свежий воздух. Была заряжена батарея.

УХОД В НОВЫЙ РАЙОН

Зная, что с утра многие корабли и самолёты будут искать лодку, командир принял решение перейти на запасную позицию к маяку Ристна (это на западной оконечности острова Хиума). Там, идя на перископной глубине, обнаружили одинокий транспорт. Но атака не получилась: при ударе о подводную скалу были повреждены передние крышки торпедных аппаратов, крышки не открывались. Надо было возвращаться в базу.

СНОВА ЧЕРЕЗ ТРИ ЗАГРАЖДЕНИЯ

27 июля Щ 303 пошла домой. Ты можешь, читатель, сам представить этот путь; мины в заливе остались, их никто не убрал за минувшие двадцать дней.

В Нарвском заливе лодку должны были встретить наши тральщики и провести через последнее минное поле и минные банки в Кронштадт. Но вместо своих кораблей Щ-303 в условленном месте трижды встречала чужих. Немцы узнали о месте, откуда тральщики и катера проводят лодки через Гогландский минный рубеж, и устроили там засаду.

Особо опасной была третья встреча с кораблями противника. Они обстреляли всплывшую лодку из орудий, а потом, когда она ушла под воду, долго бомбили глубинными бомбами. Подводники за 40 минут насчитали 96 только близких взрывов, через каждые 25 секунд следовал взрыв.

Командир принял решение идти по минному полю самостоятельно.

9 августа лодка пришла в Кронштадт.

ТОРЖЕСТВО НА ПИРСЕ

Ты помнишь, первая лодка типа Щ – Щ-301 называлась «Щука». Лодка Щ-302 называлась «Окунь». А Щ-303 была наречена «Ершом». «Ерша» в Кронштадте встречали торжественно. На пирсе выстроились моряки. Играл оркестр. Командующий флотом вице-адмирал В. Ф. Трибуц выслушал рапорт командира лодки И. В. Травкина, потом обнял, поцеловал. Матросы соседней лодки преподнесли товарищам цветы. И ещё вручили экипажу поросёнка, обвязанного розовой лентой, была такая традиция на флоте – дарить победителям поросёнка для праздничного обеда. Чуть позже на рубке «Ерша» нарисовали красную звезду, в её середине вывели цифру 2. Цифра после каждого похода менялась – в зависимости от числа вражеских судов, пущенных на дно.

Были и награды правительства. Пятеро получили ордена Ленина, пятеро – ордена Красного Знамени, остальные шестнадцать членов экипажа – ордена Красной Звезды.

СКОРЫЙ РЕМОНТ

После короткого праздника экипаж вместе с рабочими начал чинить лодку. Лёгкий корпус был в дырах от пуль и осколков, было много вмятин. Форштевень погнут, на винтах намотались обрывки сигнальных сетей, крышки торпедных аппаратов не открываются. На ремонт требовалось не менее 40 суток. Командир соединения дал 25. Работали без отдыха и даже во время артиллерийских обстрелов, отремонтировали «Ерша» раньше командирского срока. В начале октября ушли в новый поход.

ОСЕННИЙ ШТОРМ

Снова были мины противолодочных рубежей. Разница состояла лишь в том, что мин прибавилось. Они стояли теперь несколькими ярусами, перекрывая всю толщу воды от дна до поверхности, от северного берега залива до берега южного. Однако и теперь «Ёрш» прокрался мимо смерти. Лодка вышла на позицию в районе острова Готска– Санден. Здесь проходили пути, по которым немцы доставляли финнам военные грузы. Начался поиск врага.

«…дул ветер, низкие тучи неслись над морем. Крутые волны, с силой ударяясь о борта подводной лодки, разбивались на тысячи холодных брызг и обдавали людей, стоявших на мостике.

Если кто-либо из нас до сих пор ещё не был настоящим моряком, то в эту ночь он сделался им. За несколько часов море превратилось в бешено кипящую массу. Со всех сторон на лодку надвигались, громоздясь всё выше и выше, водяные горы. Наш корабль то отвесно скользил во впадины между волнами, то взбирался на седые гребни огромных валов.

К утру шторм не утих, а, наоборот, усилился. Мы были вынуждены погрузиться.

Балтийское море в осеннюю пору становится грозным. Даже под водой ощущается качка. На перископной глубине удерживать лодку невозможно – её выбрасывает волной на поверхность. Целый день Щ-303 лежала на грунте».

ТРЕТИЙ!

Шторм наконец утих. Лодка искала врага. Но море было пустынное. А дни проходили… Однажды приготовились к атаке – судно оказалось рыбацким. В другой раз не удалась атака на немецкий транспорт: как только лодка легла на боевой курс, стала быстро уменьшаться глубина, «Ёрш» мог сесть на мель… Но вскоре повезло: потопили транспорт водоизмещением 10-12 тысяч тонн. И, как каждый раз, долго уходили из-под глубинных бомб. Шесть сторожевиков взяли лодку в кольцо, потребовалось много мужества и мастерства, чтобы уйти от них.

ПОДВОДНЫЙ ПРЕСЛЕДОВАТЕЛЬ

Акустик обнаружил шумы, похожие на шум винтов подводной лодки. Они то пропадали, то возникали. Командир приказал на всякий случай идти переменными галсами. В это же время был обнаружен транспорт в охранении двух кораблей. Щ-303 потопила его. Когда лодка стала погружаться, из многих отсеков сообщили в центральный пост о шуме мотора самолёта. На самом деле прошумели вдоль обоих бортов «Ерша» торпеды, выпущенные немецкой подводной лодкой. Несколько часов она кралась за «Ершом» и попыталась торпедировать его в момент атаки на транспорт.

ОГОРЧЕНИЯ

В шторм выпустили торпеды по большому транспорту. А взрыва не было. Сильная волна сбила торпеды с курса. Весь экипаж сокрушался: за боеприпасом-то надо идти в Кронштадт…

ПОДАРОК ВЕЛИКОМУ ОКТЯБРЮ

Приближалась 25-я годовщина Великого Октября. Подводникам хотелось отметить её удачной атакой. А транспорты всё не попадались. Заметили буксир с двумя баржами. Хорошо, что не поторопились торпедировать – баржи были пустые, их рули торчали над водой.

Повезло ночью 4 ноября. Во время зарядки аккумуляторной батареи вахтенный офицер Калинин высмотрел в тумане отличную цель: два транспорта и шесть сторожевиков в охранении. Головной транспорт был огромный, не менее 15 тысяч тонн. Атаковали трёхторпедным залпом. «Результаты превзошли ожидания, – пишет Травкин.– Одна торпеда взорвалась у борта сторожевого корабля. А через несколько секунд вторая попала в транспорт. Ночь раскололась! Все стоявшие на мостике –

вахтенный офицер, сигнальщики и я – услышали страшной силы взрыв, увидели огромное белое пламя, вырвавшееся из транспорта. Стало ясно: в трюме этого судна были боеприпасы.

А невдалеке от транспорта раздваивался стальной корпус сторожевика. Его быстро поглотило море».

Дальше всё шло как по писаному – рывок сторожевиков к лодке, срочное погружение, долгая бомбёжка и мастерский уход «Ерша» от противолодочных кораблей.

Новую победу и наступающий праздник отметили вкусным ужином, чтением стихов и шахматным турниром.

Щ-303 двинулась домой. Все торпеды были израсходованы.

ПОМОГЛИ БОМБАРДИРОВЩИКИ

Почти все опасности остались позади. Лодка прошла уже почти весь залив, как её обнаружили вражеские корабли. Из-за мелководья лодка не могла маневрировать, чтобы уклоняться от бомб. Она легла на грунт. Экипаж с тревогой ждал, что же будет. Вдруг к привычным взрывам глубинных бомб примешались более сильные взрывы. Подводники поняли, что советские самолёты бомбят немецкие корабли. Как это было кстати! Сторожевики поспешили к острову Большой Тютерс под защиту своих зенитных батарей. «Ёрш», теперь уже без помех, дошёл до Лавенсари, а потом и до Кронштадта.

ГВАРДЕЙСКИЙ ФЛАГ

После этого похода цифру 2 на рубке «Ерша» заменили цифрой 5. Были опять награды правительства – ордена и медали. И было награждение самой лодки – под Государственный гимн на флагштоке подводного корабля был поднят гвардейский военно-морской флаг.

ПРОЧУВСТВУЙ СЕРДЦЕМ, БУДУЩИЙ АДМИРАЛ!

Легче понять рассудком тяготы и невзгоды, которые преодолел экипаж «Ерша». Но надо тебе, будущему адмиралу, прочувствовать и сердцем то нечеловеческое напряжение, которое выдержали моряки Травкина. Они ведь были самыми обыкновенными людьми – не из железа, не из камня… Семья Ивана Васильевича жила в Ленинграде. Он навестил её однажды. «Мать жены, не выдержав нервных потрясений блокады, потеряла рассудок – говорила что-то несвязное и то плакала, то смеялась.

Жена, исхудавшая, с потемневшим лицом, глубоко запавшими глазами, едва передвигалась по комнате. А девочки (трое: старшей четыре, младшей полтора года), с припухшими веками – первый признак дистрофии, закутанные в платки, одеяла, сидели рядышком на кровати и ели суп из столярного клея. В комнате стужа, окна с разбитыми стёклами забиты фанерой, занавешены половиками. Стены почернели от копоти железной печурки и керосиновой лампы. А на улице то и дело грохотали взрывы снарядов».

Из-за того, что Щ-303 всегда благополучно проходила противолодочные рубежи, где-то в подсознании может возникнуть чувство, что это было опасно, но не так уж опасно. В таком случае несколько фактов. На минах погиб «Окунь» – Щ-302, от глубинных бомб погибла «Кумжа» – Щ-311, от столкновения под водой с финской подлодкой утонул «Линь» – Щ-305, погибли «Сёмга» и «Пикша» – Щ-308 и Щ-306… Гибли не потому, что воевали неумело, а потому, что воевать было беспредельно сложно.

«Теоретические расчёты показывают, – пишет В. Дмитриев в книге «Атакуют подводники», – что во время прорыва подводных лодок в Балтийское море на вражеские коммуникации вероятность их гибели нередко доходила до 100 процентов». То, что наши лодки воевали и в таких условиях, свидетельствует о великом патриотизме подводников и, конечно же, об их высочайшем мастерстве.

У тебя, верно, возник вопрос: «А что со «Щукой»?» Щ-301 утонула ещё 27 августа 1941 года, подорвавшись на мине во время перехода из Таллина в Кронштадт. Взрывом мины разрушило корму. Экипаж боролся за спасение корабля. Но повреждения были очень большие. Моряки покинули лодку. Вскоре она, вертикально, кормой вниз, погрузилась под воду. За неделю до гибели «Щука» торпедировала два транспорта немцев, один очень большой – водоизмещением 8 тысяч тонн.

ВРАГ ВЫНУЖДЕН ОБОРОНЯТЬСЯ НА БАЛТИКЕ

В 1941 – 1942 годах подводные лодки Краснознамённого Балтийского флота уничтожили – торпедами и артиллерийским огнём – 44 транспорта; 17 транспортов погибли на минах, поставленных нашими лодками. Кроме этих судов, подводники потопили две подводные лодки врага, сетепрорыватель, тральщик и другие корабли.

Водоизмещение потопленных транспортов – 158 523 тонны. Пользуясь цифрами из американского справочника, посчитай,

сколько оружия и боеприпасов отняли подводники у немцев. За этим подсчётом не забудь, что они отняли и сами транспорты. В конце 1942 года гросс-адмирал Редер доложил Гитлеру: «Каждая подводная лодка, прорвавшая блокаду, представляет угрозу судоходству на всём Балтийском море и подвергает опасности наш транспортный флот, которого уже едва хватает». Западный историк Юрг Майстер после войны напишет: «В стратегическом отношении Германия уже в 1942 году в морской войне на Балтийском море была вынуждена перейти к обороне».

Так оно и должно было быть – сначала наступали, потом перешли к обороне; оставалось немцам последнее в военной троице – отступление. Будет и оно.

«ЁРШ» ИДЁТ В РАЗВЕДКУ

Весной 1943 года немцы перегородили Финский залив двумя рядами противолодочных сетей. Они поставили их между Порккала-Удд и Найссаром, где ширина залива чуть больше 20 миль. Сети были сделаны из стального троса диаметром 2 сантиметра. Ячейки представляли собой квадраты со стороной 4 метра. Вся сеть была собрана из секций по 250 метров длиной. Заграждение перекрывало толщу воды от поверхности почти до дна. Сверху сеть держалась на поплавках, снизу на якорях. У самого дна залива оставалась небольшая щель, чтобы сеть имела «свободный ход» – иначе её разрушили бы штормы. Поскольку щелью, а также впадинами, могли воспользоваться подводные лодки, перед сетью и позади неё немцы поставили множество донных мин.

Вдоль сети постоянно патрулировали противолодочные корабли. Дозоры находились друг от друга на расстоянии 20 кабельтовых, они простым глазом просматривали весь залив от берега до берега.

Постановка мощного сетевого заграждения красноречиво говорила о том, как боялись фашисты наших подводных лодок.

Можно ли преодолеть новое заграждение? – с таким заданием командование КБФ отправило в очередной поход гвардейскую лодку Щ-303.

НА ВОЛОСОК ОТ ГИБЕЛИ

С острова Лавенсари лодка вышла 11 мая 1943 года. С того дня началась героическая эпопея «Ерша» и его экипажа.

Уже при форсировании Гогландского рубежа смерть много раз вплотную подходила к старой лодке, медленно кравшейся по

дну залива.

«Чем дальше мы продвигались, тем сложнее и сложнее становилась обстановка. Южная часть минного поля была заминирована плотнее. Наша лодка входила как бы в густой лес минрепов и мин.

В отсеках стояла такая тишина, что малейший удар чем-либо металлическим о палубу звучал как взрыв глубинной бомбы. Слышались только жужжание моторов да редкие негромкие команды. По нашим расчётам, минные линии отстояли одна от другой на расстоянии четырёхсот или пятисот метров, а мины в каждой линии – на расстоянии 40-50 метров.

Настало время изменить курс корабля. Делать это на минном поле очень опасно, так как при повороте можно намотать минреп на винт.

Едва мы легли на новый курс, как из первого отсека доложили, что с правого борта слышны глухие удары о корпус. Я приказал медленно переложить руль вправо. Однако стуки продолжали продвигаться к корме. Казалось, будто о борт корабля кто-то бьёт молотком.

Невольно подумалось, что это уже конец, что вот-вот мы подорвёмся, так как на этот раз подводная лодка касалась уже не минрепа, а непосредственно мины.

Стараясь оставаться спокойным, я до боли сжал кулаки, так что ногти впились в ладони.

Наконец удары о корпус прекратились. Эти страшные мгновения показались вечностью.

С минрепами нам приходилось встречаться и раньше, но чтобы касаться непосредственно мины – такого ещё не было».

В СЕТЯХ

Гогландский рубеж был преодолён. После этого двое суток, если не считать атаки самолётов и катеров, лодка спокойно шла к сетевому заграждению. Было решено поднырнуть под сеть в самом глубоком месте.

Шли самым малым ходом. Вдруг лодка перестала слушаться

горизонтальных рулей, корма её поднялась. В первом отсеке услышали скрежет – «Ёрш» оказался в сети. Задним ходом из сети выбрались.

Попробовали поднырнуть в другом месте. На этот раз заскрежетало дальше от носа, лодка пролезла в ячею сети глубже. Из ячеи выбрались уже с трудом.

«…ещё раз изменили курс, рассчитывая пройти под заграждением через глубокую яму. И снова попали в сети.

Дифферент на корму продолжал расти.

Подал команду:

– Полный назад!

Но из пятого отсека доложили, что полного хода обеспечить не могут плотность аккумуляторной батареи снизилась.

Принимая воду в кормовую дифферентную цистерну и откачивая её, давая рывками ход назад, мы пытались оторваться от стальных сетей. Но всё было безрезультатно. Положение становилось трагическим, однако ни малейшего замешательства в центральном посту не было.

Тогда я приказал довести дифферент на корму до 15° и дать самый сильный, какой только можно, рывок электродвигателями назад.

Лодка дрогнула, двинулась, как будто сползла с горы, и стала погружаться. А через несколько секунд легла на грунт».

ЭЛЕКТРИЧЕСТВО И СВЕЖИЙ ВОЗДУХ

Теперь важнейшим делом было зарядить батарею и провентилировать лодку. Дождались ночи, всплыли под перископ, осмотрели в перископ из-под воды море – всё вокруг казалось пустынным, никаких звуков не обнаружил и акустик. Но как только всплыли, из близкой мглы к лодке помчалось множество катеров. Щ-303 мгновенно погрузилась и, пройдя немного, легла на дно. Уклоняться ходом не было возможности, электроэнергия была на исходе.

«Ёрш» много раз подвергался глубинному бомбометанию. Но такого ещё не было. Бомбы рвались совсем рядом. Один взрыв был так близко, что лодку метра на три подбросило вверх. Многие бомбы взрывались прямо над лодкой, осколки градом сыпались на её корпус. Погас свет. Входные люки стали пропускать воду. При свете аварийных фонарей инженер-капитан третьего ранга П. М. Ильин вместе с матросами исправлял повреждения. Вскоре зажёгся свет, прекратилась течь.

«…и вдруг второй страшный взрыв потряс лодку. Казалось, что стальной корпус корабля не выдержит, развалится… И снова

треск и грохот. Нас бросает из стороны в сторону».

В лодке уже нечем было дышать. И было в ней самой тихо, как в могиле. Механизмы остановлены, чтобы не услышали акустики врага. Ни лишнего слова, ни лишнего движения. Моряки разулись, обмотали ноги тряпками, чтобы шаг был без шороха.

Но вот бомбометание кончилось. Акустик услышал шум удаляющихся винтов. А все ли катера ушли? Конечно, не все.

«Я смотрю на своих товарищей Белые, вытянувшиеся лица. Кое-кто спит, но какой это сон? Тяжёлый, мучительный. Люди задыхаются. Вот трюмный старшина Макаров шепчет в забытьи:

– Испортилась… помпа испортилась…

Уснул свободный от вахты электрик Савельев. У него учащённое дыхание, на губах выступает пена.

Тяжело подводникам. Немеют пальцы, деревенеют подошвы ног, кислородный голод иголочками покалывает тело. Дышать невмоготу».

Не напрасно «Ёрш» таился в глубине. К вечеру акустик лодки услышал удаляющийся шум двух винтов.

Ночью всплыли. Хотя вдали виднелись катера, приступили к зарядке батареи. И уж сами надышались вдоволь. Дали радиограмму командующему флотом, получили приказ возвращаться. А как возвращаться, если через час катера снова загнали «Ерша» на дно? Хорошо, что противник не нашёл этой точки, бомбы – тоже в большом количестве – взрывались далеко в стороне.

Было ясно, что немцы не дадут зарядить батарею. Командир принял решение идти в середину минного поля и там провести зарядку. Иного выхода не было. Оставаться на месте значило погибнуть.

Десять суток пробыла Щ-303 на минном поле, всплывая каждую ночь на короткое время для зарядки аккумуляторов и вентиляции отсеков. Однажды попробовали побыть на воде подольше, но тут же были атакованы самолётами. И всё же энергию на путь до Кронштадта запасли.

Было ещё на минном поле событие. Перед самым уходом домой в этом опасно-безопасном месте к обеду – первому за десять дней, горячего из-за нехватки электричества не готовили – был подан торт. На торте кок вывел надпись «35-летие». Командир Травкин забыл о своём дне рождения, а команда помнила!

ДОМА

Щ-303 пришла в Кронштадт. Она пробыла в походе месяц. В среднем в каждые сутки лодка была только час в надводном положении, 23 часа – под водой. Враги сбросили на неё за этот месяц более 2 тысяч глубинных бомб, в среднем в сутки по 70 штук. Что добавить к этому? Ничего не добавишь.

А вывод из разведки «Ерша» был неутешительный. Немцы прочно заперли наш флот в Финском заливе. Однако фашисты запоздали со своими сетями– с середины 1943 года у нас стало больше самолётов, чем у немцев. Советская авиация стала господствовать в воздухе. В последнем периоде войны наши пикировщики, торпедоносцы и штурмовики потопят сотни вражеских транспортов и кораблей.

…Иван Васильевич Травкин вскоре был назначен командиром другой подводной лодки – мощной, современной К-52. Её боевые дела тоже очень интересные. К-52 действовала уже в других условиях, когда ход войны в корне изменился, когда под натиском наших войск фашисты покатились в Германию.

А сейчас мы вернёмся в начальный период войны – с Балтийского моря переберёмся на Ладожское озеро, на «Дорогу жизни».

«ДОРОГА ЖИЗНИ»

Когда фашистские войска, выйдя к южному берегу Ладожского озера, замкнули кольцо вокруг Ленинграда, Гитлер сказал о Ленинграде: «Он падёт рано или поздно. Никто не освободит его, никто не сумеет прорваться через созданные линии». На самом деле через «созданные линии» наши войска долго не могли прорваться. Но была у нас «Дорога жизни».

Найди на карте Новую Ладогу и Кобону, Морье и Осиновец – они в южной части Ладожского озера. Между ними и пролегала спасительная дорога.

Зимой на грузовиках по льду, а весной, летом и осенью на судах везли через озеро в осаждённый город продовольствие, оружие, боеприпасы, горючее, подкрепления. Обратными рейсами увозили детей, женщин, стариков, раненых бойцов. По дну с восточного берега на западный проложили телефонно-телеграфный кабель, и Ленинград получил связь с Москвой. Ещё проложили электрический кабель, и город получил электричество Волховской ГЭС. Наконец, по дну проложили трубопровод – для перекачки горючего.

Ладожское озеро, треть которого оставалась в наших руках, мало пригодно для судоходства. На нём часты штормы, берега болотистые, причалы были только в северной части. Поэтому, чтобы связать Ленинград тонкой жилочкой со всей страной, пришлось советским людям и на озере работать с напряжением и героизмом таким же, какой мы видели у подводников «Ерша», у артиллеристов батареи № 315, у моряков «Марата» и «Кирова». Люди строили причалы, подъездные железнодорожные пути, углубляли фарватер, водили баржи (или грузовые машины по льду) под постоянными бомбёжками и артиллерийскими обстрелами – «Дорога жизни» проходила всего лишь в 15-20 километрах от берега, занятого фашистами.

Медаль «За оборону Ленинграда».

Нетрудно представить, как не нравилась «Дорога жизни» немцам – она рассекла созданное ими кольцо смерти.

Подобно тому как пытались немцы уничтожить наши корабли на Балтике, так дважды с помощью авиации пытались они уничтожить наши силы на Ладоге. Налёты авиации не дали врагу желаемых результатов. Дорога действовала. Тогда, чтобы нарушить эту коммуникацию, фашисты прибегли к иному средству. На северо-западе от Новой Ладоги в озеро вдаётся узкий мыс. Около этого мыса насыпан островок для маяка – длиной 90 метров и шириной 60. На крохотном клочке суши стояла наша трёхорудийная 100-миллиметровая батарея. Она охраняла подходы к порту и большой отрезок «Дороги жизни» от набегов вражеской флотилии. Гарнизон островка – а он называется Сухо – состоял из 90 человек во главе со старшим лейтенантом И. Гусевым.

Неприятель решил высадить на Сухо десант, закрепиться, а затем в зависимости от обстановки нарушать движение наших транспортов, угрожать Новой Ладоге, прервать сообщение с западными портами.

Вражеский отряд – около 30 самоходных десантных барж и катеров – в ночь на 22 октября вышел из своей базы Лахденпохья (на северозападном берегу озера). Всю ночь он был в пути, а утром оказался около Сухо. Не доходя шести километров до островка, неприятель, построившись в линию фронта, открыл артиллерийский огонь. К острову пошли катера и шлюпки с

десантниками.

Сигнальщики батареи обнаружили неприятеля ещё до этого момента. Получилось так, что одновременно с противником открыла огонь и батарея. И тут же по неприятельским судам начали стрелять наши дозорные тральщик и катер, которые находились поблизости.

Немцы и финны, ещё не добравшись до островка, потеряли десантную баржу и 2 катера, 3 баржи, подбитые орудиями Гусева, сели на мель и загорелись от новых попаданий. Но силы были далеко не равные – против трёх орудий Гусева стреляло двадцать 88-миллиметровых и около ста стволов 20-миллиметровых автоматических пушек. Через час неприятелю удалось высадить на остров 70 человек. Раненый старший лейтенант Гусев руководил боем на тесном клочке земли.

Рассеялся туман. Плохая с утра погода улучшилась. К Сухо прилетели немецкие бомбардировщики.

Но и к нашим спешила помощь. Из Новой Ладоги пришли 3 сторожевых катера, 3 тральщика и канонерская лодка «Нора», а чуть позже из Осиновца пришёл ещё отряд: 2 канонерские лодки, 2 сторожевых катера, 2 торпедных и 2 бронекатера.

Воодушевлённые такой поддержкой, бойцы Гусева сбросили десантников в воду. Неприятельские суда бросились наутёк. Бегущего врага преследовали самолёты. Совместными силами к исходу дня было уничтожено 13 десантных барж, 5 десантных катеров, вооружённый пароход. Было сбито 14 самолётов противника. Удалось захватить большую десантную баржу и катер, после ремонта они вошли в состав нашей флотилии. А вражеская флотилия на Ладоге перестала существовать. С того дня полными хозяевами озера стали советские корабли.

Зимой, 18 января 1943 года, войска Ленинградского и Волховского фронтов ударами навстречу друг другу прорвали кольцо фашистской блокады на южном берегу бухты Петрокрепость.

Отвоёванная земля была шириной всего 11 километров. Но это была земля, а не вода озера. Тут же, без промедления, ленинградцы принялись прокладывать на ней железную дорогу. Скоро 38-километровый путь был уложен. По нему пошли поезда из Волхова в Ленинград.

* * *

Известие о прорыве блокады облетело весь мир. Вместе с советскими людьми этой победе радовались во всех странах. А

через две недели мир охватило ликование – 2 февраля 1943 года закончилась грандиозная Сталинградская битва, в которой погибла 300-тысячная армия фашистов.

Посмотри карту первого периода войны. Не просто посмотри – изучи её. Очень далеко оттеснила синяя линия красную. Но первое главное дело было нами сделано – мы остановили продвижение врага. Синие стрелы, выпущенные врагом, пролетев до красной линии, упали. Теперь свой лук натянули мы. Уже полетели наши красные стрелы. Их во множестве отковал советский тыл для армии. Они будут сыпаться на фашистов месяц от месяца гуще, пока не вонзятся в Берлин.

…Сталинградскую битву называют поворотным событием Великой Отечественной войны. Она предопределила нашу победу над фашизмом. После Сталинграда у мерзавцев поубавилось спеси. Но нам снова придётся встретиться с гитлеровцами первых дней и первых месяцев войны. Мы отправляемся на Чёрное море.

НА ЧЕРНОМОРСКИХ БЕРЕГАХ

Ты, читатель, знаешь, что фашисты начали наступление против нас тремя группами армий: «Север», «Центр» и «Юг». Нижнее остриё трезубца «Юг» – нацелено на Киев. Оно по плану «Барбаросса» должно продвинуться ещё глубже – через Донецкий бассейн, через Ростов на Кавказ. Имея основной целью захват Москвы, фашисты придают очень важное значение военным действиям в южных районах нашей страны. Такое важное, что, когда остановилось их продвижение на юге, они направили туда две армии, в том числе танковую, сняв их с Центрального направления.

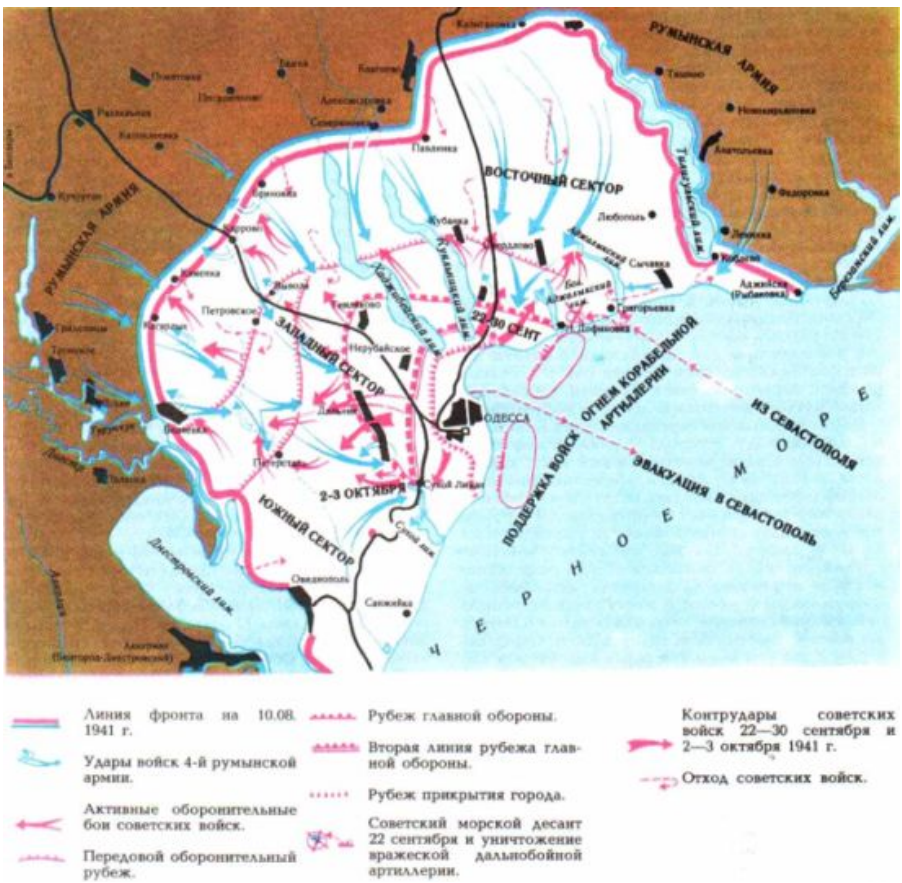
В южной части Советского Союза расположены богатейшие промышленные и продовольственные районы. Там множество заводов, шахт, рудников. Там нефтяные промыслы. Всё это нужно немцам, чтобы вести войну. Особенно им нужна нефть. Без горючего не пойдут ганки и автомобили, не полетят бомбардировщики, не поплывут корабли. Сейчас они движутся в основном на румынском горючем, но его не хватает. Разумеется, овладей враги нашими нефтепромыслами на Северном Кавказе и в Азербайджане, нехватку горючего стала испытывать бы наша армия.

Продвижение до Кавказа и захват его давали врагам и другие выгоды. Дружественная Германии Турция сосредоточила на советской границе 26 дивизий, в случае успеха гитлеровских войск турки вторглись бы в Армению, в Грузию, в Азербайджан. Захвати фашисты всё советское побережье Чёрного моря, погиб бы наш Черноморский флот, он остался бы без баз.

Помимо трёх главных ударов, помимо трезубца, план «Барбаросса» предусматривал вспомогательные удары. Один из них наносится с территории Румынии. Упрощённо говоря, он направлен по берегу Чёрного моря. Его цель: захват наших военно-морских баз и портов сухопутными войсками, в первую очередь Одессы и Севастополя. Если нашу нефть гитлеровцам нужно ещё завоевать, то румынские нефтепромыслы нужно защищать, а они в пределах досягаемости для советских самолётов и кораблей, находящихся в Севастополе и Одессе. Враги бросят большие силы на Одессу, на главную военно-морскую базу Севастополь ещё и потому, что им нужно море. Оно нужно для снабжения войск, ведущих боевые действия на юге… Теперь, зная всё это, мы сможем яснее представить себе смысл и цену подвигов, совершённых черноморскими моряками.

НАШ ФЛОТ И ФЛОТ ВРАГА

Флот наш на Чёрном море был довольно сильный: линкор «Парижская коммуна» (он был переименован в «Севастополь»), крейсеры «Красный Крым», «Красный Кавказ», «Червона Украина», «Ворошилов», «Молотов» и «Коминтерн», лидеры «Москва», «Харьков» и «Ташкент», 13 эсминцев, 4 канонерские лодки, 2 сторожевых корабля, 2 минных заградителя, 47 подводных лодок, 15 тральщиков, 84 торпедных катера, 10 катеров-охотников и другие суда.



Героическая оборона Одессы с 10 августа по 16 октября 1941 г.

В начале войны нашему флоту противостояли лишь незначительные военно-морские силы Румынии: 4 эсминца, 3 миноносца, подводная лодка, 3 канонерские лодки, 2 вспомогательных крейсера, 3 торпедных катера и другие малые суда. Гитлеровские адмиралы прекрасно представляли возможности нашего Черноморского флота. Поэтому, когда

начнётся война, фашисты по железным дорогам из Германии, по Дунаю и через Босфор из Италии доставят на море массу малых кораблей и судов. Неприятельский флот получит десяток подводных лодок, 30 торпедных катеров, 84 сторожевых катера, 23 тральщика, 26 охотников за подводными лодками, 50 самоходных десантных барж, сухогрузные и нефтеналивные суда, буксиры и даже ледоколы и землечерпалки. Основные же задачи в борьбе с нашим флотом немцы возлагали на авиацию и на захват баз и портов сухопутными войсками. К началу войны немцы для действий на море имели 420 бомбардировщиков.

УДАРЫ ПО НЕФТЕПРОМЫСЛАМ

Румыния выступила против нас на стороне Германии. Поэтому было предпринято разрушение нефтепромыслов и уничтожение запасов нефти на её территории. Бомбардировщики Черноморского флота первый налёт совершили на главную базу румынского флота и основной порт вывоза нефти Констанцу уже в ночь на 23 июня. Днём они ещё трижды бомбили там нефтехранилища и портовые сооружения. Дважды был подвергнут ударам порт Сулина. В налётах участвовало более ста бомбардировщиков. (Найди на гарте Констанцу и Сулину. Найди Плоешти – центр нефтедобычи, он на север от Бухареста.)

26 июня набег на Констанцу произвели наши корабли крейсер «Ворошилов», лидеры «Харьков» и «Москва», эсминцы «Сообразительный» и «Смышлёный». Дерзко и внезапно появившись на рассвете у Констанцы, они подошли к кромке минных заграждений и открыли орудийный огонь по нефтяным бакам и железнодорожному узлу. Огромный пожар охватил нефтехранилища, на путях взорвались вагоны с боеприпасами.

В последующие дни продолжались налёты наших бомбардировщиков. Теперь они в основном бомбили нефтепромыслы в Плоешти. На какое-то время удалось почти парализовать нефтедобычу.

Нефть с промыслов перекачивалась в Констанцу по нефтепроводу. У города Чернавода нефтепровод выходил на железнодорожный мост, как бы висел над широким Дунаем. Несколько раз наши бомбардировщики пытались разрушить этот очень длинный и важный мост и нефтепровод. Но бомбы всё время падали мимо, бомбить приходилось с большой высоты, так как множество зенитных орудий не давали снизиться. Тогда разрушение моста и нефтепровода поручили истребителям, вооружённым бомбами. К месту атаки истребителей, имевших горючее лишь для обратного полёта, доставили тяжёлые

бомбардировщики. Перед выходом к цели на высоте четырёх километров истребители отсоединились от ТБ-3 и с пикирования – с пикирования бомбы падают точнее – разбомбили мост и нефтепровод. Пять бомб удалось всадить в узкую ленту моста.

Румынской нефтью снабжались также итало-немецкие войска, воевавшие с англичанами на севере Африки. Танкеры ходили туда из Констанцы через Босфор. На охоту за нефтеналивными судами вышли наши подводные лодки. Первой их добычей стал транспорт, а второй и третьей – итальянские танкеры «Суперга» и «Торчелло» водоизмещением 6200 и 3400 тонн; только с гибелью этих танкеров неприятель потерял 5 железнодорожных составов нефти.

Немцы знали, что самолёты, бомбившие нефтепромыслы, поднимались с крымских аэродромов, а на одесских аэродромах делали посадку для дозаправки. Из этих же баз выходили на перехват танкеров подводные лодки. И вот из штабов всех рангов, от самого Гитлера посыпались войскам приказы с требованием скорее взять Одессу и Севастополь – во избежание бензинового голода в фашистской армии.

НЕПРЕВЗОЙДЁННОЕ ИСКУССТВО ОДЕССЫ

ГОРОД ГОТОВИТСЯ К ОСАДЕ

Одесса оказалась окружённой с суши почти в те же дни, что и Таллин. Лавина немецких войск прошла севернее Одессы, оставив военно-морскую базу и город незанятыми у себя в тылу. Немцы торопились в Крым, к Севастополю. Занять Одессу поручалось румынским войскам. Посмотри на карте первого периода войны, как двигался противник. Стрела, идущая на восток от Первомайска, раздвоилась, и её южное остриё воткнулось в Перекоп – вход на Крымский полуостров, это 11 я армия немцев, которой командует опытный генерал (а потом фельдмаршал) Манштейн; фельдмаршалу ещё достанется по первое число – сначала от генерал-лейтенанта Родиона Яковлевича Малиновского между Доном и Волгой, потом от генерал-лейтенанта Павла Алексеевича Ротмистрова на Курской дуге, а в третий раз от генерала армии Ивана Даниловича Черняховского в Белоруссии, но сейчас гитлеровский военачальник, как говорят, на коне. Стрела, достигшая Одессы, – это румынские войска, их сначала было 8 дивизий, затем 18 – половина всех войск, выставленных Румынией в войне против нас. Гитлер обещал тогдашнему правителю страны Антонеску многие наши земли, в том числе Одессу. Получалось так – Одесса ваша, вы её и берите.

Интересная деталь: если на все наши военно-морские базы вражеские самолёты налетели в первые же часы войны, то Одессу начали бомбить с 25 июня. А первые мины самолёты сбросили в море около порта лишь 12 сентября. Этот факт нельзя объяснить иначе, как уверенностью врага в скором захвате города. Обезвреживать свои мины ничуть не проще, чем чужие; вот гитлеровцы и откладывали минирование подступов к Одессе, ожидая со дня на день её падения.

Октябрьский Ф. С.

Как и все наши военно-морские базы, Одесса не имела укреплений на суше. Однако командование Черноморского флота, которое возглавлял вице-адмирал Филипп Сергеевич Октябрьский, по быстрому продвижению немцев на Киевском направлении определило, что может случиться с Одессой в недалёком будущем. Уже на шестой день войны оно приказало командиру базы контр-адмиралу Гавриилу Васильевичу Жукову начать строительство оборонительных рубежей со стороны суши. Ставка Верховного Главнокомандования одобрила такое решение. Одесса принялась энергично готовиться к борьбе в осаде.

Посмотри карту обороны Одессы. Передовой рубеж возведён в 20-25 километрах от города, его фланги упираются в лиманы. Рубеж главной обороны проходит в 10-14 километрах, и на его флангах тоже лиманы. Эти естественные препятствия были умело использованы, они ускорили и облегчили оборонительные работы. В шестидесяти километрах от города был рубеж прикрытия. А в самом городе, на его улицах, возвели шесть поясов баррикад – первые на окраинах, последние у самого порта. Руководил оборонительными работами – прокладкой траншей, рытьём окопов, укрытий, рвов, оборудованием артиллерийских и пулемётных позиций, строительством блиндажей и дзотов – опытный фортификатор генерал-майор инженерных войск

Аркадий Фёдорович Хренов. Помощниками у него были моряки, войска и тысячи одесситов.

Получилось так, что, когда основные силы нашей Отдельной Приморской армии отошли к Одессе, для войск уже были готовы крепкие позиции. Приморцы очень этому обрадовались. Они семь недель вели упорные бои на Пруте, на Днестре, многое испытали в тех боях, много потерь понесли, но отступали, не «откатываясь к городу с противником на плечах», а достойно, сохранив дисциплину и организованность. Это были 95-я Молдавская дивизия и 25-я Чапаевская дивизия, та, которая завоевала себе славу при Василии Ивановиче Чапаеве в гражданскую войну. Вскоре к городу прорвалась ещё кавалерийская дивизия.

Если войска благодарили моряков за подготовленные рубежи, то моряки, в свою очередь, радовались приходу таких сил. Моряков было очень мало, всего в двух полках 2 тысячи. Не приди на защиту Одессы приморцы, каждому моряку пришлось бы сражаться с шестьюдесятью врагами! А ведь и к такому сражению они готовились…

Но и приморцев вместе с моряками было мало для успешных боёв. Против одного нашего было десять захватчиков. Областной комитет Коммунистической партии послал на защиту города коммунистов и комсомольцев. В войска и в народное ополчение пришло больше ста тысяч человек.

Одесса сражалась с 5 августа по 15 октября. Не оборонялась, а именно сражалась: отбив атаку врага, сама атаковала…

Гитлер в раздражении понукал своего союзника Антонеску, выговаривал ему за срыв сроков взятия города. Антонеску просил у Гитлера помощь войсками, танками, самолётами. Немецкая помощь неоднократно приходила, но перемалывалась на одесских рубежах. Генерал-полковник Гальдер, начальник штаба сухопутных войск Германии, занесёт в свой дневник такую запись: «Оборона Одессы носила характер сопротивления, без мысли отступления; оборона отличалась наступательными действиями».

МУЖЕСТВО ОДЕССИТОВ

А как жила сама Одесса в эти месяцы? Она жила, трудилась для фронта, воевала. Город часто бомбили, а с середины осады начались и артиллерийские обстрелы: неприятель занял участок между Большим Аджалыкским и Аджалыкским лиманами и установил там дальнобойные орудия От бомбёжек жители успевали прятаться в катакомбах – пещерах, в которых когда-то брали строительный камень. Артиллерийские налёты

производились внезапно, укрыться от них было невозможно. Сотни домов были разрушены, и людей погибло много. Продовольствия в городе было достаточно. А вот на воду ввели карточки. Неприятель захватил район, где начинался городской водопровод. Пришлось срочно пробурить в разных частях города артезианские скважины. Этой воды хватало по полведра в сутки для каждого жителя. Вроде бы полведра вполне достаточно, но надо помнить, как жарко в Одессе летом.

Конечно же, город работал. На предприятиях, которые остались после эвакуации, наладили выпуск миномётов, мин, гранат, бутылок с горючей жидкостью.

Несмотря на постоянную опасность и тревогу за будущее, одесситы не потеряли бодрости. Все, даже дети, старались помочь войскам и морякам.

Около Одессы был аэродром морского истребительного полка. Неприятель потеснил наших, и его орудия стали обстреливать самолёты на стоянке. Один снаряд попал даже в самолёт, разбегавшийся для взлёта. Лётчики долго размышляли, как уберечь машины от артогня. Казалось, что уберечь невозможно. Но тут пришла счастливая мысль построить аэродром прямо в городе, в той части, куда не долетали снаряды. Новый аэродром, вернее взлётно-посадочная полоса, был готов ровно за неделю. А строили его горожане. Маленькие самолёты для маскировки закатывали между домами. Лётчики берегли новый аэродром от вражеских наблюдателей – чуть подняв машину над улицей, уходили в сторону моря над крышами домов и только над морем набирали высоту и собирались в группы. Садились так же, с бреющего полёта.

ЛЁТЧИКИ– ИСТРЕБИТЕЛИ

Защитников Одессы иногда поддерживала флотская авиация с крымских аэродромов. Но основная тяжесть воздушных боёв и штурмовых ударов по наземному противнику легла на истребительный полк, аэродром которого был в городе. Полком командовал двадцатипятилетний майор Лев Львович Шестаков. Этот умный и мужественный человек сам воевал блестяще и учил мастерству своих товарищей. В авиации в отличие от других родов войск командиры полков, бригад и даже дивизий очень часто лично участвовали в воздушных боях, поручая место на командном пункте своему заместителю. Бывали, естественно, такие случаи и в пехоте – в критические моменты, когда присутствие командира восстанавливает в бойцах утраченное мужество. Так генерал Иван Ефимович Петров, командир

Чапаевской дивизии, однажды, стоя на подножке пикапа, промчался вдоль позиций своих батальонов, готовых вот-вот откатиться под натиском многочисленного врага. С пикапа стреляли два пулемёта, но не столько их огонь вернул силы бойцам, как бесстрашие генерала. Правда ведь, вспоминается Чапаев, который пролетал на коне – в чёрной бурке, с поднятой саблей – перед залёгшими цепями?.. Ну а Шестаков очень часто был в воздухе на истребителе. При защите города он сбил 11 вражеских самолётов из 94, сбитых всем полком.

В среднем лётчики Шестакова ежедневно проводили семь-восемь воздушных боёв. Почти ежедневно пять-шесть раз вылетали на штурмовку. И это в основном на самолётах старой конструкции, с изношенными моторами, с залатанными крыльями и фюзеляжами. А с начала обороны в полку самолётов было чуть больше сорока.

Зато и любили пехотинцы лётчиков. Риск лётчика виден наземным войскам, видна им и помощь его – он своей жизнью прикрывает множество жизней солдат на земле. Когда лейтенант Алексей Алелюхин посадил подбитый самолёт между нашими и румынскими позициями, пехотинцы с воодушевлением бросились в атаку, чтобы не дать врагу машину. И отбили. И увезли в безопасное место. Самолёт починили. Алелюхин на нём снова спасал пехоту от бомбёжек.

За бои в небе Одессы звания Героя Советского Союза были удостоены двенадцать лётчиков полка во главе со своим командиром.

ФЛОТ НА ЗАЩИТЕ ОДЕССЫ

Ну а что же делали в дни обороны Одессы корабли? Они доставляли в осаждённый город боеприпасы, оружие, продовольствие, подкрепления. Эвакуировали раненых и жителей. Они охраняли морские подступы к Одессе от неприятельских кораблей. И ещё – очень важное – помогали войскам своей мощной артиллерией. В трудные для наземных войск часы крейсеры «Красный Крым», «Красный Кавказ», «Коминтерн», лидер «Ташкент», эсминцы «Бойкий», «Беспощадный», «Смышлёный», «Фрунзе» и другие корабли, или стоя на якоре, или маневрируя вдоль берега, закрываясь дымом от вражеских наблюдателей, отбивая налёты пикировщиков, били по наступающим танкам и пехоте врага, по его артиллерийским батареям.

Высаживали корабли и десант в помощь Одессе. Он был первым морским десантом Великой Отечественной войны.

…Один за другим прошли шесть сроков взятия Одессы, намеченных противником. Прошло 23 августа – день, в который прибывший в войска Антонеску собирался принять на главной площади города парад победителей. Прошло 3 сентября – день особо ожесточённых атак, когда было приказано взять город любой ценой. Антонеску бранился в приказе: «Разве не постыдно, что наше войско, в четыре-пять раз превосходящее числом и снаряжением противника, столько времени топчется на месте?» Этот приказ, расстрелы за трусость и немецкие пулемётчики, занимавшие позиции позади румын, чтобы тем некуда было отступать, – всё свидетельствовало о неспособности противника нанести завершающий удар… Перебросив к Одессе свежие войска, на исходе первой половины сентября румыны предприняли новое яростное наступление.

К тому времени десятки тысяч неприятельских солдат уже нашли свою смерть на одесских рубежах. Но редели и ряды защитников города. Мы говорили о двенадцати лётчиках, которые стали Героями Советского Союза, но трое из них получили это звание посмертно… Подкрепления прибывали в Одессу скудные, сам город уже не давал бойцов – все, кто мог держать оружие, были в боях или окончили их, с честью сложив головы.

В такой обстановке командование ООР – Одесского оборонительного района – решилось просить у Ставки стрелковую дивизию в подкрепление. Дважды Герой Советского Союза, Маршал Советского Союза Николай Иванович Крылов в то время в звании полковника был начальником штаба Отдельной Приморской армии, он вспоминал: «Руководители Одесской обороны отдавали себе отчёт, что общая обстановка на юге не улучшилась с тех пор, когда нам отказывали в выделении дивизии. Прислать её в Одессу было, вероятно, ещё труднее, чем раньше. И всё же Военный совет не мог не повторить свою просьбу ещё раз. Слишком велика была опасность, что без свежих боевых сил не устоять: наш фронт, напряжённый, как натянутая до предела струна, и проходящий местами всего в 10-15 километрах от города, мог не выдержать очередного натиска врага.

Ответ из Москвы пришёл меньше чем через сутки. Он был совершенно необычным:

«Передайте просьбу Ставки Верховного Командования бойцам и командирам, защищающим Одессу, продержаться 6-7 дней, в течение которых они получат подмогу в виде авиации и вооружённого пополнения… И. Сталин».

Мы не раз получали от старших начальников телеграфные приказы, в которых вновь и вновь повторялось требование: «Ни

шагу назад». Но такой телеграммы я ещё не видел… Ставка ничего не приказывала. Ставка просила защитников Одессы продержаться ещё неделю, обещая за это время помощь… Такая просьба значила больше, чем любой приказ. И хотя положение на нашем фронте стало за последние сутки ещё более трудным, чувствовалось: люди как-то приободрились, воодушевились».

Помощь – 157-я стрелковая дивизия и другие части, больше 20 тысяч бойцов – начала прибывать морем на три дня раньше обещанного срока.

Военачальники, руководившие обороной города, могли бы по мере высадки частей на берег направлять их на участки, где неприятель угрожал вот-вот прорваться через последний рубеж. Плохие командиры так и поступили бы – полк в одну брешь, полк в другую, батальон туда, батальон сюда, и наступление было бы остановлено. Но надолго ли?.. Командование ООР поступило иначе. Оно решило, получив сильную дивизию, в корне улучшить положение на своём фронте. Несколько дней, тревожась за судьбу старых частей, нёсших большие потери в боях, оно ждало, когда вся дивизия соберётся в Одессе, и не трогало её, не отщипывало от неё ни артиллерии, ни пулемётов, ни связи.

Что нужно было сделать, чтобы не просто остановить наступление врага, а улучшить общее положение наших войск? Нужно было отбросить левый фланг неприятеля, оттеснить его из восточного сектора километров на десять. Тогда город и, главное, порт избавились бы от губительных артиллерийских обстрелов. Транспорты и корабли, приходившие в последнее время в Одессу, разгружались под градом снарядов. Если бы противнику удалось прервать подвоз боеприпасов, то он мог бы считать себя победителем – одними штыками приморцы долго не навоевали бы.

157-я дивизия вместе со старыми войсками и должна была нанести контрудар по румынам – в восточном секторе, от берега моря до Куяльницкого лимана. В западном и южном секторах наши войска – пусть без продвижения вперёд – одновременно должны были контратаковать противника: это для того, чтобы румыны не смогли перебросить отсюда части на помощь к восточному сектору. Но это не всё. Было решено подкрепить контрудар высадкой морского десанта в районе Григорьевки, у Аджалыкского лимана. Десантникам – около 2 тысяч морских пехотинцев – надлежало пройти на северо-запад по тылам противника и соединиться с наступающими частями в районе Старой Дофиновки и Новой Дофиновки. И ещё – предполагалось выбросить в тыл неприятеля группу моряков-парашютистов. В их задачу входило посеять панику налётами на штабы, на

артиллерийские батареи, порчей связи и другими диверсиями.

Контрудар назначили на 22 сентября 1941 года.

НЕПРЕДВИДЕННОЕ ОСЛОЖНЕНИЕ

Подготовка войск и флота к контрудару велась втайне. Морские пехотинцы, к примеру, узнали о том, куда и зачем они направляются, лишь в море, когда отряд кораблей уже вышел из Севастополя.

Десантный отряд, направлявшийся в Одессу, состоял из крейсеров «Красный Кавказ» и «Красный Крым», эсминцев «Бойкий», «Безупречный», «Беспощадный» и «Фрунзе». Общее руководство было возложено на командующего эскадрой контр-адмирала Л. А. Владимирского. Командиром высадки был назначен командир бригады крейсеров контр-адмирал С. Г. Горшков. Большие корабли не могли подойти к самому берегу для высадки моряков. Поэтому в 0 часов 00 минут 22 сентября они должны были встретиться в море, в условленной точке (по-морскому она называется «точка рандеву»), с отрядом высадочных средств – с катерами и баркасами. Этот отряд находился в Одессе, его командиры ничего не знали о предстоящем деле. Подробный план и порядок действий высадочного отряда должен был доставить эскадренный миноносец «Фрунзе», который вышел из Севастополя несколько раньше с контрадмиралом Л. А. Владимирским на борту.

Случилось так, что именно в этот день в районе Одессы появились в большом количестве «Юнкерсы-87» – пикирующие бомбардировщики. Как выяснилось, немцы перебросили на Чёрное море целый авиакорпус со Средиземного моря. Фашистские лётчики два года воевали там с английскими кораблями и имели большой опыт в потоплении кораблей с воздуха. И вот первой жертвой пикировщиков стала у Тендровской косы канонерская лодка «Красная Армения». «Фрунзе», когда лодка начала погружаться в воду, оказался в том районе, он принялся спасать моряков. В этот момент снова появились пикировщики, они атаковали эсминец. Разбитый эсминец выбросился на мель. К «Фрунзе» подошёл буксир, он принял на борт моряков эсминца и канонерской лодки. Однако буксир потопили всё те же пикировщики. Теперь людей спасали катера и шлюпки. Среди спасённых был раненый контр-адмирал Владимирский. Добрался он в Одессу на торпедном катере и только во время высадки был доставлен на крейсер «Красный Кавказ».

Отряд десантно-высадочных средств не прибыл в назначенное

время в точку рандеву, что могло повлечь срыв высадки десанта.

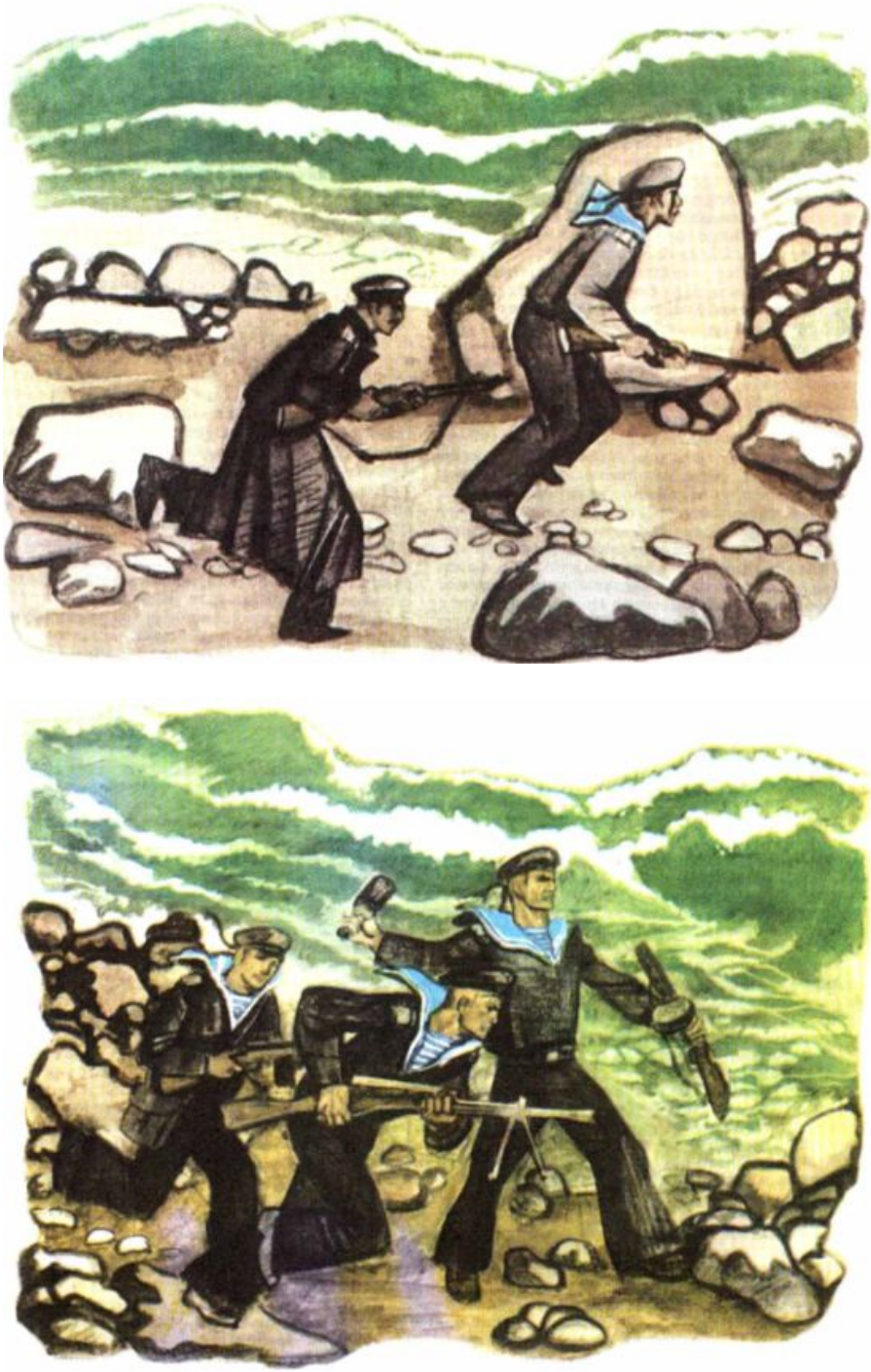
Контр-адмирал С. Г. Горшков, на которого после гибели «Фрунзе» Военный совет флота возложил руководство операцией, решил высаживать десант с помощью корабельных плавсредств.

Во втором часу ночи крейсеры и эсминцы, не доходя 15 кабельтовых до берега, встали на якорь. 16 минут корабельные орудия обрабатывали место высадки, а затем к берегу пошли шлюпки с десантниками. Чуть раньше в тылу румынских частей приземлились 23 моряка-парашютиста. Контрудар начался. Все дальнейшие действия развивались по плану.

ПОБЕДА СТРЕЛКОВ И МОРЯКОВ

Об отваге и дерзости моряков-парашютистов ты прочтёшь в рассказе Леонида Соболева «Батальон четверых». Рассказ входит в его книгу «Морская душа», без этой книги тому, кто хочет знать военные события на Чёрном море, не обойтись, так что ищи её. А я скажу только – панику моряки у румын устроили изрядную. Неприятелю показалось, будто у него в тылу не горстка храбрых людей, а большой отряд…

В три часа ночи контратаковали противника войска южного сектора. Получасом позже бомбардировщики, прилетев с крымского аэродрома, сбросили бомбы на резервы и тылы противника. Следом самолёты майора Шестакова провели штурмовку двух немецких аэродромов, на одном стояли «мессершмитты», на другом – «юнкерсы». Многие лётчики, спавшие в палатках, погибли от пулемётных очередей «ястребков», были взорваны склады горючего и боеприпасов, и было уничтожено больше двух десятков вражеских машин (из сорока).



Десант морской пехоты.

Высадка десанта с кораблей затянулась до 6 часов утра. Тем

не менее морские пехотинцы действовали успешно. Без особых усилий они сбили неприятельский заслон на берегу. Враги бежали, не успев уничтожить указатели заминированных участков. Так же поспешно бежали артиллеристы дальнобойной батареи, принёсшей столько вреда городу и порту. Моряки быстро продвигались в тылу противника. Вместе с передовыми подразделениями шли корректировщики с эсминцев. И когда один батальон был контратакован у штаба румынской части, корабли тут же помогли ему артиллерийским огнём.

Сообщения, одно тревожнее другого, валились лавиной на неприятельское командование. Первое время оно не могло понять, что и где происходит, откуда грозит самая большая опасность. Совершенно очевидной опасностью были десантники. Но логика военных действий подсказывала, что будет и ещё что-то – худшее. А где? Здесь, в восточном секторе? Или в южном? Там ведь началась атака…

157-я дивизия и её соседи готовились начать свои главные действия в 8 утра. А за полчаса до этого, в 7.30, началась наша артподготовка. По врагу били полевые, береговые и корабельные орудия. Огонь был сильный. Румынская артиллерия была подавлена. В назначенное время пехота поднялась в атаку. Особенно хорошо пошли полки новой дивизии. В середине дня их пришлось даже придержать на час-другой, чтобы с ними выровнялись части старых приморцев, продвигавшиеся медленнее. К исходу дня в районе Дофиновки стрелки встретились с морской пехотой. Такие встречи всегда бывают волнующими. Соединение войск, идущих с разных направлений, как бы подводит итог боёв, свидетельствует об их успешном завершении.

Наступил вечер 22 сентября. Враг в восточном секторе был отброшен на десять километров. А у войск ещё хватало энергии гнать врага дальше. Однако командующий Приморской армией генерал-лейтенант Георгий Павлович Сафронов остановил наступление, даже отдали врагу без боя несколько населённых пунктов, захваченных морской пехотой. И это было хорошее решение. Вот почему. Оборона у Одессы имела вид дуги. Протяжённость дуги с увеличением радиуса – расстояния от города до неприятеля – увеличивалась. А ведь каждый прибавившийся километр надо оборонять, держать на нём определённое число бойцов, пулемётов, орудий. Длинную дугу оборонять нам было нечем, мало было войск. Поэтому командующий выбрал самый выгодный радиус; при выбранном радиусе плотность советских войск на дуге была достаточной для прочной обороны, а противник уже не мог обстреливать порт, не

мог препятствовать приходу и разгрузке транспортов со всем необходимым для жизни и борьбы Одессы.

ДОБЛЕСТЬ ЭСМИНЦЕВ

Пожалуй, труднее всего пришлось в этой операции эсминцам. Крейсеры, высадив морскую пехоту, ушли в Севастополь, чтобы не попасть под удары пикировщиков. Эсминцы же остались поддерживать наступление артогнём. Утром Ю-87 не появлялись. А потом девятка пикировщиков атаковала «Безупречный», который обстреливал неприятеля, находившегося в районе Старой Дофиновки. От 37 бомб уклонился «Безупречный». Но одна взорвалась так близко от корабля, что в борту образовалась огромная пробоина, сквозь которую вода затопила машину и часть котлов. Корабль потерял ход. «Беспощадный» взял его на буксир и отвёл в одесский порт под защиту зениток. Позже на «Беспощадный» и «Бойкий», находившиеся на огневых позициях, налетело больше двадцати пикировщиков. Несколько шестаковских истребителей прилетели на помощь кораблям. Они сбили два «юнкерса», мешали прицельно сбрасывать бомбы, но силы в воздухе были уж очень неравные. На этот раз тяжёлые повреждения получил «Беспощадный». На нём возник пожар, в пробоины хлынула вода. Весь в дыму, полузатопленный, эсминец малым ходом пошёл в порт. На огневой позиции остался один «Бойкий», которым командовал капитан-лейтенант Георгий Фёдорович Годлевский. До самой темноты корабль отбивался зенитками и пулемётами от «юнкерсов», уклонялся от их бомб и вёл артиллерийский огонь, поддерживая наступление не одного, как ему полагалось, а трёх батальонов морской пехоты. Он взял себе и цели повреждённых эсминцев. Если забыть, что экипаж находился всё время в смертельной опасности, а иметь в виду только его военную работу, то и так она покажется невероятной. Удивительно, как экипаж выдержал страшное напряжение дня! А ведь и накануне моряки не отдыхали, ночь перед наступлением тоже была напряжённой…

22 сентября 1941 года. Ты, читатель, в общих чертах знаешь, что было в ту пору на советско-германском фронте. Враг наступал и наступал. Поэтому скромная победа у Одессы была радостной, как лучик солнца, вдруг засветивший сквозь тяжёлые тучи невзгод.

Приморцы тогда уничтожили до 2 тысяч неприятельских солдат и офицеров, несколько сот захватили в плен, отбили 38 орудий, 30 миномётов, больше 100 пулемётов, 6 танков, много автоматов, винтовок, снарядов и патронов…

Время, когда потери неприятеля будут исчисляться десятками и сотнями тысяч, а трофейные орудия и танки сотнями и тысячами, ещё не наступило. Оно было впереди.

Будет день, когда по улицам Москвы пройдут бесконечные вереницы пленённых фашистов. А пока по улицам Одессы провезли напоказ гражданам неприятельские дальнобойные орудия с надписями на стволах: «Больше стрелять по Одессе не будут».

И ещё очень важное. Наступающая сторона, как правило, несёт потери большие, чем обороняющаяся. Но в этом наступлении счёт потерь был совершенно иным. 157-я стрелковая дивизия, которой командовал полковник Дмитрий Иванович Томилов, потеряла убитыми 19 человек… Значит, врага при хорошей организации дела можно бить и с малыми потерями.

Медаль «За оборону Одессы».

ОДЕССУ ПРИКАЗАНО ОСТАВИТЬ

Защитники Одессы – от солдата и матроса до генерала и адмирала – были воодушевлены одержанной победой. Пока враг пребывал в расстроенных чувствах, его можно было поколотить и ещё.

Командование ООР решило теперь нанести контрудар в южном секторе, отбросить и там противника тоже километров на десять. 157-я дивизия как главная сила переходила на левый край

дуги, к чапаевцам. Хотя неприятель по-прежнему превосходил нас численностью в несколько раз, сомнений в успехе нового наступления не было. К тому же в это время в Одессу прибыли 15 танков, артиллерийский полк и дивизион гвардейских миномётов – «катюш», которых здесь, на юге, ещё не видели ни противник, ни даже наши артиллерийские командиры. Контрудар был назначен на 2 октября.

Обезопасив город со всех направлений от артиллерийского обстрела, советские войска намеревались на занятых рубежах поглубже зарыться в землю, то есть получше укрепиться, и провести зиму в обороне. К такому же способу действий, как скоро выяснится, готовились и румыны – зимовать на подступах к городу, поскольку взять Одессу они уже не надеялись.

Если для объяснения этого положения прибегнуть к шахматным терминам, то в партии наших войск и войск врага вроде бы ничья, равновесие. Но ничьей нет. 18 неприятельских дивизий, как 18 пешек, стоят на месте: они не могут продвинуться вперёд, не могут уйти и назад, чтобы подкрепить войска немцев на других направлениях, в частности на Крымском. А с какой фигурой сравнить защитников Одессы? Скорее всего с конём. Конь может бить в разные стороны – так и Одесса держит под боем коммуникации на Чёрном море, воспрещает врагу перевозить на судах боеприпасы, горючее, подкрепления; в Одессе прервалась для врага единственная прибрежная железная дорога; Одесса же грозит и ударом в тыл немецким армиям, дошедшим уже до Азовского моря. Конь ходит всего на четыре клеточки. А если бы Одесса получила в подкрепление много войск? Она стала бы ферзём – могла бы сделать ход не на четыре клеточки, а до самого края шахматной доски, то есть, разгромив румынские дивизии, ударить с тыла по немецким войскам, углубившимся на восток…

Вот таким, достаточно прочным и грозящим врагу, было осенью 1941 года положение Одесского оборонительного района. Нужно было только для упрочения этого положения провести ещё один контрудар.

К контрудару всё было готово, как вдруг в ночь на 1 октября на быстроходном катере из Севастополя в Одессу прибыл заместитель наркома Военно-Морского Флота вице-адмирал Гордей Иванович Левченко. Он привёз приказ Ставки Верховного Главнокомандования об оставлении Одессы. Причём незамедлительном.

РАДИ ПОМОЩИ СЕВАСТОПОЛЮ

Что же случилось? Почему надо было оставлять Одессу?

Крымский полуостров своей географией очень хорош в военном отношении. Он глубоко вдаётся в середину Чёрного моря – в этом его наступательные достоинства. Он соединяется с материком узким, всего 12-километровым перешейком – в этом его достоинства оборонительные. Ни у кого не было сомнений, что перешеек, Перекоп, станет непреодолимой преградой для вражеских войск на их пути к Севастополю. Но случилось такое, что точнее всего можно назвать военным несчастьем – 11-я армия немцев за несколько дней ожесточённых боёв прорвала оборону 51-й армии, недавно сформированной, следовательно, не имевшей боевого опыта, малочисленной и слабо вооружённой артиллерией.

Южнее Перекопа находится городок Ишунь. В этом районе местность тоже удобная для обороны. В момент прибытия адмирала Левченко в Одессу бои шли уже на ишуньских позициях. Но складывались они не в нашу пользу. Нужно было ждать скорой потери и этих рубежей – дорога на Севастополь открывалась врагу. В Севастополе готовы были к действиям лишь несколько тысяч морских пехотинцев. Других войск там не было. И не были окончены работы на оборонительных рубежах вокруг города.

У Ставки, у нашей страны, у нашего народа в те дни не было других войск, кроме Приморской армии, которые можно было быстро переправить на помощь Крыму и Севастополю. Но, может быть, стоило пожертвовать Севастополем ради сохранения Одесского плацдарма? Ведь он укреплён и его рубежи стали непреодолимыми для врага? Нет. Если бы пал Севастополь, то вскоре неизбежно пала бы и Одесса. Она могла жить и бороться, только получая боеприпасы и подкрепления. А их пришлось бы возить из кавказских портов – из одного конца моря в другой. И под непрерывными бомбёжками, без авиационного прикрытия. С падением Крыма мы лишались и находившихся там аэродромов. Вражеские пикировщики потопили бы все наши транспорты и корабли лишь на рейсах в Одессу.

Тебе, дорогой друг, верно, не по себе от того, что случилось на Перекопе и что последовало за этим. Да, так было. Ты представь, как жалко было чапаевцам уходить с позиций, где каждый бугорок, каждый куст колючей травы знаком и окроплён кровью собственной и кровью товарищей. Однако приказ есть приказ. Его исполнение началось незамедлительно. И мы с тобой увидим, как это помогло общему делу борьбы с фашистами. К слову сказать, распоряжение Ставки о немедленном оставлении Одессы основывалось на предложении командования

Черноморского флота.

ТАЙНА И ДЕЗИНФОРМАЦИЯ

…Вот и решено – Одессу оставить. Решено перебросить транспортами, кораблями солдат, морскую пехоту, мирных жителей – добрых сто тысяч человек – в Севастополь и Новороссийск. Вспомни эвакуацию войск из Таллина. Там при отходе морем было много жертв и много было потеряно кораблей. Неужели такое повторится на Чёрном море?..

Черноморцы провели эвакуацию войск из Одессы блестяще. На переходе в Севастополь немецкой авиации удалось потопить лишь один, концевой, транспорт; при этом погибло два матроса, транспорт шёл порожняком, он запоздал с прибытием в Одессу, и на него уже некого было сажать. А на суше неприятель догадался о том, что город оставлен войсками, только спустя шесть часов после ухода судов с последними частями.

Давай разберёмся, как удалось это и почему стало возможным писать в учебниках военно-морского искусства вот такие фразы: «Опыт второй мировой войны и локальных войн США после 1945 года богат многочисленными примерами использования флотов для эвакуации изолированных на суше и прижатых к морю сухопутных группировок войск. Но ни одна из таких операций по своим результатам и искусству не может идти в сравнение с эвакуацией войск из Одессы».

Сначала мы с тобой перечислим обстоятельства, которые отличали обстановку в Одессе от обстановки в Таллине перед оставлением баз.

Первое: на пути из Одессы в Севастополь не было такого огромного количества мин, как на пути из Таллина в Кронштадт. Второе: караван боевых кораблей и транспортов на всём переходе прикрывался истребителями: аэродромы, с которых они взлетали, ещё находились в наших руках. Третье: эвакуация из Одессы не была скоропалительной; хотя началась она через десяток часов после получения приказа, но продолжалась две недели, и командование имело время на подготовку эвакуационных мероприятий.

Как видишь, у Одессы были большие преимущества перед Таллином. Однако, если бы не военная мудрость руководителей ООР, эти преимущества легко было расплескать, как воду из полного ведра.

Самым трудным, самым опасным делом являлся отрыв наших войск от противника. Неприятеля с трудом сдерживали даже на оборудованных рубежах, а как сдержать его, когда войска выйдут

из окопов и траншей, чтобы грузиться на суда?

Великое дело на войне – сохранение планов и намерений в тайне. Вот и приказ об эвакуации Приморской армии не передали шифром по радио – его лично привёз вице-адмирал, заместитель наркома. Но тайна – это только одно крыло. Чтобы взлетела птица военной удачи, ей нужно второе крыло; второе крыло называется дезинформацией. Поверив дезинформации, враг готовится совсем не к тому, что будет на самом деле.

Ты помнишь, после успешного контрудара в восточном секторе было решено нанести 2 октября контрудар в секторе южном. Теперь он вроде был и ни к чему: зачем улучшать позиции, если их предстоит вообще оставить? И всё же утром 2 октября Чапаевская дивизия после артиллерийской подготовки атаковала неприятеля. Одна. Без 157-й дивизии, части которой, погрузившись ночью на два транспорта, уже направлялись в Крым. Второй контрудар должен был уверить противника в том, что приморцы будут оборонять Одессу долгое и долгое время, по крайней мере всю зиму.

В начавшейся игре с противником нельзя было фальшивить. И всё делалось по-настоящему: после контрудара румыны недосчитались четырёх батальонов пехоты и 44 орудий, взятых нами исправными, а мы понесли настоящие потери, один наш полк потерял в атаке убитыми и ранеными почти треть своего состава. Война есть война. От оправданных жертв никуда на войне не деться.

…Один за другим бежали начальные дни октября. Транспорты увозили в Крым войска, орудия, военное имущество, а в Новороссийск – раненых, мирных граждан и заводское оборудование. Загрузившись ночью или под прикрытием дымовой завесы, транспорты шли из Одессы с пустыми палубами. Немецкие самолёты-разведчики видели эти чистые палубы. Видели они также, что на палубах транспортов, шедших в Одессу, громоздились ящики, мешки, железные печки – всё, что нужно войскам на зиму. Неприятельские наблюдатели и на суше обнаруживали признаки подготовки к долгой обороне: грузовики, везущие дезинформационные печки к только что построенным землянкам, солдат, убиравших овощи на пригородных полях… А ушедшие ночью в Одессу и возвращавшиеся в светлое время на передовую подразделения воспринимались ими как свежие подкрепления. О «подкреплениях» свидетельствовали и новые позывные в нашем эфире. Создавая впечатление боевой активности, советские бойцы на разных участках обороны часто завязывали схватки с противником.

Игра шла успешно. Может быть, даже излишне успешно.

Неприятель в результате получил свежие дивизии и 9 октября атаковал наши позиции по всему фронту. Ты можешь, дорогой друг, представить, как это было опасно! Из Одессы к этому времени убыли тысячи солдат и множество орудий. Однако приморцы отбили новые атаки. Отбили ослабленными силами, с большим уроном для противника. Нельзя было показать врагу, что наших стало меньше. На многих участках приморцы сами атаковали. Чапаевцам удалось окружить неприятельский полк. Он только убитыми потерял больше тысячи человек. И ещё потерял своё знамя. Пожалуй, это было первое вражеское знамя, захваченное советскими солдатами в Великой Отечественной войне. Запомни знаменательную для нас дату – 9 октября 1941 года. И ещё запомни 6 декабря 1941 года; в тот день в контрнаступлении под Москвой было захвачено первое знамя немецкого полка. Потом-то таких знамён захватим множество, столько, что хватит завалить ими брусчатку у Мавзолея на Красной площади. Но первые есть первые…

Между тем приближался день, когда должно было совершиться главное – отрыв четырёх наших дивизий от противника. Так как же удалось до конца одурачить противника и незаметно для него посадить на транспорты в последний день обороны 35 тысяч человек?

ОТСТУПЛЕНИЕ НЕПОБЕЖДЁННЫХ

Первоначальный план предлагал отвести дивизии с их позиций на рубеж прикрытия, то есть на самый близкий к городу. Две дивизии из четырёх через сутки, ночью, посадить на транспорты. Две оставшиеся будут в это время держать оборону – дуга рубежа прикрытия короткая, и войск для надёжной обороны хватило бы. Через двое суток должны были уйти на суда и последние две дивизии. Думаю, тебе, читатель, виден изъян такого плана. Судьба двух последних дивизий не может не тревожить. Конечно, по неприятелю в момент отхода ударят корабли и береговые батареи, поставят огневой заслон на пути преследователей, но две отходящие дивизии и восемнадцать преследующих – такого соотношения никаким огнём не исправишь.

Командование ООР в течение нескольких дней искало лучшее решение. И нашло! Прочтём об этом в книге «Не померкнет никогда!» Николая Ивановича Крылова. Но прежде вот что: командующий Отдельной Приморской армией Георгий Павлович Сафронов в первых числах октября тяжело заболел, на этот пост был назначен Иван Ефимович Петров – ты знаешь, что он

командовал Чапаевской дивизией.

Итак, слушаем человека, занимавшего пост начальника штаба Отдельной Приморской армии:

«…уже к 6-7 октября в оперативном отделе штаба армии созрела, как плод коллективной мысли и поисков, идея отвести дивизии с занимаемых позиций не на промежуточные рубежи, а прямо к пунктам посадки на суда – одним броском. И не двумя эшелонами, а все четыре дивизии в одну ночь.

Мы исходили из того, что вывод войск из боя, растянутый на четверо суток с занятием промежуточных рубежей, почти неизбежно раскроет противнику наше намерение оставить Одессу. И если ещё удастся прикрыть отход и посадку на суда двух первых дивизий, то две вторые могут быть запросто смяты и разгромлены, не дойдя до причалов. Такой финал эвакуации представлялся довольно вероятным, если учесть, сколько дивизий мог бросить враг на преследование двух отходящих наших.

Конечно, и одновременный отход всех войск был сопряжён с риском. Но этот риск мог быть не столь уж большим, если обеспечить скрытность отхода основных сил с переднего края, хорошо организовать прикрытие арьергардами и вообще тщательно продумать все детали.

Поздно вечером 7 октября новый план обсуждался на совещании. Общее мнение свелось к тому, что план может быть осуществлён, если удастся перед оставлением Одессы продемонстрировать высокую активность на фронте, предварив и сам отход войск достаточно сильным ударом по противнику, имитирующим подготовку большого наступления».

Отход четырёх дивизий в порт, посадку их на транспорты решили провести в ночь на 16 октября. Утром 15-го числа в Одессу пришли двенадцать больших судов и отряд кораблей эскадры: крейсеры «Красный Кавказ», «Червона Украина» и четыре эсминца. До начала операции оставалось менее полусуток, но, как прежде, соблюдались приёмы дезинформации: у причалов, где были транспорты, поставили дымовые завесы, будто шла разгрузка, пустые грузовики, затянутые брезентом, уезжали в сторону передовой.

Конечно, фашистские лётчики заметили скопление судов и кораблей. Бомбардировщики несколько раз за день налетали на порт. Но там было много зенитных орудий, и налёты не причинили вреда.

Прибытие большого числа различных судов неприятель истолковал как намерение советских войск перейти в наступление. Наши артиллеристы поддерживали эту уверенность: в 10 утра корабельные, береговые и полевые орудия открыли

ураганный огонь по всему переднему краю неприятеля, затем ударили по его тылам и снова по передовым позициям. Днём 20 наших бомбардировщиков обработали передний край бомбами. Другая группа бомбардировщиков нанесла удар по аэродромам врага. Делалось всё, что делается перед мощным наступлением.

А в это время – всё ещё с соблюдением тайны – красили белилами фанерные щиты и припасали мешки толчёного мела: щиты, как только наступит тёмная осенняя ночь, поставят вдоль маршрутов отходящих войск, мелом посыплют полосы на дорогах, ведущих в порт. И ещё – в военной типографии печатали листовки, их расклеят на улицах тоже ночью. Для горожан. «Не навсегда и не надолго оставляем мы нашу Одессу. Мы скоро вернёмся, товарищи!..»

В 9 часов вечера тридцать с лишним тысяч бойцов снялись с позиций и двинулись к городу, к порту. В окопах остались арьергардные батальоны. Потом и они – перед рассветом – ушли. Их место заняли партизаны – ружейным, пулемётным огнём, пуском ракет они создавали видимость того, что вся армия в окопах и блиндажах. Били береговые орудия – те, что скоро будут взорваны. Били бронепоезда, они тоже скоро будут взорваны. Орудия крейсеров, направленные на края дуги, на фланги оставленных рубежей, молчали, но были готовы мгновенно открыть огонь, если бы враг вдруг понял, что происходит, и попытался бы прорваться с кратчайших направлений к порту.

Но враг ни о чём не догадывался.

Один за другим, закончив приём бойцов, транспорты в сопровождении тральщиков, сторожевиков и катеров выходили в море. Арьергардные подразделения погрузились на боевые корабли. В 5 часов утра из Одессы ушли последние суда.

На целых 30 миль вытянулась колонна транспортов и кораблей. Немецкая авиация обнаружила огромный конвой лишь во второй половине дня (тогда же обескураженное командование румынской армии призналось в своём ротозействе). Начались налёты пикировщиков. Как уже говорилось, потопили они только пустой транспорт. Неудача неприятеля объясняется в основном тем, что конвой прикрывали с воздуха наши истребители, взлетавшие с крымских аэродромов. Они провели над транспортами 23 воздушных боя, сбили при этом 17 машин врага. Три «юнкерса» сбили зенитчики кораблей. У нас тоже были потери в самолётах, погибли 6 истребителей.

Так закончился отход Приморской армии из Одессы. В ночь на 17 октября последние подразделения сошли с судов на причалы Севастополя.

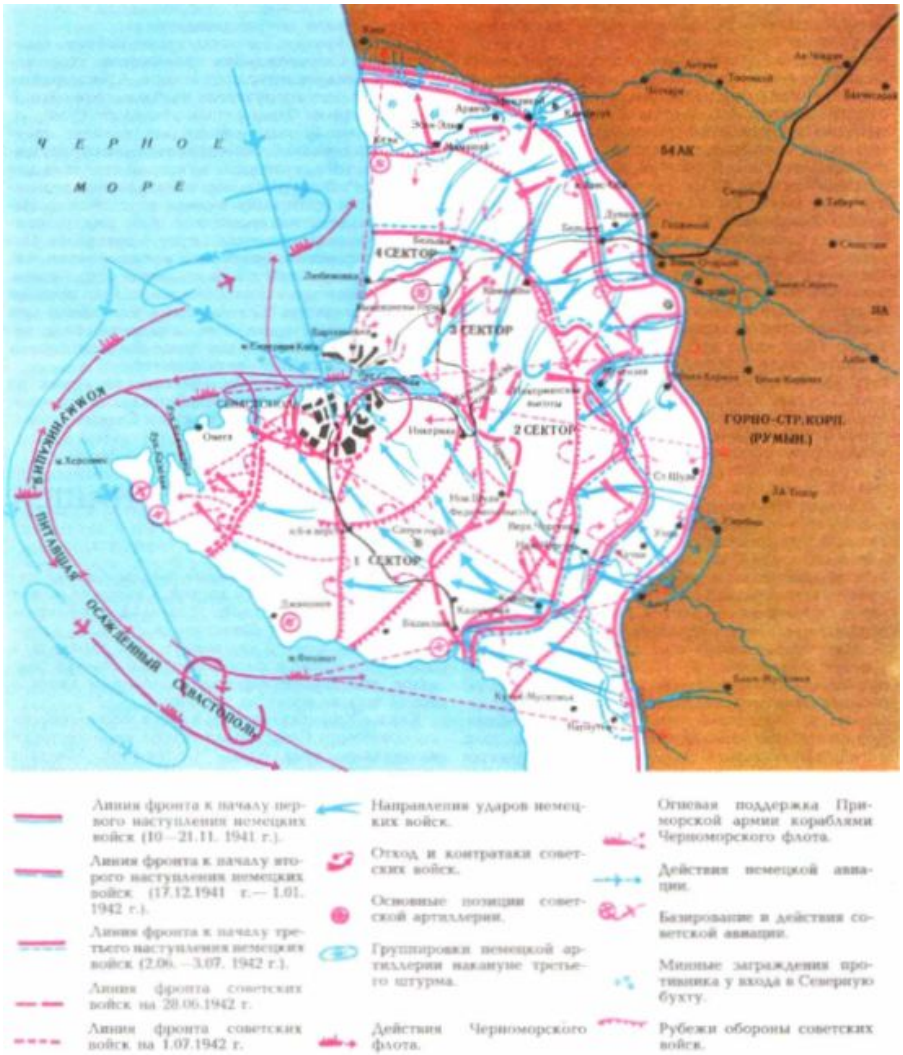
ДВОЙНАЯ ЗВЕЗДА НАШЕЙ СЛАВЫ

Во вселенной есть двойные звёзды. Сияние одной сливается с сиянием другой, и никто не может не дивиться этому. С двойной звездой можно сравнить военную славу Севастополя. Дважды, с промежутком менее ста лет, вокруг этого города шли бои; в них армия и флот совершили столько подвигов, что другим народам с избытком хватило бы на всю их военную историю.

Как и в Крымскую войну, в дни и месяцы обороны советского Севастополя газеты мира пестрели названиями: река Альма, Сапун-гора, Малахов курган, Камышовая бухта… Эти святые названия обязывали советских командиров и бойцов не посрамить доблести старых черноморских адмиралов и матросов. Они не посрамили. Многократно превзошли её. Потом, когда враг будет выбит из Севастополя, тысячи матросов получат в награду медали Нахимова, первым кавалером ордена Нахимова станет один из героев Севастополя, генерал-лейтенант береговой службы Пётр Алексеевич Моргунов.

А погибшие герои удостаивались чести быть погребёнными на Малаховом кургане у памятника адмиралу Корнилову.

Шестнадцать километров отделяли фашистов от города. На преодоление этого расстояния они потратили 250 дней – при огромном превосходстве в самолётах и танках, при двойном превосходстве в людях, сосредоточив на каждом километре фронта столько орудий, сколько не сосредоточивали ни в одной другой операции за всю войну.


Ч Е Р Н О Е
М О Р Е
54 АК
4 СЕКТОР
3 СЕКТОР
2 СЕКТОР
1 СЕКТОР
ГОРНО-СТР. КОРП. (РУМЫН.)
ОСАЖДЕННЫЙ СЕВАСТОПОЛЬ
Линия фронта к началу первого наступления немецких войск (10—21.11. 1941 г.).
Линия фронта к началу второго наступления немецких войск (17.12.1941 г.— 1.01. 1942 г.).
Линия фронта к началу третьего наступления немецких войск (2.06. —3.07. 1942 г.).
Линия фронта советских войск на 28.06.1942 г.
Линия фронта советских войск на 1.07.1942 г.
Направления ударов немецких войск.
Отход и контратаки советских войск.
Основные позиции советской артиллерии.
Группировки немецкой артиллерии накануне третьего штурма.
Действия Черноморского флота.
Огневая поддержка Приморской армии кораблями Черноморского флота.
Действия немецкой авиации.
Базирование и действия советской авиации.
Минные заграждения противника у входа в Северную бухту.
Рубежи обороны советских войск.

Героическая оборона Севастополя 1941 – 1942 гг.

Как немцы подошли к Севастополю? Мы с тобой знаем, что Отдельная Приморская армия в полном составе прибыла в Севастополь. Её дивизии и полки сразу же поспешили на север Крыма – в район Ишуни и Воронцовки. Там наша 51-я армия едва сдерживала натиск 11-й армии фашистов. Хотя приморцы быстро прибыли в угрожаемый район, они не смогли исправить положение. Оказавшись на неподготовленных позициях среди голой степи, войска понесли большие потери от авиации и танков противника. Обе наши армии стали отходить.

Посмотри карту Крыма. Изучи её. Иначе трудно будет представить, как развивались события. Обрати внимание на рельеф полуострова. Северная и средняя части Крыма равнинные.

На юге горы. Между горами и морем тянется ровная прибрежная полоса. Местами она до десяти километров шириной, местами горы подходят к морю вплотную. Проследи, как идут в Крыму дороги. Обрати внимание на основную магистраль Джанкой – Симферополь – Севастополь, на дороги Евпатория – Севастополь и Ялта – Севастополь.

Рассмотри Керченский полуостров. От Перекопа через Джанкой до Керчи проложены железная дорога и шоссе. Вдоль этой магистрали и отходила на Керчь 51-я армия.

А куда отходить приморцам? И вообще, что делать им? Фашисты вдруг ослабили атаки с фронта, будто не желали сражаться с Приморской армией. Это могло означать, что немцы основные силы бросили на преследование 51-й армии, чтобы, как говорят, на плечах отступающих войти в Керчь, затем переправиться на Таманский полуостров, а там уж совсем близко Новороссийск и кавказские порты. Странное поведение немцев могло означать и другое: Манштейн, атакуя небольшими силами, хочет удержать на месте Приморскую армию, а сам тем временем основными силами обходит армию с фланга. Зачем? Затем, чтобы, оставив приморцев у себя в тылу, на равнине Крыма, стремительно броситься через горы на Севастополь. Там сейчас нет наших сухопутных войск, там только малочисленные отряды моряков – главную базу Черноморского флота можно взять за несколько дней.

Догадка об истинных намерениях фашистского генерала скоро подтвердилась – немецкие танки ушли далеко на юг и перерезали основную дорогу на Севастополь. Танки фашистов встали между Симферополем и Бахчисараем, у моста через реку Альму – пропускать на юг своих и не пропускать приморцев. Немцы заняли и все проходы в горах.

Иван Ефимович Петров (он вступил в командование Отдельной Приморской армией) мог повести свои войска тоже на Керчь. Для армии этот путь был безопаснее. Путь же на Севастополь грозил новыми потерями: в горах войска подвергнутся бомбёжкам и очень сложно будет двигаться по бездорожью с тяжёлыми орудиями. Но если не пойти к Севастополю, кто же защитит его? Он приказал армии идти к Севастополю. Ставка одобрила такое решение.

Не надо думать, что 51-я армия не имела резона идти на Керчь. Этот район тоже был очень важным. Как мы уже говорили, от Керчи открывался путь на Новороссийск, а затем на Туапсе, Поти, Батуми – к последним портам нашего флота на Чёрном море. Кому-то и этот район надо было прикрывать. К сожалению, 51-я армия не смогла удержаться на Керченском полуострове. По

приказу Верховного Главнокомандования она оставила Керченский полуостров. В ночь на 16 ноября Азовская флотилия, которой командовал контрадмирал С. Г. Горшков, в штормовую погоду, под непрерывными бомбёжками и обстрелом с берега переправила войска на Таманский полуостров.

ГЕРОИ ПЕРВЫХ ДНЕЙ ОБОРОНЫ

Всё начало ноября приморцы с непрестанными боями пробивались через горы к Алуште и Ялте, чтобы прибрежной полосой выйти к Севастополю.

Опередив наши сухопутные войска, к Севастополю спешили и немцы. Они двигались к городу по трём шоссе: от Евпатории, от Ялты и от Симферополя. Приморцы выйдут на рубежи обороны лишь 7-9 ноября. Остановить противника предстояло одним морякам.

Севернее Севастополя, около деревни Николаевки, стояла береговая батарея № 54. Ею командовал старший лейтенант Иван Заика. Вечером 30 октября разведчики обнаружили на шоссе колонну танков и мотопехоты фашистов. С той вечерней минуты начался отсчёт месяцев героической обороны. Четыре 102-миллиметровых орудия ударили по танкам и грузовикам с пехотой. Внезапный губительный огонь заставил немцев остановиться и рассредоточиться. Тогда батарея накрыла своими снарядами колонну мотопехоты, которая двигалась восточнее, направляясь к Альме.

На подавление батареи немцы послали авиацию. После бомбёжки в атаку пошли танки и пехотный полк. Гарнизон Ивана Заики – несколько сот бойцов – выдержал бомбёжку, отбил атаку. Наступившая ночь прервала бой.

Ранним утром 31 октября в район Николаевки пришёл эсминец «Бодрый». Огнём своих орудий он помогал артиллеристам-береговикам. «Юнкерсы» на время оставили батарею и принялись бомбить корабль. Уклоняясь от бомб, эсминец ушёл в базу. Батарейцы продолжали отбивать атаки противника. Скоро батарея была окружена. Вышли из строя три орудия. Артиллеристы отгоняли врагов от батареи винтовочным и пулемётным огнём. Потом пошли в ход гранаты, начались рукопашные схватки. «Противник находится на позиции батареи. Связь кончаю…» – таким было 2 ноября последнее донесение комбата.

К Николаевке были посланы тральщик и два катера. Они приняли на борт 28 артиллеристов. Остальные полегли у своих орудий.

Трое суток преграждала путь на Севастополь батарея. От её огня и огня эсминца немцы потеряли на Евпаторийском шоссе 16 танков и восемь сотен солдат.

Основные силы немцев наступали по Симферопольскому шоссе. Противник занял Бахчисарай и устремился к Дуванкою (теперь Верхне-Садовое, найди его на карте). От Дуванкоя по долине реки Бельбек немцы намеревались прорваться к Северной бухте, то есть выйти на окраину Севастополя. Но и здесь так же самоотверженно, как моряки-артиллеристы, стояли на пути врага морские пехотинцы. Уже 31 октября около Дуванкоя начались яростные бои. Моряки связками гранат, бутылками с горючей жидкостью подрывали и поджигали танки, пулемётным огнём истребляли пехоту. Опустошения в рядах атакующего противника производили залпы береговых батарей. А фашисты лезли и лезли, не считаясь с потерями. Гитлер приказал взять Севастополь 1 ноября.

Был день у Дуванкоя, когда на позиции морской пехоты шло около сотни танков. Только истинные храбрецы могли сдерживать такой натиск. И не просто храбрецы.

Совершенно удивительный по силе мужества бой провели против 23 танков четверо моряков во главе со своим политруком.

Батальон военно-морского училища сдерживал противника на Симферопольском шоссе. Батальон был только по названию. Бойцов в нём оставалось меньше роты, а командиров – старший политрук Е. О. Мельник и политрук Н. Д. Фильченков. Немцы захватили в стороне от шоссе важную высоту, с неё контролировалось движение в сторону Севастополя. В сумерках 5 ноября Фильченков повёл группу бойцов в атаку и выбил немцев с высоты. Днём 6 ноября немцы попытались вернуться. Они пошли на высоту под прикрытием отары овец – гнали их впереди себя. Курсанты открыли огонь, испуганные овцы разбежались, бежали и немцы.

Моряки понимали, что теперь противник будет атаковать наверняка, вызовет или бомбардировщики, или танки.

От бомбёжки можно укрыться в окопах. С танками сложнее: орудий нет, есть только гранаты и бутылки с зажигательной жидкостью. Мельник и Фильченков предположили, что к высоте танки пойдут по дороге, которая отходила от шоссе. У развилки был полуразрушенный блиндаж. Решили встретить танки в этом месте.

С коммунистом Николаем Фильченковым вызвались пойти комсомольцы Василий Цибулько, Юрий Паршин, Иван Красносельский, Даниил Одинцов. Взяли пулемёт, гранаты, бутылки.

Ночью тревожным сном по очереди спали в блиндаже.

Они, конечно, не представляли, как сложится бой и чем он закончится. Знали, что будет очень трудно, смертельно опасно, придётся умереть, но у каждого, несомненно, теплилась надежда остаться живым. Ничего предосудительного в этой надежде не было. В конце концов, война-то шла за то, чтобы люди жили…

Они умерли не в море, а на земле. Но за морскую святыню – Севастополь. Храбрейший матрос Кошка поклонился бы им за такую доблестную смерть, и все три черноморских адмирала – Истомин, Корнилов, Нахимов – поклонились бы.

Танки, семь штук, а под их прикрытием автоматчики появились из-за поворота дороги на рассвете 7 ноября. Немцы решили пораньше взять высоту, чтобы днём двигаться дальше. Моряки, находившиеся на высоте со старшим политруком Мельником, открыли огонь по автоматчикам, задержали их. Танки одни подошли к месту, где залегли пятеро истребителей.

Василий Цибулько ударил из пулемёта по смотровой щели первого танка. Машина была очень близко, стрелял он метко. Видимо, был сразу же убит водитель – танк остановился. Его тут же забросали гранатами и бутылками. Второй танк подбил гранатами Иван Красносельский. Загорелся третий танк. И четвёртый загорелся. Остальные три не выдержали риска, ушли за поворот дороги. Следом бежали автоматчики.

Вот как счастливо начался этот неравный бой! Высота осталась нашей. У моряков ни царапины. И догорают четыре фашистских танка.

Ничто не сближает людей так быстро, так крепко, как удача, достигнутая в труднейшем бою. Останься пятеро живы после поединка с танками и после всей войны, они были бы друг другу роднее, чем братья, дети одного были бы родными для детей других и внуки тоже…

Когда прошло возбуждение боя, когда они осознали, какую победу одержали, почувствовали себя на вершине счастья. Шутка сказать – впятером поработали за целую противотанковую батарею.

Стояла тишина. Курсанты и командир пообедали, как обедают, закончив тяжёлую, но добрую работу.

Только для них работа на четырёх сгоревших танках не кончилась. Из-за поворота показались 15 танков.

Моряки, как и утром, подпустили вражеские машины совсем близко. Цибулько опять ударил из пулемёта по смотровой щели водителя. И опять убил (или ранил) фашиста – танк остановился. А дальше всё пошло по-иному, В руку нашему пулемётчику попала пуля. Кончились патроны. Тогда он со связкой гранат

пополз навстречу второму танку. В тот миг, когда гранаты разорвали гусеницу, вторая пуля попала в храбреца – не убила, тяжело ранила. Третий танк подбил Иван Красносельский и тут же был убит наповал.

У моряков кончились бутылки с горючей жидкостью. Осталось по связке гранат. Они могли подорвать ещё три танка. Но в том случае, если каждый бросит свою связку точно под гусеницу. И вот, чтобы исключить промах, Николай Фильченков привязал свои гранаты к ремню, ринулся к танку и лёг под гусеницу живой миной.

Политрук, когда привязывал гранаты к ремню, ничего не сказал Паршину и Одинцову. Ничего не крикнул им, когда бежал из укрытия к танку. Нет такого приказа в армии и на флоте: «Соверши подвиг!» А позвать на подвиг командир может – личным примером. Помнишь, дорогой читатель, слова Драгомирова: «На смерть идут у того, кто сам смерти не сторонится». Паршин и Одинцов привязали свои гранаты к своим ремням. И ещё два танка подорвались на пути к высоте. А высота, как помнишь, контролировала шоссе, ведущее в Севастополь.

Фашисты, сидевшие в танках, верно, думали, что в обвалившемся блиндаже скрываются десятки морских пехотинцев и что будут они выбегать оттуда, обвязанные гранатами, до тех пор, пока не взорвут последнюю машину. Танки повернули и ушли. Как ушли недобитые танки накануне. И так же за танками побежали автоматчики, не выдержав огня моряков, занимавших высоту.

Когда к месту боя спустились с высоты товарищи, Василий Цибулько был ещё жив. Он умер у них на руках.

ПЕРВЫЙ ШТУРМ СЕВАСТОПОЛЯ

В этот же день начали выходить из гор и занимать оборону вокруг Севастополя части Приморской армии. Приморцев осталось 8 тысяч. Но это были опытные бойцы, к тому же армия сохранила почти всю свою артиллерию, и, хотя напряжение боёв не ослабевало, у защитников города появилась уверенность, что враг будет остановлен. Из Новороссийска в Крым спешили корабли и транспорты с войсками, оружием, боеприпасами. 10 ноября город уже защищали 52 тысячи бойцов.

Фашисты тоже получили подкрепления. У них прибавился целый армейский корпус. 11 ноября Манштейн двинул свои войска на штурм Севастополя. Многочисленную и хорошо вооружённую армию Манштейна немецкое командование рассчитывало в скором времени бросить на Ростов, на Кавказ, и

честолюбивый генерал старался поскорее взять Севастополь. К тому же Гитлер подарил ему дворец в Алупке – отблагодарить щедрого фюрера можно было только быстрой победой в Крыму.

Мы с тобой знаем, что главной силой в обороне Ленинграда и Одессы была артиллерия – корабельная, береговая, полевая. Главным оружием севастопольцев тоже были пушки: самолётов у них было мало, танков – считанные единицы. Это знал противник. И в самом начале штурма немцы направили эскадрильи бомбардировщиков на подавление артиллерийских кораблей, береговых и полевых батарей.

Особо яростной бомбёжке подвергся стоявший в бухте у стенки крейсер «Червона Украина». Снаряды его тяжёлых орудий доставали противника по всему оборонительному обводу и причинили немцам большие потери. Корабль получил прямые попадания, 12 ноября он затонул. Хотя крейсер был старой постройки (в Севастополе остались только старые корабли, новые ушли в порты Кавказа), потеря была очень ощутимой. Но на ней, по сути, и кончились успехи врага. Береговые батареи им не удалось разрушить, не удалось побить орудия сухопутных войск. А незначительное продвижение к городу фашисты оплатили гибелью тысяч солдат.

Главный удар противник наносил от Ялты на Балаклаву. Вспомогательный – на Черкез-Кермен и Мекензию. Почему выбраны эти направления? И почему Балаклавское главное, а не наоборот? Ведь от Мекензии до Севастополя ближе всего. Местность у Севастополя холмистая, гористая, изрезанная глубокими оврагами, поросшая лесами. Танки и орудия для передвижения нуждаются в хороших дорогах или, по крайней мере, в ровной местности. Удобнее, чем Ялтинское шоссе, пути нет. Вдоль него и наносится главный удар. У селений Черкез-Кермен (теперь Крепкое) и Мекензии только грунтовые дороги, но наступать всё же можно – на юго-западе расположена долина Кара-Кобя, по ней танки могут дойти до реки Чёрной, а речная долина выводит к Северной бухте, к окраинам Севастополя. Найди селения на схеме обороны города. Найди долины. Отыщи Дуванкой, где сражался курсантский батальон. К схеме мы с тобой будем обращаться не однажды.

Когда ты найдёшь Дуванкой, у тебя, видимо, возникнет вопрос: «Почему немцы не наносят удар вдоль Симферопольского шоссе?» По нему ведь тоже удобно катиться танкам и мотопехоте… Дело в том, что Манштейн боится там наступать. Он уже пытался прорваться по этому шоссе в Севастополь, но не смог. Гитлеровский генерал предполагал, что теперь там наше сопротивление будет ещё твёрже, что там прибавились наши

войска. Конечно, войска наши прибавились. Но их не так много, как думал Манштейн. А ввела его в заблуждение 8-я отдельная бригада морской пехоты, занимавшая оборону в районе горы Азис-Оба.

Несколько рот моряков ещё 7 ноября провели разведку боем и выбили фашистов с важных высот, при этом противник потерял 250 человек убитыми, были захвачены пленные, десяток миномётов, два десятка пулемётов и три орудия. Эту разведку немецкое командование приняло за наше контрнаступление. Чтобы отразить его, оно перебросило к горе Азис-Оба целую дивизию. Манштейн после войны в книге «Утраченные победы» писал по этому случаю: «Противник счёл себя даже достаточно сильным для того, чтобы начать наступление с побережья севернее Севастополя против правого фланга 54-го корпуса. Потребовалось перебросить сюда для поддержки 22-ю пехотную дивизию из состава 30-го армейского корпуса». Найди на схеме 54 АК и 30 АК – армейские, то есть пехотные, корпуса немцев. Понял, что получилось? Главный удар наносит 30-й корпус, а из двух его дивизий одну перед самым наступлением фашисты перебросили к горе Азис-Оба. Они сами ослабили свои силы на направлении главного удара.

Первый штурм города длился с 11 до 21 ноября. В том, что он не удался противнику, главной причиной была, конечно, не ошибка Манштейна, а железная стойкость советских войск у Балаклавы и у Мекензии. Одиннадцать дней штурма дали Севастополю новых героев во всех родах войск.

В те дни лётчик-истребитель Яков Иванов сбил пять самолётов, два из них тараном. Таранили противника лётчики Е. Рыжов, Н. Савва, А. Карасёв.

Вдохновенно сражались артиллеристы. Башни и орудия береговых батарей были пёстрыми от осколочных ударов, местность вокруг была изрыта и сожжена бомбами. Полевым батареям часто приходилось бить прямой наводкой по атакующему врагу; наводчики, заряжающие и комбаты, защищая свои орудия, сходились врукопашную с немецкими автоматчиками. Но и в таких условиях артиллерия исполняла главное дело – уничтожала скопления танков и пехоты противника, не давала врагам наступать. Так 17 ноября у селения Камары (на Ялтинском шоссе, на направлении главного удара) огнём тяжёлой артиллерии приморцев и огнём береговых батарей была в самом начале пресечена танковая атака. Около 40 немецких танков устремились на прорыв наших позиций, чтобы затем ринуться к Севастополю. Было краткое, но страшное столкновение металла брони с металлом и огнём снарядов. Из

побоища ушли назад лишь несколько машин.

В ноябре фашисты от огня артиллерии потеряли свыше 70 танков и бронемашин. К этим семи десяткам прибавляли танки пехотинцы. Один уничтожила боец Чапаевской дивизии Нина Онилова. Перед войной Нина работала на Одесской трикотажной фабрике. Когда город был окружён, она вместе с подругами-комсомолками пошла на фронт санинструктором. Её определили к чапаевцам в Разинский полк. Санинструктор из неё получился хороший. Бесстрашно выносила раненых с поля боя, терпеливо ухаживала за ними. Но оказалось, что она ещё и лучшая пулемётчица. В одном бою пулемётчик никак не мог исправить пулемёт. На счастье, недалеко была Нина. Пулемёт она исправила, сама же отогнала меткими очередями немцев. Так она стала командиром пулемётного расчёта, в её подчинении были два пожилых солдата, которые звали своего командира дочкой.

Под Одессой был у неё бой, напоминавший эпизод из фильма «Чапаев». В фильме Анка-пулемётчица подпускает атакующих белогвардейцев совсем близко и в буквальном смысле слова косит цепи врага. Нина Онилова так же хладнокровно подпустила фашистов к линии окопов; когда казалось, что фашисты через минуту ворвутся на наши позиции, когда незнакомый командир хотел уже оттолкнуть пулемётчицу и сам лечь за пулемёт, Нина точными очередями расстреляла врагов. После того боя у Нины Ониловой появилось второе имя – Анка-пулемётчица. На её счету были сотни истреблённых фашистов. Таким числом, делающим честь любому пулемётчику-мужчине, она оправдывала своё второе имя.

Под Одессой Нину Онилову ранило. В тыловом госпитале рана зажила. Великая настойчивость да ещё орден Красного Знамени помогли девушке снова попасть на фронт, в родной Разинский полк.

А полк, как и вся дивизия, был в это время на обороне Севастополя, занимал позиции у Мекензии и Черкез-Кермена на направлении вспомогательного удара фашистов.

21 ноября немцы предприняли здесь очередную, как оказалось, последнюю попытку прорвать нашу оборону. Утром они атаковали Разинский полк пехотой и танками. И Нина стала участницей отражения первого штурма.

Верная своей манере боя, которая происходила из слияния бесстрашия, точного глазомера и полного владения оружием, она подпустила фашистских автоматчиков на свою выверенную короткую дистанцию. Когда те, уже не ведая опасности, занятые только мыслью поскорее спрыгнуть в наши окопы, неслись по каменистой земле, пулемётчица скосила их около сорока. А

потом вблизи ехал танк. Нина попала в него бутылкой с зажигательной смесью. И танк сгорел. Удивительная девушка! Те, кто знал её, говорят, что она была небольшого роста, круглолицая, ладони у неё были маленькие… В то утро Нину контузило – очень близко разорвалась вражеская граната.

…Погибла Нина Андреевна Онилова в феврале 1942 года. После второго штурма Севастополя. В самое тихое для города время. Тогда были лишь местные бои. Её пулемётный расчёт прикрывал разинцев, выходивших из немецкого тыла. Осколок попал Нине в грудь. Ранение оказалось тяжёлое. Умирала пулемётчица в госпитале. К ней пришёл проститься командующий Отдельной Приморской армией, бывший командир Чапаевской дивизии, генерал Петров. Иван Ефимович прощался с Ниной за всех приморцев, за весь Севастополь – не было в окружённом Севастополе человека, который не знал бы, не любил бы, не ставил себе примером маленькую комсомолку из Одессы.

«Спасибо тебе, дочка, от всей армии, от всего нашего народа…»

Вот и командарм звал Нину дочкой. А молодые мужчины звали её сестрёнкой.

Такая уж тяжёлая была война, что отцы не могли обойтись без помощи дочерей, а братья – без помощи сестёр.

ВТОРОЙ ШТУРМ СЕВАСТОПОЛЯ

Конец ноября и начало декабря 1941 года были для Севастополя сравнительно тихие. Можно было приготовиться к зиме. Крымская зима мягкая, но всё же зима. Бойцы получали шапки, ватники, тёплое бельё. Доделывали, достраивали землянки и блиндажи, прилаживали в них печки, чтобы можно было укрываться в подземельях не только от пуль и осколков, но и от холодов.

Конечно, тишина была обманчивая. Это знали все. А лучше других – разведчики. К немцам подошла новая пехотная дивизия, отборная, в ней не было солдат, только ефрейторы. Прибавились танки. Мощные тягачи подтащили два дивизиона 360-миллиметровых орудий. Потом были замечены орудия калибром 615 миллиметров: немецкая авиация не смогла разрушить наши береговые батареи, теперь противник решил уничтожить их снарядами сверхтяжёлой артиллерии.

Приморцы тоже получали подкрепления. Из кавказских портов шли корабли и транспорты. Они приходили в бухты Севастополя ночью, ночью же с них сходили войска, сгружались боеприпасы, горючее, продовольствие, грузились раненые, дети,

женщины, старики, и ещё до рассвета Севастополь прощался с отважными моряками. Тёмное время помогало конвоям избегать встреч с торпедными катерами и подводными лодками противника, с бомбардировщиками и самолётами-торпедоносцами.

С затонувшего крейсера «Червона Украина» и двух повреждённых эсминцев сняли орудия – 130-миллиметрового и 100-миллиметрового калибра. Установили их на суше. Так прибавилось у нас ещё 8 береговых батарей.

16 декабря всё ещё стояла тишина.

Спокойная стояла ночь, наступившая за тем вечером. А утро началось в грохоте взрывов. Противник обрушил на передний край Разинского полка град снарядов. Разведчики доложили: немцы взрывают свои минные заграждения – не снимают мины, а взрывают, чтобы в кратчайший срок была готова дорога к броску на наши траншеи. В коротких паузах между взрывами слышались моторы танков.

Мы с тобой говорили о 8-й бригаде морской пехоты. Её позиции у горы Азис-Оба тоже подверглись жесточайшему артобстрелу, бомбёжке и непрерывным атакам пехоты и танков. Посмотри схему. Найди гору Азис-Оба, найди селение Камышлы. В этом районе немцы наносят, как теперь уже ясно, главный удар. Его направление – вдоль долины реки Бельбек с выходом к Северной бухте. Ширина фронта, на котором этот удар наносится, 10 километров.

Яростному натиску подверглись позиции 7-й бригады морской пехоты. Они в районе селения Нижний Чоргунь. Здесь наносится вспомогательный удар – по долине реки Чёрная на Инкерман, и тоже с выходом к Северной бухте.

Если Манштейну удастся его замысел, то немцы выйдут к Севастополю и одновременно возьмут в кольцо, отрежут от города центральную, самую сильную группировку наших войск. Взять город немцы намереваются в четыре дня.

…Началась новая череда подвигов на земле Севастополя. Военные подвиги не бывают без крови, без смерти. Тысячи отважных бойцов и командиров погибли, отражая тот штурм. Ещё больше погибло фашистов. В частях противника к концу штурма полностью сменился личный состав, то есть те, кто начинал штурм, были убиты или ранены. Целью подвигов советских воинов и было задержать врага, истребить его.

За четыре дня, отведённые немецким командованием для завершения операции в Крыму, враг оттеснил наши войска на севере к станции Мекензиевы Горы, на юго-востоке – к Верхнему Чоргуню. Севастополь не был взят. Но посмотри, как близко враг

подошёл к городу. Как опасно это! Ещё немного, и враг прорвётся к Северной бухте.

В этот критический момент из Новороссийска и с Кавказа пошла на кораблях в Севастополь помощь – две морские бригады и стрелковая дивизия. В море корабли были атакованы бомбардировщиками. Тяжёлая артиллерия противника обстреляла отряд при входе в Северную бухту. Несмотря на это, крейсеры «Красный Кавказ», «Красный Крым», лидер «Харьков», эсминцы «Бодрый» и «Незаможник» без потерь прорвались в гавань, начали высаживать 79-ю особую морскую стрелковую бригаду.

Были часы, когда казалось, что бригада не успеет высадиться на берег, что немцы вот-вот пробьются к причалам. Снова выручила артиллерия. По наступающему со стороны Мекензиевых Гор противнику открыли огонь орудия кораблей: морская пехота сходила на причалы, а комендоры в это время вели огонь. И очень помог артиллерийский полк Богданова. Случилось так, что именно на него вышли атакующие подразделения немцев. Наша пехота откатилась к самым орудиям, и полк лишился пехотного прикрытия. В богдановском полку были 107-миллиметровые пушки, такие махины быстро не перевезёшь на другое место, да и не думали артиллеристы об отступлении, отступать, по сути, было некуда. С дистанции 300 метров богдановцы открыли огонь прямой наводкой. Группы артиллеристов с автоматами и гранатами, увлекая за собой пехотинцев, контратаковали немцев. И немцы покатились назад. Морская бригада высадилась без помех, тут же двинулась на позиции.

22 декабря морские пехотинцы отбросили противника к реке Бельбек. А когда высадились и вступили в бой новые войска, немцы отступили за речную долину.

После недолгого затишья в районе Мекензиевых Гор снова начались ожесточённые бои. Манштейн поставил своим войскам очередной, последний срок взятия Севастополя – к Новому году.

Несомненно, к самым памятным событиям последних дней уходившего 41-го года принадлежат события, связанные с севастопольской артиллерией. Они очень разные от прихода в Южную бухту линкора «Парижская коммуна» (впоследствии переименован в «Севастополь»), сокрушающие залпы которого истребили много танков и пехоты противника и заставили затаиться немецкие батареи, до отчаянной вылазки комбатов, мстивших фашистам за своего разведчика.

Немцы захватили дзот между наблюдательным и командным пунктами артдивизиона, приданного Разинскому полку. Связь нарушилась, не было возможности сообщать на батареи

координаты вражеских пушек, причинявших потери пехоте. Разведчик Иван Кучерявый взялся доставить батарейцам записку с НП. Немцы, засевшие в дзоте, засыпали храбреца пулями. А он полз и бежал невредимый, и, когда оставалось только перевалиться через бруствер окопа, Кучерявый был убит. Записку, зажатую в кулаке, прочли. По немецкой батарее открыли огонь, подавили её. Смерть артиллерийского разведчика Вани Кучерявого была отмщена. Но очень уж любили его артиллеристы. И командиры трёх батарей вместе с разведчиками решили уничтожить непосредственных убийц. Ночью они подползли к дзоту. Дзот был крепкий. Вход немцы предусмотрительно завалили камнями. Сквозь амбразуры они били по смельчакам из пулемёта и автоматов. Удалось в амбразуру забросить бутылку с зажигательной смесью. В ночной темноте амбразуры засветились, как окошки. В дело пошли противотанковые гранаты. Фашистов в дзоте было восемь, все восемь остались лежать под развалинами. Комбаты не имели права так рисковать собой. В каком положении оказались бы три батареи, если бы в ночной вылазке их командиры погибли? Но никто не осудил комбатов – они сделали святое дело.

Доблесть артиллеристов принято ценить по тому, как они стреляют, сколько и чего побили. Береговая батарея № 30, стоявшая у Любимовки (найди её на схеме), и отдельная зенитная батарея № 365, стоявшая на высоте 60 у Мекензиевых Гор, стреляли прекрасно. Но они прославились ещё и мужеством, бесстрашием при защите своих орудий от пехоты и танков врага.

Сначала о 30-й. Это была очень мощная и хорошо укреплённая батарея – чуть ли не форт. Бронированные башни, бетонированные подземелья для личного состава, для запасов снарядов, продовольствия, воды. Четыре 305-миллиметровых орудия, не уступающие орудиям линейного корабля. Чтобы представить силу снарядов этой батареи, послушаем полковника Д. И. Пискунова, участника обороны Севастополя, видевшего, как бьёт 30-я. «Танки – мы насчитали их двенадцать штук – повернули в нашу сторону и, выстроившись в линию, метров с трёхсот открыли огонь по командному пункту. Положение создавалось довольно затруднительное. Но тут земля под нами вздрогнула и раздался близкий взрыв огромной силы. Выглянув из траншеи, я увидел, что там, где только что стоял и стрелял немецкий танк, уже ничего не было и лишь падали сверху комья земли и какие-то обломки. Оказалось, что по танкам ударила прямой наводкой береговая батарея Александера».

Артиллеристы капитана Г. Александера вступили в бой в те же дни, что и береговая батарея И. Заики. Та батарея, как

помнишь, 2 ноября была захвачена немцами, вернее, не батарея, а побитые орудия и взорванные помещения. И вот два месяца спустя подобная угроза нависла над 30-й. Наши войска в последних числах декабря снова отошли от реки Бельбек. Мекензиевы Горы опять оказались у немцев, и теперь врагу до Любимовки, где стоит 30-я, как говорится, рукой подать. А руки на 30-ю чешутся, уж очень она грозна и неистребима: ни бомбы её не взяли, ни снаряды сверхтяжёлых пушек.

Ещё в начале штурма Александеру пришлось отдать роту своих бойцов в помощь пехотинцам, к тому же были убитые и раненые на самой батарее. Командир поэтому не исключал того, что немцы смогут батарею захватить. Своими силами от них не отбиться – силы малы, а подмоги ждать не приходится – на всех участках обороны нехватка бойцов, и с каждым часом их остаётся меньше. На батарее состоялось открытое партийное собрание. Коммунисты и беспартийные единогласно приняли решение: защищать батарею до последней возможности, оставшимся в живых уйти в подземелье и взорваться вместе с батареей.

Именно так 30-я и погибла, но в третий штурм. В этот же раз она выстояла. Обстоятельства опять сводят нас с тобой, читатель, с морскими пехотинцами 8-й бригады. Эта бригада в девятидневных боях понесла очень большие потери. Моряков осталось около двух батальонов, и они были выведены из боя на отдых в казармы береговой обороны у Северной бухты. Люди не успели ни поспать как следует, ни обсушиться – морозы в Крыму сменились дождями, – как получили приказ защищать 30-ю. Два батальона моряков заняли позиции недалеко от батареи и начали окапываться.

Бой начался утром 29 декабря. Первую атаку пехоты и танков удалось отбить. Вскоре противник получил подкрепление и атаковал во второй раз. Моряки сражались отчаянно, но не устояли, отошли. Противник ворвался в казарменный городок – был почти у батареи. Орудия самой 30-й в бою не участвовали, они не могли стрелять по таким близким целям. В этой критической обстановке была предпринята самая крайняя мера, опасная не только для противника, но и для батареи. 30-я вызвала огонь на себя.

Можно представить, с каким волнением и тщательностью артиллеристы других береговых батарей наводили свои орудия на 30-ю. Положить снаряды с ювелирной точностью, не попасть в орудия, а попасть во врага, который у этих орудий, вот какая была у них задача!

Артиллеристы Александера заперлись в подземных казематах. Морская пехота ушла в недалёкий овраг. И четверть

часа вокруг батареи рвались наши снаряды. А потом прилетели наши бомбардировщики и добили бомбами остававшихся фашистов. Вечером морские пехотинцы и пришедший им на помощь стрелковый батальон очистили от врага окружающую местность. 30-я была спасена. Она продолжала свою страшную для врагов работу.

Зенитные орудия 365-й батареи по размеру не шли в сравнение с орудиями 30-й – карлики рядом с великанами. Но мал золотник, да дорог. Дорогую цену, а вернее бесценность, этой батареи определяли два момента: мужество, мастерство её артиллеристов и местоположение самой батареи: она стояла на холме у железнодорожной станции Мекензиевы Горы, на самом удобном пути к Северной бухте. Несколько раз противник занимал станцию. И каждый раз натыкался на губительный огонь 365-й. Конец декабря был сумрачный, с низкими тяжёлыми облаками, авиация не могла действовать в полную силу, и зенитчики занимались наземными целями. В один из боёв они, окружённые с трёх сторон, когда немцы приблизились к орудиям на несколько сот метров, подбили 7 танков и уничтожили до 200 солдат противника.

Однако суть 365-й была не только в таких внушительных цифрах. Стойкость батареи придавала устойчивость подразделениям приморцев, располагавшимся по обе стороны от неё. Так образовался непроходимый для врага заслон.

Командующий фашистскими войсками генерал Манштейн в те дни считал, что дело уже сделано, что до взятия города остаются считанные часы и новогодний парад его войск на улицах Севастополя безусловно состоится. Чтобы ускорить победу, надо сковырнуть с высоты 60 вредную и упрямую зенитную батарею. Нечасто командующие армиями, у которых в подчинении десятки и сотни тысяч людей, занимают себя вопросом, как уничтожить всего лишь батарею. Манштейну пришлось заниматься. Вечером 28 декабря наши радисты перехватили приказ фашистского генерала: «Ударом с воздуха и земли уничтожить батарею противника на отметке 60».

Приказ передан вечером. Значит, немцы атакуют батарею утром 29 декабря. Помнишь, в это же время, в этот же день они пытались взять и 30-ю?

Основной военный закон гласит: береги пуще глаза то, что очень хочет уничтожить противник. Начальник артиллерии Приморской армии полковник Н. К. Рыжи сам предупредил командира 365-й старшего лейтенанта Николая Воробьёва о готовящемся нападении. А начальник артиллерии в четвёртом секторе полковник Д. И. Пискунов получил разрешение

использовать для защиты 365-й несколько артиллерийских полков, в том числе знаменитый полк Богданова. Разрешалось также, если возникнет необходимость, вызвать огонь всех севастопольских пушек, которые могут достать своими снарядами подступы к высоте 60.

Вплоть до Нового года враги пытались уничтожить великолепную 365-ю батарею. И никак не могли. Хотя даже в психическую атаку ходили. Один раз несколько десятков автоматчиков, уцелевших под артогнём, прорвались через проволочное заграждение батареи и заняли дальномерный и пулемётный котлованы – совсем недалеко от пушек. Выбить их атакой было невозможно, они постреляли бы всех атакующих. Комбат Воробьёв был не только храбр, но и находчив. Накануне он застрелил немецкого корректировщика, пытавшегося проползти к батарее, и забрал у него ракетницу и ракеты. Стреляя ракетами в сторону котлована, он вызвал огонь немецких пушек. Два снаряда попали точно в котлован, и все фашисты были перебиты. Из другого котлована автоматчики, опасаясь своих снарядов, бежали и были убиты нашими стрелками.

Не надо думать, что действия врага в последних числах декабря сосредоточились лишь на атаках против двух батарей. Нет. Атаки на батареи были частицами наступления по всему фронту обороны. Наступление было мощное, злобно-ожесточённое. Враг чувствовал, что силы его иссякают. Он чувствовал, что и наши силы на исходе.

31 декабря Манштейн подготовил завершающий удар. У нашего командования в Севастополе настроение было тревожное. Обсуждался даже вариант отвода войск от Мекензиевых Гор – пока войска не уничтожены – на южный берег Северной бухты. Но оставалась надежда на артиллерию. И артиллерия помогла выстоять под страшным ударом. Образно говоря, в последний день 41-го года удар фашистов пришёлся в стены огня и металла. Сквозь стены огня и металла пришлось идти их танкам и пехотинцам. И они гибли. Орудийный рёв стоял над окрестностями Севастополя. Били залпами полевые орудия, зенитные, береговые батареи, корабли. Били в соответствии со строгим, мудрым графиком. Руководители севастопольской артиллерии, командование Севастопольского оборонительного района предугадали, в какие минуты и куда надо обрушить залпы: вначале по рубежам, с которых готовится атака, потом по выдвинутым вперёд вражеским батареям, по пехоте – малыми калибрами, чтобы отсечь её от танков, по танкам из крупных орудий, по тылам, где у немцев стоят резервы…

Первую атаку наши войска сдержали. Немцы приготовились

ко второй – самой решительной. Чтобы затруднить работу артиллерии и достичь внезапности, они поставили дымовую завесу, вышли в атаку из дыма. Артиллерийские командиры, разведчики, связисты действовали так чётко, что дым врагу не помог. Ровно через час фашисты выдохлись, остановились. Наши бойцы и морские пехотинцы нашли в себе силы, чтобы воспользоваться этим моментом. Враг ещё не успел окопаться и укрепиться на новых участках, как был контратакован. Немцы бежали со станции Мекензиевы Горы, из Камышлы, из Бельбека и других селений.

Второй штурм Севастополя кончился. Защитники города встретили Новый год, воодушевлённые победой.

Иное настроение было у противника. В дни его ожесточённых атак произошло событие, которое потрясло Манштейна и самого Гитлера. Советские войска высадили десанты в Керчи и Феодосии. 42-й армейский корпус, входивший в 11-ю армию немцев и оборонявший Керченский полуостров, отступил. Манштейн боялся, что наши войска на этом полуострове разгромят немцев и ударят в тыл его дивизиям, окружившим Севастополь. Генерал, досадуя и негодуя, отправил подкрепления на Керченский полуостров, чтобы остановить там наших десантников. Это удалось немцам. Но войск для нового штурма Севастополя у них уже не было. На Севастопольских рубежах установилось затишье.

42-м корпусом командовал граф Шпонек. За отступление Гитлер отдал его под суд. Суд приговорил графа к расстрелу.

РАЗГРОМ АМЕРИКАНСКОГО ФЛОТА

Бои у Севастополя на время затихли. Мы с тобой, дорогой друг, воспользуемся затишьем, посмотрим, что делается в мире. Не всё посмотрим, только самое важное. И не всё самое важное, а частицу его.

Но прежде вспомним, что происходило в декабрьские дни 1941 года на советско-германском фронте. У Чёрного и Балтийского морей продвижение фашистов остановлено. Остановлен враг в середине стратегического фронта – у Москвы. 5 декабря советские войска перешли в контрнаступление и погнали фашистов от столицы.

Известие о нашей победе в Московской битве, о том, что гитлеровцы побежали – впервые за два года войны в Европе, – облетело весь мир. В сердцах миллионов людей затеплилась надежда на избавление от страшной беды, в которую попало человечество.

Два дня спустя мир был взбудоражен новым сообщением: Япония напала на Соединённые Штаты Америки. Чувства, вызванные этим сообщением, были разнообразны. Тревога, удовлетворение, недоумение – всё смешалось. Тревога потому, что новые массы людей и новые страны испытают на себе ужасы войны. Удовлетворение потому, что гигант капиталистического мира – США, ограждённый от европейских и азиатских бурь океанами, теперь не сможет лишь созерцать человеческую трагедию, богатеть на ней, а сам вынужден вступить в войну на стороне тех, кто уже борется с фашизмом. А недоумение? Оно потому, что в это время японские дипломаты вели переговоры с дипломатами США. Казалось, они как-то урегулируют отношения и уж если вспыхнет война между Японией и США, то позже, а не в тот день, когда представители обеих держав сидят за «круглым столом».

Президент Соединённых Штатов Америки Франклин Делано Рузвельт работал долгими ночами, вставал поздно. Во внеурочное время его мог будить только секретарь, если происходило нечто чрезвычайное. 7 декабря секретарь разбудил президента в неположенный час и подал ему депешу. «Что, Япония напала на Россию?» – спросил Рузвельт. «Нет, – ответил секретарь.– Япония напала на нас». В депеше сообщалось о разгроме американского флота в базе Пёрл-Харбор на Гавайских островах.

Что же произошло на Гавайях?

Гавайские (или Сандвичевы) острова находятся в центральной части Тихого океана – на полпути из Америки в Азию. Архипелаг этот протянулся с северо-запада на юго-восток на две с половиной тысячи километров. Острова представляют собой вершины подводного горного хребта, поднимающегося с огромных глубин. Вокруг много коралловых рифов, есть и целые коралловые острова. На юго-восточной окраине архипелага находится остров Оаху. На острове расположен главный город островного района Гонолулу и военно-морская база Пёрл-Харбор. Военное значение Пёрл-Харбора очень велико. База держит под контролем весь тихоокеанский бассейн. Поскольку Япония намеревалась подчинить себе страны Южных морей и колонии англичан и американцев на западных берегах Тихого океана, то первый внезапный удар – до объявления войны – и был нацелен на Пёрл-Харбор, на флот и авиацию, сосредоточенные в нём. Расчёт был на то, что, лишившись многих кораблей, американцам нечем будет противодействовать дальнейшим действиям японского флота и он займётся высадкой и поддержкой своих сухопутных войск в странах Тихого океана.

Подготовку к нападению на Пёрл-Харбор главнокомандующий японского флота адмирал Исороку Ямамото начал задолго до этого дня. На своём острове Сиоху, который похож на Оаху не только названием, но и очертаниями, японцы построили копии пёрл-харборских сооружений, расставили мишени кораблей, самолётов и начали с великой тщательностью отрабатывать будущий удар.

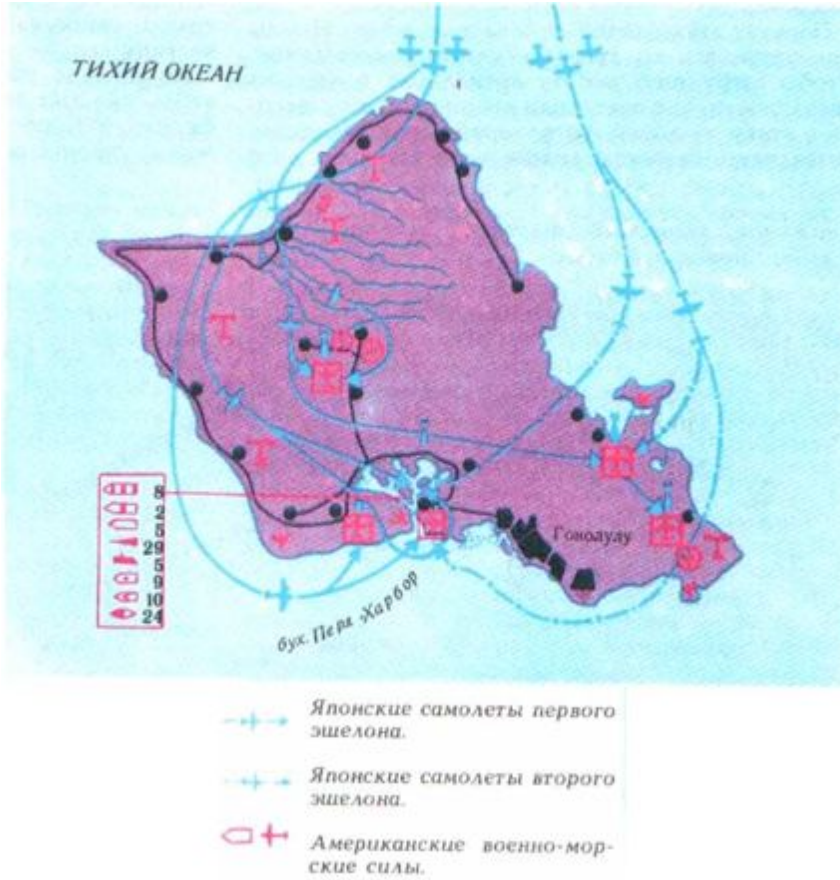


Схема налёта японской авиации на Пёрл-Харбор 7.12.1941 г.

Американцы считали, что из-за малой глубины гавани противник не сможет сбрасывать с самолётов торпеды – они ударятся о грунт. Японцы понимали это, но от торпед не отказались, придумав стабилизаторы, не позволявшие торпедам уходить глубоко в воду. Американцы считали, что в гавань – опять же из-за мелководья – не смогут войти подводные лодки неприятеля. Японцы решили использовать там «карликовые» лодки, экипаж которых – два человека и вооружение – две торпеды. Авиационные бомбы, как выяснили японцы на учениях, не пробивают палубную броню американских линкоров, тогда они оснастили стабилизаторами бронебойные снаряды большого калибра, приспособили их для сбрасывания с самолётов. Само собой разумеется, вся эта работа велась в строжайшей тайне. Только внезапный удар мог обеспечить победу.

Японский флот ранним утром 26 ноября двинулся от острова Итуруп (Курильская гряда). Он шёл почти прямо на восток, чтобы потом, выйдя на меридиан острова Оаху, спуститься на юг. Такой

маршрут – 6300 километров – должен был избавить японцев от встречи с чужими судами. Посмотрим, как это выглядит на схеме.

Движение японского флота к острову Оаху и возвращение в Японию.

Впереди, на расстоянии 200 миль от главных сил, шли три подводные лодки-разведчицы. Затем по три в двух параллельных колоннах двигались авианосцы. Справа и слева от авианосцев шло по линкору и тяжёлому крейсеру, в охранении ещё были крейсер и девять эсминцев. Замыкали эскадру танкеры с горючим. Несколькими днями раньше к Гавайским островам ушли двадцать семь океанских подводных лодок с пятью «карликовыми» лодками на борту.

Без радиопереговоров, опасаясь уронить в море даже обёртку от сигарет и тем выдать себя, японские моряки во главе с вице-адмиралом Чуичи Пагумо приближались к заветной цели.

7 декабря 1941 года было воскресенье. И этот факт учли японцы. Они не ошиблись. Предстоящее увольнение на берег усугубило беспечное поведение американцев. Около 8 часов утра на кораблях выстроились шеренги матросов и офицеров, заиграли оркестры, американский флот готовился к подъёму флага. Почти за час до этого радиолокаторы, стоявшие на севере острова, обнаружили в воздухе множество самолётов. Американцы в этот день ждали группу своих бомбардировщиков из США и не придали значения предупреждению радиолокационных постов.

Нагумо вывел корабли своего соединения на расстояние в 250 миль от Пёрл-Харбора. Лётчики сели за праздничный завтрак – теперь успех или неуспех нападения зависел от них. Техники поднимали самолёты на палубы авианосцев. Всё делалось без срывов, без сбоев, как на многочисленных репетициях этой работы. За подчёркнутым спокойствием чувствовалось огромное напряжение: японцам и верилось и не верилось, что американцы ещё не обнаружили скопления огромных кораблей; казалось, что вот-вот покажутся в воздухе американские самолёты, а у горизонта – линкоры и крейсеры. Но всё было тихо и в небе, и на

воде.

Через четверь часа первый эшелон японской авиации был в воздухе; построившись в боевой порядок, на Оаху пошло 40 торпедоносцев, 51 пикирующий бомбардировщик, 49 высотных бомбардировщиков. Их прикрывали 43 истребителя.

Передовые самолёты нанесли удар по аэродромам и базе гидросамолётов на острове Форд – он посредине гавани. Затем начались атаки на корабли. У японских лётчиков глаза разбежались от обилия целей: под ними 8 линкоров, 2 тяжёлых и 6 лёгких крейсеров, 29 эсминцев, 5 подводных лодок, минные заградители, тральщики, другие корабли и суда. Всего 94… И никакого противодействия со стороны американцев. Те были в оцепенении, словно отказывались верить в происходящее. Пулемётные очереди ударили по строю моряков на линкоре «Невада», а корабельный оркестр продолжал играть гимн…

Первым погиб линкор «Аризона». На нём был открыт люк артиллерийского погреба, куда и угодила японская бомба. Грохот страшного взрыва разнёсся над гаванью, и гигантский корабль, разломанный и изуродованный, тут же скрылся под водой. В линкор «Вест Виргиния» попало несколько торпед. Он загорелся и тоже затонул. Загремели взрывы на линейных кораблях «Оклахома», «Калифорния» и на трёх других. Почти час первый эшелон японских самолётов избивал американский флот. Только девять самолётов потеряли при этом японцы.

Неописуемое смятение охватило американцев. Оно увеличилось с обнаружением атаки подводных лодок. Хотя две «карликовые» лодки были потоплены при попытке войти в гавань, третья прокралась в самую гущу американских кораблей. На помощь гибнущим морякам пошло ремонтное судно «Энтарес», в кильватер ему и зашла подводная лодка, «Энтарес» как бы провёл её за собой. Кого торпедировала эта лодка, неизвестно – множество торпед сбросили самолёты, а лодку на обратном пути потопил эсминец.

За налётом первого эшелона последовал налёт второго. Это были 78 пикирующих бомбардировщиков, 54 высотных бомбардировщика и 35 истребителей. Американцы стали вести зенитный огонь организованней, прикрыли корабли и объекты па берегу дымовыми завесами. Но поправить ничего уже было нельзя. По словам главнокомандующего военно-морских сил США адмирала Кинга, «то, что творилось в гавани, было ужасно».

Японские самолёты были над Пёрл-Харбором в общей сложности 1 час 40 минут. Они понесли очень малые потери. На авианосцы не вернулось лишь 29 самолётов. Кроме «карликовых» лодок, у японцев погибла и одна большая лодка.

В полдень японские корабли двинулись в обратный путь.

У Нагумо были все основания для гордости и радости. На дне гавани лежали 4 линкора, крейсер, эсминец, учебный корабль. 4 линкора и 5 крейсеров получили серьёзные повреждения. На аэродромах было разбито и сожжено три сотни самолётов. Две с половиной тысячи американцев погибли, больше тысячи получили ранения.

Американцам, можно сказать, ещё повезло. В этот день не было в Пёрл-Харборе их авианосцев, они находились в море. Не догадался Нагумо разбомбить склады топлива, одного мазута в базе было запасено 400 тысяч тонн. От Пёрл-Харбора до Сан-Франциско 3873 километра, доставка топлива на такое расстояние, да ещё под угрозой нападения подводных лодок, была бы делом очень трудным. Но всё равно потери американского тихоокеанского флота были очень тяжёлые.

Воодушевлённые таким началом, японцы незамедлительно приступили к захвату Филиппинских островов, Таиланда, островов Борнео, Целебес, Ява, Новая Гвинея, Соломоновых островов. На следующий день после разгрома Пёрл-Харбора – 8 декабря – другое соединение японских кораблей высадило десант на Малаккском полуострове с целью захвата английской военно-морской базы Сингапур. Английский адмирал Филиппс решил уничтожить японских десантников. Он вышел в район высадки с эскадрой, в которой были линкор «Принс ов Уэлс», крейсер «Рипалс» и 4 эсминца. Но англичане не имели истребителей для прикрытия эскадры. Новейший линкор и крупнейший крейсер попали под удар японских бомбардировщиков и самолётов-торпедоносцев. Оба корабля утонули. Через два месяца Сингапур пал, больше 70 тысяч его защитников попали в плен к японцам.

Вот так началась у США и Англии война с Японией.

ОБ ОТКРЫТИИ ВТОРОГО ФРОНТА

Серьёзной была война на морях, но во сто крат серьёзнее была война на европейском сухопутном театре. Судьбы человечества решались на советско-германском фронте. Правительства Англии и Соединённых Штатов Америки, народы этих стран прекрасно знали – одолей Гитлер нас, тут же наступит очередь англичан, а затем и американцев. Поэтому США и Англия согласились с нашим предложением открыть второй фронт в Европе.

Мы с тобой условились в перерыве севастопольских боёв поговорить о важнейших событиях, которые происходят в мире. Первое такое событие – начало войны Японии и США, второе, последовавшее за первым, – решение об открытии второго фронта в 1942 году. Основная масса немецких войск – 80 процентов – связана боями на территории Советского Союза. И только 20 процентов находится на Западе. Эти войска, по сути, рассеяны по многим оккупированным странам. Самый подходящий момент высадить английские и американские войска где-нибудь во Франции и начать сжимать фашистов с двух сторон.

Американцы высказывались за открытие второго фронта определённее и решительнее, чем англичане. Убеждая Черчилля в необходимости быстрых действий, Рузвельт писал ему: «Ваш и мой народы требуют создания фронта, чтобы ослабить давление на русских, и наши народы достаточно осведомлены, чтобы видеть, что русские сегодня убивают больше немцев и уничтожают больше вражеского снаряжения, чем мы с Вами, вместе взятые». Казалось, Англия должна быть больше заинтересована во втором фронте, чем американцы, ведь с его помощью будет окончательно ликвидирована угроза вторжения немцев на Британские острова. А Черчилля приходится уговаривать… Почему Черчилль не спешит с открытием второго фронта?

Черчилль не спешит, потому что он хочет видеть итогом войны разгром фашизма, но одновременно разорение и ослабление Советского Союза, разорение и ослабление до такой степени, что Англии будет легко диктовать нам и всей Европе свою волю.

А Рузвельт? Разве он по-другому относится к Советской стране? Жалеет советский народ? Бескорыстно хочет помочь ему? Нет. Американцы, наблюдая отступление советских войск, зная о тяжести боёв, боятся, что немцы вот-вот добьются победы над нами; если это случится, момент для высадки их войск, для

открытия второго фронта будет упущен. Генерал Кларк впоследствии так и напишет: «Точка зрения американцев в пользу открытия второго фронта осенью 1942 года основывалась главным образом на том, что русские могут в любой момент потерпеть крах под возобновившимся яростным наступлением немцев, и тогда мы навсегда утратим благоприятный момент для вторжения».

Американцы, как видишь, сомневались в нашей способности устоять перед фашистским натиском. Черчилль же правильнее оценивал силу и возможности Советского Союза. И он сделал всё для того, чтобы страшная, тяжелейшая война затянулась на четыре года – пусть гибнут люди в окопах, пусть гибнут в концлагерях, пусть голодают, страдают, но капиталисты Англии вместе с капиталистами Америки дождутся, когда СССР и Германия истощат себя до предела и тем будет обеспечено господство англосаксов в мире. Второй фронт был открыт лишь летом 1944 года. В то время Советская Армия загнала гитлеровские армии на край пропасти. Нужно было ещё одно усилие, чтобы сбросить их в пропасть. Нельзя говорить, что поздний второй фронт нам не помог. Помог. Но мы добили бы фашистов и без второго фронта.

«Война есть продолжение политики» – эта истина подтверждалась всем ходом второй мировой войны. Будучи нашими союзниками, Англия и США, как это ни дико, вовсе не желали нам добра – они проводили ту же политику, что и перед войной. В тяжелейшие не только для советского, но и для множества народов времена они уже начали готовить против нас «большую дубинку».

НАИВНОСТЬ ВЕЛИКОГО ФИЗИКА

Следующий после Рузвельта президент США, Гарри Трумэн, называл «большой дубинкой» атомную бомбу.

Начало работ по созданию атомной бомбы – это ещё одно важнейшее событие, которое нам с тобой необходимо отметить в период затишья боёв у Севастополя.

Я написал, что атомную бомбу США делали против нас. Так ли это? Ведь одновременно с американцами созданием сверхоружия занялись немецкие учёные, торопясь преподнести его Гитлеру. Если бы немцы сделали атомную бомбу, а американцы не сделали, то чем ответили бы немецким фашистам другие народы? Выходит, американская атомная бомба была нужна человечеству как защита от фашизма.

Именно для защиты человечества от фашизма группа выдающихся физиков и взялась за создание А-бомбы, как они сами называли её. Им пришлось доказывать Рузвельту, что оружие немыслимой разрушительной силы можно сделать, что надо торопиться, так как немецкие учёные уже принялись за дело. Исследовательские работы, производство урана-235 требовали огромных затрат. Рузвельт колебался. Тогда ему напомнили ошибку Наполеона, который, нуждаясь в судах для вторжения в Англию, отверг предложение Фултона строить пароходы.

Рассказ о том, как начались и шли сверхсекретные работы, задержал бы нас с возвращением к Севастополю. Поэтому мы коснёмся только политической сути А-бомбы.

Учёных, чем успешнее продвигалась работа, всё больше охватывала тревога: не станет ли то, что они делают во имя мира и человечества, злом мира и человечества? Обладатель атомной бомбы может превратиться в диктатора всех народов. Он в дни мира будет решать международные проблемы не переговорами, а угрозами. Другие же страны постараются обзавестись собственными бомбами. Начнётся гонка атомного оружия, человечеству придётся жить в постоянной опасности атомной войны. Что же делать? Прекратить работы? Нельзя. Ещё идёт война с фашистами, и никто не знает, как продвинулись немецкие атомщики… Надо, пока бомбы ещё нет, установить общенациональный контроль над её производством. Вот так рассуждали учёные, видевшие лучше других, какую катастрофу может вызвать их детище.

Но ведь нельзя установить международный контроль, если А-бомба делается в строжайшем секрете. Вот даже вице-президент США Трумэн ничего ещё не знает о ней. Одно случайное слово,

вылетев за стены секретной лаборатории, может многое подсказать учёным фашистов. Однако и тут есть выход – о сверхразрушительном оружии нужно проинформировать СССР, союзника США и Англии, который, по сути, один на один сражается с общим врагом и даёт возможность американцам делать эту самую бомбу. Именно СССР. Чтобы послевоенный мир между Востоком и Западом был крепким и искренним. К тому же СССР – страна, которая имеет и учёных и ресурсы для создания собственной А-бомбы.

Учёные, делавшие в США атомную бомбу, в большинстве не были американцами. Это были европейцы, бежавшие за океан или от преследования фашистов, или из-за нежелания служить им. Одни уехали заблаговременно, другим пришлось претерпеть немало опасностей в длинном пути. Великий физик, знаток ядерных превращений Нильс Бор, которого в его родной оккупированной Дании вот-вот могли схватить фашисты, на рыбачьей лодке был переправлен в нейтральную Швецию. А из Швеции в Англию – на высотном бомбардировщике «москито». В маленьком самолёте помещались только два пилота и бомба. Бору пришлось занять место бомбы. У него был парашют – на случай, если немецкие зенитки или истребители собьют самолёт. Был кислородный прибор, так как самолёт летел на высоте десяти километров. Беда чуть не случилась по пустяковой причине: шлем с наушниками налез лишь на макушку большой головы учёного, и Бор не услышал команду включить кислородный прибор. Перед посадкой на английском аэродроме Бор пришёл в сознание, и у лётчиков гора с плеч свалилась – они не знали, конечно, что датчанина с нетерпением ждут в секретной лаборатории на другом берегу океана, знали лишь, что человек, доверенный их лётному мастерству и мужеству, бесценен.

Нильс Бор, самый авторитетный из всех учёных-физиков, взял на себя тяжелейший труд убедить Рузвельта и Черчилля в необходимости открыть атомный секрет Сталину.

Рузвельт согласился с доводами и прогнозами Бора, но сказал, что без одобрения Черчилля сделать это не имеет права. Дважды Бор летал через океан к Черчиллю; первый раз английский премьер говорил с ним полчаса, во второй – просто не принял учёного. Бор знал, что Черчилль должен встретиться с Рузвельтом в США. Накануне встречи он послал Рузвельту письмо, в котором предлагал разные варианты информирования советских учёных об атомных работах, брался сам отправиться в Советский Союз для переговоров с нашим физиком Петром Капицей.

Рузвельт и Черчилль встретились. Обсудили предложение

Бора. Итоги обсуждения видны из двух документов. В памятной записке говорилось:

«Предложение проинформировать мир относительно проекта Тьюб Эллойз с целью заключить соглашение об интернациональном контроле… не принято. Весь вопрос следует и впредь рассматривать как предельно секретный… Следует провести расследование деятельности профессора Бора и предпринять шаги, гарантирующие уверенность, что он не несёт ответственности за утечку информации – в особенности к русским».

Записка Черчилля своему помощнику ещё определённее:

«Президент и я весьма озабочены поведением профессора Бора. Как случилось, что он привлечён к делу? Он ярый сторонник гласности… Мне кажется, Бора следовало бы заключить в тюрьму или, в любом случае, предупредить, что он находится на грани преступления, караемого смертной казнью».

Интересное совпадение. Рузвельт за открытие второго фронта. Рузвельт за посвящение Советского Союза в атомный секрет. Но всё решает Черчилль. Мнение Англии, младшего партнёра, довлеет над мнением США. Почему так? По очень простой причине: Соединённые Штаты Америки, Рузвельт думают одинаково с Англией, Черчиллем и лишь говорят дипломатичнее.

Первый раз мы назвали Англию младшим партнёром Америки. Да, второстепенное положение Англии стало очевидным в начале войны, особенно явственным при изготовлении «большой дубинки». Хотя и английские учёные работали над А-бомбой, она была американской собственностью. Главенство в капиталистическом мире перешло к США. Черчилль тоже держал своими руками «большую дубинку», но за самый кончик.

Теперь вот, когда вторая мировая война ушла в историю, мы можем оценить мудрость Нильса Бора. В наше время уже несколько стран имеют ядерное оружие и многие могут его производить. Ядерных боеприпасов накоплено столько, что можно несколько раз уничтожить всё живое на Земле, а непрестанная, неустанная борьба нашей Коммунистической партии и нашего правительства за запрещение этого оружия пока ещё не кончилась победой. Отмечая мудрость Бора, мы должны отметить его политическую наивность: насколько он был проницателен в познании физических законов, настолько был беспомощен в оценке законов капиталистического общества.

Вернись, дорогой читатель, во времена сражений английского флота с флотом голландцев, во времена адмиралов Рупперта и Рейтера. Проследи многовековое стремление Англии к мировому

господству. Владычицей морей она была. Теперь, обладая атомной бомбой, Англия (пусть вместе с США, ничего не поделаешь!) могла стать владычицей суши. Политики Англии и США (и учёные тоже) считали, что Советский Союз свою атомную бомбу сделает не раньше 1965 года. Двадцать лет было у капиталистов США и Англии, как казалось им, для наведения своего порядка на земном шаре. Не удалось уничтожить Советское государство при его рождении, не удаётся уничтожить с помощью Гитлера – не беда, будет атомная бомба! А Нильс Бор хотел помешать этому. Конечно же, в глазах Черчилля желания Бора были преступлением, «караемым смертной казнью».

Советский Союз не дал капиталистам двадцати лет. В 1949 году атомная бомба была сделана и у нас.

ТРЕТИЙ ШТУРМ СЕВАСТОПОЛЯ

Была весна 1942 года. Фашисты готовились к новому мощному наступлению на советско-германском фронте. Враг надеялся – пусть с опозданием на год – выиграть войну.

Защитники Севастополя с зимы совершенствовали свою оборону. Они построили новые доты и дзоты, углубили траншеи, так что можно было ходить в них в полный рост, зарыли в землю линии связи, чтобы не повреждало во время обстрела, в местах вероятных атак поставили мины и фугасы. Каждый старался оборудовать свою позицию понадёжнее, придумывались всякие хитрости и приспособления во вред врагу. Так появились камнемёты – в яму клали взрывчатку, на неё брёвна, на брёвна камни, яма маскировалась; в нужный момент по проводам посылался ток, камнемёт с грохотом разбрасывал брёвна и камни, ошеломляя атакующих немцев.

Отдельная Приморская армия теперь насчитывала 107 тысяч бойцов. Правда, по-прежнему было мало танков – 38 и самолётов – 53, но артиллерии стояло достаточно, и севастопольцы были уверены, что не отдадут врагу город.

Была даже надежда на недалёкое освобождение Севастополя от блокады и на изгнание фашистов из Крыма – за Перекоп. Наши войска, как ты помнишь, ещё в декабре 1941 года высадились на Керченском полуострове. Теперь они, многочисленные и хорошо вооружённые – три армии, – вели наступление.

Мы с тобой можем нарисовать себе картину, как отходящие с Керченского полуострова немцы попадают под удар севастопольцев с тыла и если не оказываются в кольце, то поспешно оставляют Крым. Однако ничего похожего не получилось. Там, на Керченском, произошли, пожалуй, самые горькие за всю войну события. Немного коснёмся их. Они имели непосредственную связь с дальнейшей судьбой Севастополя.

Наступление на Керченском полуострове явно не удавалось. В этом ничего катастрофического не было. Три армии Крымского фронта могли бы, исчерпав наступательные возможности, зарыться в землю, создать несколько рубежей обороны (вспомни одесские рубежи), оборудовать узлы противотанковой обороны на вероятных направлениях танковых атак, расставить, как полагается в обороне, артиллерию и стоять до лучших времён, постоянно угрожая Манштейну ударом, если бы немцы перебросили основные силы для нового штурма к Севастополю. Но этого не было сделано. Наши дивизии стояли поперёк полуострова в одну линию.

В таком размещении войск был бы какой-то резон, если бы они вот-вот переходили в наступление. Но наступления, как мы знаем, не получалось. Немцы, сдержав три попытки прорвать их оборону, сами готовились к контрудару. Чуть ли не за три недели наша разведка узнала его точную дату. Однако командование Крымского фронта и после донесения разведки, и после прямого указания Генштаба и Ставки не провело оборонительных мероприятий. Почему? Потому что вопреки логике вещей всё ещё намеревалось наступать.

Конечно же, Манштейн, опытный генерал, увидел вопиющую оплошность нашего командования. Утром 8 мая немецкие танки и авиация нанесли удар вдоль побережья Феодосийского залива, прорвали там фронт. В брешь ринулись войска противника, угрожая выйти в тыл нашему правому флангу. В тылу, как уже говорилось, у нас не было ни резервов, ни укреплённых пунктов.

Почти две недели шли на полуострове ожесточённые бои. Но исход их был уже предопределён раньше Керченский полуостров нам пришлось оставить. Это событие не могло не повлиять на положение осаждённого Севастополя.

В начале второй половины мая командующий Приморской армией генерал Иван Ефимович Петров собрал командиров дивизий и других ближайших помощников на совещание. «Авиаразведка, – сказал он, – уже зафиксировала колонны немецких танков и пехоты в пути с Керченского полуострова к Севастополю. Надо полагать, что на подтягивание сил немцам понадобится ещё дней десять…»

Тогда же в подразделениях красноармейцы и краснофлотцы выбирали делегатов на конференцию. Всех бойцов с передовой снять нельзя, и севастопольские военачальники рассказывали об обстановке их делегатам. Генерал Петров, как и подобает уверенному в себе и в войске командующему, ни от кого не скрывал тяжести положения. «Севастополь не Одесса, – говорил он делегатам.– Нет таких средств, которыми можно вывезти отсюда всю армию, если бы и был такой приказ. Значит, выход один – стоять насмерть!»

Победа у Керчи настроила немецкое командование весьма оптимистически. Севастополь оно вознамерилось взять за пять дней. Оптимизм, однако, не помешал гитлеровцам готовиться к третьему штурму Севастополя со всей тщательностью. К городу было стянуто больше 200 тысяч войска, 670 орудий калибром от 75 миллиметров до 420 миллиметров, 655 противотанковых пушек, 720 миномётов, 450 танков и 600 самолётов. Численностью войск немцы превосходили нас в 2 раза, численностью танков – почти в 12 раз, самолётов – в 11.

Для воодушевления своих солдат и для устрашения наших доставили немцы к Севастополю вдобавок к двум 615-миллиметровым мортирам сверхпушку «Дора» калибром 813 миллиметров. Всё было в этой системе гигантским: ствол длиной 30 метров, бронебойные снаряды весом около 7 тонн каждый, фугасные – весом по 4 тонны. Они проникали в землю на 12 метров. «Дору» делали для разрушения железобетонных укреплений на французской линии Мажино, теперь пушка стояла около Дуванкоя.

Как и предполагало наше командование, противник в конце мая закончил сосредоточение сил. До начала страшного сражения оставались считанные дни. Матросы, служившие в стрелковых частях, доставали из вещевых мешков тельняшки и бескозырки, чтобы биться в морском обличье, в нём же встретить и смертный час.

Артиллерийский обстрел, бомбардировки наших позиций и города начались ещё 20 мая. Они достигли невероятной силы и ожесточённости в пятидневке между 2 и 6 июня. Ежедневно враги выстреливали до 20 тысяч снарядов и сбрасывали с самолётов от 2500 до 6 тысяч бомб. Подсчитано: на направлении главного удара враг на каждый квадратный метр площади обрушил по полторы тонны металла. Казалось, всё должно было разрушиться, исковеркаться, погибнуть под шквалами огня и стали. Но не зря приморцы много сил отдали совершенствованию обороны. Потери были у нас небольшие, можно сказать, удивительно маленькие: так, 5 и 6 июня вся Чапаевская дивизия потеряла убитыми восемь человек.

Захваченные разведчиками «языки» показывали, что штурм назначен на 4 часа утра 7 июня, а непосредственная подготовка штурма артиллерией – на 3 часа. Доблестные артиллеристы Севастополя в 2 часа 55 минут, упредив противника, открыли свой огонь по позициям, на которых вражеские пехотинцы и танки сосредоточились перед атакой. Ещё не начав наступления, немцы понесли потери. Их артиллерийская подготовка была слабее, чем могла быть. Тем не менее в назначенное время под прикрытием авиации гитлеровские танки, а за ними пехота атаковали нашу оборону. Пехота всюду шла в полный рост – такова была уверенность, что наши войска уже подавлены и не смогут оказать сопротивления.

И ожили засыпанные окопы, выщербленные доты. Пулемётный огонь косил врагов, прижал к земле. Били миномёты, орудия, в танки летели гранаты, бутылки с зажигательной смесью. Наше яростное сопротивление ошеломило противника. Продвинувшись за день на несколько сот метров,

немцы понесли огромные потери. Таким же был и второй день штурма. В немецком донесении тех дней говорилось: «Наше наступление наталкивается на планомерно оборудованную, сильно минированную и с большевистским упорством защищаемую систему позиций. Артиллерия противника непрерывно ведёт по всем немецким позициям губительный огонь, который мешает наблюдать, затрудняет действия огневых средств и поминутно разрушает телефонную сеть. Первые дни боёв показывают, что под таким адским артиллерийским огнём противника вести дальше наступление невозможно».

Немцы знали, что писали. В июне им пришлось дважды комплектовать 50-ю и 132-ю дивизии, то есть пополнять их новыми солдатами, так как прежние полегли на севастопольских рубежах. Пополнялись и другие соединения и части. Резервы немцам пришлось брать даже из армии, стоявшей в Донбассе.

Главный удар противник, как и в декабре, наносил через станцию Мекензиевы Горы на восточную оконечность Северной бухты, а вспомогательный – из района Камары через Сапун-гору на юго-восточную окраину Севастополя. Проведи мысленно эти линии по схеме. Видишь, они разрезают нашу оборону на три куска. Пока обороняемые позиции в виде целой дуги, они устойчивы. Пусть где-то получит дуга изгиб, пусть уменьшится – это не так опасно. Опасно, когда противник проникает внутрь дуги, отрезает одни войска от других, нарушает их взаимодействие, оказывается на флангах и в тылу обороняющихся. Пока что огненная дуга вокруг Севастополя цела.

Вот уже несколько раз мы с тобой говорим: «Мекензиевы Горы, Мекензия». Не показались ли тебе эти названия необычными в ряду названий других населённых пунктов Крыма? Мы с тобой касались истории Севастополя со времён Нахимова. А она началась раньше. На минуту-другую перенесёмся в XVIII век. Северная бухта в те времена называлась Ахтиарской. Её военное значение и военное значение близлежащей местности оценил Александр Васильевич Суворов. По его рекомендации в районе будущего города в 1778 году стали строить первые укрепления. Затем строительством на берегах бухты занялся русский адмирал Мекензи. Его имя и получил хутор, а потом и железнодорожная станция. Город, вставший по берегам бухты, называли Ахтиаром. В 1784 году, после официального включения Крыма в состав России, переименовали в Севастополь – Город славы в переводе с греческого. При чём тут греки? В двух километрах от нынешнего Севастополя в древности был город Херсонес, основанный греками и известный всему античному миру. Этот факт, а ещё давние дружеские связи русских с греками, особенно культурные

и религиозные, послужили основанием наречь город Севастополем…

Воробьёв Н В.

У Севастополя, у Города славы, день и ночь, не стихая, идёт ожесточённое сражение. Враг займёт город. Но никто не сможет сказать, что его защиткики уронили славу города, запятнали её хоть чуть-чуть…

Ты помнишь, конечно, зенитную батарею № 365 – ту, что стояла на высоте 60, у Мекензиевых Гор? Она и теперь оказалась на направлении главного удара. 7 июня её бомбили 25 «юнкерсов». Зенитчики сбили два самолёта, выдержали бомбёжку, отбили атаку танков и пехоты. Бой продолжался 16 часов! Командир батареи Николай Воробьёв (уже капитан) был тяжело ранен. В командование вступил старший лейтенант Иван Пьянзин. Сутки спустя, как стало известно, что Воробьёву присвоено звание Героя Советского Союза, судьба уготовила и Пьянзину высшую меру испытания мужества и стойкости. Ночью немцы окружили батарею. Зенитчики, теряя товарищей в неравном бою, отбивались от врага. Выстрелами танковых пушек были разбиты дзоты, прикрывавшие позицию батареи, погибли их расчёты. «Танки противника расстреливают нас в упор, пехота

забрасывает гранатами. Прощайте, товарищи!» – передал Пьянзин по радио командиру дивизиона. И ещё была радиограмма – уже от тяжело раненого комбата, через три часа после первой: «Отбиваться нечем. Весь личный состав вышел из строя. Открывайте массированный огонь по нашей позиции и командному пункту». Иван Пьянзин не узнал, что и его подвиг будет так же оценён, как и подвиг первого комбата 365-й, – званием Героя.

Из окружения, из-под огня вышел к своим зенитчик матрос Пётр Липовенко. Чуть ли не единственный из уцелевших героев, он работал в расчёте другой батареи. И там потерял новых товарищей. И один подносил снаряды, заряжал пушку, наводил, стрелял. Выпустив последний снаряд, пошёл с морскими пехотинцами, подоспевшими на выручку батареи, в атаку – застрелил 15 фашистов, забросал гранатами немецкий дзот.

Конечно же, дело не в фамилии. Но нельзя не назвать богатырской работу пулемётчика ефрейтора Ивана Богатыря. Дот, в котором он и ещё три солдата прикрывали подступы к командному пункту роты, немцы не могли подавить в течение нескольких дней. Пятнадцать раз его бомбили самолёты, по нему била пушка. После каждого налёта и обстрела на маленькую крепость шли в атаку пехотинцы; первый раз и второй они шли в полный рост, потом ползли, прячась за кусты и камни. И каждый раз пулемётчик истреблял и отгонял немцев. Товарищи Богатыря были ранены, он один успевал стрелять из снайперской винтовки – когда враги были ещё далеко, из пулемёта – когда враги подходили близко.

В июньских боях приморцы успешно применяли противотанковые ружья. Пуля ружья невелика, но, имея наконечник из прочнейшей легированной стали, она пробивала танковую броню и доставляла в танк горящий термит; в танке всегда есть пары бензина, чтобы взорваться им, достаточно искры – немало вражеских танков сожгли бронебойщики.

НА МОРСКОЙ ДОРОГЕ В ГОРОД

11 июня наши войска нанесли контрудар по неприятельскому клину, пробившему дугу обороны у Мекензиевых Гор. Николай Кирьякович Рыжи (в послевоенные годы генерал-полковник артиллерии) писал о том дне:

«Полностью восстановить положение на этом участке не удалось. Но противник потерял более сорока танков, а три его пехотных полка были потрёпаны настолько, что немецкому командованию пришлось заняться перегруппировкой своих сил.

Продвижение врага на главном направлении штурма было приостановленно. И это опять-таки при господстве неприятельской авиации в воздухе.

– Будь у нас снарядов и мин по потребности, – сказал мне в тот день Иван Ефимович Петров, – мы заставили бы немцев подумать, стоит ли дальше штурмовать Севастополь…

Мне самому представлялся ещё вполне возможным такой ход дальнейших событий, когда противник, неся изо дня в день тяжёлые потери от нашего огня, будет вынужден временно отказаться от продолжения штурма и вновь перейти к осаде. Немцам давно уже пришлось признать, что Севастополь сильно укреплён, а первые дни июньского сражения подтвердили, что мы по-прежнему в состоянии его удерживать. Но если и было тогда можно вынудить врага прекраить штурм, то, конечно, не ослабляя огня артиллерии. А мы получали всё меньше боеприпасов, и в этом заключалась наша трагедия…»

Слова нчальника артиллерии Приморской армии для нас с тобой, читатель, очень важны. В свете этих слов, как в свете прожектора, мы посмотрим действия наших моряков на кораблях. Они снабжали армию всем необходимым для боя. В конечном итоге от них зависела судьба Севастополя. Сделали ли они всё, что могли, всё, что было в человеческих силах? Равно ли их мужество мужеству сражавшихся на берегу?

Манштейну не нужно было иметь семь пядей во лбу, чтобы понять, как важно пресечь снабжение города, наглухо блокировать Севастополь со стороны моря. Осада морской крепости с суши, как учит опыт истории, бывает успешной при одновременной блокаде с моря. И враги, естественно, направили основные силы своего флота на пресечение наших коммуникаций. Для этого они выделили 19 торпедных катеров, 30 сторожевых катеров, 8 катеров-охотников за подводными лодками, 7 подводных лодок. Самой же опасной для наших кораблей была авиационная группа – 150 бомбардировщиков и торпедоносцев. Если учесть, что против Севастополя всего действовало 600 самолётов, а истребителей у нас было несколько десятков, то станет ясным – моряки при отражении бомбардировщиков могли рассчитывать в основном на свои зенитные орудия и пулемёты.

Корабли, идущие в Севастополь, подвергались воздушным атакам ещё в открытом море. А на подходах к основному фарватеру их сторожили торпедные катера и сидевшие на воде гидросамолёты-торпедоносцы; имея шумопеленгаторы, они обнаруживали приближение наших кораблей по шуму винтов и взлетали для атаки. Проход по фарватерам был сам по себе труден; кораблям нужно было маневрировать, обходя свои

минные заграждения, периодически в этих местах ставил мины и противник. Ко всем этим трудностям надо добавить обстрел фарватера и бухт дальнобойной артиллерией. Став у причала в Севастополе, транспорт или корабль оказывался в не менее грозной обстановке, чем на переходе морем. И вот в таких обстоятельствах флот продолжал снабжать город боеприпасами, горючим, медикаментами.

С весны 1942 года пришлось отказаться от транспортов, они становились лёгкой добычей гитлеровских лётчиков. Транспорту страшен даже одиночный самолёт. Перевозки пришлось поручить боевым кораблям; по довоенным подсчётам, для потопления эсминца нужно одновременно не менее 9 бомбардировщиков, а крейсера – от 18 до 27. Грузы перевозили и подводные лодки. Корабли приходили в гавани только ночью, подводные лодки ходили и днём, погружаясь под воду при появлении авиации и при прохождении фарватером, который просматривался с дальнобойных батарей противника.

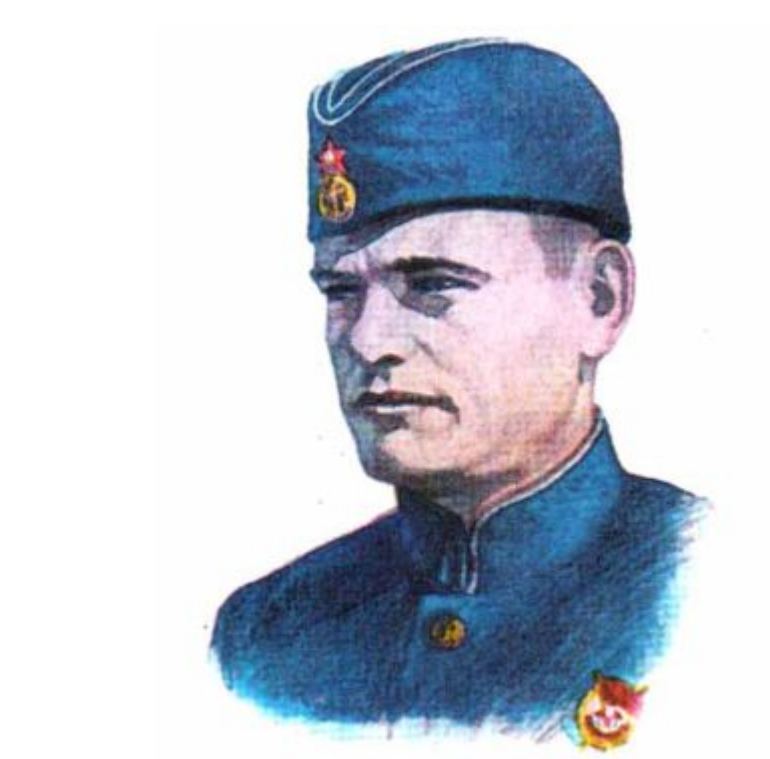
Лодки совершили в Севастополь 78 рейсов. Подвиги подводников измерялись здесь не числом тонн водоизмещения торпедированных судов, а числом тонн доставленных боеприпасов, горючего, продовольствия, числом эвакуированных из города раненых. Только этим и отличалась боевая работа экипажей от той, для которой лодки предназначались по уставу. Лодки попадали под бомбёжки с самолётов, их забрасывали глубинными бомбами сторожевики – только в последний месяц немцы сбросили около семи тысяч таких бомб.

Каждый поход каждой нашей лодки был героическим. Случались обстоятельства и неповторимые. 22 июня в Стрелецкую бухту пришла лодка-малютка М-32. Она доставила 8 тонн патронов и мин и 6 тонн авиационного бензина. Бензин перевозили в балластной цистерне. После перекачки его на берег цистерну, как полагается, промыли. Оставаться в надводном положении было нельзя, наступил рассвет, в небе появились вражеские бомбардировщики. Лодка пошла на погружение. Вода, заполнив балластную цистерну, вытеснила оставшиеся пары бензина в отсеки. На шестиметровой глубине произошёл в центральном посту взрыв, начался пожар.

Подводники действовали решительно, без паники – погасили огонь, всплыли на поверхность бухты. Но тут же лодке, чтобы не погибнуть под бомбами, прошлось снова лечь на грунт. Это произошло в 5 часов 58 минут.

Июньские дни длинные. Всплыть можно было лишь в 21 час. Дышать в лодке становилось всё труднее. Пары бензина дурманили людей. Люди впадали в бессознательное, обморочное

состояние; большинство лежало, некоторые пели или смеялись, были и такие, что пытались отдраивать люки в бессознательных поисках свежего воздуха. Дольше всех держались командир лодки капитан-лейтенант Н. А. Колтыпин и старшина мотористов главный старшина Н. К. Пустовойтенко. Около 17 часов командир почувствовал, что никакие усилия воли не спасут его от обморочного сна, у него хватило сил лишь приказать старшине, чтобы тот продержался до 21 часа и тогда разбудил его.



Пустовойтенко Н. К.

Мы с тобой условились, что ты, дорогой друг, прочтёшь рассказы Леонида Соболева о войне на Чёрном море. Есть у него рассказ «Держись, старшина!». Он как раз об этом случае, о человеке, который сохранил для флота лодку и спас от верной смерти товарищей.

Пустовойтенко продержался до 21 часа. Он потерял много сил, борясь в шестом отсеке с моряком, который пытался отдраить люк, не понимая, что лодка под водой. Этого моряка пришлось связать, так как не было уверенности, что он не повторит своей попытки. В назначенное время старшина стал будить командира, но не смог разбудить. И никого другого не смог разбудить себе в помощники. Тогда один продул балласт.

Лодка полувсплыла. Пустовойтенко открыл люк в рубке. Но, глотнув свежего воздуха, почувствовал, что теряет сознание. Каким-то невероятным усилием воли всё же заставил себя задраить люк – иначе лодку залило бы водой.

Два часа продолжался обморок у старшины. Лодку ветром несло к мысу Херсонес, на камни. Люк в шестом отсеке оказался закрытым неплотно, вода проникала всё время в лодку, залила трюм, электродвигатель.

В полночь Пустовойтенко очнулся. Как это произошло? Какие силы заставили старшину прервать тяжёлый сон? Конечно, не только физические, хотя он был крепкий, этот моряк. Где-то в клеточке мозга, где-то в сердце бодрствовало чувство великой ответственности и морского братства. Оно разбудило…

Пустовойтенко снова открыл рубочный люк. Вынес на воздух командира. Включил вентиляцию. Плотно закрыл люк в шестом отсеке. Откачал воду из лодки. Вот сколько он сделал, пока его товарищи приходили в сознание.

В море штормило. Ветер и волны били лодку о камни. Кругом стояла темнота – ничего не видно. Но были уже на ногах командир, электрик Д. С. Кижаев, моторист В. К. Щелкунов. Запустили дизель. Рывком сняли лодку с камней. И пришли 25-го числа в Новороссийск.

Много раз ходил в Севастополь лидер «Ташкент». Ходили туда и крейсер «Красный Крым», эскадренные миноносцы «Бдительный» и «Безупречный», тральщики, катера. Всем им было нелегко. Невероятно трудно пришлось «Ташкенту», он был последним крупным кораблём, прорвавшимся в Севастополь.

«Ташкент» вышел в первое плавание по Чёрному морю в конце 1940 года. Что это был за корабль, никто не скажет лучше, чем его бывший командир – в те дни капитан третьего ранга, позже контр-адмирал – Василий Николаевич Ерошенко.

Ерошенко В. Н.

«…этот корабль привлекал особое внимание. Им нельзя было не любоваться. Слегка откинутые назад мачты и трубы, первая из которых как бы срослась с крыльями мостика и обтекаемой рубкой, острый форштевень и «зализанные» обводы высокого полубака – всё это словно подчёркивало стремительность корабля, говорило о большой скорости его хода. А возвышавшиеся над палубой орудийные башни и торпедные аппараты давали представление о его ударной мощи.

Словом, это было выразительное сочетание быстроты и силы. И с общим обликом корабля удивительно гармонировала не совсем обычная окраска его бортов и палубных надстроек – не просто серо-стальная, шаровая, как у других, а с голубоватым оттенком. Она придавала кораблю нарядный, несколько щеголеватый вид, который всегда радует глаз моряка.

«Голубой красавец» – так прозвали новый корабль, будто сговорившись, военные моряки в Севастополе, Одессе, Батуми… А гражданские люди, не особенно сведущие в тонкостях корабельной классификации, стали называть его «голубым крейсером».

26 июня, когда положение в Севастополе осложнилось до крайности, «Ташкент» после полудня вышел из Новороссийска, имея на борту стрелковую бригаду – 1264 человека, последнее пополнение приморцам, и боеприпасы. Двумя часами раньше

вышел эсминец «Безупречный», он ходил потише лидера, а был расчёт на то, чтобы к опасной зоне подходить вместе – вместе легче отбиваться от самолётов.

Лидер уже нагонял «Безупречного», как из эсминца вырвался столб чёрного дыма. Эсминец бомбили 20 «юнкерсов». В корабль попали две большие бомбы, он взорвался, переломился надвое и быстро пошёл ко дну. На месте гибели, когда пришёл туда «Ташкент», плавали моряки. Командира корабля, мужественного и храбрейшего офицера Черноморского флота Петра Максимовича Буряка не было среди них – отдав команду всем покинуть корабль, сам он остался на мостике и погиб с кораблём.

Лидер сбавил ход, чтобы помочь терпящим бедствие. Но тут показались бомбардировщики. И люди в воде отказались от помощи.

– Уходите! – кричали они. – Вас ждёт Севастополь!..

Так безупречно держались перед гибелью моряки «Безупречного», корабля, который до этого пять раз благополучно прорывался в Севастополь.

«Ташкент» сбросил на воду свои спасательные круги, пояса, всё, на чём можно было плыть, и тут же вступил в противоборство с бомбардировщиками: на его палубе и в трюмах была стрелковая бригада, её ждал город.

До самой темноты «юнкерсы» налетали на лидер. Корабль уклонился от бомб, зенитчики сбили два самолёта. В темноте его атаковали торпедные катера. Комендоры вовремя открыли по ним огонь, расстроили атаку, и торпеды прошли в стороне.

Около полуночи «Ташкент» встал в Камышовой бухте. Под артобстрелом он разгрузился, взял на борт 2300 женщин, детей и раненых. На корабль было погружено полотно панорамы «Оборона Севастополя». И Ерошенко повёл корабль в Новороссийск.

Хотя на разгрузку и погрузку ушло всего два часа, командир знал – тёмного времени не хватит, чтобы уйти из опасной зоны. Предстояли трудные испытания. Ерошенко – а в таких случаях это всегда было принято на флоте – переоделся в парадный китель с орденами. И моряки, кроме тех, что работали внизу, надели форму первого срока…

С самого рассвета начались атаки немецких самолётов. Их было 86. Четыре часа немецкие самолёты висели над «Ташкентом», поливая его из пушек и пулемётов. Они сбросили больше 300 бомб.

Появились раненые: моряки, женщины, дети. Появились пробоины в корпусе корабля. Вот бомба взорвалась вблизи правого борта. Сквозь пробоину вода хлынула к котлам первого

котельного отделения. Котлы должны были взорваться. Моряки до сих пор дивятся, как удалось машинистам в считанные секунды погасить котлы и выпустить пар. Трое из них – Василий Удовенко, Фёдор Крайнюков, Михаил Ананьев – погибли. Четвёртого – Александра Милова – вода вынесла к люку, товарищи спасли его.

Вода прибывает в другие отсеки и помещения. Нет возможности заделать пробоины – так много их. Выбило напором воды переборку во втором котельном отделении, и там пришлось погасить котлы. Ход корабля уменьшился. Гружённый сверх всякой меры корабль отяжелел. Теперь к его грузу прибавилась тысяча тонн воды. Как он держится на поверхности моря? Как он движется? Он не просто держится, не просто движется – он сражается. Василий Николаевич Ерошенко на мостике в парадном мундире с орденами. Голос хриплый, а команды на уклонение ясные, чёткие. Он видит, откуда заходят самолёты, как падают бомбы… Зенитчики бьют и бьют. Зенитки раскалились, нужна вода, чтобы поливать стволы. И как это бывает на пожаре, от зенитных автоматов до борта встали женщины с вёдрами…

Из Новороссийска спешила помощь. Истребители отогнали бомбардировщиков. Подошли эсминцы «Сообразительный» и «Бдительный», буксир «Черномор», спасатель «Юпитер», катера. Раньше всех прибыл к «Ташкенту» на торпедном катере командующий эскадрой контр-адмирал Лев Анатольевич Владимирский. «Сообразительный» взял на борт всех пассажиров «Ташкента». «Бдительный» и «Юпитер» повели израненный корабль на буксире. Поздним вечером лидер был в Новороссийске.

Вспомним опытные подсчёты: по этим подсчётам, для потопления эсминца нужно 9 бомбардировщиков, для потопления крейсера – от 18 до 27. «Ташкент» больше эсминца, меньше крейсера, для потопления такого корабля, следовательно, нужно 16 самолётов. А их было 86! В пять раз больше смертельной нормы. Пять раз должен был потонуть «Ташкент», но он выдержал схватку, победил врага, который в пять раз был сильнее его.

В заключение вот что. На «Безупречном» вместе с отцом, Петром Максимовичем Буряком погиб его сын-подросток Володя, служивший юнгой. На «Ташкенте» был ранен юнга Боря Кулешин. Он и раненый подносил патроны пулемётчикам, за что был награждён орденом Красной Звезды.

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ

…Фашисты напали на СССР 22 июня 1941 года. В

ознаменование этой даты Манштейн назначил новым сроком взятия Севастополя 22 июня 1942 года. Срок, как и другие, не был выдержан. Однако в 20-х числах положение и состояние защитников города резко ухудшились. Понесла очень большие потери 95-я Молдавская дивизия, оборонявшая позиции севернее Севастополя. Её полки насчитывали теперь по сотне бойцов и меньше. Немцы прижали стрелков к берегу Северной бухты. У наших есть там орудия, но нет к ним ни одного снаряда. Правее обороняется 25-я Чапаевская. У неё дела несколько лучше, но и она потеряла множество людей, и у неё снаряды на исходе, а взять ещё неоткуда. Сил хватает только на то, чтобы медленно отходить, задерживаясь какое-то время на высотах или в другой удобной местности.

В эти дни стало ясно, что враг войдёт в город, и смысл борьбы приморцев заключался теперь только в том, чтобы как можно больше истребить врага. Понять и представить характер таких боёв нам помогут воспоминания командира Чапаевской дивизии Трофима Калиновича Коломийца, позже генерал-лейтенанта. Но прежде найди на схеме Мартыновский овраг, Инкерман. Понимаешь, что в этом районе происходит? Немцы готовятся форсировать Северную бухту, готовятся к высадке на её южном берегу, на Корабельной стороне города. Бухта неширокая, но враг понесёт потери при её преодолении. Поэтому, чтобы облегчить высадку десанта, немцы стремятся выйти к южному берегу и посуху – со стороны оврага.

Итак… «3-й морской полк (по числу штыков он теперь немногим больше батальона) с утра 26-го занимает оборону в верховье Мартыновского оврага. Здесь накапливается пехота противника. Мы с командиром полка С. Р. Гусаровым следим за ходом событий с его наблюдательного пункта.

Вот немцы поднялись в атаку. Им надо перебежать зелёную низинку, но десятки гитлеровцев сразу же валятся на землю. В бинокль отчётливо видно: те, что упали, остаются неподвижными. Другие мечутся по низине. Спастись удаётся немногим. В общем грохоте боя совсем не слышны пулемётные очереди из замаскированного на склоне дота. А это оттуда наши пулемётчики скосили за несколько минут столько фашистов.

Появляется группа немецких самолётов. Они бомбят низину и склон оврага чуть не полчаса. Там, где только что зеленели трава и кусты, дымится чёрная земля. У одной из воронок виднеется часть железобетонного колпака дота…

И снова немцы пытаются пересечь овраг. Дота больше нет, но их встречает автоматный огонь нескольких уцелевших после бомбёжки краснофлотцев. Фашисты падают, поднимаются делают

перебежки… Прямо навстречу им бросаются четверо моряков. Мы с Гусаровым не знаем их имён. Но это герои, понявшие, что настал их час. Вспыхивают дымные облачка от разрывов ручных гранат, и ещё сколько-то гитлеровцев остаётся на перепаханной бомбами поляне. Там же лежат и наши бойцы – последние из тех, кто был на этом рубеже.

Новая группа немцев приближается к склону, где находятся командные пункты подразделений.

– Надо остановить их! – Гусаров поворачивается к стоящему рядом лейтенанту. – Берите свой взвод…

Речь идёт о взводе противохимической защиты, в котором осталось с десяток бойцов. Вместе со своим командиром они скрываются в кустарнике, спеша наперерез врагу.

Четверть часа спустя новая атака. Немцы устремляются к высотке, обозначенной у нас на карте отметкой 113,7.

– Больше резерва нет, – говорит Гусаров. – Здесь со мной только пятнадцать человек из комендантского взвода.

Я связываюсь с командиром 287-го полка, люди которого обороняются южнее, и требую остановить немцев, не дать им выйти в тыл пугачёвцам и разинцам, занявшим сейчас оборону на Инкерманских высотах.

Не овладев высотой 26 июня, фашисты возобновляют атаки на неё с рассветом следующего дня. Но за ночь мы выдвинули туда роту автоматчиков, собранную из разных подразделений, и десять расчётов бронебойщиков. К утру они успели хорошо окопаться.

Высоту теперь штурмует целый немецкий батальон. Но и он не может её взять. К полудню в бой на этом участке введено уже до полка вражеской пехоты и двенадцать танков. Бои длится до 4 часов дня. Сожжены восемь танков, перебиты сотни гитлеровцев. И высотка по-прежнему в наших руках.

Потом вдали, над горизонтом, показалась группа бомбардировщиков. Их больше сорока. Идут сюда, и ясно, что их цель – высота 113,7. А от бомб там укрыться негде. Нельзя допускать, чтобы люди гибли бесполезно, и я приказываю Гусарову дать сигнал на отход с высоты. Успеют ли? В основном успели. Бойцы почти без потерь отошли на линию обороны 287-го полка».

Вот так, погибая сами и уничтожая врага, отходят приморцы к городу. А города уже нет. Есть груды развалин, разбитые и сожжённые кварталы.

У Севастополя было много трудных дней. Труднейший из них – 29 июня. Ещё ночью немцы начали осыпать Корабельную сторону снарядами, с рассветом посыпались бомбы с самолётов.

Южный берег, где заняли оборону наши бойцы, окутался облаком гари и пыли. Вдобавок немцы поставили в бухте дымовую завесу, под её прикрытием пошли лодки и катера. Наши разглядели противника, уничтожили семнадцать лодок и катер. На большее сил не хватило. С выбегавшими на берег немцами дрались врукопашную. Без патронов, отбиваясь штыками, стали отходить к Малахову кургану.

29-го же, тоже затемно, немцы начали штурм Сапун-горы – это на направлении вспомогательного удара. Наш последний аэродром на мысе Херсонес разрушен бомбёжками и тяжёлой артиллерией, наших истребителей теперь вовсе нет, и немецкие самолёты бомбят нашу каждую ожившую огневую точку, бьют из пулемётов в каждого замеченного бойца. И нет у нас снарядов, на исходе патроны. Защитники Сапун горы умирают героями. К концу дня немцы взяли гору. Уцелевшие бойцы морской пехоты теперь пытаются хоть сколько-то задержать врага на горе, не дать ему спуститься с северного склона к городу. Командир 7-й бригады морской пехоты генерал Е. И. Жидилов вспоминает:

«Отбиваем атаку за атакой. Все сознают – это последний рубеж. Но нас лишь горстка, а к концу дня в строю буквально единицы. И фашисты лезут на гору.

К бригадному наблюдательному пункту у обрыва приближается цепь немецких автоматчиков. Мы с комиссаром Ищенко на НП уже только вдвоём… Отстреливаясь, отходим – ничего другого не остаётся. Место открытое, и на нас с рёвом пикируют «юнкерсы», строча из пулемётов. Как ни странно, но это нас и спасает: автоматчики не решаются к нам приблизиться, боятся своих самолётов, и мы, перебегая от воронки к воронке, в конце концов отрываемся от врага.

Выходим к нашей артиллерийской позиции в Хомутовои балке. Тут стояли четыре 76-миллиметровых орудия, уцелело лишь одно. У единственной пушки возится матрос. Бескозырка на затылке, ворот фланелевки разорван, под нею видна выцветшая от пота тельняшка. Не обращая на нас внимания, артиллерист, сжав челюсти, продолжает своё дело. Он и заряжает пушку, и наводит, и стреляет. Орудие ведёт огонь по Сапун-горе.

– Где остальные?

– Все здесь, никто не ушёл! – отвечает матрос, не скрывая обиды, и обводит рукой вокруг: – Вот они!..

Мне становится стыдно за вопрос, заданный слишком поспешно. Артиллеристы тут – мёртвые…

Не сказав друг другу ни слова, мы с Ищенко становимся рядом с краснофлотцем к орудию. Собрали последние семнадцать снарядов и бьём по Сапун-горе.

Зарядив пушку последним, краснофлотец зачерпнул бескозыркой песку и высыпал в дуло. Раздался выстрел, пушка невредима. Артиллерист хватает противотанковую гранату.

– Посторонись! – кричит он нам.

Когда развеялись дым и пыль, мы увидели пушку искалеченной. И мы ушли – делать тут больше было нечего».

30 июня Ставка Верховного Главнокомандования приняла решение – оставить город, войска эвакуировать.

Посмотри на схеме ещё раз мыс Херсонес. Он далеко вдаётся в море. К этому мысу отходили со всех участков разрушенной обороны остатки Приморской армии. Они – отдельные бойцы, расчёты с уцелевшими орудиями, группы бойцов, собранные железными командирами, – конечно же, не теряли надежды на приход кораблей к этому заветному каменистому треугольнику.

На мысе стояла дальнобойная башенная батарея № 35. Она жила дольше всех береговых батарей Севастополя. Последней её задачей было прикрыть подступы к мысу и Казачьей бухте со стороны суши, обеспечить посадку людей на корабли. В бетонированных коридорах батареи собралось множество раненых, сюда же перенёс свой командный пункт Военный совет Черноморского флота.

Тем, кто отходил к Херсонесу, было ясно, что надо из последних сил держать оборону на подступах к мысу. Пустить немцев на мыс – это значило потерять любую надежду на эвакуацию. По врагу, рвавшемуся к Херсонесу, била тяжёлыми снарядами 35-я. И жестоко дрались с ним отходившие стрелки и моряки. На дороге из Балаклавы в Севастополь вспыхнул скоротечный бой отряда наших бойцов, собранных старшим батальонным комиссаром Семёном Ивановичем Костяхиным. За час из четырёх сотен наши потеряли три сотни. Но и враг потерял столько же и около двадцати танков сожжёнными и подбитыми. Это было 2 июля. А 4-го вспыхнул новый бой. К тому времени к отряду присоединились новые отходившие группы, он снова стал боеспособным и уничтожил ещё четырнадцать танков. Комиссара Костяхина контузило, он попал в плен и тогда же, после истязаний, был расстрелян.

Непосредственно на Херсонесском мысе оборону возглавил генерал-майор Пётр Георгиевич Новиков, командир 109-й стрелковой дивизии. Он был тяжело ранен, взят в плен и расстрелян в концлагере Флоссенбург за отказ служить немцам.

А что же происходит там, где кончается мыс и начинается море?

Не могут большие корабли выручить приморцев, Есть линкор, есть крейсеры, эсминцы. Но если они придут сюда, назад им не

уйти – небо наполнено вражескими самолётами, по водному пространству вокруг Херсонеса бьёт даже полевая артиллерия. Пришли 1 июля и ушли, забрав людей, подводные лодки Щ-209 и Щ-203, 3 июля отошли подводные лодки М-112 и А-2, в этот же день удалось эвакуировать 377 человек на базовых тральщиках «Защитник» и «Взрыв», несколько раз приходили катера. Последние три катера пришли в ночь на 5 июля. А больше кораблей уже не было – не стало ни малейшей возможности брать людей на борт.

И 35-й батареи – защитницы мыса – больше не было. 1 июля она подверглась сильнейшей бомбёжке, обстрелу, её атаковали автоматчики. Создалась реальная угроза захвата батареи немцами. Поздней ночью командир 35-й капитан А. Я. Лещенко отдал приказ – батарею взорвать.

Наши на мысе Херсонес держались до 12 июля – без еды, без воды, почти без оружия. Была у них в избытке лишь ненависть к врагу, была совсем крохотная надежда на приход катеров. Многие ночами пускались вплавь, рассчитывая, что в море подберут свои катера, но утром появлялись катера немецкие и рубили винтами пловцов. Другие же – большинство – продолжали держать оборону по обрыву мыса. Немцы били их бомбами, снарядами – они тогда спускались с обрыва к морю и укрывались в скалах и среди камней, немцы пускали на них танки – тогда вызывались герои, им отдавали последние гранаты, и танки горели на морском ветру.

Медаль «За оборону Севастополя».

Сразу же после приказа оставить Севастополь некоторые группы и отряды отошли не к мысу, а в горы к партизанам. Пробираться к партизанам, умереть от жажды, попасть в плен – вот из чего надо было сделать выбор на мысе Херсонес. Они выбрали первое. Их ночные удары были страшными. Несколько раз они отбрасывали немцев от своего обрыва на километры. Захватывали оружие врага. Два танка захватили и пустили в бой. Манштейн писал о тех ночах: «Противник предпринимал неоднократные попытки прорваться в ночное время на восток в надежде соединиться с партизанами в горах Яйлы. Плотной массой, ведя отдельных солдат под руки, чтобы никто не мог отстать, бросались они на наши линии. Нередко впереди всех находились женщины и девушки-комсомолки, которые тоже с оружием в руках воодушевляли солдат».

Через заслоны фашистов пройти было трудно. Для большинства невозможно.

О значении Севастополя и его обороны мы с тобой говорили в начале очерка. К тому, что было сказано, добавим конкретное: Севастополь на восемь месяцев как бы отнял у германского командования очень сильную 11-ю армию. Посмотри карту первого периода войны. Обрати внимание на синие стрелы с точками – это действия гитлеровских войск в мае – ноябре 1942 года. На всех фронтах в это время относительное затишье, а у Сталинграда и на Северном Кавказе идут ожесточённые сражения. Взять Сталинград и Кавказ – основная цель немцев в 1942 году. Сталинград они не взяли, на Кавказ не прошли. В таком серьёзном деле, как война, нельзя гадать, но мы с тобой, зная, что у Сталинграда и на Кавказе были такие критические дни, что наша оборона могла вот-вот рухнуть, можем представить себе картину: Севастополь взят немцами ещё в 1941 году, и армия Манштейна усиливает войска немцев, наступающие теперь на юге. Был бы тогда взят Сталинград, был бы взят Кавказ – гадать об этом нельзя, но совершенно очевидно, что советским войскам было бы там гораздо и гораздо труднее. Наши выдающиеся военачальники, военные историки считают: оборона Севастополя – это «не просто упорная оборона одного города, а целая эпопея, оказавшая огромное влияние на весь ход войны и сыгравшая исключительную роль в отражении наступления южной группы немецких армий».

…Теперь мы с тобой, дорогой товарищ, с Чёрного моря переберёмся на север страны, к морякам-североморцам. Нам с тобой нужно будет опять вернуться в июнь 1941 года.

ВОЙНА НА СЕВЕРЕ

Посмотрим карту района, где действовали моряки-североморцы, и карту прилегающих к нему районов. География накладывает строгий отпечаток на военные планы и военные действия, а часто в значительной мере определяет их. Поэтому, разобравшись в карте, имея перед мысленным взором её характерные точки, нам будет легче представить ход и смысл сражений нашего Северного флота.

Фрагмент карты Арктики.

Вообразим себя в космическом корабле, который вопреки законам своего полёта на какое-то время замер над островом Медвежий. Остров, хотя название у него русское, принадлежит Норвегии и находится примерно на середине линии, идущей от мыса Южный на острове Западный Шпицберген до скандинавского мыса Нордкап. К слову говоря, эта линия считается западной границей Баренцева моря. Оглядим сверху участок земли, над которым мы остановились.

Вдали на западе, там, где скалистая Исландия и Фарерские острова, сливаются воды двух океанов – Атлантического и Северного Ледовитого, и это значит, что мы видим пути кораблей, идущих из стран Атлантики к арктическим берегам Европы. В нашем конкретном случае – пути, по которым США и Англия доставляют в Советский Союз грузы, необходимые для общей войны с фашизмом. Из исландского Рейкьявика до

Мурманска по маршруту мирного времени 2800 километров, из портов Англии – 3200. Конвои проходят эти – теперь удлинившиеся – маршруты за 10-14 суток.

Прямо на север от нас архипелаг Шпицберген, восточнее его – архипелаг Земля Франца-Иосифа. Большого практического значения во время той войны они не имели, хотя конвои и ходили вдоль кромки льдов Шпицбергена.

А вот остров на востоке – Новая Земля – имел большое практическое значение, особенно важны были проливы Маточкин Шар, Югорский Шар и Карские Ворота, они все три – ворота в Карское море, к берегам Сибири, а по Северному морскому пути – через пролив Вилькицкого – на советский Дальний Восток.

Пожалуйста, отыскивай все эти точки на карте. Даже такие удалённые от основного военного театра, как устье Оби, устье Енисея. И в эту даль простирали свои планы немецкие фашисты. К примеру, в Обской губе их подводная лодка ставила мины, туда забирался крейсер врага «Адмирал Шеер». Зачем так далеко они забирались? С Дальнего Востока, из Сибири – по Енисею и Оби – наши суда доставляли в Архангельск важные грузы. Достаточно сказать, что недалеко от енисейского порта Дудинка уже в те годы был город Норильск со своим знаменитым металлургическим комбинатом; добавки норильских редких металлов в сталь танковой брони делали броню необычайно прочной. В 1942 году из Петропавловска-Камчатского пришли в Мурманск Северным морским путём лидер «Баку», эсминцы «Разъярённый» и «Разумный»… Так что основания действовать в Карском море у врага были.

К югу от острова Медвежий, от той точки, которую мы выбрали для нашей рекогносцировки, находится самое важное. Здесь своими причудливыми краями сходятся три страны: Норвегия, Финляндия, СССР. Норвегия оккупирована гитлеровцами, Финляндия – их союзница. От линии, на которой стоят сейчас войска врага, до Мурманска, до Полярного – главной базы Северного флота – около сотни километров. Кроме этих портов, зимой все наши другие замерзают. Мурманск связан железной дорогой с центром страны. Дорога спешно строилась ещё в первую мировую войну – среди скал и болот – именно для связи России с союзными Англией и Францией. Дорога и теперь очень нужна; когда фашисты перережут её около Онежского озера, мы в кратчайший срок проложим ветку от Беломорска до Архангельска, вдоль южного берега Белого моря, и дорога снова будет действовать.

Ну вот, для первого раза, пожалуй, мы всё с тобой рассмотрели.

В самом начале главы «Адмиральская» упоминалась операция немцев под названием «Везерюбунг» – «Учение на Везере». Как, верно, помнишь, никаких учений на немецкой реке не произошло, а были высажены десанты в Дании и Норвегии. Обе страны попали в оккупацию к фашистам. Было что в 1940 году. Гитлер таким началом достиг три выгоды: первая – немецкий флот, базируясь в портах Норвегии, получил свободный выход в Атлантику, на коммуникации Англии и США. Если бы у немцев не было норвежских баз, англичане (при определённой удаче) могли запереть фашистские корабли в их базах на Северном и Балтийском морях; вторая выгода – немецкая промышленность получила возможность пользоваться великолепной скандинавской рудой: железной, никелевой и молибденовой. Никель Киркенеса на 70 процентов удовлетворял промышленность Германии в этом важном для войны металле. Пользуясь электроэнергией норвежских гидростанций, враги готовили там тяжёлую воду, нужную для создания атомной бомбы; и третья выгода – немецкие сухопутные войска и флот перед войной с Советским Союзом чуть ли не вплотную приблизились к нашей границе, к Мурманску, к Кировской железной дороге.

Третьей выгодой, извлечённой из «Везерюбунга», Гитлер воспользовался 29 июня 1941 года. Активные военные действия на Севере начались на неделю позже, чем на остальных участках фронта. Операцию по захвату Мурманска и Полярного (с последующим захватом Архангельска) немцы назвали «Зильберфукс» – «Серебристая лисица».

Наш Северный флот был самый молодой и самый малочисленный по сравнению с другими нашими флотами. Он имел к началу войны 8 эсминцев, 15 подводных лодок, 7 сторожевых кораблей, минный заградитель, 2 тральщика и 15 охотников за подводными лодками. Военно-морские силы противника здесь тоже не были внушительными: вспомогательный крейсер, 5 эсминцев, 3 миноносца, 6 подводных лодок, 10 сторожевых кораблей, 2 минных заградителя и 15 тральщиков.

Фашистов ни наш флот, ни собственный особенно не интересовали. Так же, как на Балтике и на Чёрном море, они надеялись взять наши базы на Баренцевом море с суши. Причём взять молниеносно.

Посмотри схему военных действий на Карельском фронте. В условиях бездорожья, болотистой и скалистой местности противник наносит три рассредоточенных удара: на Мурманск и Полярный наступают две горнострелковые дивизии, на

Кандалакшу – пехотная дивизия и бригада СС, на Ухту – две пехотные дивизии. Войска немцев и финнов объединены в группу под названием «Норвегия».

Почти при равенстве в кораблях враги имеют превосходство в людях. У них больше, чем у нас, авиации. Пользуясь преимуществом в авиации, они намереваются разбомбить Мурманск, разрушить шлюзы на Беломорско-Балтийском канале, пробить бомбами путь своей пехоте через наши позиции, в итоге взять наши порты и перерезать железную дорогу. По сражениям на Балтике, у Севастополя ты знаешь, какой грозной силой была авиация. В этих условиях наша 14-я армия и Северный флот должны сдержать врага.

Как и всюду на советско-германском фронте, бои на Севере сразу же приобрели ожесточённый характер. Горные егеря немцев, прославившиеся в захвате острова Крит и норвежских городов, с азартом и амбицией атаковали наши позиции. Советские бойцы и морские пехотинцы ответили яростным сопротивлением, железной стойкостью. Обыватели в Германии в те дни привыкли к победным сообщениям с Восточного фронта. Но с его заполярного участка таких сообщений не поступало. Эту ситуацию одна немецкая газета объясняла так: «Почему германские войска ещё не в Мурманске? Бои оказались чрезвычайно тяжёлыми, их трудности не поддаются описанию. Сам чёрт выдумал тундру в помощь большевикам». Немецкое командование всегда тщательно учитывало характер местности и климат тех районов, где готовились военные действия: войну против нас фашисты начали в конце июня, а не раньше, потому что ждали, когда просохнут от весенних разливов поймы наших западных рек и будет хорошая дорога для танков и мотопехоты. Прекрасно знали враги и условия тундры. А вот мужества и стойкости наших бойцов немецкие генералы не учли в своих планах. Как и в битве под Москвой, врага остановили и разгромили не морозы, не снега, так и у Мурманска не тундра, не сопки остановили фашистов, а героизм советских людей.

Первым Героем Советского Союза среди североморцев стал старший сержант морской пехоты В. Кисляков. Со своим отделением он выбил неприятеля с важной сопки, оборонял её, а когда было приказано отходить, остался один у пулемёта и прикрывал отход товарищей. Кончились патроны. Егеря окружили моряка. Кисляков отбивался гранатами, стрелял из оружия, взятого у убитых врагов, он дождался помощи, и высота осталась нашей.

Мужественно сражались лётчики. Среди них было много храбрых мастеров воздушного боя. А самым искусным был

командир эскадрильи старший лейтенант Борис Феоктистович Сафонов. Не случайно именно он первым на Севере сбил вражеский самолёт.

Сафонов Б. Ф.

Имея много бомбардировщиков, гитлеровцы перед атакой ожесточённо бомбили наши позиции. В эти тяжёлые моменты на помощь пехоте прилетали истребители. Самыми страшными для врага были сафоновские. Фашистским лётчикам особо запомнился день 15 сентября. Утром семёрка истребителей Сафонова заставила большую группу бомбардировщиков повернуть назад и сбросить бомбы на свои позиции. После полудня на бомбёжку нашей пехоты вылетело тридцать бомбардировщиков под прикрытием двадцати двух «мессершмиттов». Их опять встретила семёрка морских лётчиков, и семь уничтожили тринадцать вражеских машин.

Истребительный полк в те дни был награждён орденом Красного Знамени. Сафонову, сбившему 16 самолётов, присвоили звание Героя Советского Союза.

А что делают в первые дни войны североморские корабли? У них дел, как говорят, по горло. Они охраняют подходы к Кольскому заливу и к Белому морю. Береговые батареи в этих районах слабые. А по логике вещей нужно ждать немецкие

десанты и в Кольском заливе, и в Кандалакшской губе Белого моря. Удары таких десантов навстречу наступающим дивизиям фашистов были бы для нас тяжелы. Представь себе последствия сильного десанта врага, высадившегося у Кандалакши, – железная дорога перерезана, Кольский полуостров с Мурманском и Полярным отрезан… И вот корабли находятся в готовности пресечь путь вражеских десантов к советским берегам.

Флот участвует также в отражении наступления фашистов на суше. Тысячи моряков-добровольцев ушли в морскую пехоту. Они высажены в тылу противника: в Мотовском заливе, у полуостровов Средний и Рыбачий. Корабли поддерживают их и бойцов 14-й армии артиллерийским огнём. Эсминцы «Урицкий» и «Куйбышев» бьют по побережью, занятому врагом, из орудий.

Корабли со своей зенитной артиллерией нужны для защиты Мурманска от авиации. Кварталы города спускаются с возвышенностей к самой реке Туломе, к самому порту. Немцы бомбят город и порт. На помощь мурманским зенитчикам в глубь Кольского залива вошёл эскадренный миноносец «Гремящий». Корабль стоит у борта большого судна – плавучей мастерской. Бомбардировщики идут двумя группами: одна на городские кварталы, другая к стоянкам судов, к причалам, складам порта. Плавучая мастерская и эсминец – заманчивая добыча для немецких лётчиков. Зенитчики «Гремящего» открывают огонь. Вражеские самолёты вынуждены рассыпать строй, но один прямо движется на цель. Наконец снаряд с «Гремящего» поджигает самолёт. А фашист не думает выходить из боя, направляет горящую машину в эсминец. Какое надо иметь самообладание, чтобы в эти секунды точно целить и быстро стрелять! Сейчас единственная возможность спасти корабль и себя – это влепить снаряд в лоб бомбардировщика. Комендоры орудия левого борта точно влепили снаряд и сшибли самолёт с курса. Падая в залив, он пронёсся над эсминцем и успел-таки сбросить бомбу. Бомба взорвалась в тридцати метрах от корабля. Волна ила и грязи, поднятая взрывом пятисотки, сшибла с ног артиллеристов, разметала по палубе. Проходит минута, и снова бьют орудия «Гремящего».

Этот бомбардировщик – второй на счету зенитчиков эсминца. За войну они собьют 14 самолётов, 23 повредят. Будет у них редкостный случай, который вряд ли когда забудут очевидцы. В один из налётов моряки подожгли «юнкерс» Горящий, он ринулся было в пике на городское здание, но тут же взорвался. А осколки его попали в соседний самолёт, второй бомбардировщик тоже загорелся и врезался в землю.

В то время была нелёгкой дозорная служба кораблей. Им

приходилось отбивать атаки самолётов, подводных лодок и миноносцев врага.

В начале августа у входа в Кольский залив дежурил сторожевой корабль «Туман». Несколько суток он ходил челноком от мыса Цып-Наволок на Рыбачьем до острова Кильдин; вступал в бой с самолётами, обнаружил подводную лодку, глубинными бомбами атаковал её. На рассвете 10 августа моряки заметили на горизонте три эсминца противника. Командир «Тумана» старший лейтенант Лев Шестаков решил принять бой. Силы были неравные – два 45-миллиметровых орудия сторожевика против пятнадцати 130-миллиметровых орудий эсминцев. Но эти пятнадцать могли засыпать снарядами наших на берегу. Дозорный корабль как часовой на посту – пусть малы его силы, он обязан задержать врага до прихода помощи.

«Туман», вычерчивая зигзаг, пошёл самым полным навстречу опасности.

Трудно представить тот беспримерный бой. Под градом вражеских снарядов наши комендоры бесстрашно вели ответный огонь. Снаряд взорвался на корме сторожевика, повредил там орудие, поджёг дымовые шашки. Ещё один попал в мостик и снёс его. Были убитые, многие ранены. Но носовое орудие стреляло и стреляло, пока подносчик снарядов Яков Колывайко не упал, обессилев от потери крови.

«Туман» погибал, в пробоины хлестала вода. Возможности к сопротивлению были исчерпаны.

Эсминцы прекратили стрельбу. И тут моряки увидели, что на их корабле нет флага. Осколок перебил фал, обгоревшее полотнище со звездой, серпом и молотом лежало на палубе. Раненый рулевой Константин Семёнов схватил флаг, забрался на покосившуюся мачту и прикрепил его на прежнее место. Снова вокруг «Тумана» поднялись водяные столбы. Для людей не служивших на флоте, не любивших свой корабль одержимой любовью, покажется странным, что моряки отнеслись к новым взрывам как к должному и нужному – ведь их корабль продолжал бой! А оружием у них был теперь флаг – пока он вьётся над телами убитых товарищей, над изодранной взрывами палубой, в дыму пожара, между вздымающимися к небу огромными фонтанами воды, продолжается сопротивление врагу.

Осколки летели так густо, что фал снова перебило. Семёнов уже не мог связать перебитые концы. Вцепившись в мачту, он прижимал конец фала к груди, и флаг был над кораблём.

Когда ещё раз флаг должен был упасть – Семёнов терял сознание – флаг подхватил и закрепил другой Константин, радист Блинов.

Вот какие люди служили на «Тумане»!

Одиннадцать прямых попаданий получил корабль. Накренившись на правый борт, он погружался в воду. Моряки спустили шлюпку. На их глазах «Туман» под своим флагом пошёл в последний поход, в глубину Баренцева моря.

Сторожевик сделал своё дело. С острова Кильдин по эсминцам ударила береговая артиллерия. Вражеские корабли закрылись дымом и начали уходить на северо-запад. У норвежского порта Вардё их догнали наши бомбардировщики. При бомбёжке один эсминец был повреждён.

Дозорный корабль как часовой. Поначалу он один оказывается перед врагом и использует все средства, чтобы уничтожить его или задержать. Боевой собрат «Тумана» сторожевой корабль «Бриз» нёс дозорную службу у горла Белого моря на линии мыс Святой Нос – мыс Канин Нос. Обнаружив подводную лодку врага и не имея возможности действовать по-другому, таранил её…

Прошло несколько месяцев боёв в Заполярье. Немцы достигли очень малого. В районе Мурманска они оттеснили наши войска от границы на три десятка километров. Им удалось отрезать полуострова Средний и Рыбачий, но занять их они не смогли. Ни на Ухтинском, ни на Кандалакшском направлениях противник не вышел к железной дороге. Осенью 1941 года линия фронта за Полярным кругом стабилизировалась, и не менялась она до нашего наступления в 1944 году.

Посмотри на карте линию, на которой остановился враг. Интересная деталь: южнее Рыбачьего был участок, где государственную границу враг не смог перейти, граница оказалась на ничейной полосе, и там стоял наш пограничный знак. Иногда немцам удавалось сбить его артиллерийским огнём. Но каждый раз советские солдаты водружали знак на место.

Линия фронта стабилизировалась. Однако это вовсе не значило, что уменьшилось в том районе боевое напряжение. На море оно, наоборот, многократно возросло. Оба флота – и наш и вражеский – всё время наращивали силы, и у нас и у немцев всё прибавлялось кораблей и самолётов. Так, в начале 1942 года фашисты перевели в норвежскую базу Альтен-фиорд свой лучший линкор «Тирпиц». В других базах и портах разместились тяжёлые крейсеры «Адмирал Шеер», «Адмирал Хиппер», «Лютцов», лёгкий крейсер «Кёльн», 13 эсминцев и миноносцев, 32 минных заградителя и тральщика, 31 подводная лодка, 12 торпедных катеров, много других катеров и сторожевых кораблей. Возросло число самолётов.

Увеличивался и наш флот. До того как враг разбомбил

шлюзы на Беломорско-Балтийском канале, из Балтийского моря прошли на север 8 подводных лодок, 6 торпедных и 4 сторожевых катера. 8 лодок-малюток дала флоту промышленность (их доставили к морю по железной дороге). Больше сотни гражданских судов были переоборудованы в сторожевики, тральщики, минные заградители. В Англии мы приобрели несколько тральщиков. С Тихого океана, ты уже знаешь об этом, пришли лидер «Баку», эсминцы «Разъярённый» и «Разумный». Кружным путём – через Тихий и Атлантический океаны – в 1943 году прибудут в Полярный пять подводных лодок Тихоокеанского флота В то же время прибудут из США 7 тральщиков и 9 больших охотников за подводными лодками. В 1944 году две лодки типа С даст североморцам промышленность. Увеличится количество торпедных катеров – часть была построена нами, часть переведена с Балтики, часть мы получили от американцев. В 1944 году в счёт предстоящего раздела между союзниками флота капитулировавшей Италии придут в Мурманск из Англии три подводные лодки, 8 миноносцев, крейсер и линкор.

Флот силён не одними кораблями. Нужны для полной силы самолёты. Число советских самолётов на Севере постоянно увеличивалось, а немецких уменьшалось. В конце 1944 года Северный флот почти в три раза превосходил противника по числу самолётов. Но это в 1944 году, а мы с тобой пока ещё в 1941-м. И нашим морякам очень и очень трудно. К трудностям военным прибавляются трудности погоды.

БАРЕНЦЕВО МОРЕ

Часть Северного Ледовитого океана, лежащая между материковым берегом Северной Европы, Новой Землёй, Землёй Франца-Иосифа и Шпицбергеном, на западе граничит с Норвежским, на востоке с Карским морями. Глубины большей частью от 100 до 350 метров. Южная часть моря у норвежских берегов и Кольского полуострова не замерзает. Зимой граница плавучих льдов лежит в 400-500 километрах от Кольского полуострова. Одно из самых неспокойных и изменчивых по погоде морей. Основной порт – Мурманск. Названо по имени Виллема Баренца, голландского мореплавателя XVI века. Новгородские ушкуйники начали освоение этого моря в XII – XIII веках.

ПОДВОДНЫЕ УДАРЫ СЕВЕРОМОРЦЕВ

Итак, армия «Норвегия» прочно остановлена среди болот и скал Севера. Дорог там нет. Снабжать войска и, следовательно,

поддерживать их боеспособность фашисты могут только морем. От порта Тромсе начали ходить вражеские транспорты в порты Варангер-фиорда, в Киркенес, Петсамо, Варде. Найди эти пункты на карте. Петсамо теперь называется Печенга, после войны район Печенги, старинной русской территории, отошёл от Финляндии к СССР.

На восток по трёхсоткилометровому пути немцы везут продовольствие. В обратный путь – на запад – транспорты идут с рудой и целлюлозой. Прервать перевозки врага, осложнить их и в то же время защитить свои коммуникации – такая задача с первых дней войны встала перед Северным флотом. Подводные лодки на Севере – наша главная ударная сила. Пока флот не пополнился кораблями, действиями подлодок руководит сам командующий флотом контр-адмирал Арсений Григорьевич Головко.

Головко А. Г.

«Самым молодым флотом командует самый молодой командующий. Ему всего тридцать шесть лет. Сегодня (лето 1943 года) Арсению Григорьевичу присвоено звание адмирала. Мы от души радуемся этому, – писал подводник Г. И. Щедрин. – Наш командующий пользуется огромным уважением среди моряков. Нас удивляет его работоспособность. Он находит время, чтобы

проводить в поход и встретить из похода почти каждый корабль. Успевает бывать на аэродромах, батареях. Адмирал знает сильные и слабые стороны каждого из нас, командиров кораблей. С уважением относится к каждому собеседнику, даже если не согласен с ним. Он любит острое слово, шутку. Память на фамилии и лица у адмирала феноменальная. Во время первого посещения нашей лодки командиры отсеков, представляясь командующему, называли свои фамилии. Сейчас, когда мы возвратились из похода, адмирал, обходя выстроившихся на палубе моряков, здоровается с каждым за руку и безошибочно называет по фамилии всех, кто ему в своё время представлялся. Слово адмирала, его мнение для нас непререкаемы не только потому, что он командующий. Нам кажется, именно таким должен быть командир для своих подчинённых, как для нас Головко».

У Арсения Григорьевича были прекрасные помощники. Один из них, командир дивизиона крейсерских лодок капитан второго ранга Магомет Имадутинович Гаджиев, говорил о себе: «Я одного только боюсь, уходя в море, – возвращенья домой без победы. Остальное не страшно». Так имели право сказать о себе многие офицеры-подводники. И это не было рисовкой: торпедные атаки, артиллерийские дуэли Гаджиева и его товарищей были дерзкими и победными. Смерть Гаджиев принял в тяжёлом бою с немецкими кораблями; честь этого командира была так чиста, что его имя навечно внесено в списки Северного флота.

Гаджиев М. И.

Мы с тобой, читатель, говорили, в каких обстоятельствах сражались моряки на Балтике и на Чёрном море. Чем-то на Севере было легче – к примеру, мы не теряли там военно-морских баз, но чем-то было и сложнее – незаходящее солнце в полярный день, мрак полярной ночи, частые жестокие штормы… Не пытаясь сравнивать доблесть флотов, мы всё же не можем не отметить, что на Северном флоте много произошло такого, что относится к категории первого.

Североморский лётчик Сафонов первым из участников Великой Отечественной войны был дважды удостоен звания Героя Советского Союза.

Первым Героем среди советских подводников в дни войны стал капитан второго ранга И. А. Колышкин, командир дивизиона подводных лодок Северного флота.

Первые командиры подводных лодок, получившие на войне звание Героя, были тоже североморцы: капитан второго ранга Н. А. Лунин и капитан-лейтенанты В. Г. Стариков и И. И. Фисанович.

Североморская лодка С-102 первой на нашем флоте одним торпедным залпом уничтожила два транспорта противника. На Севере же одним залпом К-21 уничтожила минный заградитель и сторожевой корабль, Л-20 – транспорт и сторожевой корабль, С-55 транспорт и пароход, Л-15 – два тральщика. А С-104 впервые

потопила одним залпом три цели: транспорт, противолодочный корабль и тральщик.

Первыми гвардейскими кораблями стали североморские лодки Д-3, К-22, М-171, М-174. Лодка Д-3 «Красногвардеец» стала и первым Краснознамённым гвардейским кораблём.

Первым соединением подлодок ВМФ, награждённым орденом Красного Знамени, стала бригада Северного флота. Она же первой получила орден Ушакова I степени.

И ещё – первыми победу над врагом стали отмечать орудийным выстрелом североморцы. Традиция эта распространилась по всем флотам, а возникла она вот как. 12 сентября 1941 года лодка К-2 обнаружила у норвежских берегов транспорт. Обстоятельства сложились так, что бить торпедой было нельзя. Командир капитан третьего ранга Василий Прокофьевич Уткин приказал всплыть и обстрелять транспорт из двух 100-миллиметровых пушек. Комендоры лодки всадили в транспорт 27 снарядов. Лодке пришлось тут же уйти под воду – появился самолёт и начал сбрасывать бомбы. Под водой экипаж слышал, как взорвались котлы вражеского судна. К-2 вернулась в Полярный через неделю. Входя в Екатерининскую гавань, она выстрелила из орудия. Рассказывают, что Арсений Григорьевич Головко, встречавший лодку, пригрозил офицерам снять замки с орудий и запаять кортики в ножнах, чтобы не пользовались оружием дома. Но это была шутка. Командующему выдумка понравилась – вся база, весь город сразу узнали, как закончился поход корабля. И часто над гаванью звучал не один выстрел, а два, три и больше.

Подводники Северного флота за войну потопили много транспортов и кораблей. Ты уже знаешь, как подлодка ищет врага, как выходит в атаку, как стреляет торпедами. Знаешь, что происходит потом: долгое преследование лодки сторожевиками, катерами, самолётами, взрывы глубинных бомб, такое долгое пребывание под водой, что люди впадают в обморок от удушья. Всю эту цену платили североморцы за пущенные на дно вражеские суда. Случалось, цена была выше, и лодки и люди в них гибли. Что делать? Война была не на жизнь, а на смерть. Кто кого.

КРУГЛЫЙ СЧЁТ «КРАСНОГВАРДЕЙЦА»

Рассказывая о подводных лодках, топивших немецкие суда у норвежских берегов, нельзя не говорить о «Красногвардейце». Ты, верно, помнишь: лодки серии «Д» – «Декабрист», «Народоволец» и «Красногвардеец» – были первыми лодками отечественной

постройки. Советские судостроители передали их морякам осенью 1931 года. А в 1933 году все три перешли с Балтики по Беломорско-Балтийскому каналу на Северный флот.

«Красногвардейцу» выпала судьба особая – быть кораблём, чья жизнь на море явилась примером всему нашему флоту и стала гордостью всего флота. Ещё в 1938 году лодка совершила сложнейший поход в Гренландское море. У берегов Гренландии дрейфовала льдина с папанинцами – научная станция «Северный полюс-1». Д-3 должна была снять зимовщиков, если бы льдину вынесло на тёплое течение.

Далёкое плавание, частые штормы многому научили подводников. Войну они встретили людьми мужественными и умелыми. Правда, первые три похода «Красногвардейца» к Нордкапу и Нордкину были неудачными, лодка никак не могла обнаружить врага. А с четвёртого, который начался 22 сентября 1941 года, дело пошло.

Уже 26-го у Конгс-фиорда потопили одиночный транспорт. На следующий день потопили танкер. Обнаружили конвой 30 сентября, стали выходить в атаку и сели на мель. Чтобы сняться с банки, пришлось всплывать на виду у кораблей охранения. Всплыли, на глубину ушли так быстро, что противник не успел сделать ни одного выстрела. Конвой не бросили, ещё раз вышли в атаку, и третий транспорт пошёл на дно. Через десять дней была одержана четвёртая победа – потопили крупное судно. На пути домой попали в сеть, долго тащили её за собой, рискуя быть обнаруженными. Но всё обошлось благополучно. Полярный услышал тогда четыре выстрела носовой пушки «Красногвардейца».

Через две недели лодка снова занялась охотой – в районе Порсангер-фиорда. Пятый транспорт потопили довольно легко. Шестой, что был в подарок к Дню Конституции, дался трудно. Погода была ненастная, холодная. Лодка обледеневала. Над морем проносились снежные заряды, при которых и вблизи-то ничего не видно. Всё же вахтенный офицер углядел в разрыве снежных вихрей два транспорта в сопровождении миноносца. Всё было готово к торпедному залпу, как миноносец повернул и пошёл на лодку. Пришлось быстро погрузиться, выжидая момент для атаки, идти параллельно конвою. Стреляли тремя торпедами, две попали во вражеское судно и взорвали его. Это было 5 декабря. А 6-го в Лаксе-фиорде, уклонившись от атакующего тральщика, торпедировали транспорт «Авраам Линкольн» водоизмещением в 10 тысяч тонн. Торпеда разворотила носовую часть транспорта, он принял сквозь бреши в борту много воды и, задрав корму, погрузился на дно.

В новом походе весной 1942 года Д-3 потопила ещё один транспорт и два повредила. Счёт побед округлился, их было ровно десять.

Из того похода «Красногвардеец» не вернулся. Гибель подводной лодки окружена тайной. Что случилось, никто не знает. Даже нет сведений, на основе которых можно было бы сделать достоверное предположение. Известно одно: экипаж лодки принял смерть в бою, как подобает краснознамёнцам и гвардейцам.

АТАКИ В ФИОРДАХ

Норвежские берега скалистые. У берегов море глубокое. Поэтому немецкие транспорты ходили, прижимаясь к берегу, берег был защитой им от атак лодок со стороны суши. Со стороны моря их прикрывали противолодочные корабли. Не так-то просто при таком методе движения подводной лодке торпедировать противника. К тому же с воздуха море осматривают самолёты-разведчики «арадо»; скорость у них чуть больше, чем у наших По-2, на такой скорости лётчик имеет возможность внимательно осматривать море. И это ещё не все меры предосторожности. От Тромсе до Варангер-фиорда на мысах, на возвышенностях стоят наблюдательные посты; они связаны с аэродромами, с береговой артиллерией, с противолодочными кораблями. Стоит им обнаружить перископ нашей лодки, как тут же лодка подвергается нападению или авиации, или артиллерии, или кораблей, а то и всех сил разом.

Конвои разгружаются и загружаются в фиордах – узких, извилистых заливах, глубоко врезанных в берега. У входов в фиорды тоже наблюдательные посты, там дежурят дозорные катера и сторожевики, в готовности находятся береговые батареи. Мало этого – входы закрываются противолодочными сетями. Да ещё прикрыты минными полями. Выходит, порт в фиорде – настоящая западня. Но и в такие западни дерзко пробирались наши подводные лодки, в основном «малютки».

В фиорде, несмотря на особую сложность выполнения атак, и открыли североморцы счёт потопленным судам. 14 июля 1941 года Щ-402 под командованием старшего лейтенанта Н. Столбова пробралась на рейд порта Хоннинсвог и торпедировала там стоявший на якоре транспорт.

В августе в фиорд Петсамовуоно (теперь Печенгский залив) прокралась лодка М-172 под командованием капитан-лейтенанта И. Фисановича. Гавань Линахамари расположена в самой глубине фиорда. Лодка долго шла к ней в подводном положении. Дважды

встречалась с немецкими сторожевиками, прослушивая их с помощью гидроакустической станции. Штурман Бутов настолько чётко прокладывал курс, что «малютка», когда подняла перископ, оказалась в 7-8 кабельтовых от причалов. У причала стоял огромный транспорт. Было около двух часов дня, прогремел взрыв торпеды, и лодка, нырнув в глубину, стала уходить из фиорда. Последнее, что увидели подводники в перископ, – это строй катеров, они шли фронтом поперёк фиорда, сбрасывали глубинные бомбы.

М-172 благополучно вернулась в Полярный. В те дни в базе были английские моряки. Рассказывают: «…командир английской лодки попросил Фисановича показать карту вражеской гавани с нанесёнными на ней боевыми курсами «малютки».

Англичанин внимательно разглядывал её, прикидывал циркулем длину и ширину залива. Затем восторженно пожал руку советскому командиру и сказал:

– Эту карту я вставил бы в рамку и повесил на стене своей комнаты».

В гавань Линахамари дважды ходила М-171 под командованием старшего лейтенанта В. Старикова Первый поход был неудачный, не оказалось цели, достойной торпеды. Стариков увёл лодку в море, намереваясь после такой разведки ещё раз побывать в гавани.

2 октября 1941 года М-171 была удачливой. Одну за другой она выпустила две торпеды: первую в грузовое судно, стоявшее у причала, вторую в пассажирское. Тут же лодка ушла под воду и стала выбираться из фиорда. Подводники ждали взрывов глубинных бомб. Но, к удивлению, всё было тихо, будто в гавани не слышали грохота торпед и не видели гибнувших судов. Удивление рассеялось, когда лодка в узкости фиорда вдруг остановилась и тут же произвольно стала всплывать с большим дифферентом на корму. «Малютка» попала в противолодочную сеть. Немецкие пушки принялись обстреливать лодку ныряющими снарядами.

Ты помнишь, как в Финском заливе выбирался из сети «Ёрш»? И тут подводники давали задний ход, заполняли водой среднюю цистерну, продували её – раскачивали лодку, чтобы выбраться из стальных пут. Что значит заполнить цистерну? Вода, заполняя цистерну, выгоняет из неё на поверхность огромный воздушный пузырь, величиной с дом. Бросай бомбу в пузырь – попадёшь в лодку. Вот уже слышно, как идёт над лодкой корабль. Рвутся две глубинные бомбы. А больше немцы не бросают. Рассудили: «Зачем губить лодку? Скоро она израсходует запасы электроэнергии, воздуха высокого давления. И сдастся».

Наконец удалось вырваться из сети. Стариков решает пройти под сетью. Опустились на предельную глубину, двинулись вперёд. И снова упёрлись в награждение. Немцы, почувствовав строптивость «малютки», стали бросать глубинные бомбы – не часто, но методично, как бы понукая к благоразумию, к сдаче в плен.

Да, из ловушки не уйти. И командир решает: всплыть, стрелять по врагу из пушки – на «малютке» она одна калибром всего 45 миллиметров… Офицеры и комендоры получают гранаты – выскочив на палубу, будут драться гранатами. Инженер-лейтенанту Смычкову поручается самое ответственное – при угрозе захвата лодки бросить гранату в артиллерийский погреб, взорвать лодку…

К счастью, начался прилив. И забрезжила надежда на удачу. Самым малым ходом на минимальной глубине М-171 двинулась вперёд. И вдруг все услышали лёгкое трение под килем. Лодка ползла над верхним тросом сети. А в фиорде было тихо. Немцы не замечали, что верная добыча уходит от них.

Дышать в лодке уже было нечем. Давление в отсеках очень высокое. Пустили компрессор, чтобы уменьшить давление. Словно в ответ послышались взрывы глубинных бомб. Остановили компрессор. Нырнули на глубину. Метнулись в сторону. Надо сбить врага со следа.

По времени над морем уже должны спускаться сумерки. Скорее бы ночь! Тогда отстанут преследователи, кончатся взрывы глубинных бомб. И можно будет всплыть, чтобы впустить в отсеки свежий воздух. В подводном положении лодка находится почти сутки.

В темноте всплыли. Дошли до берега, где стояли наши батареи. Под их защитой зарядили аккумуляторы. Утром другого дня Полярный увидел героическую лодку и услышал два выстрела. Командиры лодок, стоявших у причала, приняли швартовые концы у М-171. Был на Севере и такой обычай – в любое время суток командиры выходили встречать лодку или провожать её в поход.

ТОВАРИЩЕСТВО ПОДВОДНИКОВ

Почему командиры в любое время суток выходили на причал встречать из похода или провожать в море лодку? Что вызвало такую традицию? Ответ простой: очень уж суровая служба у подводников. Они пребывают в напряжении не часы даже не дни, а недели и целые месяцы. Дружба с её верностью, бескорыстием, с мужской нежностью, только она одна могла снимать это

постоянное напряжение, поддерживать бодрость духа, готовность перенести невзгоды, которыми не в меру щедро море в дни войны. А ещё дружба обещает помощь – в любой, самой трагической обстановке, помощь даже ценой жизни.

Говоря о морской дружбе, о товариществе подводников, надо в составе друзей числить и корабль. Помнишь, адмирал Макаров говорил: «Корабль есть живое существо…» На самом деле, он бьёт неприятеля, надёжно бережёт экипаж от непогоды, «с честью исполняет свой долг». Разве это не друг моряка? Через отношение к кораблю приходит и отношение к товарищам. Какое-либо упущение по службе приносит вред одновременно и кораблю, и его людям. Наоборот, самая маленькая забота о корабле уже есть забота о друзьях.

Однажды К-23 ставила мины у мыса Нордкин. Испортилось сбрасывающее устройство. Для починки нужно залезать в минно-балластную цистерну. Вызвался боцман старшина сверхсрочной службы Валентин Николаевич Носов. Лодка стояла близко от берега. В том месте часто проходили немецкие корабли. Чтобы не выдать себя и заминированный участок, если бы появился противник, лодка должна была срочно погрузиться. Моряки медленно закрывали за старшиной горловину цистерны. Тогда Носов сказал:

– Закрывайте. Если потребуется срочно погружаться, делайте это, не задумываясь.

Боцман утонул бы. Был бы залит водой в цистерне при погружении лодки. Однако он жертвовал собой – ради морского товарищества.

Щ-403 должна была ночью высадить в районе мыса Нордкап разведчиков. Её обнаружили сторожевики, открыли огонь из пушек и пулемётов. Стоявший на мостике капитан-лейтенант С. И Коваленко был тяжело ранен. Промедление с погружением погубило бы лодку.

– Погружайтесь без меня! – крикнул командир.

Задраили люк. Пошли на срочное погружение. В этот миг сторожевик ударил лодку форштевнем. Вблизи разорвалась глубинная бомба. Через пробоину в третий отсек хлынула вода. Моряки справились с аварией. Ушли от преследователей. В базе лодку долго ремонтировали: таран, снаряды и бомбы причинили ей большие повреждения. В походе после ремонта Щ-403 потопила транспорт, потом тральщик. И ещё много судов потопила, заслужив орден Красного Знамени. Нет, не зря её первый командир отдал мужественный приказ: «Погружайтесь без меня!»

Подводная лодка Щ-421 весной 1942 года потопила у

Порсангер-фиорда восьмой транспорт. Тоннаж торпедированных ею судов достиг 49 тысяч тонн. В море радист принял радиограмму – лодку наградили орденом Красного Знамени. Радостные события были в самом начале апреля, а вечером 8-го числа у кормы «щуки» взорвалась мина. «Оглушительный взрыв потряс лодку. Вахтенных сбило с ног, а отдыхавших выбросило с коек на палубу. Гремели сорванные с фундаментов механизмы. Звенело битое стекло. Погас свет, в кормовые отсеки стала поступать вода. Дифферент «клюнул» на нос, затем выровнялся и сейчас же стремительно начал нарастать на корму. Корабль, не слушаясь рулей, проваливался в глубину». Моряки седьмого отсека задраили переборочную дверь, принялись заделывать трещины, началась откачка воды. Чтобы уменьшить поступление воды, пришлось всплыть. И тут обнаружилось, что повреждены винты, – лодка при работающих дизелях не двигалась. Был близко вражеский берег. Ветром и течением лодку сносило к фиорду. Рано или поздно лодку обнаружат враги. Тогда верная гибель. Без хода, без возможности погружаться она, по сути, беспомощна. Дали радиограмму командующему.

Ближе всех к «щуке» была лодка К-22. Ей приказали идти на помощь. Несмотря на шторм, моряки «крейсерской» выжимали из машин максимальную скорость. А на «щуке» в это время из брезентовых чехлов шили парус. Его закрепили на перископе. Лодка двухузловым ходом начала удаляться от берега. Так она шла полсуток. Когда появлялись самолёты, парус опускали, чтобы не показать своего бедственного положения.

10 апреля К-22 подошла к Щ-421. В это время показался вражеский катер, увидев лодки, он развернулся и поспешил в фиорд. Появился самолёт, сделал круг над лодками и полетел к берегу, сигналя ракетами.

«Крейсерская» попробовала буксировать «щуку». Но при большой волне стальные тросы лопались. Завели вместо троса якорную цепь. Она тоже лопнула. Командир К-22 Виктор Николаевич Котельников в мегафон передал приказ Военного совета флота:

– Личному составу Щ-421 покинуть корабль и перейти ко мне на борт! Взять секретные документы! Торопитесь, товарищи, самолёты противника в воздухе.

Когда передали эти слова морякам, задраившимся в седьмом отсеке, те ответили:

– С боевого поста уйдём только с личным приказом нашего командира.

Капитан-лейтенант Фёдор Александрович Видяев спустился с мостика в лодку и подтвердил приказ. Экипаж «щуки» перешёл на

«крейсерскую». На мостике остались Видяев и Колышкин.

Иван Александрович Колышкин был командиром дивизиона подводных лодок. Опытный и мужественный, он плавал на лодках, которые получали особо сложное задание или командиры которых только начинали самостоятельное плавание. Так, он был на Д-3 в том походе, когда она потопила четыре транспорта, был на М-172 при атаке в гавани Линахамари. Теперь пошёл с Видяевым; Фёдор Александрович плавал раньше на Щ-421 старпомом, а в этот раз вёл её уже командиром.

Видяев и Колышкин остались на мостике «щуки». Решили погибнуть вместе с лодкой. Невыносимо трудно было покинуть обречённого друга подводный корабль, так долго и так честно исполнявший свой долг перед людьми.

Котельников хорошо знал Видяева, они вместе плавали на Д-3 к берегам Гренландии. Знал хорошо и Колышкина. Страдая от мысли, что сейчас вот придётся выпустить в «щуку» торпеду, убить свой же советский корабль, он думал, как заставить двух командиров перейти на борт «крейсерской».

Котельников повторил приказ Военного совета флота. Добавил от себя: К-22 не тронется с месте без командира дивизиона и командира подводной лодки.

Колышкин и Видяев тоже знали характер Котельникова. Разумное напоминание вывело их из оцепенения. Дальнейшее промедление могло погубить оба экипажа.

Спуская кормовой флаг, Видяев плакал. С обнажёнными головами стоял экипаж «щуки» на палубе К-22. Сначала Колышкин, а затем Видяев перешли на борт двадцать второй. Палуба дрогнула – в «щуку» пошла торпеда. В пламени, в дыму, в водяном смерче исчезла Щ-421.

В Екатерининской гавани Полярного К-22 двумя выстрелами известила базу о потопленных ею в походе транспортах врага. Потом, подняв позывные Щ-421, выстрелила ещё раз – доложила о последней победе «щуки», о которой сама «щука» доложить не могла.

«СЧИТАЙТЕ КОММУНИСТОМ!»

…В часы, когда Щ-421 шла под парусом, когда каждый самолёт в небе мог оказаться гибельным для экипажа, партийное бюро разбирало заявления о приёме в Коммунистическую партию. Тот, кто ещё не был коммунистом, хотел стать им.

Почему на войне люди очень часто просили принять их в партию именно в труднейшее время, в такое, когда всё вокруг грозит гибелью?

Ответить на этот вопрос можно так: человеку не всё равно, как умирать. Это чувство заложено в нём самой природой, воспитано на протяжении всего существования рода людского. Так же как чувство уважения к старости и чувство заботы о детях. Ещё в древние времена достойная смерть охотника в борьбе с хищным зверем вызывала не уныние у оставшихся жить, а, несмотря на печаль и горе, желание быть сильными и побеждать…

Каждый день войны прерывал тысячи жизней. Умирать никто не хотел, но вероятность смерти так или иначе, рано или поздно – допускал каждый. И чувство достойной смерти было обострено у воинов. Обострено, с одной стороны, близостью и возможностью смерти, с другой стороны, сознанием правоты и величия своего дела и дела всего великого советского народа, борющегося со страшным зверем – фашизмом…

Борьбу с фашистами возглавляла Коммунистическая партия, она была главной силой человечества в жестокой борьбе, поэтому-то тот, кто был заодно с партией, считал необходимым в грозный час принадлежать к великому коммунистическому братству.

Ещё: в грозный, смертельный час в настоящем человеке вся его воля, все его силы выступают на преодоление смертельной опасности. И вот в приливе невероятной энергии, в надежде преодолеть опасность, отбросить смерть и в конечном итоге победить врага человек чувствует себя вправе назваться коммунистом – человеком, который должен и может сделать теперь больше, чем другие.

За примером мы обратимся к подводной лодке С-56. Её жизнь на море в чём-то исключительна. Прежде чем начать боевую работу в составе Северного флота, она совершила переход из Владивостока в Мурманск – прошла 17 тысяч миль в Тихом и Атлантическом океанах, в девяти морях: Японском, Охотском, Беринговом, Карибском, Саргассовом, Северном, Гренландском, Норвежском и Баренцевом. Но для наших рассуждений мы возьмём случай из её деятельности, характерный и для многих других лодок. Иначе нельзя, из исключительного не позволяется делать общего вывода.

Григорий Иванович Щедрин, командир С-56, ныне Герой Советского Союза, вице-адмирал, рассказывает о том памятном походе:

«Февраль здесь самый штормовой месяц в году. Он и на этот раз ревниво оберегает свою репутацию. Восемь суток подряд ревёт буря. Море как кипящий котёл. Даже на тридцатиметровой глубине лодку кренит на восемь-десять градусов на борт.

В один из дней ветер достиг ураганной силы. Пришлось отойти от берега. Громадные волны перекатывались через мостик. Верхние вахтенные привязались бросательными концами к тумбе перископа. Ударами волн вдребезги разбиты стёкла в ограждении рубки. Смыло за борт ночной прицел. В довершение всего понизилась температура воздуха. Лодка начала обледеневать.

Но вот погода улучшилась. Вчерашние сутки провели у берега в поисках противника. Море стало спокойнее. Однако конвои не идут.

А ранним утром встретились не с теми, кого искали. Нас обнаружили противолодочные корабли. Первая серия бомб взорвалась над нами около шести часов утра. И вот уже двенадцать часов команда стоит по готовности номер один».

Всевозможные способы и манёвры употребил командир, чтобы уйти от преследователей. Но вражеские корабли не теряют контакта с лодкой, сыплют глубинные бомбы. Все механизмы, какие можно было остановить, остановлены на С-56. Не помогает. Есть ещё один источник шума – это машинки регенерации. Они очищают воздух от углекислоты. Если их выключить, то содержание углекислоты увеличивается на процент каждый час. «При четырёх процентах удушье становится мучительным. Если концентрация углекислоты достигает шести процентов, человек теряет способность управлять своими действиями».

Выключили машинки регенерации. И бомбы стали падать не так близко. Однако стоило пустить их снова, как взрывы стали опасными. Немцы не жалеют бомб. К тому же у них, на поверхности моря, произошла смена: три сторожевых корабля ушли на отдых, теперь за лодкой охотятся два сторожевика и два миноносца. Иного выхода, как остановить машинки регенерации на длительное время, нет. А концентрация углекислоты в лодке уже превысила четыре процента… Есть моряки, потерявшие сознание у своих постов. «Некоторые пытаются дышать через патроны регенерации. Однако не хватает сил втянуть через них воздух».

И вот командир отдаёт суровый приказ: «Остановить регенерацию». А отдав его, подходит к переговорным трубам и вызывает отсеки. «Противник начинает нас терять, – говорит командир экипажу.– Я знаю, что вы устали и выбились из сил. И всё-таки нужно держаться. Разрешаю беспартийным отдохнуть. Коммунистов прошу стоять за себя и товарищей. Повторяю: коммунистов прошу держаться!»

«Первым ответил седьмой отсек:

– Беспартийных нет. Вахту стоим!

– В шестом стоят по готовности номер один. Вахту несём все.

Назаров подаёт заявление в партию. Беспартийные просят не сменять их!..

– Личный состав пятого отсека просит считать нас всех коммунистами! На вахте будем стоять сколько понадобится!

И так все отсеки. С боевого поста не ушёл ни один человек».

В те тяжёлые часы на лодке состоялось партийное собрание. Обсуждали заявления о приёме в коммунисты. Проходило оно так: все были на своих постах – готовность номер один! – а парторг и его заместитель обходили отсеки, зачитывали заявления и рекомендации, выслушивали мнения моряков. Партийная организация С-56 после того случая по числу коммунистов сравнялась с численностью экипажа.

Два миноносца и пять сторожевиков охотились за лодкой. Сбросили на неё больше трёхсот бомб. Бомбили 26 часов 30 минут. Тебе, дорогой друг, ясны эти цифры. Ты уже много знаешь о подводниках, представляешь, что стоит за такими цифрами, – в них мужество, стойкость, жажда жизни и победы над врагом.

С-56 вырвалась из смертельного кольца. Она умело продолжала воевать. За 14 потопленных транспортов и кораблей получила от правительства Краснознамённый гвардейский военно-морской флаг.

…В наших Вооружённых Силах в 1941 году был 1 миллион 300 тысяч коммунистов. Несмотря на то, что много членов партии погибло в боях, к концу Великой Отечественной войны в партийных организациях армии и флота на каждые 100 воинов приходилось 25 коммунистов вместо 13 вначале.

КАК ХОДИЛИ КОНВОИ

Союзники по войне с фашистами – Соединённые Штаты Америки и Англия – обязались помогать нам танками, самолётами, грузовиками и другим снаряжением для армии. Всё это снаряжение можно было доставить на советско-германский фронт тремя путями:

морем от западного побережья США до Владивостока и далее железной дорогой;

морем из восточных портов США, огибая Африку у мыса Доброй Надежды, в Персидский залив и далее железной дорогой через Иран в Закавказье;

морем из английских и американских портов до Мурманска и Архангельска.

Посмотрим карту мира. На глаз ясно, что последний маршрут предпочтительнее, на доставку грузов по нему времени уходит в пять-семь раз меньше. Но этот маршрут опаснее. Конвои должны идти вдоль берегов Норвегии, а там и авиация и флот фашистской Германии. Особенно сложно бывает в полярный день, когда совсем нет темноты. Ещё трудность: от английского Скапа-Флоу и исландского Рейкьявика, где формировались конвои, до наших северных портов нет ни одного пункта, в котором можно было бы исправить повреждения на судах, переждать шторм, отдохнуть экипажам. Две недели длился переход конвоев, и две недели на всём пути враг грозил атаками подводных лодок, ударами с воздуха, обстрелом с надводных кораблей. Немецкая авиация бомбила и порты разгрузки.

Война есть война. Куда денешься на войне от опасности? Главное же, союзники имели на море достаточные силы, чтобы противодействовать флоту фашистов. Северная морская дорога стала основной коммуникацией, связывавшей СССР с Англией и США.

Обеспечение конвоев являлось одной из основных задач Северного флота. Советские корабли и самолёты вступали в охранение конвоев в своей зоне – восточнее острова Медвежий. Именно здесь фашисты чаще нападали на транспортные суда, так как судам приходилось идти вблизи норвежского берега.

В нашей зоне потери в транспортах были незначительными по сравнению с потерями в зоне действия англичан. Мы не можем отказать английским и американским морякам в храбрости и мужестве, они честно выполняли союзнический долг, и многие погибли в холодных волнах Баренцева моря. Но, может быть, наши моряки и лётчики действовали удачнее потому, что яснее

сознавали, как нужны сухопутному фронту грузы, доставляемые конвоями. Борьбу за каждый транспорт они вели не на жизнь, а на смерть.

Знаменитый лётчик Сафонов погиб именно при защите конвоя от гитлеровских бомбардировщиков. В том последнем бою – весной 1942 года – он сбил три вражеские машины. Его истребитель был подбит, не дотянул до берега и упал в море. На счету гвардии подполковника Б. Ф. Сафонова было 30 самолётов, сбитых лично, и 3 сбитых в групповых боях.

В конце марта 1942 года к Мурманску подходил союзный конвой, который понёс потери в английской зоне. Транспорты разбрелись по морю. Над морем висели чёрные тучи, проносились снежные заряды. Для авиации и кораблей погода была неблагоприятной. Трудно обнаружить свой транспорт – радиосвязь запрещена, ещё труднее увидеть перископ вражеской лодки или след торпеды.

Встречать конвой вышли из Мурманска эсминцы «Гремящий», «Сокрушительный», английский эсминец «Ориби» и четыре тральщика. Через несколько часов «Гремящий» атаковал глубинными бомбами подводную лодку. А потом на фоне чёрной тучи увидели дымное облако. Шёл какой-то корабль. Эсминцы изготовились к бою. Корабль оказался английским крейсером «Тринидад». Поблизости был и конвой – семь транспортов в охранении миноносца и двух тральщиков.

Тучи сгустились. В пелене летящего снега пропали суда. В этот момент три немецких эсминца приблизились к конвою. До транспортов они не дошли, так как два наткнулись на «Тринидад», а третий на эскортный миноносец «Фьюри». Выпустили торпеды по крейсеру. Одна попала в середину корпуса, разворотила борт, вода затопила котельное отделение. Англичане открыли артиллерийский огонь по противнику. Тут же пошёл ко дну немецкий корабль, другой, повреждённый скрылся в снежном заряде, а третий всё гнался за «Фьюри», осыпая его снарядами. Миноносец зашёл за корму наших эсминцев. «Сокрушительный» и «Гремящии», прикрывая его, обрушили на немецкий корабль свои залпы. Вражеский эсминец получил прямое попадание в машинное отделение и поспешно скрылся в снеговой мгле.

Повреждённый «Тринидад» в сопровождении «Ориби» и «Фьюри» пошёл в Кольский залив. С транспортами остались наши эсминцы и тральщики. По радио было получено сообщение – у Кольского залива находятся пять подводных лодок врага.

«Сокрушительный» и «Гремящий» повели транспорты во льды, где немецкие подлодки боялись плавать. Отыскивая разводья среди ледовых полей, суда и корабли конвоя

продолжали движение. Когда стало темнеть, опять вышли на чистую воду. Уже виден был полуостров Рыбачий и остров Кильдин. Передние транспорты начали входить в Кольский залив. «Гремящий» переменными галсами ходил за кормой концевого транспорта – охранял дорогой тихоход (десять железнодорожных эшелонов военного имущества).

А какие неожиданности могли быть в самом горле залива? Вблизи рассыпалась волна, в водяной яме мелькнула рубка немецкой лодки, лодка выходила в торпедную атаку Команда «Самый полный вперёд» была отдана без промедления. «Гремящий» пошёл на таран. Когда эсминец оказался над лодкой, волна приподняла корабль, и его киль только проскрежетал по обшивке подлодки. Но счастье врага было недолгим. Эсминец ходил над местом погружения и сбрасывал глубинные бомбы. После двадцать первого взрыва на поверхность моря всплыло пятно соляра, деревянные обломки, бумаги, какие-то вещи. Транспорт был спасён. Немецкая подводная лодка отвоевалась.

За войну в Советский Союз пришёл 751 транспорт. Потеряно было 81 судно. Из сравнения этих цифр можно сделать вывод – фашистской Германии не удалось прервать коммуникацию, связывавшую СССР с союзными странами.

Не все конвои приходили благополучно. Враг потопил 24 транспорта из состава PQ-17, чуть ли не треть из общего числа потерянных за войну транспортов. То, как это случилось, поучительно для нас в военном и политическом отношении.

Конвой PQ-17 вышел из Исландии 27 июня 1942 года. Обрати внимание на дату. Вспомни, какие события происходят в это время на фронте. В то лето нам было невероятно тяжело. И помощь союзников нам требовалась как никогда. Немецко-фашистское командование, естественно, приложило старание, чтобы такая помощь не поступила. И не только немецкое.

Конвой включал 34 транспорта и 3 спасательных судна. Их охраняли 6 эсминцев, 4 корвета, 2 подводные лодки, 2 корабля противовоздушной обороны, 4 противолодочных корабля и 7 тральщиков. В обязанность этих кораблей входило защищать транспорты. Транспорты и сами имели около 70 орудий, 200 пулемётов, над судами было поднято 13 аэростатов заграждения.

Но на конвой могли напасть немецкие надводные корабли. Тогда в бой с ними должны были вступить корабли ближнего прикрытия: 2 американских крейсера, 2 английских крейсера и 3 эсминца. Кораблями непосредственного охранения и ближнего прикрытия командовал английский адмирал Гамильтон.

Представлялось вероятным, что враг пошлёт на перехват огромного конвоя целую эскадру. Для борьбы с ней был ещё

отряд дальнего прикрытия. Им командовал адмирал Тови. Отряд состоял из английского линкора «Дьюк ов Йорк», американского линкора «Вашингтон», авианосца «Викториес», 6 крейсеров и 11 эсминцев.

Не правда ли, целая армада на защите транспортов! Но это ещё не всё. На возможных путях немецкой эскадры затаились 9 английских подводных лодок и 5 наших.

Я всё же напомню тебе, читатель, что происходит в эти дни на сухопутном фронте. Ожесточённые бои идут на подступах к Сталинграду. Весь Крымский полуостров оккупирован врагом. Немецко-фашистские войска рвутся на Кавказ. Тысячи и тысячи героев отдают свои жизни, чтобы остановить врага, сдержать его яростный натиск. Горят деревни. Города превращаются в груды щебня. Льётся кровь. Льются слёзы. Фашисты бросили все силы, чтобы теперь или никогда выиграть войну. Каждые 8 вражеских дивизий из 10 воюют на нашей земле – это больше 6 миллионов солдат. Лишь 2 дивизии из каждых десяти, имеющихся у Гитлера, находятся на Западе… И вот союзники везут оружие…

А конвой уже достиг норвежских берегов, он давно обнаружен немецкой разведкой. Для врага наступило время действовать. На уничтожение транспортов он готов бросить 350 самолётов и эскадру надводных кораблей. Два десятка немецких подлодок заняли позиции на пути транспортов. Но вот помеха – никак не установит немецкая разведка точный состав союзной эскадры. Крейсер «Лондон» из-за второй, фальшивой, трубы принят за линкор. По мнению немецкого командования, у союзников три линкора. А это уже опасно для немецкой эскадры. Может быть, и не выходить в море? В эскадре-то лишь один линкор «Тирпиц»… К тому же вдруг линкор и авианосец куда-то исчезли. Может быть они и не связаны с охраной конвоя, может быть, у них другая задача? Обстановку на море докладывают Гитлеру в Берлин.

Пока нет распоряжений Гитлера, эскадра сосредоточивается в Альтен-фиорде. Немецкие моряки нервничают – очень уж хочется уничтожить конвой и очень уж рискованно. При маневрировании в фиорде тяжёлый крейсер «Лютцов» наскочил на камни. Три эсминца тоже наскочили на камни. Ещё не выйдя в море, немецкая эскадра повредила четыре корабля.

Эскадра стоит в фиорде. Но вступили в дело подлодки и самолёты. Первую атаку конвоя они провели 2 июля. Корабли непосредственного охранения и сами транспорты все атаки отбили без потерь. 4 июля самолёты-торпедоносцы повредили три транспорта, в их числе советский танкер «Азербайджан». В соответствии с английскими правилами команды повреждённых транспортов были сняты на эскортные корабль, а сами

транспорты затоплены. Экипаж нашего танкера во главе с капитаном Изотовым отказался покинуть свой корабль. Конвой ушёл, моряки без чьей либо помощи погасили пожар, исправили машину и пошли самостоятельно. Забегая вперёд скажу, что танкер благополучно добрался до Архангельска, так же как и второй наш транспорт «Донбасс», получивший повреждения при бомбёжке и отразивший шесть воздушных атак.

После долгих колебаний Гитлер и его адмиралы решились: эскадра во главе с «Тирпицем» вышла в море. В ней, кроме линкора, были 2 тяжёлых крейсера, 7 эсминцев и 2 миноносца. Не поленись, посчитай и сравни количество союзных и немецких кораблей. У англичан и американцев подавляющее превосходство в силах. Ещё надо учесть, что наша авиация неделей раньше начала наносить бомбовые удары по немецким аэродромам в Норвегии. И ещё – в советской зоне действия, восточнее острова Медвежий, конвой встретят советские корабли.

Что же в такой ситуации предпринимает английское командование? Что-то странное. После того как английская разведка сообщила в свой штаб о сосредоточении немецкой эскадры в Альтен-фиорде, морской лорд адмирал Паунд отдал приказ – кораблям прикрытия на полной скорости отходить на запад. Адмирал Гамильтон, в свою очередь, видимо, решив, что над линкорами и крейсерами нависла какая-то небывалая опасность, приказал эскортным кораблям покинуть транспорты и идти на охрану эскадры – опять же на запад. Так были отданы на растерзание врагу три десятка огромных судов, гружённых военным снаряжением. Они получили приказ самостоятельно добираться до Архангельска. Английское командование не известило наше командование о своих действиях.

Транспорты, беззащитные, тихоходные, разбрелись по морю. Стоял полярный день. Солнце не заходило за горизонт. Единственным спасением было уйти во льды к Шпицбергену, к Новой Земле. А скоро ли достигнешь льдов, если движешься 9-10-узловым ходом?

Немецкие подводные лодки, самолёты начали безнаказанную охоту.

А что же делает немецкая эскадра? Мы говорили с тобой, что на возможном пути эскадры были пять наших подводных лодок. О выходе «Тирпица» они получили сообщение по радио, приказ командующего Северным флотом был – атаковать.

В числе других поиск врага начала К-21 под командованием Николая Александровича Лунина. Во второй половине дня акустик лодки обнаружил нарастающие шумы. Один за другим показались у горизонта два эсминца. Лунин решил атаковать их,

но тут показались мачты больших кораблей. Вскоре стал виден тяжёлый крейсер, «карманный линкор», как называли его сами немцы, «Адмирал Шеер», а затем появился в перископе «Тирпиц», окружённый миноносцами. «Тирпиц» построили фашисты перед самой войной – крепость длиной в четверть километра. Лучшей цели наши подводники ещё не встречали.

Немецкая эскадра шла, постоянно меняя курсы. Лунин пятнадцать раз сменил курс, прежде чем вышел на позицию для атаки. Перед зрачком перископа был борт «Тирпица» – лодка смело вошла в середину строя фашистских кораблей, с расстояния в 17-18 кабельтовых выпустила четыре торпеды.

К-21 нырнула на глубину. Акустик зарегистрировал два взрыва. Враг не преследовал лодку. Шумы эскадры удалялись. Это могло значить одно – дерзкая атака ошеломила немцев. К тому же над эскадрой пролетел английский разведчик. Опасаясь нападения английских линкоров и авианосца, немецкие корабли поспешили на юг, к берегу, в базы под защиту авиации и артиллерии.

Это так говорится – поспешили. Эскадра, как обнаружил наш самолёт 6 июля, шла малым ходом. «Тирпиц», имевший 30-узловую скорость, теперь шёл медленно – лунинская атака сделала своё дело. В ремонте немецкий линкор простоит три месяца… Так одна наша лодка прогнала вражескую эскадру. И нам с тобой, дорогой друг, ещё раз приходится дивиться странному приказу английского морского министра. Конечно, начнись сражение с немецкой эскадрой, англичане понесли бы потери в кораблях. Но, несомненно, куда большие потери понесли бы немцы.

Судьба конвоя РО-17 до сих пор обсуждается в исторических и военных книгах. Очень уж тяжёлые тогда были потери. Из 34 транспортов 23 были потоплены. С ними погибло грузов на сумму в полмиллиарда долларов: 3350 автомашин, 430 танков, 210 бомбардировщиков и другое военное имущество. К слову сказать, 11 судов из 23 были только повреждены, добивали их сами англичане – из орудий и торпедами.

Нам с тобой тоже очень хочется знать причину, по которой конвой был брошен на произвол судьбы. Не вдаваясь в подробности поведения английских адмиралов, обратимся к поведению главы правительства Англии. Черчилль ещё в начале 1942 года писал своему министру иностранных дел об отношениях стран-союзниц после победы над Германией: «… представляется вероятным, что Соединённые Штаты и Британская империя далеко не будут истощены и будут представлять собой наиболее мощный по своей экономике и вооружению блок, какой

когда-либо видел мир, и что Советский Союз будет нуждаться в нашей помощи для восстановления страны в гораздо большей степени, чем мы будем тогда нуждаться в его помощи». В этой фразе вся жестокая программа империалистов. Цель – стать диктаторами мира. Путь к этой цели – до предела истощить в войне Советский Союз. Вот и истощали. Везли нам оружие. Но очень часто не довозили.

Мы с тобой, читатель, уже говорили о состоянии дел с открытием второго фронта, с работами над атомной бомбой. Прибавь в этот ряд и гибель конвоя PQ-17.

После его гибели доставка вооружения и стратегических материалов в Советский Союз была надолго прервана – будто бы из-за невозможности обезопасить движение конвоев.

За годы войны мы получили от союзников 4 процента товаров и материалов, израсходованных в сражениях с фашистами. А 96 процентов нужного на войне мы сделали сами.

МЕСТЬ ЗА ПЁРЛ-ХАРБОР

Приняв на себя основную тяжесть борьбы с фашизмом, Советский Союз дал возможность Англии и США наращивать силы для ведения войны и с Германией и с Японией, в частности на океанских театрах. К 1943 году американская промышленность набрала высокие темпы, построила большое количество кораблей, начиная от катеров и кончая авианосцами. Ожесточённую битву на просторах Атлантики вели союзники против немецких подводных лодок. На Тихом же океане главной заботой американцев было вытеснение японцев из захваченных ими районов. Американцы действовали медленно. «Шаг за шагом» – так называлась их стратегия. Она заключалась в постепенном захвате острова за островом с целью продвижения к самой Японии. Затем стратегия изменилась. Её назвали «лягушачьи прыжки». Суть была в захвате уже не просто островов, а ключевых позиций на островах.

Писать о войне в Атлантике и на Тихом океане нет возможности. Но мы с тобой посмотрим, как американцы на Соломоновых островах, на архипелаге, который расположен к востоку от Новой Гвинеи, отомстили японскому адмиралу Ямамото за нападение на Пёрл-Харбор.

Японцы захватили Соломоновы острова весной 1942 года. Но уже в конце лета американцам удалось высадить десант на остров Гуадалканал. Японцы много раз пытались сбросить американцев в море; противники с августа по ноябрь провели в том районе 15 боёв. Закончились они тем, что Гуадалканал оставили японцы, а пролив на севере от острова стали называть Железным дном. В проливе было потоплено множество кораблей. Японцы тогда потеряли 2 линкора, 1 авианосец, 3 крейсера, 7 эсминцев и 190 самолётов, американцы – 2 авианосца, 6 крейсеров, 9 эсминцев и 150 самолётов.

Остров Гуадалканал понадобился американцам как трамплин для «лягушачьего прыжка» на остров Новая Британия. На его северной оконечности, в Рабауле, размещалась важная военно-морская и авиационная база японцев. В 1943 году американцы не смогли взять её. Но нам с тобой важно не это. Нам важно знать, что на Гуадалканале находятся американцы, там стоят их корабли и расположен большой аэродром, а в Рабауле появился адмирал Исороку Ямамото, главнокомандующий объединённого флота Японии. Первый раз за войну он отправился с целью инспекции в район боевых действий. У японцев есть три военно-морские базы на южной оконечности острова Бугенвиль. Ямамото

намерен посетить их. Таким образом, адмирал окажется в зоне действия американских самолётов.

Японское командование было извещено о поездке адмирала шифровкой. Американцы знали шифр противника. Они перехватили радиограмму, и план японцев перестал быть тайной. Прочитав радиограмму, командующий тихоокеанским флотом США адмирал Честер В. Нимиц отдал приказ истребителям на Гуадалканале – сбить самолёт японского адмирала. К приказу было неофициальное дополнение: «Счастливой охоты». На календаре в тот день стояло: 14 апреля 1943 года.

Участников охоты охватили волнение и азарт. Задание сложное, но и промахнуться почти невозможно. Вот что было в расшифрованной радиограмме:

«Инспекционная поездка командующего объединённым флотом по военно-морским базам Баллале, Шортленд и Буин 18 апреля будет происходить следующим порядком:

06.00 – отправление из Рабаула на среднем штурмовике в сопровождении шести истребителей;

08.00 – прибытие в Баллале. Немедленная отправка в Шортленд на катере-охотнике;

08.40 – прибытие в Шортленд;

09.45 – отправление из Шортленда на катере противолодочной обороны;

10.30 – прибытие в Баллале, в Баллале – сторожевой катер;

11.00 – отправка из Баллале на среднем штурмовике в Буин;

11.10 – прибытие в Буин. Завтрак в штабе сил обслуживания 1-го флота;

14.00 – отправка из Буйна на среднем штурмовике в сопровождении шести истребителей;

15.40 – прибытие в Рабаул.

В случае ненастной погоды поездка откладывается на один день».

Если бы летел какой другой флотоводец, американцы не стали бы рисковать своими истребителями. Ведь надо было пролететь до встречи с японским самолётом четыреста миль, да ещё четыреста, чтобы вернуться. Но Ямамото был адмиралом особым. Гибель Ямамото должна была ошеломить флот и армию, деморализовать противника и тем облегчить действия американцев. В стойкости японских солдат, в их боевой выучке американцы убедились, отвоёвывая острова. Многодневные бомбёжки, последующий обстрел с кораблей не могли сломить гарнизонов. Морская пехота американцев при высадке на берег каждый раз несла большие потери – японцы сопротивлялись отчаянно. Было ещё обстоятельство не в пользу Ямамото. Это под

его руководством составлялись планы войны на Тихом океане, и план нападения на Пёрл-Харбор был его детищем. Флот Японии своею мощью тоже был обязан Ямамото. Ещё в 1915 году он говорил: «Самым важным военным кораблём в будущих морских сражениях будет корабль, несущий на борту самолёты». И Япония строила авианосцы… Короче говоря, адмирал был очень нужен для войны. Это и решило его участь.

К середине 1942 года японские войска занимали обширнейшие районы Китая и Корею. Они оккупировали страны Индокитайского полуострова, острова Малаккского архипелага, Филиппины, большую часть Новой Гвинеи и вплотную приблизились к Австралии и Индии.

Богатейшие районы захватили японские империалисты, отняли их у империалистов английских, голландских, американских. Ко всему этому приложил свою твёрдую руку Ямамото.

Лётчики на Гуадалканале долгое время провели у карты островов за расчётом точки, в которой могли перехватить японского адмирала. Выходило, точка эта у западного берега острова Бугенвиль. Лётчики очень верно учли психологию японского пилота – находясь большую часть пути над открытым морем и тревожась за судьбу важной персоны, пилот бомбардировщика, конечно же, захочет, подойдя к острову, лететь поближе к берегу.

Утром 18 апреля американские двухфюзеляжные истребители типа «лайтнинг» собрались в небе над аэродромом и пошли на запад. Летело шестнадцать самолётов. Вместо восемнадцати. Один потерпел аварию при взлёте, второй уже в воздухе не смог питать моторы горючим из дополнительных баков.

В ту же минуту из Рабаула вылетели два японских средних штурмовика (точнее, бомбардировщика) в сопровождении шести истребителей. Единственное изменение, которое японцы внесли в план поездки главнокомандующего, – это второй бомбардировщик. Всем спутникам Ямамото в одном самолёте было бы тесно.

«Трудно пришлось лётчикам без радиосвязи, – пишет о том полёте американский писатель Барке Дэвис. – Неуютно и одиноко чувствовали они себя в кабинах. Лётчики устали. И когда Митчелл (командир эскадрильи) последний раз изменил курс и стал набирать высоту, все облегчённо вздохнули. Быть может, через каких-нибудь пять-десять минут придётся вступить в бой. «Лайтнинги» сомкнулись и пошли тесным строем».

В рассчитанное время американцы увидели на фоне гор самолёты. Летели два бомбардировщика и шесть истребителей.

По плану, разработанному на земле, сбивать бомбардировщик должна была первая четвёрка. Другая четвёрка непосредственно прикрывала ударную группу, связывала боем шестёрку японских истребителей. А восемь истребителей должны были находиться выше всех и отразить нападение вражеских самолётов, которые прилетят на помощь адмиралу с аэродрома на Бугенвиле.

План в реальных условиях оказался малогодным. Во-первых, было два бомбардировщика, а не один. В котором летит Ямамото? Этого не узнать. Значит, надо сбивать оба. Во-вторых, возникло техническое осложнение: один истребитель ударной группы никак не мог сбросить дополнительные баки, а они уменьшают скорость, которая так нужна в бою. Лётчик резко бросает самолёт в стороны, пытаясь освободиться от баков. В это время его прикрывает другой истребитель. Таким образом, ударная группа уменьшилась наполовину – в ней лишь «лайтнинги» Ланфьера и Барбера. Командир эскадрильи не знает об этом, он уверен, что на бомбардировщики бросятся четыре самолёта. Вот ведь как бывает в бою…

Японцы увидели американцев чуть позже. Их маленькие и юркие истребители «зеро» ринулись сверху на атакующих Ланфьера и Барбера. Бомбардировщики тут же начали пикировать на джунгли, к верхушкам деревьев. Один повернул налево, к Буину, другой направо – к морю. Как потом выяснится, в левом был адмирал Ямамото, в правом вице-адмирал Угаки.

Ланфьеру и Барберу пришлось пронестись сквозь рой «зеро» (один японец при этом был сбит) и лишь потом повторить атаку бомбардировщиков. В повторную первым вышел Барбер. Внизу под ним оказался лишь один бомбардировщик. Американец подошёл к нему и принялся бить из пулемётов по двигателям. Когда загорелся правый мотор, перенёс огонь на фюзеляж, пули отбили у самолёта кусок хвоста. Бомбардировщик содрогался при каждом попадании, он потерял скорость и опускался всё ниже. В это время на Барбера набросились три «зеро». Американец на бреющем полёте стал уходить от них. На помощь ему поспешили два «лайтнинга».

Ланфьер освободился от японских истребителей позже товарища и не знал о его атаке. Он увидел летящий над джунглями бомбардировщик, бросился на него в пике. Минутой позже вниз ринулись два «зеро», стремясь отсечь «лайтнинг» от бомбардировщика. Все четыре машины едва не столкнулись в одном клубке. Американец сохранил трезвый расчёт. «Я не снайпер, – вспоминал он после боя, – но я был уверен, что достаточно было выстрелить, чтобы он (бомбардировщик)

развалился… Прежде чем я сообразил о дистанции, правый мотор бомбардировщика, а вслед за тем и правое крыло вспыхнули и загорелись… Правое крыло японского самолёта отвалилось, и машина рухнула на деревья и взорвалась».

Итак, дело сделано. Но американцы не знают об этом. Второй бомбардировщик всё ещё в воздухе. В нём летит адмирал Угаки. Этот японец вспоминал потом:

«Я перепугался страшно, увидев низколетящий над джунглями самолёт, охваченный ярким оранжевым пламенем, быстро распространявшимся по фюзеляжу и крыльям… Я терпеливо ждал, когда наша машина вернётся в горизонтальный полёт, чтобы посмотреть ещё раз на самолёт Ямамото. Когда наш собственный самолёт вышел из виража, я обежал взглядом джунгли. Там, вдалеке, из непроходимых зарослей в небо поднимался клубами чёрный дым. Увы! Надеяться больше было не на что!»

Бомбардировщик Угаки шёл над морем. Его преследовал неутомимый Барбер. А самого Барбера преследовали три «зеро». В это время на японских истребителей бросились два «лайтнинга». Они сбили все три «зеро», а пролетая над бомбардировщиком, успели всадить и в него пулемётную очередь.

Пары бензина из пробитых баков наполнили крылья бомбардировщика. И когда Барбер, несмотря на огонь пулемётов и пушки вражеского самолёта, подошёл к нему ещё раз почти вплотную и ещё раз ударил очередью, бомбардировщик взорвался.

Чуть ли не одновременно со взрывом бомбардировщик врезался в море. В его фюзеляже на месте оторвавшегося крыла образовалась большая дыра. В дыру воздушной волной выбросило Угаки. Это страшное падение произошло вблизи японской военно-морской базы. К месту падения поспешил катер. Он подобрал из воды Угаки, ещё одного японца – контр-адмирала и пилота.

«Лайтнинги» на большой скорости уходили к Гуадалканалу. Японские истребители преследовали их. Но «зеро» поднялись в воздух слишком поздно. Им удалось сбить только один самолёт. Все остальные благополучно вернулись с «охоты за адмиралом».

Так закончилась жизнь Ямамото, человека, который много сделал, чтобы началась и шла вторая мировая война. Случай избавил его от позора будущего поражения императорской Японии.

ОСВОБОЖДЕНИЕ

Настало прекрасное время, небо полнилось нашими самолётами, земля – нашими танками и орудиями, море – нашими кораблями. Вместо горьких слов: «Оставлен город такой-то…» – радио говорило: «Освобождены…» – и следовали названия, звучные, певучие, славные, родные до бесконечности – Курск, Вязьма, Орёл, Белгород, Харьков, Новороссийск, Брянск, Полтава, Смоленск, Кременчуг, Киев…

Был 1943 год. Фашисты отходили. Им очень не хотелось отходить. С каждым шагом в сторону «великого рейха» укорачивалась их надежда выиграть войну. Многих охватил страх перед возмездием. А многих злоба и ненависть бессилия. Тяжко было «сверхчеловекам» согласиться с мыслью, что воля, смелость и стойкость обычных людей взяли верх.

Как чувствовали себя в 1943 году Адольф Гитлер и его генералы? Они, как и вся фашистская Германия, не могут оправиться от потрясения под Сталинградом. Но бодрятся. На лето 1943 года планируют решающее, гигантское сражение в районе Курска. Подчёркивают, что, выиграв это сражение, возьмут реванш за Сталинград.

Противник сбросил листовки в расположение нашей 65-й армии «Сталинградские бандиты Рокоссовского! Зачем вы прибыли под Курск? Не думайте, что здесь вам удастся сделать как под Сталинградом. Здесь мы вам сделаем Сталинград». Занятная листовка! Странная смесь высокомерия тупости, злобы и даже обиды – солдаты Рокоссовского не имели права побить арийцев, но побили…

Самые лучшие дивизии фашистов стянуты к Курску, в их числе эсэсовские «Райх», «Великая Германия», «Мёртвая голова», «Викинг», «Адольф Гитлер». Новейшие танки «тигры» и «пантеры», самоходные орудия «фердинанды» приготовлены к битве. Под Курском у немцев 70 процентов всех танков и 70 процентов всех самолётов. Общее командование возложено на Манштейна, он теперь генерал-фельдмаршал.

В районе Курска линия фронта имеет вид дуги. Её выпуклость обращена на запад. Пространство в дуге заполнено нашими войсками. Немцы намереваются нанести мощнейшие удары с юга и севера по основанию выступа. Если это удастся, то огромная масса советских войск попадёт в окружение.

Курскую битву с блеском осуществили наши полководцы Г. К. Жуков, А. М. Василевский, К. К. Рокоссовский, Н. Ф. Ватутин, И. С. Конев, П. А. Ротмистров, И. Х. Баграмян, М. М. Попов и другие

генералы. Враг потерял в ней полмиллиона солдат, около 1500 танков, 3 тысячи орудий, более 3700 самолётов.

О значении нашей победы Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин скажет:

«Если битва под Сталинградом предвещала закат немецко-фашистской армии, то битва под Курском поставила её перед катастрофой».

Выиграв оборонительное сражение под Курском, советские войска провели победные сражения за Орёл и Харьков.

«Три огромных сражения за Курск, Орёл, Харьков, все проведённые в течение двух месяцев, ознаменовали крушение германской армии на Восточном фронте» – так оценил наши успехи Черчилль.

В конце лета 1943 года весь мир окончательно уверовал в поражение фашистской Германии.

Я сейчас вот о чём думаю, мой дорогой друг: «Стоило ли так много страниц отдавать рассказу о наших неудачах, об отступлении, о жертвах, принесённых нами?» Не лучше ли было отдать Адмиральскую главу нашему наступлению, когда враг бежал, был в смятении, когда от смерти или плена спасали фашистов только ноги и колёса?

Признаюсь, рассказывать о первой половине войны было тяжело. Но не я первый, кто сознательно захотел ещё раз прожить те трагические дни и месяцы. Большинство авторов военных книг возвращается в прошлое, хотя это прошлое – самое суровое из всех суровых времён человечества.

А зачем это нужно?

Лев Николаевич Толстой в одном из предисловий к «Войне и миру» писал:

«Мне совестно было писать о нашем торжестве в борьбе с бонапартовской Францией, не описав наших неудач… Ежели причина нашего торжества была не случайная, но лежала в сущности характера русского народа и войска, то характер этот должен был выразиться ещё ярче в эпоху неудач и поражений».

ЖИЗНЬ АДМИРАЛА

Мы прервали рассказ о черноморских моряках на том времени, когда неприятель занял почти весь город Новороссийск (сентябрь 1942 г.) и пытался через горы прорваться к Туапсе. Моряки помогают бойцам сухопутных войск оборонять Кавказ. В горах, ущельях, на перевалах идут ожесточённые схватки. На суше решается и судьба флота.

Если бы фашисты заняли Туапсе, у нашего флота остались бы только две стоянки – Поти и Батуми. И неизвестно, как долго могли бы мы их удерживать. Над кораблями нависала угроза остаться в море, все берега которого контролируются врагом. В директиве, подписанной Гитлером, говорилось: «Важнейшей задачей является овладение всем восточным побережьем Чёрного моря, в результате чего противник лишится черноморских портов и Черноморского флота».

Ожесточённые бои происходили в те дни в горах у Гойтхского перевала. За перевалом начиналась прямая дорога к Туапсе. Все резервы, какие можно было собрать, направлялись в горы – там сражались стрелки, морские пехотинцы, отряды альпинистов, милиция, ополченцы. В решающем месте были и военачальники, руководившие обороной Кавказа. В их числе заместитель командующего фронтом адмирал И. С. Исаков. Ставка поручила ему организовать взаимодействие черноморцев с войсками Закавказского фронта.

Исаков И. С.

Жизнь опытного и умного военачальника имеет чрезвычайно высокую цену. Иногда просто бесценна для страны. Конечно, жизнь воина любого ранга дорога. Но солдату, офицеру в случае гибели найдётся замена, маршалу, адмиралу найти замену трудно бывает, невозможно. Когда войсками управляет талантливый военачальник, войска одерживают победы, потери несут меньшие. Это известно армии и флоту, поэтому так нередки случаи самопожертвования солдат и матросов ради спасения командиров.

Военачальник не имеет права рисковать собой. Но бывают моменты, когда риск считается оправданным, необходимым для победы. Такой момент возник при обороне Гойтхского перевала. Немцы захватили перевал и ринулись к Туапсе. В тот час командование не имело ни горстки бойцов, чтобы подкрепить наших. Тогда в решающую точку боя поспешили командующий фронтом генерал армии И. В. Тюленев и его заместитель адмирал И. С. Исаков. Сам факт появления военачальников в опаснейшем месте придал отходившим бойцам силы. Гитлеровцы были остановлены, а затем отброшены за перевал.

Всё было бы хорошо. Но в ущелье адмирал попал под бомбёжку. Шесть «юнкерсов» забросали ущелье бомбами. Осколок размозжил Ивану Степановичу бедро. Ты знаешь, какие средства

американцы отрядили на уничтожение японского адмирала Ямамото. Послушай, как наши боролись за жизнь своего адмирала.

На грузовике раненого вывезли из-под бомбёжки, доставили в медсанбат. Там врачи сменили повязку, сделанную на скорую руку санитаром, – другой помощи оказать не могли, ранение было очень сложное, тяжелейшее.

Адмирала нужно было отвезти в полевой госпиталь в Туапсе. Малейшее сотрясение вызывало страшную боль, поэтому решили воспользоваться дрезиной на железной дороге, собрались нести раненого к дрезине, как её разбило бомбой. Нашли ещё дрезину. Добрались до города. Там операцию тоже некому было делать. Морем отправили адмирала в Сочи. Шли вторые сутки после ранения. У адмирала началась гангрена – омертвение тканей, кончающееся чаще всего смертью. Из Батуми в Сочи самолётом вылетел главный хирург Черноморского флота Борис Александрович Петров.

Незамедлительное ампутирование всей левой ноги могло ещё сохранить жизнь адмиралу. Когда Петров сказал, что ногу спасти нельзя, адмирал ответил:

– Спасите мне голову…

Из Москвы вылетел к раненому главный хирург флота, член-корреспондент Академии медицинских наук, генерал-лейтенант медицинской службы профессор И. И. Джанелидзе, лечивший раненых ещё в первую мировую войну. С ним находились профессора Андреев и Мясников. Они везли чудодейственное лекарство – редкий в то время пенициллин. Помощь приближалась медленно. Лётчик вёл самолёт, огибая Сталинград, вдоль восточного берега Каспийского моря на Баку, затем на Тбилиси – в воздухе рыскали «мессершмитты».

После операции состояние адмирала оставалось тяжёлым. Он часто терял сознание. По отрывочным фразам, сказанным в бреду, люди, дежурившие у постели, понимали: адмирал, угасая, продолжает думать о флоте, о войне, о судьбе Родины, горюет, что в самое трудное время вышел из строя.

Однажды, придя в сознание, он высказал просьбу, чтобы после смерти назвали его именем эсминец. В этой просьбе не было тщеславия, не было суетной заботы о памятнике себе, а было желание оставаться с флотом и после смерти.

Желание желанием. Но и объективно имя Ивана Степановича Исакова было бы украшением корабля, напоминая – как и другие имена славных моряков – о верности человека морю, о неустанном служении Родине, об отданной без остатка любимому флоту жизни.

Мы с тобой, читатель, говорили, как пришёл на флот мичман Исаков. С того времени, с Моонзундского сражения до госпитальной кровати, прошло 25 лет. За четверть века советский флот пережил многотрудных и радостных событий. В самых ярких из них неизменно принимал участие моряк Иван Степанович Исаков. Ледовый поход на Балтике. Бои с белогвардейскими кораблями и англичанами на Каспийском море. Переход кораблей по Беломорско-Балтийскому каналу для пополнения Северного флота. Война с белофиннами. Создание военно-морских баз на Тихом океане… Во всём этом была горячая доля вдохновенного и мужественного труда Исакова. Он был одним из немногих, кто перед войной настаивал на строительстве оборонительных сооружений для прикрытия наших морских баз со стороны суши. Не случайно, что между боями у Ленинграда и на Кавказе именно Иван Степанович был командирован на Дальний Восток, на Тихоокеанский флот. Цель поездки лучше всего видна из слов напутствия, сказанных Верховным Главнокомандующим И. В. Сталиным:

– Поезжайте и посмотрите, чтобы нам не устроили Пёрл-Харбор…

Большой моряк никогда не начинается сразу с адмиральского звания. Он начинается со звания малого. Так росли Нахимов и Макаров. Так росли знаменитые советские адмиралы, в их числе Иван Степанович Исаков.

У него всё началось с плавания на учебном крейсере «Орёл» в Охотском море, продолжалось на балтийском эсминце «Изяслав», куда мичман Исаков попал как сдавший выпускные экзамены на высший балл[6], потом транспорт «Рига», сторожевой корабль «Кобчик», эсминец «Деятельный» на Каспийском море, на Балтике тральщик «Якорь», эсминец «Победитель», возвращение на «Изяслав» командиром корабля…

Начиная службу с азов, Исаков стал искусным мастером вождения кораблей. Об умении командира управлять кораблём моряки судят по тому, как он швартуется.

«Один швартуется долго и нудно, пугается любого случайно выкатившегося катерка, другой мучает механиков переменой ходов, наваливается на стенку кормой, а зрители опытные, они всё видят и долго помнят каждую ошибку.

Исаков вёл с моря «Изяслав» к точно известной стоянке, зная, что двое соседних эсминцев на местах и лишнего простора между ними нет. Оставлена узкая, но для умельца достаточная щель между двумя такими же кораблями, соединёнными с кормы сходней с берегом. Он должен без суеты, не задев чужого борта, не оскорбив ошибкой самолюбия своей команды, занять своё

место, бросить на берег сходню и начать обычную жизнь у причала. Он выполнял это как артист. К месту швартовки подходил изящно, без лишних эволюции. Войдя в гавань, он на прямой против отведённого ему места машинами разворачивал корабль, нацелясь кормой на стенку, отдав в точке, уже выверенной по ему известным береговым ориентирам, якорь, и шёл, потравливая якорь-цепь, задним ходом, причём ходом средним, а не малым; он влетал в щель между соседями и в мгновение, доступное только ему, его интуиции и глазомеру, давал после «среднего назад» – «полный вперёд», останавливал корабль как вкопанный на расстоянии, достаточном, чтобы не уронить сходню в воду, а положить на берег устойчиво… У зрителей дух захватывало от его цирковых эволюций.

Конечно, такая виртуозность основана на знании теории корабля, математическом расчёте, долгой тренировке, анализе наблюдений за манёврами товарищей и тысяче иных элементов того, что именуется опытом. Но был тут и артистизм моряка «до последней косточки» (В. Рудный).

С Балтийского моря Исакова (из-за нездоровья) перевели на Чёрное с такой аттестацией: «Из командиров – самый молодой, но вполне на месте. Очень энергичен и способен. Для выполнения ударных задач, как военного характера, так и работ, незаменим». На Чёрном море Иван Степанович достраивает эсминец «Петровский» и командует им, но больше работает в штабах флота и береговой обороны. А потом несколько лет учения в военно-морской академии и преподавание в ней. Как бы ни был талантлив человек от рождения, какими бы замечательными способностями ни обладал, нужно учиться. Нож оттачивается на бруске, талант и способности – в учении.

Иван Степанович учился постоянно, ежедневно, ежечасно. Высший балл, полученный на экзаменах на чин мичмана, не был случайностью. Исаков к воинскому званию – очень высокому – прибавит профессорское звание, станет членом-корреспондентом Академии наук СССР, он много сделает для морской науки и флота как учёный. Но это будет в конце жизни. А незадолго до войны Ивана Степановича отозвали из академии, назначили начальником штаба, затем командующим Балтийским флотом. Войну Исаков начал в должности заместителя наркома Военно-Морского Флота СССР, начальника Главного штаба Военно-Морского Флота…

Так разве не было оснований умирающему адмиралу подумать о корабле со своим именем?

…Ни знаменитые врачи, ни редкостные лекарства не помогали. Жизнь адмирала оканчивалась. Наступил момент,

когда пульс совсем перестал прощупываться. Прошло два часа, как исчезли видимые признаки жизни. Хирург Петров понимал: больше надеяться не на что. Он сидел у кровати умирающего, словно ожидая какого-то чуда.

Чудо свершилось. Пришла из Ставки Верховного Главнокомандования телеграмма:

– Иван Степанович, – сказал хирург, – вам телеграмма из Ставки…

И адмирал открыл глаза. Еле заметно дрогнула жилочка пульса на запястье.

Он был ещё нужен Ставке! Пусть без ноги, пусть изнурённый постоянными скачками температуры – от 42 до 35, измученный нестерпимой болью. Ставка не стала бы тревожить, если бы не было у неё дела к нему. В трудное время, в критическое для Родины время Ставка что-то приказывала своему адмиралу…

Врач прочёл телеграмму:

«Сочи. Адмиралу Исакову. Не теряйте мужества, крепитесь. По мнению врачей, Вы можете выздороветь. Ваша жена вылетела к Вам. В случае трагического исхода лучший эсминец Черноморского флота будет назван «Адмирал Исаков». Желаем здоровья. Сталин. Кузнецов».

Известны случаи, когда умирающий находил в себе силы отодвинуть смерть до приезда близкого человека и умирал, попрощавшись с ним. Но адмирал Исаков нашёл в себе силы не отодвинуть смерть на несколько часов, а победить её и жить ещё долгие годы.

Что же всё-таки не дало погаснуть искорке жизни в организме адмирала? Что заставило последнюю искорку стать такой горячей, что снова пришло в движение сердце? Обещание назвать эсминец именем «Исаков»? Если бы так, то зачем жить дальше? Желание ведь осуществилось… Может быть, дружеское участие Верховного Главнокомандующего и наркома, людей, так занятых заботами войны и всё же отыскавших время подбодрить адмирала? Да. Это. Но не в главной степени.

Давай вспомним другого Степановича, Павла Степановича Нахимова. Он был очень больной в дни обороны Севастополя. Помнишь, он признавался врачу, что держится лишь страшным напряжением обстановки, что, прекратись натиск англичан и французов, он тут же умрёт. Думаю, причина, побудившая воскреснуть адмирала Исакова, родственна причине, наполнявшей Нахимова сверхчеловеческой энергией на протяжении многих месяцев. Причина эта – желание служить Родине в самую трудную пору, сознание, что порученную тебе должность другой лучше тебя не исполнит, и, конечно же,

сверхважность дела, которое происходит сейчас и которое нельзя оставить незавершённым и нельзя отложить.

Война убила адмирала, война же воскресила его, так как она не была ещё завершена нашей победой.

…В госпитале оберегали новую жизнь адмирала, как оберегают на ветру крохотный огонёк, – пока не станет он пламенем. Для выздоровления была нужна абсолютная неподвижность. Но над госпиталем стал появляться немецкий самолёт-разведчик. Какие-то сведения о том, что здесь лежит раненый адмирал, попали к врагу. Могли прилететь бомбардировщики. Оставаться в Сочи было нельзя. На тральщике, который охраняли два катера, Ивана Степановича перевезли в Сухуми, оттуда поездом – в Тбилиси. Впереди вагона, в котором лежал раненый, и позади были платформы с зенитками…

Много месяцев поправлялся Иван Степанович. Рана в конце концов зажила. Но боли в ней не утихали. Не утихали все 25 лет, которые он прожил после ранения.

После ранения характер его работы изменился. Но не изменился стиль её – всё делалось тщательно, энергично, умно. Начиная с подготовки условий капитуляции Германии, которой он занимался как член правительственной комиссии, кончая рассказами о морской службе и море.

Ты, мой дорогой товарищ, если серьёзно увлечёшься флотом, непременно прочтёшь книги-исследования по морскому делу, написанные Исаковым. Ты увидишь Морской атлас – многотомное издание, которое известно морякам и учёным всего мира. В нём упоминаются свыше ста тысяч пунктов земного шара, содержатся сведения о всех течениях, приливах, путях циклонов и тайфунов, границах льдов и их движении, глубинах морей, характере берегов, погоде – словом, обо всём, что важно знать мореплавателю. Карты атласа показывают маршруты исследовательских экспедиций, открытия моряков и географов. Атлас был задуман Иваном Степановичем, он возглавлял работу над ним и был его редактором. Адмирал был удостоен за атлас Государственной премии. Но первым твоим чтением должны стать книги его рассказов о море. В ряду высоких званий Ивана Степановича Исакова – Герой Советского Союза, член-корреспондент Академии наук, лауреат Государственной премии – было ещё звание члена Союза писателей СССР. Ни одно звание не даётся даром. Ты убедишься в том, что и последнее дано не даром, если раскроешь книги «Морские истории», «Рассказы о флоте», «Неистребимый майор», «Каспий. 1920 год». Рассказы читаются с захватывающим интересом и вместе с тем даты, фамилии матросов и адмиралов, названия кораблей в них

абсолютно точны, как энциклопедические статьи. Здесь вся история и деятельность нашего Военно-Морского Флота.

Когда я писал «Адмиральскую» главу, меня не оставляло желание рассеять по ней отрывки из рассказов Ивана Степановича. К примеру, «Кронштадтскую побудку» добавить к очерку о боях с англичанами на Балтике, «Пари «Летучего голландца» – к очерку о «Дороге жизни» на Ладоге, «Трофеи тётушки Пэло» – к описанию событий на Чёрном море. Но я не стал делать этого, надеясь, что ты сам прочтёшь их одновременно с чтением Книги будущих адмиралов». Если ты это сделаешь ты выполнишь один из советов мудрого моряка. Совет таков: «…я хочу предостеречь от некритического отношения к различным историческим исследованиям и напомнить, что без слов живых людей – участников событий в виде ли статей или мемуаров – нельзя получить достаточно полного и объективного представления даже об относительно недавнем прошлом нашего флота, армии и всего государства в целом». В книге «Каспий, 1920 год» ты прочтёшь пространное «Обращение к читателям». Не стану пересказывать обращение, оно начинается на 61-й странице, для своей пользы и пользы дела, которому будешь служить, не забудь заглянуть на эту страницу.

Иван Степанович умер в 1967 году. Его нет среди нас. Но плавает по морям и океанам, продолжая служение Родине, большой противолодочный корабль «Адмирал Исаков».

МАЛАЯ ЗЕМЛЯ И НОВОРОССИЙСК

Общий ход военных действий во втором периоде войны. Ноябрь 1942 г. – декабрь 1943 г.

В 1838 году на черноморском берегу, при впадении в бухту реки Цемес, было возведено военное укрепление. Под его защитой вскоре началось строительство города и порта. Земли по берегам Чёрного и Азовского морей заселялись выходцами из России ещё в XVI веке, вся область называлась Новороссией, в честь этого и город назвали Новороссийском.

Значение города определилось соседством с Цемесской бухтой. Обширная, окружённая горами, она не замерзает зимой, большие глубины позволяют входить в неё океанским судам. Второй достопримечательностью Новороссийска – после порта – стали цементные заводы. Их несколько – на окраине города и в соседних посёлках.

Именно у этих заводов, пользуясь стенами цехов как укреплениями, наши войска остановили продвижение немцев. Удержавшись на окраине города, мы оставили за собой и восточный берег бухты. Очень важное дело! Ни один немецкий корабль за всё время, пока противник занимал город, не рискнул войти в бухту. Враги не смогли использовать удобный порт для снабжения войск, наступавших на Кавказ.

Наше командование намеревалось освободить Новороссийск в начале 1943 года. В то время фашисты потерпели сокрушительное поражение под Сталинградом. Наметилась возможность отрезать всю массу фашистских войск, находившихся на Северном Кавказе.

Посмотри карту военных действий второго периода войны, с ноября 1942 года по декабрь 1943 года. Проведи мысленно линию от Сталинграда через Ростов к Азовскому морю. Успешное развитие наступления на Донбасском и Ростовском направлениях и могло привести к окружению фашистских войск. Вернее, почти к окружению. У них был ещё выход на Таманский полуостров и далее в Крым. Следовательно, нужен второй удар – с побережья Чёрного моря до побережья Азовского. Наши войска начали оба удара.

На карте ты видишь длинную стрелу с основанием у Котельниковского, а остриём у Таганрога. Стрела показывает, что идёт наступление советских войск и путь фашистам с Кавказа на север закрывается.

После катастрофы под Сталинградом немецко-фашистское командование очень боялось окружений. Немцы, конечно, увидели перспективу нового «котла». Началось их бегство от Моздока и Нальчика.

Хотя враг бежал с Кавказа поспешно, он, понимая, что его спасение в Таманском полуострове, возвёл на полуострове

мощные рубежи, протянувшиеся от моря до моря и названные «Голубой линией». Особенно сильно противник укрепился в Новороссийске. Советское командование планировало силами сухопутных войск и морских десантов при поддержке авиации и флота окружить и уничтожить противника в районе Новороссийска. Для высадки десанта намечались два пункта: основной – в районе Южная Озерейка и вспомогательный – на западном берегу Цемесской бухты, в районе Станички. Высадка десантов предполагалась после того, как соединения сухопутных войск прорвут вражескую оборону восточнее Новороссийска.

К сожалению, планы окружения фашистов на Северном Кавказе по ряду причин не были исполнены. На севере, в районе Ростова, немцам удалось некоторое время держать открытой «горловину», сквозь которую ушла их танковая армия. А на Таманском полуострове сухопутные войска не смогли прорвать «Голубую линию». Дорога в Крым осталась для гитлеровцев открытой.

Огорчителен такой исход? Да. Но не так уж. Ведь враг бежал с Северного Кавказа. Понёс значительные потери. Освободилась от фашистов обширная территория советской земли. Не состоялся захват бакинской нефти и восточных портов на Чёрном море. И важное сделано у Новороссийска – наши десантники захватили плацдарм на западном берегу Цемесской бухты, а плацдарм пригодится нам в новом наступлении.

Чтобы ты, мой друг, не очень огорчался, скажу вот что: в то же время, в начале 1943 года, мы ещё дважды окружали неприятеля после сталинградского «котла». Южнее Воронежа были уничтожены 15 дивизий и 6 понесли тяжёлые потери, только в плен мы взяли там 86 тысяч. А севернее Воронежа были окружены и разгромлены 11 вражеских дивизий. Найди на карте места таких славных побед.

От общей картины мы снова переходим к её конкретной детали, к Новороссийску.

Итак, по замыслу командования десанты в Южной Озерейке и Станичке должны были высадиться после того, как 47-я армия прорвёт оборону противника восточнее города. Но сухопутные войска никак не могли взломать вражескую оборону. Тогда, чтобы оказать помощь наступающим частям, в ночь на 4 февраля 1943 года началась высадка обоих десантов, основного и вспомогательного. В ней участвовало свыше 70 кораблей и судов, в том числе крейсер «Ворошилов», эсминцы «Бойкий», «Сообразительный» и «Беспощадный».

На море был шторм. Противник вёл по берегу сильный артиллерийский огонь. В районе Южной Озерейки удалось

высадить полторы тысячи бойцов, выгрузить на берег 16 танков. В районе Глебовки и Васильевки, в тылу врага, опустились 57 парашютистов. На берегу Цемесской бухты, около Станички, высадился батальон морской пехоты. Бойцы основного десанта сражались мужественно. Они захватили Южную Озерейку. Но фашисты отрезали десант от берега. Осветили прибрежную полосу прожекторами. Высаживать новые части здесь стало уже невозможно. Десантный отряд двинулся к Васильевке, где были наши парашютисты. Там он двое суток вёл ожесточённый бой в окружении. На исходе были боеприпасы, было много убитых и раненых. Тогда морские пехотинцы отчаянным усилием прорвали кольцо и двинулись к Станичке, где соединились со вспомогательным десантом.

Сейчас Станичка называется Куниковкой – в честь командира батальона морской пехоты майора Цезаря Львовича Куникова. Майор стал Героем Советского Союза.

Первый отряд вспомогательного десанта – 272 человека – высадился с катеров 4 февраля. Катера подошли к берегу незамеченными. Стрельба началась уже после того, как выгрузили боеприпасы и продовольствие. По вражеским позициям ударила наша артиллерия с восточного берега Цемесской бухты. Штурмовые группы моряков стремительно выбили противника из укрытий. Не понимая, что происходит в темноте зимней ночи, фашисты бежали, Куников, чувствуя, что у немцев паника, открытым текстом по радио передал командованию сообщение: «Полк высадился без потерь, продвигаемся вперёд». Правдой в радиограмме были слова «продвигаемся без потерь» – отряд потерял убитыми одного моряка и троих ранеными, но полка-то не было, и наше командование знало об этом: расчёт был на дезинформацию врага. Противник поверил, ночь для него прошла в тревоге.

Тем временем высадились ещё несколько сот человек. Не теряя дорогого времени, морские пехотинцы изгоняли фашистов с плацдарма, продвигались к Станичке и совхозу «Мысхако». К утру была занята часть улиц Станички. Удалось захватить несколько вражеских орудий. Моряки ввели их в дело – стреляли из них по прежним хозяевам.

У Куникова было теперь около 900 бойцов. Трое суток они отбивали беспрерывные атаки немцев. Не просто отбивали, а всё расширяли и расширяли захваченную территорию, а ещё готовили берег к приёму подкреплений, к разгрузке судов. Должность майора стала называться по-иному – старший морской начальник на плацдарме.

Десантные суда от Южной Озерейки возвратились в

Геленджик и Туапсе, не высадив основных сил, – мы уже знаем, что враг окружил первый отряд и занял берег. Но теперь был плацдарм у Станички. С 5 по 9 февраля, ночами, с канонерских лодок, тральщиков и катеров там высадилось 15 тысяч человек.

К концу февраля мы ещё больше расширили плацдарм – на севере до самого города, на юго-западе – за совхоз и гору Мысхако. Площадь плацдарма составила 45 квадратных километров. В марте на нём было уже 40 тысяч человек.

Десант блестяще выполнил задачу. Но нашим армиям так и не удалось прорвать «Голубую линию». Наступление было прекращено.

Что ж, выходит, напрасно высаживали десант? Нет и нет. Наступление не отменено навсегда. Оно продолжится, когда будет создана лучшая обстановка. Её помогут создать армии, действующие на соседних участках советско-германского фронта. Тогда выявится в полной мере цена десанта. То, что она очень высока, ясно и теперь – и нам и врагу.

Давай взглянем ещё раз на Таманский полуостров. Враг прочно засел на нём. Что это сидение даёт ему? Во-первых, немецко-фашистские захватчики угрожают отсюда тылам наших войск на Нижнем Дону и на Кавказе. Во-вторых, враг не даёт нам использовать Азовское море для поддержки войск, ведущих бои на его берегах. В-третьих, сидя на Таманском полуострове, враг закрывает дорогу в Крым. И вот наш десант, занявший участок берега, постоянно грозит фашистам лишить их этих преимуществ.

Высокая цена плацдарма у Станички подтверждалась непрерывными боями, шедшими в этом районе семь месяцев. Немцы во что бы то ни стало пытались сбросить наших в море. Мы, несмотря ни на что, держались.

Небольшую территорию на западном берегу Цемесской бухты моряки назвали Малой землёй. Её первооткрывателя майора Куникова уже не было в живых. Он подорвался на мине, встречая пополнение, и умер. Но геройски сражались его товарищи. В прочных укрытиях пережидали бомбёжки и артиллерийские обстрелы, потом огнём встречали атакующих фашистов, каждый раз отбрасывая их на исходные рубежи. Ночами встречали суда, принимали пополнение, боеприпасы, продовольствие, лекарства, воду. Носили на катера и мотоботы раненых.

Сейчас на Малой земле – вернее, там, где она была, – есть памятник, который удивляет непосвящённых людей. Памятников много, но этот выделяется необычностью – в одно сварены электросваркой бомбы, снаряды, мины, оставшиеся с войны. Не все, конечно. Их взяли столько, чтобы весил корявый комок 1250 килограммов. По тонне с четвертью металла обрушили немцы за

семь месяцев на каждого бойца Малой земли! Каждый квадратный метр её площади был поражён или бомбой, или миной, или снарядом…

И вот под таким огнём воевали наши. Не просто оборонялись в каменных норах. А истребляя врага.

Наши лётчики и зенитчики добавили немецкого металла на плацдарме – 117 самолётов врага пустили в землю. По этому числу можно судить, как густо было набито небо над Малой землёй вражескими бомбардировщиками.

Тяжелейшие бои на Малой земле произошли в апреле 1943 года. 17 апреля с утра начались бомбёжки. Одновременно налетало по 30-40 бомбардировщиков. Плацдарм заволокло тучами пыли и дыма. Повсюду взрывались бомбы, снаряды, мины. После полуторачасовой огневой подготовки противник пошёл в атаку. Началась операция «Нептун». По плану немецко-фашистского командования, она должна была закончиться через 2 дня, в день рождения Гитлера. Малую землю фашисты намеревались подарить фюреру.

Особенно сильному натиску подверглись позиции 51-й стрелковой бригады и 8-й гвардейской стрелковой бригады. Их части отбивали ежедневно по десятку атак. В один из дней захватчики бросались в атаку девятнадцать раз! Им удалось потеснить наши части. Там, где действовала 125-я немецкая пехотная дивизия, образовалась в нашей обороне глубокая вмятина. На этот участок была направлена помощь – два стрелковых полка и бригада морской пехоты. К 30 апреля мы вернули утерянные позиции.

Операция «Нептун» закончилась. Гитлер не получил подарка.

В феврале, марте и апреле враг потерял у Малой земли около 20 тысяч солдат и офицеров.

…Никто не знал, когда будет освобождён Новороссийск. Но Малая земля готовилась к этому дню. Малоземельны совершенствовали позиции, отбивая у врага важные высоты. Отбили вершину горы Колдун, с которой противник просматривал весь плацдарм.

…В горы еду для солдат возили на ослах. Был умный осёл Яшка. Он ходил по тропе без погонщика, понимал, что, доставив термосы на позицию, и сам хорошо пообедает. Солдаты украсили хвост Яшки немецкими орденами…

ГЕРОИ МАЛЕНЬКИХ КОРАБЛЕЙ

За серым осликом Яшкой охотились снайперы. Несколько осликов погибли на горных тропах. Конечно, фашистов злило, что

Железные кресты бренчат на ослиных хвостах, но им куда важнее было оставить наших бойцов, укрепившихся в скалах, без еды, без воды, без боеприпасов. Будь ты трижды храбр и стоек, но если голодный, если тебя мучает жажда, если нечем стрелять, то много не навоюешь. Жизнестойкость и боеспособность не только бойцов, засевших на вершине Колдуна, но и всей Малой земли оказались в руках тех, кто занимался снабжением.

Насколько важно обеспечить всем необходимым для боя своих, настолько же важно оставить без всего необходимого для боя противника. Наши крупные корабли не могли ходить к десантникам, не могли они также действовать на вражеских коммуникациях. Конвои противника двигались вблизи берега, под защитой артиллерийских батарей и авиации, действовавшей с прибрежных аэродромов. В таких условиях большой корабль обрекался почти на верную гибель. Тогда снабжением Малой земли и борьбой на морских дорогах занялись наши катера.

Мы с тобой довольно подробно говорили о военной работе артиллерийских кораблей и подводных лодок. Теперь самый раз начать рассказ о катерах – торпедных и сторожевых. В боях за Новороссийск они действовали так дерзко, так умело, с такой пользой общему делу, что удостоены небывалой для малых кораблей почести – корабли Черноморского флота, включая линкор и крейсеры, при встрече с катерами, освобождавшими Новороссийск отдавали им честь. На горне или свистке проигрывался сигнал «Захождение», моряки, находившиеся на палубе и надстройках, принимали положение «смирно», адмиралы, офицеры, главные старшины прикладывали руку к головным уборам.

Представь себя, читатель, в экипаже катера, когда сотни моряков огромного корабля приветствуют твой кораблик. На большом-то корабле – на крейсере, на эсминце – люди тоже ведь нюхали порох, знали, что такое война, и вот они, бесстрашные, приветствуют тебя…

Катера выходили из Геленджика перед заходом солнца, ночью достигали берегов, занятых врагами, и устраивали засады или искали вражеские суда и конвои, торпедировали их, обстреливали, а утром возвращались на базу.

Весной, когда распутица испортила дороги на Таманском полуострове, противник большую часть перевозок осуществлял по морю. Ты, конечно, помнишь, что в это время немецко-фашистские захватчики проводили операцию «Нептун», пытаясь уничтожить десантников на Малой земле. Поэтому каждая удачная атака наших катеров была важной помощью малоземельцам.

В том, что Гитлер ко дню рождения не получил обещанного подарка, есть немалая заслуга катеров. Именно 20 апреля они крепко испортили настроение гитлеровцам. Торпедные катера под командованием Андрея Черцова и Николая Тарасова подошли к Анапе. Туман, стоявший над морем половину ночи рассеялся. В лунном свете у самого берега с катера Черцова увидели две самоходные баржи. Черцов был так близко от неприятеля, что торпеда выпущенная в баржу, взорвала бы и катер. Пришлось маневрировать и только после этого атаковать. Торпеда взорвалась в середине баржи. Тут же по катеру ударили орудия второй баржи, открыли пулемётный огонь танки, стоявшие на её палубе. Бросились немецкие сторожевые катера. А у наших заглохли оба мотора – заглушила их взрывная волна. Под сильным обстрелом удалось завезти моторы, катер, имея раненых и пробоины, на большой скорости ушёл в море – к катеру Тарасова.

После короткого совещания командиры приняли такое решение: Черцов отвлечёт на себя сторожевиков, а Тарасов тем временем атакует вторую баржу.

Сторожевые немецкие катера вылавливали из воды людей. Длинная пулемётная очередь заставила их бросить это занятие и помчаться за Черновым. На берегу вспыхнули прожекторы, схватили наш катер в перекрестье, по освещённому кораблику начала бить береговая батарея.

Катер резко менял курсы. Но прожекторы держали его цепко, снаряды немцев падали совсем близко. В это время прогрохотал над морем сильный взрыв – Тарасов торпедировал вторую баржу. Как по приказу, лучи прожекторов метнулись в сторону взрыва, туда же понеслись сторожевики. Береговые пушки, потеряв цель, кончили стрельбу. Дело было сделано, оба советских катера взяли курс на Геленджик.

Кочиев К. Г.

В ту памятную ночь на катере Тарасова был командир отряда торпедных катеров капитан-лейтенант Константин Георгиевич Кочиев. Ты помнишь североморца Колышкина? Тот командир всегда находился на подлодках дивизиона, выполнявших наиболее сложные задания. Кочиев тоже плавал на катерах, которым предстояло действовать в самых тяжёлых условиях. Не только обязанность командира служила причиной этому. Капитан-лейтенант лучше, чем другие, знал катер, бой, капризы моря. Молодые моряки учились у него военному мастерству, способам добывать победу.

Боевые заслуги Кочиева отмечены званием Героя Советского Союза, великим уважением, мужской любовью товарищей: однажды катер, на котором находился Кочиев, подорвался на мине, контуженого командира взрывной волной выбросило в море. Сразу пятеро матросов, не сговариваясь, кинулись в воду и спасли командира.

С именем Кочиева связана, пожалуй, самая дерзкая и самая успешная атака торпедных катеров. В Ялтинской бухте у противника стояли катера, подводные лодки и другие суда. Фашисты считали, что нашим кораблям проникнуть в бухту невозможно. У входа дежурят дозоры. На берегу и на молу стоят

пушки и прожекторы. Высокий каменный мол – непреодолимое препятствие. Проход между молом и набережной закрыт стальными сетями. Связка сетей одним концом закреплена в набережной, другим – на самоходной барже; баржа открывает и закрывает эти ворота. Однако Кочиев, размышляя над картой бухты и данными авиаразведки, придумал, что делать.

Атаковать Ялтинскую базу пошли катера лейтенантов Турина и Чепика. Общее командование осуществлял Кочиев. Под утро были на месте. В тумане наткнулись на сторожевые катера фашистов. Те запросили позывные. Кочиев без промедления приказал просигналить фонарём две буквы – ДК. Немцы, удовлетворившись таким ответом, приняли катера за свои. Дозорные на берегу видели обмен сигналами и поэтому тоже не обеспокоились. Кочиев понял, что враг в заблуждении, решение на дальнейшие действия созрело мгновенно. Став к штурвалу, он нацелил катер, а следовательно, и торпеды на баржу. Когда вылетела из правого аппарата торпеда и понеслась к барже, гитлеровцы на молу почувствовали неладное. Но было уже поздно. Торпеда взорвалась у борта судна. Тут же раздался взрыв ещё большей силы – оказалось, что в барже был склад боеприпасов. Осколки снарядов, обломки судна полетели во все стороны, пугая врагов.

Потонув, баржа утащила на дно кусок сети. Образовался вход в бухту. Катера бросились в атаку. Торпеды взорвались в гуще немецких катеров, стоявших у стенки, разломили подводную лодку. В завершение атаки наши выпустили реактивные снаряды. Порт окутался дымом. Началась у врага паника.

Как стало известно позже, ещё большая паника была в городе. Дело в том, что тяжёлые немецкие орудия, стоявшие довольно далеко от Ялты, открыли огонь по бухте. Стреляли они неточно. Несколько снарядов взорвались на базарной площади, а там по пути на фронт остановились на ночлег войска. Взрывы в порту, на площади, огненные следы эрэсов, частая и бестолковая стрельба пушек и пулемётов вызвали самые невероятные объяснения. Фашистам казалось, что какой-то десант ударил по Ялте с моря и суши, взял город в кольцо. Ночевавшие на площади и на улицах солдаты бросились бежать из города, понеслись на Симферопольское шоссе автомашины…

А катера, разрядив всё своё оружие, уходили из бухты. Вода кипела от снарядных взрывов, пули хлестали по корпусам и надстройкам. Прямое попадание снаряда получил катер Турина. Остановились моторы. В пробоину хлынула вода. Катер лейтенанта Чепика пронёсся между ним и берегом, закрыл товарища дымовой завесой, затем взял подбитый катер на буксир.

Пробоину моряки закрыли пластырем, удалось починить один мотор. Кораблики вернулись в базу.

А ДК – ответ на запрос немецкого сторожевика? На катерах все думали, что Кочиев знал опознавательные врага. «Я обозвал этого остолопа дураком, – объяснил Константин Георгиевич. – Что он в самом деле? Не сумел в полумиле от себя опознать чужие катера. Полностью передавать долго, я и продиктовал первую и последнюю буквы…» На войне случалось такое – героическое и анекдотическое оказывались рядом.

ДЕСАНТ В НОВОРОССИЙСК

Случай с ДК долго забавлял черноморцев. Но они-то за смешным видели и другое. Нам с тобой, читатель, тоже надо это другое видеть: дерзость, находчивость, самообладание в критической обстановке. Кочиев мог приказать своим катерам отойти или начать бой. И то и другое было очень опасно – немецкие катера в пять раз крупнее наших, кроме торпед, у них по шесть автоматических пушек и по восемь пулемётов, а на наших торпедных катерах стоял лишь один крупнокалиберный пулемёт. И уж конечно, в случае боя или отхода исключалась повторная попытка прорваться в бухту.

Великое дело на войне – находчивость, дерзость, самообладание. Учись этому у катерников.

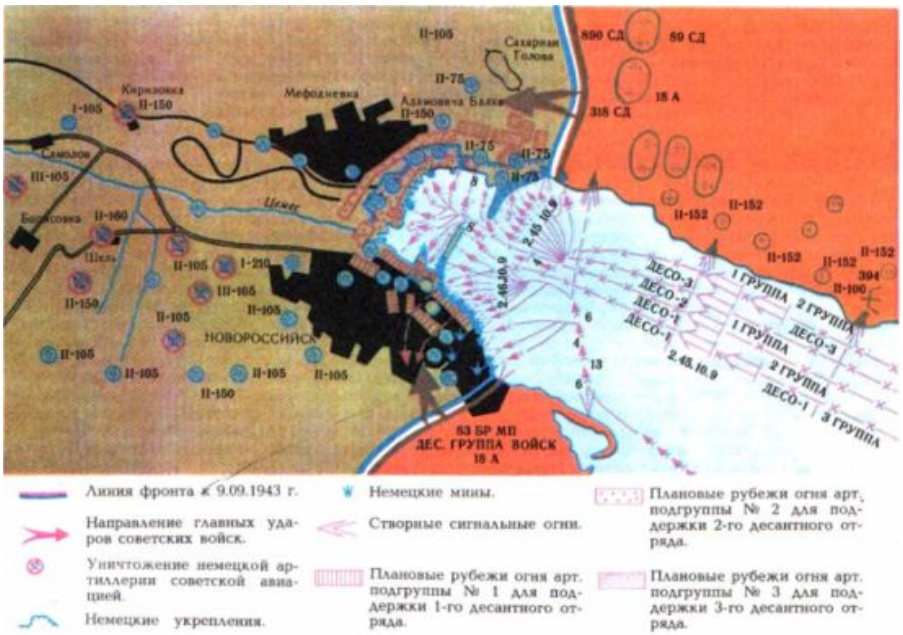
На Кавказе железная дорога идёт по самому берегу моря. Были случаи, когда немецкие подводные лодки подбирались к дороге, всплывали и обстреливали поезда из орудий. Тогда наши катера стали сопровождать поезда – вагоны катятся по суше, катер рядом идёт по морю. Так и отвадили фашистских подводников. Однажды катер, выгружая боеприпасы на Малую землю, повредил о камни руль. Вокруг катера падали снаряды. Гибель казалась неизбежной. Неподалёку стоял сейнер с повреждённым винтом. Моряки подтянули катер к сейнеру, связали оба судна – получилось на двоих по исправному рулю и винту. Катер и сейнер ушли из-под обстрела… Самый же яркий пример боевых качеств моряков-катерников – Новороссийская десантная операция.

В начале осени 1943 года, развивая успех, одержанный летом в Курской битве, советские войска на широком фронте подходили к Днепру.

Готовилось наше наступление и на Таманском полуострове. Основной удар снова нацеливался на Новороссийск – ключевой пункт вражеской обороны.

Было решено брать город одновременно с трёх сторон: с

востока, от цементных заводов, с запада, от Станички, и со стороны порта, высадив в город сильный десант.



Бой за высадку морского десанта в Новороссийске 10.09.1943 г.

Сложнейшим делом в этой операции была высадка десанта. Посмотри схему боя за высадку десанта. Обрати внимание на артиллерию противника. В некотором удалении от города стоит множество тяжёлых орудий. Орудия стоят и в непосредственной близости от порта. Достаточно сказать, что каждый квадратный метр акватории простреливается ими. По всему берегу бухты у противника огневые точки и минные заграждения (кружки с тремя усиками). Огневые точки устроены и на молах – западном и восточном. Расстояние между молами всего 80 метров. Неужели возможно кораблям и судам с десантниками пройти в эту щель, не погибнув от огня пушек, миномётов и пулемётов? Как можно было решиться на такое?

Решились потому, что знали: именно в этом страшном для нас месте противник меньше всего ждёт удара. И ещё решились потому, что надеялись на ум и отвагу моряков.

Командиром высадки был назначен командир Новороссийской военно-морской базы контр-адмирал Георгий Никитич Холостяков. Отряд обеспечения высадки возглавил командир бригады торпедных катеров капитан второго ранга Виктор Трофимович Проценко.

В канун наступления вовсю работала наша разведка.

Самолёты фотографировали вражеские позиции, скрытые в горах и за горами. Не смыкали глаз наблюдатели на восточном берегу Цемесской бухты – с горы Маркотх просматривались порт и весь город. С каждым днём на разведкартах прибавлялись новые грозные значки – минные поля в городе, доты на перекрёстках улиц, орудия и миномёты в замаскированных укрытиях. Захватчики развесили взрывчатку на столбах и на деревьях – в случае прорыва наших бойцов в город они должны были оказаться в огненном аду. В городе и порту, как потом подсчитают сапёры, было установлено свыше 30 тысяч противопехотных и противотанковых мин.

Свою рекогносцировку провели моряки. На наблюдательном пункте 318-й стрелковой дивизии контр-адмирал Холостяков с командирами отрядов катеров и десантников долго изучал подходы к порту и берег бухты.

Бетонные доты на молах казались неуязвимыми – бомбой с самолёта, снарядом из тяжёлой пушки трудно попасть в небольшую цель. Конечно, если стрелять или бомбить долгое время, то разбить доты можно. Но огневая подготовка атаки намечена короткой – иначе враг поймёт, откуда грозит опасность. Моряки решили стрелять по молам торпедами, торпедами же ударить по береговым огневым точкам и минным заграждениям. Было, однако, ясно, что и торпеды не уничтожат всех огневых точек. Надо будет воспользоваться замешательством противника – после серии мощных взрывов высадить на молы штурмовые группы, которые добьют врагов в дотах гранатами.

Пространство между молами закрывали боны – бочки, к которым подвешены сети. Решили прорвать заграждение тоже взрывом торпеды, затем, чтобы обрывки сетей не мешали десантным судам, взорвать бочки, покидав на них сетки с взрывчаткой.

На конце западного мола увидели лебёдку, трос от неё уходил в воду. Несомненно, он, как и сети, перегораживает вход в порт. Но на какой глубине? И нет ли на тросе мин? Осмотреть трос вызвался матрос-разведчик (к великому огорчению, неизвестна его фамилия). Ночью матрос переплыл бухту – это около десяти километров, – остаток ночи, день и вечер прятался под причалом, а новой ночью исследовал трос и пустился в обратный путь. Погода была ненастная. Разведчик выплыл к своему берегу не в том месте, где нужно, и подорвался на мине. С перебитой ногой его подобрали солдаты. В госпитале разведчик рассказал о толщине троса и глубине, на которой он висел. Стало ясно, что торпедные катера не смогут пройти над тросом. Решили впереди их пустить катера-лимузины с тралпатронами. Осадка их

совсем небольшая, они пройдут над тросом, затралят его и перебьют взрывом. Беда только, что лимузины тихоходные. Значит, торпедные катера приведут их к заграждениям на буксире.

Не полагаясь на расчёты, проверили опытами и подрыв троса, и торпедную стрельбу по берегу; торпеда вылетала на пологий берег и прежде, чем взорваться, проползала по нему несколько десятков метров.

Свои занятия шли у десантников 18-й армии. Морские пехотинцы и стрелки проводили на местности игры; грозно назывались эти игры: «Уличный бой», «Блокировка домов и дзотов», «Штурм опорных пунктов», «Преследование противника»…

Конечно же, фашисты заметили приготовления к десанту, ведь в Геленджике собралось множество судов. Для дезинформации противника распространялись слухи, что десант высадится в Озерейке или Анапе. Но сбило с толку не только это. Враги не допускали мысли, что мы атакуем порт без поддержки эсминцев и крейсеров. Их самолёты-разведчики во все глаза следили за морем – «как появятся советские артиллерийские корабли, так надо ждать десанта». Эсминцы не появились, и высадка войск оказалась для противника неожиданной.

Новороссийская десантная операция началась в ночь на 10 сентября. Она была рассчитана по минутам. И осуществилась в точные сроки. Выдержать их было невероятно трудно – шло множество разнородных судов, действовали тысячи людей…

Из Геленджика раньше всех вышел отряд старшего лейтенанта Ивана Шенгура – два торпедных катера и четыре артиллерийских с «катюшами». Они заняли позицию у Малой земли. В задачу отряда входило уничтожение немецких кораблей, если бы те попытались напасть на десантные суда.

На схеме ты видишь густое движение десантных отрядов. Мотоботы, мотобаркасы, катера, сейнеры, шхуны вышли из бухты перед полуночью. Они идут медленно и тяжело, до предела загружены людьми, оружием, боеприпасами.

Последними вышли в море 25 торпедных катеров и 4 лимузина. Это отряд обеспечения высадки. Он первым вступит в бой, а вышел последним потому, что обгонит тихоходных собратьев. Начало движения отряда обозначено (четырьмя клинышками с хвостиками) в правом нижнем углу схемы.

Идёт множество судов в полной темноте. Ни огонька спички, ни огонька папиросы. Все понимают, как важно не выдать себя противнику. Шум корабельных и судовых двигателей маскируют своим гулом самолёты, пролетающие над бухтой.

С катеров уже видны очертания западного мола. Враг молчит. Не видит, не догадывается, чем грозит ему ночное море… Катера, разделившись на четыре группы, заняли исходные позиции против мест, отведённых им для атаки…

В 2 часа 44 минуты берег Цемесской бухты озарился вспышками огня – по вражеским позициям ударили 800 орудий и миномётов. Забушевали взрывы в порту и на молах. Наступило время катеров.

В 2 часа 45 минут шесть катеров во главе с командиром бригады Проценко ударили торпедами по западному молу; четыре катера во главе с капитаном третьего ранга В. М. Довгаем атаковали восточный мол. Тогда же четыре лимузина взорвали боновые заграждения, перебили трос и высадили на оба мола штурмовые группы моряков.

В те же самые минуты и секунды тринадцать торпедных катеров во главе с капитаном третьего ранга Г. Д. Дьяченко атаковали торпедами береговые огневые точки.

И чуть позже – в 2 часа 56 минут – в пространство между молами (уже свободное от заграждений) на полном ходу ринулись шесть торпедных катеров во главе с капитан-лейтенантом А. Ф. Африкановым. Они бьют торпедами по заминированным причалам и стенкам гавани, где будут высаживаться десантники, по огневым точкам в порту.

Прошло четыре минуты, как взорвались торпеды Африканова, – в порт пошли десантные суда. Впереди сторожевые катера. Они бьют из пушек и пулемётов по уцелевшим огневым точкам, подходят к причалам. Десантники с криками «ура», «полундра» соскакивают на берег – сразу же вступают в бой.

Около 4 тысяч десантников высадилось в ту ночь в Новороссийске.

На схеме обозначены рубежи артиллерийского огня. По ним, читатель, ты разберёшься, где высадились первый, второй и третий десантные отряды.

Второй отряд сражается в порту, первый – рядом с малоземельцами, третий – рядом с цементными заводами. Сухопутные войска нашей 18-й армии одновременно с броском десантников на берег атаковали позиции немцев на своих участках.

Мы с тобой, дорогой друг, разобрались в схеме операции. Но мы ещё не увидели картины сражения. Чтобы нарисовать её более или менее достоверно, послушаем воспоминания Андрея Ефимовича Черцова, Героя Советского Союза, командира торпедного катера.

«Время приближалось к началу общего наступления наших

войск на Новороссийск. И вот настало это мгновение. Земля, море и воздух вздрогнули от могучего удара. Порт и город превратились в гигантский костёр. Огромными факелами вспыхнули нефтебаки на нефтяной пристани, левее их запылало большое здание, осветились от внутреннего пожара окна морского клуба. А над всем этим огромным пожарищем ослепительными люстрами повисли сброшенные с самолётов осветительные бомбы. Через несколько минут весь город, порт и всю Цемесскую бухту начало заволакивать дымом и пылью. В наступившем мраке, покрывая гул боя, раздался взрыв неимоверной силы. Это почти одновременно взорвалось до полусотни торпед, выпущенных катерами…

Опомнившись от внезапного удара, фашисты открыли огонь из орудий и миномётов. Даже мне, участнику штурма, трудно передать, что творилось в порту. Вокруг всё грохотало, свистели пули, осколки. От прямых попаданий торпед взлетали на воздух причалы, близкие к воде огневые точки врага. Наш катер, израсходовав торпеды, повернул назад. Вдруг над нами повисла осветительная бомба, выхватив из темноты стоящий невдалеке подбитый мотобаркас с десантниками. Бойцы, стараясь придать ему ход, гребли кто чем мог: прикладами автоматов, досками от банок, а то и просто руками. Но безуспешно – баркас медленно сносило назад в море. Первая мысль – подойти и отбуксировать к месту высадки. Но тут раздался пронзительный свист, и впереди нас встали четыре столба воды. Когда они опали, баркаса уже не было.

Захватив по пути катер Куракина, у которого был разбит мотор, мы пошли к Кабардинке. Спало напряжение боя, сразу же почувствовалась усталость. Казалось, что мы находились под огнём несколько часов, а всего были там несколько минут. Меня охватила радость. Шутка ли! Побывать в таком огненном аду и не получить не только ни одной пробоины, но и не потерять никого из экипажа. Это было просто невероятно! Но в то же время нарастала тревога за товарищей, всё ещё находившихся в бою. Как они там?»

Да, как они там, доблестные моряки Черноморского флота? Послушаем ещё одного очевидца и участника тех событий, Виктора Трофимовича Проценко. Он руководил действиями катеров своей бригады непосредственно в бою.

«…Из-за волнолома доносился треск автоматов. Это высаженные с лимузина Омельченко автоматчики Платонов, Потяхин, Жигарев и Миронов во главе со старшиной второй статьи Владимиром Остапенко ведут бои с прислугой расположенных там вражеских пушек. Со стороны корня мола на

помощь Остапенко с боем продвигается группа автоматчиков мичмана Никиты Рудого. Здесь старшина первой статьи Василий Китов, краснофлотцы Кишев, Нанкин, Дыгай, Калинин, Нагорный и Потаков. Их высадил торпедный катер Подымахина.

Почти одновременный удар семи торпед по молу так тряхнул его, что малокалиберные автоматические пушки и пулемёты слетели с треног, а взрывы торпед, выпущенных Николаем Поповым под основание самого мощного дота на оконечности мола, разрушили дот, и тяжёлая броневая плита придавила весь расчёт. Уцелевшие фашисты не успели прийти в себя, когда на них навалились наши моряки-автоматчики. Всего несколько минут потребовалось бойцам Рудого и Остапенко, чтобы выкурить гитлеровцев из блиндажей и укрытий на молу. Огнём автоматов и гранатами они уничтожили 38 вражеских солдат и офицеров.

Очистив мол, тринадцать наших моряков довооружились трофейными автоматами и гранатами и бросились к электростанции. Противник встретил их сильным огнём. Отбивая у врага этаж за этажом, наши геройские моряки, трое из которых были ранены, уничтожили ещё три десятка гитлеровцев, захватили малокалиберную пушку, четыре станковых пулемёта и склад боеприпасов. Моряки удерживали электростанцию до подхода частей 318-й стрелковой дивизии.

С каждой секундой оживало всё больше вражеских огневых точек. Над гаванью стоял несмолкаемый грохот. Снаряды то и дело рвались вблизи нашего катера. У берега заполыхал яркий костёр – загорелся какой-то катер».

Горел торпедный катер Хабарова. Два вражеских снаряда попали в катер, когда он был на боевом курсе, готовясь выпустить торпеду по западному молу. Пламя охватило весь кораблик. И всё же командир успел выпустить торпеду по цели, а затем выбросил катер на отмель. Погасить огонь было невозможно. Экипаж с автоматами и гранатами выскочил на берег. Густыми очередями обратили в бегство фашистов. В пылу погони попали под пулемётную очередь, пущенную из недалёкого дзота. Иван Алексеевич Хабаров разрушил дзот гранатами, перебил сидевших в нём фашистов. Вскоре к морякам присоединились несколько десантников. Маленький отряд остаток ночи и весь следующий день отбивался от противника, заняв траншею на окраине городского парка. Ночью храбрецы, израсходовав боеприпасы, вступая в рукопашные схватки, пробились к своим на Малую землю.

Всё шло, казалось, отлично. Однако не было продвижения у сухопутных войск. Ни у цементных заводов, ни на Малой земле не удавалось войскам 18-й армии взломать вражеские

оборонительные рубежи.

Мощнейшие рубежи, то, что на схеме обозначено синей линией, – это пять рядов траншей и семь рядов проволочных заграждении, это на каждом километре фронта 40-60 пулемётов, 10-25 орудий, 17-20 миномётов да ещё минные поля.

Складывалась ситуация, схожая с той, что возникла в феврале при высадке десанта в Озерейке. Десантники снова оказались в сложном положении. Немецко-фашистское командование бросило против них танки, самоходные орудия, штурмовую авиацию. Особенно тяжело пришлось первому отряду. Противник отрезал его от моря, расчленил на изолированные друг от друга группы. С большими потерями эти группы прорывались на Малую землю и в район, где действовал второй десантный отряд.

Над десантом, высаженным так удачно и успешно, нависла угроза гибели. Нужно было подкреплять его свежими силами.

Наступил рассвет. Появились в воздухе немецкие бомбардировщики. Артиллерийские наблюдатели противника просматривали бухту и порт, огонь по судам стал губительнее. Вход в порт ежеминутно пронизывали трассы автоматических пушек.

Первым катером, который пошёл в Новороссийск повторным рейсом, был торпедный катер старшего лейтенанта Черцова. Он вёз десантников и ящики с минами. Как не похож был новый рейс на прежний!

У входа в порт катер попал под град снарядов. Близкие взрывы бросали кораблик с борта на борт. Вот очередь полоснула по корпусу. Упал раненый боцман Панин, стоявший у пулемёта. Были ранены несколько солдат. Заглох один мотор. Что-то загорелось под палубой. Входа в порт не было видно, перед катером стояла стена водяных всплесков и брызг. Черцов вёл корабль наугад.

Удалось застопорить катер перед трассой снарядов, выпущенных автоматической пушкой. Быстрым рывком вперёд ушли от новой очереди. И попали под третью. Удар в живот свалил командира с ног. Упал раненый механик главный старшина Ченчик. В бензиновом отсеке вспыхнул огонь. Через секунды катер должен был взорваться. Командир отделения мотористов Шаманский с кошмой и огнетушителем прыгнул в горящий отсек. Моторист Кузнецов под пулями и осколками затыкал пробоины в палубе, чтобы в отсек не поступал воздух. В это время электрик Петрунин заменил боцмана у крупнокалиберного пулемёта и меткой очередью разбил вражеский пулемёт, стрелявший по катеру. Враг последними пулями всё же достал Петрунина – пули попали в обе ноги. А

командир, превозмогая боль, продолжал вести катер к причалу.

Заработал второй мотор. Его пустил, починив перебитый маслопровод, четырнадцатилетний юнга Валя Лялин.

У самого причала немцы осыпали катер минами. Заглохли оба мотора. По инерции катер всё же прибился к стенке. Десантники выскочили на берег, принялись выгружать боеприпасы.

Как только катер тронулся в обратный путь, вражеский снаряд разбил левый мотор. Уходили на одном. А вскоре снарядом разворотило скулу. Сквозь пробоину хлынула вода. Кузнецов, Шаманский, радист Полич укрепили переборку торпедного отсека, начали помпой откачивать воду.

Избитый катер вышел из-под обстрела. Уже показались причалы Кабардинки. Но в это время командир, стоявший у штурвала, упал без сознания. Катер пошёл бессмысленными кругами. К штурвалу встал юнга. Раненые не могли встать, а остальные члены экипажа не могли отойти от мотора и помпы. А фашисты снова открыли по катеру стрельбу из орудий.

Странные движения катера заметили с берега. Два катера поспешили на помощь. Они поставили дымовую завесу, закрыли раненого друга. Знаками объяснили юнге, что делать, – вести катер к берегу и посадить на мель; вода уже заливала палубу, малейшее промедление грозило гибелью.

Мальчик понял моряков. Затопленный катер выскочил на прибрежные камни и замер…

Случай с катером Черцова, с другими катерами, которые пошли вторыми рейсами в Новороссийск, вынудил командование отложить переброску свежих десантных частей до ночи.

В ночь на 11 сентября катера совершили новый подвиг – высадили в город ещё 2600 бойцов. В это же время командующий Северо-Кавказским фронтом генерал-полковник И. Е. Петров дал 18-й армии на усиление её восточной группы гвардейскую стрелковую дивизию и гвардейскую танковую бригаду.

Фашисты не выдержали натиска. 14 сентября оборона врага была прорвана. В уличные бои включились стрелковые части и танки. Вечером 16 сентября весь Новороссийск был в наших руках. Развивая успех, советские войска повели наступление в направлении Верхне-Баканского, в тыл вражеской группировки, оборонявшейся на рубеже «Голубой линии». Опасаясь окружения, 17-я немецкая армия, теряя технику и людей, начала поспешно отходить к Керченскому проливу и переправляться в Крым.

* * *

Итак, 17-я армия врага нашла себе спасение от полного разгрома в Крыму. Но Крым уже отрезан войсками 4-го Украинского фронта от основной массы фашистских армий. (Посмотри карту военных действий во втором периоде войны.) Красная стрела фронта нацелена на Перекоп. Близится время освобождения Севастополя. А Новороссийск наш. Пусть разрушенный. Но уже наш. Теперь черноморские корабли имеют хорошую базу. Значит, их удары по врагу будут раз от раза крепче.

В 1966 году город Новороссийск за мужество, стойкость и героизм его защитников был награждён орденом Отечественной войны I степени. В 1973 году, в тридцатилетие разгрома фашистов на Северном Кавказе, Новороссийск был удостоен звания «Город-герой», ордена Ленина и медали Золотая Звезда».

Я буду рад, читатель, если кто-то из героев Новороссийска станет любимым для тебя. Может быть, это будет юнга Валя Лялин; оставшись сиротой, он вошёл в семью моряков и в четырнадцать лет показал себя настоящим мужчиной. После того героического рейса мальчик получил орден и направление в Тбилисское нахимовское училище. Он поехал туда вместе с выздоровевшим механиком Н. Ченчиком; главного старшину направили в училище воспитателем. А может быть, сам Андрей Ефимович Черцов станет образцом для подражания. Он тогда был ранен в живот навылет. Такое ранение кончается смертью. Но мужественный командир выжил. Полгода спустя вернулся на свой катер. Освобождал Севастополь. Высаживал десантников в Сулине и Констанце, воевал на Дунае…

ФАШИСТЫ ТОПЯТ СВОИ КОРАБЛИ

НАЧАЛО ГОДА

1944 год начался для фашистов «новым Сталинградом». Недалеко от города Корсунь-Шевченковского войска 1-го и 2-го Украинских фронтов окружили десять дивизий врага – свыше 80 тысяч гитлеровцев.

Кольцо было таким плотным, что у фашистов не оставалось ни малейшей надежды вырваться. Советское командование предложило врагу сдаться. Немецко-фашистское командование наше предложение отклонило, приказало войскам идти на прорыв.

Уничтожение врага у Корсунь-Шевченковского часто называют «побоищем». Оно происходило 17-18 февраля. Была ночь. В степи мела вьюга. Гитлеровцы, построившись плотными колоннами, пустив впереди колонн танки и бронемашины с генералами, двинулись, как тараны, на наши позиции. Тактика была примитивная – кто сумеет прорваться, тот прорвётся… Наблюдатели заметили в снеговых вихрях движение огромных человеческих масс. На врага обрушил удар полк легкобомбардировочной авиации. Ураганный огонь открыла артиллерия. Густыми огненными стаями полетели в «котёл» эрэсы. Обезумевшие фашисты продолжали движение. Нашим воинам пришлось собрать всё мужество, чтобы остановить лавины врага. По фашистам в упор били пушки, пулемёты, автоматы. В гущу врага ворвались наши танки…

Уйти из кольца удалось немногим. В плен мы взяли 18 тысяч. А 55 тысяч было убито и ранено. Вся боевая техника врага осталась на поле боя.

* * *

Взгляни на карту третьего периода войны.

КАРЕЛЬСКИЙ ФРОНТ
ЛЕНИНГРАДСКИЙ ФРОНТ
ВОЛХОВСКИЙ ФРОНТ
2 ПРИБАЛТИЙСКИЙ ФРОНТ
1 ПРИБАЛТИЙСКИЙ ФРОНТ
БЕЛОРУССКИЙ ФРОНТ
1 УКРАИНСКИЙ ФРОНТ
2 УКР. ФР.
3 УКР. ФР.
ЧЕРНОМОРСКИЙ ФЛОТ
БАЛТИЙСКИЙ ФЛОТ
ГРУППА АРМИЙ ЮЖ. УКРАИНА
ГРУППА АРМИЙ "СЕВЕР"
ГР. АРМ. "ЦЕНТР"
ГР. АРМ. "ЮГ"
ГР. АРМ. "А"
ГРУППА АРМ. "ЮГ"
ГРУППА АРМИЙ "ЮГОСЛАВ. ВОЙСКА"
НЕМЕЦКИЙ ФЛОТ
ЧЕРНОЕ МОРЕ
АЗОВСКОЕ МОРЕ
БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ
Линия фронта к декабрю 1943 г.
Направление ударов советских войск в декабре 1943 г.— мае 1944 г.
Контрудары войск противника.
Окруженные и уничтоженные группировки противника.
Линия фронта к середине июня 1944 г.
Направление ударов советских войск в июне—декабре 1944 г.
Линия фронта к концу 1944 г.
Направление ударов советских войск в январе—мае 1945 г.
Рубеж выхода советских войск и войск союзников к концу войны в Европе.

Общий ход военных действий в третьем периоде войны. Декабрь 1943 г. – май 1945 г.

По линии «юг – север» увидишь ещё три «котла». Они устроены врагу 1, 2 и 3-м Белорусскими фронтами и 1-м Прибалтийским фронтом.

Летом 1944 года у Бобруйска было уничтожено и пленено 74 тысячи гитлеровцев, у Минска – 105 тысяч и у Витебска – свыше 30 тысяч… Враг получал возмездие за страшные злодеяния, которые творил на нашей земле.

Вернёмся на берега Чёрного моря. Взглянем на карту по линии «восток – запад». 26 марта войска 2-го Украинского фронта

на 85-километровом участке вышли на Государственную границу СССР и Румынии, к реке Прут.

Вся страна встретила эту весть с ликованием. Выход советских войск на государственную границу имел международное значение. Для друзей СССР он означал приближение победы над гитлеровской Германией и освобождение народов от фашизма.

Успешные действия войск 2-го Украинского фронта существенно изменили обстановку на приморском направлении, оказали большую помощь войскам 3-го Украинского фронта, которые в это время начали Одесскую операцию.

В Одесской операции участвовали и силы Черноморского флота. Флот усилил активность на коммуникациях. Его авиация и морская пехота участвовали в боях за приморские города и порты. 28 марта войска 3-го Украинского фронта освободили город Николаев. В боях за его освобождение бессмертный подвиг совершил отряд десантников из состава 384-го отдельного батальона морской пехоты.

Отряд был небольшой – 55 морских пехотинцев и 12 бойцов – сапёров, снайперов, радистов, но каждый воин в нём стоил целого взвода. Командовал ими старший лейтенант Константин Фёдорович Ольшанский.

Ночью на рыбачьих лодках, преодолевая сильное течение, отряд прошёл по Южному Бугу полтора десятка километров и высадился на окраине города. Оборону заняли у элеватора, пользуясь его бетонными стенами как укрытиями.

Фашисты обнаружили десантников поздно утром. Не зная их числа, но прекрасно понимая, чем грозит их удар, когда город будет атакован советскими войсками с фронта, противник бросил на уничтожение отряда большие силы. По ходу боя силы эти увеличивались и достигли просто фантастических размеров: три батальона пехоты, четыре танка, четыре орудия, два шестиствольных миномёта.

Бой длился двое суток. Восемнадцать раз враги бросались в атаку на горстку героев. Забрасывали их ядовитыми дымовыми шашками, поливали горящей жидкостью из огнемётов. И сами несли ужасные потери. Десантники подбили два танка, взорвали все орудия, уложили у стен бастиона около семи сотен фашистов.

Когда наши войска ворвались в Николаев, в отряде Ольшанского живых было двенадцать человек. Остальные вместе с командиром погибли в невероятном бою. Самые мужественные люди дивились мужеству десантников.

10 апреля войска 3-го Украинского фронта освободили Одессу.

Освободив Одессу, наши войска продолжали стремительное движение и через два дня заняли город Тирасполь. И что очень важно, с ходу форсировали широкую реку Днестр, захватили на её правом берегу плацдарм.

Ещё раз посмотри карту. Все наши фронты продолжают движение на запад. Лишь 4-й Украинский фронт повёрнут остриями своих армий на юг; его задача – освободить Крым. Чем скорее это будет сделано, тем лучше.

Можно рассуждать так: «У нас есть Одесса, есть Николаев. Из этих баз наши флот и авиация будут наносить удары по нефтяным районам Румынии. Отсюда же корабли и самолёты смогут нападать на конвои, снабжающие фашистов, оставшихся в Крыму. Зачем преодолевать Перекоп? 17-я немецкая армия обречена. Пусть сидит на полуострове. Досидится до капитуляции».

Это рассуждение неверно. Помнишь, мы говорили о значении Крыма для нас? Теперь посмотрим, почему Крым нужен противнику.

Первое. Гитлеровцев в Крыму около двухсот тысяч. Чтобы сторожить такую силу, надо и нам у Перекопа и у Керченского пролива держать войск не меньше. Германское командование было бы радо, если бы мы поставили у Крыма «сторожа» численностью чуть ли не в четверть миллиона человек, выключили бы эти войска из нашего победоносного продвижения на запад. Если же оставить войск меньше, то 17-я армия может в какой-то важный момент выйти с полуострова на север и ударить в тыл нашим наступающим армиям.

Второе. Флот противника, находясь в Крыму, осложняет действия советского Черноморского флота, разъединяет наши Военно-Морские Силы, базирующиеся в восточной части моря, от сил, действующих в западной части.

Третье. Располагаясь в Крыму, в середине моря, фашисты оказывают политическое давление на Турцию, Румынию и Болгарию. А правители этих стран уже отчётливо видят свой конец, ломают головы, размышляя, как отмежеваться от Гитлера… Вот почему захватчики всеми силами стараются удержаться на Крымском полуострове.

Командующий 17-й армией и всеми войсками в Крыму генерал-полковник Енеке напишет в приказе: «Крым на замке. В мире нет ещё такой силы, которая была бы способна прорвать укрепления на Перекопе и Сиваше. Пусть немецкие и румынские солдаты спокойно отдыхают в окопах. Они здесь проживут до нашей победы. Путь большевикам в Крым навсегда отрезан».

Готовясь к боям, противник восстановил оборонительные

сооружения, сделанные нами в начале войны, и построил множество своих и у Перекопа, и вокруг Севастополя. Как же мы преодолеем эти неприступные рубежи?

На советско-германском фронте к началу 1944 года у противника было 4 миллиона 900 тысяч войск, 54 тысячи орудий и миномётов, 5400 танков и штурмовых орудий, 3 тысячи самолётов. Огромная сила… Но мы уже были сильнее этой силы. Советские войска насчитывают 6 миллионов 100 тысяч человек, почти 89 тысяч орудий и миномётов да 2167 «катюш», около 4900 танков и самоходок, 8500 самолётов.

Поэтому Советское Верховное Главнокомандование имело возможность хорошо вооружить войска, которым предстояло прорываться в Крым. У них было 5982 орудия и миномёта (у врага – 3600), 559 танков и самоходок (у врага – 215), 1250 самолётов (у врага – 150). Солдат и офицеров у нас было 470 тысяч (у врага – 195 тысяч). Как видишь, в сражении за Крым численное превосходство на нашей стороне. Напомню, в последнем штурме Севастополя в 1942 году немецко-фашистские силы по самолётам превосходили нас в одиннадцать раз, по танкам – в двенадцать. Наше теперешнее превосходство не такое значительное, но весьма убедительное. Это радует войска. Особенно их радует большое количество в наших Вооружённых Силах самолётов. Прошли те времена, когда «мессершмитты» гонялись за каждой полуторкой, а «юнкерсы» бомбили каждый пулемёт…

Мы с тобой, читатель, уже достаточно грамотны в военном деле, чтобы представить, как флот помогает сухопутным войскам. Флот начал усиленные действия на коммуникациях противника – топит суда, идущие в Крым и из Крыма. Но теперь, поскольку у нас много самолётов, главным средством борьбы с транспортами и кораблями врага стали штурмовики, бомбардировщики и самолёты-торпедоносцы.

В начале апреля самолёты морской авиации нанесли мощные удары по скоплениям немецких транспортов и кораблей. На Феодосийский порт налетело 34 штурмовика под прикрытием 48 истребителей, на Судак – 84 штурмовика и 42 истребителя.

В Феодосии было потоплено и повреждено 9 кораблей и катеров, в Судаке потонули самоходные баржи с войсками. Там началась паника. Солдаты, боясь нового налёта, побежали по шоссе к Алуште. Командование, опасаясь полной деморализации в частях, вынуждено было бросить тяжёлую технику и отдать приказ об отступлении в Алушту.

Позже западнее мыса Херсонес большой конвой противника атаковали 10 самолётов-торпедоносцев, 19 бомбардировщиков,

18 штурмовиков, их прикрывали 36 истребителей. Вот в каком числе теперь летают наши самолёты.

Советские лётчики стали применять новый способ бомбометания. Назывался он топмачтовым и был точнее обычного раз в пять. Пользоваться им было можно, если в группу входили разные самолёты. Истребители завязывали бой с вражескими истребителями. Штурмовики нападали на корабли охранения, отвлекая их зенитные средства. Тогда бомбардировщики снижались до 40-20 метров (чуть ли не до верхушки мачты) и за 250-300 метров от транспорта сбрасывали бомбы. Бомбы, ударяясь о воду, рикошетом подлетали к транспорту и взрывались на высоте 6-8 метров, поражая судно осколками и взрывной волной или прямым попаданием.

Наши лётчики в Крымской операции потопили 42 транспортных судна, 12 десантных барж, 4 буксира, тральщик, 5 катеров-охотников, а 55 судов повредили (из 100 судов, уничтоженных всеми силами флота, и из 60 повреждённых). В воздушных боях истребители при этом сбили более 80 вражеских самолётов.

БЕГСТВО ОТ ПЕРЕКОПА

Идут на дно морские фашистские суда. А что делается в это время на сухопутном фронте?

8 апреля войска 4-го Украинского фронта под командованием генерала армии Ф. И. Толбухина начали штурм перекопских укреплений. Самолёты двух воздушных армий, тысячи орудий и миномётов за два с половиной часа пробили широкие бреши в обороне противника. В них ринулись танки и пехота. На третьи сутки боя, спасаясь от гибели, вражеские войска в беспорядке устремились к Севастополю.

В ночь на 11 апреля перешла в наступление на Керченском полуострове Приморская армия (командующий генерал армии А. И. Ерёменко). Её части и технику в сжатые сроки переправила через пролив Азовская военная флотилия, которую возглавлял контр-адмирал С. Г. Горшков.

Приморцы, овладев в первый же день Керчью, на своём направлении тоже погнали врага.

Прошла всего неделя с начала наступления, а все гитлеровские дивизии уже сгрудились у Севастополя, надеясь за его укреплениями дождаться своей очереди на эвакуацию.

Крымская операция 1944 г.

Рассмотри схему Крымской операции. У населённых пунктов стоят даты их освобождения. По датам ты сможешь представить, как стремительно действуют наши войска. Перечёркнутые кружки – это места окружения, уничтожения и пленения вражеских частей. Мы говорили, что фашисты бежали из Судака после налёта штурмовиков. Но недалеко убежали: ударом от Симферополя мы перерезали дорогу западнее Алушты. Около Алушты отступавшие частью были уничтожены, частью взяты в плен. И удар, и окружение обозначены на схеме.

ЕЩЁ О ДОБЛЕСТИ КАТЕРОВ

В первых числах марта 2-я бригада торпедных катеров, та, что штурмовала Новороссийский порт, совершив пятисотмильный переход, перебазировалась из Геленджика в Скадовск – прибрежный городок между Тендровской косой и Перекопом. Сам этот переход был делом мужества и мастерства катерников: маленькие кораблики шли в открытом море под угрозой налёта самолётов противника, разгадывая засады вражеских кораблей. На месте они сразу же включились в боевую работу – уничтожение немецких транспортов.

Первые выходы к Севастополю волновали всех. Очень уж любили моряки этот город. Какой он теперь? Скоро ли освобождение?

Ночной город угадывался по свету прожекторов. Прожекторы во множестве шарили по небу, нащупывали наших бомбардировщиков. Били зенитки. Взрывались в городе и порту бомбы. Берег и прилегающая к нему полоса моря были освещены багровым светом.

Когда уходили бомбардировщики и в городе наступало краткое затишье, слышался беспрерывный гул в горах – наши войска подходили к Севастополю всё ближе и ближе.

В первый выход катера потопили десантную баржу и повредили два сторожевых катера противника. Во второй – пустили на дно транспортное судно. В третий – ещё десантную баржу. В четвёртый – потопили транспорт и залпом эрэсов обратили в бегство миноносец. Так с каждой ночью катерники увеличивали свой боевой счёт.

Ты, конечно, не забыл катер Чернова. У Севастополя он действовал тоже смело и умело.

После атаки торпедных катеров.

Ночью стояли в засаде, когда лётчик-разведчик передал по радио, что к мысу Херсонес движется транспорт противника. А на Херсонесе шёл ожесточённый бой. Последний. Фашисты, выбитые из Севастополя, сгрудились на мысу. На каменистом куске суши беспрестанно грохотали взрывы, багровые вспышки едва пробивались сквозь тучи дыма и пыли.

Движется к Херсонесу транспорт – спасение для сотен фашистов. Разве можно допустить, чтобы они спаслись?! Черцов повёл катер в атаку. Ещё несколько минут – и можно было бы выпустить торпеду. Но неожиданно самолёт-разведчик сбросил над транспортом осветительную бомбу. Под ярким светом и катер стал виден как на ладони. Заглушили моторы, стояли, смотрели,

как транспорт подходит к берегу у Камышовой бухты. «В бухту он пройти уже не мог. В ней всюду торчали из воды остовы затонувших барж и катеров, потопленных нашими кораблями и самолётами. У самого причала догорал лежащий на борту полузатонувший транспорт. Да и бой на берегу быстро приближался к бухте. Снаряды нашей сухопутной артиллерии то и дело рвались на рейде. На фоне горящего берега мы хорошо видели преследуемый нами транспорт и снующие вокруг мелкие суда» (А. Черцов).

Осветительная бомба потухла. Подошли к транспорту на 5 кабельтовых. Выстрелили торпеду. Долго не было взрыва, уже охватило сомнение: попадёт ли в цель? Попала. Взорвалась с грохотом. Вторым взрывом взорвался сам транспорт. Он, оказалось, был наполнен авиационным бензином.

Самолёты ждали этот бензин на херсонесском аэродроме. Не дождались. На следующий день они были захвачены нашей пехотой.

В ту последнюю ночь боёв за Крым Черцов торпедировал ещё одну баржу.

СНОВА В СЕВАСТОПОЛЕ

Освобождение Севастополя.

А как проходило сражение на суше? Утром 5 мая был нанесён удар по вражеской обороне с севера, от Бельбека и Камышлы в направлении Мекензиевых Гор и Северной бухты: надо было отвлечь силы противника с других участков обороны. 7 мая одновременно началось наступление на главных направлениях: с востока через Инкерман и с юго-востока через Балаклавские высоты и Сапун-гору.

У нас на каждом километре фронта стояло по двести орудий. Они засыпали снарядами оборонительные линии врага. Бомбоштурмовые удары наносили сотни самолётов. Несмотря на такую обработку, враг оборонялся яростно и упорно. Фашисты не надеялись на пощаду. Среди тех, кто сидел в дотах, были и те, что глумились над нашими ранеными в 1942-м.

Надо ли говорить, что и наши бойцы не забыли тех событий. Сама крымская земля напоминала о них. Солдаты, наступавшие

на Мекензиевы Горы, в старом дзоте нашли приклад автомата. На прикладе были выцарапаны буквы. «Пишет вам, товарищи, моряк, который в этом дзоте погиб за Севастополь. Кто найдёт этот приклад, пусть не забудет меня, когда будет бить фашистов. Я их, гадов, уложил немало. А за мою личную жизнь, которая кончается в дзоте, прошу отомстить. Старшина 2-й статьи Фёдор Лобов».

Самые ожесточённые бои начались на Сапун-горе – ключевом месте вражеской обороны. Полтора часа обрабатывали её артиллерия и бомбардировщики. Началась атака. Впереди – на разных участках атаки – шли знаменосцы. Было много знамён. Они неудержимо продвигались от подножия к вершине. Казалось, что храбрецов, которые несут их, не берёт пуля. Нет. Знаменосцы падали и раненые и убитые. Но товарищи не давали упасть знамени. Подхватывали его и несли выше. Так принял знамя из рук раненого сержанта Евгения Смеловича солдат 844-го стрелкового полка 267-й стрелковой дивизии Иван Яцуненко.

Произошёл удивительный случай – Яцуненко продвигался с красным полотнищем к доту на вершине горы, и тут его окликнул знакомый голос. В окликнувшем Иван узнал отца, тоже солдата.

– Неси, сынок! – махнул рукой отец.

Солдат-сын донёс знамя до вершины.

Гвардии ефрейтор Василий Дробязко, раненый, гранатами разогнал гитлеровцев, преградивших путь, и тоже поднял знамя на Сапун-горе.

8 мая наши войска подошли к городу. Были ещё сутки кровопролитных боёв – на окраинах, на бульварах, в центре города, на пристанях. Красными знамёнами отмечались взятые кварталы. Первое знамя поднял над домом метеослужбы разведчик 953-го полка солдат Илья Поликахин. Моряки Владимир Стовба и Пётр Рублёв первыми с боем дошли до Графской пристани. Знамени у них не было. Они подняли на флагшток бескозырку.

Вечером 9 мая Севастополь был очищен от врага.

Фашисты, те, что остались живыми после штурма города, в панике бежали на мыс Херсонес и к бухте Казачьей, стремясь попасть на суда. Надежда была призрачной. Врага преследовали наши танки. 12 мая остатки 17-й армии капитулировали.

За Крымскую операцию противник только на суше потерял убитыми, ранеными и пленными сто тысяч солдат и офицеров. Точно неизвестно, сколько врагов погибло на транспортах и кораблях. Тоже, верно, число немалое. По оперативным сводкам штаба 17-й армии, только с 3 по 13 мая на переходе морем её войска потеряли 37 тысяч немецких и около 5 тысяч румынских солдат и офицеров.

Вся Крымская операция длилась 35 дней. Штурм Севастополя – 5 дней. Тогда как фашисты штурмовали его 250 дней.

5 ноября 1944 года в Севастополь вернулась черноморская эскадра. Линкор, крейсеры, эсминцы салютовали славному городу двадцать одним залпом из ста орудий.

КОНЕЦ НА ЧЁРНОМ МОРЕ

После освобождения Крыма вражеский флот значительно поубавился. И базы у него остались лишь в западной части моря – румынские Сулина и Констанца, болгарские Варна и Бургас.

Противник, опасаясь десантов, сильно минировал воды у западного побережья. По причине минной опасности наши большие корабли не участвовали в завершающих событиях. Зато с успехом и великой пользой воевали корабли Дунайской флотилии: торпедные, сторожевые, артиллерийские катера, бронекатера, мониторы. Под командованием контр-адмирала С. Г. Горшкова (в конце войны – контр-адмирала Г. Н. Холостякова) флотилия действовала в прибрежных районах моря, на Днестре и Дунае. Она высадила в тылу врага больше двадцати десантов, поддерживала огнём сухопутные войска, переправила через реки чуть ли не полмиллиона бойцов. За доблесть в боях и образцовое выполнение заданий командования флотилия была награждена тремя орденами: Красного Знамени, Нахимова I степени и Кутузова II степени.

Проследи по карте течение Дуная. Поддерживая сухопутные войска, катера флотилии прошли вверх по реке до столицы Австрии, Вены.

Раз уж ты смотришь карту, разберись в движении наших войск на юго-востоке Европы.

В конце лета советские войска нанесли сокрушительный удар группе армий противника, которая называлась «Южная Украина». У Кишинёва попала в окружение 6-я немецкая армия, у Аккермана – 3-я румынская армия – больше 200 тысяч человек. Румынские войска пытались уйти в глубь своей страны. Но около Жебриян Дунайская флотилия высадила десант, он перекрыл противнику пути отступления. Немецкая армия, находясь в кольце, была уничтожена в начале сентября. А окружённые советскими войсками румыны сдались в плен в конце августа.

В это же время развёртывались решающие события на море. В Констанце в те дни стояло 150 кораблей и вспомогательных судов, а в Сулине – около 50, почти весь флот противника собрался в двух базах. Авиация Черноморского флота совершила налёт на обе базы.

Сначала самолёты-штурмовики – четырьмя волнами, по 7-8 самолётов, – подвергли бомбёжке и обстрелу порт в Сулине. Вражеские истребители полетели туда, чтобы прогнать штурмовиков. Нам это и было нужно. Сейчас же Констанцу атаковали 60 наших пикирующих бомбардировщиков, их прикрывали около 80 истребителей. Удар получился превосходный. За ним последовали новые налёты. Почти половина вражеских кораблей была уничтожена.

В последние дни августа Сулину захватил отдельный 384-й Николаевский батальон морской пехоты, которым командовал Герой Советского Союза майор Фёдор Евгеньевич Котанов. (Отряд Ольшанского был из этого батальона.) Над портом румыны вывесили белый флаг. На набережную грудами складывали оружие. Тут же, неподалёку от советских пехотинцев, расположились сдавшиеся в плен румынские солдаты и офицеры. Тихое поведение пленных объяснялось тем, что в Бухаресте произошло восстание. Фашистский правитель Антонеску был арестован. Румыния выходила из войны.

Прибывший с отрядом катеров член Военного совета Черноморского флота контр-адмирал И. И. Азаров послал командующему румынским флотом ультиматум – прекратить боевые действия, сдать флот советским войскам к 12 часам 29 августа.

Ровно в полдень в назначенный день два румынских катера под белыми флагами доставили в Сулину согласие на безоговорочную сдачу флота.

Германское командование ещё раньше, когда моряки Дунайской флотилии захватили дельту Дуная, отправило, спасая от пленения, вверх по реке около двухсот своих кораблей и судов. Эта флотилия спешным ходом начала пробираться по извилистому Дунаю ближе к Германии. Теперь, узнав о капитуляции румынского флота, немецко-фашистское командование вывело оставшиеся на Чёрном море корабли из Констанцы в болгарские порты Варну и Бургас.

9 сентября в Болгарии восставший народ сверг правительство, служившее фашистам. Новая власть объявила Германии войну. Болгары как братьев встретили советских солдат и моряков.

Помнишь, в первый год войны гитлеровцы, чтобы погубить советские корабли, стремились захватить наши военно-морские базы. Теперь без стоянок оказался германский флот. Немцам не оставалось ничего иного, как затопить корабли у болгарского берега, три подводные лодки затопились у берегов Турции.

Этим и закончились боевые действия на Чёрном море.

Остаётся добавить вот что: те двести кораблей и судов, что ушли вверх по Дунаю, до места назначения не добрались. Фашисты затопили их недалеко от Железных ворот, где Дунай сужается в горном проходе. Когда флотилия добралась туда, там уже были войска 2-го Украинского фронта.

«ВОЙНА ЕСТЬ ПРОДОЛЖЕНИЕ ПОЛИТИКИ…»

Тридцать с лишним лет прошло, как окончилась война, но я, когда слышу слова «второй фронт», неизменно вспоминаю опушку соснового леса у деревни Назия – на Волховском фронте. Летом 1942 года там, среди жёлтых песочных воронок и избитых осколками деревьев, стоял наш дивизион. С самого рассвета до самой темноты в небе кружили немецкие самолёты и свистели бомбы… Недалеко был голодающий Ленинград. Из газет мы знали, что тяжелейшие бои идут под Сталинградом. Настроение и у нас, восемнадцатилетних, и у пожилых солдат было тревожное. В перерывах между опасностями собирались под высокой сосной, сидели на сухой земле, поросшей брусничником, курили сладковатую гнилую махорку. Разговаривали. О чём бы ни заходил разговор, обязательно поминали второй фронт. Союзники обещали открыть его в 1942 году. Лето было на исходе. Осенью – мы понимали это – на море начнутся штормы, высаживаться с кораблей будет трудно. Значит, рассуждали мы, вот-вот наступит обещанный день, и нам станет полегче…

В 1942-м союзники второй фронт не открыли. Обещали в 1943-м. И тоже не открыли. Высадка англо-американских войск во Франции произошла лишь летом 1944 года.

Радовались ли мы этому событию? Радовались.

Наш дивизион «катюш» в те дни мчался по белорусским дорогам. Остался позади освобождённый Минск. Фашисты бежали. Враг пытался зацепиться за какой-нибудь берег реки, за какие-нибудь высоты, чтобы остановиться. Но мы гнались за ним, били по берегу реки, по высотам залпами эрэсов, туда кидались танки, на грузовиках пехота, проносились штурмовики… И снова спидометры отсчитывали километры. Мы, солдаты, ещё не знали, что окружаем, уничтожаем огромную массу немецко-фашистских войск, что пленённые здесь враги пройдут по Москве – на показ народу. Но настроение всё равно было отличное. И мы радовались вступлению в Европу американцев и англичан – тому, что и они могут присоединиться к нашему делу, к нашей суровой работе. Дело-то какое! Работа-то какая! Разгром фашизма.

…Похожая радость бывает у плотников, которым прохожий помог втащить бревно на верхушку сруба. Сами бы втащили. Но человек помог – спасибо ему… А в 42-м мы радовались бы второму фронту по-иному – как радовались бы плотники помощи прохожего, если бы бревно, поднятое на исходе сил, вот-вот

готово было придавить мастеров.

Почему союзники два года «открывали» второй фронт? Ещё раз вспомним знаменитую истину: «Война есть продолжение политики…» Англия и США ждали, когда Советский Союз и Германия истощат друг друга в кровопролитных битвах.

А почему второй фронт всё же был открыт? И почему летом 1944 года? Опять же «война есть продолжение политики…». В те месяцы правящим кругам Англии и США стало предельно ясно, что Советский Союз не только разгромит фашистскую Германию, но и поможет трудящимся Европы установить в своих странах демократические порядки. Война и фашистская оккупация открыли простым людям глаза на пагубность капиталистического строя. Люди хотели переустройства общества. Буквально во всех европейских странах, где хозяйничали оккупанты, возникли и окрепли силы Сопротивления.

Мужественная борьба советского народа с фашизмом, исторические победы Советской Армии и выход её к границам Центральной и Юго-Восточной Европы оказывали решающее влияние на дальнейший подъём освободительного движения в оккупированных Германией и зависимых от неё европейских странах.

Советских воинов за границей радостно встречали цветами. И не только цветами. По мере продвижения наших войск к какой-либо стране там вспыхивали народные восстания. Во главе их стояли коммунисты. Так было в Болгарии, Румынии, Словакии, Чехии… Формировались польские, чехословацкие, болгарские, румынские, венгерские дивизии; они шли в сражения рядом с воинами Советской страны.

Это в Центральной и Юго-Восточной Европе. А в Западной? Во Франции летом 1944 года во многих областях патриоты вели настоящие сражения против оккупантов. Только в отрядах партизан и вольных стрелков-франтирёров, возглавляемых коммунистами, было свыше 200 тысяч бойцов. Национальный штаб внутренних вооружённых сил страны возглавлял генерал А. Маллере – коммунист. Из трёх членов военной комиссии национального совета Сопротивления двое были коммунистами. Восстание произойдёт в Париже, парижане во главе с коммунистами освободят свой город от немецко-фашистских захватчиков до прихода туда союзных войск… В Италии борьбу трудящихся тоже возглавили коммунисты. Летом 1944 года в Ломбардии, Апуании, Марке и в других местностях действовали 80 тысяч партизан. Самыми сильными среди них были коммунистические бригады имени Гарибальди… В маленькой Бельгии воевали против захватчиков 150 тысяч вооружённых

патриотов. И в этой стране наибольшим влиянием из всех партий пользовалась партия коммунистов…

Когда знаешь эти факты, не так трудно догадаться, почему высадка союзных войск произошла летом 1944 года, а не в иное время. Американские и английские капиталисты, высадив свои войска на Европейский континент, делали «ход конём» били и по фашистам, и по освободительному движению.

Черчилль упорно добивался, чтобы армии союзников высаживались не во Франции, а на Балканском полуострове. Его позиция с самого начала была ясна – с Балкан, двигаясь на север, союзники надеялись пересечь советским войскам дорогу в Германию. И уже что совершенно точно, они подавили бы народно-демократическое движение в Балканских странах; ведь они не остановились перед прямой оккупацией Греции, где народ сам изгнал немецко-фашистских захватчиков и шёл за коммунистами. На Тегеранской конференции глава советской делегации И. В. Сталин был твёрд и непреклонен, он отстоял нашу позицию, не позволил Черчиллю играть судьбами целых наций. Местом открытия второго фронта была оставлена Северная Франция.

До конца Черчилль не отказался от своих желаний. При согласии Рузвельта союзники во второй половине 1943 года высадили войска в Сицилии, оттуда перебрались на материк и двинулись к северным районам Италии. Цель была такова: заняв страну, предотвратить восстание итальянских трудящихся, а затем пройти в Австрию и Венгрию. Но гитлеровцы ввели в Италию свои дивизии, взамен прекративших сопротивление итальянских, и остановили войска союзников около Болоньи.

Высадка союзников во Франции приободрила европейскую буржуазию. С надеждой взглянули на будущее даже враги. Гитлер летом 1944 года находился в Восточной Пруссии, в своём убежище Вольфшанце (Волчьем логове в переводе на русский язык). Полковник Штауффенберг пронёс в это логово портфель с миной замедленного действия. Но мина убила не того, для кого предназначалась. Фюрер отделался лёгким ранением. По поводу покушения на Гитлера американский разведчик высокого ранга А. Даллес доносил из Швейцарии в Вашингтон: «Основная идея плана заключалась в том, что антинацистски настроенные генералы откроют американским и английским войскам дорогу для занятия Германии, но одновременно будут продолжать сопротивление русским на Восточном фронте».

Вот как обстояли дела с открытием второго фронта.

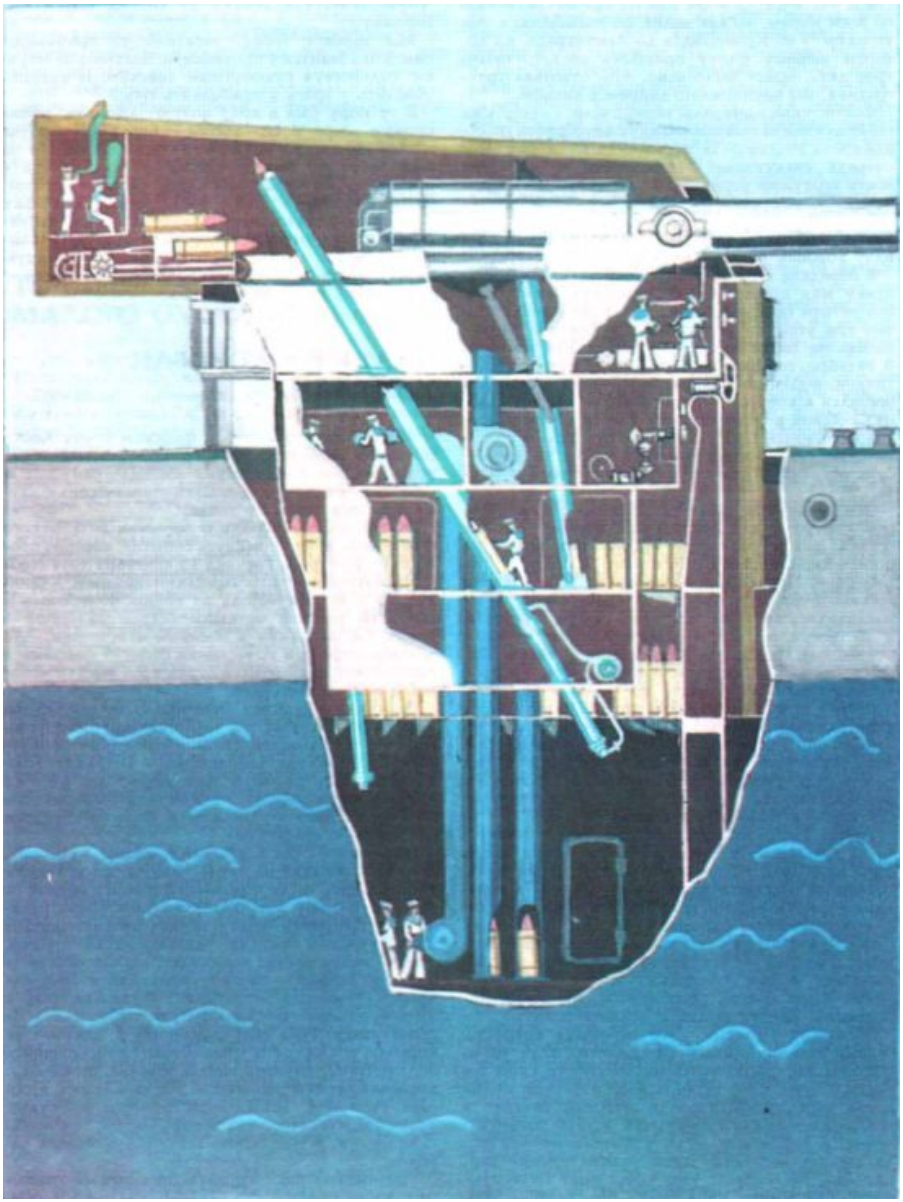
Но было бы неверно отрицать вклад союзных войск в завершающие бои с гитлеровцами. Мы относимся с чувством

воинского братства к английским, американским, канадским, австралийским солдатам и морякам, которые плыли через Ла-Манш, высаживались на берег, сражались в Арденнах и на Рейне, дошли по германской земле до Эльбы. Они-то воевали честно. И не их вина, что сделали для победы над фашизмом меньше, чем могли.

БАЛТИЙЦЫ ВЫХОДЯТ В МОРЕ

К осени 1944 года были очищены от врага Молдавия, Украина, Белоруссия и Карелия. У фашистов ещё оставалась половина территории Эстонии, Литвы и Латвии. Противник отчаянным усилием остановил там наше наступление. Любой ценой удержаться в Советской Прибалтике, не выпустить русский флот в море – таков был приказ Гитлера.

Про человека, которого ждёт что-то страшное и неотвратимое, говорят: у него земля уходит из-под ног. У гитлеровцев из-под кораблей начала убегать балтийская вода.



Продольный разрез орудийной башни линкора времён второй мировой войны. Механизированная подача снарядов из погребов.

Ещё в начале 1944 года фашистские войска были отброшены далеко от Ленинграда. Летом мы выбили финнов с Карельского перешейка и заняли город Выборг. Посмотри карту военных действий третьего периода войны. Проведи мысленно линию от Выборга к Нарве. Восточнее образовался голубой треугольник – отвоёванная частица Балтийского моря. Как он мал по сравнению со всем морем, но как велик по сравнению с тем уголком – от

Кронштадта до Ленинграда, на котором нашему флоту пришлось воевать около трёх лет… Врагу было ясно, что, отвоевав треугольник, мы неудержимо двинемся дальше.

Фашистские адмиралы нервничали. Гитлер уже сместил с поста главнокомандующего флота гросс-адмирала Редера – за поражения на морях. Чья очередь следующая? Нервозность и растерянность верхушки передавались командирам соединений. «Арийская» выдержка всё чаще давала осечку. Немецкая пунктуальность сменялась неразберихой. Легко быть выдержанным, когда дела идут хорошо. А когда плохо?

В середине августа в Нарвский залив на постановку мин пошли четыре немецких миноносца. Все четыре подорвались на своих же минах, причём три утонули. Чуть позже у Таллина подорвались на своих минах и утонули два эсминца. В октябре, собираясь обстреливать наших десантников, в Данцигской бухте крейсер «Лейпциг» врезался в крейсер «Принц Ойген». Он так саданул собрата в середину, что упёрся носом в противоположный борт. Полсуток буксиры и спасательные суда растаскивали крейсеры из дружеских объятий; потом оба корабля стояли в ремонте.

Чем объяснить страх гитлеровцев перед потерей контроля над Балтийским морем? Чем им грозил выход советских сухопутных войск на побережье Финского и Рижского заливов?

Первое. Прекращался подвоз из Скандинавии железной руды и никеля. Следовательно, останавливались военные заводы на севере Германии, в частности те, что в районе Данцига строили подводные лодки, а в Кёнигсберге – танки. Фашистская Германия лишалась горючего, которое вырабатывали из сланцев на заводах Эстонии.

Второе. В Финляндии есть группа влиятельных капиталистов, которые хотят вывести страну из войны, они намерены сделать это до начала военных действий на финской территории и тем спасти от разрушения свои заводы. Гитлеровскому руководству ясно: ещё несколько неудач в Прибалтике – и Финляндия отпадёт от них.

Третье. Наши армии, освободив Литву, окажутся на границе с Восточной Пруссией. Это очень серьёзное дело. Пока Восточная Пруссия цела, Гитлер не опасается нашего наступления в середине советско-германского фронта – на кратчайшем направлении Варшава – Берлин. А почему? Потому, что, когда наши армии устремятся к Берлину, фашисты из Восточной Пруссии ударят им во фланг и тыл, перережут железные дороги, лишат наши войска боеприпасов, горючего, пополнений. Ударят нашим войскам в спину…

Восточная Пруссия – это огромная крепость. Веками она заселялась офицерами, и те были обязаны так располагать на местности свои городки и хутора, так строить дома и фермы, чтобы могли они превратиться в нужный момент в долговременные огневые точки, в узлы сопротивления, в непрерывные оборонительные линии… Удерживая за собой наши прибалтийские территории, гитлеровцы уже обороняют свою крепость. Обороняют на дальних подступах к ней. Чтобы советские войска не смогли подойти к Берлину.

Мы знаем с тобой, читатель: то прибавится нам, что убавится у противника. Балтийские моряки, содействуя сухопутным войскам, принялись убавлять у врага и прибавлять себе.

В ту пору был в ходу лозунг: «Добьём фашистского зверя в его логове – Берлине!» Лозунг может показаться излишне литературным. Но он был точен по всем статьям. Ставка Гитлера в Восточной Пруссии называлась «Волчье логово». Значит, хозяин логова – волк, зверь. Поскольку Пруссия оказалась местом небезопасным, гитлеровцы ставку передислоцировали. Лозунг указывал её новое место. Указывал он и очередную задачу. «Добьём фашистского зверя в его логове – Берлине!» Точнее не скажешь.

НАЛЁТ НА КОРАБЛИ У ГОГЛАНДА

Летом наши самолёты в финском порту Котка потопили немецкий крейсер «Ниобе». Пикировщики попали в него двумя 250-килограммовыми бомбами, а бомбардировщики-топмачтовики двумя бомбами весом по тонне.

Раз уж мы заговорили о лётчиках Балтийского флота, нельзя не упомянуть событие, которое произошло у острова Гогланд 15 сентября 1944 года.

На острове находился финский гарнизон. А Финляндия в те дни вышла из войны. Конечно же, фашисты решили оставить остров за собой – очень уж он важен в военном отношении. Для захвата острова и вытеснения бывших союзников гитлеровцы подготовили отряд в 2,5 тысячи человек и множество судов.

Лётчики-разведчики заметили скопление судов в эстонских бухтах. За неприятелем было установлено наблюдение. Ночной разведчик обнаружил, что все суда направились к Гогланду. Шло 45 десантных судов, 3 транспорта, два десятка катеров, мотоботов. Их прикрывали 6 миноносцев и 8 артиллерийско-десантных барж. В воздухе летели «мессершмитты».

На рассвете суда и корабли подошли к острову. Началась высадка на берег. Финны, по условиям капитуляции, были

обязаны оборонять остров от немцев. В меру возможностей они сопротивлялись, с северного берега залива по гитлеровцам даже ударили финские дальнобойные пушки. Тем не менее десант высадился. Но тут пошли – волна за волной – наши штурмовики и пикировщики. Советские истребители завязали бои с «мессершмиттами». Ливни пуль обрушились на десантников. Град снарядов, бомб и эрэсов – на корабли и суда. Рёв самолётов, проносившихся над мачтами, беспрестанные взрывы, стрельба с кораблей, крики раненых – всё смешалось в общем гуле боя. Вспыхивали пожары на судах. Ушли под воду сторожевой корабль, 4 артиллерийские баржи, 3 тральщика, шхуна, буксирный пароход…

Уцелевшие корабли прикрытия первыми отошли от острова.

Штурмовики преследовали врага. Они ещё потопили 2 самоходные баржи, 2 вспомогательных судна, 4 сторожевых катера и буксирный пароход. Многие корабли и суда были так избиты, что едва добрались до берега.

Лётчики-истребители над островом и над уходившими кораблями сбили 15 фашистских самолётов.

Немецкие десантники, покинутые кораблями, сдались в плен финнам.

После этого боя нашему флоту уже принадлежал не уголочек Финского залива, не треугольник, а вся его восточная часть.

ТОЧНЫЙ УДАР МАЛОГО ОХОТНИКА

Итак, восточная часть Финского залива наша. Но плавать очень опасно. Повсюду мины.

Тральщики принялись «прогрызать» проходы в минных полях. Скоро советские войска возобновят наступление в Прибалтике. Они прижмут противника к морю. Тогда возникнет необходимость высаживать десанты на побережье, стрелять по врагу с кораблей. У наших кораблей должна быть чистая дорога.

Тральщики идут в заливе медленно, тщательно исполняют нелёгкую, опасную работу. Поодаль сторожевые катера. Они расстреливают всплывшие мины, охраняют тральщики от неприятеля.

Немцы берегут минные позиции. У кромки минных заграждений то и дело появляются вражеские корабли. Вспыхивают скоротечные артиллерийские бои. Советским катерам в этих боях труднее – они не могут свободно маневрировать, не могут сблизиться с противником. Взорвёшься на минах…

Но теперь у нас много самолётов. Командование выделило

для прикрытия тральных работ авиацию. Истребители в короткое время очистили небо над заливом от «мессершмиттов». Штурмовики и пикирующие бомбардировщики в буквальном смысле слова загнали в бухты немецкие корабли, охранявшие минные поля. Гитлеровский адмирал Ф. Руге после войны напишет о тех событиях: «Неприятны были повседневные налёты многочисленных воздушных сил, поскольку, расстреляв боезапас своих зенитных орудий, германские корабли оказывались беззащитными. В июле 1944 года пришлось снять охрану минных заграждений».

Фашистское командование сняло надводную охрану, но направило в восточную часть Финского залива подводные лодки. Сторожевой или торпедный катер, катерный тральщик – не цель для подводной лодки, велика ли добыча кораблик водоизмещением в несколько десятков тонн? Тем не менее начались атаки на катера.

Пока не были ясны намерения противника и наши катерники не ожидали торпедных атак, гитлеровцы потопили катер – малый охотник, двум катерам оторвали торпедами носы. Успех был с гулькин нос, но заплатил за него противник цену очень и очень большую.

Немецкие инженеры создали новую торпеду – акустическую, самонаводящуюся. Особый механизм улавливал шум корабельного винта, корректировал положение рулей и выводил торпеду на источник шума – на корабль. Новыми торпедами вражеские подводные лодки уже потопили 24 эскортных корабля англичан. Нам новое оружие тоже не сулило хорошего. Именно такими торпедами теперь стреляли немцы по катерам в заливе.

Когда подводная лодка торпедировала наш малый охотник, к месту его гибели поспешил такой же катер – МО-103. Им командовал старший лейтенант А. П. Коленко. Лодку охотник не обнаружил, а только подобрал из воды семерых моряков. Но в это время заревела сирена на катере-дымзавесчике, который охранял работающие неподалёку тральщики. Наблюдатели дымзавесчика, оказывается, увидели лодку. Она шла на небольшой глубине; под водой, словно тень, проскользнула её рубка.

МО-103 устремился в погоню. Вскоре акустик «услышал» лодку. Оказавшись над ней, начали сбрасывать глубинные бомбы. Как потом выяснится, первым же взрывом были испорчены рули, ещё одна бомба разорвала прочный корпус в дизельном отсеке. Дыра получилась приличная – в шесть квадратных метров. Лодка потеряла ход. Катер тоже остановился. Из глубины к поверхности моря поднимались пузыри. В это место сбросили ещё серию бомб. Как и ждали, всплыло широкое пятно солярки. И чего никак не

ждали – из воды вынырнули шесть немцев. Им удалось открыть рубочный люк, сжатым воздухом подводников выбросило на поверхность.

Среди пленников был командир лодки капитан-лейтенант Вернер Шмидт. До службы на флоте он летал на бомбардировщиках, бомбил Москву и Лондон. Гитлер самолично вручил ему Железный крест первой степени. Пленники, естественно, умолчали о том, что в лодке остались секретные торпеды. Но очень уж нервозно вёл себя противник на море. К месту, где на 30-метровой глубине лежала лодка, дважды пытались прорваться торпедные катера. Оба раза наши корабли отгоняли врага. Как выяснилось, противник намеревался сбросить на лодку свои глубинные бомбы и поставить вокруг мины. Место гибели лодки неприятель пристрелял из орудий и открывал огонь, как только наши катера подходили туда. Стало ясно – фашисты хотят что-то скрыть.

Через некоторое время водолазам удалось всё же не только осмотреть лежавшую на грунте лодку, но поднять её и отбуксировать в Кронштадт. Вернер Шмидт помог нашим инженерам обезопасить от взрыва торпеды. Кроме двух торпед, достались нам книги с шифрами и кодами и даже шифровальная машинка «Энигма». Среди документов, найденных в лодке, было любопытное донесение Шмидта адмиралу Деницу – о потоплении советского сторожевого корабля. Шмидт не мог не знать, что торпедировал катер. Но, желая получить новый Железный крест, без стеснения превратил маленький кораблик в большой.

Само по себе потопление подводной лодки катером-охотником было событием очень и очень приятным. А тут ещё торпеды! Наше командование известило об этом союзников. Дело было настолько важное, что У. Черчилль и И. В. Сталин по этому поводу обменялись личными секретными посланиями.

«Изучение образца торпеды Т-5 было бы крайне ценным для изыскания контрмер… Я уверен, – писал Черчилль, – что Вы признаёте ту большую помощь, которую Советский Военно-Морской Флот может оказать Королевскому Военно-Морскому Флоту, содействуя немедленной отправке одной торпеды в Соединённое Королевство, …я прошу Вас обратить Ваше благосклонное внимание на это дело, которое становится ещё более важным ввиду того, что немцы, возможно, передали чертежи этой торпеды японскому военно-морскому флоту…»

И. В. Сталин ответил следующее:

«Советскими моряками действительно были захвачены две немецкие акустические торпеды, которые сейчас изучаются нашими специалистами. К сожалению, мы лишены возможности

уже сейчас послать в Англию одну из указанных торпед, так как обе торпеды имеют повреждения от взрыва, вследствие чего для изучения и испытания торпеды пришлось бы повреждённые части одной торпеды заменять частями другой, иначе её изучение и испытание невозможно. Отсюда две возможности: либо получаемые по мере изучения торпеды чертежи и описания будут немедленно передаваться Британской Военной Миссии, а по окончании изучения и испытаний торпеда будет передана в распоряжение Британского Адмиралтейства, либо немедля выехать в Советский Союз британским специалистам и на месте изучить в деталях торпеду и снять с неё чертежи. Мы готовы предоставить любую их двух возможностей!»

С первым же конвоем английские морские инженеры и специалисты прибыли в Советский Союз. Никто не возьмётся сказать, сколько кораблей союзников избежали гибели, когда были разработаны меры защиты от самонаводящейся торпеды. Сказать можно одно – много. А всё началось от наблюдателей крохотного корабля – дымзавесчика и точного удара катера старшего лейтенанта Коленко.

В борьбу с вражескими лодками, проникшими в восточную часть Финского залива, включились наши самолёты. В конце концов самолёты и катера заставили подводного врага уйти из этого района.

НА МОРСКОЙ ДОРОГЕ

После выхода Финляндии из войны советские корабли получили возможность базироваться в её портах, а самолёты – на её прибрежных аэродромах. Фарватер в шхерах тоже был в наших руках. И уже в конце сентября советские подводные лодки – ровно десять – вышли из Кронштадта в море. На сухопутном фронте в это время шли ожесточённые бои. В Латвии и Литве гитлеровцы были прижаты к побережью. Их боеспособность во многом зависела от прихода из Германии транспортов с боеприпасами, горючим и оружием. Было важно нарушить эти перевозки.

Советские моряки, оставшиеся на берегу, тревожились за товарищей: в экипажах подводных лодок много молодых, необстрелянных краснофлотцев, да и командиры долго не плавали. Как-то всё получится?..

Прошли недели ожидания. Одна за другой – все десять – лодки возвращались в базу. Все – с победой. И начались рассказы о том, как топили врага.

Первой отличилась Щ-407. У Мемеля (теперь литовский город Клайпеда) она потопила немецкий транспорт «Нептун». В

этом было нечто символическое. Если сам бог морей пошёл на дно, то и другим не миновать такой участи.

Щ-318 торпедировала транспорт «Фобос», что значит «Страх». Большое было судно – 7500 тонн. Везло боевую технику и солдат.

Щ-310 потопила транспорт «Минос». Минос – сын самого Зевса, одно название чего стоит! Через сутки лодка пустила на дно сторожевой корабль. А через час после сторожевика – транспорт водоизмещением 8000 тонн. И ещё ей удалось взорвать крупное судно. На подходе к базе Щ-310 доставила большую радость встречавшим – выстрелила из орудия четыре раза.

Пришлось повозиться с транспортом «Зигфрид». Как и подобает герою германского эпоса, победителю дракона, он был большой – 5000 тонн. Был вооружён пушками и пулемётами. Обнаружила «Зигфрида» в Данцигской бухте лодка С-13. Командовал ею А. И. Маринеско. Это та самая лодка и тот самый командир, рассказом о котором начинается наша книга. «Зигфрид» заметил идущие наперерез три торпеды и застопорил ход. Прошли торпеды у самого носа. С-13 атаковала во второй раз – торпеда прошла за кормой судна. Тогда Маринеско приказал всплыть и открыть по транспорту артиллерийский огонь. Немцы тоже начали стрельбу. Но подводники били точнее, сразу же попали в мостик, а потом развороти ли в нескольких местах корпус. «Зигфрид» утонул.

Лодка С-4 была удачливой на танкеры. Из трёх потопленных ею судов два везли горючее. Торпедировав танкер «Терра», смотрели с мостика, как он тонет. Зрелище было страшное. Бензин, выплеснутый взрывом на поверхность моря, вспыхнул. И лодке, чтобы самой не сгореть, пришлось со всей возможной быстротой погрузиться под воду.

Калинин М. С.

Рекорд потопления судов за один поход поставила лодка Щ-307. Ею командовал капитан-лейтенант М. С. Калинин. Раньше он плавал штурманом и помощником командира на Щ-303, на знаменитом «Ерше» И. В. Травкина. Теперь капитан-лейтенант сам вёл в поход «Треску». Экипаж «Трески» был опытный, на его боевом счету, кроме нескольких транспортов, числилась немецкая подводная лодка.

Щ-307 пробралась на внешний рейд Виндавы (теперь латышский город Вентспилс). Подводники увидели на рейде три транспорта и танкер; неподалёку стояли на якоре сторожевые катера. Туманная мгла, скрыв нашу лодку, была помехой подводникам. Рейд затянуло мглой. Пришлось лечь на грунт и ждать, когда прояснится. Всплывали, снова опускались под воду, таились от ходивших поблизости сторожевых кораблей. И дождались своего часа! Под вечер видимость стала хорошей. «Треска» выпустила в транспорты сразу четыре торпеды. Быстро погрузилась. Ждали, что посыплются глубинные бомбы. Но слышали только отдалённые шумы винтов противолодочных кораблей. Через полчаса всплыли под перископ. Транспортов не было на поверхности. Танкер накренился на левый борт, корма глубоко ушла в воду. Ночью, уходя от Виндавы, ещё раз всплыли. Рейд был освещён прожекторами – фашисты спасали, что ещё

можно было спасти.

В следующие сутки пытались торпедировать транспорт, но сторожевик заметил лодку и некоторое время преследовал её, сбрасывая глубинные бомбы. То ли от взрывов, то ли по другой причине отказали горизонтальные рули. Чтобы починить их, надо было всплывать, ремонтникам залезать в балластную цистерну. О подобном ремонте мы с тобой уже говорили в рассказе о подводниках Северного флота. Сложность заключалась в том, что в случае приближения вражеского корабля или самолёта подводная лодка пойдёт на срочное погружение и моряки будут затоплены в цистерне. Как всегда в таких случаях, командир вызвал добровольцев. Их было много. Починили рули Павел Богданов, Николай Танин и Алексей Корев.

После этого без особых трудностей потопили транспорт водоизмещением в 5000 тонн.

Самым удачным был день 3 ноября. Обнаружили три транспорта в сопровождении двух сторожевиков. В первую атаку потопили транспорт. Через час нагнали конвой и атаковали ещё раз – ещё одно судно пошло ко дну.

Никому из подводников нашего флота не удалось превзойти успех «Трески» – 6 транспортов за один поход…

Радостные дни были у наших моряков. Но работа подводников оставалась, как и раньше, полной напряжения, опасностей, поэтому, как раньше, дома их встречали со всевозможными почестями: на пирсе играл оркестр, и повара к праздничному столу несли поросят, перевязанных лентой…

А потом начинались рассказы, что и как было. Одни рассказы заканчивались сразу. Другие имели продолжение. Иногда ждать продолжения приходилось долго. Подводная лодка «Лембит» за два похода в 1944 году потопила 2 транспорта и тральщик. Но лодка ставила мины во вражеских водах. Первые постановки произвела на подходах к порту Кольберг (теперь польский Колобжег). Причём на только что протраленном фарватере; с лодки наблюдали, как катерные тральщики противника очищают фарватер. Второй раз выставила 20 мин, банками по четыре штуки, тоже очень расчётливо – всего в двух километрах от берега, на фарватере у мыса Брюстерорт. Противник и предположить не мог, что наши подводники рискнут в таком месте ставить мины. Рискнули. И экипаж лодки «Лембит» имел удовольствие пять раз продолжать рассказ о своих победах. На минах лодки – в октябре, ноябре и декабре – подорвались и потонули: буксирный пароход, три транспорта и тральщик.

Не заинтересовало ли тебя, читатель, необычное название лодки?

В 1940 году, когда Эстония стала Советской республикой, две её подводные лодки «Калев» и «Лембит» – со своими названиями – вошли в состав Балтийского флота. Лембиту – национальный герой эстонцев. Он жил чуть раньше Александра Невского, известен тем, что возглавлял борьбу эстов с немецкими феодалами и был сторонником совместных выступлений эстонцев и русских против общего врага. Погиб Лембиту в 1217 году в сражении с немецкими рыцарями.

СОВЕТСКИЕ АРМИИ НА ГЕРМАНСКОЙ ГРАНИЦЕ

Лодки топят транспорты противника. А что в это время происходит на побережье?

На побережье с 14 сентября наступают советские войска. Их движение неудержимо и стремительно. К 26 сентября от фашистов была очищена вся материковая часть Эстонии. Завязались ожесточённые бои за Ригу.

Немецкие фашисты всеми силами старались удержать город. Сначала он был нужен им как база для флота. А потом этот район приобрёл для противника более важное значение – к Риге вышли его войска, отступившие из Эстонии, на небольшой территории скопилось множество гитлеровских дивизий, и все они оказались под угрозой окружения.

У фашистов для отхода в Восточную Пруссию оставался коридор, одна стена которого – море, другая – наши войска. Противнику, чтобы не замкнулось кольцо, чтобы дверь в коридор была открытой, нужно было удерживать позиции к западу от Риги.

Гитлеровцам удавалось держать дверь открытой. Мы никак не могли замкнуть кольцо. Казалось, что вот-вот десятки немецких дивизий уйдут в Восточную Пруссию и усилят гарнизон этой крепости; там они дождутся часа, чтобы ударить во фланг и тыл советским армиям, которые будут идти от Варшавы на Берлин. И вот в такой острый момент командующий 1-м Прибалтийским фронтом генерал (а затем Маршал Советского Союза) Иван Христофорович Баграмян приостановил наступление на Ригу. По решению Ставки Верховного Главнокомандования он отвёл свои армии в район города Шяуляя и оттуда нанёс удар в направлении на Мемель. Это был дерзкий, смелый и очень трудный манёвр. Надо было в считанные дни повернуть фронт армий с севера на запад. Легко повернуться на девяносто градусов и переместиться на сотню километров солдату. А тут надо было поворачивать и перемещать огромные массы войск и всё, что связано с боем. Это значило на какое-то время повернуться к противнику боком, чуть

ли не спиной – обнажить свой тыл… А если враг поймёт манёвр и нападёт с тыла? Ударит в спину?

Замечательный полководец Иван Христофорович Баграмян всё учёл, всё предусмотрел. Вышло как нельзя лучше. Начав 5 октября удар на Мемель, наши войска 10 октября вышли на широком фронте к берегу моря. Огромное кольцо замкнулось.

Фашисты заметались в западне. Бросались с танками то прямо на запад, то на юго-запад, пытаясь прорвать наши позиции. Но вырваться им не удалось. Войска 3-го и 2-го Прибалтийских фронтов нанесли у Риги новые удары по противнику. 15 октября Рига была освобождена. Разгромленные дивизии врага побежали на Курляндский полуостров. Остатки когда-то грозной группы армий «Север», державшей в блокаде наш Ленинград, теперь сами оказались блокированными. Они – 33 дивизии – будут сидеть на полуострове до самого окончания войны и капитулируют в мае 1945 года.

В двадцатых числах октября советские войска вышли на границу с Восточной Пруссией и в нескольких пунктах пересекли её.

Вот какие прекрасные события произошли на побережье Балтийского моря за пять осенних недель 1944 года.

К этим событиям надо причислить и освобождение Моонзундских островов.

ОСТРОВА СНОВА НАШИ

Известен приказ Гитлера – оборонять Моонзундские острова до последнего солдата. Кто владеет архипелагом, тот контролирует входы в Финский и Рижский заливы. А теперь, когда три десятка вражеских дивизий зажаты в Курляндии, острова немецким фашистам ещё нужнее. Снабжать блокированные войска, эвакуировать их можно только морским путём.

Ещё в боях за Таллин наши части захватили полуостров Виртсу (найди его на карте). С Виртсу без промедления был высажен десант на остров Муху (Моон). Для его полного освобождения понадобилось меньше суток – 21 час 30 минут. Известие об этом ошеломило командование в Берлине. Там заподозрили измену и послали на Эзель следователей военного трибунала.

Пока трибунал искал виноватых, десантники переправились с Муху на остров Хиума (Даго). К середине следующих суток и этот остров был очищен от противника – за 28 часов.

Более сложным делом стало освобождение острова Сарема

(Эзель). Туда стеклись остатки гарнизонов соседних островов, да враг ещё перебросил дивизию из Курляндии. И всё же советские войска заняли его за 60 часов – с 5 до 8 октября. Но не весь заняли. У немцев остался глубоко вдающийся в Ирбенский пролив полуостров Сырве. Думаю, ты помнишь особенность этого полуострова – узкий перешеек в северной части, тот, на котором так долго держались наши солдаты в 1941 году, не подпуская врага к батарее капитана Стебеля. Теперь там оборонялся противник. У него на главной полосе обороны (протяжённостью всего три километра) стояло больше 400 орудий и больше сотни миномётов.

Гитлеровцы часто посылали к Сырве эскадру. Крейсеры и эсминцы артиллерийским огнём срывали наши атаки. Перед эскадрой десантники оказались беззащитными. Полевая артиллерия не могла отгонять корабли – морские орудия стреляют дальше полевых. Советские крейсеры и эсминцы не могли прийти на помощь из-за мин. А самолёты, так верно выручавшие десантников, не летали – в ту пору стояла ненастная погода, то сыпал густой снег, то наступала гололедица, и взлётные дорожки обледеневали, самолёты тоже обледеневали на земле и в воздухе. Пришлось, хотя было это огорчительно, отложить освобождение Сырве до начала нашей новой наступательной операции на сухопутном фронте.

Наступление на Сырве возобновилось 18 ноября. Как только загремели пушки, разрушая вражескую оборону, у Ирбенского пролива началось интенсивное движение немецких кораблей и транспортов. Но на этот раз была лётная погода. Вражеские корабли попали под удары штурмовиков и пикирующих бомбардировщиков. А ещё по ним стреляли доставленные нами на остров три береговые батареи. Вступили в бой наши канонерские лодки, бронекатера и торпедные катера.

На пятый день наступления враг только ценой больших потерь и отчаянных усилий держался на последнем рубеже. К Сырве снова подошла эскадра: крейсеры «Принц Ойген», «Лютцов», «Адмирал Шеер», эсминцы и другие корабли. А мы подняли в воздух два полка штурмовиков и полк пикировщиков, группы самолётов – торпедоносцев и топмачтовиков. Их прикрывали истребители. Гитлеровские адмиралы уже думали не как поддержать своих на Сырве, а как сберечь корабли. Эскадра спешно ушла в Германию.

Советские моряки времён Великой Отечественной войны.

Сырве был взят на следующий день. На море гитлеровцы за пять дней потеряли потопленными 2 эсминца, 2 транспорта, 2 тральщика, 6 десантных барж, 5 сторожевых катеров. Около 40 вражеских кораблей и судов получили серьёзные повреждения, в том числе крейсеры «Лютцов» и «Адмирал Шеер».

Вот что говорят об освобождении Сырве западные историки В. Мельцер и Ю. Майстер. Первый в книге «Борьба за Моонзундские острова» напишет: «Все корабли немецкого военно-морского флота подвергались интенсивным атакам советской авиации, их потери составили 25 процентов общего числа». А второй подтверждает: «Высадка десантов на Балтийские острова и завершающие бои были проведены советскими войсками необычайно быстро, энергично, с подъёмом». Военных историков Запада к объективному слову о нас надо на вожжах тащить. И уж если они дают хорошую оценку действиям советских войск, то эти действия были не просто хорошие, а блестящие.

* * *

Моонзундский архипелаг снова наш. И мы на небольшое время покинем Балтику. Отправимся на Северный флот. Там война подходит к концу. Надо нам посмотреть последние победные события, ещё раз встретиться со знакомыми героями, узнать новых храбрецов.

Балтийских моряков и лётчиков мы оставляем в те дни, когда они наносят удары по вражеским судам, идущим из Данцига в Либаву – с боеприпасами, горючим и продовольствием для блокированных в Курляндии дивизий.

О действиях подводных лодок в этом районе мы уже говорили. А лётчики тоже молодцы. Пока мы находимся на Севере, они только на Либаву совершат восемь массированных налётов. Каждый раз будут налетать на врага три-четыре полка штурмовиков и пикирующих бомбардировщиков. Лишь в порту они потопят 19 транспортов.

МУЖЕСТВО СЕВЕРОМОРЦЕВ

Война – на юге ли, на севере – везде война: опасности, лишения, чрезвычайное напряжение сил. И всё же север остаётся севером. Если тебе, читатель, доведётся рассматривать фотографии времён Великой Отечественной войны, обрати внимание на одежду моряков-черноморцев и моряков-северян. Первые – в кителях, даже в тельняшках, вторые – в бушлатах, в регланах. И летом за Полярным кругом погода холодная, ненастная, с ветрами, штормами, промозглыми туманами… Мы с тобой, дорогой друг, снова в этом суровом краю.

Мы оставили моряков адмирала Головко, когда они исполняли три главных дела: охраняли наши берега и наши морские дороги; проводили конвои союзников; топили вражеские транспорты, снабжавшие немецко-фашистские войска и доставлявшие никель из Петсамо. Три таких дела исполняют они и теперь.

Это, конечно, не значит, что всё обстоит по-прежнему, как в первые годы. И у нас, и у противника увеличилось число кораблей. Изменилось соотношение в численности самолётов, теперь самолётов у нас чуть ли не в три раза больше, чем у противника. Авиация Северного флота стала главной ударной силой. Она господствует в воздухе. А тот, кто господин воздуха, тот господин земли и моря.

В первом рассказе о Северном флоте упоминалось только об ущербе, причинённом вражескому флоту подводными лодками. Об уничтожении судов противника нашими самолётами вообще не говорилось. Теперь иное дело. Обратимся к цифрам, они помогут ощутить прекрасное состояние, которое называется «господство в воздухе».

В 1943 году подводные лодки на Севере потопили 45 транспортов, подводную лодку, эсминец, 7 тральщиков, 6 сторожевых кораблей, минный заградитель, 2 траулера – охотника за подводными лодками, 4 сторожевых мотобота и судно ледокольного типа. Лётчики превзошли подводников, но ненамного. Они пустили на дно 61 транспорт, 2 вспомогательных судна, 2 сторожевых корабля, тральщик, минный заградитель и сторожевой катер.

В 1944 году лётчики далеко обогнали подводников. Подводники потопили 20 транспортов, 2 миноносца, 7 тральщиков, 4 сторожевых корабля и 2 траулера-охотника. А лётчики – 93 транспортных судна, 80 кораблей и катеров!

Можем ли мы на основании этих цифр сказать, что

подводники хуже, чем раньше, исполняли свою должность? Нет и нет. Цифры показывают только соотношение возможностей авиации и подводных лодок. А храбрыми в равной мере были те, кто воевал в воздухе, и те, кто под водой.

ЧУДЕСНОЕ СПАСЕНИЕ ЛЁТЧИКА

Цифры – великая вещь. Но у них и великий недостаток. Не показывают они, как нарастал их ряд, что делали, что чувствовали люди, изменявшие арифметику войны.

По-разному складывались на войне людские судьбы. Кто-то погибал в первом же бою. У кого-то война прошла ровно: бой, ранение, госпиталь и снова бой, ранение, госпиталь… Кого-то не задел ни один осколок, ни одна пуля… А кому-то доставались такие испытания, что с трудом верится: было ли такое?

Морской лётчик, командир эскадрильи С. Г. Курзенков возвращался из полёта над территорией противника. Истребитель, подбитый зенитками, горел. Стояла ночь. Самолёт в тёмном небе казался летящим факелом. Осколки снарядов задели и лётчика, он потерял много крови, но был уверен, что успеет сесть на своём аэродроме: до аэродрома оставалось недалеко. Большой опыт и мужество должны были помочь в тяжёлом положении. До этого случая Курзенков уже перенёс четыре ранения, больше 200 раз летал на боевые задания, сбил 12 фашистских самолётов.

Приблизившись к аэродрому, Курзенков по радио попросил включить прожекторы. И в эту же минуту взорвались бензобаки. Самолёт окутало пламя. Лётчик мгновенно отстегнул привязные ремни, чтобы выброситься с парашютом, но не хватило сил выбраться из кабины. Лётчик вспоминал впоследствии:

«Сгораю!» – с этой мыслью поймал я ручку управления и резко отклонил её к правому борту. Самолёт, ещё послушный рулям, перевернулся на спину. Оказавшись вниз головой, я толкнул ручку от себя и тут же силой инерции был выброшен из кабины. Отсчитав около сорока секунд и потеряв за это время около двух тысяч метров высоты, открыл парашют. Меня так встряхнуло, что ноги подлетели к лицу. С них сорвались унты. Слетела и левая рукавица. В мозгу успела пронестись лишь одна мысль: «Спасся!» Но тут же непередаваемый ужас заставил меня сжаться в комок. Парашют оборвался. Его силовые лямки, посечённые осколками зенитных снарядов, не выдержали рывка и лопнули. Ещё около тысячи метров я падал в полном сознании, ожидая страшного удара о камень сопок!»

Невероятно. Но Курзенков остался жить. После сложнейших

операций он оправился от пятого ранения, вернулся в родной полк, стал его командиром – а полк-то был тот, которым до гибели командовал легендарный лётчик Сафонов, геройски погибший в суровых водах Заполярья 30 мая 1942 года.

Что же спасло лётчика, падавшего на землю без парашюта? Он попал на крутой склон сопки, покрытый глубоким снегом. Потеряв от удара сознание, человек скользил с вершины к подножию, пока не остановилось это невероятное падение.

Удивительно не только само спасение. Удивляет крепость духа лётчика, его мужество. Он не умер от страха, когда купол парашюта оторвался в чёрном небе. Он нашёл в себе силы, очнувшись утром в сугробе, услышать скрип снега под валенками идущего вдали солдата, вытащить пистолет и выстрелами привлечь внимание своего спасителя.

«Надо мной склонился наш солдат Александр Рябов. Солдат, несмотря на лютый мороз, сбросил с себя полушубок и завернул им мои ноги. Затем обмотал мне своим шерстяным шарфом левую руку. И, оставшись сам в одной гимнастёрке, побежал на аэродром».

ОРДЕН КОМАНДИРУ КАТЕРА

По-своему удивительна судьба командира торпедного катера лейтенанта Виталия Деомидовича Юрченко. Опять же удивляет не то, что смерть подходила к нему вплотную несколько раз – на войне такое выпадало многим, – а то, как мужественно вёл он себя в этих смертельных ситуациях и как благодаря силе духа остался жить. Он исчез в воде Варангер-фиорда, а спустя несколько месяцев объявился в Ленинграде. И адмирал Головко наградил лейтенанта старым почётным орденом – орденом Красного Знамени.

…Был июль 1944 года. 13-го числа наш самолёт обнаружил у берегов Норвегии небольшой конвой противника. Предположили, что он идёт в Варангер-фиорд. Так было и на самом деле. По пути к конвою добавлялись новые транспорты и корабли охранения – конвой разросся. 15 июля он уже насчитывал 6 транспортов в охранении 3 миноносцев, 3 сторожевых кораблей, 6 тральщиков и 15 сторожевых катеров – «шнелльботов» по-немецки.

Воздушная разведка потеряла вражеские корабли – ясная погода вдруг сменилась ненастьем, на море опустился туман и скрыл противника. Но утром 15 июля конвой обнаружила подводная лодка С-56. Западнее Тана-фиорда она атаковала противника и потопила миноносец. (Думаю, ты помнишь эту знаменитую лодку, мы говорили о ней в первом очерке о

Северном флоте.) Командир лодки Григорий Иванович Щедрин, прежде чем отдать команду на срочное погружение, передал по радио координаты конвоя. Воздушный разведчик снова начал следить за движением вражеских судов.

Командующий Северным флотом адмирал Арсений Григорьевич Головко решил нанести удар по вражеским судам отрядом торпедных катеров. Будь лётная погода, прежде катеров на конвой напали бы самолёты; цель заманчивая, и, верно, добрая сотня штурмовиков, пикировщиков, торпедоносцев была бы послана на её уничтожение. Теперь же, когда облака висели в 20-30 метрах над водой, могли действовать только катера. Лишь небольшая группа самолётов должна была прикрыть с воздуха их непосредственно в фиорде.

Торпедные катера находились в Пумманки, что в губе Большая Волоковая полуострова Средний. С этого полуострова, с высокой сопки Земляная, был виден весь Варангер-фиорд. На вершине сопки размещался командный пункт командира бригады торпедных катеров капитана первого ранга А. В. Кузьмина.

Идут в Варангер-фиорд, в Киркинес, 30 с лишним вражеских вымпелов. Тихоходов и слабо вооружённых только шесть. Остальные – быстрые, манёвренные, с автоматическими пушками, с пулемётами, с крупными орудиями.

А у нас выделено против этой силы 8 маленьких корабликов. Справятся ли они с врагом? Не погибнут ли все до одного?

Боем – его подготовкой и началом – руководит сам командующий флотом. Послушаем бывшего начальника штаба Северного флота адмирала В. И. Платонова:

«Адмирал находился на флагманском командном пункте примерно в 100 милях от места боя. Он стоял у большой карты Варангер-фиорда, принимал донесения, определял расстояния, высчитывал время и отдавал распоряжения. Вот на давно вычерченном пути противника Арсений Григорьевич красным карандашом поставил жирный крест и обвёл его кружком. Здесь произойдёт морской бой. Головко приказал державшему телефонную трубку офицеру:

– Передайте Кузьмину, что голова конвоя проходит Варде. Пора давать сигнал катерникам…

Внешне командующий спокоен. Но бледное лицо и возбуждённые глаза говорят о том, что он переживает трудные минуты.

Выслушав доклад о появлении шестёрки «Фокке-Вульф-190», Арсений Григорьевич нанёс данные на карту и, повернувшись уже к другому офицеру, распорядился:

– Авиации прикрыть катера от Пумманки. Первый удар

нанести штурмовикам в четырнадцать двадцать две, второй – по сигналу с КП Кузьмина.

Не прошло и получаса, как мы услышали из репродуктора переговоры поднявшихся в воздух лётчиков.

Потом в эфире зазвучал голос командира дивизиона катеров.

– Быкову начать постановку дымовой завесы!.. Общая атака!

Адмирал отошёл от карты и сел в кожаное кресло. Главную свою задачу он выполнил: определил и сопоставил силы противника, решил, где навязывать ему бой, отдал общий приказ, навёл на врага корабли и авиацию, обеспечил прикрытие. Всё остальное теперь сделают исполнители.

Схватка с врагом длилась сравнительно недолго. Примерно минут через сорок, будто после грозы, наступила тишина. В репродукторе было слышно лишь, как командир дивизиона собирает рассыпавшиеся по заливу торпедные катера.

Недосчитались корабля лейтенанта Юрченко…»

Катера, посланные на перехват конвоя, возглавлял командир дивизиона капитан третьего ранга Владимир Николаевич Алексеев. В кильватерной колонне корабли спешили к полуострову Стуре-Эккерей, что у входа в Варангер-фиорд. Шли близко к берегу, то рассекали полосы сизого тумана, то неслись под светлым небом по чистой воде. В небе – для разведки и прикрытия – летели два истребителя. Самолёты обнаружили конвой, передали на катера по радио его местонахождение. В это же время наблюдательные посты противника заметили наш отряд. Береговые орудия открыли огонь. Тогда один катер, увеличив скорость, понёсся между берегом и колонной, оставляя за собой плотную полосу дымовой завесы.

Только вышли из-под обстрела, как показались транспорты конвоя. Они гуськом входили в Варангер-фиорд. Противник тоже заметил катера. Как зенитки ставят стену огня на пути самолётов, так немецкие корабли поставили стену огня перед катерами; стреляло всё, что могло стрелять. Внезапной атаки не получилось.

«Я принял решение, – вспоминает Алексеев, – на максимальной скорости, постепенно сходящимися курсами выйти на центр конвоя. Затем повернуть «всем вдруг» вправо, на девяносто градусов и широким фронтом, наподобие кавалерийской лавы, разом ударить по крупным кораблям. По радио распределил цели и дал команду атаковать гитлеровцев. Идя на зигзаге, катера беспрерывно ставили дымзавесы. Вокруг звенело, гудело, стонало от разрывов. Вода кипела от тысяч осколков. Они как град стучали по защитным бронеплитам».

Почти десять минут катера нагоняли конвой и выходили на

дистанцию торпедной атаки. Какая же воля была у катерников, чтобы не сбиться с курса, чтобы обманывать врага бросками из стороны в сторону и в то же время рассчитать, откуда и куда послать торпеды. Их ведь всего две, промахнуться нельзя, зачем же тогда всё это страшное, фантастическое движение?

Флагманский катер, ослепив дымом немецкие сторожевые катера, сблизился с транспортом. Гитлеровцы с высокого борта били из пулемётов и двух пушек. Снаряды взорвались у самой кормы. Убило радиста, ранило помощника командира. Но вот фашисты стали прыгать в воду – увидели, как в середину транспорта идут две торпеды. После сильного взрыва, окутанный паром и дымом, транспорт разломился пополам и пошёл ко дну.

Два миноносца охраняли, видимо, самое ценное судно. Они встретили катера ураганным огнём. Поставив дымовую завесу, наш катер ушёл за неё, тут же из неё выскочил и выпустил по миноносцу торпеды; взрыв произошёл в носовой части вражеского корабля. Второй миноносец был торпедирован вторым катером. А третий наш катер, воспользовавшись замешательством охраны, потопил транспорт.

Ещё один катер – повреждённый, имея раненых и убитых, – упорно шёл на сторожевой корабль, торпедировал его, пустил ко дну.

У лейтенанта Юрченко первая атака не удалась. Он выпустил торпеду в танкер, шедший в хвосте колонны, и не попал. Фиорд по всей ширине был заполнен вражескими кораблями, а для борьбы с ними оставалась лишь одна торпеда. Это было досадно командиру, который умел метко стрелять – за две недели до этого боя катер Юрченко потопил большой транспорт, ударив ему точно в середину. И Юрченко принял дерзкое решение – взять танкер на абордаж.

Катер понёсся к танкеру. Пулемёты били по вражеским морякам, суетившимся на палубе, абордажная группа с автоматами, гранатами и подрывными патронами приготовилась к броску. Круто развернувшись, катер остановился у железного борта вражеского судна. Моряки перескочили на палубу и быстро овладели фашистским транспортом. Боцман, возглавлявший абордажную группу, заложил в машинном отделении подрывные патроны и поджёг шнур. Катер отошёл от обречённого танкера.

Лейтенант не мог сдержать радости, он крикнул в эфир:

– Взорвался танкер! Ох и красиво взорвался…

И это неуставное донесение услышали и друзья-катерники, и командующий флотом на своём КП…

Устье Варангер-фиорда, где шёл бой, было исполосовано дымами. Дымовые завесы, во множестве поставленные,

сливались, разрывались, они разъединили корабли, и трудно было понять, где свои, где чужие. Во мгле противники внезапно чуть ли не сталкивались, так же мгновенно ныряли во мрак, обменявшись очередями. На катер Юрченко напоролся сторожевой корабль, ударил по катеру из пушек. Юрченко увернулся от столкновения и выпустил по врагу вторую торпеду. На этот раз точно. Сторожевик взорвался.

Две победы! А у катера снарядом разворочена корма. И вода хлещет в пролом. И несутся к разбитому кораблику из дымной тучи четыре сторожевых катера.

– Расстреливают в упор! Прощайте… – таким было последнее донесение отважного лейтенанта.

С начала боя, с того момента, когда восьмёрка торпедных катеров сблизилась с конвоем, прошло чуть больше двадцати минут. Израсходовав торпеды, потопив три крупных транспорта, дрифтербот и три корабля охранения, наши катера уходили из фиорда. Шли только семь.

С лейтенантом Виталием Деомидовичем Юрченко дальше было вот что. Весь экипаж катера был ранен или убит. Несколько моряков, и Юрченко среди них, держались на воде. Фашисты подобрали катерников. Началась жизнь в лагере военнопленных. Когда зажила рана, Юрченко стал готовиться к побегу. Он подружился с норвежцем, русским по происхождению, и они вдвоём бежали из лагеря, который находился недалеко от города Тромсе. Отважные беглецы долго пробирались из Норвегии в нейтральную Швецию, перевалили Скандинавские горы и тогда почувствовали себя в безопасности. В Стокгольме лейтенант разыскал советское посольство, рассказал там о своей одиссее.

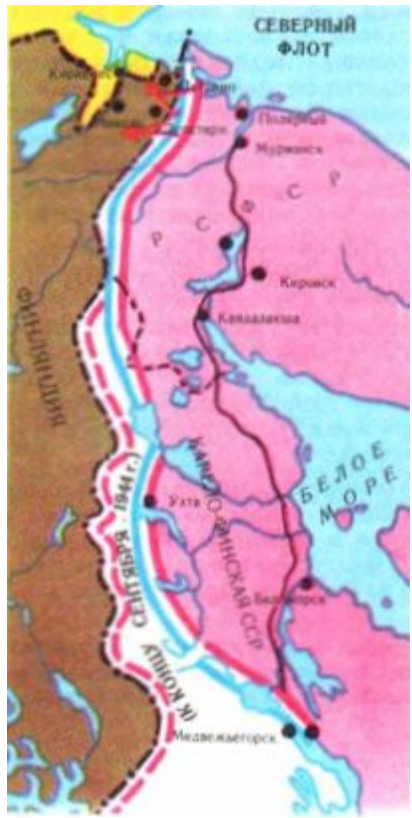
После выхода Финляндии из войны наладилось судоходство между Швецией и Ленинградом. Юрченко вернулся на Родину. Адмирал Головко тогда и наградил его орденом Красного Знамени – за потопленные танкер и сторожевик и за смелый побег из плена.

В заключение рассказа о подвигах катерников мы с тобой, читатель, отметим, что командир дивизиона торпедных катеров Владимир Николаевич Алексеев стал Героем Советского Союза. Он и после войны служил на флоте – в звании адмирала, в должности первого заместителя начальника Главного штаба Военно-Морского Флота СССР.

ВОЗВРАЩЕНИЕ РУССКОЙ ЗЕМЛИ

В середине августа наши торпедные катера опять нападут на большой конвой противника. Катеров будет 14. Они потопят 14

транспортов и кораблей. И снова один наш кораблик не вернётся из боя… А события на фронте развивались так, что катерникам-североморцам предстояло выполнить задачу более трудную, в чём-то по опасности схожую с той, что выполняли катера при взятии Новороссийска.



Карельский фронт.

Чтобы была ясна последовательность и логика событий, начнём с того, что вспомним, как располагались на Карельском фронте войска противника. От Финского залива до Ухты фронт занимали войска Финляндии. От Ухты до Баренцева моря – войска гитлеровской Германии. Поскольку Финляндия из войны вышла, её войска в конце октября покинули позиции и отошли на линию советско-финской границы. Таким образом, правый фланг немецкой 20-й горной армии обнажился.

Войска Карельского фронта не замедлили воспользоваться этим, стали выходить в тыл противнику. Наметилась возможность окружить части врага. Фашисты, конечно, почувствовали это и начали (от Ухты, от Кандалакши) поспешно отступать в северные районы Финляндии и Норвегии.

Ставка Верховного Главнокомандования приказала руководству Карельского фронта отказаться от намерения окружить противника, а только преследовать его, уничтожать огнём артиллерии и миномётов, ударами авиации. В лесистой, заболоченной местности, изрезанной реками и озёрами, наши войска, окружая врага, понесли бы большие потери. Более выгодным делом, как считала Ставка, было взятие района. Петсамо и Киркинеса. Выиграв сражение в том районе, мы наносили удар немецко-фашистским войскам и в то же время лишали Германию никеля. И ещё враг терял морские базы и аэродромы в Варангер-фиорде и к западу от него, то есть в самом опасном месте для прохода союзных конвоев.

Войска Карельского фронта и моряки Северного флота начали готовиться к операции; она войдёт в историю войны под названием Петсамо-Киркинесской.

В старину район Петсамо и Киркинеса принадлежал русским. Варангер-фиорд тогда назывался Варяжским заливом, Петсамо – Печенгой, залив Петсамовуоно именовался совсем просто – Девкина Заводь. Царское правительство в 1826 году продало земли по берегам Варяжского залива норвежцам, и они переделали его название на свой лад. Печенга позже отошла к Финляндии. Девкину Заводь финны назвали Линахамари. В этих-то местах предстояли упорные бои.

Фашисты три года совершенствовали свою оборону на мурманском направлении. Главная оборонительная линия протяжённостью в сто кило-метров шла по перешейку полуострова Средний и от губы Западная Лица тянулась на юг – восточнее реки Титовки. Железобетонные и бронированные доты, гранитные надолбы, минные поля, проволочные заграждения, противотанковые рвы – всё было там. Редкие в тех местах дороги были перехвачены непроходимыми препятствиями, сопки превращены в крепости. А кругом болота, скалы… Гитлеровцы называли эту оборонительную линию Лапландским валом и считали его неприступным. В канун нашего наступления командир горнострелковой дивизии генерал-лейтенант Деген закончит свой приказ такими словами: «Русским мы предоставим возможность нахлынуть на наши сильно укреплённые позиции, а затем уничтожим их мощным контрударом. Все преимущества на нашей стороне. Мы именно здесь должны показать русским, что ещё существует немецкая армия и держит фронт, который для них недостижим».

Солдаты и офицеры 20-й армии носили на пилотках и шапках металлическое изображение цветка эдельвейса, что растёт только на горных вершинах. Они именовались не просто солдатами, а

горными егерями. Это были наиболее боеспособные войска; прежние победы – взятие Крита, завоевание Франции и Норвегии – укрепляли их волю к сопротивлению. Гитлер лучшие дивизии и армии обычно перебрасывал туда, где шли самые важные сражения и создавалось критическое положение для немецко-фашистских войск; таких сражений и таких положений было уже много на советско-германском фронте, но фюрер не стронул с места горных егерей, не заменил их другими войсками. Уж очень нужен был противнику этот в общем-то небольшой кусок тундры.

Мерецков К. А.

У нас с тобой, читатель, нет возможности сколько-нибудь подробно говорить о том, как готовились войска и флот к наступлению. Но отметим такую на первый взгляд странную вещь: выделены войска, которые могли всё своё оружие нести на себе и везти на лошадях и оленях, и в то же время командующий фронтом генерал армии (потом Маршал Советского Союза) К. А. Мерецков попросил у Ставки полк тяжёлых танков КВ. Первое ясно – в условиях болотистой, усеянной валунами тундры, совершая обходы по бездорожью, нельзя пользоваться автомобилями, по поводу второго прочтём воспоминание Мерецкова:

«Не разведал ли противник, что намереваемся пустить тяжёлые танки? В условиях Крайнего Севера они применялись впервые. Мысль об их использовании возникла при тщательном

изучении характера вражеской обороны. Она была построена в расчёте на отражение атак лишь лёгких и средних танков. Почему? Возможно, потому, что гитлеровцы считали местность неподходящей для тяжёлых машин, а может быть, и просто оттого, что их на нашем фронте не было.

Пришлось обратиться в Ставку. Моя просьба дать фронту полк тяжёлых танков вызвала там удивление. Сталин лично пытался разъяснить мне, что Т-34 обладают более высокой манёвренностью и проходимостью. Однако я стоял на своём, и в конце концов мы получили то, что просили».

Прорыв через Лапландский вал начался утром 7 октября. Артиллерия два с половиной часа разрушала вражескую оборону. Затем пошла в атаку пехота. На правом фланге сразу был одержан успех, и вечером один стрелковый корпус вышел к реке Титовке. На левом фланге удалось преодолеть оборонительную линию только ночной атакой.

На другой день советские войска форсировали широкую, быструю Титовку и устремились на Луостари и Печенгу.

Как только выявился этот успех, бригада морской пехоты высадилась на побережье губы Малая Волоковая – и к востоку от Печенги – и пошла на юг. Другая бригада, наступая с полуострова Средний, прорвала укрепления на перешейке, тоже двигаясь на юг, она овладела горной крепостью немцев – мощным узлом обороны на хребте Мустай-Тунтури. В итоге моряки перерезали дорогу, идущую от посёлка Западная Лица к Печенге.

Гитлеровцы ещё оборонялись на рубежах вдоль реки Западная Лица. Узнав, что морская пехота вышла в их тыл, они начали поспешно отходить на запад. Но было уже поздно. В междуречье Печенги и Титовки началось истребление врага.

Остатки егерских войск побежали в Норвегию к Киркинесу и к городку Наутси.

На шоссе около Салмиярви их ждала засада. Наш лёгкий корпус, тот, что нёс оружие и боеприпасы на себе, а разобранные пушки и миномёты вёз на лошадях и оленях, совершил суворовский марш – трое суток преодолевал тундру, заваленную валунами, покрытую топкими болотами, и вышел в тыл врага – к основной дороге около Салмиярви, как говорят, оседлал её.

Пригодились ли тяжёлые танки? Пригодились. И при прорыве обороны, и теперь, при преследовании врага. Правда, приходилось взрывами убирать валуны с дороги, съезжать с крутых каменистых склонов с заторможенными гусеницами, как на полозьях…

Танкисты преодолели эти невиданные раньше трудности, сейчас действовали в привычных условиях.

В привычных условиях! Я написал эти слова и ещё раз удивился «привычным условиям» на войне. Послушаем генерал-полковника К. С. Грушевого, он был членом Военного совета Карельского фронта.

«К утру 14 октября танки, миновав аэродром с догоравшими неприятельскими самолётами на нём, объятый пламенем посёлок Луостари, вырвались на шоссе. Автоматчики и сапёры гроздьями облепили броню. Дорогу окутали облака удушливого дыма, по сторонам пылали подожжённые немцами склады, цистерны с горючим, штабеля прессованного сена.

Первой двигалась машина Ашота Асрияна.

У самого перекрёстка из дощатого домика, стоявшего справа от шоссе, по ней ударила пушка. Башня головного КВ тотчас развернулась в сторону неприятельского расчёта. С первого же снаряда строение вспыхнуло. Впереди двигалась большая колонна пехоты, легковых автомобилей, тягачей с орудиями на прицепах.

– Огонь!

Грузовик с гитлеровцами превратился в щепки, под гусеницами хрястнул мотоцикл. Затем танк навалился на коней, навьюченных миномётами. После этого одно за другим в землю были вдавлены шесть 45-миллиметровых орудий. Ещё две пушки танк уничтожил огнём.

Но вот КВ содрогнулся. Пробоина в левом борту.

Не успел танк проскочить несколько десятков метров, как снаряд угодил в правый борт.

КВ продолжал движение по дороге, давя всё, что попадало под траки. Его обстреливали, забрасывали гранатами.

Разбило прицел. В ту же минуту в машину попала бутылка с горючей жидкостью. За башней вспыхнул брезент.

Горящий танк помчался обратно. Рядом с перекрёстком фашисты поставили орудие. КВ раздавил его раньше, чем оно успело выстрелить.

По обеим сторонам дороги тянулась топь.

– В болото! – скомандовал Асриян.

Когда машина оказалась в болоте, танкисты стали сбивать огонь мокрым мхом. Потушили. Вытащили на воздух раненого радиста Севастьянова, перевязали и снова укрыли внутри танка…»

Уничтожая отступающего врага, танкисты повернули к Печенге. К этому городку с юго-востока подходят стрелковые части, с востока – морские пехотинцы. На него наступают с севера, от Линахамари, десантники. О десантниках разговор особый.

Городок Печенга, знаменитый разработками никеля, расположен около самого впадения реки в губу. У городка Печенгская губа мелкая, несудоходная. Поэтому ближе к устью финны построили порт Линахамари. Удобный порт. Он не замерзает, укрыт от ветров и волн высокими скалистыми берегами. С начала войны хозяевами здесь стали гитлеровцы. Вокруг порта, в самом порту они поставили шесть десятков различных орудий – от малокалиберных автоматов в дотах и бронеколпаках до тяжёлых береговых. Что ещё? Полсотни пулемётов. Миномёты. Подходы к причалам загорожены противоторпедными сетями. В ночное время вход в Печенгскую губу (по-фински Петсамовуоно), если нужно, освещают прожекторы. С тыла порт тоже защищён: шоссе, идущее к нему от Печенги, перегорожено толстой каменной стеной; в стене бетонные ворота – противотанковые. Немцы сделали выемку в береговой скале, готовились установить в ней торпедные аппараты…

Очень опасны четырёхорудийные 150-миллиметровые батареи, что стоят на мысах по обе стороны от входа в залив. Сильная военно-морская база – вот что такое Линахамари.

Высадка десанта в порт Линахамари 12 – 13. 10. 1944 г.

Посмотри схему высадки десанта в порт. Катерам с десантниками надо идти «коридором смерти» – так называли немцы узкий гранитный жёлоб, ведущий в Линахамари. Точное название. И всё же наши моряки надеялись на успех.

Опаснее других была батарея на восточном мысу, а также стоявшая выше неё на сопке батарея зенитных орудий. Перед высадкой десанта надо было нейтрализовать их. Захват батарей поручили разведывательному отряду моряков.

Разведчики высадились на берег между Печенгской губой и

Малой Волоковой. Без сна, почти без отдыха моряки двое суток пробирались в тыл врага. Погода была ненастная: то лил дождь, то сыпал снег. На третьи сутки разведчики достигли цели.

Леонов В. Н.

«Ночью по расщелине мы начали пробираться на огневые позиции, – вспоминает бывший командир разведчиков, дважды Герой Советского Союза капитан второго ранга В. Н. Леонов.– Темнота – хоть глаз выколи. Шли на ощупь, плотно, почти касаясь друг друга. Вдруг передний шарахнулся назад, почувствовал, что наскочил на проволоку. Но было поздно. Тотчас же в небо взлетела сигнальная ракета. В её свете метрах в 40-50 от нас я увидел орудия, а совсем рядом – часового. Мгновенно дал очередь – гитлеровец упал.

Вверх взлетали всё новые ракеты. Поднялась стрельба. Нас поливали огнём из дотов и землянок, забрасывали гранатами. Освещённые ракетами, мы находились у проволочного заграждения. Я приказал преодолеть препятствие.

Володя Фаткин сорвал с себя куртку и накрыл ею спирали. За ним поднялись другие. Всё, что можно было снять с себя, полетело на проволоку. Моряки дружно кинулись на позицию немцев. Метрах в восьми от Володи неожиданно застрочили сразу два пулемёта, до этого молчавшие. Разведчик упал замертво.

Командир группы Александр Манин с гранатой налетел на вражеских пулемётчиков и уничтожил их. Но от взрыва погиб и

сам.

Отрядный силач Иван Лысенко, положив на голову свёрнутый бушлат, подлез под металлическую крестовину. Поднявшись во весь рост, крикнул:

– Пролазьте, пока стою!..»

Вот так начался бой за орудия.

Я пытаюсь сейчас представить ту ожесточённую борьбу. Рисую в своём воображении чёрную ночь, освещённую шарами ракет, силуэты орудий, тени фашистов, трассы пуль, полосующие пространство у самой земли. И представляю Ивана Лысенко. Он стоит, приподняв проволоку, открыв дорогу товарищам. Бегут моряки мимо своего друга. Знают, что он обречён. И сам он знает, что стоять ему недолго – через мгновения убьют. А как ему хотелось жить! Вот и бушлат он свернул потуже, чтобы железо не поранило голову…

После боя, когда будут хоронить убитых, на теле Лысенко насчитают больше двадцати пулевых ран.

Какие же это были светлые герои!

…В Пумманки, что на полуострове Средний, готовился десант. 8 торпедных катеров и 6 катеров-охотников выделялись для прорыва в порт. Ещё 4 торпедных катера должны были прикрывать десант со стороны моря, а 2– разрушить противокатерное заграждение у входа в залив. По эсминцам, подводным лодкам, тральщикам объявили набор добровольцев. Нужно было пятьсот человек. Вызвалось в десант несколько тысяч. Отобрали 658 моряков. Герои ждут своего часа…

А бой за орудия в самом разгаре. Он идёт на позициях зенитной батареи. К рассвету моряки захватили орудия, принялись разрушать из них доты и землянки. Но не захвачена самая опасная батарея – 150-миллиметровая. Гитлеровцы пришли в себя и контратаковали моряков. Разведчики, вынув орудийные замки, отошли на ближнюю сопку, заняли там оборону.

Весь день фашисты пытались уничтожить сотню наших моряков. Разведчики следили за лощиной, по которой сами поднялись на сопку. Но враги, на то они горные егеря, взобрались наверх по отвесной скале. У обрыва произошёл рукопашный бой. Леонов рассказывает:

«Постарался пробиться к краю расщелины, чтобы гранатами приостановить солдат, карабкающихся вверх. Впереди увидел Андрея Пшеничных. Он наносил штыком удары, от которых не было спасения. Но, наступив на камень, Андрей поскользнулся и упал. Над его головой взметнулся приклад. Я рванулся на выручку. Дорогу преградили два немецких штыка. Нырнув вниз, я успел убить одного из егерей. Андрей увернулся от удара.

Винтовка егеря хрустнула, ударившись о гранит. Солдат выпустил её из рук и тут же грохнулся на землю. Его свалил Андрей Пшеничных. На помощь нам подоспела группа мичмана Никандрова. Немцев удалось сбросить вниз…»

В середине дня враги подошли к сопке на катере, пытались высадить егерей в удобном для подъёма месте. Моряки отогнали катер пулемётным огнём.

Казалось, гитлеровцы могли только блокировать разведчиков. Но со своей сопки моряки держали под пулемётным огнём 150-миллиметровую батарею. Потому-то егеря и лезли на рожон…

Вечером самолёты сбросят разведчикам боеприпасы и еду, заодно пробомбят злополучные орудия. Ночью моряки не дадут немецким артиллеристам прицельно бить по нашим катерам. Когда высадится десант, они тоже пойдут в атаку; побьют ещё много гитлеровцев, а 117 возьмут в плен. Сами разведчики потеряют в тех схватках убитыми семь человек.

12 октября, около 9 часов вечера, когда осенняя ночь опустилась над тундрой и морем, десант двинулся в путь. Чтобы враги не услышали гула катерных моторов, несколько ночных бомбардировщиков летали в районе движения и бомбили батареи у входа в залив. По батареям вели огонь и наши дальнобойные орудия с полуострова Рыбачий.

Всё было спокойно. До тех пор, когда отряд вошёл в зону действия немецкого радиолокатора – в 4-5 километрах от устья залива. На берегу вспыхнули прожекторы. В небе повисли осветительные снаряды. Вражеская артиллерия открыла огонь по катерам.

Шабалин А. О.

Головным шёл катер капитан-лейтенанта А. О. Шабалина. Герою Советского Союза, опытному и отважному человеку поручили нелёгкое дело – проложить верный путь для всего отряда. Вторым шёл катер лейтенанта Е. А. Успенского. Пятьдесят два отборных десантника были на их палубах. Как самолёты, ведущий и ведомый, понеслись кораблики в залив. Шабалин то устремлялся в сторону бьющих орудий, то, резко сменив курс, мчался к нависающей над водой скале, чтобы какие-то мгновения пробыть в мёртвой зоне… Вход в залив проскочили. А в гавани было ещё опаснее. Со всех сторон стреляли, в воду густо падали мины и снаряды…

Великое дело – нагнать на неприятеля страху. Гитлеровцы, оборонявшие порт, знали о быстром прорыве советских войск через Лапландский вал. Канонада советских орудий уже доносилась до Линахамари. И было ясно егерям, что их время кончается, что итогом всего будет смерть или плен, или присоединение к потоку бегущих в Норвегию. Последнее предпочтительнее всего, надо только не опоздать с отходом… И вот теперь это появление катеров – невозможное, невероятное. Страх – плохой помощник в бою. Он мешает целиться, вызывает действия поспешные. Никак не могут десятки стволов уловить

советские кораблики. Бьют фашисты, а всё мимо… Десантникам, по опыту высадки в Новороссийске, предписывалось высаживаться на причалы. Гитлеровцы, видимо, тоже учли тот опыт. Когда катера пошли к причалу, он взлетел в воздух. Поспешили немцы со взрывом. Что было бы, если бы не поспешность врага? Было бы страшное. Оба катера и десантники погибли бы в сильнейшем взрыве… Шабалин, за ним Успенский устремились к берегу. В мгновение моряки соскочили с катеров, вскарабкались на скалы и начали рукопашный бой.

Высадили моряков остальные катера – почти без потерь. Десантники за ночь очистили порт от противника. На рассвете нового дня, 13 октября, враги на северном берегу гавани пошли в яростную контратаку, чтобы сбросить десантников в море. На помощь нашим прилетели штурмовики с истребителями. Контратака была отбита.

14 октября к десантникам пришло подкрепление. С восточного берега залива на западный катера переправили бригаду морской пехоты. В тот же день с четырёх катеров высадились десанты на мысах, где стояли береговые батареи. В коротких схватках фашисты были там уничтожены.

С захватом Линахамари гитлеровцы потеряли возможность морем эвакуировать войска из Печенги. Более того – морские пехотинцы начали атаку города с севера. (Ты помнишь, что с юга его атакуют стрелки и танки?) 15 октября Печенга была взята.

Наступление советских войск продолжалось. Преследуя и уничтожая врага, мы вступили в Норвегию. В конце октября от фашистов был освобождён город Киркинес. Норвежцы восторженно встретили советских солдат и моряков. Сами собой возникали добровольческие отряды молодых норвежцев. Вместе с нашими войсками они дошли до реки Таны. На этом рубеже мы закончили наступление.

За месяц боёв егеря – с эдельвейсами на пилотках – потеряли три четверти войск и всю боевую технику.

Так кончилась война за Полярным кругом.

Медаль «За оборону Советского Заполярья».

После войны Финляндия возвратила Советскому Союзу район Печенги; старинная русская земля соединилась с Родиной. Советским людям предстояло восстановить город и рудники, вернуть их к жизни.

Многие соединения и части флота и армии, отличившиеся в боях, получили почётные наименования, были награждены орденами Красного Знамени и Ушакова I степени.

КОНЕЦ – ВСЕМУ ДЕЛУ ВЕНЕЦ

В январе 1945 года советские войска перешли в новое наступление по всему фронту – от Балтийского моря до южных отрогов Карпат. Гигантское наступление началось раньше срока по просьбе союзников, ибо часть их войск на Западном фронте оказалась под угрозой окружения.

Мощные удары советских войск сорвали все планы гитлеровцев. Немецко-фашистское командование было вынуждено прекратить наступление на наших союзников в Арденнах и перебросить самые боеспособные дивизии с Запада на Восточный фронт. Это помогло англичанам и американцам оправиться от удара. Союзное командование решило теперь ускорить продвижение в глубь Германии. Главный удар намечено наносить на Берлин, двигаясь к нему кратчайшим путём – по северу Германии.

…Прекрасное решение! Как ладно получается – когда было туго союзникам, мы отвлекли на себя силы общего врага; теперь стало сложнее советским армиям, но союзники, возмещая долг, ускоряют свой натиск на армии фашистов… Всё хорошо бы, если только забыть, что «война есть продолжение политики». Командование союзников меньше всего думает о возмещении долга нашим армиям. Главная цель их наступления заключается в том, чтобы войти в Берлин раньше советских войск. Английский историк Дж. Эрман пишет: «…главнокомандующий (Д. Эйзенхауэр) стремился начать операцию на севере как можно скорее, пока наступление русских на Восточном фронте не завершилось полным поражением немцев».

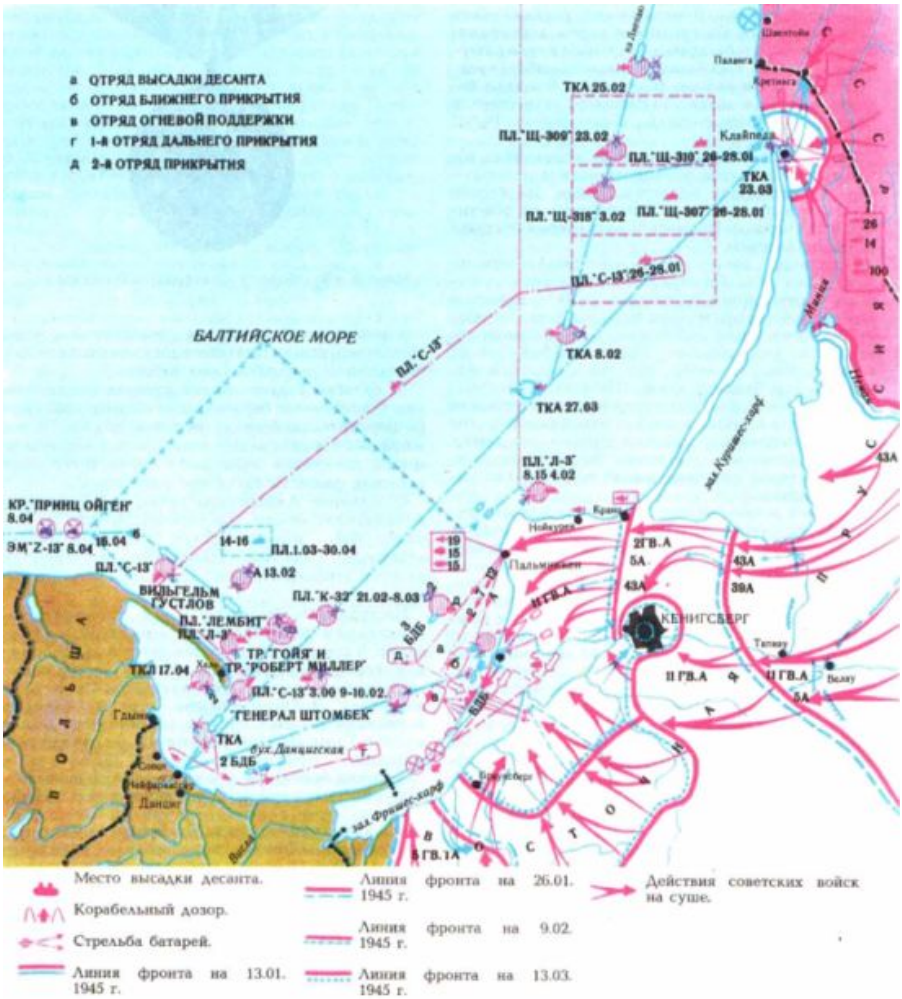
Но, может быть, в таком желании нет ничего предосудительного? Идёт здоровое соперничество за взятие столицы фашистского государства. Соперничали же советские полки и батальоны у Севастополя за право первыми поднять знамя над Сапун-горой. Нет. Союзники не думают о состязании в воинской доблести. Цель другая – не дать советским воинам до конца уничтожить военную мощь Германии. После войны стало известно секретное заявление Черчилля правительству Англии. В нём есть такие фразы: «Должен признаться, что мои мысли обращены главным образом к Европе, являющейся матерью современных стран и цивилизации. Было бы страшной катастрофой, если бы русское варварство задушило культуру и независимость древних государств Европы».

Если сдуть с этих слов туман нарочитости и соскрести позолоту высокопарности, то их можно прочесть так: «Должен

напомнить, что наши хозяева империалисты не так беспокоятся за будущее Азии, где мы сражаемся с капиталистами Японии, как за будущее Европы, где действует враждебная всем капиталистам сила – коммунисты Советской страны. Для империализма было бы страшной катастрофой, если бы пример советского народа распространился на другие государства Европы».

Что было бы, если бы союзники помешали советским армиям нанести завершающий удар по фашистской Германии, если бы сбылись планы империалистов? Германия снова была бы грозой для европейских народов. Ведь и при теперешнем состоянии дел Федеративная Республика Германии в военном отношении сильнее всех её капиталистических соседей, и до сих пор в этой стране открыто действуют реваншисты и неофашисты – люди, которые добиваются реванша, приращения территории за счёт земель других народов. То германское государство, которое Черчилль видел в своих планах, как и гитлеровская Германия, снова было бы – при определённых обстоятельствах – натравлено империалистами на Советский Союз, на уничтожение социализма.

Через несколько строк мы опять окажемся в яростных боях, в ожесточённых сражениях. Радуясь победам, печалясь о погибших, будем помнить, что советские воины не просто уничтожают гитлеровцев, берут их в плен, а делают политику послевоенной жизни человечества. Уже больше четырёх десятилетий Европа не знает войн – это важнейшая суть политики, за которую с невероятной энергией, с невероятной мощью сражались мы в 1945 году.



Общий ход действий на Балтийском море в 1945 г.

Обратимся к карте военных действий в январе – апреле последнего года войны.

Какие сокрушительные пучки красных стрел устремлены на запад! В их серединах ромбы – это танковые армии рассекают врага на пути к Берлину. Город возьмём мы, а не кто иной. Столица фашистского государства станет нашим трофеем. И факт этот решительным образом скажется на истории человечества.

Стрелы 1-го Белорусского фронта от Варшавы протянулись почти до Берлина, от реки Вислы до реки Одер. 23 дня понадобилось нашим войскам, чтобы пройти полтысячи километров. А шли-то, вернее, летели с боями.

И не простые это были бои. В ходе Висло-Одерской операции в январе – феврале 1945 года войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов, возглавляемые маршалами Г. К. Жуковым

и И. С. Коневым, разгромили и уничтожили 60 дивизий врага, пленили при этом более 147 тысяч гитлеровцев, захватили 1377 танков и самоходных орудий, 1300 самолётов, 8280 орудий, 5707 миномётов, около 20 тысяч пулемётов.

Прекрасная, величественная победа!

Немецкий историк, бывший гитлеровский генерал Ф. Меллентин напишет о ней после войны: «Невозможно описать всего, что произошло между Вислой и Одером в первые месяцы 1945 года. Европа не знала ничего подобного со времён гибели Римской империи…» А наш союзник Черчилль сразу же по завершении операции пошлёт послание Сталину:

«Мы очарованы вашими славными победами… Примите нашу самую горячую благодарность и поздравление по случаю исторических подвигов».

Кисло было Черчиллю подписывать такое послание. Советские-то войска были в 60-70 километрах от Берлина. А войска союзников в 500…

Мы говорили, что немецко-фашистское командование не боялось нашего наступления от Варшавы на Берлин, так как было готово ударить из Восточной Пруссии во фланг и тыл советским армиям, рискнувшим на такое действие. Почему же не был нанесён этот опаснейший для нас удар? Потому, что войска 2-го и 3-го Белорусских фронтов заблаговременно окружили грозную фашистскую крепость и так плотно, что её огромный гарнизон не мог прорваться через наши боевые порядки в тыл 1-го Белорусского фронта. 40 отборных дивизий и 200 тысяч фольксштурмовцев оказались изолированными от основных сражений войны. И не просто изолированными, как, к примеру, в Курляндии. Ежедневно наши войска теснили эту вражескую группировку к морю, рассекли её на три части, окружили врага на Земландском полуострове, в Кёнигсберге и юго-западнее этого города.

Гитлер в буквальном смысле слова бесился в своём подземном убежище в Берлине. Всё трещало, всё разваливалось на глазах, несмотря на ожесточённое сопротивление фашистских войск.

Германское командование решило теперь нанести фланговый удар по войскам 1-го Белорусского фронта из Померании. Найди этот район на карте, он к западу от Данцигского залива. И снова, как в случае с Восточной Пруссией, сосед 1-го Белорусского – 2-й Белорусский фронт под командованием маршала К. К. Рокоссовского предупредил этот удар, сделал его невозможным. Войска Рокоссовского двинулись с юга Померании на север. Уничтожая врага, они вышли к морю у Кольберга, Гдыни и

Данцига. В конце марта Восточная Пруссия уже была далеко от линии основного фронта.

Мы с тобой, дорогой читатель, задержались на суше. Задержка нужная. Иначе не понять, ради чего, с какой целью действуют моряки. Конечно, общая цель ясна – разгром фашизма. Но не ясны были бы цели конкретные, и, следовательно, неизвестна была бы истинная цена ратного труда и необходимости подвига.

Ещё раз посмотри на карте южное побережье Балтийского моря. На Курляндском полуострове сидят в огромном количестве гитлеровцы. Приличное число – 3 дивизии прижаты к морю в Мемеле. Под ударами наших сухопутных войск оказались важнейшие и крупнейшие портовые немецкие города: Кёнигсберг, Данциг, Гдыня и важнейшая военно-морская база Пиллау. Все они от Мемеля до Кольберга очень нужны противнику – для обеспечения морских сообщений с Курляндской группировкой; для переброски войск оттуда на защиту Берлина, для эвакуации войск из Восточной Пруссии опять же на защиту Берлина. Пока войска не эвакуированы, их надо снабжать боеприпасами, горючим, продовольствием…

Для рассказа об окончании войны на Балтийском море воспользуемся схемой, взятой из книги «Краснознамённый Балтийский флот». Книга специальная, и схема тоже для специалистов. Но я думаю, читатель, что тебе она теперь, когда ты столько узнал о морских сражениях, о кораблях и моряках, не покажется невозможно трудной. Разговор у схемы будет нашим завершающим уроком истории военно-морского искусства.

ПОДВИГ ПОДВОДНОГО МИННОГО ЗАГРАДИТЕЛЯ

…Большая часть немецкого флота действовала в те месяцы на морской дороге, связывавшей Либаву с портами Данцигской бухты и военно-морской базой Свинемюнде, что в устье Одера. На охрану конвоев, на поддержку прижатых к морю войск выходили тяжёлые крейсеры противника, подводные лодки, сотни лёгких кораблей.

На борьбу с врагом командование Краснознамённого Балтийского флота выделило подводные лодки, катера и самолёты. Начались бои, в которых – до самого последнего часа войны – росла чреда подвигов. В венок славы балтийцев, увенчавший их в обороне, вплетались ветви, добытые в наступлении, в разгроме врага.

Первыми на важнейшую коммуникацию вышли подводные лодки. Стоял холодный январь. Финский залив почти весь замёрз.

Из Кронштадта и из других баз лодки шли за ледоколом. Требовалось много сил, нужна была великая предусмотрительность, чтобы не повредить лодку о льдины и без поломок дойти до чистой воды. (Посмотри схему перехода К-52 во льдах Финского залива.) Один ледокол пробивает дорогу. Второй ведёт лодку на буксире – так, чтобы струя от винтов разгоняла льдины. А на нос лодки надет, как называли сами моряки, «намордник» – металлическое ограждение, защищающее форштевень, носовые рули и торпедные аппараты.

Схема перехода подводной лодки К-52 через льды Финского залива.

С выходом на чистую воду не кончаются трудности плавания. Над Балтикой бушуют штормы. Людей, несущих вахту на мостике, пронизывает ветер, несколько ударов волны – и одежда промокает до нитки, тут же покрывается ледяной корой. А стоять нужно, нужно смотреть во все глаза, чтобы за снежными зарядами, в пелене тумана увидеть врага, атаковать его и уйти из-под ответной атаки.

В таких труднейших условиях нанесла свой знаменитый удар С-13. Найди на схеме Данцигскую бухту и косу в её северо-западной части. У разных концов Хельской косы и были потоплены огромные суда – «Вильгельм Густлов» и «Генерал Штойбен». О том, как они были торпедированы, говорилось на заглавных страницах «Книги будущих адмиралов».

Гитлеровцев между тем ждала ещё одна катастрофа. Подобный удар нанёс врагу подводный минный заградитель Л-3 под командованием капитана третьего ранга Владимира Константиновича Коновалова.

К началу войны на Балтике у нас было три лодки этой серии: Л-1 – «Ленинец», Л-2 – «Сталинец» и Л-3 – «Фрунзевец». Первая лодка, с которой были сняты все механизмы, утонула при

артобстреле на стоянке в Неве в ноябре 1941 года. В том же месяце того же года погибла вторая лодка; она ставила мины в Данцигской бухте, но сама трижды подорвалась на вражеских минах. В живых оставался «Фрунзевец». За гибель двух подводных заградителей он рассчитался с врагом в первый год войны: на его минах у берегов Германии взорвались и потонули траулер и три транспорта.

К середине 1943 года счёт мести «Фрунзевца» достиг 12 транспортов и кораблей, потопленных торпедами и погибших на минах. В их числе была немецкая подводная лодка. К этим потерям врага причисли, читатель, урон, причинённый «Фрунзевцем» в 1944 году, – потопленные торпедами транспорт и сторожевой корабль, подорвавшиеся на минах, поставленных лодкой, и потонувшие сторожевой корабль и эскадренный миноносец. Но счёт не заканчивай. Л-3 зимой 1945 года снова пришла в район Данцигской бухты.

Найди на схеме Земландский полуостров и городок Нойкурен (теперь он называется Пионерский). На севере от городка – значок Л-3.

На полуострове идут яростные бои. Наши сухопутные войска зажали здесь 8 вражеских дивизий. Обороняясь с упорством обречённых, они частью сил стараются пробиться в город-крепость Кёнигсберг, частью в Пиллау – военно-морскую базу, частью эвакуироваться на судах. С моря врага поддерживают артиллерийские корабли. К берегу подходят для обстрела советских войск крейсеры «Принц Ойген», «Лютцов», «Адмирал Шеер», «Адмирал Хиппер» и эскадренные миноносцы.

Подводная лодка Л-3 находится тоже в этом районе. Её мужественный командир и доблестный экипаж видят врага. Но сблизиться с ним на дистанцию залпа не могут – там, где крейсеры, очень мелко. «Фрунзевец» поставил мины на курсах кораблей и продолжал находиться под водой, выжидая момента…

4 февраля к берегу снова подошли корабли врага. И опять было невозможно атаковать крейсер. Коновалов принял решение торпедировать один из двух эскадренных миноносцев, тот, что шёл мористее. Стреляли трёхторпедным залпом, две торпеды попали в корабль, на нём взорвались котлы; корабль затонул. После атаки, задевая килем за дно, с трудом развернули лодку в сторону моря и долго уходили от глубинных бомб, которые сбрасывал уцелевший эсминец.

До возвращения в базу лодка потопила торпедами 2 транспорта. Прибавь транспорты и эсминец к боевому счёту «Фрунзевца».

«Фрунзевец» приходил в Данцигскую бухту и весной, когда

бои на Земландском полуострове заканчивались. 18 апреля полуостров был в наших руках. Противник потерял там более 50 тысяч убитыми, а 30 тысяч солдат и офицеров были пленены.

Подводная лодка Л-3 победу сухопутных войск взяла как бы в морскую вилку. 17 апреля – накануне победы – она залпом трёх торпед потопила большой теплоход «Гойя», на котором эвакуировались из Пиллау 5 с половиной тысяч гитлеровцев. Там же, где нашли себе могилу немецкие подводники от удара С-13, были отправлены на дно ещё 1300 офицеров, курсантов и матросов подводного флота врага. Это ещё около 30 экипажей подлодок. А 19 апреля «Фрунзевец» торпедировал транспорт «Роберт Мюллер», на этот раз небольшой – 400 тонн. Но он вёз боеприпасы. И взрыв получился страшный. Дело было ночью. Огромную вспышку белого огня над морем видели и гитлеровцы и наши. Врагов она заставила содрогнуться, а советские воины приняли её как салют в честь взятия Земландского полуострова.

Всего за вторую мировую войну на морях фашисты потеряли 28 тысяч подводников, около 3 тысяч из этого числа на счету С-13 и Л-3…

Потоплением «Роберта Мельника» (так переводится название судна, шедшего с боеприпасами! «Фрунзевец» не окончил счёт мести. На минах, которые заградитель выставил весной 1945 года, подорвались и потонули тральщик и сторожевой корабль противника. Вот и посчитай, мой дорогой товарищ, сколько урона принесла фашистам Л-3.

Всё было в жизни «Фрунзевца». Лодка подрывалась на минах, её таранил надводный корабль, ей однажды пришлось возвращаться в базу без перископов… Но она выживала в самых невероятных случаях. И продолжала побеждать… Теперь рубка гвардейской Л-3 стоит на каменном постаменте в одном из гарнизонов Балтийского флота как пример новым поколениям советских подводников.

Раз уж мы заговорили о подводных минных заградителях, нельзя не сказать о завершающих походах Л-21 и «Лембита». Очень грозные это корабли – подводные заградители! Конечно, если они в умелых руках отважных людей.

В Данцигской бухте «Лембит» потопил торпедами транспорт и танкер. А на её минах, выставленных в двух походах последнего года войны, подорвались и потонули 2 эскадренных миноносца, сторожевой корабль, подводная лодка и буксир. Очень и очень неплохо. Просто замечательно!

Найди место, где одержала победы лодка «Лембит». Весной 1945 года она торпедировала и потопила транспорт и сторожевой корабль противника. В условное обозначение действий «Лембита»

входят значки мин. Лодка на самой середине фарватера поставила мины. Западный историк морской войны Майстер пишет, что в том районе подорвались и потонули 3 сторожевых корабля и противолодочный корабль. Их тоже можно считать добычей нашего подводного заградителя.

В завершающих боях на Балтийском море подводные лодки потопили более 60 транспортов и более десятка боевых кораблей врага.

ДОБЛЕСТЬ МОРСКИХ ЛЁТЧИКОВ

В последних боях 1945 года Краснознамённый Балтийский флот имел довольно много самолётов– четыре авиационные дивизии! Конкретнее – 55 торпедоносцев, 40 бомбардировщиков, 140 штурмовиков, 276 истребителей и 60 разведчиков. Всего 571 самолёт. С января по 8 мая 1945 года они потопили около 60 кораблей и катеров и более 80 транспортов врага. На каждую четвёрку советских морских самолётов приходилось потопленное судно противника! Такой отличный результат объясняется не только числом самолётов, не только умением лётчиков и их храбростью, но и хорошей организацией боя.

Великое дело – организованность. Произнеси, читатель, вслух слово «организованность». Это не то, что сказать «пли!». Вон сколько слогов в нём, и все разные, звучат каждый по-своему… Как из многих слогов складывается длинное слово, так складывается из многих предварительных дел победный бой. Дела должны следовать друг за другом в строгой последовательности. Попробуй-ка переставить слоги в слове – «организованность». Выброси хоть один слог. Получится чепуха. Так будет и в бою, если что-либо до боя не предусмотреть, чего-то нужного не сделать. А как всё сделано, так с лёгкой душой говори краткое «пли!» и празднуй победу.

Посмотрим организованный налёт нашей авиации на конвой противника. 5 февраля в Данцигской бухте самолёт-разведчик обнаружил 5 транспортов в охранении 6 сторожевых кораблей и тральщиков. Это дело зашифруем слогом «ОР». Получив сообщение разведчика, командование подняло в воздух две ударные группы самолётов: в каждой по два торпедоносца и по два топмачтовика. Это дело обозначим слогом «ГА». Тут же прибавился слог «НИ» – из другого пункта взлетели 18 истребителей. Советские Яки напали на истребителей противника, отогнали их от конвоя, и теперь в воздухе нет препятствия для наших тяжёлых самолётов. Бой истребителей обозначим слогом «ЗО»… Самый разрушительный удар по

транспортам могут нанести самолёты-торпедоносцы, но они и самые уязвимые для корабельных орудий и пулемётов. Поэтому первыми атаковали конвой – с противоположных сторон – топмачтовики. Пушечно-пулемётным огнём, рикошетирующими бомбами, что взрываются над головой и секут осколками всё, что на бортах и на палубах, они подавили зенитные средства врага. Это слог «ВАН». И вот пошли в атаку торпедоносцы. Подобно торпедному катеру, нацелившись на транспорт, с рёвом, с ураганной скоростью надвигается на врага торпедоносец. Он летит очень низко над водой, чтобы точнее пошла сброшенная в воду торпеда. Не каждый вражеский артиллерист и пулемётчик, уцелевший после атаки топмачтовиков, найдёт в себе мужество стрелять в неумолимую, близкую смерть… Торпеды сброшены. Произнесён последний слог – «НОСТЬ». Рёв авиационных моторов исчезает вдали. А над морем гремят взрывы торпед. Четыре транспорта из пяти тонут в Данцигской бухте. Вот что значит «организованность»!

Подобным образом уничтожили лётчики конвой, уходивший из Либавы: два транспорта и плавучую базу подводных лодок «Мемель». В том же районе ударом, в котором участвовали вдобавок к торпедоносцам и топмачтовикам пикирующие бомбардировщики и штурмовики, были потоплены пять крупных транспортов – все, что были в конвое. Через несколько дней самолёты разгромили конвой, идущий в Либаву: потопили танкер, транспорт и два тральщика. Особенно тяжело враг переживал гибель танкера «Засниц», с ним погибло 5 тысяч тонн горючего, так нужного курляндским сидельцам.

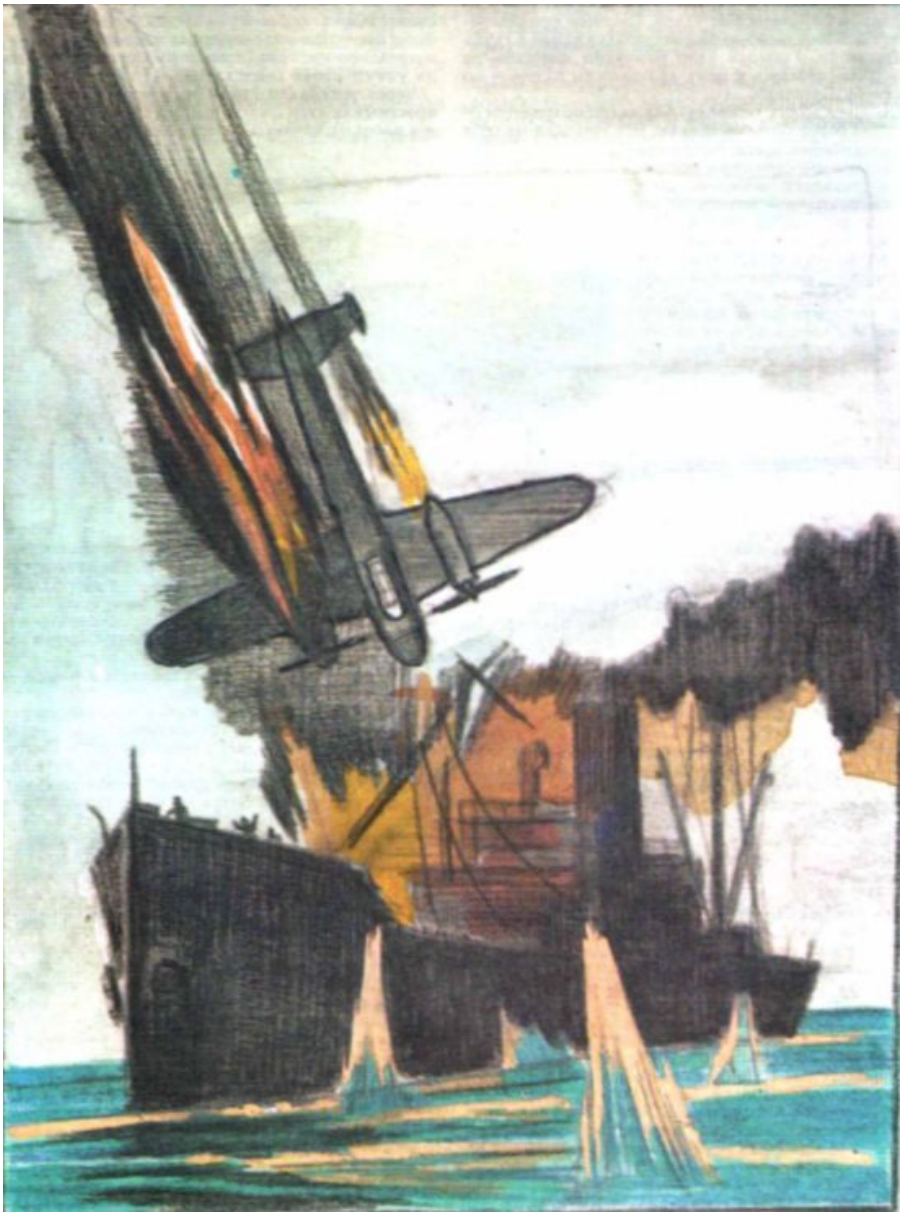
Мы с тобой, читатель, говорили, как подводная лодка Л-3 потопила эскадренный миноносец из группы фашистских кораблей, стрелявших по советским войскам на Земландском полуострове. За корабли артиллерийской поддержки взялась наша авиация. Полк бомбардировщиков, два полка штурмовиков и несколько полков истребителей совершали налёты на них всю первую неделю апреля и потопили 3 эсминца, миноносец, 8 сторожевых кораблей, повредили тяжёлый крейсер, 2 лёгких крейсера, 4 эсминца, 4 миноносца. Немцы не выдержали атак с воздуха. Артиллерийские корабли ушли из Данцигской бухты в базу Свинемюнде. На нашей схеме – северо-западнее косы Хель – обозначены красным удары авиации по синим значкам кораблей. Это советские самолёты провожают фашистов. Тяжёлый крейсер «Принц Ойген» и эсминец были повреждены бомбами.

Ещё более впечатляющими были массированные налёты советской авиации на порт Пиллау и порт Хель. С 9 по 25 апреля – во время завершающих боёв на суше, когда гитлеровцы искали

спасение на судах, – наши самолёты 24 раза бомбили и штурмовали военно-морскую базу Пиллау. В порту и на рейде было потоплено 10 транспортов, танкер, 32 буксира, 54 баржи, 2 подводные лодки, плавучий док и полтора десятка других судов, приготовленных для эвакуации фашистов.

Когда читаешь о больших потерях врага, то невольно кажется, что нашим в победных боях было легко и просто. И не легко. И не просто. Военно-морская база Пиллау имела около полусотни зенитных батарей. Эти орудия вместе с зенитными орудиями, установленными на кораблях и судах, могли выпускать в минуту до 15 тысяч снарядов калибром 20 миллиметров и выше. Представляешь! Лётчикам приходилось прорываться к целям через завесы огня и металла!

…На схеме есть два значка – скорбных и гордых. Один на север от порта Хель. Другой на северо-запад от середины косы Фриш-Нерунг. Красные силуэты самолётов перечёркнуты синим крестом. 13.02 – 13 февраля ударная группа в составе двух торпедоносцев и двух топмачтовиков под прикрытием истребителей вылетела на перехват конвоя. Самолёт-торпедоносец выходил в атаку и получил прямое попадание снаряда. Самолёт загорелся. Спасти машину было невозможно. Командир торпедоносца лейтенант В. Носов, штурман младший лейтенант А. Игошин, стрелок-радист сержант Ф. Дорофеев решились на таран. Тяжёлая машина с грузом торпед обрушилась на транспорт. В страшном взрыве погибли советские лётчики, унося в могилу и врага, – на том же значке синий овал перечёркнут красным крестом.



Огненный таран советского бомбардировщика.

Вторым значком обозначено место трёх таранов, совершённых в апреле – с промежутками в несколько дней. Горящий штурмовик лейтенанта А. Стратилатова и младшего сержанта С. Самойлова таранил сторожевой корабль; подбитый горящий штурмовик младшего лейтенанта А. Комозова и младшего сержанта И. Кирколенко ударил в тральщик; старший лейтенант А. Романов и воздушный стрелок сержант А. Дубенчук свой горящий штурмовик обрушили на вражеский миноносец…

А ведь был апрель 1945 года. До конца войны, до мира оставался всего лишь месяц.

Что там месяц! Морской лётчик-разведчик лейтенант А. Курзенков погиб за несколько часов до победы. Он обнаружил в море конвой противника, вызвал на его уничтожение бомбардировщиков, но был сбит врагами.

Не показалась ли тебе фамилия знакомой? Помнишь удивительное спасение лётчика-североморца? Тот лётчик Сергей Курзенков, а этот Александр. Они братья. Оба Герои Советского Союза. Родом из Подмосковья. Летали на самолётах, построенных на деньги, собранные жителями Наро-Фоминского района…

До последнего часа войны, до её последней минуты гибли прекрасные советские люди…

На короткое время оставим море. Посмотрим, что происходит на главном участке советско-германского фронта.

Там доблестные войска маршалов Жукова и Конева наступают на Берлин – с 16 апреля.

Союзники в это время тоже были близко от Берлина, в ста километрах. Несмотря на договорённость глав союзных правительств, определившую, на каких территориях и чьи войска ведут военные действия, англичане и американцы всё ещё пытаются войти в Берлин раньше советских армий. 1 апреля Черчилль в послании президенту США Рузвельту писал: «Русские войска, несомненно, захватят Австрию и войдут в Вену… Если они займут и Берлин… то это приведёт к серьёзным и грозным последствиям в будущем. Поэтому я считаю, что с политической точки зрения необходимо продвинуться как можно дальше на восток Германии и поставить перед собой цель занять Берлин…»

И совершенно откровенное заявление английского премьер-министра, напуганного тем, что в странах, освобождённых советскими войсками, власть берёт в свои руки народ: «… Советская Россия стала смертельной опасностью для свободного мира… против её дальнейшего продвижения немедленно должен быть создан новый фронт».

Немецкие дивизии, по сути, без сопротивления складывали оружие перед американцами и англичанами, открывали им свободную дорогу на восток Германии. И всё же Эйзенхауэр и Монтгомери не успевали с исполнением тайных замыслов. Не успевали их сухопутные войска. Тогда союзники начали готовить воздушно-десантную операцию. Генерал К. Ф. Телегин пишет: «Об этой операции позднее рассказал мне в порыве откровенности командир 82-й американской воздушно-десантной дивизии генерал Джеймс Гейвин на приёме, устроенном Военным советом 1-го Белорусского фронта для союзного командования. По его

словам, на конец апреля – начало мая в штабе Эйзенхауэра усиленно готовилась высадка его дивизии и 1-й английской на аэродромы в районе Берлина с задачей занять его до подхода наших войск. Но сделать это не успели.

«У нас рассчитывали, – говорил Гейвин, – что после такой глубокой и быстротечной операции от Вислы до Одера раньше середины мая вы не будете в состоянии начать наступление. А вы разгромили немцев и заняли Берлин».

Да, заняли. Несмотря на невероятные трудности тех боёв, 25 апреля город был взят в кольцо. 30 апреля в подземном убежище отравился Гитлер. Его примеру последовал Геббельс. Геринг и Гиммлер бежали. 2 мая в 6 часов утра командующий обороной Берлина генерал Вейдлинг сдался в плен. За ним начали сдаваться солдаты и офицеры. Столица фашистской Германии капитулировала.

А война продолжалась – ещё долгую-долгую неделю.

Гитлер завещанием передал власть гросс-адмиралу Деницу, главнокомандующему флотом Германии.

Новый фюрер старался затянуть войну на южном участке советско-германского фронта, надеясь, что на других участках, где вошли в соприкосновение войска союзников с советскими войсками, произойдут конфликты, а вслед за ними и военные столкновения. Убедившись вскоре, что Англия и США не могут пойти на открытую борьбу с Советским Союзом, Дениц направил всю энергию на то, чтобы переместить как можно больше немецких войск из восточных районов Германии в районы, занятые англичанами.

Он предложил английскому фельдмаршалу Монтгомери – в обмен на беспрепятственную эвакуацию войск из Курляндии и Восточной Пруссии – принять капитуляцию германского флота. Монтгомери принял её; с 4 мая на море союзники и немецкие фашисты не трогали друг друга. Зато против нас флот противника продолжал борьбу.

Англичанам 4 мая сдались также сухопутные войска, находившиеся на северо-западе Германии, в Голландии и Дании.

В те же дни Черчилль приказал Монтгомери собирать оружие сдавшихся в плен немцев с тем, чтобы в любое время можно было вооружить немецкие дивизии и двинуть их против советских войск. Вот каким оказалось на деле дружелюбие союзников…

Встреча советских войск с союзными войсками на Эльбе могла начаться не рукопожатиями, а совсем иначе. Три момента исключили это «иначе»: сила советских армий; восхищение народов подвигами Советской страны в разгроме фашизма; нужда Соединённых Штатов Америки и Англии в наших сухопутных

войсках при ведении войны с Японией.

Начинался в жизни человечества долгий период, который называется «холодной войной».

А горячая война ещё идёт.

Вернёмся к балтийским лётчикам. В Данцигской бухте уже не было вражеских кораблей. Авиация перебазировалась на аэродромы, близкие к Померанской бухте и военно-морской базе Свинемюнде. В первые дни мая, помогая сухопутным войскам овладеть базой, лётчики совершили несколько массированных ударов по этому важному пункту фашистского сопротивления. Строго по расписанию, как поезда к вокзалу, шли с разных сторон на рейд и гавань группы штурмовиков, пикировщиков, бомбардировщиков. 3 мая несколько бомб попали в линкор «Шлезиен», который на следующий день был потоплен. Потонули крейсер «Орион», миноносец, 2 тральщика, сторожевой катер, плавучая батарея, 5 крупных транспортов и 3 танкера. Повреждения получили 3 эсминца, сторожевой корабль и другие суда.

5 мая военно-морская база Свинемюнде пала.

ВЗЯТИЕ КЁНИГСБЕРГА

Кёнигсберг был взят советскими войсками 9 апреля – за месяц до общей капитуляции фашистской Германии. Но мне хочется рассказ о военных действиях на Балтийском море закончить именно этим фактом.

…Есть у нас высший полководческий орден «Победа». Его звезда окаймлена бриллиантами, бриллианты и в лучах, расходящихся от звезды. Не знаю, вкладывался ли смысл в число драгоценных камней. Но я бы каждому бриллианту на ордене дал название. Самые крупные, что на остриях красной звезды, назвал бы «Битва за Москву», «Битва за Сталинград», «Оборона Ленинграда», «Оборона Севастополя», «Курская битва». Один из бриллиантов назвал бы непременно «Взятие Кёнигсберга».

У бриллианта много граней, каждая сверкает по-своему. Факт взятия Кёнигсберга тоже многогранный. Вглядываясь в грани этого факта, можно многое увидеть, над многим поразмыслить.

Как же мы взяли Кёнигсберг?

Этот город был построен на берегах реки Преголи у её впадения в залив Фриш-Гаф. Залив очень мелкий, и от порта до моря проложен судоходный канал – через пролив Зее-Тиф, что разделяет косу Фриш-Нерунг у базы Пиллау. Хотя «Кёнигсберг» в переводе с немецкого значит «Царская гора», местность в этом районе низменная, болотистая, некоторые участки лежат даже

ниже уровня моря. Берега залива песчаные, песком и дюнами покрыта коса, длина её 60 километров, а ширина до 3 километров. Вокруг города леса. Вот, пожалуй, и всё, что нужно сказать о местоположении Кёнигсберга.

Теперь – о его военных особенностях. На подступах к городу противник создал четыре оборонительных пояса. Они состояли из противотанковых рвов, минных полей, проволочных заграждений, рядов дотов и дзотов. Основой обороны были 24 форта с крепостными орудиями и гарнизонами в несколько сот человек. В самом городе были посадочные полосы для самолётов. Под землёй находились склады боеприпасов и продовольствия. Под землёй же работали военные заводы. Гитлеровцы называли Кёнигсберг городом-крепостью. Они предполагали держаться в нём столько времени, сколько понадобится. Такая оценка не была преувеличенной. Мы тоже согласны с ней, ведь оборона там готовилась заблаговременно, годами. И ещё – перед штурмом противник взорвал плотину на Преголи и затопил водой большие площади.

Наше командование поручило взять фашистскую крепость четырём армиям. Было в том сражении много наших самолётов и много артиллерии.

Особо стоит сказать о морской железнодорожной артиллерии. Она прибыла к Кёнигсбергу накануне штурма и заняла позиции восточнее города. Солдаты сухопутных войск помогли артиллеристам сделать съезды с основной железнодорожной линии в тупики, куда загонялись для стрельбы платформы с орудиями, окружили их земляными валами, построили укрытия для снарядов и зарядов. Командование общевойсковых армий дало морским пушкарям полк зениток, которые защищали громоздкие орудия от нападения с воздуха. Были выделены самолёты-корректировщики, в их обязанность входило докладывать на батареи о результате каждого выстрела. Хлопот с железнодорожной артиллерией много. Но и пользу она принесла большую. Снаряды полевых орудий до города не долетали, а железнодорожные орудия, как корабельные, били на 25-30 километров. И они – 24 ствола – сразу же принялись за свою разрушительную работу. Артиллеристы, заслужившие звание гвардейцев ещё при обороне Ленинграда, теперь разрушали мосты, причалы в порту, били по транспортам и кораблям в Кёнигсбергском канале, по фортам и дотам, по танковому заводу.

В это же время полевая артиллерия вела огонь по оборонительным рубежам. Четверо суток не стихал гул выстрелов и грохот взрывов. Но ужасающий ураган огня и металла

обрушился на врага 6 апреля – ударили одновременно 5 тысяч орудий. Кружили над фашистской крепостью самолёты – их было две с половиной тысячи!

Спасение от наших снарядов и бомб можно было найти только в подземельях. Кто не успел укрыться, тот неминуемо погибал. Но и в подземельях нельзя было просидеть долго – рушились высокие стены домов, покрывая город слоем камня и пыли, погребая гитлеровских солдат под развалинами.

В конце дня советские бойцы уже ворвались в город. Уцелевшие враги сопротивлялись яростно. Оживали молчавшие развалины, оттуда били пулемёты, летели гранаты. Тогда на помощь пехотинцам приходили танки, самоходные орудия и уничтожали очаги сопротивления.

Силы фашистов, их воля к борьбе быстро иссякали. Чтобы поддержать гарнизон, в город попытались прорваться гитлеровцы с Земландского полуострова. Найди на схеме обозначение этой неудавшейся попытки – синяя стрела, уткнувшаяся в красную линию. Несколько немецких частей прорвались в Кёнигсберг с юга. Но исправить ничего было нельзя. 9 апреля, после нового сокрушительного налёта нашей авиации, Кёнигсберг вывесил белые флаги.

Комендант города-крепости генерал Лаш говорил о тех боях:

«6 апреля началось русское наступление такой мощи, какой я ещё не встречал. Около 30 дивизий и два воздушных флота целыми днями беспрерывно засыпали крепость своими снарядами. Бомбардировщики и штурмовики летели волна за волной, сбрасывая свой губительный груз на пылающий город, лежавший в развалинах. Ни один немецкий истребитель не показывался в воздухе. Стиснутые на узком пространстве зенитные батареи были бессильны против таких масс самолётов и к тому же должны были, хотя и с трудом, вести бой с танковыми силами противника. Все линии связи оказались разорванными, и только пешие связные ощупью пробирались через поля развалин на свои командные пункты или к войскам».

При штурме Кёнигсберга было уничтожено почти 42 тысячи гитлеровцев, около 92 тысяч взято в плен. Это за четыре-то дня.

Город в наших руках. Но держится военно-морская база Пиллау. Под её прикрытием гитлеровцы переправляются через залив Фриш-Гаф на косу Фриш-Нерунг. С косы они намереваются эвакуироваться морем в Германию. Нельзя упустить врага. Упустишь – труднее придётся солдатам, которые берут Берлин.

Ещё до взятия Кёнигсберга к городу по железной дороге привезли 14 бронекатеров. Там, где дорога ближе всего подходит к реке, построили склиз и спустили катера с платформ на воду.

По Преголи бронированные кораблики, вооружённые двумя 76-миллиметровыми орудиями, прошли через разрушенный город и встали в канале. Таким образом, в тылу немецкой базы оказались наши корабли. Дело для катеров нашлось очень скоро.

Части 43-й армии (найди её стрелу на схеме) теснили врага. Уцелевшие гитлеровцы скопились на мысу северного берега залива и начали грузиться на различные суда и плоты, чтобы бежать в Пиллау. Дозорные катера (найди на схеме дозор) обнаружили движение этого «флота», по радио вызвали подмогу. Шесть наших бронекатеров вступили в бой с фашистами. По катерам стреляли четыре батареи из Пиллау, били прямой наводкой полевые пушки с берега, где шла погрузка. Прямым попаданием снаряда немцам удалось потопить бронекатер, четыре моряка из его экипажа были убиты. Оставшиеся пять катеров расправились с врагом.

Пушки на берегу были разбиты, две десантные баржи, охранявшие переправу, потоплены. Недаром бронекатера называли плавающими танками. Может быть, такое название лучше всего подтвердилось в этом истреблении врага. По крупным судам били в упор 20 танковых пушек, пулемёты хлестали по шлюпкам и рыбачьим лодкам, по плотам, по связкам досок, по автомобильным камерам, на которых плыли гитлеровцы. Катера ворвались в гущу плавсредств (так военные называют всё, что годится, чтобы держаться на воде), таранили их, разбивали, разламывали, секли носами и винтами.

В неудавшемся бегстве гитлеровцы потеряли 2 десантные баржи, 3 несамоходные баржи, 117 баркасов, шлюпок, лодок и около 5 тысяч солдат и офицеров…

Остатки разгромленных войск, оборонявших Земландский полуостров, скопились в базе Пиллау. Приличные остатки – больше 20 тысяч гитлеровцев. Уничтожение их поручили 11 –й гвардейской армии и морякам.

Гвардейская армия наносила удар с севера (найди её стрелу). Было ясно, что враг не выдержит этого удара и уйдёт из Пиллау через узкий пролив Зее-Тиф на косу Фриш-Нерунг. Оттуда он продолжил бы отход на соединение с группировкой, что находится между рекой Вислой и западным берегом залива Фриш-Гаф. Чтобы этого не случилось, командование решило высадить на косу два десанта. Один на восточный берег – с тех бронекатеров, что были доставлены по железной дороге, другой на берег западный – с катеров, действующих в море; их база в городке Кранц (найди его на схеме).

25 апреля военно-морская база Пиллау была взята. Гвардейцы, преследуя бежавшего врага, в ночь на 26-е

переправились через Зее-Тиф на паромах и автомобилях-амфибиях. В это же время высадились на косу оба десанта. Гвардейцы и десантники сжали противника с двух сторон. Посмотри, как шли отряды катеров. Найди позиции артиллерии, которая поддерживает высадку восточного десанта, найди отряд огневой поддержки западного десанта – по врагу стреляют бронекатера. Противник пытается помочь своим с моря – к косе подошли вражеские корабли и суда. Против них успешно действовали торпедные катера отрядов дальнего и ближнего прикрытия. Лётчики тоже помогли десантникам, они нанесли по косе бомбовые и штурмовые удары. Вечером 26-го около 6 тысяч гитлеровцев сдались десантникам в плен. Убитыми врат потерял на косе 1700 солдат и офицеров.

Так закончились боевые действия в районе Кёнигсберга.

Доблесть советских воинов была в них настолько высока, настолько важно было овладеть городом-крепостью, что наше правительство учредило медаль «За взятие Кёнигсберга».

Черняховский И. Д.

Если ты, читатель, не смотрел карту Калининградской области при чтении рассказа о боях в Восточной Пруссии, посмотри её на досуге. Данцигская бухта теперь называется Гданьской бухтой: поляки, получившие две трети территории

Восточной Пруссии, вернули бухтам, мысам, городам прежние названия – польские. Мы тоже утвердили свои названия. Коса Фриш-Нерунг стала Балтийской, залив Фриш-Гаф – Вислинским, залив Кёнигсбергский – Калининградским. Пиллау называется Балтийском. Есть на карте города Краснознаменск, Гвардейск, Геройское… А есть названия, в которых увековечены имена людей, отдавших жизнь за нашу победу на этой земле. Ласковое название приморского городка Ладушкин – это фамилия воина, Героя Советского Союза, погибшего на подступах к Кёнигсбергу. Город Гусев, город Нестеров, город Гурьевск – в их названиях тоже фамилии погибших героев: капитана, полковника и генерал-майора. Город Черняховск назван в память Ивана Даниловича Черняховского, дважды Героя Советского Союза, генерала армии, командующего 3-м Белорусским фронтом. 18 февраля 1945 года его смертельно ранило в грудь осколком снаряда.

Космодемьянский А. А.

На Калининградском полуострове – бывшем Земландском – между посёлками Русское и Славянское стоит посёлок Космодемьянское. Старший лейтенант Александр Анатольевич Космодемьянский отличился в боях на подступах к Кёнигсбергу, заслужил звание Героя Советского Союза. Батарея его самоходных орудий под ураганным огнём штурмовала форт «Королева

Луиза», пленила в нём три с половиной сотни гитлеровцев. Брат партизанки Зои погиб в бою на Земландском полуострове.

Недалеко от берега моря есть посёлок Романово, он напомнит тебе о лётчике, бросившем горящий самолёт на вражеский эсминец. В память о морских лётчиках, таранивших немецкие корабли, мыс на северо-западной оконечности Калининградского полуострова так и назвали – Тараном.

МОРСКИЕ ТРОФЕИ

После капитуляции у Германии осталось больше 500 военных кораблей (в их числе линкор, два крейсера, три десятка эсминцев и миноносцев, столько же подводных лодок) и больше 1300 вспомогательных судов. Это немалое военное богатство принадлежало теперь странам-победительницам.

17 июля 1945 года в Потсдаме, недалеко от Берлина, на послевоенную конференцию собрались главы правительств СССР, США и Англии. Среди множества вопросов там решался и вопрос о разделе трофейного флота. Черчилль требовал основную часть кораблей себе, ссылаясь на то, что англичане понесли огромные потери на море. И. В. Сталин не согласился с Черчиллем, настаивал на разделе германского флота на три равные части. Наше предложение и было принято. В это время произошли изменения в руководстве английской делегации. В Англии состоялись выборы, главой правительства стал Эттли, он сменил Черчилля на конференции в Потсдаме. (Американскую делегацию возглавлял Трумэн, ставший президентом США после смерти Рузвельта.)

Морские специалисты союзных стран довольно долго делили немецкий флот на три части, корабли-то были неравноценные – новые, старые, с повреждениями или без них. Когда были готовы три списка и все согласились, что каждая треть – это действительно треть, решили тянуть жребий. Английский вице-адмирал Д. Майлс снял свою фуражку, в неё положили свёрнутые в трубочки записки. От американцев тянул жребий контр-адмирал В. Пэри. Наш адмирал Г. И. Левченко вытянул советскому флоту крейсер, четыре эсминца, шесть миноносцев, десяток подводных лодок, 130 других кораблей и больше 400 вспомогательных судов.

Ты, читатель, верно, помнишь: в счёт раздела трофейных кораблей Италии мы получили от союзников в 1944 году во временное пользование линкор, лёгкий крейсер, несколько эсминцев и подводных лодок; после войны мы вернули эти корабли прежним владельцам. И получили итальянские корабли взамен.

НА ДРУГОМ КРАЮ ЗЕМЛИ

ОХОТСКОЕ МОРЕ

Окраинное море в северо-западной части Тихого океана. Омывает западное побережье Камчатки, Курильские острова и северныйберегХоккайдо, восточныйберегСахалина и побережье материка Азии. Через проливы Невельского и Лаперуза сообщается с Японским морем, через Курильские – с Тихим океаном.

На севере и северо-западе море мелководное, на юге глубокое, во впадинах глубиной до 3374 метров. В конце октября начинается образование льда, большая часть моря покрывается льдом.

По Охотскому морю осуществляется связь между Владивостоком и северными районами Дальнего Востока, Камчаткой, Курилами.

Названо по имени реки Охота, которая впадает в море.

У Советского Союза и Японии был договор о нейтралитете. Ненадёжный договор… Вот что записано в секретном японском документе, датированном июлем 1941 года: «Хотя наше отношение к германо-советской войне основывается на духе «оси» трёх держав, мы в настоящее время не будем вмешиваться в неё и сохраним независимую позицию, секретно завершая в то же время военную подготовку против Советского Союза… Если советско-германская война будет развиваться в направлении, благоприятном для империи, она, прибегнув к вооружённой силе, разрешит северную проблему и обеспечит стабильность положения на Севере». Как видишь, Япония не напала на нас лишь потому, что «в направлении, благоприятном для империи», война не развивалась.

Этот документ – один из множества фактов, подтверждавших враждебное отношение Японии к Советскому Союзу. Наша страна не могла оставаться равнодушной к бедствиям народов Азии, подвергшихся японской агрессии. Мы были озабочены и собственной безопасностью на Дальнем Востоке. Учитывая это, Советское правительство сочло нужным ещё 5 апреля 1945 года денонсировать советско-японский договор, то есть уведомить японцев о прекращении действия договора.

Антонов Н. В.

Конечно же, правительство Японии поняло, что СССР, одержав вместе с Англией и США победу над Германией, останется на стороне своих союзников, будет помогать им. Казалось, у японских политиков должно было хватить здравого смысла, чтобы кончить военные действия. К тому же 26 июля 1945 года США, Англия и Китай предложили Японии капитулировать. Нет. Ретивые генералы приготовили самурайские мечи и ножи, чтобы через несколько месяцев сделать харакири – взрезать себе животы, но от войны не отказались.

На что они надеялись? Они надеялись, что Советский Союз, пережив тяжелейшие годы, не начнёт крупных операций и можно будет войну затянуть, а в затяжке уладить дело с американцами и англичанами – отдать им много из того, что захвачено в странах Тихого океана, и этой ценой сохранить могущество Японии. США и Англия пойдут на такое, рассуждали японские правители, они заинтересованы иметь сильную Японию как противовес Советскому Союзу на Дальнем Востоке и в Азии. Ведь помогали же англичане и американцы японцам победить Россию в 1905 году. А тогда Россия была капиталистической, свой брат, не то, что СССР, который будет помогать азиатским странам в борьбе за независимость и социализм.

Была у японцев и другая надежда – военная. Американцам и англичанам, чтобы подготовить высадку на Японские острова сильного десанта – в несколько миллионов человек, – понадобились бы годы. В скором же времени американцы и англичане могли собрать для высадки не более полумиллиона – против 3 миллионов японских солдат, находившихся в метрополии. Но у японцев в несколько раз меньше кораблей и авиации… Это тоже не беда! Половину своих самолётов (5 тысяч из 10) японцы могут превратить в самолёты-торпеды; лётчики-смертники, камикадзе, готовы. Готовятся тысячи смертников-аквалангистов; при подходе десантных судов к берегу они опустятся под воду и ручными минами потопят их. Сами американцы считали, что для победы над Японией им надо подготовить армию в 7 миллионов человек. Военный министр США Стимсон предупреждал президента Трумэна: «Если мы осуществим высадку на одном из главных островов и начнём захватывать Японию, японцы, по всей вероятности, станут сопротивляться до последней капли крови… В результате мы понесём огромные потери и будем вынуждены оставить Японию».

В такой ситуации на Тихоокеанском театре огромное значение приобретал факт участия или неучастия в боевых действиях войск Советского Союза.

Мы были верны союзническому долгу, скорейшее окончание второй мировой войны и разгром милитаристской Японии были на пользу нам и всем народам Азии. Мы обещали союзникам вступить в войну с Японией через 2-3 месяца после окончания войны с Германией. И 8 августа 1945 года японский посол в Москве был извещён о том, что СССР с 9 августа находится в состоянии войны с его страной.

Всю середину лета 1945 года из Германии на Дальний Восток шли эшелоны с нашими войсками и боевой техникой. Советским воинам предстояла борьба с самой боеспособной армией Японии – Квантунской. Она насчитывала свыше миллиона солдат и офицеров и занимала Северо-Восточный Китай (Маньчжурию) и Корею. Именно эта армия должна была в случае развития советско-германской войны «в направлении, благоприятном для империи», отторгнуть от Советского Союза Приморье и большие территории Сибири.

Уже было закончено сосредоточение наших сухопутных войск на рубежах наступления. Советские корабли приготовились к высадке десантов и перехвату коммуникаций, по которым Квантунская армия снабжалась из Японии. И в это время, 6 августа, американцы взорвали над Хиросимой атомную бомбу.

… Группа учёных – создателей бомбы – просила

американское правительство взорвать бомбу над каким-либо пустынным островом Японии или на полигоне в США в присутствии японских представителей. Трумэн же принял решение нанести атомный удар по густонаселённому городу.

Три бомбардировщика Б-29 поднялись с аэродрома на Марианских островах и взяли курс на Японию. В двух летели учёные, чтобы исследовать результаты взрыва, а в третьем – урановая бомба «Малыш». Последний самолёт назывался «Энола Гэй» по имени матери командира бомбардировщика полковника Поля Тиббетса.

Впоследствии экипаж «Энолы Гэй» делился впечатлениями об атомной бомбардировке.

Люис, второй пилот: «Трумэн был тогда в Потсдаме и хотел, чтобы мы сбросили бомбу 2 или 3 августа. Но мы никак не могли взлететь из-за погоды. Ждали взлёта и нервничали, так что пришлось очень мало спать эти три или четыре дня».

Тиббетс: «Мы старались подобрать в экипаж людей уравновешенных, без предрассудков».

Люис: «Да, мы знали, что открываем новый век. Мне рассказывали о возне с ураном ещё в сентябре 1944 года».

Джэппсон, снаряжающий: «Примерно через час после взлёта я спустился в бомбовый отсек. Там стояла приятная прохлада. Мне надо было поставить всё на боевой взвод и снять предохранители. Потом снова можно было любоваться освещённым луной океаном…»

Курзенков С. Г.

Люис: «Командир дремал. Иногда и я покидал своё кресло: машину на курсе держал автопилот. Нашей основной целью была Хиросима, запасными – Кокура и Нагасаки».

Ван Кирк, штурман: «Погода должна была решить – какой из этих городов нам предстояло избрать для бомбёжки».

Ферреби, бомбардир: «Мы очень удачно, с первого захода, вышли на цель. Я видел её издалека, так что моя задача была простой».

Нельсон, радист: «Как только бомба отделилась, самолёт развернулся на 160 градусов и резко пошёл на снижение, чтобы набрать скорость. Все надели тёмные очки».

Кэрон, стрелок: «Я делал снимки. Это было захватывающее зрелище: гриб пепельно-серого дыма с красной сердцевиной. Видно было, что там, внутри, всё горит. Крутящаяся, кипящая мгла, похожая на лаву, закрыла весь город и растекалась в стороны к подножиям холмов».

Шумард, стрелок: «Всё в этом облаке было смертью. Вместе с дымом вверх летели какие-то чёрные обломки. Один из нас сказал: «Это души японцев возносятся на небо».

По американским подсчётам, «на небо вознеслось» 74 тысячи душ. Японцы, считая безвинно погибших людей, назвали цифру втрое большую.

Отметим, читатель, для себя в рассказе лётчиков: им было

приказано сбросить бомбу 2 или 3 августа. К этой дате мы вернёмся.

Разгром империалистической Японии. 9 августа – 2 сентября 1945 г.

Сейчас многие думают, что после второй бомбы, сброшенной 9 августа в Нагасаки, Япония и капитулировала. Как это ни покажется странным или невероятным, но атомные взрывы, испепелившие два города, правителей Японии не очень-то испугали. Испугали, конечно, но не настолько, чтобы они запросили мира. Японские историки и исследователи после войны написали многотомную «Историю войны на Тихом океане». Вот что сказано в ней по этому поводу: «…при появлении атомной бомбы государственная политика, определённая Высшим советом по руководству войной, не претерпела никаких изменений».

Чем был по-настоящему поражён Высший совет, так это наступлением наших армий. Читаем в «Истории войны на Тихом океане»: «…вступление Советского Союза в войну против Японии явилось ошеломляющим ударом для руководителей японского правительства… и развеяло все надежды на продолжение, войны».

А вот что говорил в том роковом августе 1945 года генерал К.

Ченнолт, командующий американскими ВВС в Китае: «Вступление Советского Союза в войну против Японии явилось решающим фактором, ускорившим окончание войны на Тихом океане, что произошло бы даже в том случае, если бы не были применены атомные бомбы. Быстрый удар, нанесённый Красной Армией по Японии, завершил окружение, приведшее к тому, что Япония оказалась поставленной на колени».

Я привожу эти цитаты, мой дорогой товарищ, для того, чтобы ты слышал голос японцев, голос американцев и не заподозрил меня в излишне высокой оценке роли наших воинов при разгроме восточного агрессора – Японии.

Как же враги, грозившиеся отнять у нас Приморье и Сибирь, оказались «поставленными на колени»?

Рассмотри карту тех сражений и боёв. Обрати внимание на горы. Большой Хинган, Малый Хинган, Восточно-Маньчжурские горы – японцы никак не ждали, что эти препятствия, воздвигнутые природой, смогут преодолеть наши танковые войска и тяжёлая артиллерия. Войскам Забайкальского фронта придётся ещё идти по пустыне, войскам 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов – по дикой тайге, по болотам, форсируя широкие быстрые реки.

Воины Забайкальского фронта мощными, стремительными ударами рассекли на своём направлении фронт врага, отрезали войска противника от штабов и баз снабжения. 6-я гвардейская танковая армия двигалась так быстро, что горючим её снабжали самолёты. За пять дней – с 9 по 14 августа – наши армии продвинулись здесь на 250-400 километров, овладели важными железнодорожными узлами, подошли к основным промышленным городам Маньчжурии.

Войска 1-го Дальневосточного фронта начали наступление ночью, когда хлестал ливень и тайга озарялась молниями. Им пришлось преодолевать, казалось бы, неприступные оборонительные районы японцев. Посмотри, сколько их в углу, образованном реками Амур и Уссури. На сотни километров протянулись мощные рубежи врага восточнее города Муданьцзяна, они прикрывают равнинную часть Маньчжурии. Повсюду японцы бросаются в контратаки. У Муданьцзяна брошена в бой бригада смертников – сухопутных камикадзе. Но японское командование пропустило момент, когда можно было организовать оборону на новых линиях. Наши войска устраивают войскам Квантунской армии хороший «котёл». Видишь, как сходятся острия красных стрел. Это окружают противника с северо-запада войска маршала Родиона Яковлевича Малиновского, а с востока маршала Кирилла Афанасьевича

Мерецкова!

Вдоль реки Сунгари ведёт наступление 2-й Дальневосточный фронт, которым командует генерал армии М. А. Пуркаев. Здесь советским воинам пришлось форсировать Амур, преодолеть укреплённые районы, а затем двигаться в горах. Несмотря на все трудности, войска фронта к 14 августа, устремившись к Харбину, прошли самую тяжёлую треть пути.

День 14 августа не простой. Японское правительство 14-го числа приняло решение о капитуляции. Оно известило об этом правительства США, СССР. Англии и Китая. Но вот своему народу и своей армии ещё ничего не сказало. Страшились говорить, что из идеи Великой Восточной империи ничего не получилось, что напрасны огромные жертвы в армии и на флоте, что не должно было быть налётов американской авиации, долгое время сжигавшей жилища японцев напалмом. Вдобавок жуткая гибель Хиросимы и Нагасаки…

Всё же 15-го числа пластинка с рескриптом императора была проиграна по радио. Но капитуляцией на деле и не пахло, в рескрипте о ней ничего конкретного не говорилось. Японские войска продолжали сражаться, так как приказа о прекращении боевых действий не было.

Советские армии по-прежнему стремительно, с ожесточёнными боями двигались вперёд. К 18 августа Квантунская армия была отрезана от японских войск, находившихся в Китае. Видишь, красная стрела Забайкальского фронта достигла Порт-Артурского залива. Войска 1-го Дальневосточного фронта отсекли японцев от моря – стрела в направлении Пхеньяна. Ожесточённое сражение произошло у города Муданьцзяна. Японцы потеряли в нём больше 40 тысяч солдат и офицеров. В Харбине, к которому приближались советские сухопутные войска, 18 августа был высажен парашютный десант. Он пленил начальника штаба Квантунской армии генерала Хата. На следующий день воздушный десант захватил город Чанчунь и пленил главнокомандующего Квантунской армии генерала Ямаду. Вся вражеская группировка оказалась рассечённой на части. Во многих местах японцы начали складывать оружие.

Так же стремительно, напористо, неожиданно, как наши пехотные, танковые и авиационные соединения, действовали моряки Тихоокеанского флота под командованием адмирала И. С. Юмашева и Амурской флотилии под командованием контр-адмирала Н. В. Антонова.

Юмашев И. С.

Корабли флотилии мониторы, канонерские лодки, бронекатера, всего 200 единиц шли по реке Сунгари. По её долине продвигались и сухопутные войска. Моряки высаживали десанты в тыл японцев, поддерживали артиллерийским огнём свои стрелковые части. Сунгарийская флотилия противника – 30 кораблей, – не принимая серьёзного боя, уходила в верховья реки. У Харбина она была настигнута, захвачена и разоружена.

Ещё 8 августа начал действия Тихоокеанский флот – ушли на позиции подводные лодки: к Северной Корее, на подходы к заливу Петра Великого и к Южному Сахалину, чтобы пресечь возможные выходы японских кораблей. На другой день, одновременно с наступлением сухопутных войск, морская авиация подвергла бомбёжкам и штурмовкам северо-корейские порты и находящиеся в них транспорты и корабли японцев.

11 августа торпедные катера высадили десант в порт Юки – юго-западнее Владивостока, а 12 августа – в порт Расин (теперь Начжинь). Морская пехота за сутки очистила порт и город от врага.

Гораздо труднее проходил захват порта Сейсин (теперь Чхончжинь). К нему устремились японские части, уходившие из-под удара наших сухопутных войск. Надеявшихся переправиться в Японию с каждым днём становилось всё больше и больше.

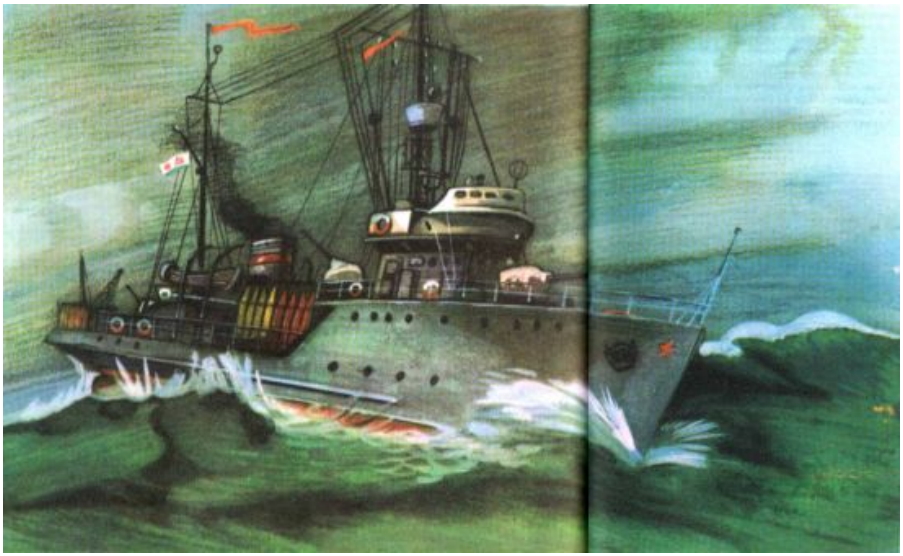
Две сотни советских бомбардировщиков и 70 истребителей подвергли Сейсин обработке с воздуха. 13 августа в порту высадились с торпедных катеров морской разведывательный отряд и пулемётная рота, а через день батальон морской пехоты. Японцы яростно атаковали десантников. Положение становилось критическим. Тогда был создан отряд из экипажей кораблей. Он, хотя и малочисленный, вышел в тыл японцам и несколько облегчил положение десанта, помог ему продержаться до прихода основных сил – 5 тысяч бойцов на 12 десантных кораблях и 7 транспортах. Эсминец «Войков», минный заградитель «Аргунь», сторожевые корабли «Метель», «Вьюга», другие корабли и катера артиллерийским огнём обеспечили высадку. Десантники, поддержанные авиацией, 16 августа овладели важной военно-морской базой противника. Через несколько дней десант занял и порт Гензан Вонсан… Так моряки закрыли дорогу войскам противника для отхода в Японию.

Освобождение Южного Сахалина заняло десять дней. Посмотри карту. Сухопутные войска движутся по острову на юг. А моряки высаживают десанты. Важные портовые города берутся одновременными ударами с суши и моря.

С 18 августа началось освобождение Курильских островов. Они были очищены от врага сравнительно легко, кроме Сюмусю (теперь Шумшу) и Парамушира.

В высадке на Сюмусю участвовало несколько десятков кораблей. Их поддерживала береговая артиллерия с мыса Лопатка, что на оконечности Камчатского полуострова. С первых же минут начались ожесточённые бои. Японцам удалось потопить сторожевой катер и четыре десантных корабля. Когда десантники прорвались в глубь острова, японцы бросили против них 20 танков. Моряки подбили 15 и остановили атаку. Вскоре японская пехота с шестью танками снова перешла в контратаку. Нашим пришлось отойти с высоты, за которую шёл бой. Трижды в течение пяти часов эта важная позиция переходила из рук в руки. На высоте доблестно погибли старшина первой статьи Н. А. Вилков и матрос П. И Ильичёв. Взвод старшины попал под пулемётный огонь бетонного дота. Моряки залегли, а надежды на спасение не было. Тогда раненый командир подполз к доту и закрыл собой амбразуру. Моряки поднялись, но в эту минуту ударил пулемёт из второй амбразуры. Спасая товарищей, её закрыл собой Ильичёв. Японцы капитулировали на Сюмусю лишь на шестой день.

Взятием последнего острова Курильской гряды 3 августа закончились боевые действия советских войск и флота на Дальнем Востоке.



Сторожевой корабль.

Всего 23 дня понадобилось воинам, закалённым в войне с немецкими фашистами, чтобы разгромить сильнейшую армию Японии. Из огромного «котла» спастись удалось немногим. Убитыми враги потеряли 84 тысячи, около 600 тысяч солдат и офицеров сдалось в плен. В ходе боевых действий было захвачено: 4310 орудий, миномётов и гранатомётов, 686 танков, 860 самолётов, 13 тысяч пулемётов, около 700 складов с военным имуществом. Японцы за всю войну не терпели такого поражения.

…2 сентября американский линкор «Миссури» вошёл в Токийскую бухту и бросил якорь. На его просторной бронированной палубе поставили стол, поблизости выстроились шеренги моряков. По одну сторону стола стояли адмиралы и генералы союзных стран, по другую – японцы. В такой обстановке был подписан Акт о капитуляции Японии.

Вторая мировая война закончилась.

ПАРНИ, КОТОРЫХ НЕ ИСПУГАЕШЬ

Помнишь, читатель, пилот бомбардировщика «Элона Гэй» говорил, что президент США Трумэн приказал сбросить атомную бомбу на японцев 2 или 3 августа? Никаких военных событий, ход которых надо было бы круто изменить, в то время на Тихоокеанском театре не происходило. Так что же, 2 и 3 августа – прихоть президента? Нет. Не прихоть. Эти даты были обусловлены стратегией империалистической политики. 2 августа в пригороде Берлина Потсдаме заканчивалась конференция трёх великих держав-победительниц – СССР, США и Англии. На ней вырабатывались принципы послевоенного устройства мира. Трумэн и хотел закончить её ошеломляющим фактом – сообщением о страшной силе американского оружия.

На конференцию Трумэн прибыл тоже с грохотом. За день до её открытия на американском испытательном полигоне была взорвана первая атомная бомба. Находясь в Европе, президент не знал результатов испытания. Ожидая нужное известие, он говорил своим советникам: «Если она, как я думаю, взорвётся, то у меня, конечно, будет дубина для этих парней». Бомба взорвалась. Сговорившись с Черчиллем, Трумэн сообщил о взрыве И. В. Сталину. Но ни Сталин, ни другие «парни», входившие в советскую делегацию, – нарком иностранных дел В. М. Молотов, заместитель Верховного Главнокомандующего Г. К. Жуков, начальник Генерального штаба А. И. Антонов, нарком Военно-Морского Флота Н. Г. Кузнецов, – не испугались. К удивлению, даже к обиде Трумэна, «парни» восприняли известие спокойно и не изменили своих прежних взглядов на послевоенное устройство мира. Как вспоминает маршал Жуков, И. В. Сталин сказал тогда делегации: «Надо будет переговорить с Курчатовым об ускорении нашей работы».

Правители Соединённых Штатов Америки и Англии в те дни, конечно, не во всей полноте предвидели послевоенные изменения. Если бы Черчиллю сказали тогда, что Великобритания лишится заморских земель, находившихся в её собственности веками, он рассмеялся бы. И Трумэн рассмеялся бы, если бы ему сказали, что в 90 милях от США возникнет социалистическая Куба. Но многое они предвидели. И они знали, что Советский Союз примером своим и делом будет помогать народам строить социализм, освобождаться от колониального гнёта, бороться за национальную независимость. Вот Трумэн и махал на конференции «атомной дубиной» – надеялся испугать нас, чтобы мы чуть ли не руки подняли перед союзниками, чтобы признали

за США роль мирового диктатора.

Но мы – парни, которых не испугаешь. Советский Союз ни на шаг не отклонился от своей политической линии. Под руководством Коммунистической партии советские люди продолжали борьбу, конечная цель которой – мир и счастье на всей Земле.

Империалисты, по сути, сразу, как кончилась вторая мировая война, стали готовить войну против СССР и стран социалистического содружества. Они создали агрессивный блок НАТО, другие военные союзы. Натовские страны полукольцом окружили нас с запада и юго-запада. В то время средством доставки ядерного оружия у США были только самолёты. Заняв бомбардировщиками базы натовских стран, американцы грозили нам атомной бомбардировкой. Самолёты американских авианосцев тоже получили ядерное оружие. Корабли США и НАТО стали угрожать нам с моря. На морях и океанах империалисты чувствовали себя единоличными хозяевами. Большинство натовских стран лежат у моря – США, Англия, Франция, Италия, ФРГ, Канада, Турция, Греция, Норвегия, Дания, Исландия, – поэтому под их контролем оказались важнейшие коммуникации, а также выходы Балтийского и Чёрного морей. Политические и военные руководители США потирали руки от удовольствия: как всё ловко получается! Президент Трумэн не удержался от нового высказывания: «США сегодня – самая сильная держава, нет никого сильнее её… Обладая такой силой, мы должны взять на себя ответственность и руководство миром».

Курчатов И. В.

…Мы говорили, что одна храбрость не даёт победы над врагом. И уж никак не заменит храбрость атомного оружия. Учёные во главе с академиком Игорем Васильевичем Курчатовым работали днями и ночами, чтобы скорее дать нашим Вооружённым Силам атомную бомбу. В 1949 году в Советском Союзе был проведён первый атомный взрыв. В 1953 году была испытана водородная бомба. Это оружие появилось у нас на полгода раньше, чем у американцев. Так из рук империалистов мы выбили «атомную дубину».

Королёв С. П.

Другая группа учёных во главе с академиком Сергеем Павловичем Королёвым создавала ракеты. Запуск первого искусственного спутника Земли в 1957 году и первый космический полёт старшего лейтенанта Юрия Алексеевича Гагарина в 1961 году не были делами военными. Но каждому тогда стало ясно, что создаваемые учёными, инженерами и рабочими могучие ракеты могут достигать любой точки земного шара. Так потеряли прежнее значение земные расстояния, а широченные океаны перестали быть гарантией от ответного удара. Американские империалисты впервые за всю историю оказались в положении, когда война, начатая ими, тут же перекинулась бы на их территорию.

Итак, в ответ на угрозы империалистов советские люди создали ракетно-ядерное оружие, которое стало надёжным щитом Родины. И не только щитом. Оно превратится в карающий меч, если агрессоры осмелятся напасть на нас и наших друзей.

ФЛОТЫ РАКЕТНО-ЯДЕРНОГО ВЕКА

Никогда ещё наука и техника не развивались так стремительно, как в наше время. Ядерное оружие, ракеты, атомные энергетические установки, средства радиоэлектроники и автоматики – всё это создано в последние десятилетия, и всё это поступило в распоряжение флотов. Бывало, даже изобретение нового орудия влекло за собой изменения в конструкции корабля и способах его действия. Неудивительно, что в ракетно-ядерный век корабли и способы их действия изменились в корне.

Японцам, чтобы разгромить Тихоокеанский флот США, понадобилось направить к Гавайским островам огромную эскадру. В наше время тех же результатов мог бы достичь одиночный корабль, будучи за тысячи миль от цели. Мощность всех взрывов, которые произведены человечеством со дня изобретения пороха до изобретения атомной бомбы, равна 10 мегатоннам; такой же мощностью обладают, к примеру, пять американских ракет «Поларис». В наше время катер, вооружённый ракетами, может практически вступить в единоборство с любым другим кораблём и одержать над ним победу. Действуя против берега, современные флоты своими ракетно-ядерными ударами способны разрушить промышленные центры, уничтожить войска в местах дислокации и другие важные военные объекты.

Современный флот – это очень сложная и многогранная организация. В его составе имеются разнородные боевые силы, включающие подводные лодки, надводные корабли, морскую авиацию и другие средства. Флот, таким образом, стал важнейшим видом вооружённых сил, способным влиять на ход и исход всей войны. В будущей войне моря и океаны станут не только местом борьбы на коммуникациях и местом боёв кораблей и сражений эскадр, но, как считают заправилы НАТО, в первую очередь районами для запуска ракет с ядерными зарядами.

ПОДВОДНЫЕ ЛОДКИ

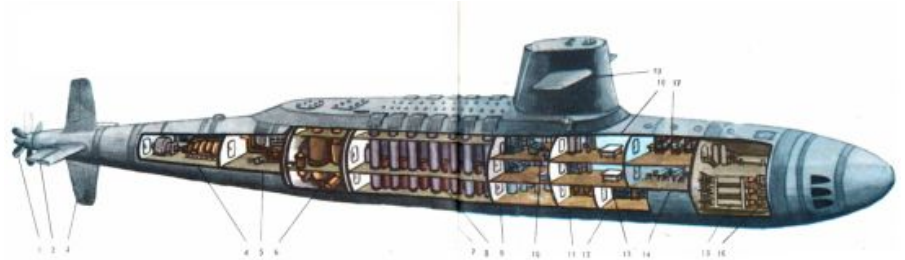


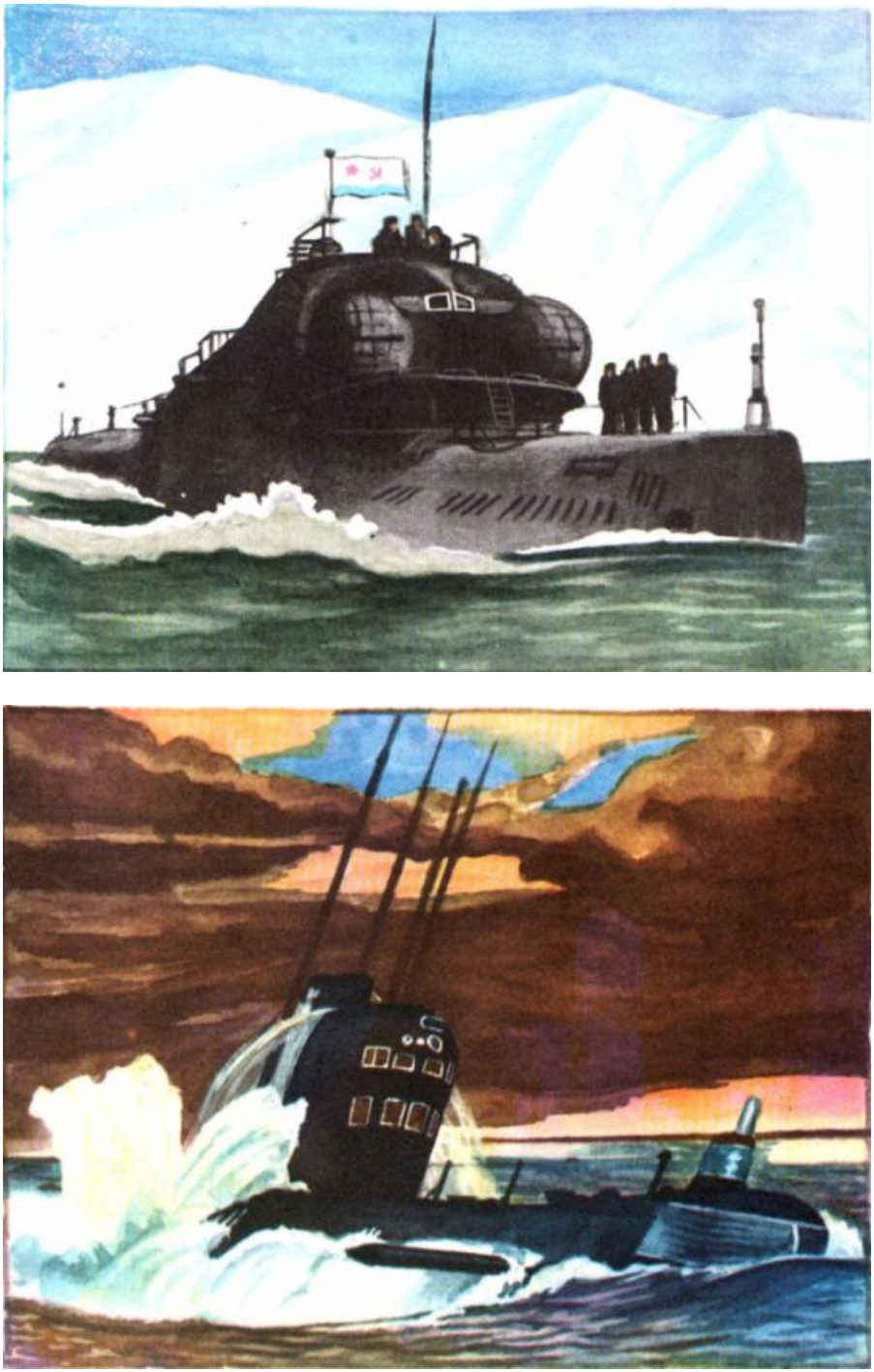
Схема атомной ракетной подводной лодки.

1 – гребной винт; 2 – горизонтальные рули; 3 – вертикальные рули; 4 – редуктор и паровая турбина; 5 – вспомогательные механизмы; 6 – парогенератор и ядерный реактор; 7 – воздушные баллоны; 8 – ракеты; 9, 10 – пост пусков ракет; 11 – жилой отсек; 12, 13 – аккумуляторный отсек и аккумуляторы; 14 – столовая; 15 – запасные торпеды; 16 – торпедные аппараты; 17 – помещение для команды; 18 – центральный пост; 19 – горизонтальные рули.

Рассказ о современных кораблях мы начинаем с подводных лодок, а во всех предыдущих главах мы начинали его с линейных кораблей. Линкоры, знаменитые своей мощной артиллерией, в век ракет потеряли пальму первенства, подводные же лодки приобрели важнейшее значение. Они наряду с морской авиацией являются главной ударной силой флота. Раньше подводные лодки были опасны лишь для кораблей и транспортов, теперь они могут уничтожать целые эскадры в базах, а на суше – промышленные и административные центры, скопления войск, узлы железных и шоссейных дорог, стартовые площадки ракет, аэродромы и всё другое, что имеет большую ценность для противника.

Одни ракеты не сделали бы лодку столь грозной. Атомная энергетическая установка (проще – атомный двигатель) позволяет лодке не заботиться о топливе и находиться в океане месяцами, длительное время не всплывать на поверхность, двигаться с большой скоростью – энергии хватает на всё. Новые прочнейшие сплавы металлов позволили лодке погружаться на большие глубины.

Современные подводные лодки не одинаковые. Есть с атомными двигателями, есть дизель-электрические. Атомные могут быть подводными ракетоносцами или многоцелевыми лодками, предназначенными для уничтожения надводных кораблей, транспортов и подводных лодок противника.



Наши подводные лодки.

Ракетный залп из-под воды.

Империалистические державы строят атомные ракетоносцы водоизмещением 6-8 тысяч тонн, длина их свыше 100 метров, скорость подводного хода 30 узлов, глубина погружения несколько сот метров, экипаж – до полутораста человек. Размеры подводных ракетоносцев всё увеличиваются. В США создана новая ракетно-ядерная система «Трайдент». В настоящее время 5 лодок этой системы переданы в боевой состав ВМС США. Головная из них – «Огайо» водоизмещением 18 тысяч тонн включена в состав

флота в ноябре 1981 года. Первый американский атомный подводный ракетоносец «Д. Вашингтон», вышедший на боевое патрулирование в 1960 году, имел 16 баллистических ракет «Поларис», дальность полёта которых около 3 тысяч километров. Ракетоносец США нового типа оснащён 24 многозарядными баллистическими ракетами с дальностью полёта почти 12 тысяч километров.

По своим боевым возможностям одна лодка типа «Огайо» превосходит 10 лодок со 160 ракетами «Поларис А-3». В текущем десятилетии завершится формирование эскадры в составе 10 атомных подводных ракетоносцев типа «Огайо» на Тихом океане и начнётся развёртывание второй эскадры на Атлантике.

Чтобы ракета, пущенная с подводной лодки, попала в цель, лодка должна точно знать своё местоположение в океане. А это не так просто сделать, особенно в сложных метеорологических условиях. Американцы в помощь лодкам запускают навигационные спутники. Для повышения точности плавания используются высокоточные навигационные системы.

Подводные ракетоносцы вооружены ещё и торпедами – для самозащиты. А на многоцелевых лодках торпеды являются основным оружием. На иностранных лодках имеются электрические, акустические и управляемые по проводам торпеды с обычными или ядерными зарядами. Дальность действия торпед от 5 до 18 километров. На большей дальности применяются ракето-торпеды. Ракето-торпеда выпускается под водой, затем летит в воздухе со сверхзвуковой скоростью и снова погружается в воду, где с помощью приборов наводится на цель. Её ядерный заряд способен уничтожить атакованную лодку в радиусе 2 километров. Дальность действия ракето-торпеды США 60 километров. На таком же расстоянии лодка способна обнаружить цель своими гидролокаторами.

Многоцелевые лодки США меньше ракетоносцев, их водоизмещение до 5 тысяч тонн. Ход у них быстрее, они бесшумнее, что важно для скрытности действий. Почти всю носовую часть лодки занимает гидроакустическая аппаратура. Торпедные аппараты размещаются по бортам.

Подводный флот США несёт потери из-за аварий и катастроф. На большой глубине затонула многоцелевая атомная лодка «Трешер», затем погибла атомная лодка «Скорпион», при испытании затонула глубоководная лодка «Сивулф». У англичан погибла новейшая лодка «Конкеррор».

По известным соображениям мы не можем подробно описывать наши подводные лодки. Но у нас есть все основания гордиться ими и их оружием – дальнобойными ракетами и

самонаводящимися дальноходными торпедами. Адмирал Флота Советского Союза Сергей Георгиевич Горшков пишет: «Советские атомные подводные лодки – это первоклассные современные боевые корабли универсального назначения, обладающие оперативно-боевыми свойствами, которые позволяют им решать широкий круг задач в Мировом океане. Они не только являются носителями тактического оружия, но и составляют неотъемлемую часть стратегического ядерного щита нашей Родины. Об этом знают и агрессоры. И они не могут не считаться с тяжелейшими последствиями возмездия, которое может обрушиться на них с океанских направлений, если они посмеют развязать ядерную войну. Замечательные качества наших атомных подводных лодок подтверждались на многих учениях и в дальних походах. Советские подводники не раз достигали Северного полюса. Группа атомных подводных лодок совершила беспримерное в истории плавание вокруг света без всплытия на поверхность…»

МОРСКАЯ РАКЕТОНОСНАЯ АВИАЦИЯ

Одна из основных ударных сил Военно-Морского Флота СССР – морская ракетоносная авиация. Реактивные самолёты дальнего действия летают при любой погоде. Они имеют большую скорость, их вооружение – ракеты с ядерными и обычными зарядами. Эти самолёты могут наносить мощные удары по соединениям кораблей противника, по крупным конвоям, идущим в океане и удалённых районах морей, а также по военно-морским базам и портам.

Кроме ракетоносной авиации, военно-морские флоты имеют противолодочные самолёты. Их отличительная особенность большая скорость при полёте в район поиска, малая скорость и малая высота при самом поиске подводной лодки. Самолёты или наводят на цель противолодочные корабли, или сами атакуют подводную лодку торпедами, бомбами.

АВИАНОСЦЫ

Как и во вторую мировую войну, флоты США и Англии имеют в своём составе авианосцы. Эти корабли называют «плавучими аэродромами агрессии», ведь они предназначены для действий за тысячи миль от своих берегов. В задачу авианосцев входит нанесение ядерных ударов по объектам на суше, а также охрана эскадр, десантных отрядов и конвоев на переходе морем. Само собой разумеется, что при строительстве новых авианосцев используются достижения науки и техники. Один из самых

крупных авианосцев США, «Энтерпрайз» (водоизмещение 90 тысяч тонн), имеет атомную силовую установку, которая позволяет кораблю ходить со скоростью 30 узлов, он может пройти 400 тысяч миль на одной заправке ядерного топлива. В ангарах корабля размещаются 120 самолётов – истребителей и штурмовиков; штурмовики вооружены управляемыми ракетами класса «воздух – поверхность» и «воздух – воздух», а также атомными и обычными бомбами.

Авианосцы и в прежнее время – до изобретения ракетного оружия – требовали сильной обороны от самолётов и подводных лодок. Сами американцы считают, что «достаточно одному атомному заряду (мощностью в несколько десятков тонн) упасть на расстояние полукилометра от авианосца, чтобы тот пошёл ко дну». Огромный корабль выходит из строя при повреждении взлётно-посадочной палубы. Во время войны США против Вьетнама на «Энтерпрайзе» под крылом самолёта, стоявшего на палубе, случайно взорвалась ракета. За первым взрывом последовали новые. Начался пожар, который гасили несколько дней. При этом погибло много моряков, а корабль надолго вышел из строя.

Зная о всевозрастающей уязвимости авианосцев, американцы продолжают строить их. Эти корабли особенно нужны им в обычных, локальных, войнах против стран, которые не имеют своего сильного флота.

«Наряду с развитием авианосцев, – пишет Сергей Георгиевич Горшков, – во флотах различных стран всё большее внимание уделяют постройке качественно новых кораблей – вертолётоносцев. Их имеет и наш Военно-Морской Флот».

РАКЕТНЫЕ И АРТИЛЛЕРИЙСКИЕ КОРАБЛИ

Ракетный крейсер.

Несмотря на могущество подводных лодок и морской авиации, надводные корабли являются важной составной частью

военно-морских флотов. Ведь у флота, кроме нанесения ракетно-ядерных ударов по объектам на суше, остались и прежние задачи: уничтожение кораблей противника, помощь сухопутным войскам в прибрежных районах, высадка своих десантов и отражение десантов противника, поиск и уничтожение подводных лодок, постановка мин и обезвреживание мин, поставленных противником, охрана коммуникаций, дозорная служба и другие.

Сторожевой корабль.

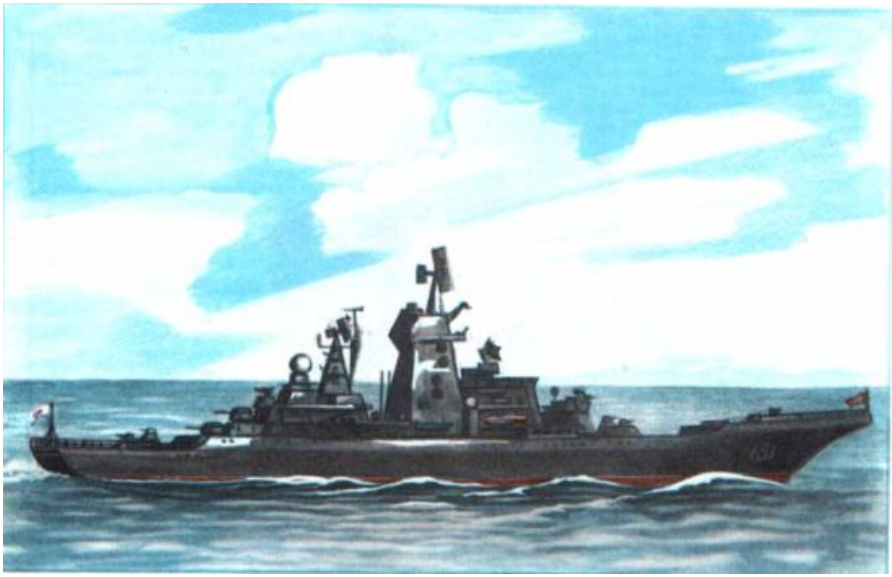
Современные надводные корабли существенно отличаются от прежних. Они вооружены: против кораблей и целей на берегу – ракетами и артиллерией, против самолётов – зенитными

управляемыми ракетами, против подводных лодок – торпедами, ракето-торпедами и глубинными бомбами. Радиоэлектронное оборудование даёт им возможность обнаруживать цели на большом расстоянии и вести по ним точную стрельбу. Корабли обладают высокой скоростью хода. На многих кораблях есть противолодочные вертолёты.

Названия многих новых надводных кораблей звучат привычно: тяжёлые и лёгкие крейсеры, эскадренные миноносцы, фрегаты, сторожевые корабли, торпедные катера. А таких названий, как ракетный крейсер, ракетный катер, раньше не было. Корабли этих классов родились на нашем флоте. Сергей Георгиевич Горшков в книге «Морская мощь государства» пишет: «В составе надводных сил нашего флота имеются быстроходные ракетные корабли и катера. Эти корабли, бесспорно, являются гордостью отечественного кораблестроения. Они стали родоначальниками нового направления в мировом надводном кораблестроении…»

Противоракетные катера.

Наиболее современным кораблём Военно-Морского Флота СССР, воплотившим в себе последние достижения научно-технического прогресса, самоотверженный труд советских учёных, конструкторов, инженеров и рабочих, является атомный ракетный крейсер «Киров», названный в честь пламенного революционера-ленинца.



Атомный ракетный крейсер «Киров».

Может возникнуть вопрос – зачем нужны кораблям артиллерийские орудия, если есть ракеты? Полтора десятка лет назад многие зарубежные специалисты считали ствольную артиллерию отжившим оружием. Появление ракет, казалось, подвело черту под тысячелетним господством пушки. Однако ныне артиллерия начала свою новую пору. Технические достижения и научные исследования позволили делать орудия совершеннее прежних – с большой дальностью стрельбы, с высокой скорострельностью. Изменились и снаряды – они могут быть с различными радиолокационными устройствами.

Иностранная печать сообщает о работах над активно-реактивным снарядом; в нём соединены обычный орудийный снаряд и ракета. Выстреленный из орудия, он сначала летит как снаряд, затем – на траектории – включается реактивный двигатель, дальность стрельбы значительно увеличивается. Значит, можно уменьшить вес орудия без уменьшения дальности стрельбы или, не уменьшая веса орудия, увеличить его калибр. Активно-реактивный снаряд крупного калибра может пролететь по отлогой траектории несколько тысяч километров. При стрельбе в зенит может подняться на полторы тысячи километров. Им, как полагают за рубежом, можно будет сбивать баллистические ракеты и высотные самолёты.

ПРОТИВОЛОДОЧНЫЕ КОРАБЛИ

Противолодочный крейсер «Киев».

Подводные лодки – атомные ракетоносцы ядерными ударами могут решительным образом влиять на ход и исход войны. Значит, борьба с подводными ракетоносцами приобретает первостепенное значение. На всех флотах для этого есть противолодочные корабли.

Прекрасными противолодочными кораблями располагает и наш флот. Они быстроходны, вооружены дальноходными самонаводящимися торпедами и глубинными бомбами. Большие противолодочные корабли предназначены для действий в океане,

малые – для поиска и уничтожения лодок в прибрежных районах. «Необходимо отметить наш приоритет… в создании противолодочных крейсеров, вооружённых вертолётами», – пишет С. Г. Горшков.

Большой противолодочный корабль и его вертолёты.

Вертолёты есть не только на крейсерах, но и на других противолодочных кораблях. Они считаются важным средством поиска, обнаружения и уничтожения подводных лодок.

Поднимаясь с корабля, вертолёт обследует обширные районы, где могут таиться подводные лодки. Он сбрасывает в воду радиогидроакустические буи, которые излучают акустические волны, принимают их отражение от подводной лодки и передают информацию на вертолёт. Вдобавок к буям вертолёт может опустить в глубину гидролокаторы и таким образом собирать нужную информацию. На подводную лодку противника вертолёт наводит свои корабли или сам атакует её.

ДЕСАНТНЫЕ КОРАБЛИ

Американские военно-морские силы строят различные десантные корабли. Их задача, по словам адмирала Замволта, – «перенос военной мощи США через океан и обеспечение там постоянного американского присутствия». Эти корабли перевозят морскую пехоту, танки, десантные катера, на них размещаются и вертолёты.

Советский Военно-Морской Флот имеет различные десантные корабли. Они обладают высокой скоростью хода и малой осадкой, что важно для подхода к берегу и высадки на берег войск, танков, самоходных артиллерийских установок и орудий, бронетранспортёров и автомобилей. Вооружены десантные

корабли скорострельной универсальной артиллерией – для отражения самолётов противника и его лёгких кораблей, а также для стрельбы по огневым точкам на берегу, где высаживается десант.

КОРАБЛИ ПРОТИВОМИННОЙ ОБОРОНЫ

По-прежнему важная роль отводится минному оружию. Поэтому строятся и совершенствуются корабли-заградители и корабли-тральщики. На нашем флоте корабли противоминной обороны вооружены современными средствами поиска, обнаружения и уничтожения различных мин. Они обладают высокими мореходными качествами и могут длительное время находиться в море.

* * *

Ни на день, ни на час не прерывают морские державы работу по усовершенствованию кораблей и их оружия. Толща морской воды оказалась самой надёжной защитой корабля от современных средств обнаружения и поражения. Поэтому за рубежом учёные и военные инженеры ищут способы делать такие ракетоносцы, чтобы они ходили под водой со скоростью 100 узлов и погружались бы на целый километр. Замышляется ими постройка подводного танкера, подводного десантного корабля и погружающегося авианосца.

Скорости современных надводных кораблей, как считают иностранные специалисты, недостаточны, чтобы вести преследование подводных лодок. Надежды их возлагаются на корабли на подводных крыльях и на воздушной подушке, которые движутся со скоростью 60-90 узлов. К тому же они почти бесшумны, подводная лодка не обнаруживает их, а взрыватели обычных торпед не реагируют на их малые физические поля.

Англичане изучают возможности применить против подводных лодок дирижабли. Заправляясь в воздухе, дирижабль сможет вести непрерывный поиск лодок. Его грузоподъёмность велика – значит, он будет «до зубов» вооружён противолодочным оружием и в полной мере оснащён радиоэлектронной и акустической аппаратурой. Есть мнение, что дирижабли смогут охранять от подводных лодок конвои, заменив противолодочные авианосцы.

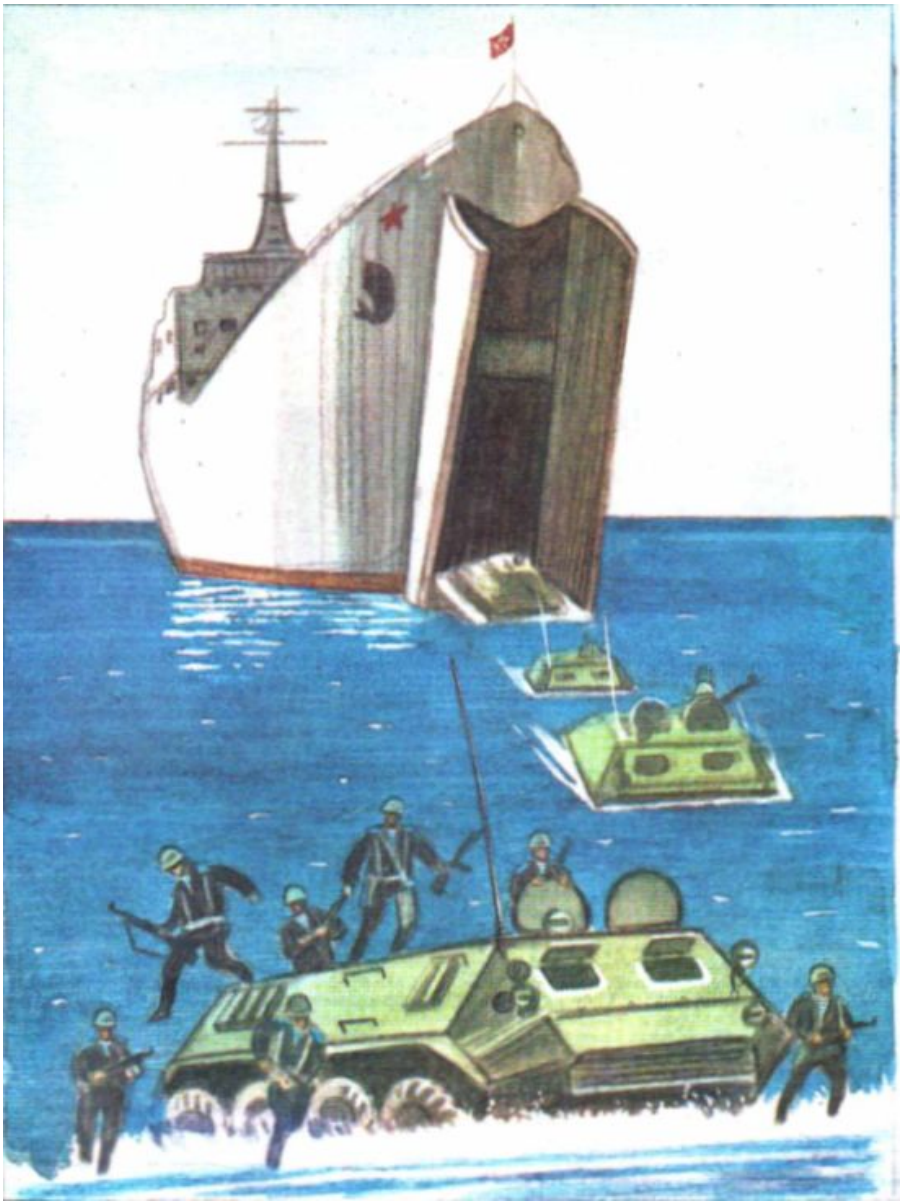
Громадные средства тратят империалисты на подготовку к новой войне. Им всё кажется, что они смогут создать оружие,

которое обеспечит для них беспроигрышную войну. В эти опасные для судеб человечества времена перед Советской страной стоит задача – держать свои Вооружённые Силы, в том числе Военно-Морской Флот, в таком состоянии, чтобы агрессоры ни на минуту не усомнились, что наш ответ на агрессию будет беспощадным ударом. Вооружённые Силы СССР надёжно исполняют свой долг перед народом, зорко стоят на страже мира.

ИМЕНА, ЗОВУЩИЕ НА ПОДВИГ

Издавна принято называть корабельный флот морским. Это название останется и дальше, но правильнее было бы теперь называть наши корабли Военно-Океанским Флотом. Все океаны – с полярными льдами, с тропической жарой, с грозными тайфунами, солнечными штилями – теперь подвластны кораблям, идущим под бело-голубым флагом с красной звездой, с красным серпом и молотом. Благодаря заботам Коммунистической партии наш военный флот стал таким могучим, что невозможно не гордиться им, как одним из самых значительных дел советского народа. Извечным хозяевам океанов – флотам США и Англии пришлось смириться с тем, что корабли Советской державы ходят там, где им нужно и когда нужно.

Смотрят на наши корабли простые люди разных стран и восхищаются: стремительные очертания кораблей говорят об их быстроходности, мачты с ажурными сферами локаторов – о техническом совершенстве, пусковые установки – о грозной мощи справедливого оружия. Когда люди видят наших моряков, то думают об их доброте и мужестве, о выучке и бдительности. Ещё думают об их готовности встретить и преодолеть любой шторм, о готовности, если случится, встретить и победить любого врага.



Высадка морской пехоты.

Кроме флага, украшает корабль имя. Оно зовёт экипаж продолжать и умножать подвиги моряков прежних поколений.

Главную ударную силу нашего флота составляют атомные подводные ракетоносцы и морская ракетоносная авиация. О замечательных советских атомных подводных лодках свидетельствуют неоднократные плавания подо льдами на Северный полюс и групповой поход атомных лодок в Мировом океане. Грозные корабли прошли тогда 25 тысяч миль, ни разу за

полтора месяца не всплывая на поверхность. Они пересекали экватор, обогнули Южную Америку.

Атомная подлодка, впервые побывавшая на Северном полюсе, называется «Ленинский комсомол». Своё имя лодка унаследовала от лодки-«малютки» – от М-106, построенной на средства, собранные комсомольцами, и действовавшей в годы войны в Баренцевом море. Современные подводные лодки носят имена и других североморских «малюток»: М-104 – «Ярославский комсомолец», М-105 – «Челябинский комсомолец».

К атомному ракетоносцу перешло вместе с гвардейским флагом имя знаменитой лодки Д-3 – «Красногвардеец», той, что на Севере потопила десять транспортов врага.

Одной из задач флота является поиск и уничтожение вражеских подводных лодок. Для этих целей у нас есть противолодочные самолёты и вертолёты и различные корабли. Они построены в последние годы, но имена их привычные. Давним славным именем «Очаков» назван большой противолодочный корабль. Есть противолодочный корабль «Пантера». Ты, конечно, помнишь бой подводной лодки «Пантера» с английскими эсминцами? К большим противолодочным кораблям перешли имена героических черноморских крейсеров – «Красный Крым», «Красный Кавказ» и многих эскадренных миноносцев – «Сообразительный», «Славный», «Сильный»… Противолодочные крейсеры названы именами лидеров – «Москва», «Ленинград»…

Совершенно новыми кораблями флота стали ракетные корабли, предназначенные для борьбы с надводными кораблями противника и его самолётами. Быстрые, с большой дальностью хода, вооружённые управляемыми ракетами, они способны наносить мощные удары далеко от своего побережья. И на этих кораблях дорогие нам имена: «Бойкий», «Гневный», «Бедовый», «Гремящий». Гвардейский ракетный крейсер назван «Варягом». Ещё один ракетный крейсер – «Грозным». Имя «Грозный» носили эскадренные миноносцы – первый доблестно сражался с японцами в 1905 году, второй в годы Великой Отечественной войны на Севере сражался с фашистами.

На нашем флоте есть артиллерийские корабли. Они предназначены действовать вместе с ракетными кораблями, а также самостоятельно – охранять от вражеских лёгких надводных кораблей свои коммуникации и побережье, нести дозорную службу, сопровождать десантные отряды. Десантные корабли идут с морской пехотой, с танками, самоходками, бронетранспортёрами, автомобилями. Хотя у них есть скорострельная артиллерия для отражения вражеских кораблей и

самолётов, помощь артиллерийских кораблей нужна – и на переходе, и при высадке десанта на берег… Память о знаменитых полководцах и флотоводцах – защитниках Отечества хранят современные крейсеры – «Адмирал Сенявин», «Дмитрий Пожарский», «Михаил Кутузов»…

Увековечены в названиях кораблей имена героев Великой Отечественной войны. Плавают по морям и океанам ракетный крейсер «Адмирал Фокин», большие противолодочные корабли «Адмирал Исаков», «Вице-адмирал Дрозд»… Современным плавучим базам подводных лодок даны имена знаменитых моряков-подводников – «Магомет Гаджиев», «Фёдор Видяев», «Виктор Котельников», «Иван Кучеренко», «Дмитрий Галкин»…

Рассказ об именах современных кораблей мы начали с имён, связанных с комсомолом. Прибавим к «Ленинскому комсомолу», «Ярославскому комсомольцу», «Челябинскому комсомольцу» морские тральщики «Приморский комсомолец», «Сахалинский комсомолец», ракетные катера «Кировский комсомолец», «Комсомолец Татарии», «Мичуринский комсомолец». Такое обилие комсомольских кораблей не случайно. Ещё в 1922 году на V Всероссийском съезде РКСМ было решено «принять шефство над Красным Военным Флотом Республики». С того года комсомольское пополнение – самые грамотные парни, самые преданные молодые защитники – пошло на флот. Комсомольцы и теперь составляют подавляющее большинство военных моряков Советской страны. Они на подводных ракетоносцах, на ракетных, артиллерийских, противолодочных, десантных кораблях, на кораблях противоминной обороны, на самолётах-ракетоносцах, на противолодочных самолётах и вертолётах. Они в береговых ракетно-артиллерийских войсках. Они в морской пехоте.

В годы войны комсомольцы были первыми помощниками коммунистов. Опорой коммунистов они являются и теперь – в боевой и политической подготовке, в дальних походах. Современная техника сложна, походы, как всегда, трудные. Например, службу моряков-подводников в океане сравнивают с работой космонавтов на околоземной орбите. Выполнение приказа, как никогда раньше, зависит от дисциплины, организованности, чёткого исполнения обязанностей. Мы с тобой говорили, читатель, как в самые трудные моменты боевой обстановки моряки-комсомольцы вступали в Коммунистическую партию. Традиция эта и в мирное время продолжается на флоте – в дальних походах лучшие молодые моряки становятся коммунистами. В принадлежности к нашей великой партии они черпают силы и вдохновение для служения народу и Родине.

Я думаю о тебе, мой читатель. Мне хочется, чтобы ты стал

моряком, моряком настоящим. Может быть, ты будешь плавать на «Меркурии» – гидрографическом судне или на корабле «Адмирал Макаров», может быть, на крейсере «Октябрьская революция» или на атомной лодке «50 лет СССР». Суть не в классе корабля, не в его размерах. Суть в том, чтобы ты на любой должности, в любом звании был необходим флоту.

«Необходимый флоту моряк!» – пусть этот девиз станет для тебя словно вымпел. Однажды подняв, никогда не спускай своего вымпела. Наградой за это будет любовь и признательность Отчизны. А может быть, твоё имя напишут на борту корабля…

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПОГОНЫ, НАРУКАВНЫЕ ЗНАКИ РАЗЛИЧИЯ И ЭМБЛЕМЫ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА

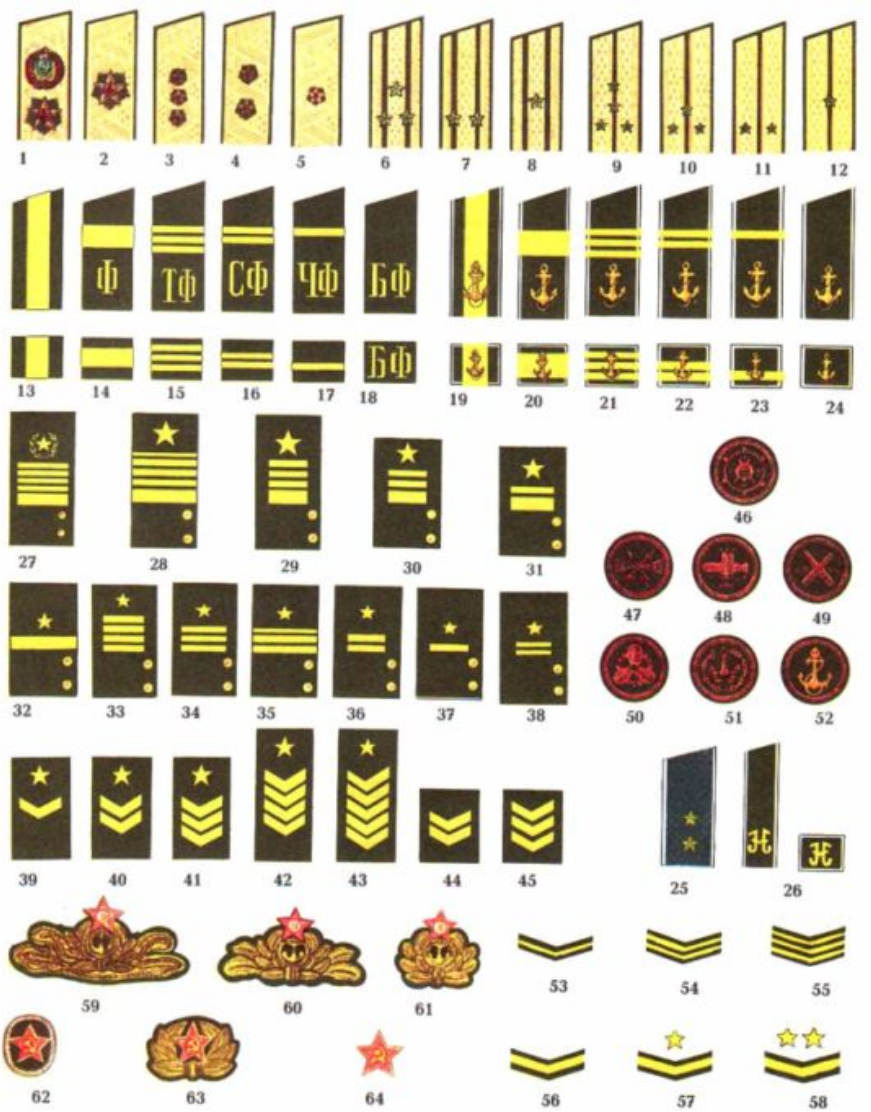


Рис. 1 – 12. ПОГОНЫ АДМИРАЛОВ И ОФИЦЕРОВ ВМФ (К ПАРАДНОМУ И ПАРАДНО-ВЫХОДНОМУ ОБМУНДИРОВАНИЮ):

1. Адмирал Флота Советского Союза; 2. Адмирал флота; 3. Адмирал; 4. Вице-адмирал; 5. Контр-адмирал; 6. Капитан 1-го ранга; 7. Капитан 2-го ранга; 8. Капитан 3-го ранга; 9. Капитан-

лейтенант; 10. Старший лейтенант; 11. Лейтенант; 12. Младший лейтенант.

Рис. 13 – 18. ПОГОНЫ И ПОГОНЧИКИ СТАРШИН И МАТРОСОВ:

13. Главный корабельный старшина; 14. Главный старшина; 15. Старшина 1-й статьи; 16. Старшина 2-й статьи; 17. Старший матрос; 18. Матрос.

Рис. 19 – 26. ПОГОНЫ И ПОГОНЧИКИ МИЧМАНОВ И КУРСАНТОВ ВОЕННО-МОРСКИХ УЧИЛИЩ:

19. Курсант – главный корабельный старшина; 20. Курсант – главный старшина; 21. Курсант – старшина 1-й статьи; 22. Курсант – старшина 2-й статьи; 23. Курсант – старший; 24. Курсант; 25. Мичман; 26. Нахимовец.

Рис. 27 – 38. НАРУКАВНЫЕ ЗНАКИ РАЗЛИЧИЯ АДМИРАЛОВ И ОФИЦЕРОВ КОРАБЕЛЬНОГО СОСТАВА ВМФ:

27. Адмирал Флота Советского Союза; 28. Адмирал флота; 29. Адмирал; 30. Вице-адмирал; 31. Контр-адмирал; 32. Капитан 1-го ранга; 33. Капитан 2-го ранга; 34. Капитан 3-го ранга; 35. Капитан-лейтенант; 36. Старший лейтенант; 37. Лейтенант; 38. Младший лейтенант.

Рис. 39 – 45. НАРУКАВНЫЕ ЗНАКИ КУРСАНТОВ ВОЕННО-МОРСКИХ УЧИЛИЩ И НАХИМОВЦЕВ:

39. Курсант 1-го курса; 40. Курсант 2-го курса; 41. Курсант 3-го курса; 42. Курсант 4-го курса; 43. Курсант 5-го курса; 44. Нахимовец 9-го класса; 45. Нахимовец 10-го класса.

Рис. 46 – 52. НАРУКАВНЫЕ ЗНАКИ РАЗЛИЧИЯ ПО СПЕЦИАЛЬНОСТЯМ. (ШТАТЫ) ДЛЯ МИЧМАНОВ, ПРАПОРЩИКОВ, СТАРШИН, СЕРЖАНТОВ И МАТРОСОВ ВМФ:

46. Специалисты штурманских средств; 47. Специалисты связи и радиотехнических средств; 48. Специалисты минно-торпедных средств; 49. Специалисты артиллерийских средств; 50. Специалисты электромеханических средств; 51. Специалисты всех видов защиты, обеспечения и обслуживания; 52. Нарукавный знак морской пехоты.

Рис. 53 – 58. НАРУКАВНЫЕ ЗНАКИ ПО ГОДАМ СЛУЖБЫ ДЛЯ МИЧМАНОВ И ПРАПОРЩИКОВ ВМФ:

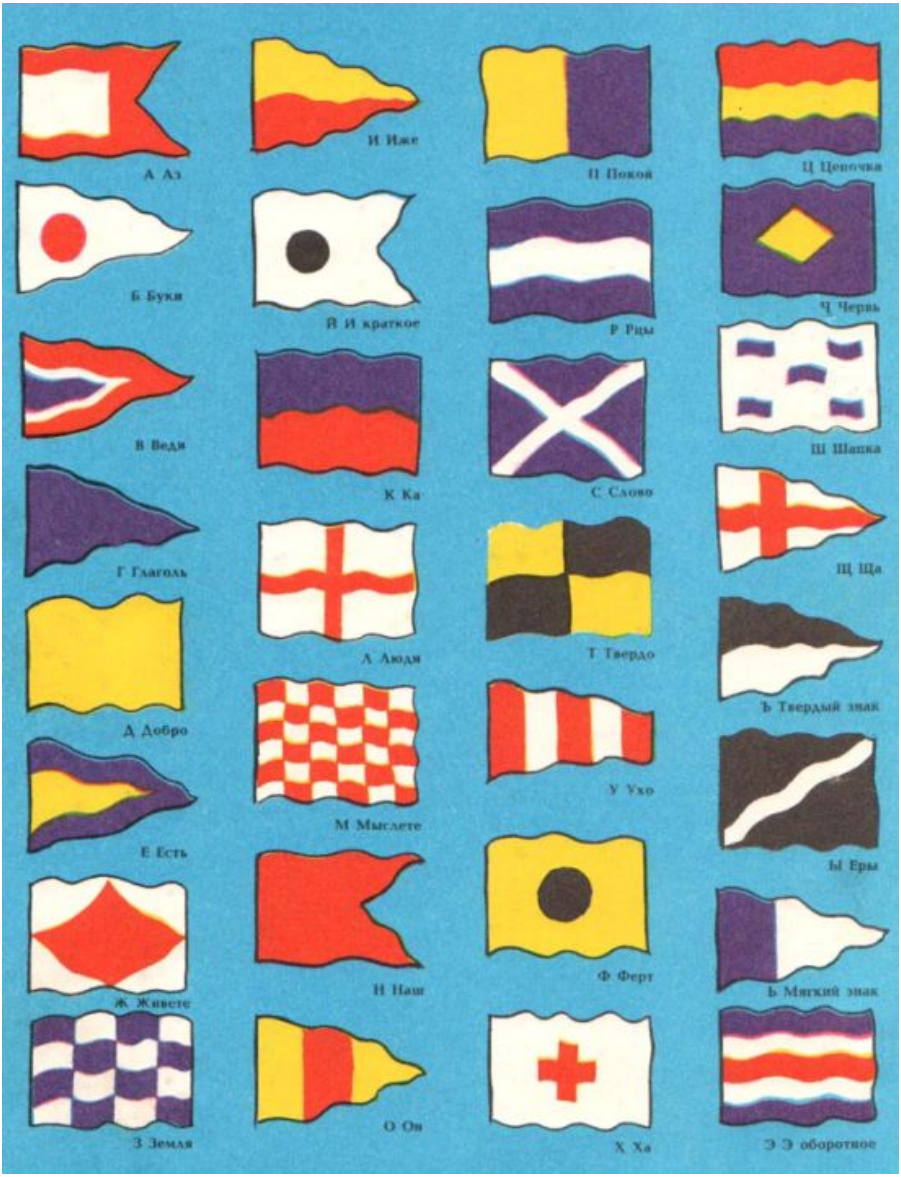
53. На первом году службы; 54. На втором году службы; 55. На третьем году службы; 56. На четвёртом году службы; 57. На пятом – девятом годах службы; 58. На десятом году службы и более.

Рис. 59 – 64. ЭМБЛЕМЫ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ВМФ:

59. Эмблема на парадной фуражке и меховой шапке с козырьком адмиралов Флота Советского Союза; 60. Эмблема к парадно-выходной фуражке и меховой шапке с козырьком

адмиралов и генералов ВМФ; 61. Эмблема к повседневным головным уборам адмиралов и генералов, а также к парадно-выходным и повседневным головным уборам офицеров, мичманов, прапорщиков и военнослужащих сверхсрочной службы ВМФ; 62. Эмблема к головным уборам сержантов и матросов морской пехоты; 63. Звезда и эмблема к фуражке, фуражке-бескозырке и шапке-ушанке; 64. Звезда к пилотке, панаме и берету.

ФЛАГИ ВОЕННО-МОРСКОГО СВОДА СИГНАЛОВ СССР



notes

1

Узел – единица скорости корабля, соответствующая одной миле в час. Морская миля равна 1852 метрам.

2

В старину произносили «Чермное» море. «Чермный» значило тёмно-красный, багровый. Слово в родстве с «червонный», то есть красный, алый.

3

Абукир – мыс на египетском побережье, около этого мыса в 1798 году англичане уничтожили французский флот. Трафальгар – мыс вблизи Гибралтарского пролива, там в 1805 году англичане разбили франко-испанский флот.

«Антанта» – в переводе с французского «Согласие».

5

Вандея – область на западе Франции, там жило много богатых крестьян-кулаков, из которых формировались отряды, отличавшиеся зверствами и жестокостью в борьбе с горожанами – участниками французской революции 1792 года. «Буржуазная гвардия» – французская буржуазия свергла короля при огромной поддержке простого люда, а когда народ потребовал свою долю власти, для борьбы с ним и была создана «буржуазная гвардия».

6

Русский язык – 12, морское дело – 12, морская гигиена – 12, кораблестроение – 12, теория корабля – 12, пароходная механика – 12, электромеханика – 12, морская опись – 12, лоция – 12, навигация – 12, мины Уайтхеда – 12, мины заграждения – 12…